

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1

ТОМ

Под редакцией
проф. В.И. Кузищина

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов вузов, обучающихся
по направлению и специальности «История»

Москва «Высшая школа» 2008

УДК 930:94(5)

ББК 63.3(0)31

И 90

А в т о р ы:

В.И. Кузишин (руководитель авторского коллектива), О.А. Васильева, М.А. Дандамасв, М.М. Дандамасва, В.В. Емельянов, Н.В. Козлова, Н.В. Козырева, И.А. Ладынин, С.С. Соловьёва, И.Р. Тантлевский, О.В. Томашевич, Ю.Б. Циркин, М.А. Чегодасв, В.А. Якобсон

Р е ц е н з е н т ы:

сектор Востока отдела искусства и археологии Древнего мира
ГМИИ им. А.С. Пушкина (зав. сектором д-р истор. наук С.И. Ходжаш);
д-р истор. наук А.Е. Демидчик
(Новосибирский Государственный педагогический университет)

Историография истории древнего Востока: В 2 т. Т. 1:
И 90 Учеб. пособие / В.И. Кузишин, М.А. Дандамаев, Н.В. Козырева и др.; Под ред. В.И. Кузишина. — М.: Высш. шк., 2008. — 719 с.

ISBN 987-5-06-005240-4

В учебном пособии излагается история изучения в мировом востоковедении в основном с середины XIX в. до конца XX в. забытых древневосточных цивилизаций, сформировавшихся в долине Нила и в регионе так называемого «благодатного полумесяца» (в Месопотамии и Восточном Средиземноморье). Основное внимание уделяется изучению современного состояния историографии истории древнего Востока. Предлагаемое пособие является одним из первых в отечественной и мировой литературе.

Для студентов университетов, сотрудников научных учреждений, учителей средних школ, лицеев, колледжей, гимназий и всех интересующихся историей древнего Востока.

УДК 930:94(5)

ББК 63.3(0)31

ISBN 987-5-06-005240-4 © ОАО «Издательство «Высшая школа», 2008

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение. Предмет, источники, периодизация древневосточной историографии (<i>В.И. Кузищин</i>)	5
Раздел I. Древний Египет	17
Глава 1. Дешифровка Ж.Ф. Шампольона и становление египтологии как научного направления в XIX—XX вв. Формирование египтологических школ (<i>О.В. Томашевич</i>)	17
§ 1. Древний Египет в сочинениях античных и средневековых авторов	17
§ 2. Становление египтологии как научной дисциплины (1822—1884)	21
§ 3. Классический период в развитии египтологии (1884—1939)	36
§ 4. Изучение истории и культуры древнего Египта во второй половине XX в.	79
Глава 2. Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии (<i>И.А. Ладынин</i>)	120
§ 1. Политическая история и хронология	120
§ 2. Древний Египет и окружающий мир	131
Глава 3. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти (<i>И.А. Ладынин</i>)	199
§ 1. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной историографии	199
§ 2. Общество и государство в древнем Египте: отечественная историография XX в. (советский и постсоветский периоды)	232
Раздел II. Древняя Месопотамия	276
Глава 1. Основные этапы и направления изучения истории древней Месопотамии (<i>С.С. Соловьёва</i>)	276
§ 1. Путешествия	276
§ 2. Дешифровка клинописи	277
§ 3. Археологическое изучение	281
§ 4. Основные направления работы зарубежных исследователей.	291
§ 5. Ассириология в России	296
Глава 2. Историография истории древней Месопотамии с древнейших времен до конца II тыс. до н.э. (<i>Н.В. Козырева</i> , § 4 — <i>Н.В. Козлова</i>)	310
§ 1. Хронология и периодизация.	312
§ 2. Географические названия	315
§ 3. Историография истории Месопотамии V—IV тыс. до н.э.	317
§ 4. Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV—III тыс. до н.э.	331

§ 5. Основные направления изучения политической и социально-экономической истории Месопотамии III тыс. до н.э.	359
§ 6. Историография истории Месопотамии старовавилонского периода.	422
§ 7. Историография истории Вавилонии средневавилонского периода (вторая половина II тыс. до н.э.)	451
Глава 3. История Ассирии в свете ассириологических исследований XIX–XX вв. (<i>В.А. Якобсон</i>).	457
§ 1. Основные источники по истории Ассирии и развитие ассириологических исследований в XIX и XX вв.	486
§ 2. Староассирийский период (XX–XVI вв. до н.э.)	488
§ 3. Среднеассирийский период (XV–XII вв. до н.э.)	491
§ 4. Новоассирийский период. Создание и гибель мировой империи (IX–VII вв. до н.э.)	501
Глава 4. Новоассирийские архивы: расширение базы ассириологических исследований в конце XX в. (<i>М.А. Дандамаев</i>)	521
Глава 5. Нововавилонское царство в современной историографии (<i>М.А. Дандамаев</i>).	532
§ 1. Элементы исторического мышления в Вавилонии	533
§ 2. Археологические исследования	535
§ 3. Историография XIX и начала XX в.	538
§ 4. Основные направления современных исследований.	540
Глава 6. Ассирия и Вавилония в античной традиции (<i>М.М. Дандамаева</i>)	551
Глава 7. Религия древней Месопотамии в современной историографии (<i>В.В. Емельянов</i>).	572
§ 1. Основные тенденции в исследовании месопотамской религии.	572
§ 2. Основные проблемы в изучении месопотамской религии	579
Раздел III. Восточное Средиземноморье в древности	629
Глава 1. Историография Финикии, Угарита и Сирии (<i>Ю.Б. Циркин</i>)	629
§ 1. Историография Финикии до 60-х гг. XX в.	629
§ 2. Современный этап финикийской историографии.	640
§ 3. Исследования Угарита и Сирии III–II тыс. до н.э.	652
§ 4. Историография неохеттских и арамейских государств Сирии.	657
Глава 2. Историография истории древнего Израиля и Иудеи (<i>И.Р. Тантлевский</i>)	663
§ 1. Библейская историография	664
§ 2. Иудейская историография эпохи эллинизма и раннеримского периода.	677
§ 3. Историография истории Израиля и Иудеи в период поздней античности, средние века и в XVI–XVII вв.	685
§ 4. Изучение истории евреев в XVIII–XIX вв.	689
§ 5. Историография истории древнего Израиля и Иудеи в XX в.	692
§ 6. Некоторые основные направления современных исследований по истории древнего Израиля и Иудеи.	695

ВВЕДЕНИЕ

Предмет, источники, периодизация древневосточной историографии

Термин «историография» состоит из двух греческих слов: «*история*» и «*графо*» («пишу») и буквально означает «описание исторических событий», т.е. собственно понятие «история». Однако в настоящее время под историографией понимается не изложение исторических событий, например в шумерийских государствах III тыс. до н.э. или египетском государстве III—II тыс. до н.э., а толкование этих событий в современной науке, т.е. историческая современная мысль. Если собственно история тех или иных стран древнего Востока стремится адекватно «воссоздать» общество, государственность и культуру, как *они были* в далекой действительности, то историография древнего Востока исследует, как *изучалась* история этих стран.

Историография — одна из частей современной исторической науки как большого целого, состоящего из нескольких самостоятельных дисциплин, которые, являясь ее органическими частями, вместе с тем имеют свою специфику и занимают автономное место, например источниковедение, археология, этнография и др. Известная самостоятельность этих исторических дисциплин определяется наличием своего предмета, особых приемов исследования, набором специфических источников.

Конечно, выделение автономных исторических дисциплин **внутри** большой системы науки не исключает их тесную **взаимосвязь**. Нельзя, например, представить состояние историографии в **тот** или иной период вне связи с исследованием реального исторического процесса, так же как невозможно понять состояние исторической мысли без рассмотрения источниковой базы и источниковедения. Расширение или открытие новых категорий источников, более глубокое исследование имеющегося корпуса

источников, совершенствование методов источникового анализа, в частности использование технических и естественнонаучных методов исследования, есть одно из проявлений исторической мысли данной эпохи и непосредственно составляет предмет историографии как таковой.

Историография истории древнего Востока является частью мировой историографии как особой научной дисциплины, и ее становление и развитие наряду с различными характеристиками определяются также и совершенствованием методов исследования в других разделах истории. Так, на формирование древневосточной историографии большое влияние оказала историография античной истории, которая интенсивно развивалась в Европе со времени Возрождения и к середине XIX в. выработала совершенные для своего времени методы исследования, довела европейскую историческую мысль до зрелости, что было использовано и успешно применялось исследователями других разделов мировой истории, в том числе истории стран древнего Востока. Вместе с тем методы исследования сложного и фрагментарного корпуса древневосточных источников, богатой и своеобразной истории древнего Востока не могли не обогащать и другие ветви мировой историографии, например антиковедение.

Одной из важнейших особенностей историографии древнего Востока является ее органическое объединение с филологическими штудиями. Так, до настоящего времени является популярным и широко используется термин «востоковедение», значение которого указывает на единство истории, филологии, включая литературу, языковедение, культурологию и религиоведение, причем степень такого единства в востоковедении более органична, чем даже в антиковедении. Это единство объясняется, с одной стороны, особенностями корпуса источников по истории стран Востока, преобладанием среди них литературных и религиозных текстов, а с другой — необходимостью проведения дешифровок и трудоемкого комментирования забытых систем древневосточной письменности, которые потребовали гигантского объема работы именно языковедов и филологов. Большой удельный вес лингвистических штудий, неясность смысла многих ключевых текстов, высокая вероятность новых интерпретаций ключевых понятий древневосточной истории, таких как «община», «рабство», «дееспотия» и др., в целом придают историографии народов древнего

Востока особенно дискуссионный, незаконченный, текучий характер по сравнению с историографией, например, греческих полисов или римского общества.

Особенностью исторических штудий по истории древнего Востока является наличие двух направлений ее развития: существование *европейской* и *«местных»* школ. Особенно это касается истории таких стран, как Индия и Китай, где изучение древнейших периодов истории и культуры занимало немаловажное место в общей системе их культур. Возникновение европейской историографии древнего Востока определялось многими причинами, в том числе и той, которая была связана с потребностями колониальной администрации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Европейская историческая наука привнесла в изучение стран древнего Востока сложившиеся традиции и методы исторического анализа. История стран древнего Востока исследовалась через ту систему понятий и представлений, которые были выведены из изучения собственно античной и европейской истории («рабство», «феодализм», «капитализм», «республика», «монархия», «империя» и др.). Вся эта система фундаментальных понятий была перенесена и на изучение восточной, в том числе и древневосточной, истории.

Научный европоцентризм усваивался и кадрами местных национальных историков (египетскими, индийскими, китайскими), поскольку многие из них проходили обучение в европейских или американских университетах и воспитывались в традициях европейской историографии. Однако национальная историография об истории своей страны — Персии, Индии, Китая или Японии, — имела и свою специфику, свои традиции и подходы, свое понимание многих ключевых сторон национальной истории, и со второй половины XX в. ее можно рассматривать как одно из влиятельных направлений мировой историографии истории древнего Востока.

Одной из ключевых особенностей историографии мировой истории, ее отдельных периодов или отдельных регионов, в том числе и обширного региона древнего Востока, является ее прямая зависимость от господствующих в обществе философских и социологических концепций. Так, например, влияние философских идей Гегеля предопределило особый подход многих историков XIX в. к интерпретации материала и объяснению исторического процесса. Особенно сильное воздействие философской концепции

на общий характер историографии XX в. можно видеть на примере советской историографии, которая формировалась на основе исторического материализма и которой советская наука обязана как своими сильными, так и слабыми сторонами. Конечно, неправомерно сводить всю историографию того или иного периода к подчинению какой-то одной философской концепции. Скорее, можно говорить о своего рода философском плюрализме, воздействии нескольких теорий (философских, например, если говорить о современной эпохе: интуитивизма, экзистенциализма, неопозитивизма, историософии Тойнби, марксизма), которых придерживаются отдельные исследователи, отдельные научные школы или даже целые национальные историографии (например, расистская историография в фашистской Германии 1930—1940-х гг.). Во всяком случае, историография как историческая дисциплина в большей степени зависит от господствующих философских концепций, чем другие исторические дисциплины, такие как источниковедение, археология и др., хотя идеологические концепции оказывают свое влияние и на них.

Как особая историческая дисциплина историография имеет специфический набор источников. Основой основ историографических штудий являются труды, описывающие исторический процесс, исследующие экономическую, социальную, политическую, культурную и религиозную историю тех или иных конкретных стран, в частности древнего Востока. Однако наряду с этими главными источниками совершенно необходимыми являются произведения наиболее влиятельных философов, концепции которых определяют направление исследования исторического процесса отдельных ученых или научных школ (Г. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, А. Тойнби и др.).

При историографических разысканиях важными являются архивные материалы, касающиеся жизни и деятельности тех или иных историков, особенно наиболее крупных из них, таких, как Ф. Шампольон, Э. Мейер, Дж. Брестед, Б.А. Тураев, Г. Винклер и др. Ведь развитие исторической науки, возрастание качества исторического познания — это не безличностный процесс, в нем участвуют наиболее выдающиеся исследователи, которые как представители своей эпохи наиболее адекватно выражают ее общественно-культурную систему, формирующую творческие потенции данного исследователя.

Состояние и характер историографических исследований во многом зависят от объема исторических источников и состояния источниковедения как науки в целом. Так, например, преобладание источников религиозного содержания и официальной литературы, филологических и лингвистических методов исследования обусловили интенсивный интерес к проблемам культурной и религиозной истории, отодвинули в тень изучение социально-экономических отношений и сделали именно эту область исторического знания о древнем Востоке особенно дискуссионной. Одним из последних примеров воздействия новой интерпретации источников на направление исторических исследований является переосмысление корпуса данных об индоевропейской проблеме, предложенное В.В. Ивановым и Т. Гамкрелидзе, которое должно привести к переработке многих выводов ближневосточной истории IV—II тыс. до н.э.

Развитие историографии древнего Востока в полной мере началось в XIX в. и было связано с дешифровкой древнеегипетской иероглифики, вавилонской клинописи и блестящих археологических открытий памятников древнеегипетской и месопотамской культуры. С начала XIX в. и до настоящего времени продолжается накопление самых разнообразных материалов, дешифрованы другие системы письменности, прокомментированы и установлены тексты большей части сложных письменных материалов, изданы многотомные корпуса разнообразных категорий источников, исследуются различные стороны древневосточных обществ. За два столетия историография истории древнего Востока проделала стремительный путь развития от случайного набора обрывочных фактов до особой научной дисциплины, которая мало уступает историографии античности, византиноведению, медиевистике и многим другим разделам мировой историографии.

Процесс развития историографии древнего Востока прошел несколько этапов, каждый из которых характеризуется своими особенностями и чертами. Эти особенности определяются общим уровнем мировой исторической науки и общественной мысли, объемом имеющихся источников и состоянием источниковедения, наличием исследовательских кадров и главными задачами в развитии данной отрасли исторической науки в каждый период.

Первый этап древневосточной историографии охватывает время с начала XIX в. до 80-х гг. XIX в. Он характеризуется первыми

шагами древневосточной историографии, первыми подходами к изучению древневосточных обществ. Для истории древней Индии он связан с деятельностью У. Джонса и Ф. Боппа, которые обосновывали гипотезу родства санскрита и древнеперсидского с греческим и латинским языками, изданием и переводом на европейские языки многих памятников древнеиндийской литературы, в том числе и древнейшей — ведийской. С 20-х гг. XIX в., после первых опытов Ф. Шампольона началась дешифровка древнеегипетской иероглифики, а затем и вавилонской клинописи, в результате раскопок были обнаружены многие города, поселения и храмы, особенно в долине Нила и в Месопотамии, найдено большое количество письменных материалов, ставших предметом специальных исследований. Первый период был временем накопления фактического материала, когда перед изумленной Европой начали открываться контуры блестящих древневосточных цивилизаций, и прежде всего древнеегипетской, древневавилонской (и ассирийской) и древнеиндийской.

Второй этап в науке о древневосточной истории продолжался с 80-х гг. XIX в. до начала Первой мировой войны. Это один из самых плодотворных, классических периодов в формировании древневосточной историографии. Он характеризуется целым рядом особенностей, и прежде всего огромным интересом европейского общества и европейских государств к изучению древневосточной истории. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что именно в это время произошло основание главных колониальных империй: Британской, Французской и Германской, правительства которых считали своим долгом для нужд колониальной администрации знать обычаи, традиции, историю, в том числе и древнейшую, народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Правительства Англии, Франции и Германии, а затем и США стали выделять на раскопки и научную разработку истории стран Востока значительные финансовые и материальные средства. В области древневосточной историографии появилась целая плеяда выдающихся ученых: Г. Масперо, Э. Мейер, Ф. Питри, Б.А. Тураев, Г. Винклер, де Морган, Л. Вулли, Дж. Маршалл, В. Смит, А. Масперо и др. Изучение и подготовка кадров в европейских университетах в области древней истории Востока стала занимать все более заметное место. В сфере собственно научной разработки древневосточной истории в данный период получили

развитие новые, более зрелые методы исследования, в частности, были сформулированы главные принципы научных изданий, предполагавшие использование всего арсенала источниковедческих приемов, накопленных мировым источниковедением в области антиковедения, медиевистики, создание своих собственных методов исследования. В данный период были установлены, прочитаны и научно прокомментированы практически все известные к тому времени тексты, а их издания приняли классический характер в виде собрания многотомных корпусов, изучение которых позволяло оптимальным образом использовать данные категории источников.

Еще одной особенностью древневосточной историографии этого периода стало внедрение более совершенной методики археологического обследования на обширных площадях, тщательной обработки и хранения добытого материала, интерес не только к монументальным постройкам, произведениям высокого искусства или письменным памятникам, но и к изучению рядового материала.

В Берлине, Лондоне и других городах Европы, в Каире, в Лувре и Эрмитаже появляются роскошные коллекции восточных древностей, которые тщательно изучаются.

На основе богатой источниковой базы, совершенствования источниковедческих методов, освоения специалистами философских концепций, главным образом позитивизма, создаются выдающиеся исследования собственно исторических сюжетов, и прежде всего религиозно-культурных и политических. В мировой литературе появляются такие фундаментальные работы, как «История народов классического Востока» Г. Масперо, т. I–III (1895–1899), «История древности» Э. Мейера, т. I–V (1884–1910), «История древнего Востока» Б.А. Тураева, т. I–II (1912–1913), а также сводные труды по отдельным регионам древнего Востока — «История Египта с древнейших времен» Флиндерса Питри, т. I–III (1894–1905), «История Египта» Д. Брестеда, т. I–II (1905) и его же «Памятники древнего Египта», т. I–V (1906–1907), «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества» Г. Винклера (1903), «История Шумера и Аккада» Л. Кинга (1916), его же «История Вавилонии» (1915), «Ранняя история Индии» В. Смита (1904) и его же «Буддийская Индия» (1903). В этих трудах разрабатывается собственно история древневосточных государств,

закладываются основы событийной, фактологической и концептуальной истории.

Третий этап древневосточной историографии охватывал межвоенный период, с конца 10-х до конца 30-х гг. XX в. В это время произошло существенное изменение в мировой исторической науке и в общественной мысли. Оно выразилось в расколе ранее более или менее единого историографического процесса. Появилось несколько различных направлений, занимавшихся исследованием древнейших стран с разных позиций: традиционная историография, которая продолжала обогащать наследие прошлого довоенного периода; марксистское направление, сформировавшееся в Советском Союзе, и расистская историография, на позициях которой стояли многие германские и итальянские специалисты.

Противоборство этих направлений сопровождалось ожесточенной, в значительной степени политизированной полемикой, а борющиеся стороны зачастую стремились не столько к выяснению объективной истины, сколько к созданию из своих научных противников образов идеологических и политических врагов. Менее политизированным и потому более плодотворным для научного исследования оказалось традиционное направление, продолжавшее лучшие традиции предшествующей историографии. Широкомасштабные раскопки на больших площадях привели к открытию новых цивилизаций, были найдены новые материалы, например по истории таких крупных государственных образований, как Хеттская империя, государство Урарту, древнейшая государственность Египта (IV—III тыс. до н.э.) и Месопотамии (раскопки Л. Вулли). В Индии была открыта древнейшая цивилизация с центрами в Мохенджо-Даро и Хараппа. Резко возросло общее количество самых различных категорий источников, включая дешифровки многих текстов, ранее плохо поддававшихся пониманию (например, древнешумерийских). Важной особенностью традиционной школы древневосточной историографии стало переосмысление роли древневосточных культур в свете концепции мировых цивилизаций, которая в общей форме была высказана О. Шпенглером в его книге «Закат Европы» (1922), а затем развернута в научную теорию А. Тойнби («Исследования истории», т. I—XII; до войны вышло четыре тома). Согласно этой теории, древний Восток признавался регионом, в котором сформировались

и прошли сложный и самостоятельный путь несколько независимых цивилизаций: древнеегипетская, вавилонская, иудейская, иранская, индийская, дальневосточная и др. Принципиальным положением теории Тойнби был тезис о равноправии всех древневосточных и западных цивилизаций. Тем самым был нанесен удар по концепции, со времен Гегеля утверждавшей существование глубоких противоречий между Западом и Востоком, извечного превосходства Запада над Востоком. Бесспорно, появление теории Тойнби объяснялось глубоким кризисом колониальной системы, ростом национального сознания и освободительного движения в колониальных странах Азии, Африки и Латинской Америки. Рост национального сознания способствовал пробуждению огромного интереса к национальной истории и ее истокам, способствовал появлению, правда пока еще немногочисленных, кадров национальных историков. Однако большая часть национальных историков, будь то египтяне, индийцы или китайцы, как правило, были учениками европейских специалистов, получали подготовку в европейских университетах и работали в русле европейской исторической школы. Традиции национальных историографий только начинали складываться.

Четвертый этап. Опустошительная Вторая мировая война прервала научные исследования в области истории древнего Востока. С ее окончанием произошли крупные изменения в мире и, в частности, в развитии общественных наук, в том числе и в исторической науке. Разгром фашизма и его расистской идеологии, чудовищные разрушения опустошительной бойни в истории человечества способствовали проникновению и утверждению в общественном сознании выстраданных мировой историей идей мира и гуманизма, безвоенного, основанного на уважении человеческих прав всех людей мира. Рухнула мировая колониальная система, возникли самостоятельные суверенные государственные образования многих, ранее поработенных народов Азии, Африки, Латинской Америки, произошел мощный взрыв национального сознания. Все это не могло не повлиять на культурное и духовное развитие новых наций и их цивилизаций. Пробудившиеся к самостоятельной государственности и культурному творчеству народы стран Азии, Африки, Латинской Америки в целом сохраняли лояльные отношения со своими бывшими метрополиями и их культурами, хотя дело не обходилось без локальных конфликтов,

междоусобиц, а в идеологической сфере — эксцессов желтого, черного или другого расизма.

Важным фактором общественного развития после войны явилось создание социалистической системы во главе с Советским Союзом, в рамках которой в качестве господствующей идеологии утвердился марксизм-ленинизм в его догматической сталинской редакции. Развитие общественной мысли, исторической науки в целом и истории древнего Востока, в частности в социалистических странах Европы и Азии (в Китае, Вьетнаме), происходило на основе материалистической концепции мировой истории, а история стран древнего Востока понималась как история рабовладельческой общественно-экономической формации.

Рост национального сознания, глубокий интерес к истокам своей национальной истории во многих странах Востока активизировали научные изыскания в целом, которые никогда не прекращала европейская (включая США) наука. Это приводило к новым грандиозным раскопкам и блестящим открытиям, к мастерскому изданию многих письменных памятников и появлению многочисленных конкретно-исторических исследований по самым различным аспектам исторического процесса древневосточных стран. Конкретные данные об этом будут приведены в соответствующих главах книги. Здесь же отметим лишь несколько новых особенностей в состоянии мировой историографии древнего Востока: отказ от односторонности в подходе к историческому процессу разных стран, интерес мировой науки к разным его сторонам, в частности к социально-экономическим отношениям, которые признаются в качестве важных компонентов исторического процесса наряду с политическими отношениями, сферой культуры и религии. Важным направлением историографических штудий стал повышенный интерес к доисторическим или протоисторическим корням древневосточных цивилизаций, вызванный блестящими археологическими открытиями в Малой Азии и Северной Месопотамии, Китае и Индокитае. Благодаря этому появилась возможность исследовать длительные периоды их исторического развития, воссоздать его *процесс*.

Большое значение в науке приобрело изучение контактов и взаимовлияния древневосточных и античной цивилизаций и тесно связанный с этим вопрос об историческом наследии народов древнего Востока в истории мировой цивилизации.

Характерной особенностью развития мировой науки стало укрепление национальных школ (в Китае, Японии, Вьетнаме, Индии и др.) в исследовании древнейших периодов своей истории, осмысление опыта европейской науки о древнем Востоке, изучение национальных культурных традиций.

Развитие научной мысли в послевоенный период, причем как в европейской науке, так и в национальных школах (например, Индии, Китае), открывшее глубокое своеобразие общества и культур древнего Востока и их отличия от европейских обществ и культур, порождало неудовлетворенность состоянием научного понимания многих сторон древневосточной цивилизации в рамках понятий, которые сложились в европейской науке под влиянием исследований античной и европейской истории («рабство», «феодализм», «капитализм», «республика», «гражданство») и зачастую переносятся на аналогичные явления древневосточных обществ без логической критики. Эта неудовлетворенность научным европоцентризмом в 1960-х гг. вызвала оживленную дискуссию об азиатском способе производства. Вспыхнувшая в кругах марксистских или близких к марксизму ученых, она, по существу, отражала общее состояние мировой историографии о древнем Востоке, включая и традиционное направление. Эта дискуссия, на первый взгляд не приведшая к каким-то конкретным историческим выводам, сыграла роль важного рубежа в развитии всей мировой науки о древнем Востоке. Она подвела своеобразный итог предшествующего, четвертого, этапа историографии и положила начало *новому современному периоду ее развития*. Эта дискуссия закрепила положение о глубоком своеобразии древневосточного общества и древневосточной цивилизации по сравнению с античной, а восточный путь развития (включая Африку и Латинскую Америку) определила как специфичный по отношению к европейскому, тем самым преодолев если не окончательно, то весьма существенно тот научный европоцентризм, о котором говорил в свое время Н.И. Конрад. Для традиционной историографии эта дискуссия привела к существенному пересмотру теории цивилизаций А. Тойнби и выходу на новые теоретические рубежи, которые можно определить как рубежи теоретического плюрализма.

Итоги этой дискуссии привели к отказу от догматов теории общественно-экономических формаций, в частности теории рабовладельческой формации. В настоящее время получает распространение

концепция множественности путей развития цивилизации и классовых обществ древнего Востока и происходит известное сближение теоретических позиций современных подходов и традиционной прогрессивной историографии. Это сближение, бесспорно, способствует процессу познания сложной и во многом до сих пор загадочной цивилизации древневосточных народов и обогащению современного этапа развития мировой историографии новыми истинами в познании древнего Востока.

В современной историографии истории древнего Востока все большее признание и проявление получают гуманистические и либеральные тенденции в изучении древневосточной цивилизации, понимание ее не просто как чего-то абстрактного и нейтрального по отношению к последующему историческому процессу, а как одной из важных основ современной мировой цивилизации в целом.

РАЗДЕЛ I

Древний Египет

ГЛАВА 1

Дешифровка Ж.-Ф. Шампольона и становление египтологии как научного направления в XIX–XX вв. Формирование египтологических школ

§ 1. Древний Египет в сочинениях античных и средневековых авторов

Принято считать, что история как наука зарождается впервые в древней Греции. Действительно, отношение народов древнего Востока к истории отличается от европейского, но не следует думать, что этого отношения не было вообще. С глубокой древности здесь развивалась анналистика (Палермский камень, царские списки). В определенном смысле историю египтологии можно начинать, по крайней мере, с изысканий сына Рамсеса II, верховного жреца бога Птаха по имени Хаэмуасет (XIII в. до н.э.), расчищавшего, изучавшего и реставрировавшего памятники древних некрополей, чему остались эпиграфические свидетельства в Саккаре. Впоследствии про него — великого мудреца и чудотворца — будут рассказывать сказки. Персидские, македонские и римские владыки страны из политических и религиозных соображений также реставрировали или воссоставляли некоторые древние памятники.

Египет постоянно привлекал внимание античных авторов — начиная с Гомера. Особо ценные и относительно подробные свидетельства о долине Нила оставили Геродот (ок. 484–425 гг. до н.э.; Египту посвящена II книга его «Истории»), Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг. до н.э.; I книга «Исторической библиотеки»), Страбон (ок. 64 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.; XVII книга «Географии»), Плиний Старший (23/24–79 гг.; «Естественная история») и

Плутарх (ок. 46—119 гг.; трактат «Об Исиде и Осирисе»). Скрытые, невидимые для античников «египтизмы» есть у Платона — не случайно сами греки про многих знаменитых мыслителей древности (Пифагора, Солона, Фалеса и самого Платона) рассказывали, что они были в Египте и учились у жрецов. Выше перечисленные и многие другие сочинения античных авторов, пережив период гиперкритики, в настоящее время получают все больше подтверждений по мере роста количества других свидетельств и пополнения наших знаний о древнем Египте поздних эпох.

Совершенно особое место в античной историографии Египта принадлежит жрецу из Себеннита Манефону (первая половина III в. до н.э.) [Manetho, 1948], написавшему по заказу Птолемея I трехтомную историю своей страны. И сейчас мы следуем за Манефоном, деля историю Египта на 3 царства и династии («дома»; сравнение с Туринским царским списком показывает, что он исходил из древней традиции анналов). Ученый жрец, несомненно, имел доступ к архивным документам, почти не сохранившимся до нашего времени, и довольно своеобразным: они, например, содержали легенды и мифологические рассказы о богах и царях. Но его бесценный уникальный труд погиб в древности при одном из пожаров Александрийской библиотеки. В работах раннехристианских авторов остались лишь фрагменты из труда Манефона — списки царей (у Секста Юлия Африкана, Евсевия Памфила, Иоанна Малалы, Георгия Синкелла; хроники двух последних были хорошо известны в древней Руси). Иосиф Флавий, читавший не только сокращенный, но и полный вариант труда Манефона, приводит цитаты из него, касающиеся нашествия гиксосов. Другие приписываемые Манефону сочинения о религии и культуре Египта, до нас не дошли.

Также особое, но в ином смысле, место принадлежит Хораполлону (IV—V вв.) — автору трактата в двух книгах «Иероглифика», сбившего с толку немало ученых, пытавшихся дешифровать древние тексты. Курьез состоит в том, что в распоряжении европейцев всегда находился «ключ» к дешифровке — сохранившийся в истории императоров Аммиана Марцеллина (IV в.) правильный перевод (некого Гермapiона) иероглифической надписи на одном обелиске, вывезенном в Рим. Однако ему не доверяли, и вслед за Хораполлоном многие, даже А. Кирхер (о нем ниже), пытались «читать» иероглифы как исключительно символическое письмо.

Не только труды античных авторов, но и герметические трактаты (их центральным персонажем был бог мудрости и письма Тот — Гермес Трисмегист), впитавшие в себя, помимо египетской, античные и другие религиозно-философские традиции первых веков н.э., составили связующее звено между древним миром и эпохой Ренессанса. Египет всегда был окружен мистическим ореолом, и многие сочинения о нем создавались и создаются в этом духе, как например популярная некогда книга о путешествии французского врача Ж. де Мандевилля (XIV в.), полная сведений о всяких невообразимых чудесах, одноногих людях и невиданных зверях (полагают, что сам он в долине Нила не бывал).

В Европе главным источником сведений о Египте до дешифровки древневосточных письменностей являлась Библия. Даже пирамиды считались житницами Иосифа, что нашло отражение в изобразительном искусстве (мозаика в соборе Св. Марка в Венеции). Одна из стран, составляющих единый со Святой Землей регион как в географическом, так и в духовном смысле, Египет был целью крестовых походов и паломничества. Хотя в ту пору европейцы прежде всего сталкивались, естественно, с мусульманской культурой, в их сочинениях много рассказов об удивительных древних монументах (бывали там и русские: в середине XV в. до Египта добрался инок Варсонофий из Киева, кратко описавший пирамиды; интересные сведения о них сообщают арабские историки: аль-Масуди, X в.; Ибрагим ибн Васиф-шах и аль-Кайси, XII в.; Ибн-Халдун, XIV в.) [см.: Петровский, 1986]. Европейские путешественники привозили из дальних странствий не только христианские святыни, но и странные языческие вещицы. В богатых домах возникают домашние «кунсткамеры» — прообразы музеев, где с природными «диговинками» соседствовали произведения искусства, религиозные реликвии и прочие предметы разных времен и народов. Например, много странствовавший по Средиземноморью в начале XVII в. Пьетро делла Валле вывез из Египта в Италию мумии и коптские рукописи.

Среди предшественников Ж.-Ф. Шампольона первым, не только по хронологии, но и по значению, следует назвать имя «отца коптологии», немецкого ученойшего иезуита Афанасия Кирхера (A. Kircher, 1602–1680). Он работал в Риме, где с античных времен имеются подлинные египетские памятники, например много обелисков с надписями, а также римские монументы

императорской эпохи, связанные с культами египетских богов. Кирхер был необыкновенно разносторонним и талантливым человеком, изобретателем машин, собирателем древностей (его коллекция поступила в египетское собрание Ватикана). Его труды по коптской грамматике (а именно он определил коптский как последнюю стадию древнеегипетского языка), публикации его коллекций, иероглифических надписей на обелисках и др. привлекли внимание к культуре долины Нила и ее таинственным и красивым иероглифам.

Постепенно начинается серьезное исследование древностей, и одним из пионеров в этой области стал Джон Гривс (J. Greaves, 1602—1652), английский математик, астроном, знаток восточных языков, автор «Пирамидографии» (Лондон, 1646) — подробного описания пирамид Гизы с данными измерений и учетом сведений как античных, так и арабских авторов.

Так еще в XVII в. намечается первое разделение в специализации: одни в тиши кабинетов штурмуют тайны иероглифов, другие отважно ищут входы в пирамиды и вскрывают гробницы. В XVIII в. в последнем преуспел англичанин Р. Покок, описавший 18 пирамид и с риском погибнуть от пуль бандитов открывший Долину царей в фиванском некрополе. Несколько изданий выдержало описание путешествий датчанина Д.Ф.Л. Нордена, снабженное прекрасными иллюстрациями. В России большим успехом заслуженно пользовались «Странствования по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» Василия Григоровича-Барского с 137 рисунками (Ч. 1—4. СПб., 1885—1887), причем автор воспроизвел иероглифы на обелиске (так называемая «Игла Клеопатры», с 1868 г. в Нью-Йорке) более точно, чем это сделали на 90 лет позднее художники Наполеона в «Описании Египта».

Отчасти под влиянием этих увлекательных сочинений с XVIII в. начинается активное коллекционирование памятников и постепенно, обычно на основе частных собраний, создаются крупнейшие сейчас музеи. Ядром отдела древнеегипетских памятников Британского музея стала в 1753 г. коллекция знаменитого собирателя и большого оригинала, врача по профессии, сэра Ханса Слоуна (Hans Sloane), насчитывавшая 250 предметов — статуэток, ушебти (погребальных фигурок), бронзовых и глиняных изделий, скарабеев. Эта коллекция увеличивалась за счет покупок и даров других собирателей.

Еще древнее история Берлинского египетского музея: она началась в 1698 г. покупкой Фридрихом III собрания Дж.П. Беллори. По приказу Наполеона коллекция была вывезена в Париж, но возвращена обратно после его поражения даже с некоторыми добавлениями.

Ватикан (Museo Gregoriano Egizio) обязан своими египетскими сокровищами не только Афанасию Кирхеру, но и прозорливости римских пап Климента XIV (1767–1774) и Пия VI (1775–1799), по приказу которых раскапывались виллы римских императоров, где были найдены египетские и «египтизирующие» скульптуры.

Подлинные древнеегипетские памятники способствовали развитию интереса к стране в долине Нила не меньше, а иногда и больше, чем книги паломников, путешественников и ученых. И сейчас эти две причины — памятники и книги — остаются основными и решающими для выбора будущей специальности.

Все эти и многие другие прелюбопытные осколки древней цивилизации и сочинения ученых и путешественников составили необходимый подготовительный этап начального накопления фактического материала — пренатальный — для возникновения новой увлекательной отрасли исторической науки — египтологии. О ее рождении можно говорить только тогда, когда древнеегипетские иероглифы стали читаемыми письменами, а не просто красивыми странными узорами.

§ 2. Становление египтологии как научной дисциплины (1822–1884)

Дешифровка древнеегипетской письменности. Египетскими иероглифами интересовались еще в античности: Плутарх писал об их символическом характере, хотя отмечал наличие 25 алфавитных знаков, Геродот выделял два вида письма, а Клемент Александрийский (ок. 150 — ок. 215 гг.) — три. Одним из первых гипотезу о фонетическом значении некоторых иероглифов выдвинул в 1738 г. англичанин У. Уорбертон (W. Warburton), позднее о том же говорил немецкий ученый и путешественник К. Нибур (K. Niebuhr), подчеркивая сравнительно небольшое их количество, что делает невозможным предположение об их исключительно смысловом значении. Примечательно, что в XIX в. египетскими иероглифами пытаются заниматься синологи — это

дало некоторые положительные результаты. Так, о существовании определителей и отсутствии знаков для гласных догадался французский востоковед Ж. де Гинь (J. de Guignes, 1721–1800). Последний и работавший в Риме датчанин Й. Соэга (J. Zoëga, 1755–1809) правильно определили, что в «овалы» (картуши) заключены имена собственные (главными работами Соэги являются трактат о римских обелисках и каталог коптских рукописей Ватикана).

Находка декрета жрецов, начертанного в трех вариантах (иероглифы, демотика и древнегреческий) на Розеттском камне, интенсифицировала процесс дешифровки — значение надписи на плите как ключа к чтению древних письмен было оценено первым же французским офицером. В начале XIX в. демотическую часть текста уже немного читали французский востоковед барон А. Сильвестр де Саси [Silvestre de Sacy, 1758–1838] и его ученик шведский дипломат Й. Окерблад (J. Åkerblad, 1763–1819) (у де Саси учился и Шампольон). Ближе всех к победе подошел знаменитый физик, врач и полиглот Томас Янг (T. Young, традиц. Юнг, 1773–1829), правильно определивший звуковое значение пяти иероглифов.

Лавры достались тому, кто всю свою жизнь положил на алтарь зарождающейся египтологии. Еще ребенком увидев привезенную из наполеоновского похода коллекцию Ж. Фурье, Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) поставил перед собой задачу дешифровки. Блестящий лингвист, он знал множество восточных языков (на коптском даже делал личные записи) и тщательно собирал все, написанное о древнеегипетском письме. Еще до Янга он предположил, что чужеземные имена должны передаваться алфавитными знаками. Но «тень» Хораполлона заслоняла свет и ему, пока в 1822 г. он не получил копии храмовых надписей с о. Филе с именем Клеопатры, а потом из Абу-Симбела с именами фараонов Нового царства — Тутмоса и Рамсеса. 27 сентября 1822 г. Ж.-Ф. Шампольон выступил в Королевской академии надписей и изящной словесности с изложением своего открытия, о котором, как было тогда принято, сообщил в письме к не переменному секретарю академии г-ну Дасье [Шампольон, 1950]. Поразительны последние абзацы этого документа, где ученый с редкостной научной интуицией предполагает, что древнеегипетская письменность послужила если не истоком, то катализатором в процессе создания первых восточносредиземноморских алфавитов. Шампольон всегда

работал фанатично, забывая обо всем на свете (во время египетской экспедиции его не раз полумертвого выносили из гробниц, где он терял сознание от перегрузок). Хотя даже на родине далеко не все сразу признали гениальность его открытия, в Коллеж де Франс ему в 1831 г. была предоставлена кафедра — первая в мире кафедра египтологии. Также с 1826 г. он являлся хранителем египетской коллекции Лувра, обогатившегося за эти годы приобретениями собраний Г. Солта и Б. Дроветти. В 1824 г. выходит работа «Очерк иероглифической системы письма древних египтян», но грамматика, словарь и другие труды были опубликованы после ранней смерти ученого его старшим братом [Champollion, 1836; 1841–1843].

Жак-Жозеф Шампольон-Фижак (J.-J. Champollion-Figeac, 1778–1867) оказывал на младшего брата огромное влияние, был его добрым гением, постоянно во всем помогал ему. Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что даже дешифровка иероглифов должна считаться их общим достижением.

Успехи Шампольона вызвали появление целого поколения ученых, довольно хорошо читавших тексты. Во Франции это был прекрасный переводчик, один из «наследников» Ж.-Ф. Шампольона по кафедре в Коллеж де Франс и хранитель египетской коллекции Лувра виконт Э. де Руже (E. de Rougé, 1811–1872). Его копии надписей храма в Эдфу издал продолживший его дело сын — Ж. де Руже. В Англии С. Бёрч (S. Birch, 1813–1885) написал первую после Шампольона грамматику и словарь.

Полноценную научную базу под открытие Шампольона подвел в письме 1837 г. к И. Розеллини великий немецкий ученый Карл Рихард Лепсиус (1810–1884) [Lepsius, 1837]. Он сыграл огромную роль в подготовке расцвета берлинской египтологической школы, хотя египтологией начал заниматься относительно поздно — в 23 года, когда слушал в Париже лекции Ж.-А. Летрона. Большое влияние на него оказали К. фон Бунсен и А. фон Гумбольдт. Лепсиус впервые показал сущность силлабических знаков. По его мнению, идеографическое начало преобладает в египетском письме, при этом он выделил 25 так называемых «алфавитных знаков» (т.е. передающих один согласный) и доказал, что среди звуковых иероглифов есть двух- и трехсогласные. Лепсиус первым стал транслитерировать иероглифы буквами латинского алфавита. В 1884 г. на II международном конгрессе ориенталистов в

Лондоне эта система была принята в качестве всеобщей и используется в настоящее время. Правильность дешифровки Шампольона была доказана, и количество скептиков резко пошло на убыль (даже крупные ученые, например филолог В. фон Гумбольдт, не сразу оценили открытие по достоинству).

К.Р. Лепсиус стал «отцом» древнеегипетской хронологии [Lepsius, 1849; 1858] и одним из первых издателей старейшего египтологического журнала (с 1863 г. выходит «*Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*» — ZÄS); ему принадлежит честь первого научного издания «Книги мертвых». Для Лепсиуса в 1846 г. была создана кафедра египтологии в Берлинском университете, первая в Германии, прославленная уже первым поколением учеников (К. Видеман, Й. Дюмихен, Г. Эберс, А. Эрман); кроме того, он практически стал создателем Египетского музея в Берлине (см. ниже о прусской экспедиции).

Археологическое изучение долины Нила. Коллекционирование египетских древностей и создание музеев. «Мода на Египет» захватила Европу после наполеоновского похода 1798–1801 гг. Специально приглашенные Бонапартом, который всегда интересовался этой страной, 175 ученых и художников подготовили знаменитое всестороннее «Описание Египта» в 24 томах [Description de l'Égypte, 1809–1826], где наряду с топографией, флорой и фауной уделялось место и древностям. Хотя тайна иероглифов еще не была раскрыта, можно говорить о рождении эпиграфики, ведь копировались надписи, многие из которых не сохранились до наших дней. Наполеон повелел основать Институт Египта, существующий и сейчас (публикации института выходят в «Bulletin» и «Mémoires»). Более других рисунками, путешествиями и успехом у женщин прославился Доминик Виван Денон (1747–1825), сыгравший также важную роль в формировании коллекций Лувра. Из долины Нила было вывезено много памятников, в том числе решающий для дешифровки — найденный в 1799 г. Розеттский камень (проиграв англичанам, французы пытались спрятать ценную находку, но неудачно — вместе с рядом других сокровищ он был включен в списки контрибуций и в настоящее время является одним из самых популярных экспонатов Британского музея).

С этого времени в Египте бурно расцветает антикварный бизнес (об этой «золотой лихорадке» написал О.И. Сенковский, путешествовавший по Египту в 1821–1822 гг.). Не только любители

древностей, но и любители приключений и быстрой наживы устремились в долину. Яркой звездой в этой области стал Джованни Баттиста Бельцони (G.B. Belzoni, 1778–1823), человек редкой храбрости и недюжинной силы, работавший большей частью на британского генконсула в Египте Генри Солта (1780–1827). Добытые им с невероятной изобретательностью памятники отличаются монументальностью (например, часть колосса Рамсеса II — «молодого Мемнона», которую не удалось вывезти французам, благодаря Бельцони попала в Британский музей, как и многие другие). Энергию Бельцони питали не только деньги, но и искреннее восхищение древней культурой. Среди его открытий — погребальная камера пирамиды Хефрена в Гизе, три царских гробницы в фиванском некрополе (в том числе Сети I, росписи которой он скопировал для выставок в Лондоне и Париже и откуда вывез великолепный алебастровый саркофаг для музея Дж. Соуна); также он посетил и описал оазисы Ливийской пустыни.

Г. Солт был далеко не единственным, кто успешно сочетал дипломатическую службу с коллекционированием. С меньшей страстью к гигантизму, но порой превосходя по количеству памятников, создаются крупные частные коллекции, еще в первой половине XIX в. ставшие достоянием главных музеев Европы: греческого купца и дипломата (консул Швеции и Норвегии) Дж. Анастаси (1780–1860) (разделена на три части и продана Национальному музею древностей в Лейдене, Лувру и Британскому музею); итальянского дипломата на французской службе в Каире Б. Дроветти (1776–1852) (первая его коллекция — основа Туринского музея, вторая куплена Лувром, а третья — Берлинским музеем); служившего в австрийском консульстве итальянского дипломата Дж. ди Ниццоли (?–1841) (первая часть коллекции продана в Венский музей, вторая сейчас во Флоренции, а третья — в Болонье; каталог коллекции составил Ж.-Ф. Шампольон); прусского офицера Й. фон Минуттоли (1772–1846) (часть поступила в Берлинский музей, часть продана в Париже); итальянского востоковеда К. Кастильоне (1785–1849) (в 1825 г. приобретена русской Академией наук для Эрмитажа).

Россия не отстает от Европы: появляются частные коллекции и первые публичные собрания. В 1714 г. основана Кунсткамера в Петербурге, в 1818 г. на ее базе — Азиатский музей, а в 1826 г. был организован Египетский музей («музеум») Академии

наук. Египетские памятники входили в коллекцию графа Н.П. Румянцева (1754—1826; в настоящее время они в ГМИИ им. А.С. Пушкина). В 1825 г. в дар Археологическому музею в Одессе была передана небольшая, но важная коллекция его основателя, И.П. Бларамберга. Немного позднее она значительно пополнилась памятниками, собранными врачом А.А. Рафаловичем, изучавшим в Египте источники чумы. В 1832 г. благодаря усилиям путешествовавшего по Востоку офицера А.Н. Муравьева Россия приобрела двух уникальных сфинксов, вероятно, стоявших перед поминальным храмом Аменхотепа III в Фивах, а ныне украшающих набережную Невы напротив Академии художеств в Петербурге.

Чуть позднее, в 1834—1835 гг., по Египту путешествовал А.С. Норов, участник войны 1812 г. Знакомый с трудами Шампольона, он, несмотря на серьезное увечье из-за ранения, посетил многие труднодоступные уголки долины и описал их. Привезенные им в Россию древности хранятся теперь в Москве и Санкт-Петербурге, причем в отличие от многих других антикваров и местных властей, Норов выступал против хищнического разрушения памятников (он писал в своей замечательной книге об уничтожении фиванских гробниц ради вывоза нескольких рельефов [Норов, 1840]; впрочем, он и сам принял в этом участие). В том же 1834 г. Академия художеств направляет в Египет для завершения образования архитектора Д.Е. Ефимова. Его рисунки, акварели и описания архитектурных памятников Египта нашли отражение в изданной в Риме брошюре (часть работ хранится в Государственном музее Востока [Пирамиды вечности, 2000]).

К XIX в. относятся многие частные русские коллекции, как правило, рано или поздно пополнившие собрания теперь государственных музеев Санкт-Петербурга и Москвы. После коллекции Кастильоне в Эрмитаж поступают коллекции Лавалей, Максимилиана Лейхтенбергского, в 1867 г. — Н.К. де Гиерса (1820—1895), занимавшего важные посты в Министерстве иностранных дел. В 1852 г. вышла в свет первая публикация коллекции О.-Р. Монферрана, собранной им в России и обогатившей Египетский музей Академии наук (так называемую Кунсткамеру; в 1881 г. по ходатайству В.С. Голенищева памятники переведены в Эрмитаж). Авторство каталога египетской коллекции графа Г.А. Строганова приписывается Г. Бругшу.

1835 год мог стать роковым для европейских собирателей — в Египте был принят закон о запрете вывоза древностей (еще Ж.-Ф. Шампольон писал Мохаммеду Али о необходимости принятия такого акта). Однако исполнялся он плохо, и хранившиеся сначала на территории садов Эзбекие в Каире, а потом перенесенные в Цитадель древности служили сокровищницей для хедивов, щедро раздаривавших их вплоть до Первой мировой войны (прекрасную коллекцию получил в 1855 г. австрийский эрцгерцог Максимилиан — она составила основу Венского собрания). С другой стороны, следует подчеркнуть: эти памятники сохранились, а в Египте некоторые храмы в эпоху начала индустриализации были использованы как строительный материал (на о. Элефантина, в Гермополе).

В XIX в. музейные коллекции Европы резко расширяются за счет покупок, пожертвований и раскопок. Британский музей, получивший египетскую «добычу» наполеоновской армии после победы Нельсона, приобрел коллекции Г. Солта, затем в 1839 г. Дж. д'Атанази. В конце XIX в. хранителем коллекций становится Э.Т.У. Бадж (см. о нем ниже), действовавший во время своих многочисленных поездок в Египет очень смело, энергично и не всегда законно, а потому весьма обогативший собрание разными памятниками, особенно — ценными папирусами. Прекрасная коллекция Университетского колледжа в Лондоне была составлена в основном У.М.Фл. Питри (покупки и раскопки).

Кроме Лондона, в XIX в. египетские музеи создаются в университетских городах, чаще всего благодаря дарам работавших или учившихся в них людей: оксфордский Эшмолеанский музей, музей Итона и Harrow School (основа последнего — собрание Дж. Уилкинсона); для Эдинбурга жертвовал А. Ринд. В 1848 г. основан Фицвильямский музей в Кембридже; после Второй мировой войны он пополнился за счет собрания Р. Гайера-Андерсона, оставившего в Каире свои разнообразные коллекции в обмен на разрешение вывезти в Англию древнеегипетские памятники. Когда в 1882 г. был основан Фонд исследований Египта (ЕЕФ), памятники, полученные в результате раскопок, после раздела с египетской Службой древностей распределялись по музеям — так в основном пополнялись коллекции университетских музеев Манчестера и Ливерпуля. Собрание в Дареме состоит в основном из

купленных на аукционах памятников четвертого герцога Нортумберлендского.

Коллекционирование развивается в XIX в. и во Франции. В 1861 г. свое египетское собрание продал за номинальную сумму Марселю А.Б. Клот-бей, врач Мухаммеда Али (хранится в музее Борели; многое купил также Лувр). В Лионе в 1879 г. промышленник Э. Гиме основал Археологический музей, среди памятников которого были и древнеегипетские предметы (вскоре музей был переведен в Париж, а затем его коллекции пополнили Лувр).

В Ватикане для Египетского музея многое было сделано папой Григорием XVI (музей носит его имя), приказавшим в 1838 г. как продолжить раскопки на виллах римских императоров, так и доставить в столицу памятники, найденные при его предшественниках (в основном это античные статуи в древнеегипетском стиле). Папа Лев XIII в 1900 г. получил крупный дар от египетского хедива. В Риме находится также музей коллекционера XIX в. барона Дж. Барракко. Туринский музей, четвертый по значимости в Европе, был основан в 1824 г. благодаря 8 тыс. предметов из коллекции Дж. Дроветти. В Италии очень много старинных небольших египетских собраний в разных музеях. Наиболее значимые — во Флоренции, Болонье, Милане.

Национальный музей древностей в Лейдене возник в 1818 г., причем его египетский отдел был весьма значителен и объединял как университетские коллекции, так и купленные для него собрания Г. Солта, Дж. д'Атанаси и другие, а с 1939 г. — Ф. фон Биссинга. В 1835 г. был основан Королевский музей искусства и истории в Брюсселе, древнеегипетские памятники поступили туда в 1884 г. от Э. де Меестера де Равенстейна; в XX в. история музея связана с деятельностью египтолога Ж. Капара.

В XIX в. собирались и коллекции Нового Света, но достоянием широкой публики они стали в XX в. К 1902 г. относится возникновение египетского отдела Музея изящных искусств в Бостоне, куратором которого стал А. Литгоу. Сюда поступали превосходные памятники из раскопок Дж. Райзнера в Египте и Нубии. В 1906 г. был основан египетский отдел музея Метрополитен в Нью-Йорке, возглавленный тем же Литгоу. Он очень удачно пополнялся памятниками из раскопок Лишта и Дейр-эль-Бахри. Первое значительное собрание, купленное в 1948 г. для США — коллекция английского врача Г. Эбботта (1807–1859) для

нью-йоркского Бруклинского музея, начало которому положили библиотека и памятники американского журналиста Ч. Вильбура (1833–1896), занимавшегося у Г. Масперо и много путешествовавшего по Египту.

Некоторые коллекционеры делали особый упор на собирание папирусов, как, например, занимавшийся в Александрии торговлей английский служащий Э. Харрис (1790–1876; коллекция попала в Британский музей); или австрийский эрцгерцог Райнер, коллекция которого была куплена для Венской королевской библиотеки. Многие папирусы традиционно называются по именам их первых владельцев или, реже, опубликовавших их египтологов: Анастаси, Весткар, Вильбур, д'Орбиней, Инсингер, Прахов, Присс, Райлендс, Райнер, Ринд, Саллье, Смит, Харрис, Эберс и др. В России в это время формируются частные коллекции коптских рукописей: П.П. Дубровского (первая в египетском отделе рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; вскоре добавились два папируса «Книги мертвых») и графа П.К. Сухтелена (поступила в Восточный кабинет). Публикацией музейных папирусов занимались: Э. Хоукинс, С. Бёрч (Лондон), К. Лееманс (Лейден), В. Плейт, Ф. Росси, Ж. Либлийн (Турин), О. Мариетт (Каир), Г. Эберс (Лейпциг), В.С. Голенищев (Петербург). Также начались издания эпиграфических музейных памятников (Г. Бругш, Э. де Руже, Й. Дюмихен, К. Пиль, Ж. Либлийн). Спрос рождает предложение — в Египте, а затем и в других местах начали подделывать древности, и порой столь удачно, что «ловились» даже опытные коллекционеры. Практически во всех музейных коллекциях есть такие памятники, иногда они даже выставлены в экспозиции. Качество исполнения поддельных древностей бывает очень высоким — не случайно один из корифеев современной египтологии американский профессор Х. Гёдике считает возможным создать музей фальшивок.

Вслед за наполеоновской «Египетской комиссией» правительства ведущих европейских государств снаряжают экспедиции в долину Нила. В 1820–1821 гг. Пруссия посылает в Египет миссию Й. фон Минутולי, предпринявшего раскопки в Саккаре и Гермополе и посетившего оазис Сива. Коллекции Минутולי покупаются для Берлинского музея. А в 1828 г. была сделана еще одна крупная покупка — около 2 тыс. предметов из собрания итальянского коллекционера Дж. Пассалаквы, ставшего директором

музея. При нем были приобретены коллекции Дж. Дроветти и С. Солнье.

В начале XIX в. благодаря покупкам баварского короля Людвига I начинает создаваться Мюнхенский музей, обогащенный потом приобретениями и результатами раскопок Ф. фон Биссинга. Коллекции последнего в 1935 г. пополнили музей в Ганновере (Kestner-Museum), основу которого составляет примечательное собрание дипломата А. Кестнера, контактировавшего по вопросам египтологии с Ж.-Ф. Шампольоном и К.Р. Лепсиусом. Многие частные коллекции XIX в. попали в новые музеи, созданные в небольших, обычно университетских городах, как, например, собрания Ф. Малера, Н. Палина, К. Райнхардта, К.А. Видемана и других представлены в музее Карлсруэ. Усилиями В. Пелицеуса в 1907 г. возник прекрасный музей в Хильдесхайме, обогатившийся в начале XX в. памятниками Древнего царства из Гизы благодаря финансовой поддержке археологических раскопок Г. Штайндорффа и особенно Г. Юнкера. Ядро египетского собрания Либиххауса в Франкфурте-на-Майне составляют маски с мумий римского периода, купленные К. Кауфманом в Гизе в начале XX в. В связи с масштабными раскопками в конце XIX в. обогащаются музеи при университетах: в Лейпциге (экспедиция Г. Штайндорффа в Гизе, раскопки в Анибе), Гейдельберге (Г. Ранке, Г. Юнкер), Тюбингене (фон Зиглин). Распределением памятников по музеям занималось Немецкое восточное общество (Deutsche Orientgesellschaft — DOG), финансировавшее многие раскопки и публикации.

Франция и Тоскана субсидировали экспедицию Ж.-Ф. Шампольона в 1828—1829 гг., добравшуюся на юге до 2-го порога Нила. Впервые египетские руины «заговорили». Результаты были опубликованы после смерти Шампольона в многотомных изданиях «Памятники Египта и Нубии» [Champollion, 1835—1845], а также в одноименном труде его сподвижника, первого итальянского египтолога Ипполито Розеллини (на итальянском языке, с прекрасными цветными иллюстрациями [Rosellini, 1832—1844]). Копии иероглифических надписей (иногда вместе с граффити) сопровождаются схемами, набросками планов — по точности они уступают сделанным позднее экспедицией Лепсиуса, однако очевидно, что Шампольон не был исключительно кабинетным ученым и хорошо понимал специфику археологических памятников. С детства превосходно зная все написанное античными авторами

о Египте, он ориентировался в развалинах огромных, не рассчитанных от песка городов и храмов (например, важно его описание остатков Саиса, столицы XXVI династии, стертой с лица земли за прошедшие почти два века).

Не только экспедиции, но и отдельные путешественники и коллекционеры делали прекрасные зарисовки памятников и копии надписей.

Важную роль в копировании древнеегипетских надписей сыграл французский инженер Ахилл Присс д'Авенн (A. Prisse d'Avennes, 1807–1879). Его имя носит ценный папирус, сохранивший древнее «Поучение Птаххотепа»; также он вывез во Францию Карнакский список фараонов. Богатые архивные материалы оставили французский художник и археолог, участник экспедиции Шампольона Н. Л'От (N. L'Hôte); английский путешественник, художник и коллекционер Р. Хей (R. Hay).

Столь же удивительны труды Джона Уилкинсона (1797–1875), которого называют иногда основателем британской египтологической школы и сравнивают по значимости вклада в науку с Г. Роулинсоном, важной фигурой в истории дешифровки клинописи. Египтом он увлекся под влиянием директора Harrow School (куда попала впоследствии его коллекция) Дж. Батлера, друга и ученика Т. Янга. Неоднократно и подолгу Уилкинсон путешествовал по долине Нила и в одиночку составил описание главных исторических мест страны (например, ему принадлежат первый план Фив, используемая и сейчас нумерация гробниц Долины царей, первые копии росписей гробниц Бени-Хасана, локализация Лабиринта в Хаваре). Он проводил раскопки, собирал не только древнеегипетские памятники и папирусы, но также материалы по зоологии и геологии. Уилкинсон был самым титулованным из египтологов, но работал всегда без поддержки государства. Многие его рукописи и превосходные рисунки, в частности копии росписей Фиванских гробниц, ныне утраченных, не были опубликованы и хранятся в архивах Оксфорда и Лондона. Самый знаменитый его труд — «Нравы и обычаи древнего Египта» (3 объемных тома — [Wilkinson, 1837–1841]) — охватывает не только повседневную жизнь и быт египтян, но и многие другие сферы их культуры, являясь по сути первой полноценной работой на эту тему. Возможность увидеть, как выглядели в эту романтическую эпоху памятники

долины Нила, предоставляют великолепные и точные картины Д. Робертса.

После открытия Шампольона приоритеты в археологии Египта смещаются с предметов искусства в сторону текстов. Самой результативной стала хорошо подготовленная, чему немало помог А. фон Гумбольдт, прусская экспедиция 1842–1846 гг. под руководством К.Р. Лепсиуса [Freier et al., 1984]. Масштабы сделанного поражают: открыто и описано 67 пирамид, 130 мастаб, впервые научно исследована территория Лабиринта и многое другое. На юге они добрались до Хартума и Голубого Нила, где собирали данные не только о древних памятниках, но и о живых нубийских языках, были также на Синае и в Палестине. С особой тщательностью везде копировались надписи. Все старинные публикации ценны для современных ученых, ибо не сохранились многие оригиналы, но по точности ни одно из них не сравнится с 12-томной работой Лепсиуса, увидевшей свет после его смерти [Lepsius, 1849–1913], что, к сожалению, сказалось на качестве описаний в 5 томах, не вполне удачно отредактированных. Огромный формат изданий вызвал насмешки французов, но только в 1971–1975 гг. в Женеве вышло издание обычного размера. Памятники расположены в хронологическом порядке, причем художники уже значительно точнее передают стиль египетских мастеров. Экспедиция Лепсиуса неимоверно обогатила мировую науку великолепными описаниями, планами, картами, копиями и рисунками, а Берлинский музей — памятниками и копиями (15 тыс. экспонатов). В 1850 г. на Музейном острове был открыт Египетский музей, директором которого Лепсиус был назначен в 1865 г. В 1866 г. Лепсиус отправился в другую экспедицию — опять на Синай и в Восточную Дельту. В результате был обнаружен Канопский декрет, двужычная надпись которого подтвердила правильность дешифровки Шампольона. Значение этой находки будет оценено по достоинству: по мнению А. Эрмана, она завершила эпоху дешифровки иероглифов.

Конечно, научные экспедиции действовали более профессионально и аккуратно, чем авантюристы, видевшие только деньги в красоте памятников, но древностям все равно при этом был нанесен урон, несопоставимый с безжалостным воздействием времени. Достаточно сказать, что в 1837 г. при изучении пирамид Гизы англичане полковник Р.У.Г. Виз и инженер Дж. Перринг применили

порох. Почти полностью был разграблен необозримый некрополь Абидоса, где каждый египтянин, надеясь воскреснуть подобно Осирису, мечтал поставить хотя бы маленькую стелу. Курьез привел к массовому уничтожению мумий — из-за случайного сходства названий разнеслись слухи о чудодейственной панацее (спутали с «мумиё»), и многие тысячи тел были истерты в порошок, а вместе с ними погибли их гробницы и погребальный инвентарь. С другой стороны, попавшие в европейские музеи памятники, как правило, хранились в лучших условиях, чем оставшиеся на месте, и возможно, дожили до нашего времени исключительно потому, что были вывезены. Музеи с самого начала образовывались не только как хранилища и выставки древних сокровищ, но и как важные центры науки. Постепенно начинается трудоемкая работа по созданию научных каталогов, а большинство хранителей коллекций одновременно занимаются археологическими раскопками и преподают в университетах.

Несколько приостановить варварское разграбление памятников удалось французу Огюсту Мариетту (1821–1881), посланному Лувром в Египет для покупки коптских рукописей. Египтом он увлекся, разбирая рисунки в наследии Нестора Л’Ота, приходившегося ему родственником. Благодаря титаническим усилиям Мариетта в Каире были организованы два учреждения, и сейчас играющие колоссальную роль в изучении древнего Египта: Служба древностей в 1858 г. и Египетский музей в 1863 г. (первый национальный музей на Востоке; обычно его называют Каирским). Под руководством Мариетта были проведены раскопки в 33 районах, увенчавшиеся особенно выдающимися результатами в Мемфисе, где был найден Серапеум — некрополь священных быков Аписов (там же обнаружили саркофаг с мумией Хаэмуасета, сына Рамсеса II), в Гизе, где был расчищен припирамидный храм Хефрена и изучены некоторые частные гробницы, и в Саккаре (мастабы Древнего царства, в частности Чи и Птаххотеп) [Mariette, 1857; 1869–1880; 1889]. Лувр, несмотря на принципиальность и суровость Мариетта, обогатился 7 тыс. предметов. Именно Мариетт стал автором либретто к опере Верди «Аида», написанной к открытию Суэцкого канала. Египет оценил вклад француза: у Каирского музея возвышается памятник Мариетт-паше, украшенный подлинным древнеегипетским саркофагом.

При О. Мариетте в Службе древностей начали работать египтяне: первым был Ахмед Камаль (1849—1923), ученик Г. Бругша, служивший в Каирском музее и ведший раскопки в разных местах.

Одним из «титанов» эпохи становления египтологии является немецкий ученый Генрих Бругш (1827—1894), еще до учебы в Берлинском университете написавший «Демотическую грамматику» (вышедшая в свет позднее, в 1855 г., она стала одной из первых работ в этой сложной области египтологических штудий, а ее автор — «отцом демотики») [Brugsch, 1855]. Ученый успешно совмещал науку с дипломатической деятельностью — хедив Египта удостоил его титула паши, но организовать Немецкий египтологический институт тогда, в 1870 г., не удалось. Бругш опубликовал много разнообразных текстов, и его вклад в развитие эпиграфики очень значителен: например, его обширный и до сих пор уникальный «Тезаурус» содержит надписи, касающиеся календаря, астрономии, географии, мифологии и т. д. [Brugsch, 1883—1891]; он издал иероглифический и демотический словарь в 7 томах [Brugsch, 1867—1882], объемный «Географический словарь» [Brugsch, 1879], в 1877 г. — общую историю древнего Египта (была переведена на русский язык и издана в 1880 г. как «История фараонов») [Brugsch-Beu, 1877], занимался мероитским письмом. На основании надписей в птолемеевских храмах, отличающихся особой сложностью, Бругш создал книгу о религии и мифологии [Brugsch, 1888]. Среди его учеников — А. Камаль, Й. Дюмихен. Заслуга Бругша — основание в 1863 г. старейшего египтологического журнала («Журнал древнеегипетского языка и древностей» — ZÄS), который он издавал сначала с Р. Лепсиусом, а потом с А. Эрманом. Номера первых десятилетий существования журнала в полной мере отразили удивительный взлет египтологии конца XIX — начала XX в., и многие из них до сих пор представляют не только антикварный интерес.

Нельзя не упомянуть о младшем брате Г. Бругша, Эмиле (1842—1930). Он помогал старшему в 1870 г., когда тот пытался организовать в Каире школу египтологии. Затем был ассистентом О. Мариетта и Г. Масперо, хранителем Каирского музея, сделавшим много фотографий для «Генерального каталога»; именно он первым из европейцев увидел «Тексты пирамид» в погребальных покоех Пепи I и первым проник в тайник с мумиями великих фараонов, обнаруженный в Дейр-эль-Бахри в 1881 г. Его пригласили

в Петербург для описания коллекции египетских и коптских рукописей Публичной библиотеки.

Публикации XIX в. сохранили изображения многих не дошедших до нас памятников, однако очевидно, что европейцам понадобилось время, дабы научиться точно передавать стиль древнеегипетских художников (забавно, но сначала многие рисунки как будто сделаны с псевдоегипетских скульптур императорского Рима; отчасти это объясняется и господствовавшим тогда в европейской живописи романтическим стилем). Тем не менее тогда зарождаются некоторые приемы копирования, актуальные в эпиграфике и сейчас. Качество передачи иероглифов, естественно, заметно улучшилось с того времени, когда их стали понимать. С другой стороны, копии XIX в. могут превосходить современные в точности: издатели при публикации надписей были лишены возможности использовать типографский шрифт, а тем более компьютерный набор, поэтому хорошие старинные копии могут содержать детали знаков, имеющие в силу изобразительной специфики иероглифической письменности решающее значение для перевода.

Этап в историографии, последовавший непосредственно за дешифровкой иероглифической системы письма гениальным Ж.-Ф. Шампольоном, хотя внес в анналы египтологии несколько имен подлинных титанов науки (О. Мариетт, Р. Лепсиус, Г. Бругш), естественно, является «начальным»: материал интенсивно собирался, однако классификация его по периодам еще только зарождалась, причем явный перевес ощущается в источниках поздних эпох, а стало быть и в знаниях о последних. По сравнению с многими другими областями науки о древнем Востоке египтология не появилась из полного небытия и забвения — у европейцев всегда были в наличии библейские тексты и сочинения античных авторов о Египте. Но по сравнению с объемом материала, предоставленного ученым археологическими раскопками (а порой и копать было не надо — памятники лежали на поверхности), имевшееся в их руках до дешифровки выглядит жалкой песчинкой.

В целом период выглядит весьма романтично, однако нельзя забывать, что научными целями порой прикрывались колониальные интересы европейских держав. Египет всегда представлял лакомый кусок для захватчиков. Да и продажа самих древностей в опытных руках могла стать выгодным бизнесом.

§ 3. Классический период в развитии египтологии (1884–1939)

Возникновение археологических школ, научных институтов и кафедр. Следующий этап развития египтологии можно определить как классический: уже большими научными экспедициями изучается не только долина Нила, но и связанные с ней в древности регионы, появляются специальные археологические институты и национальные школы, устанавливаются основные правила чтения иероглифики, хронология, выходят в свет фундированные общие истории Египта, грамматики и многотомный словарь, множество специальных трудов, вошедших в золотой фонд науки, и специальных периодических изданий.

Преемником О. Мариетта на постах директора музея и Службы древностей стал великий французский ученый итальянского происхождения Гастон Масперо (1846–1916). Г. Масперо руководил археологической миссией, преобразованной в 1898 г. во Французский институт восточной археологии (Institut français d'archéologie orientale — IFAO), расположенный в Каире в прекрасном памятнике исламского искусства — дворце «Мунира». Институт был превосходно оснащен, обладал собственной типографией. Г. Масперо добился систематизации работ по расчистке и сохранению Карнакского храма, при нем в 1881 г. были перевезены в музей царские мумии из тайника в Дейр-эль-Бахри, обнаруженного жителями деревни Курна. С 1880 г. Масперо занимается изучением «Текстов пирамид», для чего с риском для жизни проникает в погребальную камеру сильно разрушенной гробницы в Саккаре. Найдя другие надписи, он оставил свои директорские посты и первым опубликовал древнейшую религиозную «книгу» человечества (сначала тексты были опубликованы отдельными выпусками в «Recueil des travaux...» (1884–1892), затем собраны в отдельном издании [Maspero, 1894]). Количество научных работ Масперо самой разнообразной тематики огромно — оно насчитывает около 1200 наименований, среди которых нельзя не выделить эпохальную трехтомную «Древнюю историю народов классического Востока», оперативно переведенную на английский язык. Само название этого труда подчеркивает важность вклада древневосточных народов в мировую культуру, сопоставимую с античным наследием. Одним из первых Г. Масперо обратил внимание на историческое

развитие религиозных явлений в долине Нила, порой весьма значительное, несмотря на традиционализм египетского общества. Важной сводкой материала была его «Египетская археология», переведенная А. Рушем на немецкий с более соответствующим содержанию названием «История египетского искусства» [Maspero, 1887].

Вместе с Э. де Руже Масперо основал журнал «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes». Масперо по достоинству оценил предложенный Л. Борхардтом план научной каталогизации сокровищ Каирского музея («Catalogue générale», при Масперо вышло 50 томов, издание продолжается в настоящее время). Масперо также преподавал сначала в École des Hautes Études, а затем на кафедре египтологии в Коллеж де Франс. Среди его учеников: Э. Гребо, Э. Шассина, К. Видеман, В. Шпигельберг, очень многих он консультировал (в том числе его влияние признает Б.А. Тураев). Г. Масперо умер в 1916 г., сраженный известием 1915 г. о гибели на поле брани сына, специалиста по византийским текстам. Другой сын Масперо, известный китаист, погиб в одном из немецких концлагерей эпохи Второй мировой.

Дело Мариетта продолжается, постепенно начинает оформляться Служба древностей: при Масперо пять инспекторов следили за археологической ситуацией в стране. В 1902 г. по французскому проекту было возведено здание Египетского музея в Каире, в создании экспозиции которого принял участие Л. Борхардт (см. о нем ниже). В 1891 г. был основан Греко-римский музей в Александрии.

Еще один заметный французский археолог (а также инженер и геолог) этого времени, преемник Масперо в музее и Службе древностей — Жак де Морган (1857–1924). В 1894–1895 гг. он руководил важными раскопками у пирамид в Дахшуре, где обнаружил прекрасные памятники XII династии, в том числе ювелирные украшения царевен (в настоящее время в Каирском музее). Он подготовил археологическую карту Саккары и в 1893 г. открыл там мастабу крупного сановника эпохи Древнего царства Мерерука, расчистил храм греко-римского периода в Ком-Омбо (с этой публикации началась важная серия «Catalogue des monuments»), а в 1896 г. раскопал громадную мастабу выдающейся царицы I династии Нейтхотеп в Нагаде. Потом работал в Сузах, ставших апогеем его археологической фортуны (во время этих раскопок был найден

столб со сводом законов вавилонского царя XVIII в. до н.э. Хаммурапи). Центром научных интересов Ж. де Моргана, как и его старшего брата Анри (1854—1909), была эпоха становления цивилизации. Этой теме посвящен его главный труд в 3 томах [Morgan, 1925—1927], специальное исследование о Египте вышло раньше [Morgan, 1896—1897].

При следующем директоре, Эмиле Шассина (1868—1948), Французский институт восточной археологии развернул еще более активную раскопочную и издательскую деятельность: в 25 сериях печатаются труды самой разнообразной тематики. Экспедиции, возглавленные Шассина, работали в Меире, Дендере, Асьюте, Фивах; обнаружили в Абу-Роаше недостроенную (или скорее разрушенную) пирамиду Джедефра. Институт начал осуществление долгосрочных проектов по расчистке храмов и копированию их текстов и изображений (Эдфу — издание этих текстов является главной публикацией Э. Шассина — [Chassinat, 1960]; Эсна, Дендера, Карнак), а также фиванского поселка строителей царских гробниц в Дейр-эль-Медине.

Трудно переоценить заслуги Ж. Легрена (G. Legrain, 1865—1917), разработавшего и осуществившего поразительную для того времени программу реставрационных работ в Карнакском храме в Фивах (например, был расчищен гипостильный зал — самый большой храм в мире). Он также копировал самые разные памятники (граффити, гробничные тексты и изображения в районе Асуана, храмовые египетские надписи, фрески монастыря Св. Симеона и др.). Карнак сполна «отблагодарил» своего спасителя — в 1903 г. под полом одного двора был обнаружен тайник с 17 тыс. (!) архитектурных деталей, статуй и статуэток богов, царей и вельмож, датируемых со Среднего царства до птолемеевского периода (например, столп с великолепными рельефами Сенусерта I, статуи мудреца Аменхотепа, сына Хапу, Сененмута со своей воспитанницей царевной Нефрура, Тутмоса III, его матери Исиды, правителя Фив Монтуэмхата и многие другие — сейчас хранятся в Египетском музее в Каире). Благодаря надписям на статуях наука получила богатый материал по генеалогии.

Необыкновенное археологическое богатство Египта и значительное по сравнению с другими древними культурами количество письменных источников негативно отразились (в определенной степени отражаются и сейчас) на развитии научных методов

раскопок. Кроме того, значительное количество выдающихся открытий было сделано (и может быть сделано и в наши дни, несмотря на усилия Службы древностей и полиции) местными жителями, иногда случайно при выполнении бесконечных сельскохозяйственных работ (на местах древних сырцовых построек крестьяне добывают «себах», используемый как удобрение — так в 1880-е гг. был найден Телль-Амарнский архив), а порой и не случайно: феллахи работают на раскопках в европейских экспедициях, набираются опыта и могут прекрасно применять его на практике. Например, в Курне, деревушке на западном берегу древних Фив, живут целые кланы потомственных «черных археологов» (причем живут они прямо над частными гробницами и все попытки переселить их пока безуспешны; европейские археологи часто нанимают жителей Курны на раскопки «раисами» — бригадирами). Именно такой семье, братьям Абд эль-Расул, повезло в конце XIX в. обнаружить в Дейр-эль-Бахри тайник мумий фараонов Нового царства, перезахороненных жрецами в смутные времена XXI династии. Археологический контекст при таких открытиях обычно полностью утрачивается, что может вызвать не только проблемы определения памятника как такового, но и породить сомнения в его подлинности.

Новый этап развития египтологии связывается с именем Уильяма Мэтью Флиндерса Питри (1853–1942), которого часто называют «отцом египетской археологии». Знаменитый английский археолог стал основоположником системы относительной датировки по керамике (Sequence Dates — SD), созданной им около 1899 г. на основе разработанной немецким археологом и историком искусства И. Фуртвенглером методики стилистического анализа для датирования древнегреческой скульптуры и орнаментированной керамики. Начав с плодотворного изучения пирамид в Гизе, он за почти полвека раскопок возглавлял экспедиции практически на всех древних памятниках долины Нила: Танис, Навкратис, Дафны, Небеше, Хавара, Биахму, Арсиноя, Иллахун (Питри ошибочно назвал свою публикацию «Кахун» и это неверное название так и «гуляет» по историографии), Гуроб, Мейдум, Амарна, Коптос, Нагада, Баллас, Рамессеум, Гурна, Дешаше, Дендера, Диосполис, Абидос, Эхнасия, Буто, Вади-Магхара и Серабит-эль-Хадим (Синай), Гиза, Атрибис, Мемфис, Гелиополь. Заинтересовавшись гиксосской проблематикой, а также в связи

с осложнившимися условиями для вывоза памятников из Египта, работал после 1918 г. в Палестине (Газа), где тоже применял метод датирования по керамике, заложив и здесь основы научной археологии. Многие из его экспедиций были спонсированы Фондом (позднее, с 1919 г., Обществом) изучения Египта (Egypt Exploration Fund, Society — EES), основанным А. Эдвардс* в 1882 г. Не поладив в чем-то с Фондом, Питри основывает «Egyptian Research Account», преобразованный в 1906 г. в Британскую школу археологии в Египте. В число самых ярких из его многочисленных открытий входят: греческий город Навкратис, припирамидный город эпохи Среднего царства Иллахун и царские погребения с прекрасными ювелирными украшениями, дворец в Ахетатоне, огромный додинастический некрополь в Нагаде (памятники здесь оказались столь необычны, что первоначально были приписаны некой «новой расе»), царские гробницы I–II династий в Абидосе (правда, честь открытия и правильной интерпретации принадлежит французскому ученому Э. Амелино (E. Amelineau), которого Питри не только буквально «выжал» с этого места, но еще и незаслуженно ослабил; абидосские находки позволили переосмыслить погребения Нагады и определить их как додинастические, поэтому Питри посвящает специальную работу этой проблематике [Petrie, 1920]), синайские надписи, «стела Израиля» и многое другое. Уже с первого сезона Фл. Питри руководствовался научными принципами раскопок: фиксирование всех находок и изучение керамики (в массе своей она прежде выбрасывалась, не говоря уже о фрагментах). В его работах впервые показана значимость археологического контекста как исторического источника, а не только отдельных шедевров и текстов. Характерна для Питри удивительная при такой интенсивной экспедиционной деятельности оперативность и качественность публикаций результатов раскопок. Количество его трудов переваливает за тысячу наименований, в том числе «История Египта» в 5 томах [Petrie, 1894–1905], «Методы и цели в археологии» [Petrie, 1904]. Фл. Питри основал журнал «Древний Египет» («Ancient Egypt») и издавал его на протяжении 20 лет, собрал большую и превосходную коллекцию египетских древностей,

* Амелия Эдвардс — английская писательница и путешественница, которую иногда называют первой женщиной-египтологом. В своих лекциях и книгах она популяризировала Египет. Первое Египетское общество возникло в Лондоне еще в 1741 г.

хранящуюся в настоящее время в Университетском колледже (Лондон).

В 1892 г. Фл. Питри благодаря усилиям Амелии Эдвардс стал профессором кафедры египтологии в Университетском колледже (Лондон), первой в Великобритании. На раскопках стажировались ученики. Одним из наиболее ярких был Джеймс Эдуард Квибелл (1867–1935), которому египтологическая традиция приписывает честь правильной интерпретации находок Додинастического периода в Балласе, причем он признал правоту Э. Амелино и Ж. де Моргана, относивших находки в Нагаде и Абидосе к этому периоду и Раннему царству (первоначально Фл. Питри приписал находки из Балласа «новой расе», были попытки датировать их I переходным периодом). Затем Дж. Квибелл вел раскопки в Эль-Кабе и ставшем знаменитым Иераконполе, где были обнаружены палетка Нармера, навершия булав, великолепная статуя царя II династии Хасехема и другие архаические памятники [Quibell, 1900–1902]. В 1896 г. при расчистке Рамессеума Квибелл нашел в гробнице XIII династии «библиотеку» — деревянный ларец с 23 папирусами, среди которых были шедевры художественной литературы: «Странствия Синухета», «Обличения красноречивого жителя оазиса», а также древнейший в мире экземпляр энциклопедии («Ономастикон»), медицинские рецепты, магические заклинания, гимн богу-крокодилу Себеку и другие тексты, а также магические предметы [Quibell, 1898]. В 1905 г. Дж. Квибелл отличился в Долине царей, где обнаружил богатую гробницу Иуйи и Туйи, родителей любимой жены Аменхотепа III, Тийи [Quibell, 1908]. Хотя в гробнице неоднократно побывали воры, они смогли вынести лишь небольшие предметы, а роскошные саркофаги, кресла, ложа, ларцы, колесница и другие предметы погребальной утвари, вызвавшие сенсацию в археологическом сообществе и потесненные на второй план только открытием царской гробницы Тутанхамона, теперь выставлены в Египетском музее. В Саккаре Квибелл раскопал коптский монастырь Св. Иеремии и гробницы Раннего и начала Древнего царств (в частности, Хесира), вместе с С. Фёрсом и Ж.-Ф. Лоэром работал в пирамидных комплексах [Quibell, 1907–1912]. На раскопках Квибеллу помогала его жена, А. Квибелл, начинавшая с копирования рельефов у Питри и опубликовавшая две научно-популярные книги.

Перси Э. Ньюберри (1868–1949) благодаря своей второй специальности — ботаник — тоже сначала работал с Фл. Питри в качестве ассистента. С 1890 г. он уже самостоятельно руководил археологическими исследованиями частных гробниц эпохи Среднего царства в Бени-Хасане и Эль-Берше (публикации материалов стали одними из важнейших в списке его трудов, причем Ньюберри прекрасно справился с точной передачей особенностей провинциальной палеографии [Newberry, 1891; 1894–1895]), а затем работал в фиванском некрополе (1895–1905 гг.; в соавторстве с Г. Картером, работавшим у него в качестве художника, издал материалы по гробницам Тутмоса IV, Иуйи и Туйи). Одним из первых он обратил внимание на скарабеев и составил каталог каирского собрания (в рамках «Генерального каталога» Египетского музея [Newberry, 1906]). П.Э. Ньюберри занимался и преподаванием — был профессором университетов в Ливерпуле и Каире.

У Питри учились и иностранцы — например, голландский археолог и востоковед Генри Франкфорт (1897–1954), которому вслед за М. Мюррей и Э. Навиллем «по наследству» досталась расчистка кенотафа Сети I в Абидосе (так называемый «Осирейон»), потом он был приглашен Дж. Брестедом на раскопки в Ирак и возглавлял кафедры в Чикагском и Лондонском университетах. Учеником Питри был основатель научной археологии в Японии Косаку Хамада (1881–1938).

Примечательно, что отличавшийся тяжелым характером Питри, сам обучавшийся на дому, был, в отличие от многих, поборником доступности для женщин высшего образования. Весьма известным специалистом стала его ученица, вероятно, первая женщина среди профессиональных египтологов, Маргарет Мюррей (1863–1963). До сих пор переиздаются ее «Элементарные грамматики» древнеегипетского и коптского языков [Murray, 1905; 1911]*, а среди ее учеников были впоследствии крупные филологи: Б. Ганн, Р. Фолкнер. М. Мюррей, как и А. Квибелл, а также У. Хэнсард (ставшая женой С. Фёрса) ассистировала Питри на раскопках. Высокую оценку получили раскопки в Фаюме другой ученицы, Гертруды Катон-Томпсон (1888–1985), специалиста

* С ее дискуссионными идеями можно познакомиться в книге «The Splendour That Was Egypt. A General Survey of Egyptian Culture and Civilisation» (L., 1949), названной в честь известной книги Бэшема об Индии, переведенной среди многих и на русский язык.

по додинастическим культурам [Caton-Thompson, Gardner 1934–1935]. В Палестине плодотворно работала еще одна ученица Питри, археолог Ольга Туфнелл. Такая политика всемогущего Питри дала результаты: в 1899 г. Служба древностей в Египте выдала первую концессию на раскопки, возглавляемые женщинами (объектом был храм Мут в Карнаке [Benson, Gourlay, 1899]). Однако нельзя сказать, чтобы спустя сто лет подобная ситуация воспринималась как совершенно обычная.

Необходимо учесть, что успехам британской археологии в долине Нила способствовала оккупация страны Британией (с 1914 до 1922 г. Египет считался «британским протекторатом»; войска покинули долину только в 1956 г.).

На раскопках в Египте, в силу специфики его культуры, всегда плодотворно работали архитекторы (например, немец У. Хельшер, французы Э. Барез, Ж.-Ф. Лоэр и др.). Заметный след в истории науки оставил Людвиг Борхардт (1863–1938), учивший египтологию у А. Эрмана. Первая специальность была удачно им применена на раскопках солнечного храма Ниусерра, а затем пирамидных комплексов Абусира, царского некрополя V династии (совместно с Г. Шефером на средства Ф. фон Биссинга) [Borchardt, 1907]. Были найдены превосходные храмовые рельефы Древнего царства. Впервые изучались не только пирамиды и гробницы, а именно архитектурные комплексы в целом. Их модели, созданные на основании реконструкций Борхардта, представлены во многих музеях. Особый успех выпал на долю немцев в 1913–1914 гг. в Телль-эль-Амарне, где до этого работали У. Буриан и Фл. Питри (а изображения в гробницах копировали Норман и Нина де Гарис Дэвис). Борхардтом были реконструированы усадьбы роскошной, строившейся по плану столицы Эхнатона, а Египетский музей в Берлине обогатился шедеврами амарнского искусства (в том числе, в так называемом «доме скульптора Тутмоса» наряду с другими прекрасными скульптурами и их моделями в 1912 г. был найден знаменитый бюст Нефертити в синем венце [Borchardt, 1923]). Являясь атташе по культуре при генконсульстве Германии, он смог решить необходимые дипломатические проблемы и основал Каирское отделение Немецкого археологического института (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo — DAIK) в 1907 г.

В 1931 г. Л. Борхардтом был основан специальный институт для изучения древнеегипетской архитектуры (Schweizerisches Institut

für ägyptische Bauforschung und Altertumskunde), и сейчас расположенный в доме ученого на Замалеке в Каире.

Немецкий археологический институт вел раскопки в Фивах и додинастическом поселении Меримде в Западной Дельте (1929—1938, Г. Юнкер). Находки распределялись при участии Немецкого восточного общества, основанного в 1898 г.

В начале XX в. в связи со строительством Асуанской плотины (1902—1907) археологи обращают свой взор к Нубии (Ф.Л. Гриффит, Г. Юнкер, Дж. Райзнер, Г. Штайндорфф, немного позднее, в 1929—1935 гг., — В. Эмери). В результате возникает новая отрасль египтологии, в центре внимания которой — царства Напата и Мероэ.

В самом Египте начинаются более планомерные раскопки великих некрополей, которые настолько богаты памятниками разных эпох, что и сейчас остаются еще далеко не полностью изученными.

Плато Гизы при помощи жребия было разделено между археологами США, Германии и Италии. С 1899 г. западный некрополь, а затем восточный в течение 30 лет исследовали экспедиции Калифорнийского, а затем Гарвардского университетов и Бостонского музея изящных искусств под руководством Джорджа Эндрю Райзнера (Рейснера) (1867—1942), египтолога немецкого происхождения, ученика К. Зете. Он руководил несколькими крупными археологическими экспедициями не только в Египте, но и за его пределами — в Нубии и Палестине. Примечательно, что в его команду входили русские, вероятно эмигранты (они занимались чертежами). Особенно знамениты работы Дж. Райзнера в гизехском некрополе, где был раскопан нижний (или долинный) храм Менкаура и множество гробниц сановников эпохи Древнего царства [Reisner, 1931]. Это позволило ему создать их типологию, актуальную и сейчас [Reisner, 1936]. В 1925 г. Гиза одарила исследователя самой яркой находкой: когда доставали штатив для фотоаппарата, провалившегося в какое-то отверстие у восточной стороны великой пирамиды, обнаружили шахту, ведущую в погребальную камеру с саркофагом, алебастровым ящиком для каноп, украшениями (серебряные браслеты с изображениями бабочек, инкрустированных полудрагоценными камнями) и мебелью. Деревянные части паланкина, кровати, кресла и навеса дошли в плачевном состоянии, но были покрыты листовым золотом, что

позволило произвести их реставрацию. В настоящее время уникальные памятники занимают отдельный зал Египетского музея в Каире — для эпохи Древнего царства подобных находок очень мало. Так было сделано открытие погребения супруги Снофру и матери Хуфу, царицы Хетепхерес. Однако саркофаг оказался пуст, что привело к разным гипотезам о судьбе тела царицы. Согласно версии современного американского археолога М. Ленера, шахтовое погребение Хетепхерес являлось первоначальным (пока никаких следов предполагаемой гробницы царицы в Дахшуре не найдено), но ее тело и большая часть погребального инвентаря были перезахоронены в одной из трех небольших пирамид к востоку от громады Хуфу. Все сателлитные пирамидки были опустошены грабителями, а шахтовая гробница осталась незамеченной и нетронутой. Памятникам Хетепхерес посвящен 2-й том монументальной «Истории некрополя Гизы», вышедшей уже после смерти автора, настигшей его в этом месте [Reisner, 1942–1955]. Однако в два объемных тома вошли не все подробные отчеты Райзнера, поэтому в Бостоне в настоящее время продолжается переиздание результатов раскопок на основании архивных материалов (удачно, что Райзнер широко использовал фотографирование), дополненных новыми исследованиями. Важные открытия были сделаны Райзнером в Нижней Нубии (Напата, Нури, Эль-Курру, Мероэ): пирамиды 68 эфиопских царей и 5 фараонов XXV династии. В течение долгого времени он являлся куратором египетского отдела Музея изящных искусств в Бостоне, где оказались превосходные памятники Древнего царства из его раскопок в Гизе (в частности, бюст Анхафа и так называемые «резервные головы»). Сначала Дж. Райзнер преподавал в университете Беркли (Калифорния), затем, с 1905 г., в Гарвардском университете, где в 1914 г. стал профессором египтологии.

В начале XX в., до Первой мировой войны в Гизе работали немецкие экспедиции Э. фон Зиглина (в частности, Г. Штайндорффа, У. Хельшера — у пирамиды Хефрена).

Выдающуюся роль в египтологии сыграла публикация 12 томов «Отчета о раскопках в некрополе Древнего царства у пирамид Гизы» Германа Юнкера (1877–1961), положив по сути основание современному изучению эпохи пирамид [Junker, 1929–1955]. В 1912–1914 гг. возглавляемая им экспедиция Немецкого археологического института работала в западном некрополе Гизы; а в

1925—1935 гг. он же руководил там экспедицией Венской академии (памятники частично поступили соответственно в Пелицеус-Рёмер-музеум г. Хильдесхайм и Музей истории искусства в Вене). В результате была расчищена, изучена и образцово опубликована значительная часть огромного некрополя (а не просто отдельные гробницы), что позволило Юнкеру проследить развитие погребальных памятников (в первую очередь, декора часовен), наших главных источников по этому периоду, выявить их хронологию. Для его публикации характерен блестящий филологический анализ надписей и внимание к мельчайшим деталям декора, позволяющие обоснованно подходить к проблеме датирования памятников. В настоящее время это направление комплексного метода изучения гробниц и самого некрополя плодотворно развивает в России А.О. Большаков [Большаков, 1985; 1986; 2001].

Г. Юнкер учился в Берлине, с 1907 г. работал в Венском университете, где в 1923 г. стал одним из основателей Института египтологии и африканских исследований, затем преподавал в Германии и Египте, где в 1929 г. заново организовал Немецкий археологический институт, был членом нескольких академий. Среди его учеников несколько знаменитостей — Б. фон Ботмер, австрийский коптолог В. Тилль (автор классической грамматики коптского), египетский археолог М. Гонейм, З. Шотт и др. Как и другие классики египтологии, Юнкер обладал широкими интересами, о чем свидетельствуют названия его книг, но особенное значение для науки имел его уникальный дар эпиграфиста и филолога: он блестяще справлялся как со староегипетскими надписями, так и с очень специфичными текстами поздних птолемеевских храмов (он издал грамматику текстов Дендеры, изучал мистерии Осириса по надписям Дендеры, Эдфу и Филе [Junker, 1906; 1910]). Начав с раскопок до- и раннединастического некрополя в Туре, а также исследований в Нубии, он завершает свою плодотворную археологическую деятельность в 1929—1938 гг., раскопав неолитическое поселение Меримде в Западной Дельте.

Экспедиция Туринского музея под руководством Э. Скьяпарелли (1856—1928), ученика Ф. Росси и Г. Масперо, работала в центральном некрополе Гизы недолго, но эффективно — в Турин попали прекрасные памятники Древнего царства (концессия в Гизе перешла американцам) [Curto, 1963]. Скьяпарелли копал в Египте много и удачно. В Гелиополе им были найдены рельефы

из храма Джосера, в Асуане — скальная гробница номарха Хуфхора с его знаменитой биографией. В Фивах, в Долине цариц итальянцам повезло открыть гробницу супруги Рамсеса II Нефертари, росписи которой считаются самыми красивыми. Огромным успехом была находка в Дейр-эль-Медине нетронутой ворами гробницы архитектора Ха. Э. Схьяпарелли сначала руководил египетским отделом музея во Флоренции, а затем на протяжении долгих лет Туринским музеем [Schiaparelli, 1923–1927]. С 1914 г. в Италии начинается издание журнала «Aegyptos», специализирующегося в области папирологии.

Постепенно развивается национальная археологическая школа. В 1929–1939 гг. центр Гизы изучается экспедициями Каирского университета и Службы древностей. Ими руководил Селим Хассан, опубликовавший результаты работ в 10 томах [Hassan, 1932; 1941; 1944]. Часть гробниц, например скальные (более редкого типа, чем мастабы), не показались Хассану достойными подробного немедленного изучения: они были замурованы и ждут нового открытия. Ассистенткой С. Хассана, а затем А. Фахри была ученица Э. Баджа, эксцентричная англичанка Д.Л. Иди, более известная как Омм Сети. Влюбленная в храм Сети I в Абидосе, она считала себя реинкарнацией храмового служителя и жила в этом древнем городе до конца своих дней.

Наиболее интересное открытие в межвоенный период сделал другой арабский археолог, Сами Габра (Gabra, 1892–1979), в Туна-эль-Джебель — некрополь священных ибисов и гробницы в греко-египетском стиле (в частности, в 1920 г. Г. Лефевр нашел здесь знаменитую гробницу Петосируса). Получивший образование в Каире, Ливерпуле и Сорбонне, С. Габра был профессором истории древнего Египта в Каирском университете с 1930 по 1952 г., и затем стал основателем и директором Института коптских исследований (1953–1979).

Другой великий некрополь, Саккара, за немногими исключениями (тогда — англичанин С. Фёрс, позднее — его соотечественники В. Эмери и Дж. Мартин) до сих пор «оккупирован» в первую очередь французами. Для Службы древностей здесь работали П. Лако и В. Лоре. В Саккаре в 1926 г. началась многолетняя деятельность Ж.-Ф. Лоэра (Лауэр), архитектора по первому образованию, оставшегося в Египте, дабы воссоздать творение великого Имхотепа — пирамидный комплекс Джосера. Многолетний

кропотливый труд Лоэра привел к надежной реконструкции главных сооружений уникального комплекса (его книга о пирамидах была переведена на русский язык — [Лауэр, 1966]; одна из его последних книг о пирамидах — [Lauer, 1988]). В настоящее время в Саккаре создан музей ученого.

Несколько неплохо сохранившихся пирамидных комплексов Саккары, в том числе принадлежавших трем супругам Пепи II, раскопал в 1930-е гг. Г. Жекье [Jéquier, 1936–1940], работавший для Французского института восточной археологии. Особенно важны его находки рельефов и составленных для цариц «Текстов пирамид». В 1924–1925 гг. Г. Жекье исследовал так называемую мастабу Фараун — погребальный памятник предпоследнему царю IV династии Шепсескафа, имеющий форму огромного саркофага. По мнению швейцарского ученого, отказ от уже ставшей традиционной пирамиды означает разрыв с гелиопольским жречеством. Этот комплекс, незавершенный и неиспользованный (отсутствует погребальный инвентарь), до сих пор не расчищен полностью, что осложняет его интерпретацию [Jéquier, 1928].

Еще одним богатым «полем деятельности» были в начале XX в. и остаются и сейчас Фивы, особенно расположенный на западном берегу великий город мертвых. Огромное значение для науки имели раскопки гробниц и поселка работников царского некрополя (Дейр-эль-Медина), осуществляемые на рубеже веков итальянской экспедицией Э. Скьяпарелли, в 1911 и 1913 гг. здесь недолго работали немцы (Г. Мёллер), а с 1914 г. Французский институт восточной археологии. С 1921 по 1952 г. французской экспедицией руководил Б. Брюйер (1879–1971), публиковавший ежегодно подробные отчеты (последний — [Bruyère, 1953]). Очень интересны оказались гробницы самих художников, маленькие, но прекрасно расписанные (в частности, Сеннеджема [Bruyère, 1959]). В 1941 г. здесь расчищали храм птолемеевского периода; сам поселок эпохи Нового царства был найден уже после Второй мировой войны. Важно это открытие потому, что, как известно, в Египте в силу ряда причин археологи по-прежнему предпочитают раскапывать некрополи, а не поселения, а это отражается на специфике наших источников. Кроме того, этот поселок особенно интересен: достаточно сказать, что уровень грамотности его жителей превышал среднеегипетские показатели по крайней мере в 10 раз (в Мунире хранится огромное количество найденных здесь

острака с надписями и изображениями; литературными занимался Ж. Познер, хозяйственными — Я. Черни, изобразительными — Ж. Вандье-д'Аббади). Не случайно именно на богатых материалах Дейр-эль-Медины построены труды Е.С. Богословского [Богословский, 1983].

Кроме всемирно известных поминальных храмов фараонов Нового царства, на западном берегу Фив располагались и их скальные усыпальницы, расписанные удивительными изображениями и текстами и некогда полные сокровищ. Еще в 1898 г. французский археолог В. Лоре (см. о нем ниже) нашел в Долине царей две новые гробницы: Тутмоса III и Аменхотепа II (где, как и в тайнике в Дейр-эль-Бахри, были перезахоронены некоторые фараоны Нового царства), а позже — Тутмоса I. В начале XX в. много средств и сил в расчистку и сохранение фиванского некрополя и в публикации памятников вложил сэр Р. Монд. Также раскопки и публикации их результатов финансировал тогда Теодор Дэвис. Самым ярким из его проектов стала усыпальница Иуйи и Туйи, найденная Дж. Квибеллом. Три гробницы, в том числе Хоремхеба, открыл начинавший у Питри в Абидосе английский археолог Э.Р. Эйртон (E.R. Ayrton).

Говард Картер (1874–1939), учившийся у Питри, Гриффита и Навилля, обнаружил в 1903 г. усыпальницы Хатшепсут и Тутмоса IV, а чуть позже в 1905–1908 гг. еще две гробницы. Английский археолог упорно искал гробницу Тутанхамона, но так как результаты не обнадеживали, Дэвис отказался от финансирования. Через десять долгих лет поиски Картера увенчались грандиозным успехом: в 1922 г. он, спонсируемый лордом Карнарвоном, открыл гробницу — единственное царское погребение, не тронутое грабителями [Carter, 1923–1933]. Вход в него был засыпан строительным мусором при устройстве усыпальницы Рамсеса VI, расположенной как раз над входом в гробницу Тутанхамона. Эта самая маленькая усыпальница Долины царей — четыре небольших помещения, причем только одно из них скромно расписано — остается самым богатым погребением, найденным на Ближнем Востоке. Оно дало колоссальное количество великолепных памятников, занимающих половину второго этажа Египетского музея в Каире (выставлены не все находки, музейной площади не хватает). Трудно даже представить, какие богатства могли содержать огромные гробницы таких царей, как Сети I (более 100 м в длину), тем более

что Тутанхамон был похоронен в спешке. В истории египтологии открытие гробницы Тутанхамона прочно связано с «проклятием фараона», раздутой прессой историей о якобы неслучайной серии смертей, настигших всех имевших отношение к усыпальнице юного царя. С разоблачением этой газетной «утки» пришлось выступить уже Г. Картеру, тем не менее и сейчас этот сюжет и его вариации необыкновенно популярны в околону научной литературе.

На рубеже XIX–XX вв. в египетской археологии и эпиграфике начинают применять фотографирование. Известно, что благодаря фотографиям и негативам гизской экспедиции Дж. Райзнера с 1974 г. издается (с привлечением новых исследований) «Бостонская серия» мастаб («Giza Mastabas», Boston). Черно-белые фотографии использованы во многих изданиях начала XX в. (Ж. Капара, Ф. фон Биссинга, Г. Штайндорфа). Как публикация источников сохраняет значение составленный В. Врежинским «Атлас истории древнеегипетской культуры» [Wreszinski, 1923–1942]. В Долине царей фотография как основа для окончательных прописок впервые была использована Феликсом Гильманом для открывшей новые перспективы в издании памятников такого рода публикации гробницы Рамсеса IX [Guilmant, 1907].

Но и сейчас, когда техника фотографии развилась необычайно, в археологических экспедициях в Египте по-прежнему необходимы художники (особенно для реставрации рельефов и росписей). Огромное количество изображений из усыпальниц фиванского некрополя и гробниц Телль-Амарны скопировал английский египтолог Норман де Гарис Дэвис (больше 25 томов) и его жена Нина (она делала превосходные цветные копии избранных сцен [Garis Davies, 1963]) для британского Общества изучения Египта (EES); затем они выполняли такую же работу для музея Метрополитэн в Нью-Йорке (публикации материалов из двух замечательных гробниц [Garis Davies, 1941; 1943]). Британское Общество изучения Египта также помогло осуществиться археологическим и копировальным работам Э. Навилля в Дейр-эль-Бахри (главным художником в экспедиции был Г. Картер, копии которого отличаются высокой точностью), Дж. Пендлберри и Г. Франкфорта в Телль-эль-Амарне, Э. Кэлверли в храме Сети I в Абидосе (высоко оценены ее копии великолепных рельефов), Б. Гренфелла и А. Ханта в Оксиринхе, В. Эмери в Нубии и раннединастическом некрополе Саккары. Кроме публикаций результатов раскопок

и научных трудов в 5 сериях, с 1914 г. британским Обществом выпускается журнал по археологии, и в настоящее время один из главных египтологических вестников, официальный орган EES («Journal of Egyptian Archaeology» — JEA; до этого публикации помещались в «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology»), а с 1991 г. — его научно-популярный аналог («Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egypt Exploration Society»).

Начатые в 1930 г. С. Фёрсом раскопки в Северной Саккаре с 1936 г. продолжила английская экспедиция под руководством У. Эмери* [Эмери, 2001], нашедшая здесь гробницы Раннего царства, интерпретация которых породила в науке длительную дискуссию о том, где были возведены истинные погребения фараонов I–II династий — в Абидосе или Саккаре. Сам Эмери полагал, что нашел подлинные погребения, а в Абидосе находятся кенотафы. Ю.Я. Перепелкин придерживался противоположной точки зрения. В последнее время она получает все больше аргументов в связи с интенсивными раскопками немецких экспедиций в районе Умм-эль-Кааб. Английский египтолог Барри Кемп подвел итоги дискуссии следующим образом: гробницы царей I династии находятся в Абидосе, а II династии, за исключением двух последних царей — в Саккаре. Важны найденные Эмери надземные части гробниц из кирпича-сырца, не сохранившиеся в Абидосе; примечательны две богатые усыпальницы цариц I династии. Усложняет проблему открытие огромных частных гробниц, соперничающих по размерам и погребальному инвентарю с царскими (например, гробница Хемака). Сравнительный материал дают 132 погребения, принадлежавшие средним и бедным слоям.

Открытие гробницы Тутанхамона вызвало резкий подъем интереса к Египту. Бельгийская королева, восхитившись успехом Г. Картера, способствовала основанию Ж. Капаром (1877–1947) Египтологического фонда в 1923 г. (Fondation Égyptologique Reine Élisabeth), обеспечивающего соответствующие издания, в частности, иероглифических транскрипций литературных произведений (А. Гардинер, Э. Блэкмен); в Брюсселе стал выходить в свет посвященный Египту журнал («Chronique d'Égypte», материалы не только по Египту периода фараонов, но и греко-римской и христианской эпох). Были спонсированы раскопки в Фивах и Эль-Кабе,

* У. Эмери заинтересовался египтологией, читая увлекательные романы Р. Хаггарда.

причем часть находок пополнила коллекции Королевского музея искусства и истории в Брюсселе. Начиная свою карьеру его хранителем в 1900 г., Капар стал директором музея и профессором в Льеже. Одна из лучших его работ — первый обобщающий труд об архаических памятниках [Capart, 1905]. В Лувене в начале XX в. Восточным институтом университета руководил коптолог Л. Лефорт.

В 1923 г. Э. Дриотон в Коллеж де Франс создает Французское общество египтологии (*Société Française d'Égyptologie*), публикующее свой «Бюллетень» с 1955 г. и научный журнал («*Revue d'Égyptologie*»; пришел на смену просуществовавшему только 1932 год «*Revue d'Égypte ancienne*»; первый египтологический журнал во Франции был основан еще в 1880 г. Э. Ревиллу вместе с Г. Бругшем и Ф. Шаба — «*Revue égyptologique*»).

Одним из «любимчиков» археологической фортуны был Пьер Монте (1885–1966). В 1920–1924 гг. он руководил археологической экспедицией в Библе (Ливан), важном восточноморском форпосте египтян. Библ традиционно копали французы, активно проявлявшие свои колониальные интересы в Ливане (в 1860 г. экспедиция Э. Ренана, автора нашумевшей книги «Жизнь Иисуса», а с 1926 г. — М. Дюнана). Монте обнаружил царский некрополь Библа (ювелирные украшения и масса предметов, как египетских, так и сделанных на месте по египетским образцам; жемчужиной собранных коллекций стал так называемый «саркофаг Ахирама» с древнейшей финикийской алфавитной надписью) [Montet, 1928–1929]. В настоящее время датировки архитектурных деталей египетского происхождения в Библе временем Древнего царства оспариваются — В. Хельк и вслед за ним Р. Штадельман полагают, что это памятники Нового и Позднего царств, а остатки фундамента вообще показывают неегипетский способ построения.

В 1928 г. под руководством Монте была проведена археологическая разведка в Танисе — на северо-востоке дельты Нила (Сан-эль-Хагар), и до 1951 г. с перерывом из-за войны П. Монте раскапывал столицу XXI династии. Здесь успели уже поработать О. Мариетт и У.М. Флиндерс Питри. Но главные находки достались Монте: в 1939 г. обнаружен практически нетронутый грабителями некрополь фараонов XXI–XXII династий, т.е. времени малоизученного III переходного периода (серебряные саркофаги,

золотые маски, ювелирные украшения, драгоценные сосуды и другие предметы роскошного погребального инвентаря). Было найдено несколько храмов и такое количество скульптур, что искусствоведы стали писать о «танисской школе». Кроме того, собран богатый материал по эпохе правления Рамсеса II. Как место добычи «антиков» Танис был известен с начала XIX в.: примечательно, что обнаруженные здесь французским скульптором Ж. Ри-фо в 1825 г. статуи попали в коллекции музеев Парижа, Берлина и Петербурга. С 1965 г. французскую экспедицию в Танисе возглавил Ж. Йойотт, а с 1985 г. — Ф. Бриссо [Tanis, 1987].

В том же 1928 г. Монте основал издающийся и сейчас египтологический журнал «Kémi». Он преподавал в Страсбурге и Париже, а из его работ, помимо археологических публикаций, сохраняет актуальность диссертация о развитии декора поминальных часовен гробниц Древнего и Среднего царств [Montet, 1925].

В становлении американской египтологии большую роль сыграли труды Дж. Райзнера (см. о нем выше), бывшего куратором Музея изящных искусств в Бостоне и преподававшего в университете Беркли (Калифорния) и в Гарварде, где в 1914 г. он стал профессором египтологии.

Другой крупной фигурой американской школы был археолог Герберт Уинлок (1884–1950), в 1906–1931 гг. много копавший в Египте для музея Метрополитэн в Нью-Йорке. Классическими были признаны его работы в Дейр-эль-Бахри, где он после экспедиции Э. Навилля продолжил расчистку поминальных царских храмов, нашел и издал материалы из нескольких важных гробниц вельмож эпохи Среднего царства с великолепными деревянными моделями [Winlock, 1942]. Уинлоку удалось почти полностью восстановить археологический контекст некрополя, разоренного за сто лет до его экспедиции. Его раскопки, техника которых восхищала даже Питри, дали много материала по I и II переходным периодам, причем важны и его работы, посвященные этим смутным эпохам [Winlock, 1947]. Экспедицией Уинлока были найдены письма Хеканакта.

В 1924 г. Дж.Г. Брестед (см. о нем ниже) основал в Луксоре Эпиграфическую службу Восточного института Чикагского университета (Epigraphic Survey of the Oriental Institute, обычно называемый Chicago House). Сначала американские художники и эпиграфисты копировали надписи и изображения в храме

Мединет-Абу, разработав особую методику факсимильных рисунков, основанных на фотографиях (причем, если на памятнике сохранились краски, их передавали при помощи наложения гуаши на увеличенные фотоснимки). Вскоре пришлось прибегнуть к дополнительным раскопкам и зачисткам и факсимильное издание затянулось на 40 лет — 1930—1970 гг. (в качестве архитектора пригласили У. Хельшера) [Medinet Habu, 1970]. Копировались также надписи и изображения Карнака и Луксора, внутренних помещений храма Сети I в Абидосе (А.М. Кэлверли и М.Ф. Брум), а в Нубийскую кампанию — храма Бейт-эль-Вали.

Институт Гриффита (Griffith Institute) при Эшмолеанском музее Оксфордского университета был основан в 1935 г. выдающимся филологом и переводчиком на его средства. Фрэнсис Л. Гриффит (1862—1934) увлекся Египтом, читая сочинения Дж. Бельцони, самостоятельно выучил древнеегипетский язык, четыре года провел на раскопках у Фл. Питри, сам потом копал в Нубии, преподавал в Лондоне и Оксфорде. Среди его учеников: А. Гардинер, Э. Блэкмен, Г. Картер, С. Глэнвилл. Прекрасный специалист по иератике, он издавал папирусы Кахуна и Гуроба (папирусы Питри [Griffith, 1898]), демотические тексты, надписи Сиута [Griffith, 1889], но главным его достижением была дешифровка мероитского письма [Griffith, 1911—1912].

По инициативе Гриффита две его ученицы Б. Портер (1852—1941; она училась также у К. Зете) и Р. Мосс (1890—1990) взялись за издание одного из важнейших многотомных справочников: «Топографическая библиография древнеегипетских иероглифических текстов, рельефов и росписей» [Topographical bibliography, 1927—1951]; его переиздание с дополнениями осуществляется Институтом с 1960 г. Библиотека Института богата книгами крупных ученых: самого Гриффита, У. Крама, А. Сейса, А. Гардинера. Архивы содержат материалы экспедиции Г. Картера (они постепенно публикуются), рукописи Дж. Уилкинсона, А. Гардинера, Б. Ганна, Я. Черни и других.

Постепенно в археологии начинается использование методов естественных наук. Пионером в данной сфере стал английский химик Альфред Лукас (1867—1945), сыгравший выдающуюся роль не только в изучении химического состава разных памятников, но и в разработке методов их реставрации и консервации (в частности, именно он работал у Г. Картера с находками из гробницы

Тутанхамона, а позднее у П. Монте над вещами из Таниса). Важен и его вклад в исследование методов мумификации: он проверил и уточнил выводы Э. Смита (см. ниже). Его главный труд 1926 г., переиздававшийся несколько раз — «Материалы и ремесленные производства древнего Египта» — был переведен на русский язык [Лукас, 1958] и до недавнего времени являлся главным справочником в данной области.

Первое исследование мумии и публикация результатов были осуществлены молодым британским врачом А. Гренвиллом в 1825 г., но начало научному изучению мумификации как особого направления египтологии положил Эллиот Смит (1871–1937) — австралийский анатом и антрополог, в начале XX в. занимавший пост профессора анатомии в Каирской медицинской школе [Smith, 1924]. Важное значение для этого направления имело открытие неразрушительной методики — рентгенографии (в нашей стране впервые осуществлено в 1921 г. врачом Э.В. Лютером из 1-й Градской больницы и египтологом В.М. Викентьевым). Самые крупные коллекции мумий хранятся в египетских собраниях Каира и Берлина, но «популярность» этих источников у исследователей несравненно ниже, чем у авторов детективов и сценаристов, что, видимо, объясняется не только внушительным объемом необходимых знаний в совершенно разных науках, но и дороговизной научного оборудования. Хорошие результаты дает компьютерная томография. В последние десятилетия наиболее активно мумии изучаются в Англии (Р. Дэвид, Манчестер) и США.

Изучение древнеегипетского языка и письменности. Берлинская школа. К концу XIX в. в науке о древнем Египте был накоплен уже столь значительный по объему фактический материал, что появляются большие обобщающие работы. Выше упоминались «История Египта» Г. Бругша (1877) и «История народов классического Востока» Г. Масперо; в 1887 г. вышел в свет двухтомный труд на ту же тему Э. Мейера (1855–1930). Параллельно он работал над главной книгой своей жизни — «Древняя история» (2 т., 1884–1902). Особая заслуга Э. Мейера — создание хронологии древнего мира; он написал и специальную монографию по хронологии Египта (1904), книгу об эпохе пирамид и об иудейской военной колонии на Элефантине. В те же годы К.А. Видеман (1856–1930), ученик Эберса, Масперо и Лепсиуса, издал свою «Историю Египта» (2 т.,

1884—1888). Больше он известен как автор первого комментария ко II книге Геродота [Wiedemann, 1890]; также занимался религией, особенно заупокойными верованиями. Чуть позднее выйдут в свет труды Дж. Брестеда и Б.А. Тураева.

Для большинства ученых этой «героической» эпохи характерна широта интересов, но постепенно нарастает специализация. Главным направлением остается изучение языка, и в этой области основные достижения связаны с именами немецких ученых.

Дело Лепсиуса продолжил его и Г. Эберса достойный ученик, выходец из семьи швейцарских протестантов Адольф Эрман (1854—1937), которого часто и справедливо называют основателем берлинской египтологической школы. На смену попыткам сравнений с китайской иероглификой (ею владели, например, такие известные египтологи, как Ч. Гудвин, С. Бёрч и П. Ле Паж Ренуф) пришли представления о родстве египетского с семитскими языками (одним из первых это увидел известный ирландский ассириолог Э. Хинкс). А. Эрман доказал сходство египетской формы качества и состояния с аккадским стативом. Важным шагом вперед было выделение стадий развития древнеегипетского языка: еще молодой ученый создал пионерскую грамматику новоегипетского [Erman, 1880]. Эрману принадлежит классическая грамматика среднеегипетского, игравшего в этой культуре роль золотой латыни [Erman, 1894], и усовершенствованная система транслитерации египетских текстов. Ясностью стиля и точностью формулировок отличаются и другие работы: по религии, быту, а также переводы литературных произведений с краткими, но яркими комментариями [Erman, 1890; 1901—1911; 1906; 1934].

Обессмертила себя берлинская школа, возглавив международную кампанию по созданию многотомного словаря (часто его называют «Большим берлинским»). Главными редакторами стали А. Эрман, предложивший план создания словаря в 1895 г., и Г. Грапов (H. Grapow, 1885—1967), а в авторский коллектив вошли не только немцы, но и ученые из других стран. В результате совместных усилий была создана картотека из 1,5 млн карточек с цитатами из разных источников. С 1926 по 1937 г. вышло пять основных томов словаря, а потом (до 1963 г.) семь дополнительных — со ссылками на источники, указателями, цитатами и т. д. Стоит добавить, что в основном словарь был переписан от руки

датским египтологом В. Эриксеном* и издан ротапринтным способом [Erman, Grapow, 1926–1931]. В настоящее время картотека хранится в архиве Прусской академии наук в Берлине и переводится на электронные источники, оставаясь сокровищницей наследия древней культуры.

А. Эрман был не только выдающимся исследователем, но и талантливым педагогом, воспитавшим целую плеяду замечательных учеников: П. Бёзер, Ф. фон Биссинг, Л. Борхардт, Дж.Г. Брестед, У. Вилькен, В. Врежинский, А. Гардинер, Г. Грапов, К. Зете, Г. Жекье, Ф. Лекса, Г. Мёллер, Г. Ранке, Г. Рёдер, Б.А. Тураев, Г. Шефер, Г. Штайндорфф и др. Очень многие учились у Эрмана и его учеников (например, А. Пьянков, а также Г. ван дер Лёв — у Эрмана и Зете, А. де Бук — у Эрмана, Зете и Мёллера, Тураев — у Эрмана и Шпигельберга).

Одним из первых учеников был Георг Штайндорфф (1861–1951), блестяще проявивший себя как в египтологии, так и в коптологии (его коптская грамматика до сих пор остается одной из лучших [Steindorff, 1951]). Он установил правила вокализации в древнеегипетском, писал об искусстве и религии, издавал на протяжении 40 лет *ZÄS*, вел раскопки в Ливийской пустыне, Гизе и в Нубии [Steindorff, Hölscher, 1991]. Его знание археологического материала помогло ему правильно определить обнаруженные Питри в Нагаде памятники как додинастические. С 1893 г. до вынужденной эмиграции в 1938 г. Г. Штайндорфф являлся профессором университета в Лейпциге, где основал Египетский институт и заметно обогатил его музей памятниками из раскопок. Среди его учеников: П. Бёзер, Г. Грапов, В. Хельк, Г. Кеес. В США он продолжил работу в музеях, составил 12-томный каталог египетских предметов Галереи искусств Уолтерса в Балтиморе, ставший основой последующих (например, [Steindorff, 1946]).

Курт Зете (1869–1934) — самый яркий из учеников Эрмана, его «наследник» по кафедре в Берлинском университете. Можно сказать, он «завершил» дешифровку, начатую Шампольоном. Именно он доказал, что египетские иероглифы передают только согласные и их сочетания. Главной работой Зете стал труд о глаголе в 3 томах [Sethe, 1899–1902], обосновавший соответствие

* W. Erichsen ассистировал Эрману и при переиздании грамматик и Хирургического папируса Эдвина Смита; под влиянием К. Зете Эриксен специализировался на демотике.

египетских геминирующих и негеминирующих форм семитским перфекту и имперфекту. Он показал, что староегипетский — это особая стадия развития языка, что выражается, в частности, в структуре предложения, и разграничил периоды развития вокализации [Sethe, 1916—1919]. Прекрасный эпиграфист, он качественно издавал надписи самых разных эпох — от Древнего царства до греко-римского периода, причем как иероглифические, так и демотические. Вершиной были «Тексты пирамид» с переводом и комментарием [Sethe, 1960] — до сих пор это лучшее их издание, превосходящее вышедшие ранее французский (Л. Спелеерса) и позднее английские (С. Мерсера и Р. Фолкнера) переводы (последние удобнее в использовании для неегиптологов)*.

Интересны его работы по Раннему царству, где он восстанавливает последовательность царей по находкам Питри в Абидосе [Sethe, 1905]. С 1903 г. Зете начал издавать важную серию источников («Urkunden des ägyptischen Altertums»). Он успел выпустить «Документы» греко-римского времени и Древнего царства, начал работу над текстами XVIII династии (вышло 4 тома), завершённую затем В. Хельком; уже после смерти Зете в 1935 г. были опубликованы «Историко-биографические документы Среднего царства». Как преподаватель Зете отличался суровостью, и, вероятно, консервативностью во взглядах (например, он отговаривал Элизабет Баумгартель, в дальнейшем известную специалистку по додинастическим культурам [Baumgartel, 1947—1960], от занятий египтологией — ей пришлось завершать работу у В. Врежинского в Кенигсберге); впрочем, был очень мягок с учениками из Египта (Абу Бакр). Среди его учеников — К. Блеекер, В. Вольф (также учился у Г. Ранке), К. Зееле, Г. Кеес, Х. Полоцкий (также учился у Г. Кееса), Б. Портер, А. Пьянков (и у Эрмана), Дж. Райзнер, З. Шотт (также — у Ранке и Юнкера).

* Сейчас очевидно, что необходимо издавать «Тексты пирамид» по отдельным гробницам: в настоящее время именно так — по отдельности для каждого царя или царицы — будут издаваться «Тексты пирамид» французами, нашедшими и восстановившими многие надписи в погребальных камерах царских усыпальниц Саккары. Впервые такое издание текстов Униса осуществил в 1968 г. А. Пьянков, возможно, не без влияния статьи М.Э. Матье «Тексты пирамид — заупокойный ритуал (о порядке чтения Текстов пирамид)» в № 4 ВДИ за 1947 г. По ее мнению, чтение этих ритуальных текстов следует начинать со стен коридора, ведущего в погребальную камеру, где находился саркофаг и завершающие тексты (в издании Масперо порядок был обратным).

Короткой оказалась жизнь Георга Мёллера (1876–1921), обладавшего разносторонними талантами, но известного прежде всего в качестве выдающегося знатока иератикки. Именно ему наука обязана разработкой палеографии и специальных пособий для чтения иератических текстов [Möller, 1909–1910; 1909–1912]. Мёллер проявил себя и в археологии: в 1905–1906 гг. обнаружил додинастический некрополь в Абусир-эль-Мелеке, а в 1911 и 1913 гг. возглавлял немецкие экспедиции в Дейр-эль-Медину.

«Эрманом в истории искусства» называют Генриха Шефера (1868–1957). С 1907 г. он был директором Берлинского египетского музея и сделал очень много для реорганизации и каталогизации памятников; также преподавал в университете. Как прекрасный филолог Шефер участвовал во многих международных проектах (вместе с Г. Ланге составил каталог стел Среднего царства из Каирского музея, собирал с Г. Юнкером нубийские надписи); издал важные источники: в 1905 г. — надписи эфиопских царей в серии «Urkunden»; в 1913 г. — надписи Берлинского музея; сохраняют актуальность его публикации Медицинского папируса Эберса и древнейших царских анналов — надписи на Палермском камне. Главные из его многочисленных трудов посвящены искусству [Schäfer, 1963] (в частности, поэтому он был избран почетным членом Института искусствознания АН СССР).

Учеником Эрмана (а также Й. Дюмихена и Г. Масперо) был Вильгельм Шпигельберг (1870–1930), преподававший в Страсбурге. Сначала он занимался изданием иератических папирусов, причем его диссертация была посвящена юридическим текстам. Позднее увлекся демотикой и стал наряду с Гриффитом ведущим европейским специалистом в этой области (издал многие важные демотические рукописи, документы архива Зенона, египетские и греческие граффити). Также он является автором «Карманного коптского словаря» [Spiegelberg, 1921], превзойденного только словарем У. Крама, «Демотической грамматики» [Spiegelberg, 1925] и 159 статей для ZÄS.

Одним из последних учеников Эрмана был Рудольф Антес (1896–1985), принявший участие в работе над Берлинским словарем. В 1930-е гг. он преподавал в университете в Халле, потом был временно отстранен от работы нацистами, а в 1950 г. эмигрировал из ГДР в США. В центре его научных интересов была религия

древнего Египта, особенно эпохи пирамид (его очерк мифологии в русском переводе О.Д. Берлева [Антес, 1977]).

У Эрмана учились многие иностранцы, сыгравшие впоследствии важную роль в становлении и развитии национальных школ. Для России это был Борис Александрович Тураев (1868–1920), проходивший стажировку в Берлине после обучения в Петербургском университете, где он постигал основы египтологии у сокурсника Эрмана О.Э. фон Лемма (см. пункт «Становление отечественной школы египтологии»). Затем в Берлине стажировались ученики Тураева: Н.Д. Флиттнер, И.М. Волков, В.В. Струве, В.М. Викентьев.

Основоположником американской школы стал Джеймс Генри Брестед (1865–1935), первый в Новом Свете профессор египтологии и истории Востока (1905 г., Чикагский университет). Работавший у Эрмана над карточками Берлинского словаря, Брестед собрал прекрасный корпус важнейших древнеегипетских надписей всех исторических эпох, которые издал в переводах на английский с комментариями в 5 томах (1906–1907; хотя в корпус не вошли религиозные, литературные, «научные» тексты, он остается очень качественным пособием для студентов). В 1905–1907 гг. он возглавил экспедицию Чикагского университета в Нубию; ее целью было скопировать надписи южнее 1-го порога — так было положено начало знаменитой эпиграфической школе, называемой иногда чикагской (см. выше о работе в храме Мединет-Абу). Брестеду также принадлежит хорошо написанная фундаментальная «История Египта с древнейших времен до персидского завоевания» в 2 томах, переведенная на русский язык В.М. Викентьевым и посвященная В.С. Голенищеву «в знак почтения и уважения» [Брестед, 1915]. Автор сосредоточился в ней на подробном описании политической и социальной истории страны, причем снабдил текст многочисленными сносками на свою пятитомную антологию источников. Важен труд Брестеда о развитии религиозных представлений древних египтян [Breasted, 1912]. Ученый был также выдающимся организатором и популяризатором науки: благодаря финансовой помощи Дж. Рокфеллера Брестед основал Восточный институт в Чикаго, а затем его отделение в Луксоре. Похвалы президента США Т. Рузвельта удостоился его учебник по древней истории. Также он издал два сложнейших текста: «Памятник мемфисской теологии» и Хирургический папирус Эдвина Смита [Breasted, 1930].

Среди учеников Эрмана следует также назвать имя чешского египтолога Франтишека Лексы (1876–1960), хотя в Берлине и Страсбурге он стажировался кратковременно и, подобно В.С. Голенищеву, изучил египетский язык самостоятельно. С 1919 г. он читал лекции по египтологии в пражском Карловом университете, где уже в 1922 г. стал первым профессором по этой дисциплине. В 1927 г. была открыта кафедра египтологии, а затем и институт при философском факультете (1958). В сферу интересов Ф. Лексы входила прежде всего филология, религия и магия (его работа до сих пор остается одной из основных по этой сложной теме [Lexa, 1925]). С 1947 по 1951 г. издавалась его главная работа — фундаментальная «Демотическая грамматика» (7 т. [Lexa, 1947–1951]) (демотикой он занимался у В. Шпигельберга, также ученика Эрмана). Ф. Лекса в свою очередь подготовил несколько прекрасных специалистов: Ярослава Черни (1898–1970), стажировавшегося также у Эрмана и работавшего большей частью в Англии (много занимался иератическими текстами, прежде всего нелитературного содержания на острака из Дейр-эль-Медины), Збынека Жабу, унаследовавшего институт в 1971 г., и Михаила Владимировича Малинина (1900–1977), талантливого египтолога русского происхождения (в 1918–1919 гг. он успел поучиться в Московском университете, затем семья мэра Москвы эмигрировала в Прагу, а потом оказалась в Париже).

Еще одно всемирно известное имя — Алан Хендерсон Гардинер (1879–1963), британский египтолог, автор классической грамматики среднеегипетского языка (1-е изд. — Оксфорд, 1927; 3-е — 1953 г. [Gardiner, 1927]). Заинтересовавшись египтологией в детстве, он учился у Ф.Л. Гриффита в Университетском колледже (Лондон), а затем в течение десяти лет стажировался в Берлине у А. Эрмана, принимая активное участие в работе над Большим берлинским словарем. Научное влияние на него оказал также филолог Б. Ганн. Будучи обеспеченным человеком, Гардинер предпочитал не заниматься преподаванием или работой в музее, а готовить публикации, в чем весьма преуспел. Ему принадлежат публикации и переводы многих известнейших текстов, как литературных, так и административных и религиозных («Странствия Синухета», папирус Анастаси I и др. [Gardiner, 1911; 1937]). Важна его работа о синайских надписях: Гардинер считал, что они являются промежуточным звеном между египетской иероглификой

и семитскими алфавитами (сейчас эта точка зрения имеет много сторонников). Именно ему В.С. Голенищев, дружески к нему расположенный, отдал для публикации «Словник (Ономастикон) Аменемопе» из своей коллекции, первую древнеегипетскую энциклопедию ([Gardiner, 1947]; в этом издании его ассистентом был Р. Фолкнер, что было для последнего превосходной практикой).

Также у Эрмана учились голландец П. Бёзер, француз А. Готье, швейцарец Г. Жекье, англичанин У. Крам, датчанин Х. Ланге, русский А. Пьянков, американка К. Уильямс.

Но было бы неверно свести всю египтологию начала века к берлинской школе. Подчеркивание сходства египетского языка с семитскими вызывало некоторое противодействие, особенно вне Германии: так, Масперо указывал на связи с берберскими языками, что позднее приведет к определению египетского как семито-хамитского, а потом точнее — афразийского языка. Критиковали взгляды берлинской школы В.С. Голенищев, англичанин Б. Ганн (1883–1950), швейцарец Э. Навиль (одна из главных его работ — публикация «Книги мертвых»), австриец С. Райниш. Английский ученый Э.А.Т.У. Бадж (1857–1934) настолько демонстрировал несогласие с немецкой системой, что отверг даже принятую всеми транскрипцию [Budge, 1920]. Впрочем, он сам, несмотря на очевидные заслуги перед наукой (для Британского музея он раздобыл множество древних памятников, клинописных табличек и египетских папирусов, опубликовал важные тексты на разных языках, издал так много книг и статей, что подозревают, что за него работала целая команда, вел раскопки в Египте и Месопотамии), являлся и является постоянным объектом критики. Тем не менее целый ряд популярных работ Баджа постоянно переиздается по всему миру, в том числе и в России, что способствует повышению интереса к древнему Египту [Budge, 1960].

Изучение египтологии в университетах. Франция. В XIX в. в европейских университетах возникают кафедры египтологии, причем самая первая была предоставлена Ж.-Ф. Шампольону в Коллеж де Франс, правда, случилось это за год до его смерти, почему у великого ученого не было «прямых» учеников. Преемниками Шампольона по кафедре были Ш. Ленорман, Э. де Руже, Г. Масперо и А. Море. Во Франции, прежде всего в Париже, появляются и другие центры, занимающиеся подготовкой египтологов: в 1869 г. Г. Масперо стал профессором египтологии в *École des*

Hautes Études; ему на смену пришел Э. Гребо, а затем Э. Лефевбюр; коптолог Э. Амелино преподавал там историю религий. С 1919 г. Э. Дриотон был профессором египетского и коптского языков в Католическом институте, а после войны преподавал в Коллеж де Франс. В Католическом институте с 1936 по 1948 г. профессором коптского языка был М. Малинин (1900–1977), потом до 1970 г. он руководил работой École Pratique des Hautes Études (до него с 1928 по 1948 г. этот пост занимал Г. Лефевр, автор классической грамматики среднеегипетского языка и антологии переводов литературных текстов). В Париже Малинин учился у Э. Дриотона и А. Сотта, в 1953–1955 гг. принимал участие в раскопках Дейр-эль-Медины. Малинин опубликовал много поздних иератических, демотических и коптских текстов [Malinine, 1953–1983], он обладал особым талантом к чтению невероятно сложного энigmatического письма. Сейчас Центр египтологических исследований в Сорбонне возглавляет Н. Грималь, а П. Верню — École Pratique.

В Лионе, где в конце XIX в. находился музей Э. Гиме, переведенный в 1885 г. в Париж, лекции по египтологии читали Э. Лефевбюр и В. Лоре. На рубеже веков В. Лоре [Loret, 1859–1946], ученик Г. Масперо и один из лучших во Франции преподавателей, основал Школу египтологии в Лионе. Сам он увлекся Египтом ребенком — случайно ему в руки попали несколько страниц из «Грамматики» Шампольона. Его научные интересы были очень разнообразны и включали ботанику, зоологию и музыку; будучи директором египетской Службы древностей, в 1897–1899 гг. он открыл тайник с царскими мумиями в гробнице Аменхотепа II. Среди его учеников — П. Монте, которому именно Лоре дал перспективную тему диссертации — изображения в вельможеских гробницах Древнего царства. В настоящее время в Лионе работает Институт египтологии, возглавляемый известным специалистом по религии и заупокойным верованиям Ж. Гойоном. Доминик Вальбельль руководит Институтом папирологии и египтологии в Лилле. В Страсбургском университете с 1928 по 1964 г. работал П. Монте (в XIX в. здесь преподавали немцы: Й. Дюмихен и В. Шпигельберг).

В дальнейшем кафедру Шампольона в Сорбонне занимали Ж. Познер, Ж. Леклан, Ж. Йойотт.

В Германии первая кафедра египтологии была организована в Берлинском университете для К.Р. Лепсиуса, чему способствовал

знаменитый естествоиспытатель и путешественник, один из основателей университета, А. фон Гумбольдт, присутствовавший на историческом докладе Шампольона в Париже и сразу поверивший в правильность его дешифровки. Эта кафедра перешла А. Эрману, а затем К. Зете. Потом здесь работал Г. Грапов, соредатор Эрмана по изданию Большого берлинского словаря; после войны — ученик Грапова Ф. Хинце, также принявший участие в создании словаря, а потом много сделавший для открытия нового направления — изучения древнего Судана. Его преемниками стали Ш. Вениг и Э. Эндесфельдер. В Свободном университете Западного Берлина после войны работал египтологический семинар Г. Фехта, которому наследовал Ю. Озинг (в центре внимания — древнеегипетский язык).

Вторая мировая война тяжело сказалась на развитии науки, перекроив судьбы людей и памятников. Нацистская идеология не оставила столь глубоких следов в немецкоязычной египтологии, как, например, в ассириологии, где Э. Эбелинг призывал бороться за «чистоту немецкой науки». Тем не менее многим пришлось эмигрировать: Л. Борхардт уехал в Швейцарию, Г. Штайндорфф, Б. фон Ботмер, Р. Антес, В. Федерн — в США. Ханс-Якоб Полоцкий, который должен был унаследовать от К. Зете кафедру в Гёттингене, оказался в Палестине, затем в Израиле (Полоцкий сменил рабочий язык — его главные работы в основном написаны на французском; подробнее о его трудах см. ниже). Из Германии в Англию, а затем в Израиль эмигрировал ученик Полоцкого (и Ж. Познера) Р. Гивеон, занимавшийся впоследствии связями Египта с Восточным Средиземноморьем.

Во время войны великолепная берлинская коллекция была упакована и спрятана в семь подземных убежищ, из которых два оказались разрушены. Пострадал и созданный Лепсиусом так называемый Новый музей. Часть коллекции, оказавшейся на территории, освобожденной советскими войсками, была вывезена в СССР, но потом, в 1958 г. возвращена и выставлена в Боден-музее на Музейном острове. В Западном Берлине, рядом с дворцом в Шарлоттенбурге, в 1967 г. открылся Египетский музей, куда попали многие памятники амарнского искусства из раскопок Л. Борхардта. В настоящее время восстанавливается единый музей (в здании Нового музея на острове). Многие европейские музеи поддерживаются различными общественными организациями.

Союз содействия Египетскому музею в Берлине выпускает информационный журнал «Атисп» о выставках, проектах и публикациях.

Нигде в мире нет столько центров для подготовки египтологов, как в Германии, и в настоящее время на роль важнейших претендуют университеты Гейдельберга, Тюбингена и Гёттингена. Старейшим, видимо, является последний — в Гёттингене с 1867 г. преподавал Г. Бругш. С начала XX в. здесь работал К. Зете, которого в 1924 г. сменил Х. Кеес, затем с 1956 г. З. Шотт, В. Вестендорф, Ф. Юнге. В Гейдельберге работали: в 1918–1923 гг. В. Шпигельберг; с 1952 г. З. Шотт, в 1955–1974 гг. Э. Отто, затем Я. Ассман, Э. Фойхт; сейчас им руководит Й. Квак. В Тюбингене долго преподавал Х. Бруннер, его сменил В. Шенкель. Как правило, в центре научных интересов университетов находятся древнеегипетский язык, религия, археология долины Нила. Перечислим другие центры и славные имена. В Мюнхене трудились В. Шпигельберг (1923–1930), А. Шарфф (1932–1950); в Бонне — К.А. Видеман (1891–1928, у него учились бельгиец Ж. Капар, американец А. Литгоу), затем Х. Бонне до 1955 г., Э. Эдель, У. Рёсслер-Кёлер. В Лейпциге, где в университете хранится превосходная египетская коллекция, в начале XIX в. преподавал профессор археологии Г. Зейфарт (он отрицал дешифровку Шампольона); затем Г. Штайндорфф (1893–1938), в настоящее время — Э. Блюменталь. В Кёльне работал Ф. Дершен, в Гамбурге после войны — В. Хельк, потом Х. Альтенмюллер, в Майнце — Р. Гундлах, в Марбурге — Г. Буркард, У. Каплони-Хекель, в Мюнстере — Э. Грефе, в Вюрцбурге — Э. Люддекенс, К. Цауцих. Пожалуй, нигде в мире нет и такой степени координации тем магистерских и диссертационных работ, осуществляемой благодаря регулярным конференциям немецкоязычных египтологов и специальному журналу, в котором с 1971 г. собирается также информация о лекциях, спецкурсах, научно-исследовательских проектах, музеях, выставках в египтологических центрах Германии, Австрии и части Швейцарии («Informationsblatt der deutschsprachigen Ägyptologie»).

В Германии выходит одно из самых интересных египтологических периодических изданий — «Studien zur altägyptischen Kultur». В 1972 г. Ю. Хорн и Ф. Юнге на базе семинара по египтологии и коптологии Гёттингенского университета основали журнал, предназначенный для ведения дискуссий — «Göttinger Miszellen:

Beiträge zur ägyptologischen Diskussion» (GM). В отличие от старых журналов, он печатается благодаря новой технике очень быстро, и хотя некоторые заметки могут быть совсем маленькими по объему, значение мобильного обмена идеями очевидно (что доказывается появлением в Англии, в Оксфорде схожего по оперативности и формату издания — «Discussions in Egyptology», см. о нем ниже). В последние десятилетия растет интерес к греко-римской и византийской эпохам в истории Египта и появляются специальные издания, сфокусированные на соответствующем материале («Enchoria: Zeitschrift für Demotistik und Koptologie»).

Свое лидирующее положение в современной египтологии немецкие ученые подтвердили созданием монументального справочного издания, без учета которого бессмысленно сейчас начинать какую-либо работу [Helck et al., 1975–1992].

Австрия. В Венском университете первым профессором египтологии стал Я. Кралл в 1890 г. Затем здесь работали С. Райниш, Х. Юнкер (см. о нем выше), в 1923 г. основавший Венский институт египтологии и африканских исследований. Ему наследовала ученица В. Чермака, Г. Таузинг, занимавшаяся филологией (у нее, в частности, учился Х. Затцингер, преподающий сейчас в университете). Когда во главе института встал М. Битак, главным направлением стала археология. Богатая египетская коллекция Венского музея складывалась из королевских и частных коллекций XIX в., а потом обогатилась в начале XX в. благодаря раскопкам Х. Юнкера в Гизе и послевоенным исследованиям Нубии, Фив и Восточной Дельты.

Швейцария в области египтологии находится под немецким влиянием, видимо с того времени, как Э. Навилль учился у Р. Лепсиуса, а Л. Борхардт основал Швейцарский институт в Каире, в котором работают немецкие ученые. Кафедра в Базельском университете была создана в 1950 г. для У. Швайцер, ученицы А. Шарффа. Ей на смену пришел профессор Э. Хорнунг, превративший египтологический семинар в важный центр подготовки студентов. В настоящее время здесь преподают представители немецкой школы, профессор А. Лоприено и М. Боммас, что, несомненно, дает Базелю хорошие перспективы в будущем. Египтологические программы есть также в Женевском университете (М. Валлоджа, работающий с французами в Абу-Роаше, где исследован погребальный комплекс сына Хеопса Дждедефра и найдена

пирамида царицы; Ш. Бонне, показавший значение Кермы для кушитской цивилизации) и в Цюрихе (известный специалист по древнейшим египетским надписям и религии П. Каплони).

В *Великобритании* кафедра была организована в 1892 г. при содействии А. Эдвардс в Университетском колледже в Лондоне для Фл. Питри. Его ассистентом был Ф.Л. Гриффит (потом преподавал в университетах Манчестера и Оксфорда), а потом М. Мюррей. Затем кафедру занял ученик Гриффита С. Глэнвилл, а сейчас археологическое направление возглавляет Ф. Хассан, а филологическое — В. Тейт. В Оксфорде после Ф.Л. Гриффита работали многие выдающиеся филологи, в частности, Б. Ганн, а затем Я. Черни. Направление несколько изменилось в сторону литературы при Дж. Бейнсе. В Кембридже в середине XX в. профессором египтологии стал уехавший из Лондона С. Глэнвилл, также здесь работал коптолог С. Пламлей, а в последние годы археологию возглавил Б. Кемп, а филологию — Дж. Рей. В университетах Ливерпуля и Манчестера работали П. Ньюберри, Э. Пит, Э. Блэкмен, а после Второй мировой войны — Х. Фэрмен, К. Китчен, А. Шор (естественно поэтому, что в подготовке большую роль стали уделять поздним эпохам египетской истории). В настоящее время и здесь наблюдается уклон в сторону истории литературы и переводов литературных произведений (К. Эйр, М. Колльер; в Университетском колледже в этом же направлении успешно работают Р.Б. Паркинсон и С. Кверк).

Кроме уже почтенного, почти столетнего JEA, в Англии с 1991 г. выходит его научно-популярный аналог («Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egypt Exploration Society»). В Оксфорде Александра Нибби издает «Discussions in Egyptology», схожий форматом и даже цветом обложки с немецким GM. Особенность этого журнала в том, что он ставит задачей оперативную публикацию порой весьма далеких от традиционной египтологии и отвергнутых ею взглядов (коими славится А. Нибби; подобные критические издания несомненно будят мысль и способствуют удержанию современной науки от сползания в болото узкой специализации). Студенты Университетского колледжа издают свой журнал с замечательным названием «Wepwawet» (древнеегип. «Открывающий пути»).

В *Нидерландах* центр египтологии всегда тяготел к Лейдену, где находится хорошая коллекция древнеегипетских памятников.

Хранитель коллекции П. Бёзер, ученик Эрмана и Штайндорффа, стал первым лектором в университете в 1910 г. (среди учеников — Блеекер). Наибольшую известность благодаря изданию «Текстов саркофагов» приобрел учившийся у Зете, Эрмана и Мёллера А. де Бук, преподававший с 1929 г. и ставший профессором в 1949 г. С 1985 г. кафедру возглавляет Й. Боргхоутс, занимавшийся магическими текстами и создавший основательную грамматику среднеегипетского языка. В. Кристенсен в начале века возглавлял кафедру древних религий в Лейденском университете (у него также учился Блеекер), а во второй половине столетия для П. Пестмана организовали кафедру греко-египетского права.

Бельгия. В Лувене Восточным институтом университета руководил с 1943 до 1978 г. ученик Л. Лефорта, а также Зете, Грапова и Антеса Ж. Вергот, преподававший коптский и древнеегипетский языки. Ему наследовали Я. Квегебёр и затем Х. Виллемс. К. Вандерслеijen возглавляет кафедру и Центр египетской археологии в Лувен-ля-Нюв. В Гентском университете кафедру занимал Л. Спелеерс, а сейчас Х. Мёленер; а в Льеже Б. ван де Валле сменил М. Малез.

Дания. В университете Копенгагена с 1882 г. профессором был В. Шмидт, почетный хранитель египетской коллекции в Новой Карлсбергской глиптотеке. Полиглот, лингвист, он написал много археологических работ, историю Ассирии и Египта, публиковал памятники коллекции. Его наследником стал его ученик Х. Ланге, основавший в 1924 г. Датский институт египтологии. Именно Ланге первым обратил внимание на «Речение Ипувера», участвовал в создании Большого берлинского словаря, издал папирусы Лансинг и Харрис, «Поучение Аменемопе», стелы Среднего царства из Каирского музея. В 1946 г. кафедру принял его ученик К. Сандер-Хансен, занимавшийся в основном филологией. Его в свое время выбрал К. Зете в качестве ассистента по изданию «Текстов пирамид» — когда Зете не стало, Сандер-Хансен продолжил публикацию переводов по его заметкам. Примечательно, что ученый не ограничился написанием грамматики «Текстов пирамид», он также издавал поздние тексты (XIX династии, стела Меттерниха). Затем здесь преподавал В. Эриксен, недолго — Х.-Я. Полоцкий, Й. Озинг.

В *Швеции* на протяжении долгих лет Институтом египтологии в Густавиануме (Уппсала) заведовал Т. Сэве-Сёдерберг. С 1906 г.

К. Пиль издавал здесь журнал «Сфинкс» («Sphinx»). Затем здесь работал Р. Хольтхоэр (его родители эмигрировали из России во времена революции) и Г. Энглунд.

В *Норвегии* в 1876 г. профессором египтологии университета Кристиании (Осло) стал Й. Либляйн. Его главный труд — монументальный «Словарь иероглифических имен» (1871–1892), важный и сейчас для изучения просопографии; также он издал каталог египетских памятников Петербурга, Хельсинки, Упсалы и Копенгагена.

В *Италии* преподавание египтологии начинается в последней четверти XIX в. (если не считать, что в 1824 г. в Пизе И. Розеллини стал профессором восточных языков). Очень важным центром здесь всегда был Турин, где есть превосходная коллекция древнеегипетских памятников. Хранители и директора музея часто являлись и университетскими профессорами (Ф. Росси, Дж. Фарина, С. Курто). В Пизе круг учеников сложился вокруг Эдды Брешиани, выдающейся специалистки в области демотики. В Риме С. Донадони наследовал А. Роккати. Египтология в той или иной степени представлена в университетах и институтах Болоньи, Милана, Неаполя, Флоренции и в Папском библейском институте в Риме.

Преподавание египтологии в *США* началось после Первой мировой войны. В Чикагском университете Дж.Г. Брестеду наследовали ученики: Джон А. Уилсон, занимавшийся языком и историей эпох Древнего и Среднего царств, и У. Эджертон, сконцентрировавшийся на более поздних стадиях развития древнеегипетского. Демотика остается актуальным направлением чикагских исследований и сейчас: на смену Эджертону пришел Дж. Хьюдж, которого в свою очередь сменила Джанет Джонсон. Также здесь работали К. Зееле, Э. Венте, К. Баер, Л. Белл, П. Дорман, Р. Ритнер. Археологию в Чикагском университете преподавали известные авторитеты: Генри Франкфорт, Элен Кантор, а сейчас — Марк Ленер.

В Беркли, университете Калифорнии, в начале XX в. работал Дж. Райзнер. Первым профессором ассириологии и египтологии здесь стал Г. Лутц. В начале 1960-х гг. здесь преподавал К. Баер, а затем — Л. Леско. В Йельском университете в 1936 г. профессором стал Л. Булл, затем его сменил У.К. Симпсон. Египетские памятники есть в нескольких университетских музеях: в Филадельфии, Чикаго, в Йельском, Калифорнийском и Принстонском университетах.

Из-за прихода к власти в Германии нацистов и Второй мировой войны в США переехали некоторые ученые, заметно усилившие местные школы. Так, в музее Пенсильванского университета приглашенного на несколько лет из Англии Б. Ганна сменили немцы: Г. Ранке, много работавший с А. Эрманом, и Р. Антес. Учеником последнего является один из блестящих эпиграфистов и знатоков памятников Древнего царства Генри Фишер. Затем здесь работали Д. О'Коннор и Д. Сильвермен. Из Австрии в США в 1938 г. уехал египтолог У. Федерн. Следует подчеркнуть, что и сейчас американцы часто приглашают европейских ученых для преподавания и работы в музеях. Например, в Балтиморе, в Галерее искусств Уолтерса, есть отдел египетских древностей, возглавляемый в настоящее время немецкой специалисткой по истории искусства Региной Шульц, работавшей прежде в Мюнхене (под ее редакцией издана великолепно иллюстрированная и качественная научно-популярная коллективная монография, переведенная и на русский язык, но пока у нас не изданная [Ägypten, 1997]).

В Brown University (Брауновском) в Провиденсе у Р. Паркера, ставшего профессором в 1952 г., работали два иностранца, много сделавшие для развития эпиграфики: аргентинец Рикардо Каминос и австриец Ханс Гёдике. Первый преподавал мало, но его публикации выполнены на очень высоком уровне [Caminos, 1954; 1958; 1977]. Важна его совместная работа с Генри Фишером об эпиграфике [Caminos, 1976].

Х. Гёдике работал потом в университете Джонс Хопкинс в Балтиморе (где до 1958 г. отделением ближневосточных исследований заведовал знаменитый востоковед У.Ф. Олбрайт), и среди его учеников можно назвать имена уже известных египтологов: Э. Спэлинджера, А. Лоприено, Д. Лортонa, Х. Галана. Тематика многочисленных книг (среди которых есть вошедшие в классику египтологии публикации текстов и монография по палеографии [Goedicke, 1988]) и статей Х. Гёдике охватывает практически все периоды египетской истории и культуры, его отличает не только удивительная плодотворность, но и поразительная живость и неординарность научной мысли [Goedicke, 1960; 1967; 1974; 1977; 1984; 1992].

В Институте изящных искусств Нью-Йоркского университета до последних дней своей жизни преподавал выдающийся искусствовед Б. фон Ботмер (1912–1993), ученик К. Зете, эмигрировавший

из Германии в США в 1941 г. Он был хранителем Бруклинского музея искусства и прославился каталогом по скульптуре Позднего царства, «открывшим» эти памятники специалистам [Bothmer, 1960]. Этот знаменитый шедеврами музей начинался с покупки памятников у У.М.Фл. Питри в 1902 г., многие памятники поступили из раскопок начала XX в., а потом из коллекций Г. Эбботта и Ч. Вильбура (с библиотекой, причем эта библиотека считается лучшей по египтологии в Новом Свете).

Относительно недавно, в 1968 г., началось преподавание египтологии в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе (Дж.Б. Кэллендер, затем А. Лоприено). Некоторые курсы представлены в Мемфисском и Пенсильванском государственных университетах, в Мичигане и Атланте.

В США выходят египтологические журналы: «Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities», «Bulletin of the Egyptological Seminar», более специальный — «Bulletin of the American Society of Papyrologists», но большей известностью пользуются довоенные периодические издания широкого профиля: «Journal of Near Eastern Studies» (JNES), «Journal of the American Oriental Society» (JAOS). Студенты Чикагского университета издают свой журнал «Sarapis».

Канада. С 1924 по 1946 г. профессором отделения ближневосточных исследований в университете Торонто был С.А.Б. Мерсер. Уклон в сторону археологии связан с приходом сюда Д. Редфорда. В Королевском музее Онтарио есть отдел египетских памятников.

Х.-Я. Полоцкий, оказавшийся в *Израиле*, с 1934 г. начал преподавать египтологию в Еврейском университете Иерусалима (профессор с 1951 по 1972 г.). Полоцкий — крупнейший специалист второй половины XX в. в области древнеегипетского языка, основатель «иерусалимской школы». Наследницей по отделению древних ближневосточных исследований стала его ученица С. Израэлит-Гролл, недавно сменившая Ирен Ширун-Грумах и Орли Голдвассер. Связями Египта с Восточным Средиземноморьем занимался другой ученик Полоцкого (и Ж. Познера) Р. Гивеон, эмигрировавший из Германии. А. Шиша-Галеви преподает лингвистику. Есть египтология в университете Тель-Авива.

В *Египте* важным центром является Каирский университет, в становлении которого заметную роль сыграли русские ученые В.С. Голенищев и В.М. Викентьев. Среди их учеников много

выдающихся арабских археологов и историков. Практически в Каире располагается Хелуанский университет; из провинциальных следует отметить университет в Эль-Минье. Обычно студенты получают здесь лишь первоначальную подготовку, наиболее талантливые, как правило, завершают образование за границей.

Нубийская кампания катализировала основание новых институтов египтологии (к сожалению, СССР остался в стороне от этого движения). В 1958 г. при философском факультете Карлова университета в Праге был создан возглавленный Ф. Лексой *чехословацкий* Институт египтологии с филиалом в Каире. Я. Черни завещал институту великолепную библиотеку. Затем институтом и экспедицией руководил З. Жаба, а позже долгое время Мирослав Вернер, многое сделавший для превращения Праги в важный европейский центр по подготовке египтологов. Его работы — большей частью фундаментальные публикации результатов раскопок, а также очень содержательная книга о пирамидах [Verner, 1994; 1995; 1999].

В 1959 г. известный польский ученый К. Михаловский основал в Каире *польский* Центр средиземноморской археологии Варшавского университета, где он с 1933 г. являлся профессором. В центре его внимания было древнеегипетское искусство [Michalowski, 1969; 1978], причем серия фотоальбомов по главным достопримечательностям Египта с его предисловием вышла и на русском языке [Михаловский, 1973]. Поляки работали в монастыре Фарас в Нубии, а потом на реставрации храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри [Temple of Queen Hatshepsut, 1979]. В 1989 г. центр начал печатать журнал («Polish Archaeology in the Mediterranean»). Египетскую филологию в Варшавском университете в середине XX в. преподавал Т. Анджеевский, а затем Э. Дабровская-Смектала. В Варшаве хранится небольшая египетская коллекция; более значительная находится в Кракове. В египетском отделе Института археологии в Варшаве работала Я. Липинская (ее книга о мифологии была переведена на русский [Липинская, Марциняк, 1983]), сейчас — профессор К. Мысливич, А. Нивинский и З. Шафранский.

В *Австралии* египтология преподается с 1989 г. в Сиднейском университете (Н. Канавати, Б. Окинга). Э. Спэлинджер преподает египтологию в новозеландском университете (Auckland). Начинается преподавание египтологии в Китае (немецкий ученый Р. Ханниг,

создавший свой удачный словарь в связи с острой нехваткой египтологической литературы в Пекине; Му Чу Пу — один из первых китайских специалистов, автор диссертации о вине в Египте, написанной под руководством Х. Гёдике). В Буэнос-Айресе есть программа египтологических штудий, продолжающая дело А. Розенвассера.

Справочные издания. Как говорилось выше, издание фундаментального «Лексикона египтологии», хотя и было международным проектом, но осуществлялось прежде всего немецкими учеными. Его зародышем был небольшой словарики («Kleines Wörterbuch der Ägyptologie»). Затем его авторы В. Хельк, Э. Отто и присоединившийся к ним позднее В. Вестендорф начали издание огромного семитомника ([Helck, Otto, Westendorf, 1975–1992] — LÄ), причем к написанию статей были привлечены ученые разных стран (рабочими стали три основных европейских языка). К сожалению, в этом издании нет статей по историографии. Справедливости ради стоит заметить, что в отличие от старых справочных изданий начала XX в. (например, словарь Паули–Виссова), уровень статей довольно разный: есть очень удачные, просто качественные энциклопедического плана, а есть и довольно поверхностные, что отражает кризисное состояние современной науки. Тем не менее, хотя с тех пор появилось несколько новых англоязычных изданий справочного характера [Oxford Encyclopedia, 2001; Shaw, Nicholson, 1995], LÄ превосходит их не только объемом, но и строгим академическим подходом. Монументальностью отличается и изданная недавно в Нью-Йорке «Коптская энциклопедия» [Coptic Encyclopedia, 1991], включающая материал и по современной коптской культуре. В последнее время вышло несколько специальных справочных изданий: по археологии [Encyclopedia of the Archeology, 1999]; по божествам [Lexikon der ägyptischen Götter, 2002].

Долгое время незаменимым справочником по библиографии являлся: *Pratt I. Ancient Egypt. N. Y., 1925–1942*. Недавно появилось более полное издание [Beinlich-Seeber, 1998]. Продолжается издание «Annual Egyptological Bibliography».

Академические журналы испытывают финансовые трудности из-за общего сокращения субсидий на науку и все чаще помещают свои материалы (или хотя бы указатели, как SAK) в Интернете. Существуют специальные сайты: «Egyptologist's Electronic Forum» (EEF) и «Ancient Near East» (ANE). С 1988 г. в Париже издается

специальный журнал об использовании компьютеров в египтологии — «Informatique et Égyptologie».

Становление отечественной школы египтологии. О дешифровке Ж.-Ф. Шампольона в России узнали быстро (благодаря декабристу Г.С. Батенькову и дипломату С.И. Коссаковскому; высоко оценил открытие директор Публичной библиотеки и Академии художеств А.Н. Оленин), хотя нашлись ярые противники идей француза (И.А. Гулянов, Г.-Ю. Клапрот; в меньшей степени О.И. Сенковский, вскоре изменивший свою точку зрения). Уже в 1827 г. Шампольон избирается почетным членом Императорской академии наук.

Очень интересовался древним Египтом Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842), профессор искусства и археологии в Московском университете, его ректор с 1837 г., издатель журнала «Вестник Европы». Известно, что он включал материалы по Египту в курс лекций об искусстве древнего мира (1819)*. Под его руководством в 1818 г. П.В. Уланов защитил диссертацию о древнеегипетском искусстве — вероятно, первую в мире на эту тему («Рассуждение об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их себе за образец, сочиненное Павлом Улановым для получения степени магистра при Императорском Московском университете»). Популяризации сведений о древнем Египте способствовали многочисленные статьи и беллетристика О.И. Сенковского (авантюрного барона Брамбеуса), профессора Петербургского университета. В 1864—1865 гг. лекции о культуре древнего Египта, впоследствии опубликованные, читал в Харькове А. Рославский-Петровский.

Выше упоминалась брошюра архитектора Д.Е. Ефимова, направленного Академией художеств в Египет. Архитектурой, искусством и археологией Египта занимался Адриан Викторович Прахов (1846—1916), доцент Петербургского университета. В своих лекциях и публикациях он пытался проследить происхождение и архитектурное развитие храмов и гробниц [Прахов, 1880]. Во время путешествия в Египет, Судан и Сирию он собрал коллекцию памятников, большая часть которой погибла во время

* Лекции были напечатаны: Вестник Европы. 1819. № 12. С. 249—274. В 1825 г. Каченовский опубликовал изложение открытия Шампольона, см.: Там же. № 4. С. 292.

кораблекрушения (остальное сейчас в ГМИИ и Эрмитаже; кстати, в путешествии с ним был художник В.Д. Поленов, тоже собравший небольшую коллекцию, дополнившую собрание его отца — сейчас в музее-заповеднике «Поленово»). Стараниями меценатов египетские древности попадали и в провинциальные частные собрания (например, музей в Иваново фабриканта Д.Г. Бурлыгина).

Владимир Георгиевич Бок (1850–1899) стал первым в России коптологом. Хранитель эрмитажной коллекции памятников средневековья, он во время путешествий по Египту собирал предметы христианского периода, прежде всего, коптские ткани. Изучая последние, Бок показал преемственность в сюжетах древнеегипетских и античных мотивов, возникновение нового христианского искусства и коптское влияние на древнерусское искусство. В 1897 г. им были проведены археологические раскопки в нескольких коптских монастырях и некрополях, результаты которых были опубликованы [Бок, 1901].

Первым русским профессиональным египтологом является Владимир Семенович Голенищев (1856–1947). Сын купца I гильдии, он не пошел по стопам отца: с детства науки о древностях, особенно о восточных системах письма, пленили его ум и сердце, и с присущим его могучей натуре жаром он посвятил им всю свою долгую яркую жизнь. Голенищев окончил восточный факультет Петербургского университета, а выдающиеся способности позволили ему самостоятельно постичь иероглифику. Внештатный хранитель египетского и ассирийского собрания Эрмитажа, он создал их каталоги и стал первооткрывателем нескольких уникальных текстов, в том числе «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», с докладом о которой молодой ученый выступил на берлинском конгрессе.

Во время многочисленных научных путешествий по долине Нила Голенищев собрал роскошную — около 6 тыс. предметов — коллекцию древнеегипетских памятников (начало ей было положено в букинистическом магазине на Невском проспекте: там он купил свой первый папирус, когда ему было только 14 лет). Разорившись из-за родственника, Голенищев вынужден был продать коллекцию. Благодаря усилиям Б.А. Тураева и М.И. Ростовцева, она осталась в России и стала основой египетского собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Ее особенность в том, что она не содержит фальшивок — а подобных обманов не удастся избежать даже очень

опытным коллекционерам. Энциклопедические познания Голенищева не ограничивались только древнеегипетским материалом, одним из первых он правильно оценил значение клинописных писем из Телль-эль-Амарны (найденных феллахами в 1881 г. и сначала объявленных поддельными) и каппадокийских табличек (памятники письменности особенно интересовали ученого).

Незадолго до Первой мировой войны Голенищев покинул Петербург: полгода он жил в Ницце, остальное время — в Египте. Он стал первым профессором египтологии в Каирском университете (с 1924 по 1929 г.) и помог получить там работу В.М. Викентьеву; заведовал также отделением египтологии в университете Фуада I в Заафаране. В 2006 г. его заслуги были оценены по достоинству: в мемориале великих египтологов у Каирского музея установлен бюст В.С. Голенищева.

Характерная для Голенищева оригинальность и сила мысли позволили ему противостоять давлению лучшей тогда берлинской филологической школы: Владимир Семенович разработал собственное учение о синтаксисе древнеегипетского языка, значимость которого трудно переоценить; его рукописи хранятся в Центре Владимира Голенищева в Париже, некоторые в Оксфорде. Труды Голенищева, среди которых первая публикация важного религиозного текста стелы Меттерниха и знаменитых иератических папирусов, высоко оцененные мировой наукой, вошли в «золотой фонд египтологии» [Савельева, 1960]. Смерть застала его за рабочим столом — он разбирал очередной папирус с египетскими иероглифами.

В 1887 г. впервые на факультете восточных языков Петербургского университета Оскар Эдуардович фон Лемм (1856–1918) открыл курс египтологии. Закончив Александровский лицей, он затем учился в Лейпциге у Г. Эберса и в Берлине у Р. Лепсиуса. В 1882 г. стал доктором философии, защитив в Лейпцигском университете диссертацию о ритуале Амона, но в дальнейшем, в связи с работой хранителя в Азиатском музее в Петербурге, занимался преимущественно коптскими текстами. Преподавал фон Лемм до 1902 г., его перу принадлежат две первые учебные хрестоматии иероглифических текстов и многочисленные публикации коптских рукописей (о преподавательской деятельности О.Э. Лемма: [Берлев, Грибов, 1960]; о его научной работе: [Азиатский музей, 1972: 500–501, 517–521]).

Б.А. Тураев и его школа. Основатель отечественной школы историков древнего Востока, Б.А. Тураев (1868–1920), учился у О.Э. Лемма, а также у Ф.Ф. Соколова, Ф.Ф. Зелинского, В.К. Ернштедта, Н.П. Кондакова. Он был оставлен для подготовки к профессорской деятельности и стажировался в Берлине у А. Эрмана и других, а также занимался у Г. Масперо. С 1896 г. Б.А. Тураев открыл курс египтологии на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Для него была создана первая в России кафедра истории древнего Востока, так и оставшаяся единственной в нашей стране (на восточном факультете СПбГУ). При его участии было налажено преподавание древнеэфиопского языка (геэз). Учениками Тураева были многие исследователи, прославившие нашу науку: В.М. Викентьев, И. М. Волков [Волков, 1914; 1915; 1917], Ф.Ф. Гесс, П.В. Ернштедт, А.Л. Коцейовский [Тексты пирамид, 2000], И.Ю. Крачковский, В.В. Струве, В.К. Шилейко. На Московских высших женских (Бестужевских) курсах у Б.А. Тураева учились Н.Д. Флиттнер, Т.Н. Бороздина, Н.В. Пигулевская.

Главным трудом ученого стала «История древнего Востока», над которой (т.е. соответствующим курсом лекций) он работал постоянно. Впервые двухтомная работа была опубликована студенческим издательским комитетом в 1911 г.; в 1916 г. она была награждена золотой медалью Русского археологического общества. На широком материале источников, собранных с удивительной полнотой и глубоко проанализированных, автор прослеживает историю развития как отдельных цивилизаций, так и всего древнего Востока в целом. Переиздание в 1935 г. «Истории древнего Востока» под редакцией В.В. Струве и И.Л. Снегирева* стало важным событием в отечественной науке.

Прекрасный знаток памятников, Тураев публиковал сокровища египетских музеев и частных собраний на территории

* Трагична судьба талантливого И.Л. Снегирева (1907–1946), «неосмотрительно» родившегося в Париже, да еще в дворянской семье. В 1930 г. он закончил ЛГУ, где учился у В.В. Струве и Н.Я. Марра, интересовался египетской религией и письменностью, африканскими языками. В 1938 г. вместе с Ю.П. Францовым издал исторический очерк «Древний Египет» (Л., 1938). В июле 1941 г. ушел на фронт, через год попал в плен, а в мае 1945 г. был арестован СМЕРШем и приговорен к 10 годам. Умер в лагере 21 декабря 1946 г. Много его рукописей пропало.

Российской империи. Он был хранителем коллекции В.С. Голенищева в московском Музее изобразительных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина).

Не ограничиваясь исключительно египтологией, хотя эта область науки была для него приоритетной (см. его прекрасную монографию «Древний Египет». СПб., 1922), Б.А. Тураев разрабатывает смежные дисциплины и в 1902 г. защищает диссертацию под заглавием: «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии», получая ученую степень доктора всеобщей истории.

Под редакцией Тураева им и его учениками издается серия книг «Культурно-исторические памятники древнего Востока» [Тураев, 1915; Викентьев, 1917]. После смерти Тураева вышла из печати «выросшая» из спецкурса монография «Египетская литература», 2-й том которой — переводы — был утрачен [Тураев, 1920]. Список его трудов поражает количеством работ и разнообразием тем [Милибанд, 1980].

Суровые послереволюционные годы погубили не только Учителя, но и многих его учеников (рано умерли И.М. Волков, Ф.Ф. Гесс, А.Л. Коцейковский), других же они лишили родины. Уехавший за границу на стажировку В.М. Викентьев (1882—1960) благодаря В.С. Голенищеву получил работу в Каирском университете, профессором которого он стал. Сферой его интересов была египетская литература и мифология [Vikentiev, 1940—1941].

Мировая египтология обогатилась научным вкладом плеяды ученых, выходцев из России. Многие работали во Франции: А. Пьянков, М. В. Малинин (см. выше), Ж. Познер. Александр Пьянков (1897—1966) учился у Эрмана и Зете, затем в Сорбонне; в 1930 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Сердце в древнеегипетских текстах». Работал в основном в Каире для Французского археологического института, фонда Боллингена и Национального центра научной документации; исследовал религиозные тексты и изображения в фиванских гробницах; опубликовал большое количество статей и книг о египетской религии, в том числе издал многие произведения заупокойной литературы [Piankoff, 1955; 1962; 1964; 1968].

Жорж Познер (1906—1988) издал в «Urkunden» надписи персидской династии с комментарием, каталог иератических текстов литературного содержания из Дейр-эль-Медины, одна из главных

его работ посвящена литературе и политике Среднего царства [Rosen, 1956; 1976; 1985].

Другим городом русской эмиграции был Берлин. Б. Грдзелов (1915–1950) учился у К. Зете, работал в DAIK (в частности, секретарем Л. Борхардта). Родители Х.-Я. Полоцкого покинули Россию в 1905 г., из-за прихода нацистов к власти они вынуждены были оставить и Германию.

Труды «титанов героического периода» подготовили расцвет египтологии в конце XIX – начале XX в. Несомненно, этот расцвет во многом был обусловлен практической заинтересованностью ведущих европейских держав — Британии, Франции и Германии, а затем и США в успехе их колониальной политики. Примечательно, что большинство выдающихся востоковедов того времени (по крайней мере, среди тех, кто написал на высоком для того времени уровне первые всеобщие истории древнего Востока и мира: Г. Масперо, Э. Мейер, Б. А. Тураев) были прежде всего египтологами. Особо следует отметить достижения на этом этапе, справедливо определяемом как «золотой век египтологии», берлинской школы Лепсиуса — Эрмана, укрепившей основание египтологии как комплексной историко-филологической дисциплины — учение о древнеегипетском языке.

Очень высокий старт отечественной школы был обусловлен трудами В.С. Голенищева и особенно Б. А. Тураева, однако жестокие революционные и тяжелые последующие годы советской истории нанесли по ней серьезный удар.

§ 4. Изучение истории и культуры древнего Египта во второй половине XX в.

Археологическое изучение Египта после Второй мировой войны.

После Второй мировой войны очень активно развивается египетская школа. Учениками В.С. Голенищева и В.М. Викентьева в Каирском университете были выдающиеся арабские археологи: Ахмед Фахри, Лабиб Хабаши, Абдель-Монеим Абу Бакр (с 1954 г. профессор в Александрии, затем в Каире). Позднее у Викентьева учились: Саед Тауфик, Габалла Али Габалла, Али Радван, М. Абд эль-Халим Нур-эль-Дин, М. Мурси, Ф. Хайкал, Т. Хандусса.

До 1952 г. музей и Службу древностей возглавляли французы, потом — исключительно египтяне. В 1953 г. был принят закон об

охране памятников, датируемых с доисторического периода до XIX в. включительно. Служба древностей стала одним из самых влиятельных учреждений в Египте; кадры для нее готовит прежде всего Каирский университет. Такое значение казалось бы «антикварного министерства» объясняется значительной долей национального дохода, даваемой туризмом (впрочем, контрабандная торговля древностями тоже выгодный, хотя и опасный бизнес). Служба очень разрослась со времен Масперо: достаточно сказать, что в составе каждой иностранной экспедиции, работающей на территории страны, постоянно находится инспектор (а в Египте работает очень много экспедиций).

В Саккаре много копал египетский археолог Заки Саад (1901–1982), начинавший как ассистент В. Эмери. К сожалению, большей частью неопубликованными остались результаты его раскопок в Хелуане, где был вскрыт значительный некрополь Раннего и Древнего царств [Saad, 1969].

Плодотворна была деятельность Ахмеда Фахри (1905–1973), учившегося в Каире, Берлине (у Зете), Брюсселе (Ж. Капар) и Ливерпуле (Э. Пит). Начиная он в Гизе у С. Хассана (часть открытых им вельможеских гробниц восточного некрополя называются его именем), затем сосредоточился на оазисах Западной пустыни [Fakhry, 1973; 1974], а после войны А. Фахри изучал погребальный комплекс ромбоидальной пирамиды Снофру в Дахшуре, рядом с которой обнаружил два храма [Fakhry, 1961; 1969]. Также с 1952 по 1965 г. он был профессором Каирского университета.

Почетным членом многих иностранных академий был Лабиб Хабаши (1906–1984), считавшийся ведущим археологом и успевший поработать повсюду в Египте (святилище Хекайба на Элефантине, Бубастис, Кантир, в Карнаке он обнаружил стелу Камоса [Habachi, 1972; 1985]). В Нубийской экспедиции Чикагского восточного института (1960–1963) Хабаши был консультантом по археологии. На несколько языков переведена его книга об обелисках [Habachi, 1982].

Одним из самых известных египетских археологов был Мухаммед Закария Гонеим (1911–1959), которому повезло учиться в Каире у таких корифеев, как П. Ньюберри, Г. Юнкер, В. Викентьев. Начав с ассистирования С. Хассану в Саккаре, он успешно продолжил работу в Луксоре. В 1951 г. Служба древностей назначает его хранителем Саккары, где он совершает открытие, принесшее

ему всемирную славу — находит недостроенную пирамиду царя III династии Сехемхета [Гонейм, 1959]. В 1954 г. он добрался до погребальной камеры царя с нетронутым грабителями алебастровым саркофагом, который оказался пустым. Гонейм получил должность директора Каирского музея, но не успел занять этот пост — его нашли утонувшим в Ниле при загадочных обстоятельствах.

В 1953–1954 гг. другое сенсационное открытие было сделано в Гизе у пирамиды Хеопса — в огромных «доках» найдены две ладьи, одна из которых была собрана и в настоящее время выставлена в специальном музее, возведенном рядом с пирамидой Хеопса [Дженкинс, 1986]. Последующие раскопки у пирамид подтвердили, что такие ладьи часто прятали в царских погребальных комплексах. Позднее, при переносе дороги, рядом с великой пирамидой нашли маленькую сателлитную пирамидку; в западном некрополе Гизы Службой древностей раскопан также ряд гробниц Древнего царства (экспедиция Захи Хавасса).

В Египте создаются новые музеи, коллекции которых содержат памятники, найденные на местах. В 1975 г. открылся превосходный современный музей в Луксоре (проект М. эль-Хакима), обогатившийся в 1989 г. находкой 26 великолепных статуй из тайника в Луксорском храме. После Асуанской археологической кампании было решено построить Нубийский музей, так как в старом музее на о. Элефантина невозможно было расположить все находки (частично они поступили в Каирский музей). Нубийский музей в Асуане открылся в 1997 г., но его экспозиция еще не полностью завершена.

В 1948 г. объединением нескольких университетов и музеев был основан Американский исследовательский центр в Египте (American Research Center in Egypt — ARCE), проводящий раскопки и работы по реставрации памятников в разных районах (Иераконполь, Гиза, Абидос, Мендес и др.) и публикующий отчеты о них, а также издающий свой журнал («Journal of the American Research Center in Egypt» — JARCE). Сфера его деятельности не ограничивается исключительно наследием древности, но включает средневековый и даже современный Египет.

После войны интенсивно растут египетские коллекции в музеях США: Метрополитэн, Бруклинском, Бостонском и др. Например, в благодарность за участие в Асуанской археологической

кампании Метрополитэн получил Дендурский храм, экспонируемый теперь в новом крыле музея.

В 1978 г. начались раскопки Иераконполя (М.А. Хоффман — [Hoffman, 1982]), показавшие, что уже в Додинастический период это было значительное по территории поселение (важна находка архаического храма Хора). В 1997 г. экспедиция университета Беркли (Калифорния) под руководством Рене Фридман нашла додинастический некрополь в Иераконполе: оказалось, что первые опыты мумификации относятся еще к середине IV тыс. до н.э. С 1990-х гг. у Абидоса, в Шунет-эль-Зебиб американцы (Д. О'Коннор) изучают погребальный комплекс царя II династии Хасехемуи с древнейшей стеной из кирпича-сырца (высотой 11 м, толщиной 5 м) и архаическое поселение. Внутри комплекса было обнаружено 12 «доков» для ладей: возможно, удастся восстановить судно, подобное солнечной ладье Хуфу в Гизе. Продолжают американцы работать и в Фивах: в Мединет-Абу (Петер Дорман, Чикаго) и частных гробницах (Бетси Брайен, Балтимор). Тим Кендалл (Бостон) исследовал район Джебель-Баркала в Нубии, египетские и кушитские храмы.

В 1955 г. в связи с грандиозной кампанией по спасению памятников Нубии (им грозило затопление из-за очередного повышения Асуанской плотины) правительством Египта и ЮНЕСКО был создан Центр исследований и документации по древнему Египту (*Centre d'Études et de documentation sur l'ancienne Égypte, Collection Scientifique — CEDAE*). На призыв ЮНЕСКО отозвались ученые многих стран, причем и тех, где практически не было египтологических школ (эту редкую элитарную специальность могут позволить себе развивать только богатые страны с высоким уровнем культуры и сильными университетскими центрами). Например, участие в работе по спасению памятников Нубии стало мощным катализатором для становления египтологии как науки в таких странах, как Испания (в Барселонском университете теперь есть центр египтологии; в Мадриде работает ученик Х. Гёдики Х. Галан, ведущий раскопки гробниц XVIII династии в Дра-Абу-эль-Нега), Аргентина, Япония, Китай. Эта кампания стала важным этапом в развитии археологии древнего Египта: специалисты, не работавшие прежде в столь богатых памятниками регионах, принесли сюда более строгие принципы фиксирования материала.

В результате объединенных усилий специалистов из разных стран была быстро обследована огромная археологическая зона, проведены раскопки и осуществлен перенос лучших памятников на безопасное место. Настоящим чудом было спасение таких колоссальных храмов, как храм Рамсеса II в Абу-Симбеле и богини Исида на о. Филе. Были изучены многие сооружения: храмы в Амаде, Дебоде, Дерре, Герф-Хуссейне, Дендуре, Калабше. Среди открытий можно назвать давшее богатый материал кладбище группы А в Кустуле. Считается, что теперь Нижняя Нубия — одна из самых хорошо изученных в археологическом отношении территорий в мире.

Возглавил советскую экспедицию в Египет директор Государственного Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский (1908–1992), начинавший свою научную работу как египтолог. В состав группы входили известные ученые: О.Г. Большаков, Н.Я. Мерперт, А.В. Виноградов, Р.Н. Джанполадян. Два сезона по 3–4 месяца в 1961–1963 гг. экспедиция работала на юге долины Нила, в районе протяженностью 30 км (от Герф-Хусейна до Махарраки, включая Вади-Аллаки, где был собран эпиграфический материал: здесь пролегал путь древнеегипетских экспедиций к рудникам Нубии). Результаты были опубликованы в книгах и серии статей [Древняя Нубия, 1964; Пиотровский, 1983].

Нубийская кампания способствовала интенсификации деятельности старых институтов египтологии и основанию новых. В 1958 г. при философском факультете Карлова университета в Праге был создан чехословацкий Институт египтологии с филиалом в Каире. Почти полвека институт ведет успешные раскопки в царском некрополе недалеко от Мемфиса — Абусир (З. Жаба, М. Вернер, Л. Бареш): исследованы пирамидный комплекс парницы Хенткаус, мастабы царских родственников, гробница крупного сановника персидской эпохи Уджахорреснета и др. В припирамидных храмах Нефериркара Какаи, Хенткаус II и Неферефра найдены уникальные папирусные архивы, дающие сведения об организации царского поминального культа (был обнаружен и идентифицирован храм Неферефра, а в нем великолепная статуя царя). М. Вернер опубликовал многие результаты раскопок (см. выше). Сенсационное открытие было сделано чешскими археологами в конце XX в. (Л. Бареш) — нетронутое грабителями погребение важного сановника XXVI династии. Огромных

средств и трудов стоило на глубине 30 м открыть известняковый саркофаг весом около 20 т, внутри которого помещался гранитный. В 2003 г. чехи нашли еще одну такую гробницу. Правда, вместо людей (обычно, грабителей) здесь многое погубила природа — памятники (полный набор погребального инвентаря, мебель, ушебти, бусины и т. д.) и мумии очень пострадали от влаги, тем не менее подобные находки — великая редкость.

Польский исследовательский центр средиземноморской археологии Варшавского университета, основанный К. Михаловским в 1959 г., вместе со Службой древностей долгое время занимался реставрацией храмов в Дейр-эль-Бахри; также поляки ведут раскопки в Телль-Атрибе, Марина-эль-Аламейне и александрийском порту. Недавно экспедиция К. Мысливича нашла в Саккаре вельможескую гробницу Древнего царства с великолепными росписями. В 1989 г. центр начал печатать журнал («Polish Archaeology in the Mediterranean»).

Во время Второй мировой войны архив и библиотека Немецкого института погибли, но в 1957 г. он был восстановлен в Каире (в частности, благодаря библиотеке египтолога и ботаника Людвиг Каймера). В настоящее время расположенный на Замалеке Немецкий институт ведет раскопки в Фивах, Абу-Мине, Буто (где керамика додинастического времени доказывает, что существование двух царств — не миф). В Дахшуре, месте расположения двух великолепных усыпальниц Снофру, традицию изучения пирамид, которую можно вести от работавшего в Абусире в начале XX в. Л. Борхардта, продолжил Р. Штадельман (его перу принадлежит одна из новых книг о пирамидах [Stadelmann, 1991]). Рабочие пометки строителей дали ему возможность проследить этапы строительства, предположить сроки возведения пирамиды Снофру — около 17 лет; был также восстановлен древнейший из известных пирамидион и изучены прилегающие мастабы. Особенно известны и значимы долгосрочные проекты по изучению памятников о. Элефантины (совместно со Швейцарским институтом), где удалось вскрыть раннединастические слои и можно проследить развитие поселения на протяжении всей древнеегипетской истории [Dreyer, 1986].

В раннединастическом некрополе Абидоса, в местности Умм-эль-Кааб — «Мать горшков», названной так из-за огромного количества керамических черепков, с 1973 г. работает экспедиция

под руководством В. Кайзера, а позднее, с 1980 г. — Г. Дрейера (в настоящее время он является директором Немецкого археологического института). Хотя это повторные раскопки, удалось обнаружить важные свидетельства начала письменности — маленькие квадратные этикетки из слоновой кости с иероглифическими знаками, вероятно маркирующими место происхождения жертвенных продуктов. Надписи из большой гробницы позволили предположить ее принадлежность царю Скорпиону, предшествовавшему I династии. На международные торговые связи указывают более двухсот кувшинов вина из Восточного Средиземноморья. Кроме того, около гробницы царя Хор-Аха немцы нашли много костей молодых мужчин, видимо принесенных в жертву. Повторное исследование самой значительной гробницы — Хасехемуи — позволило восстановить историю ее строительства и реставрации в эпоху Среднего царства. Раскопки в Абидосе дают важный материал по истории возникновения египетской цивилизации и письменности. Новые результаты были достигнуты Г. Дрейером и при изучении Хелуанской дамбы, согласно Геродоту построенной Менесом для защиты Мемфиса и найденной еще в 1885 г. (теперь найдены бараки строителей; один из отчетов см.: [Dreyer, 1993]).

В сотрудничестве с Египтологическим институтом Гейдельбергского университета образцово издаются материалы из фиванских гробниц (серия «Archäologische Veröffentlichungen»). Результаты работ Немецкого института выходят в свет в периодических «Сообщениях» («Mitteilungen...» — MDAIK) и специальных изданиях.

Немецкий институт по-прежнему тесно связан с Швейцарским, спецификой которого со времен Л. Борхардта является изучение древнеегипетской архитектуры: в 1955–1957 гг. они раскапывают в Абусире солнечный храм Усеркафа, с 1969 г. ведут раскопки на о. Элефантина, с 1971 г. — в поминальном храме Мернептаха и на Пелусии. Продукция Швейцарского института помещается в периодическое издание («Beiträge»).

Важное достижение австрийской школы — раскопки столицы гиксосов Авариса. В настоящее время он локализуется в местности Телль-эль-Дабба, где с 1966 г. работает экспедиция Египтологического института Венского университета под руководством Манфреда Битака. Еще в 1872 г. Г. Бругш высказал предположение, что на месте Авариса построили Пер-Рамсес и Танис.

В последнем, резиденции XXI—XXII династий, было найдено много памятников Рамсеса II, что казалось бы подтверждало наличие здесь его резиденции. Многие известные ученые придерживались этой точки зрения (А. Гардинер, Х. Кеес, Ю. фон Беккерат), почему она до сих пор встречается в околону научной литературе. Однако послевоенные раскопки французской экспедицией Ж. Йойотта прекрасно сохранившегося Таниса показали, что в нем нет сооружений, датируемых до правления Псусеннеса II, следовательно, монументы XIX династии были привезены сюда из другого города [Tanis, 1987]. Цари смутного III переходного периода подражали своему великому предшественнику, Рамсесу II, с редким энтузиазмом присваивавшему чужие памятники.

В 1971 г. М. Битак заново основал Археологический институт в Каире. Масштабные раскопки Авариса обнаружили остатки маленького египетского поселения, где с I переходного периода начали селиться азиаты (теперь известно, что подобные поселки не были единичными в Восточной Дельте). Переселенцы сохраняли свои обычаи, что хорошо заметно в различии погребений. Судя по погребальному инвентарю, позднее многие пришельцы были воинами, в частности найдены типичные гиксосские мечи с лезвием в форме долота. Раскопки показали, что именно здесь во II переходный период вырос Аварис — один из крупнейших городов того времени, окруженный стенами восьмиметровой толщины и защищаемый мощной цитаделью. Подлинная сенсация ждала археологов в 1991 г.: в саду, или, скорее, в винограднике, примыкающем к большому дворцу гиксосского периода, были найдены многочисленные фрагменты стенных росписей в минойском стиле. Акробатические прыжки через быков — как в Кносском дворце на Крите или домах на о. Фера (совр. Санторин) — причем, возможно, датирующиеся более ранним периодом. По мнению М. Битака, эти прекрасные изображения украшали стены новой цитадели, возведенной царем-освободителем Яхмосом на месте гиксосской крепости. Они свидетельствуют о тесных связях Египта с островами. Схожие фрески были обнаружены в Восточном Средиземноморье (Алалах, Кабри), где в это время расцветали центры, ассоциируемые с гиксосами. Теперь находки минойской и микенской керамики в поселениях Нового царства, прежде считавшиеся результатом торговли, возможно, приобретают несколько иное значение. В слое над фрагментами росписей были

найлены кучи пемзы — возможно, следы вулканического извержения на Санторине [Bietak, 1996; Головина, 1999]. С 1990 г. свежую информацию о раскопках можно получить в периодическом издании «Egypt and Levant». Кроме Авариса, институт ведет раскопки на Синае и в Фивах.

В 1971 г. на базе Лейденского университета в Каире обосновался Голландский институт археологии и арабских исследований, поддерживаемый в настоящее время несколькими университетами. Институт занимается раскопками в Телль-Ибрагим-Аваде (Дельта), Беренике (побережье Красного моря), в Саккаре и Вад-Натрун.

В 1960-х гг. в Итальянском культурном институте в Каире было основано археологическое отделение, организующее выставки и лекции и печатавшее информационный бюллетень о раскопках [Bolletino, 1964–1979].

Археологическое изучение Телль-эль-Амарны, где находилась столица Эхнатона, начатое Фл. Питри и удачно продолженное Л. Борхардтом, ведется английскими экспедициями Дж. Мартина и Б. Кемпа [Martin, 1974–1989; Kemp, 1989].

1979-й стал годом основания Канадского института при поддержке Канадского института Средиземноморья. Канадцы занимаются раскопками в оазисе Дахла, в Вади-Тумилат, Питоме (Телль-эль-Масхута), в Карнаке, Мендесе. Предварительные отчеты публикуются в специальном издании («Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities»).

В 1989 г. египтянин Нагиб Канавати создал Австралийский центр египтологии, базой которого является Сиднейский университет (Школа истории в университете Маскуагье Нового Южного Уэльса). Раскопки центр ведет в некрополях Эль-Хемамийе и Эль-Хагарса (у Сохага), Фивах, Саккаре. Результаты публикуются в двух сериях изданий, а также в журнале («The Bulletin of the Australian Centre for Egyptology»). Раскопки в Малькате у Луксора с 1971 г. проводил японский университет Васеда (профессор археологии Киити Кавамура).

Египет кажется неисчерпаемым. Относительно недавно, в 1989 г., в Луксорском храме, под полом во дворе Аменхотепа III, был обнаружен — чуть ли не случайно, что часто бывает в египетской археологии — тайник с 26 великолепными статуями божеств и царей. Эти сокровища, датируемые в основном XVIII династией

и прекрасно сохранившиеся, стали ядром сравнительно небольшой (по сравнению с Каиром), но яркой коллекции нового Луксорского музея.

В настоящее время идут изыскания на территории фиванского храма Аменхотепа III на западном берегу, вероятно, самого большого из поминальных. Из-за разливов и деятельности людей он практически не сохранился, но исследования, возглавляемые здесь, в Ком-эль-Хетане, немецкими специалистами Р. Штадельманом и Х. Сурузян, возможно, вскроют какие-либо остатки храма. Первые результаты очень обнадеживают: в одном из огромных валунов, мимо которого проходило столько людей, удалось опознать фрагмент колоссальной статуи царя на троне с прекрасным изображением его супруги.

В 90-е гг. прошлого века активно развивалась подводная археология, для которой в Египте есть обширное поле деятельности: побережье Средиземного и Красного морей. Французские экспедиции исследуют территорию Александрии (найлены фрагменты знаменитого маяка). В 1993 г. американцы открыли там отделение своего Института подводной археологии.

Для современной ситуации характерно объединение ученых разных стран под «крышей» одного проекта. Например, немецкий египтолог Дитер Арнольд из нью-йоркского музея Метрополитэн, занимающийся преимущественно древнеегипетской архитектурой (его перу принадлежит удобный справочник по этой тематике [Arnold, 1994] и монография о храмах [Arnold, 1992]), руководил раскопками Немецкого археологического института в Дейр-эль-Бахри, где в частности изучал остатки плохо сохранившегося храма Ментухотепа II. По его мнению, этот храм являет собой переходный этап от припирамидного храма Древнего царства к сменившему последний в эпоху Нового «дому миллионов лет». Ученый уверен, что пирамидион (или пирамида) не мог увенчивать это прямоугольное сооружение высотой 11 м. Также Арнольд работал в Тарифе, а недавно возглавлял работы американской экспедиции в Лиште и Дахшуре, исследовавшей пирамидные комплексы Среднего царства (среди результатов — находка ювелирных украшений царицы; семь гробниц, раньше считавшихся мастабами, оказались пирамидами; важна гробница чиновника Хнумхотепа, сохранившиеся плиты облицовки которой позволяют впервые надежно реконструировать внешний вид мастабы; см.: [Arnold, 1988]).

Немецко-египетская миссия в Дра-Абу-эль-Нега извлекла на свет дивную керамику амарнской эпохи, времени знаменитого фараона-еретика Эхнатона.

В 1967 г. был основан Центр франко-египетских исследований храмов Карнака, организованный Службой древностей и французским центром научных изысканий (CNRS). Задача центра, включающего не только египтологов, но и реставраторов, архитекторов, художников, фотографов и других специалистов — сохранение и изучение огромного храма Амона. При укреплении пилонов были обнаружены многочисленные блоки с рельефами от разобранных храмов амарнского периода; постепенно их заменяют другими, а в музее с помощью современной компьютерной техники восстанавливают рельефы эпохи Эхнатона (Akhenaten Temple Project; впервые на отдельные блоки с титулатурой Эхнатона обратил внимание еще Г. Бругш). Результаты работ центра публикуются в специальном журнале («Cahiers de Karnak»).

В Карнаке таким образом уже восстановили две чудесные часовни, Сенусерта и Хатшепсут (так называемые «белая» и «красная» — по цвету камня).

В одной из первых пирамид — в Мейдуме — франко-египетская миссия с помощью новейших технических средств обнаружила неизвестные прежде помещения, служащие, видимо, разгрузочными (5 таких камер есть над погребальным покоем Хеопса). До сих пор египтологи спорят, кому построена эта вторая по возрасту пирамида: одни полагают, что она возведена для Хуни, а потом «приватизирована» Снофру, другие уверены, что она изначально строилась для последнего.

Польско-египетская экспедиция в саккарском некрополе копает гробницы вельмож Древнего царства. Гробница Хоремхеба в Саккаре была найдена еще прусской экспедицией К.Р. Лепсиуса, потом, видимо, подвергалась разграблению — прекрасные рельефы из нее хранятся теперь в разных музеях мира. На них изображаются военные триумфы полководца, по достоинству оцененные его величеством. С 1970 г. в гробнице работала англо-голландская экспедиция под руководством Дж. Мартина.

Подобное повторное исследование давно известных памятников — характерное явление современной археологии долины Нила. Дело в том, что многие важные объекты были изучены

недостаточно или остались не опубликованы должным образом, а некоторые оказались повторно потеряны!

С 1996 г. в восточном некрополе Гизы начала работы в скальной гробнице жреца Хафраанха (эпохи Древнего царства) Российская археологическая экспедиция под руководством Э.Е. Кормышевой. Эта гробница была известна еще до дешифровки иероглифов, потом рельефы на стенах ее поминальной часовни опубликовал К.Р. Лепсиус, однако пять погребальных шахт и соответственно камеры не были раскопаны его экспедицией. Этим и занялись отечественные ученые из Института востоковедения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и Российского государственного гуманитарного университета. В результате особенно важные находки были обнаружены в самой глубокой из погребальных камер, служившей местом упокоения самого жреца: остатки черепа и костей, деревянного саркофага, керамики (в том числе примечательная «палестинская амфора» для вина). Весь пол камеры был перекрыт довольно крупными прямоугольными блоками известняка, однако древние грабители точно знали, где искать — там, где было погребение, камни оказались разбиты. И хотя все ценное давно было отсюда унесено, тем не менее для науки сами блоки и стены камеры сохранили важные следы египетских мастеров — их беглые рабочие пометки, сделанные красной и черной краской (подобные известны и для пирамид — в частности, благодаря такой надписи надежно известно, что пирамида Хуфу предназначалась именно ему; многие из пометок носят чисто технический характер — например, отмечают какой стороной ставить блок и т.д.). В настоящее время работы в самой гробнице близки к завершению и экспедиция изучает прилегающую к ней территорию, где обнаружены скромные погребения разных периодов.

В 1995 г. Кент Уикс из Американского университета в Каире обнаружил в давно известной гробнице Долины царей серию новых помещений, приготовленных для сыновей Рамсеса II. Они оказались практически пустыми (самой замечательной находкой здесь стал рельеф, изображающий Осириса анфас), но изменили представления об архитектуре усыпальниц этого времени.

Археология позволяет в некоторой степени проследить распространение древнеегипетской культуры вне долины Нила. Естественно, памятники находят на территории всего Средиземноморья, но есть они в более далеких регионах, в частности, на

территории бывшего СССР. Отдельные скарабеи и другие мелкие памятники обнаружены в Армении. Гораздо больше подобных вещей попало в Северное Причерноморье, колонизованное греками, а позднее римлянами*. Древнейшие найденные здесь египетские памятники датируются второй половиной VI–V вв. (о. Березань около Очакова). Фаянсовые амулеты и бусы обнаружены также в Ольвии, Фанагории и Пантикапее [Алексеева, 1972]. Большая часть находок датируется второй половиной I в. до н.э. — II в. н.э. А.К. Коровина даже предполагала на этом основании наличие древнеегипетских культов в Северном Причерноморье. Более надежные основания для таких выводов дают эпиграфические источники — например, мраморный пьедестал II в. до н.э., найденный около крепости в Аккермане с посвящением Серапису, Исиде и почитаемым с ними богам. Для римского периода подобных свидетельств становится больше, в Ольвии даже сооружается храм. Самая северная находка древнеегипетских предметов на территории России была сделана на Печоре, а самая восточная — на Урале («орская ваза»), но подобные вещи — игра случая.

Что касается очередных главных задач египетской археологии, то на Международном конгрессе 2000 г. в Каире приоритетными темами были провозглашены две: изучение Дельты и сохранение памятников. Исследование Нижнего Египта, и прежде проблематичное из-за населенности региона, приобрело новую актуальность в связи со строительством высотной Асуанской плотины — поднялся уровень грунтовых вод и резко возросла опасность разрушения памятников. Однако эта ситуация делает экспедиции в Дельту дорогостоящим предприятием, что не всегда могут себе позволить даже богатые страны. Другой «чумой» являются туристы, количество которых растет в геометрической прогрессии. Не случайно ограничивается доступ в гробницы Долины царей — росписи страдают от повышенной влажности, обусловленной дыханием людей. В последние годы стали ограничивать и вход в пирамиды, где росписей нет. Реставрация уже открытых памятников — задача

* См. статьи в ВДИ: А.О. Большакова, Ю.И. Ильиной — 1988. № 3; А.К. Коровиной — 1972. № 1; И.Г. Шургая о контактах между Ольвией и Александрией — 1972. № 3; Н.Л. Грач о находке в Нимфее изображения корабля «Исида» — 1984. № 1; о бронзовых перстнях птолемеевского типа: О.Я. Неворова — 1974. № 1 и Ю.Н. Литвиненко — 1991. № 1; Е.И. Соломоник о надписях с именами богов на маленьких сосудах (дипинти) — 1973. № 1.

очень сложная, требующая объединенных усилий разных специалистов и привлечения серьезных средств. На протяжении длительного времени шли реставрационные работы польской миссии в Дейр-эль-Бахри.

Из последних достижений археологов следует назвать следующие. Французская миссия О. Лябрусса в Саккаре обнаружила пирамиду VI династии царицы-регентши Анхесенпепи II, матери Пепи II. Стены ее погребальной камеры украшают знаменитые «Тексты пирамид» — древнейшие из найденных в гробницах цариц (прежде эти заупокойные ритуальные тексты предназначались только царям, но под конец Древнего царства древние «феминистки» на троне добились равенства — возможно, благодаря исключительному положению Анхесенпепи II при дворе, о чем свидетельствуют и размеры ее гробницы). Очень перспективной представляется тема, которой занимается в Французском институте В. Добрев: изучение рабочих пометок на пирамидных блоках. Эти данные могут прояснить приемы строительной техники и организацию рабочих отрядов. Колоссальная работа проводится французами по новому полному изданию «Текстов пирамид» (очень кропотливый труд — реставрация разрушенных текстов в погребальных покоех царей ведется с 1963 г.). На протяжении многих лет экспедицию возглавлял Ж. Леклан, издающий с 1950 г. обзоры археологических раскопок в Египте («Fouilles et travaux en Égypte et au Sudan»; начинались они в журнале «Orientalia»). Во Франции имеется и популярный журнал «Archéologia», где есть статьи о раскопках в Египте и информация о выставках и лекциях.

А. Зиви работает в Саккаре над изданием прекрасных постаментных гробниц, где в Поздний период был устроен некрополь священных кошек. Несколько устарела, но весьма полезна систематическая сводка археологических источников одного из крупнейших французских египтологов Жака Вандье [Vandier, 1952–1978].

Египетская экспедиция Захи Хавасса открыла некрополь римского периода в оазисе Бахария (точнее, находка была случайной, но Служба древностей проявила оперативность). Позолоченные картонные маски, мумии — все в большом количестве — потребуют значительных усилий египетских археологов и реставраторов.

Для современной археологии характерно внимание к находкам, прежде игнорируемым: климатическим изменениям, костям

животных, керамическим черепкам, даже самим почвам. Работы Карла Бутцера обратили внимание на географическое влияние природной среды на культуру и развитие ирригации. Американская экспедиция М. Ленера в Гизе (Гарвардский университет, с 1988 г.) получает интересные результаты благодаря участию разных специалистов: так, палеозоологи установили, что при IV династии на убой шли молодые животные, а позднее — и старые тоже. Ихтиологам удалось идентифицировать разные виды рыб, употреблявшихся в пищу. Был даже проведен эксперимент по выпеканию древнеегипетского хлеба в сосудах соответствующей формы. Ведется также расчистка монументальной стены с огромными воротами, отделяющей некрополь от «производственной зоны» (помимо пищевых комплексов найдены металлургические и фаянсовые мастерские). В последние годы американцам удается все шире использовать новейшие технические достижения в области геофизики, радар и лазерное сканирование. Эти раскопки позволяют понять в деталях, как была организована одна из величайших строек в истории человечества. Пирамидам посвящена одна из книг М. Ленера, рассчитанная на широкую аудиторию, но интересная и специалистам. В ходе последней реставрации Сфинкса, в конце XX в., Ленер исследовал самую большую статую в мире, изображающую, по его мнению, Хафра. Результаты и проекты работ на гизехском плато публикуются в журнале «Aegram. Newsletter of the Ancient Egypt Research Associates». Египетская Служба древностей расчистила здесь некрополи строителей пирамид, причем в одном из известняковых саркофагов был найден скелет мужчины. Титулатура мастеров позволяет уточнить административную структуру и организацию строительства пирамид.

Изучение состава глин позволяет с уверенностью утверждать место производства сосуда. Появились специальные журналы по керамике («Cahiers de la Céramique Égyptienne»; «Bulletin de liaison du Groupe International d'Étude de la Céramique Égyptienne»); важный справочник по керамике [Arnold, Bourriau, 1993]. Особые сложности и при раскопках, и при консервации представляют сырцовые сооружения.

Растущему интересу широкой публики к Египту, а стало быть и привлечению спонсоров, способствуют красочные журналы на качественной научной основе: особенно популярен американский «Kmt: A Modern Journal of Ancient Egypt and Egyptian Archaeology».

Во Франции издается журнал «Archéologia», в котором постоянно много внимания уделяется раскопкам в Египте и выставкам.

Изучение религии и культуры. Филологические исследования. Хотя египтология сама по себе довольно обширная сфера знаний (богатая высокими достижениями древнеегипетская цивилизация просуществовала более трех тысячелетий), нельзя сказать, чтобы она развивалась в изоляции от других областей (в чем ее часто упрекают). Выход в свет таких работ, как «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера (1890), «Священное» Р. Отто (1917) не остался незамеченным и для египтологов.

В области религии серьезная школа, придерживающаяся феноменологического подхода, сложилась в Нидерландах (труды Г. ван дер Лёва). Особенно заметен вклад Адриана де Бука, издавшего «Тексты саркофагов». Интересны также ученые следующего поколения, преподававшие в основном на факультетах теологии университетов Амстердама, Гронингена и Утрехта (C.J. Bleeker, J. Zandee, M. Heerma van Voss, H. te Velde).

В области религии всегда активно работали немцы. Для всеобъемлющей энциклопедии Паули—Виссова много качественных статей о древнеегипетских богах написал А. Руш. В 1952 г. Ханс Бонне выпустил в свет фундаментальный энциклопедический словарь, почти полностью написанный им одним. Заметной фигурой предстает Х. Кеес, автор общей работы по религии и монографии о заупокойных верованиях. Также следует вспомнить Рудольфа Антеса, занимавшегося мифологией.

Одной из вершин немецкой историографии в этой сфере стали работы З. Моренца, сочетавшего обширные познания в египтологии с владением античным и библейским материалом (для ученых, получавших образование в первой половине XX вв., такое сочетание было довольно обычным, но уровень познаний Моренца был необыкновенно высок). Феноменологический подход характерен также для Эрика Хорнунга. На его счету публикации «книг» об ином свете из гробниц фараонов Нового царства («Книга Врат», «Амдуат»). Одним из наиболее популярных современных египтологов и культурологов является Ян Ассман, чьи работы переводятся и на русский язык [Ассман, 1999; 2004]; для египтологии важна его публикация гимнов и молитв [Assmann, 1975].

В англоязычной египтологии середины XX в. значительное влияние под воздействием трудов французского антрополога

Л. Леви-Брюля приобретает идея определения древневосточного сознания как мифопоэтического, персонифицирующего все окружающее и неспособного к философской абстракции. Особую роль в развитии этой идеи сыграла чикагская школа в лице Джона Уилсона и Генри Франкфорта, воплотивших ее в известную книгу, сокращенное издание которой было переведено и на русский язык. Дж. Вильсон написал также работу о политической и культурной истории страны. Как и многие, он рассматривает период, следовавший за концом Нового царства, как эпоху упадка.

Все больше интереса ученые проявляют к древнеегипетской *литературе*, в изучение которой постепенно внедряются литературоведческие методы (Я. Ассман, Ф. Дершен, Дж. Фостер, А. Лоприено).

Одно из направлений, весьма популярных в мировой историографии последних десятилетий, но делающее первые шаги в египтологии — «women studies», изучение места женщин в обществе (Э. Фойхт, Г. Робинс, Л. Трой, Б. Леско). Как и в других областях исторической науки, оно пользуется особой популярностью у исследовательниц и порой не лишено феминистских перегибов, но несомненно обладает серьезными перспективами развития, так как в древнем Египте женщины играли гораздо более заметную роль (что отразилось в источниках), чем в других странах древнего Востока.

Другой приметой новейшего времени является появление такого идеологически острого направления, как афроцентризм (или панафриканизм). Естественно, яркая древняя цивилизация Египта сразу попала в центр внимания и была провозглашена африканской и черной. Можно выделить две линии развития этого направления: в США (начало положила книга Дж. Джеймса) и в самой Африке (работа Шейх Анта Диопа из Сенегала; в настоящее время в Заире основан центр, названный его именем, там преподает М. Билоло; в этом направлении работает также Т. Обенга: в частности, он указывает на этимологии, якобы связывающие египетский не с афразийской семьей, а с суб-сахарскими или негроафриканскими языками). Материал дискуссий в этой области был собран М. Берналом в работе «Черная Афина» [Bernal, 1987].

Монументальность, красота и необычность древнеегипетских памятников по-прежнему питают различные египтософские направления. Историю египтомании можно начинать с Геродота и

римских фресок, изображающих нильские пейзажи. Однако современные секты, прикрывающиеся флером египтомании, порой не столь безобидны.

*Египетская филология** на протяжении XX в. развивалась неожиданно трудно и неоднозначно. Достаточно сказать, что за это время она *трижды* кардинально поменяла взгляд на саму основу египетского языка. В первую очередь это касалось системы египетского глагола и синтаксиса. Даже описание и классификация основных характеристик различных стадий развития египетского языка растянулись практически на весь XX век. К примеру, разница между старо- и среднеегипетским языком была полностью описана лишь к середине столетия в образцовой грамматике Э. Эделя, а выявление отдельных глагольных форм в казалось бы наиболее исследованном среднеегипетском («классическом») языке продолжалось до 1980-х гг. Приходится признать, что до сих пор наши представления о структуре египетского языка носят приблизительный характер. Это связано как с архаичностью самого языка, так и со спецификой крайне сложной и в высшей степени своеобразной системы письма, за которой иногда чрезвычайно трудно разглядеть четкие различия между формами. В связи с этим египетской филологии (как и египтологии в целом) приходится решать очень специфические задачи, все более отдаляясь от семитологии и ассириологии, которым стремилась следовать берлинская школа.

Как уже говорилось, основой современного понимания египетского языка были достижения именно берлинской школы. Подход А. Эрмана и его последователей, на протяжении трех поколений (К. Зете, Г. Штайндорфф, Э. Эдель, В. Вестендорф) был фактически ориентирован на историко-филологический метод, подобный принятому в современной семитологии. Это определило и выбор берлинской школой соответствующей грамматической терминологии и транслитерации.

Развитие достижений берлинской школы нашло продолжение в трудах ученых, которых иногда называют представителями британской школы. В первую очередь это такие выдающиеся египтологи, как А.Х. Гардинер и Б. Ганн. Хотя они работали вполне в духе «неограмматической» традиции Эрмана, а Гардинер много лет готовил картотеку Берлинского словаря, их труды привнесли в

* Раздел о египетской филологии написан М.А. Чегодаевым.

изучение египетского языка прагматический подход, восходящий к английской филологической традиции. Особенности египетского языка рассматривались ими на фоне грамматики классических языков и того, что именовалось тогда «стандартным европейским языком». Если Эрман и берлинская школа были методологически «семитоцентричными», то Гардинер и все лингвистическое направление, которое он представлял, были «европоцентричными», в том смысле, что грамматическое изучение египетского языка было в то же самое время изучением различий между египетским и западным мышлением. Научные интересы А. Гардинера не ограничивались только египтологией. Его как лингвиста в первую очередь интересовали проблемы языка и мышления, и египетский язык давал ему великолепный «иллюстративный материал». И в египетской филологии его главной целью становится правильный *перевод* древнеегипетских текстов. В 1927 г. он издал главный труд своей жизни — грамматику среднеегипетского языка, во многих аспектах остающуюся непревзойденной и по сей день. Она сочетает в себе как элементы учебника (с домашними заданиями и упражнениями), так и фундаментальное описание языка, ставшее результатом развития идей школы Эрмана и открытий самого британского ученого.

Как уже отмечалось, главной проблемой и основным объектом египетской филологии является глагольная система египетского языка. Высшим достижением берлинской школы в этом смысле можно считать капитальный труд К. Зете. Из семитологии берлинцы вынесли и представление о видовых категориях глагола и попытались применить его к египетскому языку, который они считали практически семитским. Действительно, в египетском много черт, роднящих его с семитскими языками. Прежде всего это структура глагольных и именных корней с преобладанием трехконсонантных; формы местоимений; наличие двух грамматических родов; формант женского рода *t*; система грамматических чисел; окончания множественного и двойственного числа, а также форма статива, не говоря уже о весьма богатой общей лексике. Исторически в глагольной системе семитских языков проводилось первичное видовое различие между двумя типами форм, которые часто называют «перфективными» и «имперфективными». Эти термины были применены и к египетской глагольной системе, где они употреблялись по отношению к трем грамматическим

формам: модели «*sdm.f*», причастиям и так называемым относительным формам. Хотя сами по себе данные термины несовершенны, они, тем не менее, оказались удобны для анализа и описания одного из основных отличий, существующего между разными типами причастий и относительных форм и, таким образом, эти термины стали почти универсальным обозначением соответствующих категорий. Однако приходится констатировать, что в египтологической терминологии в этом вопросе царит поразительный хаос. Попытки следовать семитологическим исследованиям и пользоваться терминологией, восходящей еще к античной александрийской школе, т.е. описывающей индоевропейские языки, а также происходившие в египетской филологии кардинальные пересмотры основных понятий привели к тому, что в разных грамматиках и теориях одними и теми же терминами обозначаются совершенно разные вещи. Это может поставить в тупик начинающего египтолога и в одной из новейших грамматик даже приводится весьма полезная таблица, показывающая, что обозначают различные термины у того или иного автора.

На последующие за выходом грамматики тридцать лет гардинеровская теория стала основополагающей и, как показало время, нельзя сказать, что она безнадежно устарела. Примерно до 1960-х гг. большинство египтологов анализировало форму *sdm.f* на основании того же первичного видового различия. В грамматике Гардинера различаются только две основные формы активной *sdm.f* — «перфективная» и «имперфективная». Различие между ними проводится прежде всего на основании употребления так называемой *геминированной* основы в имперфективной *sdm.f* и в атрибутивных формах. В последнем издании своей грамматики (1957) Гардинер признал, что за перфективной *sdm.f* может скрываться не одна форма, однако он по-прежнему пытался объяснять употребление *sdm.f* на основе видового различия между перфективными и имперфективными формами по аналогии с тем, что существует в так называемых *атрибутивных* формах. При этом Гардинер не только констатировал сходство между ними, но даже утверждал, что перфективная и имперфективная *sdm.f* исторически восходят к перфективным и имперфективным *пассивным причастиям*. Это центральное и наиболее спорное положение в его теории происхождения египетского глагола.

Однако еще до выхода первого издания грамматики Гардинера некоторые египтологи начали подозревать, что существуют более чем две формы *sdm.f*. И действительно, со временем выявились и другие конструкции, которые приходится рассматривать как независимые формы. Первой была определена форма, именуемая ныне как *субъюнктив*. Большинство египтологов согласилось с тем, что он представляет собой третью самостоятельную форму, существующую наряду с перфективной и имперфективной формами Зете и Гардинера. *Активная проспективная* форма *sdm.f* была выявлена в 1950-е гг., хотя ее полная парадигма и взаимосвязь с *пассивной проспективной* формой были установлены лишь к 1979 г. Дальнейшие исследования привели к тому, что в настоящее время насчитывается шесть типов разных форм *sdm.f* (включая пассивную и пассивную проспективную формы). Оказалось, что гардинеровская перфективная *sdm.f* включает в себя две различные формы — перфективную и субъюнктивную, а также частично третью — проспективную, тогда как имперфективная *sdm.f* по Гардинеру фактически включает в себя и имперфективную форму, и проспективную.

Помимо грамматических исследований, направленных на изучение глагольной парадигмы, шли, разумеется, работы и в других областях египетской филологии. Это были и лексикологические исследования — здесь необходимо назвать словарь египетских имен Г. Ранке, и работы в такой захватывающей и невероятно трудной области, как реконструкция египетского вокализма. Хотя мечта услышать «божественную речь» владела египтологами с самого рождения их науки и этой проблемой занимались замечательные ученые XIX в., подлинно научную основу этому делу положил в 20-е гг. XX столетия К. Зете. Метод его сводился к последовательному сравнению египетских безгласных транскрипций с их записью (буде такие найдутся) клинописью, а затем и греческими и коптскими буквами. В результате получалась картина эволюции египетской вокалической системы. На этом поприще трудились такие выдающиеся ученые, как Олбрайт, Эджертон, Вергот, Вычихл и др. Однако, надо признать, что пока речь может идти только о более или менее убедительных гипотезах относительно огласовки отдельных египетских слов не ранее Нового царства. До последовательной доказанной огласовки всех стадий египетского языка (если это возможно в принципе) еще очень далеко. Более

того, оказалось, что некоторые подобные реконструкции основываются на ошибочных прочтениях, или на еще не выявленных в это время фонологических изменениях в «языках-посредниках». В этой ситуации основным направлением египетской филологии оставалась грамматика, тем более что чем фундаментальнее становились труды, тем больше вопросов возникало.

Проблема адекватности египетской грамматики, основанной на теоретических категориях индоевропейских языков, стала острой уже в 1940-е гг. Попытка решения этой проблемы и возникновение принципиально иной теории египетской грамматики связано с именем еще одного выдающегося ученика берлинской школы — Ханса Якоба Полоцкого (1905–1991). Первым заметным шагом на пути зарождения новой теории можно считать работу Полоцкого 1944 г., посвященную проблеме так называемых «вторых времен» коптского глагола. Дело в том, что многие глагольные категории в коптском имеют две различные формы, которые обычно называют «первыми» и «вторыми» временами. При этом создавалось впечатление, что по смыслу они идентичны. Понять это с позиций «индоевропейской логики» было невозможно. Полоцкий доказал, что разница между ними огромная. «Вторые времена» в отличие от «первых» использовались не для обозначения действия, а для подчеркивания, *эмфатизации* условий, при которых действие протекает (Полоцкий назвал этот тип предложений *эмфатическим*). При этом открывался синтаксис, совершенно чуждый европейским конструкциям. Поскольку коптский является позднейшей стадией развития египетского языка, Полоцкий предположил, что сходный тип употребления мог лежать в основе некоторых формальных различий, наблюдающихся и на более ранних стадиях языка. В том же исследовании ему удалось показать, что имперфективная форма *sdm.f* Зете и Гардинера использовалась во многих предложениях того же типа, в которых использовались коптские вторые времена. Полоцкий предположил, что эта глагольная форма была не просто имперфективной формой *sdm.f*, но имперфективной относительной формой в особом употреблении.

Во множестве последующих публикаций, вышедших между 1944 и 1976 г., Полоцкий углублял и развивал свое исследование, выстраивая совершенно новое понимание глагольной системы не только в новоегипетской стадии языка, но и распространяя ее и на

среднеегипетский. В основе теории Полоцкого лежит представление о глагольном предложении как о *наречном*. С точки зрения этой теории предикат в эмфатическом предложении (emphatic sentence) представляет собой не глагольную форму, а подчеркиваемое наречие (emphasized adverb), предложную фразу (prepositional phrase), или наречное придаточное (adverb clause); сама же глагольная форма представляет собой *именную конструкцию* (noun clause), которая выступает в качестве *субъекта* при наречном предикате. Хотя Полоцкий рассматривал глагольные формы в таких эмфатических предложениях как особый случай употребления относительных форм, другие египтологи видели в них особые именные формы *sdm.f*, поскольку они встречались и в именных конструкциях (noun clauses). Гардинеровская имперфективная *sdm.f* превратилась таким образом в «именную» или «эмфатическую» *sdm.f*, а перфект оказался разделен на две формы — «именную» или «эмфатическую» *sdm.n.f* и «неэмфатическую» *sdm.n.f*. Перфективная относительная форма в целом не рассматривалась как именная или эмфатическая форма.

Сходным образом Полоцкий интерпретировал и неэмфатические конструкции. Вновь приняв за основу структуру наречных предложений, он рассматривал глагольные формы в субъектно-стативных и субъектно-имперфективных конструкциях как наречные предикаты.

В результате подобного анализа глагольные формы, употреблявшиеся в таких конструкциях, равно как и те, что употреблялись в наречных придаточных (adverb clauses), объявлялись «наречными» (или «обстоятельственными») формами глагола. Такие распространенные частицы, как *jw*, и вводные слова вроде *ḥꜥ.n* и *wn.jn* понимались новой теорией как *конвертеры*, позволяющие наречным формам функционировать в качестве предиката главного предложения. Формы же, встречавшиеся без таких конвертеров, рассматривались как наречные или именные.

К середине 1970-х гг. предложенный Полоцким анализ глагольной системы и структуры египетских предложений получил настолько широкое признание, что его стали называть «стандартной теорией» египетской грамматики. В итоге получалось часто совершенно иное прочтение и понимание текста, нежели принятое ранее. Надо сказать, что многое в «стандартной теории» было совершенно справедливым. Особенно в том, что касалось

новоегипетского языка. В случаях же классического языка постоянное подчеркивание и эмфатизация наречий и понимание глагольных форм как наречных порой приводило к совершенно невозможным, а иногда даже курьезным прочтениям. Поэтому хотя большинство египтологов приняли «стандартную теорию», они отдавали себе отчет в том, что она не решает все проблемы среднеегипетской грамматики и, в сущности, даже порождает некоторые новые. В 1980-е гг. значительное число ученых стало ставить под сомнение два базовых принципа «стандартной теории»: анализ эмфатических предложений как предложений с наречным предикатом и представление о том, что глагольные формы в других конструкциях в действительности представляют собой наречные предикаты. Симптоматичным было проведение в конце мая 1986 г. конференции, по материалам которой вышло ставшее очень известным издание под показательным названием «Перепутье. Хаос и начало новой парадигмы».

Однако осторожность, нежелание снова «подрывать устои» только-только ставшей общепринятой системы и авторитет автора «стандартной теории» не позволяли долгое время подвергать ревизии ее основные положения. Однако уже в 1991 г. (в год смерти Полоцкого) появилось несколько статей, призывающих к рассмотрению альтернативных концепций. Особенно «программно» это выразилось в работе Дж.-П. Аллена [Allen, 1991]. Началась дискуссия, поворотным моментом в которой стала, как представляется, работа М. Колльера, в которой он последовательно и аргументировано показал недостатки «стандартной теории» и предложил новые варианты рассмотрения и понимания египетских предложений, что означало новый кардинальный поворот в египетской филологии [Collier, 1994]. Суть новой теории, не имеющей пока названия и в шутку названной (кажется, Колльером) «не столь стандартной», сводится к тому, что глагольные предложения надо рассматривать все-таки как глагольные, пересмотреть предложенное Полоцким объяснение «именных» и «обстоятельственных» форм и вернуться к представлению о том, что в этих глагольных формах отражаются, прежде всего, смысловые различия, а не синтаксическая функция. Согласно новым взглядам «обстоятельственные» формы — это просто глагольные формы, выражающие состояние (статив) или виды действия, совершенный или несовершенный (перфект, пассив и имперфективная форма). Когда они

употребляются в качестве предикатов в наречных придаточных, они имеют наречную *функцию*, но не являются наречными *формами*. Ведь рема предложения не всегда тождественна предикату предложения, поэтому тот факт, что подчеркиваемый в эмфатических предложениях элемент является *ремой*, еще не означает, что он же является *предикатом*.

Современная теория признает, что анализ Полоцкого нередко бывает верен в отношении подчеркиваемого наречия, предложной фразы или наречного придаточного, однако он не является универсальным.

Несмотря на то что предложенная Полоцким теория наречных глагольных форм оказалась отвергнута, его анализ глагольных форм как именных в эмфатических предложениях остается существенной частью современной теории среднеегипетской грамматики. И действительно, поскольку среднеегипетские эмфатические формы представляют собой относительные формы в особом употреблении, они являются именными формами. Но это вовсе не означает, что они выступают в эмфатических предложениях в качестве *субъекта*. Тот факт, что в среднеегипетском эти формы *используются* в качестве предиката эмфатического предложения, объявляется просто особенностью языка. Причиной тому служит именная природа этих форм. В обычных предложениях с глагольным предикатом тема, как правило, передается субъектом глагола, который выражается именем или его эквивалентом (местоимением или именной конструкцией), а рема — самим глаголом. Используя именные формы глагола в эмфатических предложениях, египетский язык тем самым указывает на то, что глагол в таком предложении следует понимать скорее как часть темы, а не ремы, и слушатель или читатель должен искать рему где-то в другой части фразы.

Современная теория египетской грамматики все еще находится в процессе становления и многие вопросы она еще не решила. Но уже сейчас многие ведущие специалисты стоят на ее позициях (Дж. Аллен, М. Колльер, А. Лоприено и др.). Однако другие египтологи все еще остаются сторонниками «стандартной теории» (Ф. Юнге, Х. Затцингер и др.).

Современные тенденции сближать египетскую лингвистику с афразийской привели к появлению целого ряда работ, в которых делаются попытки (часто совершенно механические) применять

ее достижения к египетскому материалу (например, многотомный египетский этимологический словарь Г. Такача). При этом, к сожалению, часто совершенно упускается из виду проблема взаимосвязи египетского языка с необычайно своеобразной, архаичной и во многом необычной системой письма, которая подчас отражает такие процессы, которые остаются сокрытыми в других письменных системах (например, в клинописи, или, тем более, в алфавитных). Современная семитология и ассириология широко пользуются транслитерацией (в словарях, грамматиках), полностью обходясь без воспроизведения оригинальных надписей. В египтологии это в принципе невозможно. К тому же египтологическая транслитерация остается (в отличие от ассириологической) вопиюще непоследовательной. Достаточно сказать, что она никак не передает детерминативы. Полное игнорирование (а подчас и непонимание) специфики египетской письменности приводит к ошибкам и недоразумениям. Надо признать, что в настоящий момент наши познания о египетском языке намного скупее и отрывочнее, чем о семитских языках, и нельзя игнорировать этот факт, включая египетский материал в компаративистские исследования.

В связи со спецификой египетской письменности особо надо сказать об открытии, сделанном выдающимся отечественным ученым Н.С. Петровским [Петровский, 1970]. В настоящее время это направление успешно разрабатывается А.Г. Суцевским.

Музейное дело. Важнейшей частью работы музеев было и остается издание каталогов хранящихся в них сокровищ. С 1977 г. по решению Международного совета музеев (ICOM) начал издаваться свободнолистный каталог древнеегипетских собраний: «*Corpus antiquitatum Aegyptiacarum*», в котором все памятники публикуются по специально выработанным единым стандартам. Некоторые музеи, например Венский, уже издали таким образом значительную часть своих коллекций.

Много красивых цветных каталогов музейных собраний издается для широкой публики, причем иногда они могут иметь и научную значимость (например, превосходная работа В. Хейса по истории Египта, написанная на богатом материале музея Метрополитэн).

Многие музеи ведут собственные периодические издания («*British Museum Quarterly*»; «*Bulletin of the Museum of Fine Arts*», Boston; «*Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*», New York;

«Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden», Leiden).

Одной из серьезных проблем является подлинность памятников. Многие предметы из старых коллекций были куплены на черном рынке, а посему ничего неизвестно об их происхождении. То же самое можно сказать о многих памятниках, найденных при раскопках — документация и сейчас не всегда ведется достаточно пунктуально, а с современной точки зрения даже работы Питри не всегда идеальны. Черный рынок уже давно снабжает любителей подчас превосходно сделанными подделками.

Большой интерес вызывает проект строительства нового музея в Гизе, где когда-то в конце прошлого века находился первый музей, организованный О. Мариеттом. В него планируется перевезти коллекцию Тутанхамона и некоторые другие памятники переполненного старого музея (более 100 тыс. памятников). Рядом будет сад с растениями, характерными для древнеегипетской флоры.

Важной формой музейной работы, способствующей развитию науки, являются специальные выставки. Первую, посвященную росписям гробницы Сети I, организовал в Лондоне (а затем в Париже) Дж. Бельцони в 1821 г. Огромным успехом пользовалась выставка сокровищ Тутанхамона из Каирского музея, с 1961 г. путешествовавшая по всему миру (в СССР она побывала в 1973 г.). В наше время подобные выставки с большим или меньшим размахом организуются разными музеями довольно часто; им сопутствуют издания не только научно-популярных брошюр и альбомов для широкой публики, но и прекрасных подробных каталогов, ставших этапными в современной египтологии [Mummies and Magic, 1988]. В истории отечественной науки особая роль принадлежит организованной в 1991 г. С.И. Ходжаш в ГМИИ им. А.С. Пушкина выставке древнеегипетских памятников из 50 музеев СССР [Berglev, Hodge, 1998]. В 2000 г. в Берлине Д. Вильдунг, директор Египетского музея, организовал выставку «Египет 2000» [Ägypten, 2000]. Хотя количество экспонированных на ней памятников было относительно невелико и выставка была устроена вне музейных помещений, она пользовалась популярностью у публики, а по мнению специалистов стала одной из лучших среди событий подобного рода и продемонстрировала особый дар Вильдунга в музейной работе с произведениями скульптуры.

В настоящее время в Берлине восстанавливается Египетский музей, построенный при Лепсиусе и очень пострадавший во время Второй мировой войны. К 2009 г. предполагается воссоединение коллекции на Музейном острове (после войны значительная часть амарнской скульптуры, в том числе бюст Нефертити, оказалась в Западном Берлине).

Благодаря новым технологиям наметились новые перспективы в изучении мумий. Недавно американскими антропологами была высказана гипотеза о том, что жрецы в спешке и стремлении обеспечить максимальную секретность перепутали некоторые ярлыки на телах, почему, возможно, этикетки в музее не соответствуют действительности. Изучение мумий в сравнении с довольно многочисленными дошедшими до нас скульптурными и рельефными портретами фараонов дает достаточно надежные результаты в идентификации тел. Правда, уже несколько раз сорвались попытки идентифицировать тело Нефертити. Но определенные результаты усилий ученых имеются — стараниями П. Лаковары в музее Атланты была «опознана» мумия Рамсеса I, чей красивый саркофаг был найден в тайнике Дейр-эль-Бахри пустым. В начале 2004 г. основатель XIX династии вернулся на родину в гробу, покрытом национальным египетским флагом. Выпускники школы Каирского музея в одеждах фараоновского стиля встречали его на площади Тахир величальными песнями.

Библиография

[Азиатский музей, 1972] — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

[Алексеева, 1972] — *Алексеева Е.М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. — IV в. н.э. М., 1972.

[Антес, 1977] — *Антес Р.* Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира / Пер. с англ. О.Д. Берлева. М., 1977.

[Ассман, 1999] — *Ассман Я.* Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.

[Ассман, 2004] — *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

[Берлев, Грибов, 1960] — *Берлев О.Д., Грибов Р.А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете // УЗ ЛГУ. 1960. № 236.

[Богословский, 1983] — *Богословский Е.С.* Древнеегипетские мастера. М., 1983.

[Бок, 1901] — *Бок В.Г.* Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.

[Большаков, 1985] — *Большаков А.О.* Герман Юнкер и его «Гиза». Проблемы методики // ВДИ. 1985. № 3. С. 170–175.

[Большаков, 1986] — *Большаков А.О.* Системный анализ староегипетских гробничных комплексов // ВДИ. 1986. № 2. С. 98–137.

[Большаков, 2001] — *Большаков А.О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001.

[Брэстед, 1915] — *Брэстед Дж.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915. Т. 1–2.

[Викентьев, 1917] — *Викентьев В.М.* Сказка о двух братьях. М., 1917.

[Волков, 1914] — *Волков И.М.* Законы вавилонского царя Хаммураби. М., 1914. Вып. 1.

[Волков, 1915] — *Волков И.М.* Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х. М., 1915. Вып. 2.

[Волков, 1917] — *Волков И.М.* Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917.

[Гонейм, 1959] — *Гонейм З.* Потерянная пирамида. М., 1959.

[Головина, 1999] — *Головина В.А.* Три десятилетия деятельности Австрийской археологической экспедиции в Телль-эль-Даба (Восточная дельта Нила): новая книга Манфреда Битака // ВДИ. 1999. № 3. С. 191.

[Дженкинс, 1986] — *Дженкинс Н.* Ладья под пирамидой. М., 1986.

[Древняя Нубия, 1964] — *Древняя Нубия* / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1964.

[Кормышева и др., 2000] — *Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А.* Российская археологическая экспедиция в Гизе: сезоны 1996–1998 гг. (Предварительные результаты) // ВДИ. 2000. № 1. С. 160–182.

[Лауэр, 1966] — *Лауэр Ж.-Ф.* Загадки египетских пирамид. М., 1966.

[Липинская, Марциняк, 1983] — *Липинская Я., Марциняк М.* Мифология древнего Египта. М., 1983.

[Лукас, 1958] — *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.

[Милибанд, 1980] — *Милибанд С.Д.* Труды академика Бориса Александровича Тураева // Древний Египет. Сб. 2. Памяти акад. Б.А. Тураева. М., 1980.

[Михаловский, 1973] — *Михаловский К.* Фивы. Варшава, 1973.

[Норов, 1840] — *Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. СПб., 1840. Ч. 1–2.

[Петровский, 1970] — *Петровский Н.С.* Сочетания слов в египетском языке. М., 1970.

[Петровский, 1986] — *Петровский Н.С.* Источники сведений о древнем Египте в России в XI–XVIII веках // Замаровский В. Их величества пирамиды. 2-е изд. М., 1986.

[Пиотровский, 1983] — *Пиотровский Б.Б.* Вад-Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.

[Пирамиды вечности, 2000] — Пирамиды вечности. Египет и Нубия в рисунках и акварелях Д. Е. Ефимова (1811–1864). М., 2000.

[Прахов, 1880] — *Прахов А.В.* Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта. СПб., 1880.

[Савельева, 1960] — *Савельева Т.Н.* Список научных трудов В.С. Голенищева // Древний Египет. М., 1960.

[Тексты пирамид, 2000] — Тексты пирамид / Под ред. А.С. Четверухина. СПб., 2000.

[Тураев, 1915] — *Тураев Б.А.* Рассказ египтянина Синухета и образцы документальных автобиографий. М., 1915.

[Тураев, 1920] — *Тураев Б.А.* Египетская литература. Пг., 1920.

[Тураев, 1922] — *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922 (перезд.: М., 2007).

[Шампольон 1950] — *Шампольон Ж.-Ф.* О египетском иероглифическом алфавите / Пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица. М.; Л., 1950.

[Эмери, 2001] — *Эмери У.Б.* Архаический Египет. СПб., 2001.

[Ägypten, 1997] — Ägypten. Die Welt der Pharaonen / Hrsg. von R. Schulz und M. Seidel. Köln, 1997.

[Ägypten, 2000] — Ägypten 2000 v. Chr. Die Geburt des Individuums / Hrsg. von D. Wildung. München, 2000.

[Allen, 1991] — *Allen J.P.* Form, function, and meaning in the early Egyptian verb // *Lingua Aegyptia*. 1991. 1. P. 1–32.

[Arnold, 1988] — *Arnold D.* The Pyramid of Senwosret I / With Contributions by D. Arnold and an Appendix by P. F. Dorman. N. Y., 1988.

[Arnold, 1992] — *Arnold D.* Die Tempel Ägyptens. Götterwohnungen, Kultstätten, Baudenkmäler. Zürich; [München], 1992.

[Arnold, 1994] — *Arnold D.* Lexikon der ägyptischen Baukunst. Zürich, 1994.

[Arnold, Bourriau, 1993] — An Introduction to Ancient Egyptian Pottery / Ed. D. Arnold and J. Bourriau. Mainz am Rhein, 1993.

[Assmann, 1975] — *Assmann J.* Ägyptische Hymnen und Gebete. Zürich; München, 1975.

[Baumgartel, 1947–1960] — *Baumgartel E.* The Cultures of Prehistoric Egypt. L., 1947–1960. V. 1–2.

[Beinlich-Seeber, 1998] — *Beinlich-Seeber C.* Bibliographie Altägypten, 1822–1946. Wiesbaden, 1998. Bd. 1–3.

[Benson, Gourlay, 1899] — *Benson M., Gourlay J.* The Temple of Mut in Asher. L., 1899.

[Berlev, Hodjash, 1998] — *Berlev O., Hodjash S.* Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Byelorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Freiburg; Göttingen, 1998. (Рецензия *Томашевич О.В.*: ВДИ. 2003. № 1. С. 87–93).

[Bernal, 1987] — *Bernal M.* Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. V. 1. The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985. L., 1987.

[Bietak, 1996] — *Bietak M.* Avaris: Capital of the Hyksos. Recent Excavations. L., 1996.

[Bolletino, 1964–1979] — Bolletino d'Informazioni. Serie Archeologica, Istituto Italiano di Cultura del Cairo. Cairo, 1964–1979.

[Borchardt, 1907] — *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Ne-user-re. Leipzig, 1907.

[Borchardt, 1923] — *Borchardt L.* Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabungen 1912/13 in Tell el-Amarna. Leipzig, 1923.

[Bothmer, 1960] — Egyptian Sculpture of the Late Period 700 B. C. to A. D. 100. Catalogue compiled by B. von Bothmer in collab. with H. De Meulenaere and H. W. Müller / Ed. by E. Riefstahl. The Brooklyn Museum, 1960.

[Breasted, 1912] — *Breasted J.H.* Development of religion and thought in ancient Egypt. Lectures delivered on the Morse Foundation at Union Theological Seminary. N. Y., 1912.

[Breasted, 1930] — *Breasted J.H.* The Edwin Smith surgical papyrus: publ. in facsimile and hieroglyphic transliteration with transl. and comment. Chicago, 1930. V. 1–2.

[Brugsch, 1855] — *Brugsch H.* Grammaire démotique: contenant les principes généraux de la langue et de l'écriture populaires des anciens Egyptiens. Berlin, 1855.

[Brugsch, 1867–1882] — *Brugsch H.* Hieroglyphisch-demotisches Woerterbuch. Leipzig, 1867–1882. Bd. 1–7.

[Brugsch, 1879] — *Brugsch H.* Dictionnaire géographique de l'ancienne Egypte. Leipzig, 1879.

[Brugsch, 1883–1891] — *Brugsch H.* Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum: Altaegyptische Inschriften. Leipzig, 1883–1891.

[Brugsch, 1888] — *Brugsch H.* Religion und Mythologie der alten Aegypter. Leipzig, 1888.

[Brugsch-Bey, 1877] — *Brugsch-Bey H.* Geschichte Aegypten's unter den Pharaonen. Leipzig, 1877.

[Bruyère, 1953] — *Bruyère B.* Rapport sur les fouilles de Deir el Médineh (Années 1948 à 1951). Le Caire, 1953.

[Bruyère, 1959] — *Bruyère B.* La tombe no 1 de Sen-nedjem à Deir el Médineh. Le Caire, 1959.

[Budge, 1920] — *Budge E.A.W.* An Egyptian hieroglyphic dictionary: with an index of English words, king list and geographical list with indexes, list of hieroglyphic characters, Coptic and Semitic alphabets, etc. L., 1920.

[Budge, 1960] — *Budge E.A.W.* The Book of the Dead. The Hieroglyphic Transcript of the Papyrus of Ani, the transl. into English and an Introduction. N. Y., [1960].

[Caminos, 1954] — *Caminos R.A.* Late-Egyptian Miscellanies. L., 1954.

[Caminos, 1958] — *Caminos R.A.* The Chronicle of Prince Osorkon. Roma, 1958.

[Caminos, 1976] — *Caminos R.A.* The Recording of Inscriptions and Scenes in Tombs and Temples // *Caminos R.A., Fischer H.* Ancient Egyptian Epigraphy and Palaeography. N. Y., 1976. P. 1–25.

[Caminos, 1977] — *Caminos R.A.* A Tale of Woe. From a Hieratic Papyrus in the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts in Moscow. Oxford, 1977.

[Capart, 1905] — *Capart J.* Primitive art in Egypt / Transl. from the rev. and augm. original edition by A. S. Griffith. L., 1905.

[Carter, 1923–1933] — *Carter H.* The tomb of Tut-ankh-Amen: discovered by the late Earl of Carnarvon and Howard Carter. L., 1923–1933. V. 1–3.

[Caton-Thompson, Gardner, 1934–1935] — *Caton-Thompson G., Gardner E.W.* The Desert Fayum. L., 1934–1935. V. 1–2.

[Champollion, 1835–1845] — *Champollion J.F.* Monuments de l'Égypte et de la Nubie: notices descriptives conformes aux manuscrits autographes rédigés sur les lieux par Champollion le Jeune. P., 1835–1845. T. 1–4. (переизд.: Genève, 1970).

[Champollion, 1836] — *Champollion J.F.* Grammaire égyptien, ou principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliqué à la représentation de la langue parlée. P., 1836.

[Champollion, 1841–1843] — *Champollion J.F.* Dictionnaire égyptien en écriture hiéroglyphique. P., 1841–1843.

[Chassinat, 1960] — *Chassinat E.* Le temple d'Edfou. Le Caire, 1960.

[Collier, 1994] — *Collier M.* Grounding, Cognition and Metaphor in the Grammar of Middle Egyptian. The role of human experience in grammar as an alternative to the Standard Theory notion of paradigmatic substitution // *Lingua Aegyptia*. 1994. 4. P. 57–87.

[Coptic Encyclopedia, 1991] — The Coptic Encyclopedia / Ed. Aziz S. Atiya. N. Y., 1991. V. 1–8.

[Curto, 1963] — *Curto S.* Gli scavi italiani a El-Ghiza (1903). Roma, 1963.

[Description de l'Égypte, 1809–1826] — Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et de recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française. P., 1809–1826.

[Dreyer, 1986] — *Dreyer G.* Der Tempel der Satet. Die Funde der Frühzeit und des Alten Reiches. Mainz am Rhein, 1986.

[Dreyer, 1993] — *Dreyer G.* mit Beiträgen von *U. Hartung* und *F. Pumpenmeier*. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. 5/6 Vorbericht // *MDAIK*. 1993. 49. P. 23–62.

[Encyclopedia of the Archeology, 1999] — Encyclopedia of the Archeology of Ancient Egypt / Ed. K. Bard. N. Y., 1999.

[Erman, 1880] — *Erman A.* Neuaegyptische Grammatik. Leipzig, 1880.

[Erman, 1890] — *Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar / Hrsg. von A. Erman. Berlin, 1890. Tl. 1–2.

[Erman, 1894] — *Erman A.* Ägyptische Grammatik: mit Schrifttafel, Litteratur, Lesestücken und Wörterverzeichnis. Berlin, 1894.

[Erman, 1906] — *Erman A.* Die ägyptische Literatur. Berlin; Leipzig, 1906.

[Erman, 1901–1911] — Hieratische Papyrus aus den Königlichen Museen zu Berlin / Hrsg. von der Generalverwaltung [A. Erman]. Leipzig, 1901–1911.

[Erman, 1926–1931] — Wörterbuch der ägyptischen Sprache / Im Auftrage der deutschen Akademien hrsg. von A. Erman und H. Grapow. Leipzig, 1926–1931. Bd. 1–5.

[Erman, 1934] — *Erman A.* Die Religion der Ägypter: ihr Werden und Vergehen in vier Jahrtausenden. Berlin; Leipzig, 1934.

[Fakhry, 1961] — *Fakhry A.* The Valley Temple. Cairo, 1961. Pt. 1–2.

[Fakhry, 1969] — *Fakhry A.* The Pyramids. [Second Impression]. Chicago; L., [1969].

[Fakhry, 1973] — *Fakhry A.* The Oases of Egypt. V. 1. Siwa Oasis. Cairo, 1973.

[Fakhry, 1974] — *Fakhry A.* The Oases of Egypt. V. 2. Bahriyah and Farafra Oases. Cairo, [1974].

[Freier et al., 1984] — *Freier E., Grunert St., Freitag M.* Eine Reise durch Ägypten. Berlin, 1984.

[Gardiner, 1911] — Egyptian hieratic texts / Transcribed, translated and annotated by Alan H. Gardiner. Leipzig, 1911.

[Gardiner, 1927] — *Gardiner A.H.* Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs. Oxford, 1927.

[Gardiner, 1937] — *Gardiner A.H.* Late-Egyptian miscellanies. Bruxelles, 1937.

[Gardiner, 1947] — *Gardiner A.H.* Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947. V. 1–3.

[Garis Davies, 1941] — *Garis Davies, Norman de.* The tomb of the vizier Ramose / Based on preliminary work by the late T.E. Peet and ill. with the help of H. Burton, Nina M. Davies, W.B. Emery, and G.S. Mileham. L., 1941.

[Garis Davies, 1943] — *Garis Davies, Norman de.* The tomb of Rekh-mi-rē at Thebes. N. Y., 1943. V. 1–2.

[Garis Davies, 1963] — *Garis Davies, Nina de.* Scenes from some Theban Tombs (Nos. 38, 66, 162, with excerpts from 81). Oxford, 1963.

[Goedicke, 1960] — *Goedicke H.* Die Stellung des Königs im Alten Reich. Wiesbaden, 1960.

[Goedicke, 1967] — *Goedicke H.* Königliche Dokumente aus dem alten Reich. Wiesbaden, 1967.

[Goedicke, 1974] — *Goedicke H.* Die Geschichte des Schiffbrüchigen. Wiesbaden, 1974.

[Goedicke, 1977] — *Goedicke H.* The Protocol of Neferyt (The Prophecy of Neferti). Baltimore, 1977.

[Goedicke, 1984] — *Goedicke H.* Studies in the Hekanakhte Papers. Baltimore, 1984.

[Goedicke, 1988] — *Goedicke H.* Old Hieratic Paleography. Baltimore, 1988.

[Goedicke, 1992] — *Goedicke H.* Problems concerning Amenophis III. Baltimore, 1992.

[Griffith, 1899] — *Griffith F. Ll.* The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh. L., 1889.

[Griffith, 1898] — *Griffith F. Ll.* The Petrie papyri: hieratic papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle Kingdom). L., 1898. V. 1–2.

[Griffith, 1911–1912] — *Griffith F. Ll.* Meroitic inscriptions. Egypt Exploration Fund. L., 1911–1912. Pt. 1–2.

[Guilmant, 1907] — *Guilmant F.* Le tombeau de Ramsès IX. Le Caire, 1907.

[Habachi, 1972] — *Habachi L.* The Second Stela of Kamose and his Struggle against the Hyksos Ruler and his Capital. Glückstadt, 1972.

[Habachi, 1982] — *Habachi L.* Die unsterblichen Obeliskten Ägyptens. Mainz am Rhein, 1982.

[Habachi, 1985] — *Habachi L.* The Sanctuary of Heqaib / With contrib. by G. Haeny and F. Junge. Mainz am Rhein, 1985.

[Hassan, 1932; 1941; 1944] — *Hassan S.* Excavations at Giza. 1929–1932. Oxford, 1932; 1931–1932. Cairo, 1941; 1933–1934. Cairo, 1944.

[Helck et al., 1975–1992] — *Helck W., Otto E., Westendorf W.* Lexikon der Ägyptologie. Wiesbaden, 1975–1992. Bd. 1–7.

[Hoffman, 1982] — *Hoffman M. A.* The Predynastic of Hierakonpolis. An Interim Report / With sections by B. Adams, M. Berger, M. Nabil el-Hadidi, J. F. Harlan, H. A. Hamroutsh, C. Lupton, J. McArdle, W. McHugh, R. O. Allen, M. S. Rogers. Giza; Cairo, 1982.

[Jéquier, 1928] — *Jéquier G.* Le Mastabat Faraoun. (Fouilles à Saqqarah). Le Caire, 1928.

[Jéquier, 1936–1940] — *Jéquier G.* Le monument funéraire de Pepi II. (Fouilles à Saqqarah). Le Caire, 1936–1940. T. 1–3.

[Junker, 1906] — *Junker H.* Grammatik der Denderatexte. Leipzig, 1906.

[Junker, 1910] — *Junker H.* Die Stundenwachen in den Osirismysterien: nach den Inschriften von Dendera, Edfu und Philae. Wien, 1910.

[Junker, 1929–1955] — *Junker H.* Giza. Wien, 1929–1955. V. 1–12.

[Kemp, 1989] — *Kemp B.J.* Ancient Egypt. Anatomy of a civilisation. L.; N. Y., 1989.

[Lauer, 1988] — *Lauer J.-Ph.* Le mystère des pyramides. P., 1988.

[Lepsius, 1837] — *Lepsius R.* Lettre à M. le professeur H. Rosellini... sur l'alphabet hiéroglyphique. Rome, 1837.

[Lepsius, 1849–1913] — *Lepsius C.R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV. nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition. Abth. 1–6 in 12 Bd. Berlin, 1849–1859; Text hrsg. von E. Naville. Unter Mitwirkung von L. Borchardt bearb. von K. Sethe. Leipzig, 1897–1913. Bd. 1–5 (переизд.: Genève, 1971–1975).

[Lepsius, 1849] — *Lepsius R.* Die Chronologie der Aegypter. Berlin, 1849.

[Lepsius, 1858] — *Lepsius R.* Königsbuch der alten Ägypter. Berlin, 1858.

[Lexa 1925] — *Lexa F.* La magie dans l'Égypte antique de l'Ancien Empire jusqu'à l'époque copte. P., 1925. T. 1–3.

[Lexa, 1947–1951] — *Lexa F.* Grammaire démotique. Praha, 1947–1951. V. 1–7.

[Lexikon der ägyptischen Götter, 2002] — Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen / Hrsg. C. Leitz. Leuven und andere, 2002.

[Malinine, 1953–1983] — *Malinine M.* Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique. Première partie. P., 1953. Deuxième partie. Le Caire, 1983.

[Manetho, 1948] — Manetho with an English Translation by W.G. Waddell. L., 1948.

[Mariette, 1857] — *Mariette A.* Le Serapeum de Memphis. P., 1857.

[Mariette, 1869–1880] — *Mariette A.* Abydos: description des fouilles... P., 1869–1880. T. 1–2.

[Mariette, 1889] — *Mariette A.* Les mastabas de l'Ancien Empire. P., 1889.

[Martin, 1974–1989] — *Martin G.T.* The Royal Tombs at el-Amarna. L., 1974–1989. V. 1–2.

[Maspero, 1887] — *Maspero G.* L'archéologie égyptienne. P., 1887.

[Maspero, 1894] — *Maspero G.* Les inscriptions des pyramides de Saqqarah. P., 1894.

[Medinet Habu, 1970] — Medinet Habu. V. 8. By the Epigraphic Survey. Chicago, [1970].

[Mummies and Magic, 1988] — Mummies and Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt. Museum of Fine Arts, Boston. Dallas Museum of Arts. Boston, 1988.

[Michalowski, 1969] — *Michalowski K.* Ägypten. Kunst und Kultur. Weltgeschichte der Kunst. Freiburg; Basel; Wien, 1969.

[Michalowski, 1978] — *Michalowski K.* Égypte. Histoire mondiale de la sculpture. P., 1978.

[Möller, 1909–1910] — *Möller G.* Hieratische Lesestücke für den akademischen Gebrauch. Leipzig, 1909–1910. H. 1–3.

[Möller, 1909–1912] — *Möller G.* Hieratische Paläographie: die ägyptische Buchschrift in ihrer Entwicklung von der fünften Dynastie bis zur römischen Kaiserzeit. Leipzig, 1909–1912. Bd. 1–3.

[Montet, 1925] — *Montet P.* Les scenes de la vie privée dans les tombeaux égyptiennes de l'Ancien Empire. Strasbourg; P., 1925.

[Montet, 1928–1929] — *Montet P.* Byblos et l'Égypte: quatre campagnes de fouilles à Gebeil 1921–1922–1923–1924. P., 1928–1929. T. 1–2.

[Morgan, 1896–1897] — *Morgan J. de.* Recherches sur les origines de l'Égypte. P., 1896–1897. V. 1–2.

[Morgan, 1925–1927] — *Morgan J. de.* La préhistoire orientale. P., 1925–1927. T. 1–3.

[Murray, 1905] — *Murray M.A.* Elementary Egyptian Grammar. L., 1905.

[Murray, 1911] — *Murray M.A.* Elementary Coptic Grammar. L., 1911.

[Newberry, 1891] — *Newberry P.E.* The tombs of Beni Hasan. L., 1891.

[Newberry, 1894–1895] — *Newberry P.E.* El Bersheh. L., [1894–1895]. Pt. 1–2.

[Newberry, 1906] — *Newberry P.E.* Egyptian antiquities: scarabs; an introduction to the study of Egyptian seals and signet rings. L., 1906.

[Oxford Encyclopedia, 2001] — Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt / Ed. in chief D. B. Redford. Oxford; N. Y., 2001. V. 1–3.

[Petrie, 1894–1905] — *Petrie W.M.Fl.* A history of Egypt. L., 1894–1905. V. 1–3.

[Petrie, 1904] — *Petrie W.M.Fl.* Methods & [and] aims in archaeology. L., 1904.

[Petrie, 1920] — *Petrie W.M.Fl.* Prehistoric Egypt. L., 1920. Pt. 1–2.

[Piankoff, 1955] — The Shrines of Tut-Ankh-Amon / Texts transl. with introductions by A. Piankoff / Ed. by N. Rambova. N. Y., 1955.

[Piankoff, 1962] — *Piankoff A.* Le Livre des Portes III. Texte. Le Caire, 1962.

[Piankoff, 1964] — *Piankoff A.* The Litany of Re: texts transl. with comment. N. Y., 1964.

[Piankoff, 1968] — *Piankoff A.* The Pyramid of Unas: texts transl. with comment. Princeton, [1968].

[Posener, 1976] — *Posener G.* L'enseignement loyaliste. Sagesse égyptienne du Moyen Empire. Genève, 1976.

[Posener, 1985] — *Posener G.* Le papyrus Vandier. Le Caire, 1985.

[Quibell, 1898] — *Quibell J.E.* The Ramesseum. L., 1898.

[Quibell, 1900–1902] — *Quibell J.E.* Hierakonpolis. L., 1900–1902. V. 1–2.

[Quibell, 1907–1912] — *Quibell J.E.* Excavations at Saqqara. Le Caire, 1907–1912. V. 1–4.

[Quibell, 1908] — *Quibell J.E.* Tomb of Yuua and Thuiu. Le Caire, 1908.

[Redford, 1986] — *Redford D.B.* Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks. Mississauga, 1986.

[Reisner, 1931] — *Reisner G.A.* Mycerinus: the temples of the third pyramid at Giza. Cambridge (Mass.), 1931.

[Reisner, 1936] — *Reisner G.A.* The development of the Egyptian tomb down to the accession of Cheops. Cambridge (Mass.); L., 1936.

[Reisner, 1942–1955] — *Reisner G.A., Smith W.S.* A history of the Giza necropolis. Cambridge (Mass.); L., 1942–1955. V. 1–2.

[Rosellini, 1832–1844] — *Rosellini I.* I monumenti dell'Egitto e della Nubia. Pisa, 1832–1844. Pt. 1–3 (переизд.: Genève, 1977).

[Saad, 1969] — *Saad Zaki Y.* The Excavations at Helwan. Art and Civilization in the First and Second Egyptian Dynasties / Ed. by J.F. Autry. Norman, [1969].

[Schäfer, 1963] — *Schäfer H.* Von ägyptischer Kunst. Eine Grundlage. 4. verbesserte Auflage; hrsg. und mit einem Nachwort versehen von E. Brunner-Traut. Wiesbaden, 1963.

[Schiaparelli, 1923–1927] — *Schiaparelli E.* Relazione sui lavori della Missione Archeologica Italiana in Egitto (anni 1903–1920). Torino, [1923–1927]. V. 1–2.

[Sethe, 1899–1902] — *Sethe K.* Das aegyptische Verbum im Altaegyptischen, Neuaegyptischen und Koptischen. Leipzig, 1899–1902. Bd. 1–3.

[Sethe, 1905] — *Sethe K.* Beiträge zur ältesten Geschichte Ägyptens / Mit einem Beitrag von E. Meyer. Leipzig, 1905.

[Sethe, 1916–1919] — *Sethe K.* Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen. Leipzig, 1916–1919.

[Sethe, 1960] — *Sethe K.* Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums, neu herausgegeben und erläutert. Hildesheim, 1960.

[Shaw, Nicholson, 1995] — *Shaw J., Nicholson P.* British Museum Dictionary of Ancient Egypt. L.; N. Y.; Sydney; Toronto, 1995.

[Smith, 1924] — *Smith G.E.* Egyptian mummies. L., 1924.

[Spiegelberg, 1921] — *Spiegelberg W.* Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg, 1921.

[Spiegelberg, 1925] — *Spiegelberg W.* Demotische Grammatik. Heidelberg, 1925.

[Stadelmann, 1991] — *Stadelmann R.* Die ägyptischen Pyramiden. Vom Ziegelbau zum Weltwunder. Mainz am Rhein, 1991.

[Steindorff, 1946] — *Steindorff G.* Catalogue of the Egyptian sculpture in the Walters Art Gallery. Baltimore, 1946.

[Steindorff, 1951] — *Steindorff G.* Lehrbuch der koptischen Grammatik. Chicago, [1951].

[Steindorff, Hölscher, 1991] — *Steindorff G., Hölscher U.* Die Mastabas westlich der Cheopspyramide nach den Ergebnissen der in den Jahren 1903–1907 im Auftrag der Universität Leipzig und des Hildesheimer Pelizaeus-Museums unternommenen Grabungen in Gîza / Hrsg. und bearb. von A. Grimm. Frankfurt am Main; Bern etc., 1991. T. 1–2.

[Tanis, 1987] — *Tanis.* L'or des pharaons. P., Galeries Nationales du Grand Palais, 26 mars — 20 juillet 1987. P., 1987.

[Temple of Queen Hatshepsut, 1979] — The Temple of Queen Hatshepsut. Results of the Investigations and Conservation Works of the Polish-Egyptian Archaeological Mission 1968–1972. Warsaw, 1979.

[Topographical bibliography, 1927–1951] — Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings / By B. Porter and R.L.B. Moss. Oxford, 1927–1951. V. 1–7.

[Vandier, 1952–1978] — *Vandier J.* Manuel d'archéologie égyptienne. P., 1952–1978. V. 1–6.

[Verner, 1994] — *Verner M.* Forgotten Pharaohs, lost Pyramids. Abusir. Praha, 1994.

[Verner 1995] — *Verner M.* Abusir III. The Pyramid Complex of Khentkaus / With contributions by P. Posener-Kriéger and P. Jánosi. Excavations of the Czech Institute of Egyptology. Praha, 1995.

[Verner, 1999] — *Verner M.* Die Pyramiden. Hamburg, 1999.

[Vikentiev, 1940–1941] — *Vikentiev V.* La légende des deux frères et la recherche de l'immortalité. Le Caire, [1940]–1941.

[Wiedemann, 1890] — *Wiedemann A.* Herodots zweites Buch. Leipzig, 1890.

[Wilkinson 1837–1841] — *Wilkinson J.G.* The manners and customs of the ancient Egyptians. L., 1837–1841.

[Winlock, 1942] — *Winlock H.E.* Excavations at Deir el Bahri: 1911–1931. N. Y., 1942.

[Winlock, 1947] — *Winlock H.E.* The Rise and Fall of the Middle Kingdom in Thebes. N. Y., 1947.

[Wreszinski, 1923–[1942]] — *Wreszinski W.* Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte. Leipzig. 1923–[1942]. Tl. [1]–3.

Рекомендуемая литература

Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Берлев О.Д., Грибов Р.А. Египтология и ассириология в Ленинградском университете // УЗЛГУ. 1960. № 236.

Большаков А.О. Герман Юнкер и его «Гиза». Проблемы методики // ВДИ. 1985. № 3. С. 170–175.

Брестед Дж.Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915. Т. 1–2.

Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. 1. Восток. Пг., 1923.

Вернер М. Древний Египет: загадки и открытия // ВДИ. 1991. № 1.

Головина В.А. Три десятилетия деятельности Австрийской археологической экспедиции в Телль-эль-Даба (Восточная дельта Нила): новая книга Манфреда Битака // ВДИ. 1999. № 3.

История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990.

Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.

Кагаров Е. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1915.

Козьмина-Бороздина Т.Н. Развитие египтологии в России // Новый Восток. 1923. Кн. 3.

Памятники и люди. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 2003.

Рубинштейн Р.И. Новейшие археологические открытия в Египте. М., 1962.

Томашевич О.В. И было его жития 51 год... (о Б.А. Тураеве) // *Тураев Б.А.* Древний Египет. М., 2007. С. 414–487.

American Research Center in Egypt. Forty Years of Bridging Time and Culture. N. Y., 1987.

Ancient Egyptian Epigraphy and Paleography. N. Y., 1976.

Assmann J. et al. Problems and Priorities in Egyptian Archaeology. L., 1987.

Bierbrier M.L. Who was who in Egyptology. L., 1995.

Egyptology and the Social Sciences. Cairo, 1979.

Egyptology and the Social Sciences: Five Studies / Ed. K.R. Weeks. Cairo, 1979.

Encyclopedia of the Archeology of Ancient Egypt / Ed. K. Bard. N. Y., 1999.

Excavating in Egypt: The Egypt Exploration Society, 1882–1982 / Ed. T.G.H. James. Chicago, 1982.

Lexa František. Zakladatel české egyptologie. Praha, 1989.

Reeves N.C. After Tutankhamun: Research and Excavation in the Royal Necropolises at Thebes. L., 1992.

The American Discovery of Ancient Egypt: Essays / Ed. N. Thomas. Los Angeles, 1996.

ГЛАВА 2

Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии

§ 1. Политическая история и хронология

Изучение политической истории древнего Египта воспринималось в качестве приоритетной задачи египтологами «героического века»: многие из них (Ж.-Ф. Шампольон, Г. Бругш, А. Видеман, Г. Масперо) создали собственные авторские очерки истории Египта (причем очерк Масперо был первым опытом включения истории Египта в контекст древней истории всего Переднего — «классического» — Востока). На рубеже XIX–XX вв. большим авторитетом пользовалась «История древности» Э. Мейера — последнего «универсального» исследователя истории древнего мира, в равной степени профессионально знавшего все ее разделы: в этом труде Египет был вписан в контекст не только переднеазиатской и античной истории, но и особой «циклистской» концепции исторического развития человечества [Meuer, 1884–1905]. Пожалуй, последний в подлинном смысле слова «авторский» очерк египетской истории — это уделяющая внимание прежде всего ее военно-политическим аспектам работа Дж.Г. Брестеда, которую трудно рассматривать в отрыве от созданного им же сборника переводов иероглифических надписей исторического содержания [Breasted, 1906–1907; Брэстед, 1915]. Все последующие опыты написания целостных очерков истории древнего Египта (А.Г. Гардинера в середине XX в. [Gardiner, 1961]; Э. Дриотона и Ж. Вандье — в шести корректировавшихся изданиях, первое из которых вышло еще в 1938 г. [Drioton, Vandier, 1984]) представляли собой не итоги самостоятельных исследований их авторов (сплошь и рядом далеких по своим интересам от политической истории

как таковой), а компиляции результатов множества других исследований (исключение составляет разве что очерк В. Хелька, в силу энциклопедичности египтологических интересов его автора [Helck, 1968]); примерно то же самое может быть сказано и о египтологических разделах «Кембриджской древней истории», выдержавшей в XX в. два издания, соответственно, в 1920—1930-е гг. и с 1960-х гг. до конца века [Cambridge Ancient History, 1962—1988]; хотя написание каждого из разделов старались поручать специалисту по определенному историческому периоду, авторы этого издания так или иначе не только включали в него свои собственные научные результаты, но и компилировали наработки своих коллег. Подобное положение вещей стало следствием начавшейся с рубежа XIX—XX вв. и в дальнейшем непрерывно нараставшей специализации египтологии. В рамках этой специализации произошел не только сильный отрыв исследований языка, памятников, культуры и религии древнего Египта от собственно политической истории (сравнительно тесную связь с ней сохранили лишь археологические исследования), но и выделение в рамках последней целого ряда дробных проблем, каждая из которых представляет серьезный интерес лишь для небольшой группы специалистов.

В период после Второй мировой войны и вплоть до сегодняшнего дня изучение политической истории и хронологии древнего Египта можно охарактеризовать следующими тенденциями. Исследования политической истории как таковой концентрируются по преимуществу вокруг нескольких эпох (II переходный период, Новое царство, Позднее время), при том что для других периодов (например, Древнего царства) попытки построения сколько-нибудь последовательной и масштабной исторической схемы не предпринимаются (частные исторические наблюдения оказываются привязаны к изданию и исследованию текстов и памятников, в том числе археологических комплексов). Хронологические исследования довольно жестко специализируются и привлекают внимание очень ограниченного числа египтологов. Стимулирующее воздействие на изучение отдельных эпох продолжают оказывать археологические исследования.

В рамках предлагаемого обзора было бы, конечно, совершенно нереально, да и не нужно проследивать все открытия археологических памятников и комплексов документов, которые послужили основой для реконструкции событий политической истории

Египта. Кроме того, изучение некоторых из этих комплексов (в частности, архива дипломатической переписки времени Аменхотепов III и IV (Эхнатона) из столицы последнего в районе Телль-эль-Амарны) будут рассмотрены в связи со взаимодействием Египта с другими регионами Переднего Востока (понятно, что основные этапы этого процесса неразрывно связаны и с этапами политической истории самого Египта, а также служат ориентирами для установления его хронологии). В данном очерке мы постараемся остановиться лишь на самых существенных проблемах, связанных с внутривосточной историей Египта.

Проблемы ранней истории и хронологии Египта (IV — начало III тыс. до н.э.). Еще в XIX в. на основе политической практики и терминологии древнего Египта династического времени (главный титул фараона «царь *Верхнего* и *Нижнего* Египта», деление страны на 42 нома — 20 в Нижнем и 22 в Верхнем Египте) сложилось обобщенно-схематическое представление о генезисе египетского государства: сначала возникло несколько десятков мелких государств — *номов*, затем из них образовались два более крупных царства — Верхний и Нижний Египет и, наконец, в начале I династии, при царе Менесе, они объединились. Возможность уточнить эту схему на конкретном материале впервые появилась после открытия в конце XIX в. археологических культур додинастического Египта (исследования Э. Амелино и Ж. де Моргана, Дж. Квибелла и У.М. Флиндерса Питри). На основе этих открытий Флиндерс Питри создал систему так называемых «последовательных дат» (sequence dates; [Petrie, 1899]), основанную на выделении нескольких десятков типов египетской керамики периода додинастики (на всем ее протяжении — от раннеземледельческой культуры Бадари до кануна I династии), построении их хронологической последовательности и их использовании в дальнейшем как критерия датировки археологических комплексов.

Данная система хронологии сыграла свою позитивную роль в практике археологических исследований; однако она была, как видно, относительной и фактически игнорировала реальную продолжительность додинастической истории Египта и этапов внутри нее. Особенно остро стоял вопрос о датировке начала I династии и возникновения единого египетского государства. Сам Питри сделал важнейший вывод о том, что эти два этапа египетской истории не тождественны и еще до I династии в Египте были

цари, правившие всей страной или, по крайней мере, уже боровшиеся за ее единство (верхнеегипетская «0-я» династия): при этом начало I династии он относил к первой половине V тыс. до н.э. Эта «длинная» хронология (несколько иного ее варианта, с датировкой начала I династии концом V тыс. до н.э., придерживался Л. Борхардт) была во многом основана на попытках расположить последовательно, с учетом вероятной средней продолжительности правления, всех царей, засвидетельствованных от времени между Средним и Новым царством (II переходный период, XIII–XIV и XVI династии). Одновременно Э. Мейер, на основе данных астрономии (прежде всего датированных письменных упоминаний предрассветного восхода Сириуса в сочетании со сведениями о «циклах Сотиса» в египетской календарной системе) и египетских царских анналов построил систему «короткой» хронологии, с началом I династии ок. 3400–3200 гг. до н.э. [Meyer, 1904]. После разработки в XX в. технологий абсолютной датировки археологических памятников (прежде всего радиоуглеродного метода) именно эта хронология была принята окончательно.

В то же время ни археологические находки, ни хронологические выкладки не наполняли додинастическую историю Египта реальным «событийным» содержанием. Попытка сделать это была предпринята К. Зете в монографии «Предыстория и древнейшая религия Египта» [Sethe, 1930] с опорой на изданные им к этому времени «Тексты пирамид», отдельные изречения и сюжеты которых гипотетически привязывались к этапам додинастической истории. В частности, согласно схеме Зете, древнейшее объединение Египта вокруг центра почитания бога Ра в Гелиополе имело место ок. 4241 г. до н.э. (начало первого «цикла Сотиса» в египетском календаре), причем осуществившей его силой было нижнеегипетское государство. Схема Зете, несмотря на свою разработанность, была практически не привязана к археологическим данным по египетской додинастике и осталась не более чем интересным примером произвольных интерпретаций необычайно трудного материала египетских религиозных текстов.

В конце 1930-х — начале 1960-х гг. рядом исследователей (прежде всего археологов) была выдвинута и в итоге отвергнута теория так называемой «династической расы», согласно которой ряд культурных новаций и ускорение политогенеза в Верхнем Египте в период культуры Нагада II (с середины IV тыс. до н.э.) следовало

объяснять приходом неких завоевателей (скорее всего, из Азии [Engelbach, 1942; Emery, 1952; Derry, 1956; Ward, 1964]). На фоне подведения итогов прежним археологическим исследованиям памятников додинастики [Massouard, 1949; Baumgartel, 1947; Emery, 1961] с 1950—1960-х гг. разворачиваются новые археологические исследования Абидоса, Иераконполя, Элефантины и других комплексов [Kaiser, 1990; Adams, 1995; Dreyer, 1998 и др.]. Благодаря им получает окончательное подтверждение тезис о зарождении единого египетского государства еще до I династии. Уточняется последовательность царей так называемой «0-й» династии, памятники которых локализуются в районе Абидоса; на основе усовершенствованного радиоуглеродного метода уточняются временные границы периодов додинастической истории (так, формативный этап существования единого египетского государства, т.е. время правления «0-й» династии, соотносится с бытованием археологической культуры Нагада III — 3200—3050 гг. до н.э.). Наконец, основательно корректируется схема формирования единого египетского государства: ее упрощенный вариант, исходивший из слияния двух крупных государств — Верхне- и Нижнеегипетского, — уступает место более сложной гипотезе, выявляющей существование во второй половине IV тыс. до н.э. ряда сравнительно небольших политий как в Верхнем, так и в Нижнем Египте (Тинис/Абидос, Нагада, Иераконполь, Тархан, Хелуан, Буто). Если возникновение к концу додинастики Верхнеегипетского государства под властью царей «0-й» династии получает подтверждение, то существование подобного крупного государства в Нижнем Египте ставится под сомнение.

Для уточнения некоторых эпизодов политической истории *Древнего царства* также имели определяющее значение археологические исследования. Так, с 1920-х гг. проводились исследования царского некрополя в Гизе американским археологом Дж.Э. Райзнером: на основании этих исследований им был сделан ряд наблюдений о династической истории IV династии (прежде всего в связи с ее самой крупной фигурой — Хеопсом — и с передачей власти его наследникам [Reisner, 1942]). В частности, серьезное внимание исследователей обращается на время перехода власти от IV к V династии, репликой которого спустя несколько веков стало известное литературное произведение — сказки папируса Весткар, сохранившаяся часть которых служит своего рода

экспозицией к ожидаемому в их конце описанию возвышения трех сыновей супруги незаметного гелиопольского жреца Реджедет, которые должны сменить на престоле династию строителя великой пирамиды в Гизе Хуфу. Уже в 1930-е гг. египетский археолог С. Хассан открыл в Гизе гробницу некоей Хенткаус, именуемой «матерью двух царей Верхнего и Нижнего Египта» и «дочерью бога» [Hassan, 1943: 1—67; ср.: Junker, 1932], при том что этими двумя царями должны были быть второй и третий представители V династии Сахура и Нефериркара [Borchardt, 1938]. В контекст сказок папируса Весткар наметившаяся таким образом «проблема Хенткаус», до определенного времени сводившаяся к определению места этой дамы в генеалогии конца IV — начала V династии, была поставлена немецким исследователем Х. Альтенмюллером [Altenmüller, 1970]. В 1976 г. ведущий чешский специалист по египетской археологии М. Вернер обнаружил погребальный комплекс Хенткаус в Абусире: как ее титулатуры и иконография, так и сам факт того, что для нее было сооружено пирамидальное погребение, показали, что на определенное время она заняла самое заметное положение в государственной иерархии Египта, по-видимому, как не только своего рода «связующее звено» между генеалогическими последовательностями IV и V династий, но и вполне самостоятельный носитель царской власти (например, [Verner, 1993]). Дальнейшее изучение этого сюжета политической истории середины III тыс. до н.э. должно, как нам представляется, быть связано с выяснением причин, по которым он стал актуален в исторической памяти египтян в эпоху записи сказок папируса Весткар (в I и II переходные периоды; так, стоит обратить внимание, что братьями были, по-видимому, три первых представителя фиванской XI династии, принявшие в конце XXII в. до н.э. царский титул). Среди других исследований по истории Египта в III тыс. до н.э. стоит отметить переиздание важнейшего источника по хронологии и истории Раннего и Древнего царств — Палермского камня [O'Mara, 1979].

Основой для изучения истории *I переходного периода* — важнейшего и весьма трагического этапа развития египетской государственности и идеологии — стали не археологические комплексы, а прежде всего письменные памятники. Попытка обобщения их материалов была сделана Г. Штоком уже в начале послевоенного периода [Stock, 1949]; в дальнейшем проводились исследования

письменных памятников (прежде всего, гробничных надписей), отдельных местных центров этого времени (Коптоса: [Fischer, 1964]; Дендера: [Fischer, 1968]; столичных районов Мемфиса, Гераклеополя и Фив: [Schenkel, 1965]; Сиута: [Brunner, 1937; Edel, 1984]). Изучались проблемы хронологии и политического строя одного из самых мощных государственных образований I переходного периода — Гераклеопольского царства [Beckerath, 1966; Goedicke, 1969]; была сделана попытка суммировать данные по политической географии Египта этого времени [Gomaа, 1980].

В послевоенное время ряд новых, мощных импульсов — опять из сферы археологических исследований — получило изучение истории Египта *II переходного периода* (эпохи упадка и распада государства Среднего царства и завоевания Египта гиксосами): при этом проявилась тенденция к тому, чтобы рассматривать Египет как часть единой, связанной военно-политическими, экономическими и этническими процессами ближневосточной ойкумены середины II тыс. до н.э. (по археологической периодизации — среднебронзового века; подробнее о результатах этих исследований будет говориться в связи с изучением связей Египта с окружающим миром). Истории II переходного периода, включая гиксосское время, было посвящено несколько монографических исследований [Seters, 1966; Redford, 1970; Ryholt, 1997; Nyksos, 1997]; при этом неотъемлемой частью его изучения стали хронологические изыскания. Открытия в Восточной Дельте стимулировали попытки вписать египетские памятники этого времени в общую для Ближнего Востока среднебронзового века археологическую типологию [Bietak, 1984; Ward, Denver, 1994]. Наиболее фундаментальным исследованием данного круга проблем, основанным на материале прежде всего египетских памятников и нарративов, стала монография Ю. фон Бекерата [Beckerath, 1965]: одну из главных загадок начала II переходного периода — необычайную многочисленность царей XIII династии (ок. 50 на 150 лет их общего правления) — фон Бекерат объясняет политической нестабильностью этого времени и, соответственно, частой сменой правителей.

Исследования египетских истории и хронологии середины II тыс. до н.э. неразрывно связаны с аналогичными штудиями, посвященными следующему историческому периоду — *Новому царству*. Их материалом являются как археологические, так

и (в значительно большей мере, чем в связи со II переходным периодом) письменные источники, накопление которых уже к началу XX в. позволило проследивать определенные этапы истории Нового царства с чрезвычайной детальностью. Кроме того, к концу XIX в. стало видно значение эпохи Эхнатона в религиозной истории Египта (благодаря этому Ахетатон и его окрестности становятся в первой половине XX в. районом интенсивнейших археологических исследований), а с 1920-х гг. интерес к ее финалу был подстегнут находкой Г. Картером гробницы Тутанхамона. Перипетиями династической истории Египта начала Нового царства впервые занялись К. Зете [Sethe, 1896], Э. Мейер (в своей «Истории древности») и У. Эджертон [Edgerton, 1933; 1936–1937]. Появляется большое число частных исследований по времени Аменхотепа III и Эхнатона (Л. Борхардт, Н. де Гарис Дэвис и др.), финалу истории Нового царства и распаду единого государства в начале III переходного периода [Meyer, 1928; Kees, 1936]. Заметим, что при обилии в данный период публикаций по данной тематике на уровне отдельных статей, собранные исследователями данные пока еще крайне редко получают обобщения в виде монографий.

На рубеже XIX–XX вв. был обнаружен клинописный архив дипломатической переписки между египетскими и азиатскими государями в Телль-эль-Амарне (район древнего Ахетатона), а несколько позднее — его аналог в районе столицы Хеттского царства близ Богазкея, что сразу поставило вопрос о месте Египта Нового царства в целостной системе взаимоотношений великих держав Ближнего Востока. Одним из наиболее активных исследователей внешней политики Египта Нового царства в начале XX в. был Дж.Г. Брестед (серия статей, фактически суммированная в его очерке египетской истории; во многом его усилиями выходит первый в египтологии тематический сборник по международным отношениям на Ближнем Востоке второй половины II тыс. до н.э. [Egyptian and Hittite Empires, 1924]). В послевоенное время ряд исследователей поставили перед собой задачу «синхронизации» хронологического материала египетских текстов и клинописных архивов переписки государей Ближнего Востока второй половины II тыс. до н.э. (Митанни, Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства, мелких государств Восточного Средиземноморья). Подведение итогов этих исследований [Hornung, 1964; Redford, 1967; Wente, Van Siclen, 1976; Krauss, 1978; Beckerath, 1994] назрело уже к

середине 1980-х гг., когда, в связи с датировками событий Нового царства, среди исследователей выявились следующие позиции: «долгая» хронология — отнесение таких «опорных» событий, как вступление на престол Тутмоса III и Рамсеса II, соответственно, к 1504 и 1304 гг. до н.э. (в целом именно эта система датировок была воспринята отечественными египтологами 1970–1980-х гг.), «средняя» хронология (соответственно 1490 и 1290 гг. до н.э.) и «краткая» хронология (соответственно 1479 и 1279/76 гг. до н.э.) [High, Middle or Low? 1987; Ward, 1992; Beckerath, 1997]. В западной литературе конца XX в. утвердилась по преимуществу система «краткой» хронологии, что, с учетом данных клинописных источников, представляется не столь уж оправданным [Ладынин, Немировский, 2001]. Помимо собственно историко-хронологических выкладок, проводилось повторное изучение египетских источников Нового царства, служащих их основой, — прежде всего царских списков, созданных в рамессидское время [Gardiner, 1959].

В рамках эпохи Нового царства понятным вниманием пользовались времена наивысшего расцвета Египта при Аменхотепе III и Рамсесе II [Amenhotep III, 1997; *Fragments of the Shattered Image*, 1991]. Ряд значительных работ был посвящен амарнскому времени, включая его просопографию (внимание к этому периоду в значительной мере стимулировалось осуществлением крупного проекта по изучению столицы Эхнатона Ахетатона: [City of Akhenaten, 1923–1951]. Среди проблем хронологии этого времени до сих пор не сформулировано однозначно решение вопроса о возможном соправлении Аменхотепа III и Эхнатона (причем соправлении длительном — вплоть до 12-го года Эхнатона). Предположение об этом было высказано Ф.Дж. Джайлсом [Giles, 1952] и С. Олдредом [Aldred, 1959]; убедительные возражения против него (прежде всего на клинописном, но также и на египетском материале — см. наш раздел об изучении контактов Египта с окружающим миром) были приведены в 1960–1970-е гг. [Campbell, 1964; Redford, 1967: 88–170; Murnane, 1970; 1977: 123–169]. Однако, как это ни странно на фоне данных возражений, а также полного неправдоподобия той картины внутривосточной истории Египта, которая должна вырисовываться при принятии версии о 12-летнем соправлении Аменхотепа III и Эхнатона (в таком случае получилась бы, что грандиозная религиозная реформа, связанная с его именем, была начата при участии, если не по инициативе его отца, ушедшего

при этом по каким-то непонятным причинам в связи с ее осуществлением в тень), она до сих пор имеет приверженцев среди исследователей, занимающихся Амарной прежде всего в культурологическом аспекте [Johnson, 1996; Martin Valentin, 1996]. Определенное внимание уделялось концу Нового царства — как переходу власти от XIX к XX династии (в частности, взаимоотношениям между последними представителями XIX династии Аменмессу, Сети II, Саптахом, царицей Таусерт и выдвинувшимся в этот период в конце XIII в. до н.э. вельможей Баи), так и самому финалу Нового царства [Beckerath, 1962; Aldred, 1963; Bierbrier, 1975; Altenmüller, 1982; Drenkhahn, 1982; Callender, 2004].

В *Позднее время* (I тыс. до н.э.) события египетской истории оказываются тесно связанными с историей великих держав Передней Азии (Ассирии, Вавилона, державы Ахеменидов), Израиля, с определенного этапа — античного мира. Возможно, под влиянием опыта исследования этих древних государств и обществ политическая история Египта этого времени в собственном смысле этого слова оказывается особенно хорошо разработана. Из нескольких ее общих очерков [Elgood, 1951; Kienitz, 1953] наиболее подробной является работа К. Китчена [Kitchen, 1973], посвященная истории Египта с падения Нового царства и вплоть до воцарения Саисской династии (с экскурсами и в более позднее время): важной проблемой династической истории и хронологии Египта, решение которой было предложено в этой работе, оказывается связь между XXII и XXIII ливийскими династиями, правившими одновременно с конца IX в. до н.э. Согласно Китчену, соправление этих двух династий стало результатом некоего соглашения внутри ливийского царствующего дома (в дальнейшем, помимо этих двух династических линий, правивших соответственно в Танисе и Леонтополе, у царского дома появилось еще две ветви, укоренившиеся в Гераклеополе и Гермополе, но не вошедшие в «стандартный», воспринятый Манефоном перечень династий). Альтернативная гипотезе Китчена схема династической истории конца ливийского времени, предложенная Э. Лихи [Leahy, 1990: 155–200] и Ю. фон Бекератом [Beckerath, 1995], предполагает куда менее мирные отношения между XXII и XXIII династиями: именно последняя, удерживавшая контроль над Верхним Египтом, была наиболее могущественной из них. Исследования этого периода египетской истории трудно считать завершенными прежде всего потому, что

соправление двух и даже большего числа царских домов, признававших легитимность друг друга, должно было повлечь серьезные отступления идеологии от ее стандарта не только III—II тыс. до н.э., но и Позднего времени. Фундированное объяснение такого рода отступлений должно предполагать выявление тех новаций, которые были внесены в политическую практику и идеологию самим воцарением на египетском престоле ливийского царского дома (в частности, эти новации должны были закономерно отразиться в таких литературных плодах финала ливийского времени, как эпические сказания о Петубасте и правителях его круга); однако исследований такой направленности пока попросту нет.

Ряд работ 1960—1970-х гг. был посвящен истории и политической географии Египта, начиная с позднего этапа правления ливийских династий и вплоть до VII в. до н.э. [Yoyotte, 1961; Goma, 1974]. Различные аспекты политической истории Египта VIII—VI вв. (его положение под властью XXV нубийской династии, восстановление независимости Египта при Псамметихе I) рассматриваются в серии статей Э. Спэлинджера 1970-х гг. [Spalinger, 1976—1978; 1978]. История Египта при XXVI династии в сведениях Геродота была исследована Х. де Мельнером [Meulenaere, 1951]; этому же автору принадлежит большое число статей, как правило, привязанных к тем или иным памятникам и просопографии их владельцев, но дающих выход на историческую проблематику (в хронологическом диапазоне VI—IV вв. до н.э. [Meulenaere, 1963; 1968]). Наконец, истории Египта в последнюю эпоху его независимости, при фараонах XXVIII—XXX династий, посвящены некоторые работы Дж. Рея [Ray, 1986; 1987].

Из работ послевоенного времени, в которых освещалась политическая история древнего Египта в целом, помимо уже упоминавшегося второго издания «Кембриджской древней истории», стоит упомянуть коллективную работу, в которой была сделана попытка не только изложить события египетской истории, но и оценить воздействовавшие на нее геополитические и социальные факторы [Trigger et al., 1983], а также не лишенный субъективизма, но очень подробный очерк политической истории Ж. Веркуттера и Кл. Вандерслеяна ([L'Égypte et la Vallée du Nil, 1992, 1995]. Среди работ, имеющих значение для египетской хронологии в целом, следует назвать монографию В. Хелька о труде Манефона [Helck, 1956], а также ряд исследований египетского календаря, начиная

с введения его последовательной системы в начале III тыс. до н.э. [Revolutions in Time, 1994]. К сожалению, в западной литературе до сих пор остается невостребованной последняя прижизненная русскоязычная публикация О.Д. Берлева [Берлев, 1999], в которой он четко соотнес начало первого в египетской истории «цикла Сотиса» с правлением Джосера (Менофреса — «Мемфисца», с именем которого античные авторы связали отсчет пресловутых циклов — периодов, на протяжении которых накапливалось ввиду отсутствия високоса и гасилось расхождение между астрономическим и календарным новым годом у египтян).

§ 2. Древний Египет и окружающий мир

Проблема внешних контактов (как политических, так и культурных) древнего Египта заняла одно из важнейших мест в его изучении еще на заре научной египтологии. Собственно говоря, до дешифровки иероглифики все имевшиеся в багаже европейского гуманитарного знания сведения о древнем Египте черпались из произведений античных авторов, соприкасавшихся с ним в I тыс. до н.э. — первых веках н.э.; а само открытие Ж.-Ф. Шампольона стало возможно только благодаря трехязычному (составленному на позднем среднеегипетском, демотическом и древнегреческом языках) Розеттскому декрету, относящемуся к эпохе владычества в Египте чужеземной — македонской — династии Птолемеев (царствование Птолемея V Эпифана — ок. 196 г. до н.э.). По мере накопления массива древнеегипетских текстов и прогресса археологического изучения Египта и Восточного Средиземноморья стало ясно, какую роль на всем протяжении древнеегипетской истории играли контакты с Азией; далее, открытие в конце XIX — начале XX в. цивилизаций ахейской Греции и Крита позволило поставить вопрос и об их связях с Египтом. Характерным образом, этнокультурная однородность древнеегипетской цивилизации, содействовавшая ее относительной (по сравнению, к примеру, с цивилизацией Месопотамии) изоляции от внешнего мира, наложила определенный отпечаток и на изучение ее внешних связей в египтологии и в ориенталистике в целом. С момента четкой дифференциации египтологических дисциплин в конце XIX — начале XX в. большинство исследователей древнего Египта, не занимавшихся его внешними контактами специально, получали о них

и об истории сопредельных с ним государств лишь самое общее представление. В египтологии, по сути дела, не возникло единого направления изучения контактов Египта и Азии на основе синтеза всех имеющихся по данной проблематике источников. Более успешным подобный синтез оказался в изучении взаимодействия древнего Египта с античным миром и рецепции его культуры на территории древней Нубии: с начала XX в. по этим двум направлениям сформировались целые научные школы, однако они стали основательно изолированы от основного потока египтологических исследований.

Контакты древнего Египта с Азией и Средиземноморьем. Уже отмеченное отсутствие единой школы исследований по данной проблематике, а также необычайное многообразие связанных с ней конкретных работ позволяет охарактеризовать лишь наиболее важные среди них. Пожалуй, самой первой попыткой синтеза источников, отражающих внешние связи Египта на этих направлениях, стал компендиум В.М. Мюллера [Müller, 1893]. Понятно также, что контакты с внешним миром отражались в географических представлениях египтян: соответственно, важным шагом в их изучении стали сводка географических надписей, подготовленная И. Дюмихеном (и отчасти сохраняющая значение до сегодняшнего дня [Dümichen, 1865—1885]), и, спустя еще несколько десятилетий, «Словарь географических названий...» А. Готье [Gauthier, 1925—1931]. Однако первым исследователем, реализовавшим в своих работах принцип комплексного учета археологических данных по контактам Египта и Восточного Средиземноморья и письменных источников был французский египтолог П. Монте [Montet, 1928—1964; 1928—1929; 1933; 1941; 1942]. На протяжении своей деятельности он возглавлял раскопки в двух важнейших «контактных зонах», связывавших эти регионы, — районе Библа и Восточной Дельте (совр. Сан-эль-Хагар, древний Танис). Понятно, что данные этих раскопок были чрезвычайно важны для выявления типологии и интенсивности контактов Египта с Азией на разных исторических этапах. Как уже говорилось в связи с политической историей Египта, П. Монте постарался обосновать археологическим материалом Сан-эль-Хагара его тождество не только с Танисом, но также и со столицей Рамсеса II Пер-Рамсесом и гиксосов — Аварисом. Еще в XIX в. такая локализация Пер-Рамсеса предполагалась впервые обследовавшим Сан-эль-Хагар

О. Мариеттом и оспаривалась Р. Лепсиусом; окончательно она была отвергнута в 1930–1950-х гг., когда раскопки М. Хамзы и Л. Хабаши позволили надежно отождествить Пер-Рамсес с городищем в совр. Кантире [Hamza, 1930; Habashi, 1954; см.: Головина, 1999: 192]. Возвращаясь к работам П. Монте, нужно сказать, что его раскопки в Библе предоставили материал для большого числа частных наблюдений о контактах Египта с этим центром (о просопографии его правителей, зависевших от Египта и поддерживавших с ним культурные контакты; о происхождении особого типа больших судов, носивших у египтян название *kbnt* — от *Kbn* «Библ»; о почитании в Библе египетских богов, в частности Хатхор и Херишефа; и др.).

В 1940-е гг. изучение археологических данных по контактам Египта и Восточного Средиземноморья продолжилось уже на новом уровне — не просто изучения отдельных свидетельств и даже их комплексов, а корреляции археологических эпох обоих этих регионов и установлении для них единой типологии памятников. Посвященные этому работы принадлежали, в частности, американской исследовательнице Э. Кантор: начав заниматься египетскими контактами с Азией в эпоху додинастики, она переключилась в дальнейшем на их изучение во II тыс. до н.э., т.е. в эпоху ближневосточного бронзового века. В своей монографии [Kantor, 1947] исследовательница поставила вопрос не только о принципиальном единстве в развитии индустрии и искусства Египта и Восточного Средиземноморья в этот период, но и о влиянии на него со стороны эгейских центров цивилизации. В 1950–1960-е гг. Э. Кантор предпринимает опыт построения единой схемы относительной хронологии Египта и Ближнего Востока, основанной на корреляции археологических комплексов, вплоть до позднебронзового века (ок. середины II тыс. до н.э. [Kantor, 1954; 1965]).

Реализация этой задачи была с успехом продолжена в 1960–1990-е гг. австрийским исследователем М. Битаком. Главной полевой базой его исследований стало городище Телль-эль-Даба в Восточной Дельте, которое еще раньше было предположительно отождествлено со столицей гиксосов Аварисом Л. Хабаши. Исследования М. Битака дали этому предположению твердое археологическое обоснование: согласно данным его раскопок, поселение в районе Телль-эль-Даба существовало еще с начала XII династии (первая половина XX в. до н.э.); в последние десятилетия

ее правления (1830—1790-е гг. до н.э.) его население уже состоит по преимуществу не из египтян, а из ханаанеян, воспринявших во многом египетскую культуру, и остается таковым в эпоху XIII династии (до начала XVII в. до н.э.); далее оно становится гиксосской столицей (это отождествление следует из ряда письменных свидетельств в Телль-эль-Даба [Bietak, 1979]), переживает освобождение Египта в первой половине — середине XVI в. до н.э. и становится важным форпостом и гаванью царей XVIII династии (возможно, именно оно известно как Пер-Нефер — «Прекрасная гавань»; см. в целом: [Bietak, 1996]). Выдающимся открытием стали фрески со сценами в минойском стиле (включая сюжет тавромахии [Bietak, 1995; Bietak, Marinatos, 1995]), свидетельствующие о присутствии в Аварисе/Пер-Нефере XVI в. до н.э. выходцев с Крита. Исследование Телль-эль-Даба на протяжении почти полутысячелетия, примерно соответствующего среднебронзовому веку, позволило, благодаря обилию в этом комплексе предметов как египетской, так и азиатской традиций, существенно уточнить корреляцию археологических этапов в обоих этих регионах [Bietak, 1992].

Как видно, исследования М. Битака оказались напрямую связаны с *гиксосским владычеством в Египте*, на протяжении которого, по понятным причинам, его контакты с Азией были весьма активны. На протяжении предшествующего развития египтологии изучение этого времени базировалось лишь на письменных источниках и сравнительно ограниченном числе археологических данных (в частности, раскопках укрепленного пункта середины II тыс. до н.э. в Телль-эль-Иехудие). Из обобщающих работ по гиксосскому времени заслуживает специального упоминания лишь монография Дж. ван Сетерса [Seters, 1966]: в ней, в частности, было предложено считать гиксосов одной из ветвей мигрировавших по Ближнему Востоку в начале II тыс. до н.э. семитов аморейско-ханаанейского круга (в связи с этим автор отверг высказывавшиеся прежде предположения о существенной роли в составе гиксосского союза хурритов [Alt, 1954; Ward, 1961]), а их миграцию — не единовременным завоеванием, в соответствии с традицией Манефона, а длительной инфильтрацией, происходившей по меньшей мере со времени Сенусерта III (середина XIX в. до н.э.; еще ранее такая идея высказывалась Т. Зэве-Зёдербергом [Säve-Söderberg, 1951]). Примерно в это же время Ю. фон Бе-

керат в своих исследованиях II переходного периода [Beckerath, 1965] окончательно доказал, что начало царствования гиксосских династий в Египте должно отстоять от начала Нового царства (т.е. изгнания гиксосов) не более чем на 100 лет. В 1960—1980-х гг. изучение гиксосского времени получило новый импульс в исследованиях не только М. Битака, но и ряда других ученых, занимавшихся археологией среднебронзового века Восточного Средиземноморья: Р. Гивеона [Giveon, 1985; 1988] и А. Кемпински [Kempinski, 1983; 1985] из Израиля, а также У. Уорда (его работы по находкам скарабеев, служащих особенно надежным датировочным критерием археологических комплексов, которые издавались в соавторстве с другими исследователями в 1970—1990-е гг. [Ward, 1964; 1978; Ward et al., 1984; Ward, Dever, 1994]), У. Девера [Dever, 1985] и др. Определенным итогом этих исследований стал вышедший в 1997 г. сборник «Гиксосы» [Hyksos, 1997]. Характеризуя эти исследования в целом, можно сказать, что тщательная проработка в них проблем археологии ближневосточного среднебронзового века (включая его хронологию) совмещается с излишним недоверием к письменным источникам, прежде всего к традиции Манефона. Подобная тенденция понятна, если принять во внимание прочную позицию, которую занимает на Западе и в Израиле гиперкритика библейской традиции в изучении, по сути дела, этого же региона в более позднее время (в позднебронзовый и ранний железный век). Одним из плодов этой тенденции в египтологии стало, в частности, очень прочное укоренение тезиса об «инфильтрационном» характере завоевания Египта гиксосами [Головина, 1999: 205]*.

Важным этапом в обобщении данных письменных источников по контактам Египта и Азии с древнейших времен до эпохи Нового царства включительно, накопленных к середине XX в., стала обширная работа В. Хелька [Helck, 1962]. По существу, она представляет собой сводку комментированных отсылок к источникам, сгруппированных по хронологически-тематическому принципу в 36 разделов. Доведя свою характеристику источников

* Своего рода гротеском (курьезным, не повлеку он за собой поистине катастрофические затруднения в определении этнической принадлежности ядра гиксосского племенного союза) можно считать игнорирование современными исследователями переданной Манефоном подлинной этимологии этнополитонима «гиксосы» как «цари-пастухи» (егип. *ḥkꜣw-sꜣsw*, а не *ḥkꜣw-ḥꜣswt*, по убеждению египтологов) [Немировский, 2001].

до конца Среднего царства, В. Хельк формулирует промежуточные выводы о характере контактов Египта с Азией вплоть до этого времени: в них преобладали торговые связи, а египетские интересы в регионе Восточного Средиземноморья хотя и опирались на такой мощный форпост, как Библ, были уже практически неощутимы даже на периферии Месопотамии (судя по данным документов Мари). Установление власти гиксосов над Египтом Хельк, вслед за Манефоном, считает результатом настоящего нашествия, стимулированного хурритскими миграциями начала II тыс. до н.э. и не имеющим ничего общего с инфильтрацией семитов в Восточную Дельту в эпоху Среднего царства. Применительно к эпохе Нового царства исследователь обращает большое внимание на восприятие азиатских реалий (от природы до общественной структуры) в египетских источниках и на культурное влияние Азии на Египет; кроме того, он фиксирует ряд принципиальных новаций в жизни египетского общества, технических в своей основе (заимствование колесничного войска у гиксосов), но имеющих гораздо более широкие последствия (формирование особой военной элиты — колесничих, — содействующей консолидации военного сословия в целом и усилению влияния его этоса на общественную жизнь). Нужно отметить, что работа В. Хелька стала вторым после упомянутой выше сводки В.М. Мюллера опытом исчерпывающего обобщения материала по египетско-азиатским контактам на протяжении двух тысячелетий, во многом не теряющим своего значения и сегодня.

Две важные обобщающие работы, сопоставимые с трудом Хелька по широте своих выводов, но все же не по степени подробности в учете источников, были опубликованы Д.Б. Редфордом в начале 1990-х гг. в качестве итога его более чем 20-летних исследований. В первой из этих монографий [Redford, 1990] канадский исследователь рассматривает политику Египта в Восточном Средиземноморье в эпоху Нового царства. Анализ структуры и задач администрации, созданной египтянами для управления своими азиатскими владениями, убеждает, что они стремились вмешиваться в сложившиеся там социальные и политические отношения лишь в той мере, которая была совершенно необходима для отпора другим великим державам. Египтяне экономно относились к своим людским ресурсам: первостепенное значение придавалось охране пути в Южную Палестину от Силэ (Чару) до Газы («до-

роги Хора»), размещению гарнизонов в имеющих хорошую связь с Египтом приморских пунктах и в ставках египетских резидентов (при XVIII династии — Газа, Улласа, Кумиди и Цумур, притом что сами эти резиденты постоянно курсировали между своими областями и Египтом). Несколько неожиданным оказывается вывод Редфорда о том, что уровень налогообложения в азиатских владениях Египта был сопоставим с установленным внутри страны: трудно поверить в то, что это было возможно за пределами жестко централизованной государственной экономики даже в эпоху XVIII династии, при которой, согласно автору, поступления из Азии в Египет были существенно выше, чем при Рамессадах. Во второй монографии [Redford, 1992] Д.Б. Редфорд попытался осветить отношения между Египтом и Азией с древнейших времен и до разрушения Первого храма в Иерусалиме Навуходоносором II в 586 г. до н.э.; как видно по заглавию работы и определению ее хронологических рамок, в I тыс. до н.э. важнейшее место в этих отношениях, по мнению автора, принадлежало Израилю. Обращаясь к этой проблеме, автор, в частности, решает негативно вопрос о возможности египетского влияния на формирование еврейской государственности (прежде всего, царской власти, ее придворного обихода и идеологии) при Давиде и Соломоне: единственной сферой, где такое влияние могло проявиться, была система налогообложения. Одной из главных причин неуспеха попыток ливийских правителей Египта в возобновлении экспансии в Азии Редфорд считает его отставание от других ближневосточных государств в освоении железа. В монографии уделяется внимание месту Египта в политике великих держав Ближнего Востока I тыс. и рассматриваются некоторые традиционные вопросы, связанные с возможным влиянием Египта на Ветхий Завет (традиция об Исходе и вероятность влияния религии Эхнатона на библейский монотеизм).

Проблема интерпретации ряда сюжетов и мотивов *библейской традиции* вообще занимает особое место в египтологии, представленной в своем большинстве исследователями христианских стран, по понятным причинам, к которым в 1920—1930-е гг. добавился еще и тезис Зигмунда Фрейда о вероятной связи между амарнской реформой и деятельностью Моисея как провозвестника библейского монотеизма. Попытки привлечь данные египтологии (в том числе египетской археологии) к интерпретации,

в частности, таких важнейших фактов священной истории, как «египетское рабство» евреев и Исход, делались еще основоположниками научной египтологии; особый импульс эти попытки получили с открытием стелы Мернептаха, упоминающей в связи с победами этого царя над ливийцами и о разгроме «Израиля» (несомненно, еврейского племенного союза [Spiegelberg, 1896]). В итоге к первым десятилетиям XX в. сформировалось устойчивое мнение о том, что данные библейские топосы так или иначе были репликами взаимодействия израильского союза с Египтом эпохи XIX династии: в частности, обсуждалась идентификация знаменитых городов, строившихся, согласно Библии, евреями во время «египетского рабства» с конкретными пунктами в пределах Египта (Пифома — с Телль-эль-Масхутой, Раамсеса — с Пер-Рамсесом, локализация которого, как мы видели, оставалась спорной). В середине XX в. библейские топосы, связанные с ранней историей Израиля, продолжали изучаться как египтологами, так и специалистами по истории и археологии Восточного Средиземноморья. Был сделан в целом положительный вывод о возможности объяснения ряда имен и выражений соответствующих книг Библии (в том числе, как предполагалось и ранее, самого имени Моисея), исходя из египетских этимологий и параллелей [Griffiths, 1953; Tvedtnes, 1982]. Неожиданные реплики получила идея Фрейда о связи между монотеизмом Моисея и религией Амарны: анализ под этим углом зрения библейских текстов привел целый ряд исследователей к заключению о вероятных параллелях между 104-м псалмом и знаменитым гимном Атону, автором которого мог быть сам Эхнатон [Nagel, 1950; Bernhardt, 1969; Renaud, 1981; Auffret, 1982 и др.]. Заметим, что чисто формальное наблюдение о наличии таких параллелей еще не предрешает вопроса о том, когда и каким образом они возникли. Пожалуй, одной из самых прямолинейных египтологических реплик идеи Фрейда оказывается сравнительно недавняя книга известного религиоведа и культуролога Я. Ассмана [Assmann, 1997], в которой ставится вопрос о необходимости разделения образов «Моисея-еврея» и «Моисея-египтянина», причем последний напрямую отождествляется с Эхнатоном как создателем первой известной в истории «альтернативной религии». Эта работа (в том числе по содержащейся в ней прямой заявке на то, что она принадлежит к «мнемоистории», ставя своей целью исследование не событий прошлого, а их реплик в памяти людей,

вплоть до наших дней), по сути дела, оказывается на грани, если не за гранью, научной египтологии; менее рискованными, но все равно неверными представляются попытки Я. Ассмана не только увязать традицию Манефона об изгнании из Египта прокаженных с преданием об Исходе (интерпретация, выдвигавшаяся еще в античное время), но и представить и то, и другое как отдаленные реплики негативной реакции на амарнскую реформу*. Гораздо более сдержанное сопоставление религии Амарны и библейского монотеизма, с негативным решением по поводу возможности их взаимодействия, можно найти, к примеру, у израильского исследователя Р. Гивеона [Giveon, 1985a]. Характерно, что как раз израильские исследователи, с их недоверием к Библии как историческому источнику (в известной мере стимулированным напряжением между светским истеблишментом и ортодоксами в государстве Израиль) стали в середине XX в. склоняться к возможности датировки Исхода амарнским временем, признавая рамессидские реалии в соответствующих сведениях Библии более поздней интерполяцией [Yeivin, 1971]. Продолжались обращения к топонимике и другим реалиям, связанным с Исходом [Bietak, 1987; Redford, 1987]; в спектре высказывавшихся при этом мнений следует особо отметить хорошо мотивированную позицию М. Гёрга [Görg, 1978; 1997], считающего, что миграцию некоей мобильной группы западных семитов в пределы Египта и ее уход (возможно, изгнание) обратно на территорию азиатской периферии естественнее всего было бы ожидать как раз во второй половине XIX — начале XX династий.

В связи с *этнической историей евреев* и ее отражением в древнеегипетских источниках стоит также отметить утвердившуюся в середине XX в., но далее отпавшую интерпретацию термина *ханапиру* как варианта их обозначения (как выяснилось, этот термин египетских и аккадских текстов XV—XIV вв. до н.э. был вообще не этнонимом, а обозначением людей Восточного Средиземноморья, ушедших из своих городов из-за чрезмерной эксплуатации

* На самом деле, между сюжетом об Исходе и исторической основой египетской традиции об изгнании прокаженных, переданной Манефоном, по-видимому, и в самом деле существует сложная опосредованная корреляция, основой для объяснения которой могут послужить наработки некоторых отечественных исследователей (А.А. Немировского, А.В. Сафронова), пока по большей части не публиковавшиеся.

и заживших своего рода «казачьими» общинами, а затем создавших отдельное государство Амурру в Сирии [Le problème des Habiru, 1954; Loretz, 1984; История древнего Востока, 1988: 246–248]. Кроме того, нельзя пройти мимо работ Р. Гивеона [Giveon, 1971], посвященных термину *шасу* (букв. «бродяги», т.е. кочевники) в древнеегипетских источниках: его тезис о том, что вплоть до времени Рамсеса III этот термин обозначал совершенно определенную группу обитателей восточной периферии Египта, сопоставимую с евреями до их прихода на территорию Палестины, получил далее плодотворное развитие в отечественной историографии [Васильев, 2000; Немировский, 2001].

С середины II тыс. до н.э. весь Передний Восток превращается в единую, интегрированную геополитическую систему, определяющую роль в которой играют отношения между великими державами. К их числу относится и Египет Нового царства и периодов его политической целостности на протяжении I тыс. до н.э. Для изучения места Египта в *геополитической ситуации на Переднем Востоке во второй половине II тыс. до н.э.* наибольшее значение имеют клинописные дипломатические документы — прежде всего из архива в Телль-эль-Амарне, найденного в конце XIX в. и включавшего в себя переписку Аменхотепа III и Эхнатона с государями Митанни и касситского Вавилона (отсюда условное обозначение периода согласия между ними ок. 1410–1360 гг. до н.э. как «амарнского времени»), а также из хеттского царского архива в Богазкёе и ряда документов, ставших известными благодаря единичным находкам. Эль-амарнский архив был быстро введен в научный оборот; в первой половине XX в. его документы издавались Ю.А. Кнудзоном [Knudtson, 1907–1915; Rainey, 1970] и С. Мерсером [Mercer, 1939]; в 1980-е гг. появился их новый перевод У. Морана [Moran, 1987]. Документы богазкёйского архива также неоднократно издавались, а в 1994 г. появилось сводное издание хетто-египетской дипломатической переписки Э. Эделя [Edel, 1994].

Специальные исследования, посвященные «амарнскому времени», стали появляться с середины XX в. Среди них одной из первых стала небольшая монография К. Китчена [Kitchen, 1962], поставившего перед собой задачу наметить решения связанных с этой эпохой хронологических проблем, увязав воедино последовательности правлений и событий как в египетской, так и в

месопотамской и хеттской истории. В связи с этим исследователь был вынужден провести довольно детальное исследование просопографии этого времени, уделяя внимание персоналиям не только его государей, но и их жен и других членов царствующих домов. Почти одновременно с появлением этой работы Э. Кэмпбелл опубликовал исследование [Campbell, 1964], посвященное специально выяснению возможности соправления Аменхотепа III и Эхнатона в свете относительной хронологии амарнских писем. Возможность такого соправления (причем весьма длительного, от 9 до 12 лет) была обоснована еще в начале 1950-х гг. и находит своих приверженцев вплоть до нынешнего времени (см. раздел об изучении политической истории Египта). Факты, отразившиеся в работе Кэмпбелла, как и в наблюдениях других исследователей [Redford, 1967; Murnane, 1970; 1977], сводятся к следующему: в целом ряде документов эль-амарнского архива Эхнатон предстает как самостоятельный государь, вступивший на престол после смерти своего отца; хронологическое распределение этих документов таково, что при длительном соправлении Эхнатона со своим отцом они попросту не «уместились» бы в «остающиеся» годы его самостоятельного правления. Тот факт, что вопреки вполне однозначным указаниям данных документов гипотеза о соправлении Эхнатона и его отца до сих пор находит новых сторонников, очень симптоматичен как показатель поистине поразительного пренебрежения в современной египтологии данными политической истории. Позднее сводные работы по относительной хронологии писем эль-амарнского архива, применительно в большей степени к истории Переднего Востока, нежели Египта, опубликовали К. Кюне [Kühne, 1973] и Ф. Дж. Джайлс [Giles, 1997]. Реконструкции взаимоотношений Египта при Эхнатоне с малыми государствами Восточного Средиземноморья в условиях распада геополитической системы «амарнского времени» был посвящен ряд работ специалиста по ближневосточной истории Х. Кленгеля [Klengel, 1964; 1965; 1969]. Наконец, в 1980-е гг. в изучении эль-амарнского архива определилась новая тенденция: его письма начали рассматриваться с точки зрения не только хронологии, но и характера отношений между их авторами и адресатами и его отражения в используемых формулах [Liverani, 1983; Morris, 2005].

В связи с изучением *геополитического положения Египта при XIX династии* стоит отметить, что очень важной основой для них

стало начатое К. Китченом еще в 1960-е гг. и, по сути дела, не завершенное до сих пор издание надписей рамессидского времени [Kitchen, 1968]. Характерным образом в исследованиях по этой проблематике основную роль играют именно египтологи, а не специалисты более широкого профиля, как в случае с «амарнским временем». Среди посвященных взаимоотношениям Рамессидов с Азией работ стоит назвать уже давние публикации о битве при Кадеше и мирном договоре, завершившем при Рамсесе II хетто-египетскую войну [Faulkner, 1958; Rowton, 1959; Gardiner, 1960], а также статьи Э. Эделя, посвященные документам, фиксирующим хетто-египетские контакты ([Edel, 1960; 1969]; именно они стали основой его же фундаментальной публикации 1994 г.). В 1970–1980-е гг. события хетто-египетской войны и итоговый мирный договор изучают А. Шульман [Schulman, 1977–1978] и Э. Спэлинджер [Spalinger, 1977–1978; 1979; 1981]; позднее выходит посвященная последнему документу монография Э. Эделя [Edel, 1997]. Важный этап внешней политики Египта, пришедшийся на царствование предшественника Рамсеса II Сети I, был изучен в монографии У. Мёрнейна [Murnane, 1985]. Наконец, стоит упомянуть два сборника работ ведущих египтологов, посвященных Кадешской битве и внешней политике XIX династии в целом [Perspectives, 1985; L'impero ramesside, 1997]. Из существенных проблем, решаемых на основе источников по геополитической ситуации рамессидского времени, назовем определение датировки письма Хаттусилиса III Кадашман-Эллилю II КВо I 10. В зависимости от того, было ли оно написано до или после хетто-египетского мира 21-го года Рамсеса II, верифицируется датировка начала его царствования 1290 г. до н.э., в соответствии с так называемой «средней» новоегипетской хронологией, или 1279/1276 г., в соответствии с «короткой» хронологией (и, соответственно, выбор одной из этих хронологических схем!). Предпочтительность первого варианта (*вопреки* основному потоку современных египтологических публикаций, воспринявшему «короткую» хронологию) была убедительно показана Э. Эделем [Edel, 1958] и позднее А.А. Немировским [Ладынин, Немировский, 2001].

Среди исследований по *взаимоотношениям Египта с великими державами I тыс. до н.э.*, стоит обратить внимание на статьи Э. Спэлинджера (взаимоотношения Египта с Новоассирийской и Нововавилонской державами [Spalinger, 1974; 1974a; 1977;

1978]), А. Маламата (место еврейских государств во внешней политике Египта в Азии в I тыс. до н.э. [Malamat, 1973; 1975; 1983]), Э. Брешиани (Египет в составе Ахеменидской державы [Bresciani, 1958] — с последующей перепечаткой этого очерка в ряде других изданий). Корпус иероглифических надписей персидского времени, в том числе составленных от имени ахеменидских государей, был издан Ж. Познером [Posener, 1936]; сравнительно недавно появилось сводное издание фрагментов летописей ассирийских царей, имеющих отношение к египетской истории середины I тыс. до н.э. [Onasch, 1994].

Как уже говорилось, *контакты Египта с островным миром Средиземного моря* (прежде всего, Эгеиды) стали изучаться примерно одновременно с открытием цивилизации Крита; кроме того, с определенного времени в иероглифических текстах были обнаружены обозначения, которые могли быть соотнесены именно с островами Средиземноморья. Один из таких терминов — *хау-небу(т)* (букв. «[живущие] вокруг корзинок-небут») — вызвал в египтологической литературе длительную дискуссию, формально не закрытую до сегодняшнего дня. Эта дискуссия была открыта обширной статьей Ж. Веркуттера [Vercoutter, 1947–1949], в которой была прослежена эволюция этого термина на протяжении всей египетской истории. Исследователь пришел к выводу, что данный термин обозначал обитателей не только островов Средиземного моря, но и его побережья: исходно он мог относиться к исконным жителям прибрежных районов Дельты (вероятно, воспринимавшихся как чужаки обитателями долины Нила), однако с ее интеграцией в единое египетское государство переносился на обитателей разных чужеземных приморских стран. Соответственно, не будучи обозначением жителей Крита и других островов в строгом смысле слова, этот термин мог применяться и к ним, и такое его значение должно устанавливаться по контексту; в источниках второй половины I тыс. до н.э. единственным народом, к которому этот термин был приложим, оказываются греки. Статья Веркуттера важна для изучения не только термина *хау-небу(т)*, но и всего комплекса текстов, в котором он встречается (в особенности довольно редко рассматривавшихся специально так называемых «перечней „Девяти Луков“», состоявших из традиционных обозначений чужеземных врагов царя Египта и призванных обеспечить ему победу над ними [Виноградов, 1985]); она основана

на тщательном учете данных источников и может считаться примером корректности в анализе древнеегипетского географического термина. Тем не менее она практически немедленно вызвала возражения других египтологов. Так, П. Монте заявил, что обозначение *хау-небу(т)* на самом деле распадается на два термина, один из которых в I тыс. до н.э. должен был звучать как *хелу-небу(т)* и быть значительно более конкретным обозначением греков [Montet, 1947]. Значительно позже Кл. Вандерслеен в работе, посвященной внешней экспансии Египта на заре Нового царства [Vandersleyen, 1971], попытался доказать, что термин *хау-небу(т)* в иероглифических текстах всех эпох обозначает только жителей побережья Восточного Средиземноморья. Наконец, А. Нибби — британская исследовательница итальянского происхождения, склонная защищать нетрадиционные интерпретации и даже основываясь с этой целью специальное периодическое издание «Discussions in Egyptology», — опубликовала серию работ, в которых рассматривала обозначение *хау-небу(т)* в связи с другим термином иероглифических текстов *уадж-ур* («Великая зелень» [Nibbi, 1974; 1983; 1989; Нибби, 1991]). Считая последний, вопреки недвусмысленным указаниям источников, обозначением не моря (в разных конкретных значениях — от отдельных районов Средиземного или Красного морей, до Мирового океана в целом), а болот и заводей прибрежной полосы Дельты, она доказывала, что термин *хау-небу(т)* обозначает их обитателей, опять же на протяжении всей его истории. Данная полемика очень симптоматична как индикатор состояния египтологии во второй половине XX в.: хотя уязвимость доводов оппонентов Ж. Веркуттера, по сравнению с фундаментальным анализом, проведенным в его статье, была достаточно очевидна, они все же не получили отпора, что свидетельствует об определенном равнодушии к содержательной конкретно-исторической интерпретации иероглифических источников.

Ж. Веркуттеру принадлежат также несколько обобщающих работ о контактах Египта с эгейским миром в III—II тыс. до н.э. [Vercoutter, 1954; 1956]. Эти контакты (прежде всего, торгового характера, но приводящие к ряду заимствований, в частности, копированию на Крите формы египетских сосудов из камня еще в эпоху VI династии) становятся особенно интенсивными в Новое царство (именно тогда ряд текстов и изображений в гробницах фиксируют появление обитателей эгейского мира — по мнению Веркуттера,

одновременно и критян и микенских греков — в долине Нила). Еще более обширная сводка свидетельств о контактах двух регионов (доведенная до VII в. до н.э., включающая не только письменные, но и археологические данные и содержащая опыт синхронизации относительной хронологии последних в Египте и в Эгеиде) была подготовлена В. Хельком [Helck, 1979].

Особое место в изучении контактов Египта и Средиземноморья занимает проблематика, связанная с «*народами моря*». Этот термин, обозначающий группу народов, две волны вторжения которых, наряду с вторжениями ливийцев, были отражены Египтом при Мернептахе (начало 1210-х гг.) и Рамсесе III (1180–1170-е гг.), был введен египтологами уже в конце XIX в. [Müller, 1888]. Уже на этом этапе было отмечено сходство иероглифических обозначений народов, объединенных этим термином, с этнонимикой побережья и островов Эгеиды и Центрального Средиземноморья (*пелесет* — пеласты/пеласги Балканской Греции и будущие филистимляне; *чекер/текер* — тевкры из Трояды; *даиниун* — данайцы греческого эпоса; *акевеш* — «ахейцы», хотя, согласно сведениям о них, они практиковали обрезание; *шекелеш* — сикулы; *тереш* — «тирсены», жители Трои/Труисы и/или этруски на своей вероятной малоазиатской прародине; *шерден* — народ неясного происхождения, появившийся в Египте еще до нашествия «народов моря», с наименованием, явно схожим с названием о. Сардиния; *рек/лек* — ликийцы). Соответственно, исследователи начала XX в. (Дж.Г. Брестед, У. Эджертон и Дж. Уилсон в издании исторических надписей Мединет-Абу и др.) без особых сомнений напрямую связывали происхождение большинства из этих народов с перечисленными областями; равным образом они относились с доверием к сведениям надписей Рамсеса III об отражении второй волны нашествия «народов моря» и масштабе последовавшего за этим расширения египетского влияния в Азии. В связи с этим важно отметить, что именно на одном из свидетельств из Мединет-Абу — фразе надписи Рамсеса III от 8-го года о крушении под натиском «народов моря» всех государств «начиная с Хета (= Хатти), Коде (= Киццувадны), Кархемиша, Арату (= Арвада), Алашии...» — целиком базируется фундаментальное по своему значению и никем не оспариваемое отождествление именно с этой миграцией причин гибели Хеттского государства в Малой Азии (например: [История древнего Востока, 1988: 188 сл.]). В середине

XX в. складывается тенденция к резко критическому отношению и к интерпретации этнонимов «народов моря» на основе их эгейско-средиземноморских параллелей, и к историчности надписей Рамсеса III. Исследователи начинают «помещать» исконные области «народов моря» строго в пределы Малой Азии [Wainwright, 1961; 1964; 1965] и даже Восточного Средиземноморья [Nibbi, 1975]; высказывается мнение, что надписи Рамсеса III, по крайней мере в части, касающейся борьбы с «народами моря» (а не ливийцами) и его последующих приобретений в Азии, воспроизводят стандарт победных надписей его предшественников (прежде всего Рамсеса II), будучи фикцией по своему реальному историческому значению [Hölbl, 1983; Cifola, 1988]. Дискуссия по этому кругу проблем остается незавершенной в зарубежной литературе (см.: [Crisis Years, 1992]); в отечественной египтологии она практически не получила отклика, хотя в 1990–2000-е гг. исследователи этнических процессов в Малой Азии и Балканском регионе конца II тыс. до н.э. использовали данные египетских исторических текстов с позиций принципиального доверия к ним [Гиндин, Цымбурский, 1996; Немировский, 2001а; Сафронов, 2005].

Древняя Нубия. Области к югу от 1-го нильского порога испытывали политическое и культурное влияние древнеегипетской цивилизации с додинастического времени. Экологический потенциал долины Нила таков, что высокопродуктивное ирригационное земледелие и его надстройка — централизованная государственная экономика — не могли сложиться на этой территории; соответственно, самими природными условиями Нубии на долгое время была уготована участь подвластной периферии египетского государства. Сообразно этому, изучение ее истории и археологических памятников на протяжении III–II тыс. до н.э. во многом является производной от собственно египтологических дисциплин. Лишь в I тыс. до н.э., уже в условиях железного века, по прошествии «темных веков», последовавших за падением Нового царства и вместе с ним египетского владычества в Нубии, здесь, на базе рецепции египетской традиции, складывается собственная государственность (с центром в Напате возле 4-го порога, а затем в Мероэ между 4-м и 5-м порогами) и цивилизация. Их изучение выделилось к середине XX в. в совершенно особую дисциплину, существенно отличающуюся от египтологии не только по своему материалу, но и по постановке в связи с ним задач исследования и его методике

(здесь значительную роль играют характерные для африканистики этнологические подходы, к примеру, особое внимание к проблемам систем родства в напатско-мероитском обществе).

Накопление материала источников по истории древней Нубии происходило практически параллельно с освоением аналогичных древнеегипетских памятников. Уже первые исследования середины XIX в. в Джебель-Баркале открыли несколько стел царей Напатско-Мероитского государства VIII–IV вв. до н.э., оказавшихся важнейшими историческими источниками (публикации О. Мариетта конца XIX в.). В дальнейшем изучении этих текстов участвовали Г. Масперо и в особенности Г. Шефер, подготовивший их первое сводное издание [Schäfer, 1905–1908], которое не утратило значения до сих пор; чуть позже еще одна их сводка была издана Э. Уоллисом Баджем [Budge, 1912]. В XX в. начинается систематическое изучение и издание археологических комплексов Нубии, результаты которого вырисовываются к середине века. За это время были исследованы храмовые комплексы египетского Нового царства в Вади-эс-Себуа, Дeppe, Амаде [Gauthier, 1912; 1913–1926; Blackman, 1913], греко-римского времени в Дакке, Дебоде, Дендуре, Калабше, на острове Биге [Roeder, 1911–1912; 1913–1930; Blackman, 1911; 1915; Gauthier, 1911–1927], памятники метрополии нубийского государства конца I тыс. до н.э. — начала н.э. на острове Мероэ [Garstang, 1911], начато изучение египетских памятников II тыс. до н.э. вокруг укрепленного района в Бухене вблизи 2-го нильского порога [Randall-MacIver, 1911]. Особенно масштабные исследования проводились американским археологом Дж. Э. Райзнером: им изучались археологические памятники Кермы — центра ранней нубийской государственности [Reisner, 1923], укрепления II тыс. до н.э. в районе Семны-Куммы [Dunham, Janssen, 1960], Уронарти, Шалфака и Миргиссы вблизи 2-го порога [Dunham, 1967], некрополи в Мероэ [Dunham, 1963] и храмовый комплекс в Джебель-Баркале [Dunham, 1970]. Масштаб этих археологических работ, пришедшихся на первые десятилетия XX в., был так значителен, что публикация их результатов была окончательно завершена лишь к началу 1980-х гг.

Новые импульсы изучение Нубии получило вскоре после Второй мировой войны. Еще в начале XX в. был обнаружен город Гемпатон, возникший к югу от 3-го порога во время амарнской реформы [Breasted, 1902–1903]. В 1930-е гг. в ходе раскопок

Ф.Л. Гриффита, М.Ф. Ламинга Макадама и Л.П. Кирвана стало ясно, что поселение, известное по современному названию этого пункта как Кава, существовало здесь вплоть до первых веков н.э. Публикация результатов этих раскопок [Macadam, 1949–1955] предоставила в распоряжение исследователей целый ряд новых иероглифических надписей напатско-мероитских царей I тыс. до н.э. (Тахарки, Анламани, Аманитеиреке и др.). Практически одновременно Д. Данхем публикует материалы царских некрополей VIII–IV вв. до н.э. в Нури и Эль-Курру [Dunham, 1950; 1955]. Кроме того, к концу 1950-х гг. в стадию реализации вошли планы сооружения высотной Асуанской плотины, вследствие чего должны были оказаться затопленными огромные территории древней Нубии; соответственно, на повестке дня оказалось интенсивное археологическое изучение их памятников. Именно на конец 1950-х – 1960-е гг. приходится работа большого числа научных экспедиций, исследующих памятники Нубии самых разных эпох. На рубеже этих десятилетий исследуются храмовые комплексы времени Аменхотепа III в Солебе и Седенге [Schiff Giorgini, 1967–1968; 1965–1971]; продолжается изучение укрепленных районов и связанных с ними культовых сооружений в Семме-Кумме и Бухене [Caminos, 1964; 1965; 1974; Emery et al., 1979; Smith, 1972; 1976]; изучаются памятники XVIII–XIX династий в Каср-Ибриме [Caminos, 1968]; публикуются храмовые комплексы в Абу-Симбеле [Desroches-Noblecourt et al. S. a.; 1971] и Эллесиа [Curto, 1970], перенесенные на новое место из зоны затопления. В то же время развивается и изучение памятников мероитской метрополии: экспедиция Ф. Хинтце исследует храмовый центр в Мусаваррат-эс-Суффе [Hintze, 1971; Hintze et al., 1993], а П. Шинни изучает собственно столичные памятники Мероэ [Shinnie, Bradley, 1980].

К началу 1980-х гг. ощущается потребность в повторном подробном исследовании уже известных письменных источников по истории Напатско-Мероитского государства. Важным шагом в этом направлении стало переиздание Н.-К. Грималем стелы Пианхи и четырех других памятников — «Стелы сна» Танутамо-на, интронизационной стелы Аспелты, так называемой «Стелы изгнания» и стелы Хорсиотефа [Grimal, 1981; 1981a]. В 1990-х гг. был реализован еще более масштабный проект издания «*Fontes historiae Nubiorum*» — свода всех письменных источников по истории Нубии с VIII в. до н.э. по VI в. н.э., снабженного подробным

комментарием [Fontes, 1994—2000]. Принципиально новым стало объединение в рамках этой единой публикации не только всех известных иероглифических текстов (из Джебель-Баркала и Кавы), но и античных и раннехристианских нарративов.

Изучение истории и государственных институтов древней Нубии. Сведения о ранних государственных образованиях на территории Нубии в эпоху, современную египетскому Древнему царству, были раньше всего почерпнуты из автобиографических надписей правителей Элефантины, ответственных за контакты с областями вплоть до 3-го нильского порога. Как уже говорилось, с 1900-х гг. раскопками ранних памятников Кермы занимался Дж.Э. Райзнер. Именно он предложил классификацию археологических артефактов Нижней Нубии III тыс. до н.э. по трем группам: «А», «В» и «С», — за которыми следовали древности собственно Кермы II тыс. до н.э., сместившиеся в область выше 2-го порога. Позднее стало понятно, что группы «В» как особого этапа археологической периодизации и исторического развития не существовало; а культура группы «С», по-видимому, сложилась в результате миграции из Западной пустыни и может быть сопоставлена с теми политическими образованиями III тыс. до н.э., о которых говорят египетские надписи [Trigger, 1976; Adams, 1977: 195—216; Bourriau, 1991: 129—144; Kendall, 1997; Bonnet, 2000]. Т. Зэве-Зёдерберг показал, что карнакская стела фараона Камоса фиксирует существование на исходе гиксосского периода самобытного, хотя и вассального по отношению к гиксосам политического образования в Куше (Нубия вплоть до 3-го порога), причем это свидетельство соотносится с находками оттисков печатей с гиксосскими царскими именами в Керме [Säve-Söderberg, 1956]. В настоящее время корреляция культуры Кермы и ранней нубийской государственности II тыс. до н.э. и связь этих структур с предшествующей фазой группы «С» твердо установлена.

Еще в XIX в. в иероглифических текстах было обнаружено соответствие обозначению Нубии «Куш», хорошо известному по библейской традиции, а также особый титул «царский сын Куша», который носили египетские наместники Нубии эпохи Нового царства. Накопление материала по египетской администрации Нубии (в особенности во II тыс. до н.э. и в том числе просопографии «царских сыновей Куша») продолжается с тех пор и до сегодняшнего дня (во второй половине XX в. здесь сделал

особенно много египетский исследователь Л. Хабаши [Habashi, 1957; 1981]; однако серьезные попытки обобщить эти данные стали предприниматься не так давно. Долгое время единственной сводной историей египетского владычества в Нубии оставалась монография Т. Зэве-Зёдерберга [Säve-Söderberg, 1941]. В 1970-е гг. структурой и просопографией администрации египетской Нубии при Новом царстве занимается И. Мюллер, сделавшая вывод о ее строго централизованном, иерархическом характере [Müller, 1982]. У. Адамс предпринял опыт периодизации египетской экспансии в Нубию на большем хронологическом протяжении [Adams, 1984]: Древнее царство было временем неупорядоченной эксплуатации («грабежа») областей к югу от Египта; в Среднее царство роль организатора их эксплуатации выполняло вассальное царство Кермы, контроль над торговлей с которым обеспечивали египетские укрепления у 2-го порога; крушение этого образования породило потребность в прямом военном подчинении Нубии Египту и создании там постоянной администрации. Р. Моркот [Morkot, 1987; 1991] представил существенно иную схему египетского контроля над крайними южными областями египетского проникновения (выше 4-го порога): по его мнению, нубийцы оказались достойными военными соперниками египтян, и чисто «силовое» управление ими, по крайней мере, на периферии их экспансии, себя не оправдывало. В этой зоне должна была существовать система вассальных и дружественных связей, обеспечивавшая получение египтянами интересующих их товаров в порядке дарообмена. Пожалуй, наиболее солидное на сегодняшний день специальное исследование египетской экспансии в Нубии принадлежит К. Цибелиус-Чен [Zibelius-Chen, 1988] (см. также ее фундаментальную работу по иероглифической топо- и этнонимике Нубии [Zibelius, 1972]). По ее мнению, продвижение египтян на юг имело предпосылки в самих природных условиях их страны и подкреплялось универсалистской царской идеологией. Интересы Египта в Нубии сводились к получению золота, ценных видов сырья и товаров, включая благовония, работников и воинов; все это служило обеспечению престижного потребления, функционирования храмов (что в принципе рассматривалось как важнейшее условие нормального существования Египта и мира!) и военной деятельности. Способы реализации этих интересов были различными, однако торговля была среди них наиболее спорадическим. В идеологическом плане

автор обращает внимание на то, что в эпоху XII династии особое значение придавалось не столько экспансии Египта, сколько поддержанию царем неприкосновенности его границы с Нубией.

Основы изучения политической истории и государственных институтов Напаты и Мероэ были заложены Дж. Райзнером, с его редким талантом к интерпретации изученных им археологических памятников как свидетельств событий их времени. Как и в гораздо более известном случае с исследованиями Райзнером некрополя IV династии в Гизе, получилось так, что многие сформулированные им выводы были в дальнейшем оспорены (см., например: [Большаков, 2000: 78–80]), но при этом именно они стали основой дискуссий, не завершившихся до сих пор. Еще в 1910–1920-е гг. изучение пирамид в Напате (Эль-Курру, Нури, Джебель-Баркал) и Мероэ привело Райзнера к заключению о соправлении в Мeroитском царстве на протяжении III и I вв. до н.э. двух параллельных царских домов — с погребениями (и, очевидно, резиденциями) их представителей, соответственно, в Напате и Мероэ (непрерывно на протяжении всего этого времени правила только последняя, мероитская, династия). Происхождение напатского царского дома, первыми известными представителями которого были Алар и Кашта, Райзнер считал возможным возвести к вождям южных ливийских племен (появившихся в районе Напаты и начавших традицию погребения правителей в Эль-Курру за 5 поколений до Алары — ок. второй половины IX в. до н.э. [Reisner, 1923a]; еще раньше такие исследователи, как Г. Масперо, А. Эрман и Г. Шефер обсуждали возможность его происхождения от фиванских верховных жрецов «дома Херихора»). Дальнейшие исследования археологических памятников Напаты и Мероэ привели к появлению существенно иных точек зрения. Наиболее четко были сформулированы аргументы против ливийского происхождения напатской династии (в частности, против тезиса о ливийском влиянии в ранних погребениях Эль-Курру [Dixon, 1964]). В 1960-е гг. появляется критика и гипотезы о существовании параллельных («коллатеральных») династий в Напате ([Wenig, 1967]: находящиеся там пирамиды предлагалось считать либо синхронными с погребениями в Мероэ, но принадлежащими людям не царского статуса, либо принадлежащими царям, по каким-то причинам верным обычаю сооружать погребения в старой столице). Вместе с тем ряд исследователей ([Dunham, 1957; Hintze, 1959; 1973] и далее, вплоть

до настоящего времени) продолжают искать новые доводы в пользу гипотезы Дж. Райзнера. В целом последовательность правлений напатско-мероитских царей и их хронология считаются твердо установленными по меньшей мере вплоть до конца IV в. до н.э.

Еще одной из дискуссионных проблем в 1960—1980-е гг. стал *финал мероитской государственности* на рубеже древности и средневековья. Исходно высказывалось мнение, что важнейшим его фактором были нападения на Мероэ царей Аксума (в частности Эзаны — царя IV или V в., известного по его грекоязычной надписи [Sayce, 1912]). С появлением новых, более качественных, публикаций этого источника его трактовка резко переменялась [Burstein, 1981; 1984]; в то же время ряд исследований выявил решающую роль в закате Мероэ гораздо более длительных этнических процессов этого времени [Shinnie, 1955], в частности, занятия Нижней Нубии (Додекасхойна) племенами блеммиев [Hofmann, 1982; Török, 1985].

С изучением династической истории Мероэ связано и обращение к проблемам *престолонаследия* и в более широком плане — *систем родства* в этом архаическом обществе. Выявление родственных связей внутри царского дома Напаты и Мероэ было необходимым компонентом интерпретации его памятников [Dunham, Macadam, 1949], и эта работа достаточно скоро выявила высокую роль принадлежавших к нему женщин (античной репликой этого стали присутствующий в романтической «Истории Александра Македонского» сюжет его общения с эфиопской царицей Кандакой). Без освещения этой проблемы не обходится ни одна обобщающая работа о царской власти и ее инсигниях в Напате и Мероэ [Hofmann, 1971; Török, 1987; Lohwasser, 2001]; более того, некоторые исследователи сочли правомерным говорить о системе «матрилинейного наследования» власти в древней Нубии [Hirschberg, 1955; Priebe, 1981], а отечественные интерпретаторы их наблюдений — считать такую систему закономерным этапом в зафиксированном этнографией у всех народов процессе смены «материнского» счета родства «отцовским» [Кацнельсон, 1966; Виноградов, 1980]. В некоторых работах (например, А. Ловассер) выявляются мифологические топосы, содействовавшие легитимации власти, переданной в соответствии с той или иной системой. Существенно, однако, что постепенно в изучении этих сюжетов определилось мнение о совмещении в династической практике На-

паты и Мероэ сразу ряда систем передачи власти (институциональным оформлением их многообразия была возможность избрания царя; Л. Тёрёк). На наш взгляд, построение исследователями этих «систем» во многом является данью пришедшим в изучение древней Нубии из африканистики этнологическим тенденциям и не всегда позволяет адекватно оценить чисто прагматические соображения, всегда игравшие значительную роль при передаче власти, которые, собственно, и подлежали обоснованию посредством разных мифологических конструктов.

Еще одной специфической проблемой изучения Нубии напатско-мероитского времени оказывается происходивший в ней процесс *культурного и в особенности религиозного синтеза*. Одним из первых серьезных исследований по этой проблеме стала монография Л. Жабкара, посвященная культу мероитского бога Апедемака, чтившегося в образе льва и, по мнению исследователя, бывшего репликой египетского бога Махеша [Žabkar, 1975]. Процесс религиозного синкретизма в Мероэ оценивается им как аналог сопоставления и сближения различных божеств, происходившего синхронно в храмах греко-римского Египта. При ценности фактических наблюдений, сделанных Жабкаром, подобный общий вывод все же излишне изолирует религиозные явления конца I тыс. до н.э. от их прямых аналогов в предшествующие эпохи истории и Египта и Нубии. Структура мероитского пантеона в целом и соотношение в нем египетской и местной традиций, а также соотношение в мероитской религии официальной идеологии и народных верований изучались Х. Онашем [Onasch, 1980]. Серия работ, рассматривающих Нубию как один из периферийных регионов эллинистического мира, реалии которого отразились в классических источниках, была издана в 1995 г. отдельным сборником С. Бёрстайном [Burstein, 1995].

Среди обобщений материала по древней Нубии, накопленного за время ее изучения, одним из лучших представляется сравнительно недавняя работа Д. О'Коннора [O'Connor, 1993]. История региона прослеживается в ней с древнейших времен до христианского времени. Финал археологического этапа группы «А» (уже соответствующего фазе политогенеза) в Нижней Нубии и смещение ее носителей к югу исследователь связывает с экспансией в этот регион Египта еще при первых династиях; реакцией на нее стало образование ранних политий, о которых говорят египетские

тексты III тыс. до н.э. С оккупацией Египтом зоны вплоть до 2-го порога в эпоху Среднего царства к югу складывается едва ли не сопоставимое с ним по мощи царство Кермы; однако окончательное сложение этой государственности было прервано египетской экспансией Нового царства. Ее следствием стало появление в зоне прямого египетского контроля большого количества египтян и смещение центров собственно нубийской государственности еще выше по течению Нила. Большое место в освещении О'Коннором образа жизни нубийцев занимают характеристики эталонных поселений (Кустула и Арейки в Нижней Нубии соответственно для эпох группы «А» и группы «С», Кермы для первой половины II тыс. до н.э., Каранога для мероитского времени). Начало собственно мероитского периода исследователь относит к довольно позднему времени — середине III в. до н.э., а финал его ок. 300 г. н.э. связывает с появлением в Нубии племен нобадов и блеммиев (факторы распространения в регионе христианства, по его мнению, остаются во многом загадкой). Кроме этой работы, чуть позже, важные сводки, посвященные напатско-мероитскому периоду, были подготовлены Д. Уэлсби [Welsby, 1996] и Л. Тёрёком [Török, 1997].

Направлением, окончательная разработка которого представляется все еще делом будущего, является *изучение мероитских письменности и языка*. Еще в начале XX в. Ф. Л. Гриффит обнаружил ряд памятников (стел, жертвенных плит, остраконов, утвари, папирусов), выполненных особым алфавитным письмом, сложившимся в Мероэ на базе египетской иероглифики не позднее II в. до н.э. и представленным двумя вариантами — монументальным и курсивным [Griffith, 1911–1912]. Этот же исследователь установил в общих чертах фонетические соответствия знаков этого письма; однако начать читать выполненные им тексты, из-за отсутствия билингв, не удалось до сих пор. Изучение мероитского языка в XX в. проводилось в основном путем сопоставления ограниченного набора мероитской лексики, значение которой было установлено точно (39 слов), с лексикой других языков с целью определения его места в их классификации. Исходная и напрашивавшаяся ввиду локализации этого языка позиция исследователей состояла в предположении, что мероитский язык должен быть афразийским («семито-хамитским»), родственным прежде всего кушитской ветви этой семьи: в наиболее явной форме эта идея

высказывалась в первой половине XX в. Э. Цихларжем [Zyhlarz, 1930; 1960]; в дальнейшем, с привлечением не только кушитских, но и более широких аналогий ее постарался обосновать А.Ю. Милитарев [Милитарев, 1984]. В середине XX в., за опровержением принадлежности мероитского языка к афразийским [Hintze, 1955; Yucichl, 1958] последовало предположение о его квалификации как нило-сахарского [Trigger, 1964, 1973; Greenberg, 1971; Bender, 1981]: именно оно считается в настоящее время наиболее обоснованным и полемика между исследователями сводится в основном к определению конкретного места мероитского языка в одной из ветвей данной семьи. Что касается дешифровки мероитских текстов, дискуссия в связи с этой задачей до сих ведется на уровне выбора оптимальной стратегии ее решения [Peopling, 1978; Rilly, 2003].

Отечественная школа изучения древней Нубии. С самого начала изучения древнего Египта в нашей стране авторы всех посвященных ему обобщающих публикаций (Б.А. Тураев, В.В. Струве, В.И. Авдиев) в силу необходимости предпринимали экскурсии и в историю древней Нубии. В конце 1950-х гг. важным эпизодом в развитии отечественной египтологии в целом стала работа археологической экспедиции АН СССР в рамках международного изучения памятников территории Нижней Нубии, подлежавшей затоплению после сооружения Асуанской плотины; этой экспедиции, возглавлявшейся Б. Б. Пиотровским и состоявшей из археологов, приобретших свой полевой опыт в ходе раскопок на территории СССР, удалось изучить археологический комплекс эпох группы «А» и группы «С» в Хор-Дауде и обследовать пути к древним золотым рудникам в Вади-Аллаки [Пиотровский, 1983; см.: Мерперт, 2003]. Однако становление изучения древней Нубии как самостоятельной дисциплины в рамках отечественной египтологии связано с именем И.С. Кацнельсона. Уже в 1940-е гг. появляются его отдельные публикации по этой проблематике [Кацнельсон, 1948]; в 1960-е гг. в серии статей [Кацнельсон, 1962; 1964] и обобщающей монографии [Кацнельсон, 1970] он вводит в научный оборот отечественной египтологии новейшие на то время наработки зарубежных специалистов по археологии, политической истории и общественному строю Нубии I тыс. до н.э. При его поддержке начинается изучение в нашей стране мероитской письменности и языка [Завадовский, 1967; Завадовский,

Кацнельсон, 1981; Милитарев, 1984]. В 1970-е гг. основывается специальное издание — сборник «Мероэ», превращающийся в своеобразный форум отечественных исследователей древней Нубии в 1980—1990-е гг.

Именно на страницах этого сборника начинают появляться публикации С.Я. Берзиной, посвященные связям Нубии (прежде всего на мероитском этапе ее истории, в начале I тыс. н.э.) с внешним миром, вплоть до Кушанского царства, Индии и Китая [Берзина, 1977; 1981; 1985 и др.]. Основные итоги этих исследований (суммированные в монографической публикации [Берзина, 1992]) сводятся к следующему. Главным «внешним партнером» Мероэ на этом этапе, как и во все эпохи древности, был римский Египет. Важнейшим следствием контактов Мероэ с Тропической Африкой (в том числе миграций) стало усвоение в этом регионе металлургии железа и, весьма вероятно, некоторых идеологических конструктов. Дальние связи с Индией и Китаем были для Мероэ опосредованными, хотя можно говорить об испытывавшимся им определенном индийском влиянии. Рубеж древности и средневековья Мероэ встречает как сильное государство, успешно строящее свои отношения с сопредельными народами Нубии и Северо-Восточной Африки (ноба, блеммиями, Аксумом); ввиду этого, следует не просто поставить под вопрос тезис о «падении» Мероэ в это время, но и продолжить его историю (с этого времени — в рамках единой «нобадско-мероитской цивилизации») вплоть до VIII в. до н.э.

В конце 1970-х гг. появляются публикации исследователей древней Нубии — учеников И.С. Кацнельсона. Э.Е. Кормышева начинает работать над проблемой рецепции египетских культов в Нубии II—I тыс. до н.э. и их взаимодействия с местными культами. На материале храмовых комплексов, возникших в Нубии во II тыс. до н.э. (в эпоху Нового царства, но и в I тыс. до н.э.) ею была проведена классификация чтившихся там божеств, проанализированы их иконография и эпитеты [Кормышева, 1984]. В дальнейшем Э.Е. Кормышева сосредоточилась на проблематике религии древнего Мероэ [Kormysheva, 1999; Кормышева, 2000], рассматривая образующие ее культы как целостную систему, подчиненную определенным закономерностям. Эти закономерности вытекали, с одной стороны, из потребности мероитского государства в идеологической опоре (в связи с этим значимы были не только харак-

терные и для Египта топосы богосыновства царя и претворения им *маат*, но и построение особой системы его родства с ведущими богами пантеона) и, с другой, из специфики процессов культурного синкретизма в Нубии. Существенную роль в этом процессе, по мнению исследовательницы, играло присутствие в Нубии египетского населения, по крайней мере, с эпохи Среднего царства. Значительное внимание Кормышева уделила ритуалам царской власти в Нубии (прежде всего интронизации), ее инсигниям, политической роли женщин, принадлежавших к царскому дому.

Политической историей Напаты и Мероэ преимущественно в опоре на комментирование царских текстов Джебель-Баркала и Кавы), а также сопряженными с нею проблемами политических институтов, ритуалов царской власти, престолонаследия и системы родства в древней Нубии занимается А.К. Виноградов. Особое внимание он уделяет заимствованиям напатско-мероитской идеологией отдельных терминов и ритуалов из египетской традиции. В целом он пришел к выводу о том, что общество и политический строй Нубии в I тыс. до н.э. постепенно, в том числе в опоре на египетскую традицию, изживали архаические пережитки и эволюционировали в направлении модели «древневосточной деспотии» [Виноградов, 1980; 1989; 2002 и др.].

Некоторое значение имеют обобщения литературы и источников по истории Нубии III–II тыс. до н.э., подготовленные Г.А. Беловой [Белова, 1988 и др.].

Взаимодействие древнеегипетской и античной культур. Египет эллинистического и римского времени. В самом начале настоящего раздела уже говорилось о том, что сведения античных авторов формировали представления европейских ученых о древнем Египте вплоть до открытия Ж.-Ф. Шампольона, а само оно стало возможным благодаря трехязычному Розеттскому декрету, относящемуся к эллинистическому времени (начало II в. до н.э.) и потому содержащему греческий текст. Введение в научный оборот массива иероглифических текстов не понизило значения античных источников для египтологов: напротив, к началу XX в. наступило осознание их специфики, связанной с тем, что их авторы хотя и воспринимали египетскую культуру с определенными искажениями, но тем не менее имели, по сравнению с современными исследователями, преимущество прямого контакта с ней. В то же время постепенно выявилась специфика языка иероглифических

надписей греко-римского времени (высокая вариативность их написания и ряд «неправильностей», по сравнению с классическим среднеегипетским языком). В середине XX в. наметился постепенный отход западных исследователей от повышенного интереса к социально-экономической истории птолемеевского Египта, изучавшейся на материале греческих папирусов; их поворот к культурной (прежде всего религиозно-идеологической) проблематике закономерно привел и к более полному учету материалов египетских источников этого времени.

Говоря об изучении *древнеегипетского языка греко-римского времени* мы выведем за рамки нашего рассмотрения демотику и будем иметь ввиду так называемый поздний среднеегипетский язык, на котором вплоть до первых веков н.э. составлялись официальные и религиозные тексты. При этом следует учесть, что он был сугубо письменным языком еще со II тыс. до н.э., когда в разговорной речи его вытеснил новоегипетский; в I тыс. до н.э. произошло уже замещение этого последнего демотическим языком, а на рубеже н.э. (хотя мы не можем судить об этом с полной достоверностью по текстам) должно было начаться формирование черт коптского языка, ставшего письменным в поздней античности. Поздний среднеегипетский язык, по удачному выражению немецкого исследователя Э. Винтера, играл в этих условиях роль, сопоставимую с ролью латыни в европейском средневековье и в раннее новое время. Искусственная консервация этого языка для определенной категории текстов привела уже в середине I тыс. до н.э. к огромному числу отступлений от литературного стандарта II тыс. до н.э.: тем не менее полного размывания этого стандарта не происходило, по-видимому, до тех пор, пока он поддерживался царской канцелярией (т.е. вплоть до конца XXX династии). После македонского завоевания Египта роль основного государственного языка стал выполнять греческий; поддержание же традиции позднего среднеегипетского языка перешла от государства к жречеству местных египетских храмов. В этих условиях произошел распад единого стандарта иероглифических написаний на множество местных традиций с большой вариативностью даже внутри каждой из них.

Большой массив надписей греко-римского времени оказался в распоряжении исследователей уже к концу XIX в. (причем тогда, еще со времени Шампольона, они рассматривались в одном по-

токе с более ранними текстами). В начале XX в. появляются два важных сводных издания — надписей греко-римского времени в собрании Каирского музея ([Bey Kamal, 1905] — иероглифическая транскрипция и фотографии) и царских и частных биографических надписей с македонского завоевания вплоть до первых десятилетий II в. до н.э. ([Sethe, 1904—1916] — иероглифическая транскрипция, дополненная при необходимости греческим текстом и демотической транслитерацией). В эти издания вошли важнейшие царские надписи первых веков греко-римского владычества в Египте («Стела сатрапа» 311 г. до н.э., Пифомская стела Птолемея II Филадельфа, Канопский декрет Птолемея III Эвергета, Розеттский декрет и др.). Сравнительно немногие из них изучались в дальнейшем монографически: в этой связи можно назвать работы по «декрету Рафии» [Gauthier, Sottas, 1925; Thissen, 1966], по Канопскому декрету [Spiegelberg, 1922; Pfeiffer, 2004] и по «Стеле голода» с острова Сехель [Barguet, 1953]. Большинство этих текстов находилось на памятниках, переместившихся с мест их находок в музейные собрания (прежде всего стелах). Несравненно более масштабным предприятием стало изучение храмовых надписей греко-римского времени, растянувшееся на десятилетия, — прежде всего издания надписей храмов в Эдфу [Marquis de Rochemontoux, Chassinat, 1897—1934] и в Дендара [Chassinat, 1934—1947; Chassinat, Daumas, 1965—1978; Daumas, 1987; Cauville, 1997].

Именно материалы этих храмовых текстов стали основой для филологических исследований языка греко-римского времени. Первым их опытом в начале XX в. стала «Грамматика текстов Дендара» Х. Юнкера [Junker, 1906]. Повторного возвращения к грамматическим исследованиям на материале только текстов греко-римского времени так и не произошло: сравнительно недавние работы К. Янсен-Винкельна по позднему среднеегипетскому языку (которые применимы и в связи изучением этих текстов) основаны на надписях III переходного периода [Jansen-Winkel, 1994; 1996]. Преимущественное внимание при изучении этого этапа развития древнеегипетского языка уделялось не грамматике, а иероглифическим написаниям и в меньшей мере лексикографии. В связи с этим стоит упомянуть небольшую, но очень удобную сводку написаний, характерных для египетского Позднего времени (и восходящих еще к Новому царству), составленную О. Пердю в связи с так называемой Неаполитанской стелой (биографической

надписью Сематауитефнахта из Гераклеополя примерно 320-х гг. до н.э. [Perdu, 1985]). На материале текстов Эдфу Х. Фэрман провел классификацию принципов трансформации значений иероглифических знаков в греко-римское время [Fairman, 1945]; как ни странно, эта работа, уложившаяся в ограниченные объемы статьи в научном журнале, не была повторена при составлении международным коллективом, работавшим на базе университета Монпелье (Франция) в 1970–1980-е гг., обширного индекса иероглифических знаков греко-римского времени [Valeurs phonétiques, 1988–1990]. Наконец, важнейшими лексикографическими исследованиями стали сравнительное исследование фразеологии Канопского и Розеттского декретов Ф. Дома [Daumas, 1952] и «Птолемеяевский лексикон», составленный П. Уилсон опять же на базе текстов Эдфу [Wilson, 1997]. Следует заметить, что специализация по греко-римскому времени является важным направлением деятельности многих европейских университетов (Трир, Кёльн и, до недавнего времени, Гамбург в Германии, Страсбург и Монпелье во Франции и др.); однако до сих пор ждет своего решения задача создания компактного руководства, которое совмещало бы в себе как грамматическое описание, так и введение в письменность языка этого периода, не отрывая его при этом от языка иероглифических текстов последних собственно египетских династий I тыс. до н.э.

Изучение религии и идеологии Египта греко-римского времени — это, на сегодняшний день, обширная и специфическая отрасль египтологии, которую нам удастся охарактеризовать лишь схематично. Развитие ее в очень значительной мере было привязано к изучению птолемеяевских храмовых комплексов — исключая Карнак и Луксор, самых обширных из сохранившихся в Египте. Так, целый «пучок» исследований оказался связан с храмом бога Хора в Эдфу: еще в 1930–1940-е гг. Х. Фэрман и А.Х. Гардинер исследовали текст мифа о Хоре Бехдетском, Крылатом Солнце, и ритуала, связанного с ним и призванного обеспечивать защиту Египта от врагов [Fairman, 1935; Gardiner, 1944–1945]; М. Аллио провел комплексное исследование культовых представлений, связанных с чтившимся в Эдфу образом Хора [Alliot, 1949–1954]; С. Ковиль исследовала аналогичным образом культ в Эдфу повсеместно популярного в позднем Египте Осириса и дала общий очерк культов этого храмового центра [Cauville, 1983; 1987]; на-

конец, были исследованы этапы сооружения этого комплекса при Птолемах и отдельные компоненты его оформления [Kurth, 1983; Cauville, Devauchelle, 1984]. Изучение построек, связанных с культом Осириса, проводилось С. Ковиль в Дендара в рамках публикации материалов этого комплекса; тексты храмового комплекса птолемеевского и римского времени в Ком-Омбо, посвященного Харуру и Собеку и исследованного еще в конце XIX в. [Morgan et al., 1895—1909], анализировались с точки зрения их религиозного содержания А. Гутбубом [Gutbub, 1973]. В качестве примера исследования конкретного образа божества на материале греко-римских текстов можно привести монографию египетской исследовательницы Ш. Бедие, посвященную богу Гебу [Bedier, 1995]; сходная работа по культу Тота, а также исследование роли популярных местных культов в частной жизни египтян греко-римского времени принадлежат М.-Т. Дершен-Уртель [Derchain-Urtel, 1981; 1989]. Особое значение в египтологическом религиоведении имеет исследование поздних фиванских культов, важным центром которых, помимо Карнака и Луксора, становится Мединет-Абу и которые были тесно связаны с космогоническими представлениями. Связанные с этим сюжетом материалы храмовых надписей были уже давно суммированы К. Зете [Sethe, 1929]; позднее к этой работе добавилось исследование ряда демотических текстов, проведенное Х.-Й. Тиссенном [Thissen, 1989]; религиозные тексты из карнакского храма богини Опет были собраны К. де Вит [Wit, 1958—1968]. Космогонические представления египтян (в частности, относящиеся к появлению в Египте на заре его существования собственно храмовых центров) рассматриваются в исследовании Ж.-Кл. Гойона [Goyon, 1985]. Классической работой, посвященной практически всем храмам греко-римского Египта и рассматривающей их в связи с предшествующим этапом строительства IV в. до н.э. стала работа Ф. Дершена, посвященная «маммизи», или «домам рождения», — обособленным постройкам на территории храмовых комплексов, связанных с рождением младшего божества от четы местных богов: изобразительные ряды этих построек являются своеобразным развитием сюжета сакрального брака, зафиксированного применительно к царю еще в храмах Хатшепсут и Аменхотепа III в эпоху Нового царства. Небольшая работа, посвященная структуре изобразительных программ храмов греко-римского времени, была подготовлена Э. Винтером — учеником

Х. Юнкера, работавшим с ним по материалам храма на острове Филе, а позднее изучавшим храм в Эдфу и другие комплексы этого времени [Winter, 1968].

Легко заметить, что наибольшая часть охарактеризованных работ появилась во второй половине XX в., когда разработка проблем религии птолемеевского времени на египетском иероглифическом материале стала вестись особенно интенсивно. Одним из первых опытов суммирования полученных при этом данных стал симпозиум 1976 г. в Западном Берлине, результаты которого были изданы обширным сборником. Среди наиболее значительных работ, вошедших в его состав, следует назвать статью Э. Винтера о культе эллинистических царей Египта на материале местных храмов [Winter, 1978]. Ее публикация привела к пересмотру ранее устоявшегося мнения о том, что династический культ Птолемеев был актуален прежде всего для их греко-македонских, но не египетских подданных, попросту соблюдавших в отношении них традиционный стандарт «протокола» фараонов. По мнению Винтера, со времени Птолемея III Филадельфа в египетских храмах получает отражение специфический культ династии Птолемеев, представленный сценами почитания правящей царской четой своих предков. Наблюдения Э. Винтера были в дальнейшем конкретизированы работами Я. Кёгебера [Quaegebeur, 1989] и Э. Лансье [Lanciers, 1991], показавших, что правящие цари династии Птолемеев также получали прижизненные культовые почести в египетских храмах, а само внедрение в них культа этой династии не следует рассматривать как пассивное восприятие египетской средой идеологического конструкта, инспирированного чужеземной верхушкой. Еще одному аспекту вовлечения египтян в институты династического культа Птолемеев посвящено исследование М. Минас-Нерпель по просопографии жрецов «эпонимного культа» этой династии — египтян по происхождению [Minas, 1999]: эта работа показала, что вовлеченные в данную категорию официального жречества египтяне непременно проходили определенную степень эллинизации (в частности, принимая греческие имена). Кроме того, следует отметить ряд работ Л. Кёнена, связанных с рецепцией птолемеевской идеологией, адресованной греко-македонской среде, традиционных египетских мотивов [Koenen, 1983; 1993].

Еще одним важным направлением египтологических исследований, связанных с птолемеевским периодом, стало изучение протеста против греко-македонского господства в египетской среде. Важным импульсом к этому стало издание Л. Кёненом [Koenen, 1968] «Оракула горшечника» — грекоязычного текста, который воспроизводит многие топосы египетской традиции, связанные с пребыванием у власти нелегитимного царя (прежде всего такие топосы обнаруживаются в описаниях бедствий Египта в I переходный период), и изучение Дж. Джонсон похожей по своей направленности «Демотической хроники» ([Johnson, 1974; 1983]; пожалуй единственным исследователем, уделявшим ей серьезное внимание в отечественной историографии, был В.В. Струве [Струве, 1927]). Кроме того, появился целый ряд исследований, связанных с выпадением Фиваиды и юга Египта из-под власти Птолемеев в конце III — первые десятилетия II в. до н.э. (установление в этой зоне власти египетских «антицарей» Хоруннефера и Анхуннефера [Pestman, 1995]). Стоит заметить, что все эти исследования посвящены протестным настроениям в египетской среде прежде всего в начале кризиса птолемеевской государственности при Птолемеях IV и V: значительно меньшим вниманием пользуется первый симптом сильного недовольства египтян чужеземным господством — восстание начала правления Птолемея III Эвергета (ок. 245 г. до н.э.).

Подводя итог египтологическим исследованиям религии и идеологии птолемеевского времени, нужно отметить, что к концу XX — началу XXI в. они уже были учтены в двух новых обобщающих очерках [Hölbl, 1994; Huss, 2001]. Заметим, что в обеих этих работах ярко проявилась отмеченная нами тенденция современной историографии птолемеевского Египта к уходу от социально-экономической проблематики. В то же время даже работа Г. Хёльбля, поставившего перед собой задачу осмысления и синтеза новых исследований по данному периоду в большей степени, чем В. Хусс (чья обширная — до 900 страниц! — работа является во многом просто компендиумом соответствующего материала), пока не решила задачу полноценного подключения собственно египетских источников к решению традиционных общих проблем истории эллинизма.

Что касается египтологического изучения памятников и источников *римского времени*, нужно сказать, что эта проблематика

намечена в зарубежной историографии чрезвычайно слабо. Следует отметить лишь некоторые работы Г. Хёльбля, ставящие вопрос о специфике восприятия египтянами римских императоров в качестве формальных преемников фараонов (например, [Hölbl, 1996]), а также небольшой раздел в «Кембриджской истории Египта», написанный Р. Ритнером [Ritner, 1998], научные интересы которого связаны прежде всего с египетскими магическими практиками. В известной мере больший прогресс в объяснении причин упадка в римское время традиционной египетской культуры достигнут в работах А.Б. Ковельмана, продемонстрировавшего значение насаждения римлянами в Египте эллинизирующих квазиполисных структур [Ковельман, 1988].

Проблема античной интерпретации египетских культурно-религиозных реалий (*interpretatio Graeca et Romana*).* Процесс восприятия и, отчасти, адаптации достижений египетской культуры людьми античности начался с самых ранних этапов соприкосновения этих двух цивилизаций (по существу, со времени появления на территории Дельты в VII в. до н.э. первых греческих поселений [Mallet, 1893; 1922; Zucker, 1950; Iversen, 1994]). Одним из аспектов этой проблемы можно считать процесс распространения и заимствования египетских культов в греко-римском мире, который начался позже, чем собственно «истолкование». Уже в сочинениях греческих логографов (авторов комплексных «страноведческих» трудов VI–V вв. до н.э. — Гекатея Милетского, Гелланика Лесбосского и др.) была зафиксирована традиция отождествления египетских богов с греческими, а у Геродота этот синкретизм их образов уже представляет собой достаточно стройную систему, причем получившую обоснование в тезисе о заимствовании греками египетских культов (II. 52); именно его труд можно считать первым доступным нам целостным источником, отразившим явление *interpretatio Graeca*. Дальнейшее его развитие приходится на период эллинизма; расцвет же этого феномена (и его переход в фазу *interpretatio Graeca et Romana*) следует отнести к эпохе Римской империи. Прежде всего это связано с распространением по всему Средиземноморью (с конца III — начала II вв. до н.э.), а затем по Империи так называемых культов «круга Исиды» (Сараписа, Харпократа, Аписа, Анубиса и Германубиса, Хора, Гидрейоса, Нила,

* Данный раздел написан О.А. Васильевой.

Осириса, Бубастис, Нефтиды). В современной западной историографии проблему изучения рецепции этих египетских культов теперь, как правило, называют «исическими исследованиями»; занятых в этой сфере ученых, ввиду междисциплинарного характера исследований, находящихся на стыке между антиковедением, египтологией, историей религии и археологией, не так уже много, хотя суммарная библиография их работ на сегодняшний день достаточно велика [Clerc, Leclant, 1972–1991; Leclant, 2000].

Рецепция египетских (исических) культов в античном мире (в том числе в Римской империи). Долгое время базовыми исследованиями по распространению исических культов в греко-римском мире считались несколько монографических исследований, появившихся в последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в. Первыми работами, посвященными исическим исследованиям, были труды Ж. Лафе «История культа александрийских божеств за пределами Египта» [Lafaye, 1884] и В. Дрекслера [Drexler, 1889; 1890–1894] о культах Сараписа и Исиды за пределами Египта. С начала XX в. распространение исических культов в Римской империи начинает рассматриваться в общем контексте ее религиозной эволюции и, в частности, охотного заимствования ее жителями с Востока религиозных систем с развитыми этическими компонентами (помимо исических культов, также митраизма и, в конечном счете, христианства). В связи с этим следует отметить труды французских исследователей Ж. Тутена [Toutain, 1911] и особенно Ф. Кюмона [Cumont, 1929]. В 1920-е гг. Т. Хопфнер издал едва ли не исчерпывающую подборку сведений греко-римских источников по египетской религии, однако эта работа, несмотря на всю свою важность, не привлекла особого интереса [Hopfner, 1922–1925]. После выхода в свет исследований Ф. фон Биссинга [Bissing, 1936] и А. Альфельди [Alföldi, 1937] в изучении античной рецепции египетских культов наступает длительный период стагнации.

Перелом в историографии этой проблемы наступает в 50-е гг. XX в., когда, в связи с обилием археологических раскопок, принесших массу новой информации, происходит пересмотр всего комплекса источников (см.: [Quaegebeur, 1983]). С 1952 г. в журнале «Orientalia» открывается отдел хроники с публикацией находок «египтизирующих» памятников по всему Восточному Средиземноморью. Продолжается рассмотрение рецепции в античном мире

исических культов в тесной связи с распространением других восточных религий; при этом особое внимание уделяется ходу этого процесса на территории Римской империи и ее провинций [Leclant, 1966–1968; Turcan, 1989], а национальные научные службы большинства европейских стран, находившихся в зоне романизации, считают важным оказывать таким исследованиям поддержку. В 1961 г. по инициативе бельгийского исследователя М. Вермасерена была создана серия научных монографий «*Études Préliminaires aux Religions Orientales dans l'Empire Romain*» (ÉPRO; с 1964 г. и по настоящее время эту серию возглавляет Жан Леклан); именно в этой серии вышло, пожалуй, наибольшее число исследований, посвященных памятникам исических культов на территории современных европейских государств. Первой из этих работ стала монография В. Вессецки, посвященная египетским культам в Венгрии [Wessetzky, 1961]. В 1960–1990-е гг. в рамках этой серии и в научной периодике публикуется целый ряд исследований. В период 1960–1990-х гг. были опубликованы многочисленные монографии и статьи по египетским культам в римских провинциях на территории современных Англии [Harris, 1965; Griffiths, 1964], Франции [Leclant, 1974; 1992], Германии [Grimm, 1969], Сицилии [Sfamenti Gasparro, 1973], Югославии [Salem, 1980], Бельгии [Malaise, 1984], Испании [Garcia y Bellido, 1967], Италии [Squarciapino, 1962; Tran Tam Tinh, 1971; 1972; Malaise, 1972], Греции [Pandermalis, 1982]. В 1969 г. Л. Видман издал очень важный корпус надписей, относящихся к культу Исиды и Сараписа ([Vidman, 1969] — сокращенно SIRIS); ему же принадлежит монография «Исида и Сарапис в греко-римском мире» [Vidman, 1970]. Особого внимания заслуживают работы французской исследовательницы Ф. Дюнан, среди ее монографий следует выделить трехтомник, посвященный культу Исиды в Восточном Средиземноморье, в Греции и в Малой Азии [Dunand, 1973]. В 1970–1990-е гг. выходит ряд работ, где подробно анализируются египетские памятники и культы Италии [Rouillet, 1972; Malaise, 1972; Lembke, 1994]; наконец, вполне понятное внимание привлекает один из самых важных и ранних «очагов» «эллинизации» египетской религии — Александрия (в этой связи необходимо назвать в первую очередь фундаментальное трехтомное исследование П. Фрэзера, ценность которого лишь в некоторых случаях подрывается тем, что его автор не в состоянии вполне самостоятельно работать с

египетским иероглифическим материалом [Fraser, 1972]). По настоящее время ведется публикация археологического материала раскопок, прежде всего многочисленных святилищ Исиды (например, [Golvin, 1994]); однако при множестве публикаций памятников такого рода труды, обобщающие их материал, появляются не так уж часто (ряд монографий по локальным культам Исиды представляют собой либо предварительные публикации археологических находок, либо исследования, примыкающие к подробно-му каталогу [Tran Tam Tinh, 1964; 1972; 1973]).

В 1980-е — начале 1990-х гг. появились новые обобщающие работы, посвященные Исиде, Осирису, Сарапису и другим связанным с ними божествам (среди них надо отметить в особенности фундаментальное исследование Р. Меркельбаха [Merkelbach, 1995]), в том числе статьи в одном из томов серии «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt» (статьи Ж. Леклана, М. Малеза, В. Тран Там Тина и др.) [Aufstieg und Niedergang, 1995] и в энциклопедиях (например, статьи тех же авторов в специализированном издании «Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae» — LIMC [Lexicon, 1990–1998]). Кроме того, в послевоенной историографии есть некоторые работы, характеризующие представления людей античности о божествах круга Исиды и Осириса вне жесткой привязки к конкретным памятникам (например, статьи, посвященные общей характеристике этих культов в римское время, в том числе собственно в Египте [Wessetzky, 1976; Parlasca, 1973; Kákošy, 1989]; очерк В. Хелька об интерпретации образа Осириса в античных текстах [Helck, 1962a]). Искращения мифологических сюжетов, связанные с интерпретацией образа Осириса в текстах античных авторов, еще в 1923 г. рассмотрел в статье «Смерть и воскрешение Осириса» Х. Гресман [Gresmann, 1923]; в этой же связи ценные наблюдения сделаны в статье З. Моренца об изображениях Осириса на погребальных пеленах греко-римской эпохи [Morenz, 1957].

Interpretatio Graeca et Romana в письменных источниках. Изучение письменных источников всегда было важнейшей частью «исических исследований». Главная проблема заключалась в достижении оптимального равновесия в привлечении античных и египетских материалов, что, естественно, соблюдалось не всегда, так как лишь немногие специалисты в равной степени хорошо ориентируются и в греко-римской, и в древнеегипетской традиции.

Это подтверждает пример Т. Хопфнера, знатока греческих магических папирусов. В начале 1940-х гг. в оккупированной немцами Праге им было опубликовано комментированное издание трактата Плутарха «Об Исиде и Осирисе» [Hopfner, 1940–1941]; при его подготовке Хопфнер собрал большой источниковедческий материал и откомментировал практически каждый сюжет мифа, однако он не знал египетского языка и в трактовке собственно египетских реалий был вынужден опираться на переводы.

Во второй половине XX в. исследователи вновь обратились к античным текстам, уже вооруженные новыми находками, обогащенные конкретными знаниями об «атмосфере», в которых создавались известные произведения Плутарха, Апулея и других авторов, введших в свои произведения египетские и «египтизирующие» сюжеты. В науку впервые вошли исследователи, действительно равно легко читавшие и древнегреческие и латинские, и подлинные древнеегипетские тексты. К их числу относятся специалисты своеобразной школы университета Суонси (Swansea; Уэльс, Великобритания) — ее зачинатель Дж. Гв. Гриффитс (энтузиаст не только исследования древней религии, но и воссоздания современной валлийской культуры) и его ученики А. Б. Ллойд (в настоящее время возглавляет в Суонси изучение древности) и А. Бертон. Именно им принадлежат фундаментальные в современной науке исследования четырех главных письменных источников исических исследований — комментированные издания «египетского логоса» (II книги «Истории») Геродота [Lloyd, 1975–1991]; см. ранее [Wiedemann, 1890; Sourdille, 1910; Spiegelberg, 1927], первой книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского [Burton, 1972; Chamoux, 1995], трактата Плутарха «Об Исиде и Осирисе» [Griffiths, 1970] и 11-й книги «Метаморфоз» Апулея [Griffiths, 1975; ср.: Wittmann, 1938]. Издание Гриффитсом «Об Исиде и Осирисе» Плутарха подвело итог изучения этого превосходного античного источника и по сей день остается образцовой монографией по связанному с ним кругу проблем: привлечение в этом исследовании как египетских, так и античных источников обеспечило комплексное исчерпывающее рассмотрение всех особенностей сочинения Плутарха и позволило вписать их в контекст того времени, когда античная рецепция египетских религиозных реалий в условиях единого мира римского Средиземноморья находилась на самом взлете. Подробно разбирает Гриффитс и про-

блему источников Плутарха — весьма важный вопрос, основные аспекты которого были ранее разработаны исследователем в специальном докладе [Griffiths, 1962]. Диссертация французского ученого Ж. Ани «Египетская религия в мысли Плутарха» [Hani, 1976] в отличие от вышеназванных работ не сопровождалась переводом исследуемого им текста. Выводы этого исследования в целом близки тем, что сделал Гриффитс, хотя Ж. Ани склонен преувеличивать близость многих сведений Плутарха к египетской традиции. В 1988 г. вышел новый перевод трактата Плутарха Шарля Фруадфона [Froidefont, 1988; ср.: Froidefont, 1970], однако, по сути, после работы Гриффитса в интерпретацию данного источника не было внесено ничего принципиально нового.

Значительно более скромно, нежели проблема *interpretatio Graeca et Romana*, освещено в научной литературе *отражение египетских реалий в греческих и латинских источниках христианского времени*. По этой проблеме существуют несколько монографических работ, некоторые из них, опубликованные еще в начале XX в., весьма устарели с точки зрения представленного в них египтологического материала (например, [Deiber, 1904]). Ф. Циммерман — один из немногих авторов, специально обращавшихся к теме интерпретации египетских культов не только античными, но и христианскими авторами [Zimmermann, 1912]. В рамках проблемы *interpretatio Christiana* надо отметить работы, посвященные анализу египетских реалий, возможных параллелей и даже заимствований из египетской традиции на материале сочинений «отцов церкви» [Drioton, 1947; Oepke, 1956; Witt, 1966; Griffiths, 1984], а также исследованию египетских элементов в христианской культуре и в образах отдельных святых [Lanczkowsky, 1956; 1956a; Piankoff, 1946–1947; Griffiths, 1996]. Плодотворно разрабатывается тема интерпретации египетской религии в поздних текстах неоплатоников, герметистов [Festugière, 1986] и гностиков, а также различные аспекты «египетского наследия» в поздней античности, у коптов и вплоть до раннего средневековья (здесь стоит в особенности отметить работы венгерского ученого Л. Какоши [Kákošy, 1981; 1984; 1989a]).

В *отечественной историографии* до сегодняшнего дня отсутствуют обобщающие труды по теме *interpretatio Graeca et Romana*, а обращения к проблеме и к отражению древнеегипетских реалий в христианских источниках были единичны. Среди таковых важно

отметить серию статей В.Г. Боруховича [Борухович, 1971; 1972 и др.] и ряд статей и разделов в монографиях М.А. Коростовцева [Коростовцев, 1964; 1976: 280–284; 2001: 164–206]. Вопросы египетского влияния в искусстве, в том числе в иконографической традиции, поздней античности и христианстве (на основе иконографии) затрагивались в работах А.С. Стрелкова [Стрелков, 1936] и Е.Н. Максимова [Максимов, 1975]. С начала XX в. отечественные исследователи занимались публикацией древнеегипетских находок на территории Северного Причерноморья [Тоугаев, 1911; Пиотровский, 1958; Алексеева, 1972]; наиболее заметный вклад в это направление исследований внесла М.М. Кобылина [Кобылина, 1978].

Библиография

[Алексеева, 1972] — *Алексеева Е.М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. — IV в. н.э. в Северном Причерноморье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1972. Вып. 130.

[Белова, 1988] — *Белова Г.А.* Египтяне в Нубии. М., 1988.

[Берзина, 1977] — *Берзина С.Я.* «Эфиопика» Гелиодора как источник по истории Мероэ // Мероэ. М., 1977. Вып. 1.

[Берзина, 1981] — *Берзина С.Я.* Поздний период Мероэ: Вопросы хронологии и истории // Мероэ. М., 1981. Вып. 2.

[Берзина, 1985] — *Берзина С.Я.* Мероэ VII–V вв. в эфиопском логосе Геродота // Мероэ. М., 1985. Вып. 3.

[Берзина, 1992] — *Берзина С.Я.* Мероэ и окружающий мир I–VIII вв. н.э. М., 1992.

[Берлев, 1999] — *Берлев О.Д.* Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999.

[Большаков, 2000] — *Большаков А.О.* Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя» // ВДИ. 2000. № 2.

[Борухович, 1971] — *Борухович В.Г.* Эллада и Египет: Взаимодействие двух культур // Норция: Проблемы истории классических обществ европейского Средиземноморья. Воронеж, 1971. Вып. 1.

[Борухович, 1972] — *Борухович В.Г.* Историческая концепция египетского логоса Геродота // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1.

[Брэстед, 1915] — *Брэстед Д.Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915. Т. 1–2.

[Васильев, 2000] — *Васильев А.С.* Этногенез племенного мира Южной Палестины во второй половине II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

[Виноградов, 1980] — *Виноградов А.К.* О механизме престолонаследия в Куше (опыт постановки проблемы) // Мероэ. М., 1980. Вып. 2.

[Виноградов, 1985] — *Виноградов А.К.* Древнеегипетский фразеологизм «девять луков» // Мероэ. М., 1985. Вып. 3.

[Виноградов, 1989] — *Виноградов А.К.* О предполагаемом соправлении Аманнетеиреке и Талахамани // Мероэ. М., 1989. Вып. 4.

[Виноградов, 2002] — *Виноградов А.К.* Возвышение царя Танутамона: к толкованию пролога Стелы сна // ВДИ. 2002. № 4.

[Гиндин, Цымбурский, 1996] — *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

[Головина, 1999] — *Головина В.А.* Три десятилетия деятельности Австрийской археологической экспедиции в Телль эль-Даба (восточная часть Дельты Нила): новая книга М. Битака // ВДИ. 1999. № 3.

[Завадовский, 1967] — *Завадовский Ю.Н.* Лингвистические и культурные влияния народов Внутренней Африки на древний Египет // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.

[Завадовский, Кацнельсон, 1981] — *Завадовский Ю.Н., Кацнельсон И.С.* Мeroитский язык. М., 1981.

[История древнего Востока, 1988] — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия, Египет. М., 1988.

[Кацнельсон, 1948] — *Кацнельсон И.С.* Проблемы исторического развития древнейшей Нубии // ВДИ. 1948. № 2.

[Кацнельсон, 1962] — *Кацнельсон И.С.* Античные писатели о Куше // Палестинский сб. М.; Л., 1962. Вып. 7 (70).

[Кацнельсон, 1964] — *Кацнельсон И.С.* Рабовладение в Куше // ВДИ. 1964. № 2.

[Кацнельсон, 1966] — *Кацнельсон И.С.* Кандака и пережитки материнства в Куше // Палестинский сб. М.; Л., 1966. Вып. 15 (78).

[Кацнельсон, 1970] — *Кацнельсон И.С.* Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970.

[Кобылина, 1978] — *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.

[Ковельман, 1988] — *Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид: Массовое сознание римского Египта. М., 1988.

[Кормышева, 1984] — *Кормышева Э.Е.* Религия Куша. М., 1984.

[Кормышева, 2000] — *Кормышева Э.Е.* Мир богов Мероэ. М.; СПб., 2000.

[Коростовцев, 1964] — *Коростовцев М.А.* Египетское происхождение романа об Александре // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М., 1964. Вып. 65.

[Коростовцев, 1976] — *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976.

[Коростовцев, 2001] — *Коростовцев М.А.* Писцы древнего Египта. СПб., 2001 (переиздание монографии 1962 г.).

[Ладынин, Немировский, 2001] — *Ладынин И.А., Немировский А.А.* [Рец.] // ВДИ. 2001. № 2. Рец. на кн.: Beckerath J. von. Chronologie der pharaonischen Ägypten. München; Berlin, 1998.

[Максимов, 1975] — *Максимов Е.Н.* Образ Христофора Кинокефала. Опыт сравнительно-мифологического исследования // Древний Восток. М., 1975. Вып. 1.

[Мерперт, 2003] — *Мерперт Н.Я.* Первая отечественная археологическая экспедиция в Египет // ВДИ. 2003. № 3.

[Милитарев, 1984] — *Милитарев А.Ю.* Язык мероитской эпиграфики как исторический источник в свете его генезиса // ВДИ. 1984. № 2.

[Немировский, 2001] — *Немировский А.А.* Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001.

[Немировский, 2001a] — *Немировский А.А.* К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи. Казань, 2001.

[Нибби, 1991] — *Нибби А.* Дельта Нила и ее значение для понимания древнеегипетской истории // ВДИ. 1991. № 3.

[Пиотровский, 1958] — *Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // Советская археология. 1958. № 1.

[Пиотровский, 1983] — *Пиотровский Б.Б.* Вади-Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983.

[Сафронов, 2005] — *Сафронов А.В.* Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII — начале XII вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

[Стрелков, 1936] — *Стрелков А.С.* Фаюмский портрет. Исследование и описание памятников. М.; Л., 1936.

[Струве, 1927] — *Струве В.В.* У истоков романа об Александре // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1.

[Adams, 1977] — *Adams W.Y.* Nubia. Corridor to Africa. L., 1977.

[Adams, 1984] — *Adams W.Y.* The First Colonial Empire: Egypt in Nubia 3200–1200 B.C. // Comparative Studies in Society and History. 1984. V. 26.

[Adams, 1995] — *Adams B.* Ancient Nekhen. Garstang in the City of Hierakonpolis. New Malden, 1995.

[Aldred, 1959] — *Aldred C.* The Beginning of the El-'Amarna Period // JEA. 1959. V. 45.

[Aldred, 1963] — *Aldred C.* The Parentage of King Siptah // JEA. 1963. V. 49.

[Alföldi, 1937] — *Alföldi A.* A Festival of Isis in Rome under the Christian Emperors of the IV-th century. Leipzig, 1937.

[Alliot, 1949–1954] — *Alliot M.* Le culte d'Horus à Edfou au temps des Ptolémées. T. 1. Le Caire, 1949. T. 2. Le Caire, 1954.

[Alt, 1954] — *Alt A.* Die Herkunft der Hyksos in neuer Sicht. Berlin, 1954.

[Altenmüller, 1970] — *Altenmüller H.* Die Stellung der Königmutter Chentkaus beim Übergang von 4. zur 5. Dynastie // CdÉ. 1970. T. 45.

[Altenmüller, 1982] — *Altenmüller H.* Tausret und Sethnacht // JEA. 1982. V. 68.

[Amenhotep III, 1997] — *Amenhotep III: Perspectives on His Reign.* Ann Arbor, 1997.

[Assmann, 1997] — *Assmann J.* Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge (Mass.); L., 1993.

[Auffret, 1982] — *Auffret P.* Note sur la structure littéraire du Psalme 104 et ses incidences pour une comparaison avec l'hymne à Aton et Genèse 1 // *Revue des Sciences Religieuses*. 1982. T. 56.

[Aufstieg und Niedergang, 1995] — *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. II. 17.1. Religion. Heidentum. Römische Götterkulte, Orientalische Kult in der römischen Welt / Hrsg. W. Haase. Berlin; N. Y., 1995.

[Barguet, 1953] — *Barguet P.* La Stèle de la Famine a Séhel. Le Caire, 1953.

[Baumgartel, 1947] — *Baumgartel E.* The Cultures of Prehistoric Egypt. L., 1947 (с переизданием).

[Beckerath, 1962] — *Beckerath J. von.* Queen Twosre as Guardian of Siptah // *JEA*. 1962. V. 48.

[Beckerath, 1965] — *Beckerath J. von.* Untersuchungen zur politischen Geschichte der zweiten Zwischenzeit in Ägypten. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1965.

[Beckerath, 1966] — *Beckerath J. von.* Die Dinastie der Herakleopoliten // *ZÄS*. 1966. Bd. 93.

[Beckerath, 1994] — *Beckerath J. von.* Chronologie der ägyptischen Neuen Reiches. Hildesheim, 1994.

[Beckerath, 1995] — *Beckerath J. von.* Beiträge zur Geschichte der Libyerzeit // *GM*. 1995. H. 144, 147.

[Beckerath, 1997] — *Beckerath J. von.* Chronologie der pharaonischen Ägypten. München; Berlin, 1997.

[Bedier, 1995] — *Bedier Sh.* Die Rolle des Gottes Geb in den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit. Hildesheim, 1995.

[Bender, 1981] — *Bender L.M.* New Light on the Meroitic Problem // *Meroitic Newsletter*. 1981. 21.

[Bernhardt, 1969] — *Bernhardt K.-H.* Amenophis IV und Psalm 104 // *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*. 1969. Bd. 15.

[Bey Kamal, 1905] — *Bey Kamal A.* Stèles ptolémaïques et romaines. Le Caire; Leipzig, 1905. T. 1–2. (The Cairo Museum: Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos. 23001–23246).

[Bierbrier, 1975] — *Bierbrier M.L.* The Late New Kingdom in Egypt (C. 1300–664 B. C.): A Genealogical and Chronological Investigation. Warminster, 1975.

[Bietak, 1979] — *Bietak M.* Avaris and Piramesse: Archaeological Exploration in the Eastern Nile Delta // *Proceedings of the British Academy*. 1979. V. 65.

[Bietak, 1984] — *Bietak M.* Problems of Middle Bronze Age Chronology: New Evidence from Egypt // *American J. of Archaeology*. 1984. V. 88.

[Bietak, 1987] — *Bietak M.* Comments on the «Exodus» // *Egypt, Israel, Sinai. Archaeological and Historical Relationships in the Biblical Period*. Tel Aviv, 1987.

[Bietak, 1992] — *Bietak M.* Die Chronologie Ägyptens und der Beginn der Mittleren Bronzezeit-Kultur // *Ägypten und Levante*. 1992. Bd. 3.

[Bietak, 1995] — *Bietak M.* Connections Between Egypt and the Minoan World: New Results from Tell el-Daba/Avaris // *Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millennium B. C.* L., 1995.

[Bietak, 1996] — *Bietak M.* Avaris, the Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell el-Daba. L., 1996.

[Bietak, Marinatos, 1995] — *Bietak M., Marinatos N.* The Minoan Wall Paintings from Avaris // *Ägypten und Levante*. 1995. Bd. 5.

[Bissing, 1936] — *Bissing F. von.* Ägyptische Kultbilder der Ptolemaier- und Römerzeit // *Der Alte Orient*. 1936. Bd. 34, H. 1/2.

[Blackman, 1911] — *Blackman A.M.* The Temple of Dendûr. Le Caire, 1911.

[Blackman, 1913] — *Blackman A.M.* The Temple of Derr. Le Caire, 1913.

[Blackman, 1915] — *Blackman A.M.* The Temple of Bîgeh. Le Caire, 1915.

[Bonnet, 2000] — *Bonnet Ch.* Edifices et rites funéraires à Kerma. P., 2000.

[Borchardt, 1938] — *Borchardt L.* *hnt-k3w.s*, die Stammutter der 5ten Dynastie // *ASAÉ*. 1938. T. 38.

[Bourriau, 1991] — *Bourriau J.* Relations between Egypt and Kerma during the Middle and New Kingdoms // *Egypt and Africa. Nubia from the Prehistory to Islam*. L., 1991.

[Breasted, 1902–1903] — *Breasted J.H.* A City of Ikhenaton in Nubia // *ZÄS*. 1902–1903. Bd. 40.

[Breasted, 1906–1907] — *Ancient Records of Egypt: Historical Documents From the Earliest Times to the Persian Conquest / Collected, ed., and transl. with comment. by J.H. Breasted*. Chicago, 1906–1907. V. 1–5 (с переизданиями).

[Bresciani, 1958] — *Bresciani E.* La satrapia d'Egitto // *Studi classici e orientali*. 1958. V. 7.

[Brunner, 1937] — *Brunner H.* Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut mit Übersetzung und Erläuterungen. Glückstadt, 1937.

[Budge, 1912] — *Budge E.A.W.* Annals of Nubian Kings: With a Sketch of the History of the Nubian Kingdom of Napata. L., 1912.

[Burstein, 1981] — *Burstein S.M.* Axum and the Fall of Meroe // JARCE. 1981. V. 18.

[Burstein, 1984] — *Burstein S.M.* The Axumite Inscription from Meroe and late Meroitic Chronology // Meroitistische Forschungen 1980. Akten der 4. Internationalen Tagung für meroitistische Forschungen vom 24. bis 29. November, 1980 in Berlin. Berlin, 1984.

[Burstein, 1995] — *Burstein St. M.* Graeco-Africana. Studies in the History of Greek Relations with Egypt and Nubia. New Rochelle; N. Y., 1995.

[Burton, 1972] — *Burton A.* Diodorus Siculus. Book I. A Commentary. Leiden, 1972.**

[Callender, 2004] — *Callender V.G.* Queen Tausret and the End of Dynasty 19 // SAK. 2004. Bd. 32.

[Cambridge Ancient History 1962–1988] — The Cambridge Ancient History. 2nd revised ed. Cambridge, 1962–1988. V. 1–3. (repr. 1989–1995).

[Caminos, 1964] — *Caminos R.A.* Surveying Semna Gharbi // Kush. 1964. V. 12.

[Caminos, 1965] — *Caminos R.A.* Surveying Kumma // Kush. 1965. V. 13.

[Caminos, 1968] — *Caminos R.A.* The Shrines and Rock-Inscriptions of Ibrim. L., 1968.

[Caminos, 1974] — *Caminos R.A.* The New Kingdom Temples of Buhen. L., 1974. V. 1–2.

[Campbell, 1964] — *Campbell E.F.* The Chronology of the Amarna Letters With Special Reference to the Hypothetical Coregency of Amenophis III and Akhenaten. Baltimore, 1964.

[Cauville, 1983] — *Cauville S.* La théologie d'Osiris à Edfou. Le Caire, 1983.

[Cauville, 1987] — *Cauville S.* Essai sur la théologie du temple d'Horus à Edfou. Le Caire, 1987. T. 1–2.

* Звездочкой отмечены публикации, вышедшие в серии «Études Préliminaires aux Religions Orientales dans l'Empire Romain» (Leiden).

[Cauville, 1997] — *Cauville S.* Le temple de Dendara. Les chapelles osiriennes. Le Caire, 1997. T. 1—2.

[Cauville, Devauchelle, 1984] — *Cauville S., Devauchelle D.* Le temple d'Edfou: Étapes de la construction, nouvelles données historiques // RdÉ. 1984. T. 35.

[Chamoux, 1995] — *Chamoux F.* L'Égypte d'après Diodore de Sicile // Entre Égypte et Grèce. Actes du Colloque du 6—9 octobre 1994. P., 1995.

[Chassinat, 1934—1947] — *Chassinat É.* Le temple de Dendara. Le Caire, 1934—1947. T. 1—5.

[Chassinat, Daumas, 1965—1978] — *Chassinat É., Daumas F.* Le temple de Dendara. Le Caire, 1965—1978. T. 6—8.

[Cifola, 1988] — *Cifola B.* Ramses III and the Sea Peoples: A Structural Analysis of the Medinet Habu Inscriptions // *Orientalia*. 1988. V. 57.

[City of Akhenaten, 1923—1951] — The City of Akhenaten. Pt. 1 / T.E. Peet, C.L. Woolley. Pt. 2 / H. Frankfort, J.D.S. Pendlebury. Pt. 3 / J.D.S. Pendlebury. L., 1923—1951.

[Clerc, Leclant, 1972—1991] — *Clerc J., Leclant J.* Inventaire bibliographique des Isiaça (IBIS): Répertoire analytique des travaux relatifs à la diffusion des cultes isiaques. Leiden, 1972—1991.

[Crisis Years, 1992] — The Crisis Years: The 12th Century B.C. From Beyond the Danube to the Tigris. Dubuque (Iowa), 1992.

[Cumont, 1929] — *Cumont F.* Les religions orientales dans le paganisme romain. P., 1929.

[Curto, 1970] — *Curto S.* Il tempio di Ellesija. Torino, 1970.

[Daumas, 1952] — *Daumas F.* Les moyens d'expression du Grec et de l'Égyptien comparés dans les décrets de Canope et de Memphis. Le Caire, 1952.

[Daumas, 1987] — *Daumas F.* Le Temple de Dendara / Avec la collaboration de B. Lenthéric. Le Caire, 1987. T. 9.

[Deiber, 1904] — *Deiber A.* Clément d'Alexandrie et l'Égypte. Le Caire, 1904.

[Derchain-Urtel, 1981] — *Derchain-Urtel M.-Th.* Thot à travers ses épithètes dans les scènes d'offrandes des temples d'époque gréco-romaine. Bruxelles, 1981.

[Derchain-Urtel, 1989] — *Derchain-Urtel M.-Th.* Priester im Tempel. Die Rezeption der Tempel von Edfu und Dendera in den Privatdokumenten aus ptolemäischer Zeit. Wiesbaden, 1989.

[Derry, 1956] — *Derry D.E.* The Dynastic Race in Egypt // JEA. 1956. V. 42.

[Desroches-Noblecourt et al., S. a.] — *Desroches-Noblecourt Chr., Edel E., Youssef A.A.* Abou-Simbel. Petit temple. Textes hieroglyphiques. Le Caire, s. a.

[Desroches-Noblecourt et al., 1971] — *Desroches-Noblecourt Chr., Donadoni S., Edel E.* Grand temple d'Abou Simbel. La bataille de Quadesh. Description et Inscriptions. Dessins et Photographies / Avec la collaboration de Ch. Nims, P. Clère, A. Badie, M. Fathy Fouad, M. Nelson et S. Tenand Ulmann. Le Caire, 1971. T. 1–2.

[Dever, 1985] — *Dever W.G.* Relations between Syria-Palestine and Egypt in the «Hyksos» Period // *Palestine in the Bronze and Iron Ages.* L., 1985.

[Dixon, 1964] — *Dixon D.M.* The Origin of the Kingdom of Kush (Napata – Meroë) // JEA. 1964. V. 50.

[Drenkhahn, 1982] — *Drenkhahn R.* Die Elephantine-Stele des Sethnacht und ihr historisches Hintergrund. Wiesbaden, 1982.

[Drexler 1889] — *Drexler W.* Der Isis- und Sarapis-Cultus in Kleinasien // *Numismatische Zeitschrift.* 1889.

[Drexler 1890–1894] — *Drexler W.* Isis // *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie* / Hrsg. W. Roscher. Leipzig, 1890–1894. Bd. 2. 1.

[Dreyer, 1998] — *Dreyer G.* Umm el-Qaab I. Das prädynastische Königsgrab U-j und seine frühen Schriftzeugnisse. Mainz, 1890–1894.

[Drioton, 1947] — *Drioton É.* Cyrille d'Alexandrie et l'ancienne religion égyptienne // *Kyrilliana.* Le Caire, 1947.

[Drioton, Vandier, 1984] — *Drioton É., Vandier J.* L'Égypte ancienne. 6-e éd. P., 1984.

[Dümichen, 1865–1885] — *Dümichen J.* Geographische Inschriften altägyptischer Denkmäler. Leipzig, 1865–1885. Abt. 1–4.

[Dunand, 1973] — *Dunand F.* Le culte d'Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Leiden, 1973. V. 1–3.

[Dunham, 1950] — *Dunham D.* El Kurru. Cambridge (Mass.), 1950.

[Dunham, 1955] — *Dunham D.* Nuri. Boston (Mass.), 1955.

[Dunham, 1957] — *Dunham D.* Royal Tombs at Meroë and Barkal. Boston, 1957.

[Dunham, 1963] — *Dunham D.* The West and South Cemeteries at Meroë Excavated by the late G.A. Reisner. Boston, 1963.

[Dunham, 1967] — *Dunham D.* Uronarti, Shalfak, Mirgissa. Excavated by G.A. Reisner and N.F. Wheeler. Boston, 1967.

[Dunham, 1970] — *Dunham D.* The Barkal Temples Excavated by G.A. Reisner. Boston, 1967.

[Dunham, Janssen, 1960] — *Dunham D., Janssen J.M.A.* Semna Kumba Excavated by G.A. Reisner. Boston, 1960.

[Dunham, Macadam, 1949] — *Dunham D., Macadam M.F.* Laming. Names and Relationships of the Royal Family of Napata // JEA. 1949. V. 35.

[Edel, 1958] — *Edel E.* Die Abfassungszeit des Briefes KBo I 10 (Hattusil — Kadasman-Ellil) und seine Bedeutung für die Chronologie Ramses' II // J. of Cuneiform Studies. 1958. V. 12.

[Edel, 1960] — *Edel E.* Der geplante Besuch Hattusilis III. in Ägypten // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1960. N 92.

[Edel, 1969] — *Edel E.* Die Teilnehmer der ägyptisch-hethitischen Friedensgesandtschaft im 21. Jahr Ramses' II. // Orientalia. 1969. V. 38.

[Edel, 1984] — *Edel E.* Die Inschriften der Grabfronten der Siutgäber in Mittelägypten aus der Herakleopolitenzeit. Opladen, 1984.

[Edel, 1994] — *Edel E.* Die ägyptisch-hethitische Korrespondenz aus Boghazköi in babylonischer und hethitischer Sprache. Bd. 1. Umschriften und Übersetzungen. Bd. 2. Kommentar. Opladen, 1994.

[Edel, 1997] — *Edel E.* Der Vertrag zwischen Ramses II. von Ägypten und Hattušili III. von Hatti. Berlin, 1997.

[Edgerton, 1933] — *Edgerton W.F.* The Tutmoside Succession. Chicago, 1933.

[Edgerton, 1936–1937] — *Edgerton W.F.* On the Chronology of the Early Eighteenth Dynasty (Amenhotep I to Thutmose III) // American J. of Semitic Languages and Literatures. 1936–1937. V. 53.

[Egyptian and Hittite Empires, 1924] — The Egyptian and Hittite Empires to c. 1000 B.C. Cambridge, 1924.

[Elgood, 1951] — *Elgood P.G.* Later Dynasties in Egypt. Oxford, 1951.

[Emery, 1952] — *Emery W.B.* Saqqara and the Dynastic Race. An Inaugural Lecture delivered at University College, London, 28 February 1952. L., 1952.

[Emery, 1961] — *Emery W.B.* Archaic Egypt. Harmondsworth, 1961 (рус. пер.: *Эмери У.Б.* Архаический Египет. СПб., 2001).

[Emery et al., 1979] — *Emery W.B., Smith H.S., Millard A.* The Fortress of Buhen. The Archaeological Report. L., 1961.

[Engelbach, 1942] — *Engelbach R.* An Essay on the Advent of the Dynastic Race in Egypt and its Consequences // ASAÉ. 1942. V. 42.

[Fairman, 1935] — *Fairman H.W.* The Myth of Horus at Edfu, I // JEA. 1935. V. 21.

[Fairman, 1945] — *Fairman H.W.* An Introduction to the Study of Ptolemaic Signs and Their Values // BIFAO. 1945. T. 43.

[Faulkner, 1958] — *Faulkner R.O.* The Battle of Kadesh // MDAIK. 1958. Bd. 16.

[Festugière, 1986] — *Festugière A.* La révélation d'Hermès Trismégiste. P., 1986. V. 1–4.

[Fischer, 1964] — *Fischer H.G.* Inscriptions from the Coptite Nome. Dynasties VI–XI. Roma, 1964.

[Fischer, 1968] — *Fischer H.G.* Dendera in the Third Millenium B.C. Down to the Theban Domination of Upper Egypt. Locust Valley, 1986.

[Fontes, 1994–2000] — *Fontes historiae Nubiorum: Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the 8th century B. C. and the 6th century A. D.* V. 1. From the 8th to the mid-5th century. V. 2. From the mid-5th to the 1st century. V. 3. From the 1st to the 6th century A. D. V. 4. Corrigenda et indices. Bergen, 1994–2000.

[Fragments of the Shattered Image, 1991] — *Fragments of the Shattered Image: Proceedings of the International Symposium on Ramesses the Great.* Memphis (Tenn.), 1991.

[Fraser, 1972] — *Fraser P.* Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. V. 1–3.

[Froidefont, 1970] — *Froidefond F.* Le mirage égyptien dans la littérature grecque d'Homère à Aristote. P., 1970.

[Froidefont, 1988] — *Plutarque. Œuvres morales. Tome 2. Isis et Osiris / texte établi et traduit par Ch. Froidefond.* P., 1988.

[Garcia y Bellido, 1967] — *Garcia y Bellido A.* Les religions orientales dans l'Espagne romaine. Leyde, 1967.*

[Gardiner, 1944–1945] — *Gardiner A.H.* Horus the Behdetite // JEA. V. 30–31.

[Gardiner, 1959] — *Gardiner A.H.* The Royal Canon of Turin. Oxford, 1959.

[Gardiner, 1960] — *Gardiner A.H.* The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Oxford, 1960.

[Gardiner, 1961] — *Gardiner A.H.* Egypt of the Pharaohs. Oxford, 1961.

[Garstang, 1911] — *Garstang J.* Meroë, the City of the Ethiopians: Being an Account of a First Season's Excavations on the Site, 1909–1910. Oxford, 1911.

[Gauthier, 1911–1927] — *Gauthier H.* Le temple de Kalabchah. Le Caire, 1911–1927. T. 1–2.

[Gauthier, 1912] — *Gauthier H.* Le temple de Ouadi es-Sebouâ. Le Caire, 1912. T. 1–2.

[Gauthier, 1913–1926] — *Gauthier H.* Le temple d'Amada. Le Caire, 1913–1926.

[Gauthier, 1925–1931] — *Gauthier H.* Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. Le Caire, 1925–1931. T. 1–7.

[Gauthier, Sottas, 1925] — *Gauthier H., Sottas H.* Un decret trilingue en l'honneur de Ptolémée IVème. Le Caire, 1925.

[Giles, 1952] — *Giles F.J.* Amenhotpe, Ikhnaton and the Succession // *Aegyptus*. 1952. V. 32.

[Giles, 1997] — *Giles F.J.* The Amarna Age: Western Asia. Warminster, 1997.

[Giveon, 1971] — *Giveon R.* Les bédouins Shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971.

[Giveon, 1985] — *Giveon R.* Egyptian Scarabs from Western Asia from the Collections of the British Museum. Freiburg; Göttingen, 1985.

[Giveon, 1985a] — *Giveon R.* Akhénaton et Moïse. Une opinion sur les origines du monothéisme // *Cahiers Confrontation*. 1985. 14.

[Giveon, 1988] — *Giveon R.* Scarabs from Recent Excavations in Israel. Freiburg; Göttingen, 1988.

[Goedicke, 1969] — *Goedicke H.* Probleme der Herakleopolitanzeit // *MDAIK*. 1969. Bd. 24.

[Golvin, 1994] — *Golvin J.-Cl.* L'architecture de l'Iseum de Pompéi et les caractéristiques des édifices isiaques romains // *Hommages à Jean Leclant*. III. Études isiaques. Le Caire, 1994.

[Gomaa, 1974] — *Gomaa F.* Die libyschen Fürstentümer des Deltas von Tod Osorkons II. bis zur Wiedervereinigung Ägyptens durch Psametik I. Wiesbaden, 1974.

[Gomaa, 1980] — *Gomaa F.* Ägypten während der Ersten Zwischenzeit. Wiesbaden, 1980.

[Görg, 1978] — *Görg M.* Ausweisung oder Befreiung? Neue Perspektiven zum sogenannten Exodus // *Kairos*. 1978. Bd. 20.

[Görg, 1997] — *Görg M.* Die Beziehungen zwischen dem alten Israel und Ägypten. Darmstadt, 1997.

[Goyon, 1985] — *Goyon J.-Cl.* Les dieux-gardiens et la genèse des temples (d'après les textes de l'époque gréco-romaine). Les soixante d'Edfou et les soixante-dix-sept dieux de Pharbaetos. Le Caire, 1985. T. 1–2.

[Greenberg, 1971] — *Greenberg J.H.* Nilo-Saharan and Meroitic // Current Trends in Linguistics. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. The Hague; P., 1971.

[Gresmann, 1923] — *Gresmann H.* Tod und Auferstehung des Osiris // Der Alte Orient. 1923. Bd. 23.3.

[Griffith, 1911–1912] — *Griffith F.Ll.* Meroitic Inscriptions. L., 1911–1912. Pt. 1–2.

[Griffiths, 1953] — *Griffiths J.Gw.* The Egyptian Derivation of the Name Moses // JNES. 1953. V. 12.

[Griffiths, 1962] — *Griffiths J.* Plutarch's Egyptian Sources in his De Iside et Osiride // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа, 1960. М., 1962. Т. 1.

[Griffiths, 1964] — *Griffiths J.Gw.* Isis in Oxford // Cahiers d'histoire égyptienne. 1964. Т. 39.

[Griffiths, 1970] — *Griffiths J.Gw.* Plutarch's De Iside et Osiride: ed. with English translation and commentary. Cardiff, 1970.

[Griffiths, 1975] — *Griffiths J.Gw.* Apuleius' Isis-Book. Cambridge, 1975.

[Griffiths, 1984] — *Griffiths J.Gw.* Egyptian Influences on Athanasius // Studien zu Sprache und Religion Ägyptens. Zu Ehren von W. Westendorf. Göttingen, 1984. Bd. 2.

[Griffiths, 1996] — *Griffiths J.Gw.* Triads and Trinity. Cardiff, 1996.

[Grimal, 1981] — *Grimal N.-Chr.* La stèle triomphale de Pi('ankh)y au Musée du Caire. JE 48862 et 47086–47089. Le Caire, 1981.

[Grimal, 1981a] — *Grimal N.-Chr.* Quatre stèles napatéennes au Musée du Caire. JE 48863–48866. Textes et indices. Le Caire, 1981.

[Grimm, 1969] — *Grimm G.* Die Zeugnisse ägyptischer Religion und Kunstelemente im römischen Deutschland. Leiden, 1969.*

[Gutbub, 1973] — *Gutbub A.* Textes fondamentaux de la théologie de Kom Ombo. Le Caire, 1973.

[Habashi, 1954] — *Habashi L.* Khatâ(na)-Qantir: Importance // ASAÉ. 1954. Т. 52.

[Habashi, 1957] — *Habashi L.* The Graffiti and Work of the Vice-roy of Kush in the Region of Aswan // *Kush*. 1957. V. 5.

[Habashi, 1981] — *Habashi L.* Sixteen Studies on Lower Nubia. Le Caire, 1981.

[Hamza, 1930] — *Hamza M.* Excavations of the Department of Antiquities at Qantor (Faqûs District): Season, May 21st — July 7th, 1928 // *ASAÉ*. 1930. T. 30.

[Hani, 1976] — *Hani J.* La religion égyptienne dans la pensée de Plutarque. P., 1976.

[Harris, 1965] — *Harris E.* and *J.R.* The Oriental Cults in Roman Britain. Leiden, 1965.*

[Hassan, 1943] — *Hassan S.* Excavations at Giza IV, 1932–1933. Cairo, 1965.

[Helck, 1956] — *Helck W.* Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten. Berlin, 1956.

[Helck, 1962] — *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962.

[Helck, 1962a] — *Helck W.* Osiris // *Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1962. Bd.-Suppl. 9.

[Helck, 1968] — *Helck W.* Geschichte der Alten Ägypten. Leiden; Köln, 1968.

[Helck, 1979] — *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979.

[High, Middle or Low? 1987] — High, Middle or Low? Acts of an International Colloquium in Absolute Chronology held at University of Rothenburg 20–22.08. Göteborg, 1987.

[Hintze, 1955] — *Hintze F.* Die sprachliche Stellung des Meroitischen // *Afrikanistische Studien* *Diedrich Westermann* zum 80. Geburtstag gewidmet. Berlin, 1955.

[Hintze, 1959] — *Hintze F.* Studien zur meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroe. Berlin, 1955.

[Hintze, 1971] — *Hintze F.* *Musawwarat es Sufra*. Bd. 1.2. Der Löwentempel. Tafelband / Unter Mitwirkung von U. Hintze, K.-H. Priese, K. Stark. Berlin, 1971.

[Hintze, 1973] — *Hintze F.* Meroitic Chronology: Problems and Prospects // *Meroitica*. 1971. Bd. 1.

[Hintze et al., 1993] — *Hintze F., Priese K.-H., Wenig St., Onasch Chr., Buschendorf-Otto G., Hintze U.* *Musawwarat es Sufra*. Band 1.1. Der Löwentempel. Textband. Berlin, 1993.

[Hirschberg, 1955] — *Hirschberg W.* Kultureinflüsse Meroes und Napatat auf Negerafrika // Wiener Völkerkundliche Mitteilungen. 1955. N 1.

[Hofmann, 1971] — *Hofmann I.* Studien zum meroitischen Königtum. Bruxelles, 1971.

[Hofmann, 1982] — *Hofmann I.* Bemerkungen zum Ende des meroitischen Reiches // Meroitic Studies. Proceedings of the Third International Meroitic Conference, Toronto 1977. Berlin, 1982.

[Hölbl, 1983] — *Hölbl G.* Die historischen Aussagen der ägyptischen Seevölkerinschriften // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» von 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Akten des Symposiums 11–14 Oktober 1980. Wien, 1983.

[Hölbl, 1994] — *Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt, 1994 (англ.: *Hölbl G.A.* History of Ptolemaic Empire. L.; N. Y., 2001).

[Hölbl, 1996] — *Hölbl G.* Ideologische Fragen bei der Ausbildung des römischen Pharaos // Wege öffnen. Festschrift für Rolf Gundlach zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 1996.

[Hopfner, 1922–1923] — *Hopfner Th.* Fontes historiae religionis aegyptiacae. Bonnae, 1922–1925. V. 1–5.

[Hopfner, 1940–1941] — *Hopfner Th.* Plutarch über Isis und Osiris. Prag, 1940–1941. Bd 1–2.

[Hornung, 1964] — *Hornung E.* Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Wiesbaden, 1961.

[Huss, 2001] — *Huss W.* Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332–330 v. Chr. München, 2001.

[Hyksos, 1997] — The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives. Philadelphia, 1997.

[Iversen, 1994] — *Iversen E.* Egypt in Classical Antiquity. A Résumé // Hommages à Jean Leclant. V. 3. Études isiaques. Le Caire, 1994.

[Jansen-Winkel, 1994] — *Jansen-Winkel K.* Text und Sprache in der 3. Zwischenzeit. Vorarbeiten zu einer spätmittelägyptischen Grammatik. Wiesbaden, 1994.

[Jansen-Winkel, 1996] — *Jansen-Winkel K.* Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit. Wiesbaden, 1996.

[Johnson, 1974] — *Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as a Historical Source // Enchoria. 1974. V. 4.

[Johnson, 1983] — *Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // JSSEA. 1983. V. 13.

[Johnson, 1996] — *Johnson W.R.* Amenhotep III and Amarna: Some New Considerations // JEA. 1996. V. 82.

[Junker, 1906] — *Junker H.* Grammatik der Denderatexte. Leipzig, 1906.

[Junker, 1932] — *Junker H.* Die Grabungen der Universität Kairo auf dem Pyramidenfeld von Giza // MDAIK. 1932. Bd. 3.

[Kaiser, 1990] — *Kaiser W.* Zur Entstehung des gesamtägyptischen Staates // MDAIK. 1990. V. 46.

[Kákošy, 1981] — *Kákošy L.* Gnosis und Ägyptische Religion // Studia Aegyptiaca. 1981. Bd. 7.

[Kákošy, 1984] — *Kákošy L.* Das Ende des Heidentums in Ägypten // Graeco-Koptica. Griechen und Kopten im byzantinischen Ägypten. Halle (Saale), 1984.

[Kákošy, 1989] — *Kákošy L.* Der Osiris-Kreis im römerzeitlichen Ägypten // Studia Aegyptiaca. Budapest, 1989. Bd. 12.

[Kákošy, 1989a] — *Kákošy L.* Survivals of Ancient Egyptian Religion. Other Domains of Culture. Egyptian Influence on Gnosticism and Hermetism (A Brief Survey) // Studia Aegyptiaca. 1989. Bd. 12.

[Kantor, 1947] — *Kantor H.J.* The Aegean and the Orient in the Second Millennium B. C. Bloomington (Indiana), 1947.

[Kantor, 1954] — *Kantor H.J.* The Chronology of Egypt and Its Correlation with That of Other Parts of the Near East in the Periods before the Late Bronze Age // Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1954.

[Kantor, 1965] — *Kantor H.J.* The Relative Chronology of Egypt and its Foreign Correlations before the Late Bronze Age // Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; L., 1965.

[Kees, 1936] — *Kees H.* Herihor und die Aufrichtung des thebanischen Göttesstaates. Göttingen, 1936.

[Kempinski, 1983] — *Kempinski A.* Syrien und Palästina (Kanaan) in der letzten Phase der Mittelbronze IIB-Zeit (1650–1570 v. Chr.). Wiesbaden, 1985.

[Kempinski, 1985] — *Kempinski A.* Some Observations on the Hyksos (XVth) Dynasty and Its Canaanite Origins // Pharaonic Egypt. The Bible and Christianity. Jerusalem, 1985.

[Kendall, 1997] — *Kendall T.* Kerma and the Kingdom of Kush, 2500–1500 B. C. The Archaeological Discovery of an Ancient Nubian Empire. Washington D. C., 1997.

[Kienitz, 1953] — *Kienitz F.K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin, 1953.

[Kitchen, 1962] — *Kitchen K.A.* Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs. A Study in Relative Chronology. Liverpool, 1962.

[Kitchen, 1968] — *Kitchen K.A.* Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford, 1968.

[Kitchen, 1973] — *Kitchen K.A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B. C.). Warminster, 1973 (2nd ed.: 1986).

[Klengel, 1964] — *Klengel H.* Aziru von Amurru und seine Rolle in der Geschichte der Amarnazeit // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1964. Bd. 10, H. 1.

[Klengel, 1965] — *Klengel H.* Einige Bemerkungen zur Syrienpolitik des Amenophis IV Ichnaton // Das Altertum. 1965. Bd. 11.

[Klengel, 1969] — *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Teil 2. Mittel- und Südsyrien. Berlin, 1969.

[Knudtzon, 1907–1915] — *Knudtzon J.A.* Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1907–1915. Tl. 1–2.

[Koenen, 1968] — *Koenen L.* Prophezeiung des Töpfers // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1968. Bd. 2.

[Koenen, 1983] — *Koenen L.* Die Adaptation ägyptischer Königs-ideologie am Ptolemäerhof // Egypt and the Hellenistic World. Leuven, 1983.

[Koenen, 1993] — *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; L., 1993.

[Kormysheva, 1999] — *Kormysheva E.* Remarks on the Position of the King's Mother in Kush // Meroitica. 1999. Bd. 15.

[Krauss, 1978] — *Krauss R.* Das Ende der Amarnazeit: Beiträge zur Geschichte und Chronologie des Neuen Reiches. Hildesheim, 1978.

[Kühne, 1973] — *Kühne C.* Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna. Kevelaer; Neukirchen-Vluyn, 1973.

[Kurth, 1983] — *Kurth D.* Die Dekoration der Säulen im Pronaos des Tempels von Edfu. Wiesbaden, 1983.

[L'impero ramesside, 1997] — L'impero ramesside. Convegno internazionale in onore di Sergio Donadoni. Roma, 1997.

[Lafaye, 1884] — *Lafaye G.* Histoire du culte des divinités d'Alexandrie. Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors d'Égypte. De-puit les origins jusqu'à la naissance de l'école néo-platonicienne. P., 1884.

[Lanciers, 1991] — *Lanciers E.* Die ägyptischen Priester des ptolemäischen Königs Kultes // *RdÉ.* 1991. T. 42.

[Lanczkowsky, 1956] — *Lanczkowsky G.* Beeinflussung des Christentums durch ägyptische Vorstellungen // *Zeitschrift für Religion und Geistgeschichte.* 1956. Bd. 8.

[Lanczkowsky, 1956a] — *Lanczkowsky G.* Thot und Michael // *MDAIK.* 1956. Bd. 14.

[Le problème des Habiru, 1954] — Le problème des Habiru à la 4-e Rencontre assyriologique internationale. P., 1983.

[Leahy, 1990] — *Leahy A.* Abydos in the Libyan Period // *Libya and Egypt, c. 1300–750 B. C. L.*, 1990.

[Leclant, 1966–1968] — *Leclant J.* Histoire de la diffusion des cultes égyptiens // *École Pratique des Hautes Études. V Section: Sciences religieuses. Annuaire.* 1966–1967. T. 74; 1967–1968. T. 75.

[Leclant, 1974] — *Leclant J.* Osiris en Gaule // *Studia Aegyptiaca.* Budapest, 1974. Bd. 1.

[Leclant, 1992] — *Leclant J.* À propos des Aegyptiaca du haut Moyen-Âge en France // *The Heritage of Ancient Egypt: Studies in Honour of E. Jversen.* Viborg, 1992.

[Leclant, 2000] — *Leclant J.* 40 ans d'études isiaques: un bilan // *De Memphis à Rome. Actes du I Colloque internationale sur les études isiaques.* Leiden; Boston; Köln, 2000.

[L'Égypte et la Vallée du Nil, 1992, 1995] — L'Égypte et la Vallée du Nil. T. 1. Des origines à la fin de l'Ancien Empire. 12000 — 2000 av. J.-C. / J. Vercoutter. P., 1992; T. 2. De la fin de l'Ancien Empire à la fin du Nouvel Empire / Cl. Vandersleyen. P., 1995.

[Lembke, 1994] — *Lembke K.* Das Iseum Campense in Rom. Studie über den Isiskult unter Domitian. Heidelberg, 1994.

[Lexicon, 1990–1998] — *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* Zürich; München, 1990–1998. V. 1–8.

[Liverani, 1983] — *Liverani M.* Political Lexicon and Political Ideologies in the Amarna Letters // *Berytus.* 1983. V. 31.

[Lloyd, 1975–1991] — *Lloyd A.B.* Herodotus Book II. Leiden, 1975–1991. V. 1–3.*

[Lohwasser, 2001] — *Lohwasser A.* Die königliche Frauen im antiken Reich von Kusch (25. Dynastie bis zur Zeit des Nastasen). Wiesbaden, 2001.

[Loretz, 1984] — *Loretz O.* Habiru-Hebräer. Eine sozio-linguistische Studie über die Herkunft des Gentiliziums 'ibri vom Appellativum habiru. Berlin; N. Y., 1984.

[Macadam, 1949–1955] — *Macadam M.F.* Laming. The Temples of Kawa. L., 1949–1955. V. 1: The Inscriptions. L., 1949; V. 2: History and Archaeology of the Site. L., 1955.

[Malaise, 1972] — *Malaise M.* Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie. Leiden, 1972.*

[Malaise, 1984] — *Malaise M.* Nos ancêtres faces aux dieux orientaux // Art and Fact. 1984. 3.

[Malamat, 1973] — *Malamat A.* Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B. C. // J. of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University, N. Y. 1973. V. 5.

[Malamat, 1975] — *Malamat A.* The Twilight of Judah: In the Egyptian-Babylonian Maelstrom // Supplements to Vetus Testamentum. 1975. V. 28.

[Malamat, 1983] — *Malamat A.* Das davidische und salomonische Königreich und seine Beziehungen zu Ägypten und Syrien. Zur Entstehung eines Grossreichs. Wien, 1983.

[Mallet, 1893] — *Mallet D.* Les premiers établissements des Grecs en Egypte. P., 1893.

[Mallet, 1922] — *Mallet D.* Les rapports des Grecs avec l'Égypte de la conquête de Cambise à celle d'Alexandre. Le Caire, 1922.

[Marquis de Rochemontoux, Chassinat, 1897–1934] — *Marquis de Rochemontoux, Chassinat É.* Le temple d'Edfou. Le Caire, 1897–1934. T. 1–14.

[Martin Valentin, 1996] — *Martin Valentin F.J.* Indicaciones y evidencias de una coregencia entre Amenhotep III y Amenhotep IV en la necrópolis tebana // Boletín de la Asociación Española de Egiptología. 1996. T. 6.

[Massoulard, 1949] — *Massoulard É.* Préhistoire et protohistoire d'Égypte. P., 1949.

[Mercer, 1939] — *Mercer S.A.B.* The Tell el-Amarna Tablets. Toronto, 1939. V. 1–2.

[Merkelbach, 1995] — *Merkelbach R.* Isis Regina — Zeus Sarapis. Die griechisch-ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt. Stuttgart; Leipzig, 1995.

[Meulenaere, 1951] — *Meulenaere H. de.* Herodotos over de 26ste dynastie (II, 147–III, 15). Leuven, 1951.

[Meulenaere, 1963] — *Meulenaere H. de.* La famille royale des Nectanébo // ZÄS. 1963. Bd. 90.

[Meulenaere, 1968] — *Meulenaere H. de*. La famille du roi Amasis // JEA. 1968. V. 54.

[Meyer 1884–1902] — *Meyer Ed.* Geschichte des Alterthums. Stuttgart, 1884–1902. Bd. 1–5 (с переизданиями).

[Meyer, 1904] — *Meyer Ed.* Ägyptische Chronologie. Berlin, 1904.

[Meyer, 1928] — *Meyer Ed.* Gottesstaat, Militärherrschaft und Ständewesen in Ägypten (zur Geschichte der 21. und 22. Dynastie) // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philos.-hist. Kl. Berlin, 1928.

[Minas, 1999] — *Minas M.* Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: Ein Vergleich mit den Titel der Eponymen. Mainz, 1999.

[Montet, 1928–1929] — *Montet P.* Byblos et l'Égypte: quatre campagnes de fouilles à Gebeil 1921–1922–1923–1924. P., 1928–1929. T. 1, 2, 4.

[Montet, 1928–1964] — *Montet P.* Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'ancienne Égypte et la Syrie // Kêmi. 1928. T. 1; 1954. T. 13; 1962. T. 16; 1964. T. 17.

[Montet, 1933] — *Montet P.* Les nouvelles fouilles de Tanis (1929–1932). P., 1933.

[Montet, 1941] — *Montet P.* Le drame d'Avaris: essai sur la pénétration des Sémites en Égypte. P., 1941.

[Montet, 1942] — *Montet P.* Tanis: douze années de fouilles dans une capitale oubliée du Delta égyptien. P., 1942.

[Montet, 1947] — *Montet P.* Le nom des Grecs en ancien égyptien et l'antiquité des Grecs en Égypte // Revue archéologique. 6-e série. 1947. T. 28.

[Moran, 1987] — *Moran W.L.* Les lettres d'El-Amarna. Correspondance diplomatique du pharaon. P., 1987.

[Morenz, 1957] — *Morenz S.* Das Werden zu Osiris. Die Darstellungen auf einem Leinentuch der römischen Kaiserzeit (B. 11651) und verwandten Stücken // Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. Berlin, 1957. Bd. 1.

[Morgan et al., 1895–1909] — *Morgan J. de et al.* Kom Ombos: Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte ancienne. Vienne, 1895–1909. T. 1–2.

[Morkot, 1987] — *Morkot R.G.* Studies in New Kingdom Nubia. 1. Politics, economics and ideology: Egyptian imperialism in Nubia // Wepwawet. 1987. V. 3.

[Morkot, 1991] — *Morkot R.G.* Nubia in the New Kingdom: the Limits of Egyptian Control // Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam. L., 1991.

[Morris, 2005] — *Morris E.F.* The Architecture of Imperialism: Military Bases and the Evolution of Foreign Policy in Egypt's New Kingdom. Leiden, 2005.

[Müller, 1888] — *Müller W.M.* Notes on the «Peoples of the Sea» of Merenptah // Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. 1888. V. 10.

[Müller 1893] — *Müller W.M.* Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern. Leipzig, 1893.

[Müller, 1982] — *Müller I.* Die Verwaltung der nubischen Provinz im Neuen Reich // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 1982. Bd. 23.

[Murnane, 1970] — *Murnane W.J.* The Hypothetical Coregency between Amenhotep III and Akhenaten: Two Observations // Serapis. 1970. V. 2.

[Murnane, 1977] — *Murnane W.J.* Ancient Egyptian Coregencies. Chicago, 1977.

[Murnane, 1985] — *Murnane W.J.* The Road to Kadesh. A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak. Chicago, 1985.

[Nagel, 1950] — *Nagel G.* A propos des rapports du psaume 104 avec les textes égyptiens // Festschrift Alfred Bertholet zum 80. Geburtstag. Tübingen, 1950.

[Nibbi, 1974] — *Nibbi A.* Further remarks on *wꜥḏ wr*, Sea Peoples and Keftiu // GM. 1974. H. 10.

[Nibbi, 1975] — *Nibbi A.* The Sea Peoples and Egypt. Park Ridge (New Jersey), 1975.

[Nibbi, 1983] — *Nibbi A.* Rakotis on the Shore of the Great Green of the Haunebut // GM. 1983. H. 69.

[Nibbi, 1989] — *Nibbi A.* Some Further Remarks on the Haunebut // ZÄS. 1989. Bd. 116.

[O'Mara, 1979] — *O'Mara P.F.* The Palermo Stone and the Archaic Kings of Egypt. Le Canada (Calif.), 1979.

[O'Connor, 1993] — *O'Connor D.* Ancient Nubia. Egypt's Rival in Africa. Philadelphia, 1993.

[Oepke, 1956] — *Oepke A.* Die Hohenlage der Isisreligion in zeitgeschichtlicher und neutestamentlicher Beleuchtung // Theologische Literaturzeitung. Berlin, 1956. Bd. 81.

[Onasch, 1980] — *Onasch Ch.* Das meroitische Pantheon. Untersuchungen zur Religion in Kusch // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1980. Bd. 21.

[Onasch, 1994] — *Onasch H.-U.* Die assyrischen Eroberungen Ägyptens. Tl. 1. Kommentare und Anmerkungen. Tl. 2. Texte in Umschrift. Wiesbaden, 1994.

[Pandermalis, 1982] — *Pandermalis D.* Ein neues Heiligtum in Dion // *Archäologischer Anzeiger*. 1982.

[Parlaska, 1973] — *Parlasca K.* Osiris und Osirisglaube in der Kaiserzeit // *Les syncrétismes dans les religions grecque et romaine. Colloque de Strasbourg (9–11 juin 1971)*. P., 1973.

[Perdu, 1985] — *Perdu O.* Le monument de Samtoutefnakht à Naples // *RdÉ*. 1985. T. 36.

[Peopling, 1978] — The Peopling of Ancient Egypt and the Deciphering of Meroitic Script. Proceedings of the Symposium held in Cairo from 28 January to 3 February 1974. P., 1978.

[Perspectives, 1985] — Perspectives on the Battle of Kadesh. Baltimore, 1985.

[Pestman, 1995] — *Pestman P.W.* Haronnophris and Chaonnophris: Two Indigenous Pharaohs in Ptolemaic Egypt (205–186 B. C.) // *Hundred-Gated Thebes*. Leiden; N. Y.; Köln, 1995.

[Petrie, 1899] — *Petrie W.M.F.* Sequences in Prehistoric Remains // *J. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1899. V. 29.

[Pfeiffer, 2004] — *Pfeiffer St.* Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung. München; Leipzig, 2004.

[Piankoff, 1946–1947] — *Piankoff A.* Deux saints à tête de chien // *Bulletin de la Société d'archéologie copte*. 1946–1947. V. 12.

[Posener, 1936] — *Posener G.* La première domination perse en Égypte. Le Caire, 1936.

[Priese, 1981] — *Priese K.-H.* Matrilineare Erbfolge im Reich von Napata // *ZÄS*. 1981. Bd. 108.

[Quaegebeur, 1983] — *Quaegebeur J.* Cultes égyptiens et grecs en Egypte hellénistique. L'exploration des sources // *Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium Leuven, 24–26 May 1982*. Leuven, 1983.

[Quaegebeur, 1989] — *Quaegebeur J.* The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty // *Ancient Society*. V. 20.

[Rainey, 1970] — *Rainey A.F.* El Amarna Tablets 359–379. Supplement to J. A. Knudtzon «Die El-Amarna-Tafeln». Kevelaer; Neukirchen-Vluyn, 1970.

[Randall-MacIver, 1911] — *Randall-MacIver D.* Buhen. Philadelphia, 1911. V. 1–2.

[Ray, 1986] — *Ray J.D.* Psammuthis and Hakoris // JEA. 1986. V. 72.

[Ray, 1987] — *Ray J.D.* Egypt: Dependence and Independence (425–343 B. C.) // Achaemenid History. I. Sources, Structures and Synthesis. Leiden, 1987.

[Redford, 1967] — *Redford D.B.* History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt. Toronto, 1967.

[Redford, 1970] — *Redford D.B.* The Hyksos Invasion in History and Tradition // Orientalia. 1970. V. 39.

[Redford, 1987] — *Redford D.B.* An Egyptological Perspective on the Exodus Narrative // Egypt, Israel, Sinai. Archaeological and Historical Relationships in the Biblical Period. Tel Aviv, 1987.

[Redford, 1990] — *Redford D.B.* Egypt and Canaan in the New Kingdom. Beer-Sheva, 1990.

[Redford, 1992] — *Redford D.B.* Egypt, Canaan, and Israel. Princeton, 1992.

[Reisner, 1923] — *Reisner G.A.* Excavations at Kerma. Cambridge (Mass.), 1923. V. 1–2. Pt. 1–5.

[Reisner, 1923a] — *Reisner G.A.* The Meroitic Kingdom of Ethiopia: A Chronological Outline // JEA. 1923. V. 9.

[Reisner, 1942] — *Reisner G.A.* A History of the Giza Necropolis. Cambridge (Mass.); L., 1942.

[Renaud, 1981] — *Renaud B.* La structure du Ps. 104 et ses implications théologiques // Revue des Sciences Religieuses. 1981. T. 55.

[Revolutions in Time, 1994] — *Revolutions in Time: Studies in Ancient Egyptian Calendrics.* San Antonio, 1994.

[Rilly 2003] — *Rilly Cl.* Les inscriptions d'offrandes funéraires: une première clé vers la compréhension du méroïtique // RdÉ. 2003. T. 54.

[Ritner, 1998] — *Ritner R.* Egypt under Roman Rule: the Legacy of Ancient Egypt // Cambridge History of Egypt / Ed. C. Petry. Cambridge, 1998.

[Roeder, 1911–1912] — *Roeder G.* Debod bis Bab Kalabsche. Kairo, 1911–1912. Bd. 1–3.

[Roeder, 1913–1930] — *Roeder G.* Der Tempel von Dakke. Kairo, 1913–1920. Bd. 1–3.

[Roullet, 1972] — *Roullet A.* The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome. Leiden, 1972.*

[Rowton, 1959] — *Rowton M.B.* The Background of the Treaty between Ramesses II and Hattušiliš III // *J. of Cuneiform Studies*. 1959. V. 13.

[Ryholt, 1997] — *Ryholt K.S. B.* The Political Situation in Egypt During the Second Intermediate Period, ca. 1800–1550 B. C. København, 1997.

[Säve-Söderberg, 1941] — *Säve-Söderberg T.* Ägypten und Nubien: ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik. Lund, 1941.

[Säve-Söderberg, 1951] — *Säve-Söderberg T.* The Hyksos Rule in Egypt // *JEA*. 1951. V. 37.

[Säve-Söderberg, 1956] — *Säve-Söderberg T.* The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period // *Kush*. 1956. V. 4.

[Sayce, 1912] — *Sayce A.H.* Second Interim Report on the Excavations at Meroe in Ethiopia. Pt. 2. The Historical Results // *Annals of Archeology and Anthropology*. 1912. V. 4.

[Schäfer, 1905–1908] — *Schäfer H.* Urkunden der älteren Äthiopienkönige. Leipzig, 1905–1908. H. 1–2.

[Schenkel, 1965] — *Schenkel W.* Memphis. Herakleopolis. Theben. Wiesbaden, 1965.

[Schiff Giorgini, 1965–1971] — *Schiff Giorgini M.* Soleb I 1813–1963. Soleb II. Les necropolis / En collaboration avec Cl. Robinson et J. Leclant. Firenze, 1965–1971.

[Schiff Giorgini, 1967–1968] — *Schiff Giorgini M.* Soleb-Sedeinga. Résumé des travaux de la Mission pendant les trois campagnes automne 1965 — printemps 1968 // *Kush*. 1967–1968 [1973]. V. 15.

[Schulman, 1977–1978] — *Schulman A.R.* Aspects of Ramesside Diplomacy: The Treaty of Year 21 // *JSSEA*. 1977–1978. V. 8.

[Salem, 1980] — *Salem P.* Les religions orientales dans la Pannonie Romaine. Partie en Yougoslavie. Leyde, 1980.*

[Seters, 1966] — *Seters J. van.* The Hyksos. A New Investigation. New Haven; L., 1966.

[Sethe 1896] — *Sethe K.* Die Thronwirren unter den Nachfolgern Königs Thutmosis' I., ihr Verlauf und ihre Bedeutung. Die Prinzenliste von Medinet Habu und die Reihenfolge der ersten Könige der zwanzigsten Dynastie. Leipzig, 1896.

[Sethe, 1904–1916] — *Sethe K.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904–1916.

[Sethe, 1929] — *Sethe K.* Amun und die acht Urgötter von Hermopolis: Eine Untersuchung über Ursprung und Wesen des ägyptischen Götterkönigs. Berlin, 1929.

[Sethe, 1930] — *Sethe K.* Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig, 1929.

[Sfamenti Gasparro, 1973] — *Sfamenti Gasparro G.* I culti orientali in Sicilia. Leyde, 1973.*

[Shinnie, 1955] — *Shinnie P.L.* The Fall of Meroe // *Kush*. 1955. V. 3.

[Shinnie, Bradley, 1980] — *Shinnie P.L., Bradley R.J.* The Capital of Kush I. Meroe Excavations 1965–1972. Berlin, 1980.

[Smith, 1972] — *Smith H.S.* The Rock Inscriptions of Buhen // *JEA*. 1972. V. 58.

[Smith, 1976] — *Smith H.S.* The Fortress of Buhen. The Inscriptions. L., 1976.

[Sourdille, 1910] — *Sourdille C.* Hérodote et la religion d'Égypte. P., 1910.

[Spalinger, 1974] — *Spalinger A.J.* Assurbanipal and Egypt: A Source Study // *JAOS*. 1974. V. 94.

[Spalinger, 1974a] — *Spalinger A.J.* Esarhaddon and Egypt: An Analysis of the First Invasion of Egypt // *Orientalia*. 1974. V. 43.

[Spalinger, 1976–1978] — *Spalinger A.J.* Psammetichus, King of Egypt: I–II // *JARCE*. 1976. V. 13; 1978. V. 15.

[Spalinger, 1977] — *Spalinger A.J.* Egypt and Babylonia: A Survey (c. 620 B. C. – 550 B. C.) // *SAK*. 1977. Bd. 5.

[Spalinger, 1977–1978] — *Spalinger A.J.* Hittite Strategy in North Syria and the Egyptian Reaction // *JSSEA*. 1977–1978. V. 8.

[Spalinger, 1978] — *Spalinger A.J.* The Foreign Policy of Egypt Preceding the Assyrian Conquest // *CdÉ*. 1978. T. 53.

[Spalinger, 1979] — *Spalinger A.J.* Egyptian-Hittite Relations at the Close of the Amarna Period and Some Notes on Hittite Military Strategy in North Syria // *Bulletin of the Egyptological Seminar*. 1979. V. 1.

[Spalinger, 1981] — *Spalinger A.J.* Considerations on the Hittite Treaty between Egypt and Hatti // *SAK*. 1981. Bd. 9.

[Spiegelberg, 1896] — *Spiegelberg W.* Der Siegeshymnus des Merneptah auf der Flinders Petrie-Stele // *ZÄS*. 1896. Bd. 34.

[Spiegelberg, 1922] — *Spiegelberg W.* Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus und Memphis (Rosettana) — mit den hi-

eroglyphische und griechische Fassungen und deutscher Übersetzung nebst demotischen Glossar. Heidelberg, 1922.

[Spiegelberg, 1927] — *Spiegelberg W.* The Credibility of Herodotus' Account of Egypt in the Light of the Egyptian Monuments. Oxford, 1927.

[Squarciapino, 1962] — *Squarciapino M.* I culti orientali ad Ostia. Leiden, 1962.*

[Stock, 1949] — *Stock H.* Die Erste Zwischenzeit Ägyptens. Roma, 1949.

[Thissen, 1966] — *Thissen H.-J.* Studien zum Raphiadekret. Meisenheim, 1966.

[Thissen, 1989] — *Thissen H.-J.* Die demotische Graffiti von Medinet Habu: Zeugnisse zu Tempel und Kult im Ptolemäischen Ägypten. Sommerhausen, 1989.

[Török, 1985] — *Török L.* A Contribution to Post-Meroitic Chronology: The Blemmyes in Lower Nubia. P., 1985.

[Török, 1987] — *Török L.* The Royal Crowns of Kush. A Study in Middle Nile Valley Regalia and Iconography in the 1st millennia B. C. and A. D. Oxford, 1987.

[Török, 1997] — *Török L.* The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization. Leiden, 1985.

[Touraev, 1911] — *Touraev B.* Objets égyptiens et égyptisants, trouvés dans la Russie Meridionale. P., 1911.

[Toutain, 1911] — *Toutain G.* Les cultes paiens dans l'Empire romaine. 1 partie. T. 2. Les cultes orientaux. P., 1911.

[Tran Tam Tinh, 1964] — *Tran Tam Tinh V.* Essai sur le culte d'Isis à Pompéi. P., 1964.

[Tran Tam Tinh, 1971] — *Tran Tam Tinh V.* Le cultes des divinités orientales à Herculaneum. Leiden, 1971.*

[Tran Tam Tinh, 1972] — *Tran Tam Tinh V.* Le culte des divinités orientales en Campanie en dehors de Pompéi, de Stabie et d'Herculaneum. Leiden, 1971.*

[Tran Tam Tinh, 1973] — *Tran Tam Tinh V.* Isis Lactans. Leiden, 1973.*

[Trigger, 1964] — *Trigger B.G.* Meroitic and Eastern Sudanic: A Linguistic Relationship? // Kush. 1964. V. 12.

[Trigger, 1973] — *Trigger B.G.* Meroitic Language Studies: Strategies and Goals // Meroitica. 1973. Bd. 1.

[Trigger, 1976] — *Trigger B.* Nubia under the Pharaohs. L., 1976.

[Trigger et al., 1983] — *Trigger B., Kemp B., O'Connor D., Lloyd A.B.* Ancient Egypt: A Social History. Cambridge, 1983.

[Turcan, 1989] — *Turcan R.* Les cultes orientaux dans le monde romain. P., 1989.

[Tvedtnes, 1982] — *Tvedtnes J.A.* Egyptian Etymologies for Biblical Cultic Paraphernalia // *Egyptological Studies*. Jerusalem, 1982.

[Valeurs phonétiques, 1988–1990] — Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine / Fr. Daumas, E. Winter, J. Baines, M.-Th. Derchain-Urtel, D. Kurth. Montpellier, 1988–1990. T. 1–4.

[Vandersleyen, 1971] — *Vandersleyen Cl.* Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles, 1971.

[Vercoutter, 1947–1949] — *Vercoutter J.* Les Haou-Nebout (1–2) // *BIFAO*. 1947. T. 46; 1949. T. 48.

[Vercoutter, 1954] — *Vercoutter J.* Essai sur les relations entre Égyptiens et Préhellènes. P., 1954.

[Vercoutter, 1956] — *Vercoutter J.* L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Étude critique des sources égyptiennes (Du début de la XIIIe à la fin de la XIXe Dynastie). Le Caire, 1956.

[Verner, 1993] — *Verner M.* Das «Chentkaus-Problem» // *Ancient Egypt and Kush: In Memoriam M. A. Korostovtsev*. Moscow, 1993.

[Vidman, 1969] — *Vidman L.* Sylloge Inscriptionum Religionis Isiacae et Sarapiacae. Berlin, 1969.

[Vidman, 1970] — *Vidman L.* Isis und Sarapis bei den Griechen und Römern. Epigraphische Studien zur Verbreitung und den Trägern des ägyptischen Kultes. Berlin, 1970.

[Vycichl, 1958] — *Vycichl W.* The Present State of Meroitic Studies // *Kush*. 1958. V. 6.

[Wainwright, 1961] — *Wainwright G.A.* Some Sea-Peoples // *JEA*. 1961. V. 47.

[Wainwright, 1964] — *Wainwright G.A.* Shekelesh or Shasu? // *JEA*. 1964. V. 50.

[Wainwright, 1965] — *Wainwright G.A.* Two Groups among the Sea Peoples // *Anadolu Arastirmalari*. Helmuth Theodor Bossert'in Hatirasine Armagan. Istanbul, 1965.

[Ward, 1961] — *Ward W.A.* Egypt and the East Mediterranean in the Early Second Millennium B. C. // *Orientalia*. 1961. V. 30.

[Ward, 1964] — *Ward W.A.* Relations Between Egypt and Mesopotamia from Prehistoric Times to the End of the Middle Kingdom // *J. of the Economic and Social History of the Orient*. 1964. V. 7.

[Ward, 1978] — *Ward W.A.* Studies on Scarab Seals. V. 1. Pre-12-th. Dynasty Scarab Amulets / With an Appendix on the Biology of Scarab Beetles by S. I. Bishara. Warminster, 1978.

[Ward, 1992] — *Ward W.A.* The Present Status of Egyptian Chronology // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1992. 288.

[Ward et al., 1984] — *Tufnell O.* Studies on Scarab Seals. V. 2. Scarab Seals and their Contribution to History in the Early Second Millennium B. C. / with Contributions by G. T. Martin and William A. Ward. Warminster, 1984. Pt. 1–2.

[Ward, Dever, 1994] — *Ward W.A., Dever W.G.* Studies on Scarab Seals. V. 3. Scarab Typology and Archaeological Context. An Essay on Middle Bronze Age Chronology. San Antonio, 1994.

[Welsby, 1996] — *Welsby D.A.* The Kingdom of Kush. The Napatan and Meroitic Empires. L., 1996.

[Wenig, 1967] — *Wenig St.* Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1967. V. 13.

[Wente, Van Siclen, 1976] — *Wente E.F., Van Siclen C.* A Chronology of the New Kingdom // Studies in Honor of George H. Hughes. Chicago, 1976.

[Wessetzky, 1961] — *Wessetzky V.* Die ägyptischen Kulte zur Römerzeit in Ungarn. Leiden, 1961.*

[Wessetzky, 1976] — *Wessetzky V.* Über den Osirisglauben der Römerzeit // Studia Aegyptiaca. Budapest, 1976. Bd. 2.

[Wiedemann, 1890] — *Wiedemann A.* Herodots Zweites Buch. Leipzig, 1890.

[Wilson, 1997] — *Wilson P.* A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leiden, 1997.

[Winter, 1968] — *Winter E.* Untersuchungen zu den ägyptischen Tempelreliefs der Griechisch-Römischen Zeit. Graz; Wien; Köln, 1968.

[Winter, 1978] — *Winter E.* Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln // Das ptolemäische Ägypten: Akten des internationalen Symposions 27.-29. September 1976 in Berlin. Mainz, 1978.

[Wit, 1958–1968] — *Wit C. de.* Les inscriptions du temple d'Opet, à Karnak. Bruxelles, 1958–1968. T. 1–3.

[Witt, 1966] — *Witt R.* The Importance of Isis for the Fathers // Studia Patristica. Berlin, 1966. Bd. 8.

[Wittmann, 1938] — *Wittmann W.* Das Isisbuch des Apuleius. Frankfurt, 1938.

[Yeivin, 1971] — *Yeivin Sh.* The Israelite Conquest of Canaan. Istanbul, 1971.

[Yoyotte, 1961] — *Yoyotte J.* Les principautés du Delta au temps de l'anarchie libyenne (Études d'histoire politique) // *Mélanges Maspero I: Orient ancien.* 1961. 4-e fasc.

[Žabkar, 1975] — *Žabkar L.V.* Apedemak Lion God of Meroe. A Study in Egyptian-Meroitic Syncretism. Warminster, 1975.

[Zibelius, 1972] — *Zibelius K.* Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten. Wiesbaden, 1972.

[Zibelius-Chen, 1988] — *Zibelius-Chen K.* Die ägyptische Expansion nach Nubien. Eine Darlegung der Grundfaktoren. Wiesbaden, 1988.

[Zimmermann, 1912] — *Zimmermann F.* Die ägyptische Religion nach der Darstellung der Kirchenschriftsteller und die ägyptischen Denkmäler. Paderborn, 1912.

[Zucker, 1950] — *Zucker F.* Athen und Ägypten bis auf den Beginn der hellenistischen Zeit // *Aus Antike und Orient.* Leipzig, 1950.

[Zyhlarz, 1930] — *Zyhlarz E.* Das meroitische Sprachproblem // *Anthropos.* 1930. V. 25.

[Zyhlarz, 1960] — *Zyhlarz E.* Zum Typus der kaschitischen Sprache // *Anthropos.* 1960. V. 55.

ГЛАВА 3

Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти

§ 1. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной историографии

Характеризуя изучение данной тематики в целом в зарубежной египтологической литературе, следует отметить практически полное отсутствие его индоктринированности со стороны каких-либо политических или идеологических концепций. Большинство авторов, писавших о древнеегипетской экономике и социальной структуре, ставили себе задачу *описать* изучаемые ими явления, а не *оценить* их при помощи тех или иных социологических терминов (некоторые из них, употреблявшие, например, применительно к Среднему царству термин «феодализм», были бы, пожалуй, поставлены в затруднение задачей дать этому термину развернутое мотивированное определение). Чрезвычайно малое внимание привлекала к себе такая злободневная для отечественной историографии тема, как изучение отношений эксплуатации в древнем Египте: немногие посвященные ей исследования, опять же, носят прежде всего описательный характер. Вместе с тем особое место в данной тематике занимает изучение древнеегипетского права, основой для которого стали накопленные в первой половине — середине XX в. массивы документального материала демотических текстов I тыс. до н.э. и текстов из поселения работников фиванского некрополя в Дейр-эль-Медине (близ Фив). Наконец, в середине XX в., вслед за появлением работ Г. Чайлда о генезисе

производящего хозяйства и цивилизации, эта тематика, сработанной ею методологией (особым вниманием к археологическим и историко-экологическим материалам, изучению структуры поселений и т.п.) также становится актуальной, хотя и не определяющей, в исследованиях древнеегипетского общества.

Изучение древнеегипетских экономики и общественного строя. Наиболее масштабной попыткой «вписать» экономические структуру и отношения, существовавшие в древнем Египте, в общую схему исторического развития, следует считать работы Э. Мейера (прежде всего его фундаментальную «Историю древности»). Как известно, этот выдающийся историк-теоретик — один из целой плеяды таких исследователей древности, сформировавшихся на рубеже XIX–XX вв. под явным влиянием развития социально-экономических штудий на материале нового времени (М.И. Ростовцев, К. Бюхер, М. Вебер), — придерживался так называемой *циклической теории*, согласно которой человечество на протяжении своей истории несколько раз, на разных уровнях, проходило через этапы архаики (первобытнообщинный строй, формация, сложившаяся в Западной Европе после гибели римского государства), феодализма и капитализма. Египет, как и Ближний и Средний Восток в целом, принадлежал, с точки зрения Мейера, к феодальной формации; общества древности этого типа генетически предшествовали зарождению и расцвету торгово-промышленного «капитализма» эпохи античности. Теория Э. Мейера оказала большое влияние на теорию изучения древневосточного общества не только в западной, но и в отечественной историографии (достаточно сказать, что именно его считал самым выдающимся историком мира основоположник советского востоковедения В.В. Струве). Более поздняя попытка А. Тойнби вписать Египет в еще одну универсальную историческую схему, в качестве одной из замкнутых на себя «цивилизаций», невыгодно отличается от теории Э. Мейера незнанием ее автором собственно египетского материала на профессиональном уровне.

Небольшим, но показательным эпизодом в египтологии европейского «смутного времени» второго десятилетия XX в. представляется оценка А. Эрманом [Egman, 1919] «пророческой литературы» эпохи Среднего царства как описаний социального переворота. Подобная трактовка не только была неразрывно связана с историческим и духовным фоном этого времени, но опять же,

имела, как мы еще увидим, прямые аналогии в отечественной историографии.

Плодовитым исследователем, разрабатывавшим древнеегипетский материал в социологическом ключе (хотя и в тесной связи с правовой проблематикой), стал Ж. Пиренн. Его первые исследования этого направления появились в 1930-е гг., однако их итоги были подведены уже в середине XX в. [Pirenne, 1936; 1947; 1954; 1956; 1968]. Определяя древнеегипетское общество в целом как «феодальное», возникшее на основе трансформации «племенных» структур и номовых «городов-государств» в монархию, основанную на патерналистских отношениях между правителем и подданными (в подобной схеме угадывается определенное влияние исследований в начале 1950-х гг. Т. Якобсеном месопотамского материала), Пиренн отводит особую роль в жизни древнего Египта городам. Именно они, с его точки зрения, были, в силу своей основной экономической функции (служить центрами внутреннего и международного обмена), структурами, сравнительно автономными от власти, — как в эпохи централизации, так и в чисто «феодальные» периоды раздробленности, когда в сельской местности главной силой становилось замкнутое на себя «манориальное» землевладение.

Постепенное накопление папирусов и остраконов из поселения ремесленников фиванского некрополя в Дейр-эль-Медине сопровождалось появлением работ, основанных на их материале. Главным его исследователем, в итоге подготовившим сводные издания иератических папирусов и документальных острака Дейр-эль-Медины (совместно с С. Сонроном), был чешский египтолог, после 1938 г. работавший на Западе, Я. Черни [Černý, 1970; 1978; 1986; Sauneron, 1959]. Уже в 1950-е гг. появляются его исследования, посвященные проблемам обмена в древнеегипетском обществе эпохи Рамессидов (ценам и заработной плате), семейным отношениям на материале Дейр-эль-Медины [Černý, 1954]. Я. Черни приходит к выводу о, несомненно, более «рыночном» характере экономики Нового царства по сравнению с III тыс. до н.э., так как в это время металл (прежде всего серебро) окончательно приобретает значение мерила стоимости. В итоговой монографии Я. Черни [Černý, 1973] о поселении в Дейр-эль-Медине была подробно проанализирована терминология папирусов и острака, связанная с сооружением гробниц, судопроизводством (термин

«место правды»), организацией труда работников (термин «команда» и различные должности, связанные с управлением этой рабочей ячейкой), должностными лицами, людьми, находящимися в разных статусах зависимости; детальность проанализированного материала позволила сделать просопографические и генеалогические наблюдения относительно целого ряда «персонажей» этого поселения работников. Освоение материала Дейр-эль-Медины не прекращается до сих пор: так, вскоре после выхода монографии Черни появляется работа Я. Янсена о ценах на товары в рамесидский период, основанная на том же материале [Janssen, 1975]; позднее представить общий очерк истории и быта этого поселения в период XIX—XX династий попыталась Д. Вальбелль (исходно занимавшаяся куда более скромной задачей каталогизации весовых эталонов из Дейр-эль-Медины [Valbelle, 1977; 1985]). В настоящее время непрерывно пополняющийся материал документов Дейр-эль-Медины подвергается обработке количественными методами, путем создания компьютерных баз данных.

Если материал Дейр-эль-Медины открыл исследователям картину хозяйства и образа жизни рядовых (хотя, учитывая столичное положение этого поселения, квалифицированных и достаточно зажиточных) работников Египта Нового царства, то источником по функционированию крупных хозяйств этого времени, входивших в государственный сектор экономики, считается папирус Вильбур (документ, близкий по своей специфике земельному кадастру). Этот текст был опубликован в середине XX в. [Gardiner, 1941—1948; Faulkner, 1952]: в дальнейшем появился целый ряд построенных на его материале исследований, посвященных правовому статусу царских земель, отношениям государства с хозяйствами храмов, частным держанием на царской земле, категориям работников царского хозяйства [Baer, 1962; Menu, 1970; Katary, 1989; Warburton, 1997]. Обширным комплексом источников по типичному крупному хозяйству, существовавшему в начале Среднего царства в районе Фив, стал архив Хеканахта, обнаруженный еще в 1920-е гг. (эталонная публикация — [James, 1962]); с этого времени особенности управления крупными имениями Среднего царства, арендных отношений на их территории, специфики социального слоя, к которому принадлежали владельцы таких хозяйств, решаются в значительной мере на материале этого комплекса документов [Menu, 1970a; Goedicke, 1984]. Большим достижением

1970-х гг., предоставившим египтологам данные о функционировании крупных государственно-храмовых хозяйств Древнего царства, стали публикация и исследование архива заупокойного храма царя V династии Нсферирикара-Какаи в Абусире, предпринятые П. Познер-Криже [Posener-Kriéger, 1976; 1979]: данные архива содержали сведения как о жреческом персонале храма и его обязанностях, сопряженных с отправляемыми в нем ритуалами (в связи с этим рассматривается и вопрос о снабжении храма всем необходимым для их отправления), так и о храмовом хозяйстве и его работниках. Вплоть до введения в оборот этого комплекса источников, изучение государственного хозяйства эпохи Древнего царства основывалось прежде всего на так называемых иммунитетных грамотах (см. ниже, в связи с древнеегипетским правом) — текстах, данные которых были достаточно ограничены, а терминология давала пищу для постоянных споров.

Охарактеризованные исследования рассматривали отдельные проблемы древнеегипетской экономики, определяемые конкретными источниками, лежащими в их основе. Говоря о попытках описания этой экономики в целом и на большом историческом протяжении, необходимо в первую очередь указать на колоссальные по своему охвату работы В. Хелька. Одна из них, вышедшая в шести частях [Helck, 1961—1969], посвящена экономической истории эпохи Нового царства: в ней подробно, с анализом соответствующей терминологии, рассматриваются функционирование экономики новоегипетских храмов (в частности, в столицах — Фивах и Мемфисе), проблемы собственности на разные виды недвижимого имущества (в том числе гробницы, пожалованные царем или сооруженные самими их владельцами), снабжение храмов за счет пожалований от царя и вкладов частных лиц, использование в хозяйствах скота, степень распространения и особенности труда рабов, а также цены на них в новоегипетское время, производство зерновых культур и состав пищевого рациона в эпоху Нового царства, использование в ремесленном производстве и строительстве разных видов материалов и сырья (от кожи для сандалий до драгоценных металлов), их степень распространения и цены на них. Как показывает характеристика этой работы, она была задумана не как обобщение материала, нацеленное на получение определенных конкретных выводов, а как его систематизированная свodka, хотя и предлагающая определенные частные заключения,

но прежде всего дающая пищу для работы других авторов. Большой степенью обобщения отличается другая основополагающая работа Хелька, посвященная хозяйственной истории древнего Египта в III—II тыс. до н.э. [Helck, 1975]. В ней характеризуются географические условия развития египетской экономики, прослеживаются ее самые ранние этапы, доступные изучению (эпоха I—II династий), ее эволюция на протяжении Древнего, Среднего и Нового царств. Обсуждаются проблемы внешней торговли древнего Египта, соотношение в его экономике города и деревни, роль в ней храмовых хозяйств, социальный состав древнеегипетского населения, особенности существовавших в рассматриваемый период отношений собственности. Принцип описания материала, примененный Хельком в связи с изучением новоегипетской экономики, сохраняется в какой-то мере и в этой работе; в то же время она, несомненно, излагает собственные выводы автора более сжато и явно. Однако с наибольшей откровенностью В. Хельк высказал свои взгляды на устройство египетского общества в сравнительно небольшой работе, предшествовавшей появлению его фундаментальных трудов [Helck, 1959]. В ней он придал особое значение отсутствию в древнем Египте III—II тыс. до н.э. социальных слоев, играющих необычайно важную роль практически во всех прочих обществах древности, — свободных ремесленников и торговцев-предпринимателей. Ремесленники включены в систему аппарата государственной экономики Египта и сильно ограничены в своих возможностях работать и сбывать продукцию вне его рамок; все распределение ресурсов, включая их доставку, при необходимости, из-за пределов страны централизовано и осуществляется государственными функционерами (население необходимые ему виды продукции получает со складов). Даже в эпоху сравнительно большей эмансипации общества от государства во времена Нового царства настоящего слоя коммерсантов в Египте не складывается: торговля приобретает больший масштаб, но все равно ведется людьми, так или иначе связанными с государственным или храмовым хозяйством. Наконец, древний Египет не знает прослойки «людей свободных профессий» — врачей, артистов, преподавателей, людей литературы: все эти занятия так или иначе «вписаны» в государственную структуру. В итоге В. Хельк приходит к выводу о резком различии не только в принципах функционирования, но и в самом мироощущении египтян и представителей нашей

цивилизации — различии, которое необходимо иметь в виду, анализируя, к примеру, побудительные мотивы, которыми египтянин руководствовался в том или ином поступке (с точки зрения исследователя, даже общество Месопотамии оказывается гораздо ближе по своим принципам и «понятнее» нам, чем древний Египет). Подводя некоторый итог работам В. Хелька по древнеегипетской экономике и общественным отношениям, можно сказать, что, несмотря на явный отказ их автора характеризовать описываемые им структуры при помощи каких-либо социологических определений, они еще долгое время не будут превзойдены по масштабности охвата в них фактического материала и педантичности в его интерпретации.

Проблемы форм зависимости, в том числе рабства, в древнем Египте. Уже отмеченная неиндоктринированность зарубежной египтологии, включая ее отрасли, связанные с изучением общественных отношений, привела к тому, что проблемы классовых противоречий и эксплуатации рабочей силы не заняли в ней сколько-нибудь значимого места. Пожалуй, первым опытом обращения к этой теме можно считать небольшую брошюру В. Шпигельберга [Spiegelberg, 1895] о «рабочем движении» в Египте эпохи Рамессидов (по знаменитым известиям о забастовке работников фиванского некрополя). Терминологический анализ, связанный с понятием «раб» в древнеегипетском языке, был впервые проведен Ж. Байе [Baillet, 1905–1907]. Специальная монография, посвященная проблеме рабства в древнем Египте, выходит из-под пера египетского исследователя А.М. Бакира [Bakir, 1952]: исходя из классического для римского права определения раба как собственности («вещи», «инструмента») своего хозяина, он приходит к выводу о том, что рабство в древнеегипетском обществе существовало в период Нового царства и в начале Позднего периода; даже в эти эпохи его юридические нюансы, по сравнению с классической античностью, оказываются не разработаны. Для остальных эпох древнеегипетской истории исследователь считает возможным говорить лишь о тех или иных формах зависимости, характерных для более «простого» по сравнению с античностью общества.

После Второй мировой войны страна классической египтологии — Германия — оказалась на 45 лет разделена на две части. Естественно, что египтологи Германской Демократической Республики не были индифферентны к методологии исследований

и теоретическим дискуссиям, которые в 1960–1970-е гг. были свойственны советскому востоковедению. Б. Брентьес попытался проанализировать эволюцию древнеегипетской изобразительной традиции с точки зрения развития общественных отношений, от «военной демократии» к жестко стратифицированному классовому обществу. В этой связи он наметил такие вехи, как смена коллективных сцен индивидуализацией образа правителя на заключительном этапе додинастии, гуманизацию образа царя в начале Среднего царства и в амарнское время как следствие острых социальных кризисов в эти периоды (при этом данная гуманизация относилась за счет влияния низших социальных слоев, противостоявших элите; самосознанию последней наилучшим образом соответствовало искусство Древнего царства). В более поздней работе [Brentjes, 1968] этот же автор, отталкиваясь от замечаний других исследователей о роли в древнем Египте крупной земельной собственности, приходит к выводу о том, что именно складывающиеся на ее основе отношения эксплуатации были для его общества структурообразующими; при этом особое значение имело вовлечение в эти отношения крупнейшего собственника — государства. Подвергнуть древнеегипетское общество и существовавшие в нем классовые антагонизмы анализу в категориях, выработанных в ходе дискуссии об «азиатском способе производства» в советском востоковедении 1960-х гг., попытался Д. Франке [Franke, 1973]; надо заметить, что в более поздних своих работах он оказался под большим влиянием методологии отечественного египтолога О.Д. Берлева, в принципе предпочитавшего воздерживаться от применения к египетскому материалу социологических терминов [Franke, 1998]. Уже на самом «излете» «социалистического» этапа в истории Восточной Германии Э. Эндесфельдер ([Endesfelder, 1991]; сама работа, очевидно, готовилась в годы, предшествовавшие ее публикации) попыталась продемонстрировать, каким образом эволюция государства и классовообразование в древнем Египте оказались неразделимо связаны. Считая классовую дифференциацию важнейшим фактором в становлении цивилизации, она высказала мнение, что господствующий класс в Египте вырос из группировки, еще с додинастического периода неразрывно связанной с царским двором. Процесс классовообразования был сложным и длительным, включавшим такие этапы, как сложение развитой администрации в начале — середине I династии (ср.

с новациями в титулатуре при царе Дене) и распространение той системы управления, которая сложилась в царской «резиденции», на всю страну — уже в эпоху строительства пирамид.

Внимание некоторых исследователей привлекли особенности форм зависимости в древнем Египте в Позднее время. Так, Б. Меню [Menu, 1977] пришла к заключению о фактическом отсутствии рабства в этот период, констатируя стирание грани между терминами *hmt* и *b3k* — наиболее частотными обозначениями личной зависимости в предшествующее время и предположив, что как «самопродажа», так и продажа рабов в позднем Египте были всего лишь формами заключения контракта о предоставлении в чужое распоряжение рабочей силы. Напротив, Э. Круз-Уриб [Cruz-Uribe, 1982] высказал мнение, что наличие в позднем Египте рабства несомненно, однако раб, будучи ущемлен в праве распоряжения своим имуществом и рабочей силой, все же сохранял определенный статус, охраняемый законом.

Проблемы исторической экологии и типологии поселений в древнем Египте. Введение Г. Чайлдом в начале 1950-х гг. на основе археологического исследования комплексов рубежа мезолита и неолита понятия «неолитическая революция» и разработка им «эталонных» признаков цивилизации стимулировали интерес к самому раннему периоду истории всех древних обществ, в том числе и древнего Египта. Важнейшей частью исследований «неолитической революции» стало выявление ее экологических предпосылок: применительно к Египту это означало рост интереса к его палеоклиматологии и формированию в долине Нила экологических предпосылок для ирригационного земледелия, значение которого для его культуры общеизвестно. Это значение приобрело характер своего рода «ирригационного детерминизма» в работах К. Бутцера, выдвинувшего идею «гидравлической цивилизации» древнего Египта [Butzer, 1958—1959; 1976]. Его исследования палеоклиматологии Сахары показали, что период аридизации в этом регионе (прекращение дождей, исчезновение крупных животных) приходится на IV — конец III тыс. до н.э.; в это же время меняются экологические условия и в Египте (беднеет фауна, исчезают крупные деревья, происходит наступление песков на аллювиальную долину в Среднем Египте). К. Бутцер впервые проводит серьезные исследования флюктуаций уровня нильских разливов на протяжении египетской истории и зависимости от них распределения

поселений в долине Нила (в частности, был сделан вывод о низкой, из-за наступления песков на аллювий, плотности населения Среднего Египта, которая выросла только вследствие внутренней колонизации в эпоху Нового царства). Понятно, что взаимосвязь экологических факторов и социально-политического развития Египта представлялась этому автору определяющей.

Попытка более подробной реконструкции генезиса и ранней эволюции ирригационной системы в долине Нила была предпринята Л. Кржижаняком [Krzyzaniak, 1977]. Ключевым этапом в этом процессе, после которого резко активизировался политогенез и началось зарождение специфической древнеегипетской культуры с государственной идеологией в качестве одного из важнейших ее элементов, исследователь считает выделяемый им в середине IV тыс. до н.э. археологический этап Омари А и последовавший за ним период Нагада II/Герзе. Вместе с тем отмечалось, что многие тезисы этой работы (в частности, о появлении уже на раннем этапе египетской истории развитых форм обмена) остались без достаточного обоснования.

В 1958 г., в рамках международного симпозиума по проблемам ранней урбанизации на Ближнем Востоке («City Invincible»), Дж. Уилсоном была высказана парадоксальная точка зрения, отразившаяся в работе «Египет на протяжении Нового царства: Цивилизация без городов» [Wilson, 1960]. Уилсон обратил внимание на чрезвычайно ранний и ускоренный ход политогенеза в Египте, позволивший этому региону, с точки зрения автора, миновать в своем развитии фазу номовых городов-государств (ярко представленную в Месопотамии). В дальнейшем в едином египетском государстве так и не появилось города, который мог бы считаться его столицей, органическим политическим центром; принадлежность египтян к государству была прямой и не опосредовалась участием в каких-либо промежуточных структурах (прежде всего в городских общинах). Эта особенность Египта проявилась и в структуре расселения ее жителей, в которых, как представлялось, преобладали чисто земледельческие поселки. Выступление Дж. Уилсона в какой-то мере послужило стимулом для дальнейших исследований урбанизации в древнем Египте, пионером которых стал Б. Кемп. Этот исследователь, опиравшийся, в отличие от Уилсона, не только на письменный, но и на обширный археологический материал (в частности, на результаты многолетних исследований столицы

Эхнатона в районе Телль-эль-Амарны) показал, что в структуре египетских поселений Нового царства, помимо городов и сельских поселков, есть еще одна специфическая структура — храмы, основываемые за пределами освоенной территории [Кемп, 1972; 1977—1978]. Соглашаясь с мнением Уилсона о том, что Египет миновал в своем развитии фазу ранних городов-государств, Б. Кемп, тем не менее, привел убедительные свидетельства в пользу того, что и на заре египетской истории, и в дальнейшем городские поселения функционально, по четко наблюдаемым археологическим признакам, выделялись среди поселений сельских, и в этом отношении Египет не отличался от других ранних обществ [Кемп, 1977]. В своей итоговой монографии [Кемп, 1989] Б. Кемп учитывает свои прежние наработки по проблеме древнеегипетского урбанизма, но посвящает ее более широкой проблеме — эволюции древнеегипетского общества в целом, вплоть до эпохи Нового царства. Учитывая целый ряд параметров (развитие идеологии, характер поселений и степень воздействия на него государства, развитие культуры, в том числе степень влияния «придворной» культуры на народную традицию), автор приходит к выводу, что формативный период в развитии древнего Египта по-настоящему закончился лишь к началу Нового царства. Признаками «зрелости» Египта — прежде всего его государственности — на этом этапе Кемп считает достижение ею полной «свободы маневра» как в административных делах (благодаря окончательному сложению развитого аппарата управления), так и в идеологии. Роль государственного сектора в экономике Египта (прежде всего в «редистрибуции» материальных благ) Кемп оценивает как очень высокую, однако обращает внимание на естественную для него негибкость.

Следует заметить, что актуальность работ данного направления, с их достаточно высокой долей теоретизирования, снизилась к концу 1980—1990-х гг. Причины этого довольно очевидны: именно к этому времени, благодаря новым археологическим исследованиям, оказался накоплен огромный конкретный материал по времени додинастики и Раннего царства — периодам, наиболее существенным для этих теоретических построений. Понятно, что новым попыткам обобщения этого материала на серьезном уровне должна предшествовать его тщательная интерпретация, которую до сих пор нельзя считать завершенной.

Изучение системы государственного управления в древнем Египте. Первые работы, посвященные системе администрации древнего Египта, появляются в начале XX в.: их авторов [Moret, 1916; Pirenne, 1935] в наибольшей степени привлекает проблема надлома египетского государства в конце Древнего царства и накануне I переходного периода. Обобщающие исследования, учитывающие материал по администрации Египта на протяжении крупных исторических периодов, начинают создаваться в послевоенное время, и здесь, как и в изучении древнеегипетской экономики, несомненный приоритет принадлежит В. Хельку. В 1950-е гг. им были написаны две большие монографии, посвященные администрации эпох Древнего, Среднего и Нового царств. Первая из них [Helck, 1954] построена на анализе многочисленных титулов сановников Древнего царства с целью отделения тех из них, которые носили чисто престижный характер, от связанных с исполнением реальных административных функций. Соотношение этих двух категорий титулов не было постоянным: с течением времени могла происходить трансформация титулов второй категории в первую. Историческая эволюция древнеегипетской административной системы III тыс. до н.э. представлялась В. Хельку следующей: на заре своей истории Египет был непрочным объединением общностей, внутри каждой из которых сохранялась своя собственная иерархия; соответственно, цари первых династий при осуществлении своей власти могли полагаться вполне лишь на людей, связанных с ними ближайшим образом, — прежде всего своих родственников. Отсюда берет начало большое значение царевичей в администрации этого времени. Первым переломным этапом в ее развитии (по сути дела, временем формирования подлинного административного аппарата с центром в Мемфисе и, по мнению Хелька, системы номов) становится царствование Джосера (начало III династии). В это время появляется и приобретает значение должность визиря — единственная, которую и в дальнейшем занимают представители царствующего дома; кроме того, формируется представление о том, что чиновники заимствуют свою власть непосредственно от сакрального авторитета царя. Следующий важный этап приходится на время IV династии, когда утверждается культ бога Солнца и, соответственно, несколько снижается сакральный статус самого царя. Связь визирей (которые перестают в обязательном порядке принадлежать к царской династии)

и других чиновников с авторитетом царя ослабляется, их власть начинает описываться с помощью целого ряда дробных титулов, и одновременно усиливается связь чиновников с религиозной сферой. На этом этапе происходит разрыв целого ряда древних титулов с исполнением реальных административных функций; тем не менее авторитет и влияние их обладателей, передающих их по наследству, сохраняется (более того, именно эти титулы, ввиду предполагаемой ими связи их носителя с сакральными качествами царя, сообщают ему особый престиж).

В основе монографии В. Хелька, посвященной администрации Египта во II тыс. до н.э. [Helck, 1958], нет столь стройной концепции, и она в гораздо большей степени представляет собой компендиум фактического материала, сходный с его работами по хозяйственной истории Египта. Сделанные им наиболее существенные наблюдения состоят в том, что власть царя в эпохи Среднего и Нового царства не была непререкаемой: функционеры, близкие ко двору, имели не только право, но и обязанность подавать царю советы, оказывающие мощное влияние на принятие им решений. Укрепление царской власти на протяжении Среднего царства Хельк связывает с распространением царских доменов — территорий, находящихся под прямым контролем царя, без посредства местных правителей, укрепившихся, как известно, в I переходный период. Подобные домены появились практически в каждом номе, и их управляющие, в итоге, перетянули на себя властные полномочия, принадлежавшие до этого местным «феодальным» правителям. Соответственно, обратный переход этих полномочий произошел с упадком царской власти в конце Среднего царства. Помимо этих обобщающих наблюдений (относящихся, как видно, прежде всего к первой половине II тыс. до н.э.), монография представляет собой подробный анализ титулов функционеров египетской администрации, в определенной мере дает представление об их просопографии, ставит вопрос о роли в администрации царской резиденции, рассматривает такие традиционные по данной теме источники, как надписи гробницы визира Рехмира, папирус Вильбур, рамессидские административные документы [Gardiner, 1948] и т.д.

Наметившийся еще в начале XX в. интерес к проблеме падения Древнего царства и, в частности, его предпосылок в административном развитии Египта предшествующих веков, сохранился и в

дальнейшем. Сбору и интерпретации материала по титулам вельмож времени V и VI династии — последних эпох мощи и стабильности Египта перед его распадом в конце III тыс. до н.э. — была посвящена монография К. Баэра [Baer, 1960]. Ее автор выразил несогласие с мнением В. Хелька об особом престиже титулов, маркирующих связь с сакральными качествами царя и в начале Древнего царства «зарезервированных» за чиновниками, принадлежавшими к его дому. С его точки зрения, на протяжении V–VI династий существовала единая иерархическая «шкала» титулов вельмож (их общее число — до 1600, из них 50 — наиболее частотных); в соответствии с этой шкалой выстраивались перечни титулов вельмож в их гробницах. Данная шкала не была неизменной, и «подвижки» в ней отражались в изменениях последовательности титулов на стенах гробниц. К. Баэр провел последовательное различие между титулами, обозначавшими реальные административные функции и обозначавшими некое личное качество человека, независимо от его служебного статуса (типа *nb im3h* — «владыка почтения»). Несмотря на свой чисто формальный характер, данная работа стала важным инструментом в последующих исследованиях памятников второй половины III тыс. до н.э.

Системе местного управления в Египте конца Древнего царства была посвящена монография Е. Мартин-Парди [Martin-Pardé, 1976]. Рассмотрев значение самого понятия «ном» с древнейших времен и до конца Древнего царства, автор сделала вывод о том, что традиционное мнение об очень высоком централизме египетского государства Древнего царства даже в пору его расцвета страдает большим преувеличением; в то же время, согласно одному из важнейших наблюдений Е. Мартин-Парди, подлинный упадок центральной царской власти в Египте можно констатировать только со времени Пепи II — последнего царя VI династии. Значительная часть работы посвящена анализу титулов высших должностных лиц номов и уяснению различий между ними.

Анализ материала гробниц вельмож V–VI династий был продолжен Н. Канавати [Kanawati, 1977]. Целью его монографии было проследить изменения в материальном положении столичных и провинциальных вельмож Древнего царства по качеству и, соответственно, стоимости их гробниц, исходя из того, что, за редкими случаями пожалования погребения царем, их возведение и убранство оплачивалось лично их владельцами. Данный анализ

дал несколько неожиданные в свете традиционных представлений результаты: на протяжении рассмотренного периода благосостояние столичных чиновников, от низшего до высшего звена, должно было постепенно сокращаться. Та же тенденция может быть прослежена и на материале гробниц в номах, при том что биографии некоторых провинциальных вельмож не позволяют сделать вывод об упадке контроля царской власти за провинцией к концу Древнего царства. Наблюдения и выводы Н. Канавати идут вразрез с общепринятым в течение долгого времени мнением об усилении влияния провинциальных вельмож как одним из главных факторов ослабления царской власти и падения Древнего царства, побуждая, таким образом, к поиску иных объяснений этого явления. Исследования Канавати были продолжены в его монографии [Kanawati, 1980], посвященной изменениям во внутренней политике царской власти в Египте с конца V по конец VI династии. Автор приходит к важному выводу, подкрепляющему тезисы его предыдущей работы: контроль центральной власти над положением в номах Египта неизменно сохранялся на протяжении всего исследуемого периода.

Еще одна важная работа по египетской администрации Древнего царства принадлежит Н. Страдвiku [Strudwick, 1985]. Ее материалом опять же послужили надписи гробниц вельмож; поэтому существенное внимание автор уделил разработке критериев их датировки. Прежде всего, в работе был рассмотрен материал из района Мемфиса (столичная область Египта Древнего царства; соответственно, упор был сделан на изучение титулов высших должностных лиц): на основании проведенного анализа гробниц вельмож была сделана попытка реконструировать структуру египетской администрации и механизмы ее функционирования.

В работах по администрации Древнего царства, которые мы рассмотрели, происходила разработка методики исследования наиболее массовой категории источников по этой теме — надписей вельможеских гробниц — и были сделаны отдельные выводы (наиболее существенные — у Н. Канавати). Попытка представить относительно полную картину финала Древнего царства (в значительной мере — на материале все тех же источников) была сделана Р. Мюллер-Воллерман [Müller-Wollermann, 1986]. В ее работе, пожалуй, впервые было обращено внимание на период,

следующий за царствованием Пепи II, и четко указано, что существование государственности Древнего царства продолжалось вплоть до конца VIII династии. Мюллер-Воллерман повторяет наблюдение ряда других исследователей о том, что вплоть до конца этого периода местная знать не успела набрать значительного влияния (хотя со времени VI династии такое влияние принадлежит знати столичной). Говоря о причинах кризиса Древнего царства, автор отмечает отсутствие среди них внешних факторов; что же касается факторов внутренних, то наиболее значительным из них ей представляется разрастание бюрократического аппарата, вплоть до несоответствия его размеров ресурсам страны и возможностям центральной власти эффективно им маневрировать. Оценивая эту и другие работы, в которых затрагивается проблема кризиса Древнего царства, следует сказать, что их авторы, отойдя от традиционной сильно упрощенной схемы этого процесса (рост влияния номархов, отбирающих в итоге реальную власть у царя, еще едва ли не с начала V династии), практически не учли такой его важный аспект, как общеближневосточный экологический кризис III тыс. до н.э., — несмотря на явные аллюзии его последствий в ряде нарративных источников [Прусаков, 1999: 134—139]. По-видимому, действительно эффективный синтез достижений историко-экологических (см. предыдущий раздел) и собственно египтологических, ориентированных на традиционные для этой науки источники, исследований станет делом будущего.

Ориентация на тщательный анализ титулов чиновников, проявившаяся в исследованиях администрации эпохи Древнего царства, была воспринята и специалистами по Среднему царству. Наиболее заметны в этой связи две работы У. Уорда. Первая из них — исключительно подробный индекс, учитывающий свыше 1,6 тыс. титулов чиновников, засвидетельствованных в средне-египетских памятниках, и содержащий анализ отдельных лексем, вошедших в их состав [Ward, 1982]. Если эта книга представляет собой прежде всего весьма ценный справочник, то следующая работа Уорда [Ward, 1986], посвященная женским титулам эпохи Среднего царства, оказывается в большей мере исследовательской. Она содержит не только подробный перечень этих титулов, но и дает представление о просопографии их обладательниц, об их роли в царском доме и в династиях местных правителей Египта, о разных аспектах положения женщин, принадлежавших к царскому

«гарему» (неточный, с точки зрения Уорда, перевод термина, скорее означающего «резиденция»).

Одной из наименее популярных тем в исследованиях государственных структур древнего Египта оказывается его армия. По существу, можно назвать лишь несколько небольших статей, посвященных древнеегипетской военной организации [Faulkner, 1953; Christophe, 1957; Kruchten, 1982], и одну, безусловно, лидирующую в рамках этой тематики, монографию А. Шульмана [Schulmann, 1964]. Последняя представляет большую ценность как опыт систематизации известных по источникам древнеегипетских обозначений воинских званий, должностей, функций чиновников, так или иначе связанных с армией, и выявления соотношения между ними. Две монографии, построенные по принципу компендиума источников и их фрагментов, и значительное число статей П.-М. Шевро посвящены просопографии военных деятелей Египта с эпохи Древнего царства и до II в. до н.э. (в том числе выявлению пересечений военных и невоенных, в частности, жреческих занятий и должностей этих лиц [Chevreaux, 1985; 1987; 1989; 1991; 1992; 1994]). Влиянию армии на древнеегипетское государство и общество Нового царства посвящена монография А.М. Гнирс [Gnirs, 1996], рассматривающая как общие аспекты этой проблемы, так и отдельные, наиболее яркие в ее рамках, сюжеты (в частности, влияние армии на наследование царской власти в конце XVIII — начале XIX династий) и карьеры отдельных военных деятелей.

Сравнительно небольшое количество работ посвящено системе управления Египта в Поздний период. Среди них стоит обратить внимание на монографию Х. Кееса [Kees, 1953], в которой характеризуются элементы жреческого и «теократического» правления, появившиеся в политической структуре Египта после краха Нового царства. Позднее появляется работа М. Гайлс [Gyles, 1959], в которой на материале не только египетских, но и греческих и переднеазиатских источников анализируется административная система Египта (как внутреннее управление, так и его внешнеполитические функции), а также особенности идеологических концепций, на которые опиралась царская власть, с XXVI династии и до эпохи Александра Македонского включительно. Наконец, сравнительно недавняя работа Д. Прессли [Pressl, 1998] посвящена системе управления Египтом при XXVI Саисской

династии, в том числе высокой роли в эту эпоху наемников, находившихся на египетской службе.

Проблемы, связанные с ролью в древнеегипетской государственности царя, настолько специфичны, ввиду их религиозно-идеологического аспекта, что основную часть связанных с ними работ имеет смысл рассматривать в отрыве от исследований древнеегипетской администрации. Мы сделаем исключение лишь для одной монографии, принадлежащей У. Мёрнейну и посвященной особому институту, объективно призванному обеспечивать стабильность и преемственность царской власти, — системе соправлений в древнем Египте [Murnane, 1977]. С точки зрения исследователя, этот институт возникает лишь в Среднем царстве (предполагаемые соправления царей Древнего царства он считает фикциями); однако основное его внимание оказывается посвящено Новому царству. Мёрнейн подробно останавливается на реальном соправлении Сети I и Рамсеса II; однако еще большее внимание он уделяет XVIII династии, убедительно показав (в этом состоит его большая заслуга), что многократно постулировавшееся соправление Аменхотепа III и Эхнатона не могло иметь места (Мёрнейн отводит и целый ряд других предположений о случаях соправления, которые при тщательном рассмотрении не имели реальных оснований). Поздний период, ввиду единичности случаев царских соправлений в это время, привлекал внимание Мёрнейна слабо.

Изучение древнеегипетского права. Значительная источниковая база для данного направления исследований была накоплена уже к концу XIX в., в ходе издания демотических документов I тыс. до н.э. Обобщить этот материал впервые попытался французский исследователь Э. Ревийу, наряду со статьями по отдельным вопросам египетского законодательства подготовивший монографии по обязательственному праву и понятию собственности в Египте I тыс. до н.э. (от времени Бокхориса и вплоть до начала греко-римского периода [Revillout, 1886; 1897]) и общий курс древнеегипетского права по демотическим источникам, изданный в нескольких вариантах (характерной чертой его исследований было сопоставление древнеегипетского права с другими правовыми системами — как древности, от вновь открытых законов Хаммурапи до римского права, так и нового времени [Revillout, 1884; 1903; ср.: Revillout, 1880; 1882; 1896]). Изучение демотических документов

было продолжено В. Шпигельбергом, который, вместе с тем, начал изучение и более ранних правовых источников Нового царства [Spiegelberg, 1892; 1909; 1914; 1923]. В первые десятилетия XX в. стала известна целая серия документов, служащих источниками по изучению как системы управления, так и раннего этапа развития права древнего Египта — так называемые иммунитетные грамоты царей V–VI династии, предоставлявшие ряд льгот египетским храмам: после того как они были изданы [Borchardt, 1905; Weill, 1912], их интерпретацией и другими аспектами права эпохи Древнего царства занимаются А. Море [Moret, 1912–1917], Ж. Пиренн [Pirenne, 1931]; он же в начале 1930-х гг. издает монументальный для этого времени трехтомный обзор истории государственных институтов и права древнего Египта на всем протяжении его истории [Pirenne, 1935], А. Шарф и Э. Зайдль (последний изучает также развитие египетского права вплоть до времени Нового царства [Scharff, Seidl, 1939; 1945]). В то же время конец XIX — начало XX в. — это время активного изучения папирусов греко-римского Египта, многие из которых были правовыми документами. Изучение права этого периода и египетских правовых институтов этого же и более раннего времени соприкасаются уже в работах В. Шпигельберга [Spiegelberg, 1928]; позднее этой проблематике посвящает свои исследования Э. Зайдль.

Канун Второй мировой войны и послевоенные годы приносят новое расширение массива источников по древнеегипетскому праву. Начинает вводиться в научный оборот материал папирусов и острака из Дейр-эль-Медины, содержащих ценные сведения по частнопроводным отношениям эпохи Рамессидов; ученик В.С. Голенищева М. Малинин, и ранее публиковавший и исследовавший юридические тексты (прежде всего демотические), публикует их большую подборку, относящуюся к I тыс. до н.э. [Malinine, 1953–1983]; в правовом контексте интерпретируется папирус Вильбур эпохи Нового царства (см. выше); обнаруживаются некоторые частные архивы Позднего периода и относящийся к этому же времени демотический правовой свод из Гермополя (хотя последний, будучи обнаружен еще в середине XX в., долгое время оставался без публикации [Mattha, 1975]). Это обогащение источниковой базы стимулирует исследования правовой тематики. основополагающую роль в связи с этим имело продолжение работ Э. Зайдля — расширенное переиздание его исследования по

египетскому праву до конца Нового царства (ранее — совместно с А. Шарфом, см. выше [Seidl, 1951]) и монографии о древнеегипетском праве в саисско-персидское и греко-римское время [Seidl, 1956; 1962]. Обе эти работы посвящены прежде всего частному праву и рассматривают формулы юридических документов, процедуру частного процесса (для середины I тыс. до н.э. она в документах практически не представлена, но восстанавливается по аналогиям Нового царства и греко-римского периода). Особое значение для правовой процедуры греко-римского времени имели семейные правовые архивы, аналогом которых в греческом праве птолемеевского государства (конечно, гораздо превосходящим их по объему) Зайдль считает знаменитый архив Зенона. Царское законодательство Птолемеев распространялось как на греко-македонян, так и на их египетских подданных; однако в том, что касалось урегулирования частных тяжб между египтянами (на основе как царского, так и традиционного местного права), особую роль играли лаокриты — судьи, как правило, принадлежавшие к местному жречеству (их авторитет вступал в силу и в тех случаях, когда участником юридической коллизии, разрешаемой на основе египетского права, становился кто-то из греко-македонян). Таким образом, работы Э. Зайдля по позднеегипетскому праву во многом нацелены на выявление сложного взаимовлияния античной и египетской правовых традиций в греко-римское время.

В основном на позднеегипетском материале оказываются построены и работы демотиста П. Пестмана, посвященные семейному (с особенным вниманием к юридическому положению замужней женщины, статусу ее имущества и особым «вкладам» или «дарам» жениха и, в ряде случаев, невесты, обусловленным брачными контрактами) и наследственному праву [Pestman, 1961; 1969]. Вместе с тем не остаются без внимания и другие эпохи развития древнеегипетского права. Так, Х. Гёдике в конце 1960-х гг. предпринимает новое сводное издание имунитетных грамот Древнего царства (несмотря на критику ряда его наблюдений в связи с этой группой источников, именно оно является для нее на сегодняшний день нормативным [Goedicke, 1967]) и исследование частных надписей правового содержания, принадлежащих этой эпохе [Goedicke, 1970]. Материалы Дейр-эль-Медины, относящиеся к Новому царству, легли в основу работ одного из крупнейших египтологов-правоведов второй половины XX в. Ш. Аллама (араба

по происхождению, с начала своей научной карьеры работающего в Германии). Проведенная им работа по публикации папирусов и острака рамессидского времени из Дейр-эль-Медины [Allam, 1973] в известной мере продолжала дело, начатое Я. Черни (собственно, она и проводилась с учетом его публикаций и архивных материалов), однако с самого начала имела явный правовой уклон. Выводы, сделанные на этом материале, были представлены в монографии Аллама по процессуальному праву в судебной практике Дейр-эль-Медины [Allam, 1973a], в которой анализировались формулы дошедших до нас юридических документов, полномочия судебных магистратов поселения (и, в связи с этим, компетенция в современной судебной практике фараона и высших чиновников), процедура процесса и роль в ней судебных оракулов. В дальнейшем Ш. Аллам посвящает ряд статей уголовному праву древнего Египта, договорам купли-продажи, гермопольскому правовому своду (см. выше), традиционной египетской судебной инстанции «кенбет» и другим правовым сюжетам [Allam, 1978; 1982; 1986; 1995].

Еще один крупнейший египтолог-правовед, начавший свою работу на рубеже 1960–1970-х гг. и продолжающий ее до сих пор, — это бельгийская исследовательница Б. Меню. Ее первая крупная работа была посвящена интерпретации правовых отношений между царем и его подданными в аграрной сфере на материале рамессидского папируса Вильбур [Menu, 1970]. Согласно ее наблюдениям каждое крупное хозяйство (домен) на государственной земле делилось на несколько секторов; часть из них относилась непосредственно к этому хозяйству, а часть могла использоваться для различного рода операций, причем не столько субъектом, во владение которого был передан данный домен, сколько стоящим над ним государством. Такие операции состояли в передаче отдельных участков земли в держание или аренду средним землепользователям (например, воинам), причем такие держания могли быть как отчуждаемыми, так и неотчуждаемыми. Общая идея данной работы состоит в подчеркивании высокой, определяющей роли государства в распоряжении выделенной им в держание земель. Практически одновременно с данной работой, в небольшой статье [Menu, 1971], Б. Меню высказала еще более резкий вывод о характере землепользования в древнем Египте: с ее точки зрения, в правовом сознании египтян понятие собственности

на землю отсутствовало, не находя основы в контролируемой государством системе распределения земельных владений между храмами и частными держателями; позднее она еще раз [Menu, Nagari, 1974], на материале Древнего царства, пришла к выводу, что владение частными лицами землей могло иметь место только через посредство государства (к фактическому положению — но не к титулу — частной собственности на землю приближались только земли, выделяемые тем или иным лицам в заупокойное обеспечение). Еще одна обширная работа Б. Меню, посвященная займам в древнеегипетской правовой практике Нового царства и Позднего периода [Menu, 1973], помимо чисто юридических, содержит важное социально-экономическое наблюдение: исходно беспроцентные, сделки по займам в Поздний период приобретают стандартное условие 50 % годовых, при том что общая сумма приплаты к долгу могла достигать 100 %. В дальнейшем исследовательница публикует целый ряд исследований по частным вопросам древнеегипетского права, которые были суммированы в двух сборниках ее работ, вышедших в 1980-е гг.: стоит специально упомянуть четко очерченную в этих сборниках проблематику различных видов сделок.

Как видно (особенно явно — как раз на примере работ Б. Меню), разработка правовой тематики в западной египтологии, в полном соответствии с общей тенденцией мировой гуманитарной науки, не просто смыкается с исследованиями в области экономики, но, по существу, представляет собой их разновидность. Стоит, однако, отметить существенное падение интереса к обоим этим направлениям исследований в 1980—1990-е гг., в течение которых в их историографии практически не появилось новых имен.

Царская власть в древнем Египте и ее идеология. Сакральные статус и характер власти египетского царя стали достаточно очевидны уже при первом знакомстве с собственно египетскими источниками на заре египтологии; однако серьезное исследование связанного с ними круга проблем началось по сути дела лишь в начале XX в. Характерной особенностью разработки этих проблем оказывается то, что в абсолютном большинстве случаев она ведется исключительно на древнеегипетском материале: даже античные источники, отражающие положение царя в Египте, подвергаются интерпретации сравнительно редко; что же касается привлечения параллелей, связанных с государственной идеологией других

обществ (хотя бы только в ближневосточном ареале), то работы, где такие попытки предпринимаются, крайне немногочисленны. Вторая черта полемики по проблемам царской власти в древнем Египте состоит в том, что часто полярность высказываемых в ее ходе мнений, как ни странно, плохо осознается ее участниками; сама же эта полемика почти никогда не приобретала форму последовательной, открытой дискуссии.

Бог или человек с божественной властью? Проблема сакрального статуса царя в египетской картине мира. Первым специальным исследованием, в котором для этой проблемы было предложено разрешение, можно считать монографию А. Море [Moret, 1902]. Согласно его мнению, царь воспринимался египтянами как потомок и преемник древних царей-богов и как физический сын верховного божества; именно в силу родства с богами он имел возможность предстательствовать за Египет перед богами и возглавлять культы страны, имевшие для него своего рода «семейное» значение. Сакральность статуса фараона, акцент, который делается на ней в огромном числе текстов, определяется тем, что это кажется необходимым для успешного осуществления его функции посредника между миром и богами. Фараон не является в глазах египтян божеством «в полном смысле слова»; однако в большинстве случаев на первый план выходит именно божественный, а не человеческий аспект его статуса.

В первой половине нынешнего века мнение Море было поддержано едва ли не большинством исследователей [Jacobsohn, 1939], а в трудах некоторых из них приобрело даже еще более категорическое звучание [Baillet, 1912–1913]. Последним значительным исследованием, в целом выдержанным в «традиции Море», но поставившим вопрос о восприятии царской власти в Египте в более широкий контекст проблемы архаического мышления ранней древности (в частности, на основе сопоставления египетского и месопотамского материала), стала работа Г. Франкфорта «Царственность и боги», выдержавшая два издания в середине XX в. [Frankfort, 1948; 1959]. Согласно мнению Франкфорта, в восприятии людей ранней древности весь мир предстал в качестве системы связей, субъектами которых являлись как сами люди, так и персонифицированные и обожествленные силы природы. В рамках такого видения мира основной, исключительно важной функцией царя было поддержание гармонии этой системы связей, в

том числе нормальных, взаимно благоприятных отношений между возглавляемым им сообществом и божествами. Франкфорт не сомневается в личной божественности царя в глазах его подданных; в то же время в его работе значительно более четко, чем у Море, прослеживается мысль, что эта божественность представляет собой в значительной мере не его личное качество, а производную от осуществляемой им функции.

На чисто египетском материале (к тому же относящемся к очень позднему — греко-римскому — времени) и независимо от Г. Франкфорта его идеи получили подкрепление в небольшой, но кажущейся ценной статье Ф. Дершена [Derchain, 1962]. Древнеегипетский храм представляется ему местом, где вступают в соприкосновение два начала — невероятно мощные, но сами по себе пассивные силы божеств и менее могущественный, но побуждающий их к действию посредством ритуалов царь (как известно, именно он изображается как исполнитель культовых действий и донатор во всех ритуальных сценах, а жрецы способны совершать службы лишь в качестве его абсолютно зависимых заместителей). Непрерывное взаимодействие этих двух начал и служит залогом нормального «функционирования» мироздания. В позднее время, когда царская власть слабеет или же когда место царя формально занимают иноземцы, сплошь и рядом (с того времени, как ими стали римские императоры, постоянно) находящиеся вне Египта, проблема поддержания этого взаимодействия не только не теряет актуальность, но становится особо острой (в частности, происходит поиск «заместителей» реального фараона путем перенесения его качеств на божество или придания имперсональности его образу в изобразительном ряде храма). Ценные пояснения в связи с тем, что представляет собой сакральная деятельность, осуществляемая царем, были сделаны в появившейся еще до статьи Дершена работе Р. Антеса, посвященной амарнской эпохе [Anthes, 1952]. Согласно этому автору «программа» деятельности Эхнатона в течение его царствования была для него реализацией *маат* (др.-егип. «правда», «праведность») — постижимого для царя универсального плана, являющегося основой гармоничного мира. Отличия, которые наблюдаются в восприятии понятия *маат* в амарнскую эпоху по сравнению с другими периодами, не столь уж велики; по существу, подобное отношение к деятельности царя в принципе характерно для древнего Египта.

Принципиальные и внятно обозначенные изменения в подходе к проблеме сакральности царской власти в Египте произошли с появлением посвященной ей работы Ж. Познера [Posener, 1960; см.: Коростовцев, 1976: 148, 152–154]. Уделив специальное внимание разрабатывавшимся в связи с этой проблемой источникам, Познер указал, что в большинстве из них — прежде всего в официальных, в том числе храмовых текстах — сакральный аспект царской власти выступает на первый план в силу самой их специфики. Сравнительно редко учитываются материалы частных надписей и литературных текстов, в которых подобный акцент может отсутствовать или быть менее явным. Между тем, по мнению Познера, в египетском видении мира, отразившемся в том числе и в официальных текстах, следует различить два плана: повседневный, в котором протекает реальная жизнь людей в историческое время, и сакральный, к которому относится мифологическое время и трансцендентное миру существование божеств в историческое время. Живой и правящий царь в глазах египтян принадлежал скорее к первому из этих планов: он явно не был трансцендентен миру, а его деятельность, в отличие от деяний богов и даже от существования вечного института царской власти, протекала в реальном времени и была четко ограничена протяжением его жизни. Другой важный момент состоит в том, что в целом ряде случаев, в том числе при осуществлении ежедневного культа богов, фараон оказывается в подчиненном положении по отношению к ним. Это особенно очевидно, когда царь прямо обращается к божеству с просьбами, касающимися его подданных или его лично, либо следует его воле и при этом никак не может быть равен в славе подлинным небожителям. Сакральный аспект в земном существовании царя определяется двумя моментами: во-первых, во главе «этого» мира царь представляет собой как бы «временный аналог» верховного божества во главе мироздания в целом, с чем связаны все случаи его прижизненного наделения божескими эпитетами; во-вторых, будучи главой всех культов, которые могут отправляться только от его имени, царь осуществляет своего рода «взаимный обмен» между миром и богами, возводя для них храмы и обеспечивая им жертвоприношения и получая взамен те условия, от которых зависит благополучие страны. При этом по смерти царь все-таки переходит из повседневного в трансцендентный план, становясь божеством «в полном смысле слова».

Разработка вопроса о соотношении «земного» и сакрального начал в образе живого фараона, по-видимому, под значительным влиянием идей Ж. Познера, была проведена, по сути дела, параллельно Х. Гёдике [Goedicke, 1960]. В своей монографии, написанной на материале частных текстов эпохи Древнего царства и посвященной анализу египетских терминов власти, Гёдике обращает внимание на то, что и земной царь и верховное божество оказываются обладателями титула *nsw-bit* («царь Верхнего и Нижнего Египта»). Один из фрагментов текста эпохи Древнего царства — «Поучения Кагемни» — позволяет связать этот титул с сакральным аспектом власти его обладателя, а именно с его способностью безошибочно постигать и претворять в жизнь маат. По мнению Гёдике, в египетских представлениях фараон оказывается носителем власти и статуса, аналогичных тем, которые принадлежат верховному божеству, и, соответственно, сакральных, однако по природе своей на протяжении жизни он остается человеком. Таким образом, фараон — это уникальное существо, принадлежащее как божественной, так и земной сферам и оказывающееся своего рода посредником между ними.

Этот же подход к проблеме божественности царя проявляется и в работе В. Барта, посвященной исполнению им различных ритуалов [Barta, 1975]. В каждом из них (при том, что все они направлены на поддержание гармоничного миропорядка-маат) царь «замещает» то или иное божество — Хора, реже Ра или Сета. Божественность его, возникающая именно вследствие этого, оказывается таким образом маской, под которой скрывается вполне земная его природа. Определение, которое Барта считает возможным придать характеру власти царя и государственности древнего Египта в целом — это «сакральность», но не «божественность». К близким выводам на материале надписей, сопровождающих изобразительный ряд поздних храмов, пришла М.-Т. Дершен-Уртель [Derchain-Urtel, 1975]: она обратила внимание на то, что в этих надписях царь оказывается «подобен» богу или может именоваться его «живым образом/подобием», но не выступает «в качестве» бога (в египетском языке подобное словоупотребление обозначало бы их эквивалентность).

Как мы видели, в подходе Х. Гёдике поиск «общего» между царем и верховным божеством в древнеегипетских представлениях основывался на анализе термина «царь Верхнего и Нижнего

Египта». Между тем еще в начале XX в. А. Море высказал мысль о том, что «божественность» царя зависит, в частности, от его связи с богом Хором, проявляющейся в особом титуле — так называемом «Хоровом имени»: оно относится к тому компоненту личности царя, который в древнеегипетских категориях обозначался *ка* [Moret, 1902: 19–21]. Эта идея получила развитие в работе У. Швейцер, которая, в соответствии с тенденцией середины XX в., понимала *ка* как присущую людям и богам жизненную силу ([Schweitzer, 1956]; см.: [Большаков, 2001: 29–33]; суждение последнего автора о том, что работа У. Швейцер и предшествовавшее ей несколькими годами исследование Л. Гревен «весьма слабы и ничего нового не дают» представляется и излишне резким, и не столь уж справедливым, особенно учитывая наблюдения Швейцер на материале «Текстов пирамид»). Швейцер также считает «Хорово имя» именем царского *ка*, которое было общим и для царя и для Хора: подобная связь между царем и богом, по ее мнению, обеспечивала жизненную силу всей возглавляемой царем общности. По мере упадка культа Хора как центрального для древнеегипетской религии и его замещения культом солнечного бога Ра (начало III тыс. до н.э.), последний, как верховный бог-демиург, начинает рассматриваться в качестве «источника» царского *ка*. Особая роль *ка* царя выходит на первый план и в гораздо более поздних работах Л. Белла [Bell, 1985; 1997], посвященных царскому культу в Луксоре в эпоху Нового царства. Л. Белл обращает внимание на то, что именно возрождению и обновлению *ка* царя (в котором исследователь опять же видит божественный аспект его личности) был посвящен важнейший для Луксора праздник *Onem*. К сожалению, интересные и перспективные идеи этого исследователя остались недостаточно разработанными; между тем они выводили и на такой существенный сюжет проблемы «божественности» египетского царя, как прижизненный культ его изображений. Наиболее фундаментальным его исследованием, построенным в основном на материале царствования Рамсеса II, но затрагивающим и другие эпохи (прежде всего, царствование Аменхотепа III), является монография Л. Хабаша [Habashi, 1969]. Анализ культа колоссальных статуй Рамсеса II как в Нубии (в Абу-Симбеле), так и на территории Египта, позволяет сделать вывод, что в рамках этого культа чтилось некое начало, отличное от непосредственно личности царя (коль скоро на соответствующих изображениях он

сам может воздавать ему культовые почести). Существенно, что изображения царя, бывшие объектами культа, имели особые имена; в то же время выводы о связи этих имен с чтимой в этих изображениях царской сущностью, равно как и о характере этой сущности либо намечены в работе Хабаши весьма неявно, либо вовсе отсутствуют. К сожалению, в дальнейшем (в исследованиях конца XX в.) тема специфики царского *ка* и культа царских изображений всплывала чисто спорадически, и обращения к ней не дали сколько-нибудь существенных результатов.

Последним по времени обширным авторским исследованием царской власти и ее идеологии в древнем Египте можно считать работу Р. Гундлаха [Gundlach, 1997], посвященную материалу IV—III тыс. до н.э. К сожалению, ее результаты едва ли можно оценить положительным образом. Тезис о том, что царь является в первую очередь посредником между людьми и солнечным богом (в свое время обоснованный Я. Ассманом на материале совершенно конкретного источника эпохи Нового царства [Assmann, 1970]), Гундлах ставит в центр своей работы и с небывалой уверенностью распространяет на все этапы древнеегипетской истории (в том числе на IV — начало III тыс. до н.э., когда солнечный культ заведомо не имел такого значения, как с эпохи IV—V династий). В сущности, уже этот момент ставит под сомнения выводы этой работы, которая к тому же основана на несколько тенденциозном принципе отбора определенных источников, оказывающихся в центре внимания автора.

Следует сказать, что определенное противостояние между тезисами о полной и «неполной» божественности египетского царя, наметившееся было усилиями Ж. Познера, Х. Гёдике и их последователей в начале 1960-х гг., к концу XX в. практически перестало ощущаться в литературе. В этом отношении показательна коллективная монография «Древнеегипетская царская власть» [Ancient Egyptian Kingship, 1995], которая, казалось бы, должна была претендовать на обобщение результатов столетнего исследования данной проблемы. Главные «протагонисты» этого издания Д. О'Коннор, Д. Сильверман и Дж. Бейнс в своих работах, в том числе в разделах данной монографии, принадлежат скорее к историографической тенденции Познера — Гёдике; однако об этом не говорится в явной, обязывающей форме, и наличие в литературе двух подходов к проблеме сакрального статуса египетского

царя практически игнорируется. Данное издание ограничивается тем, что дает весьма расплывчатую характеристику роли царской власти и ее идеологического обоснования в древнеегипетской культуре и, далее, характеристику этих явлений для каждого периода истории Египта (со странным исключением, сделанным для Позднего периода). Таким образом, характеризуя состояние египтологической проблемы сакрального статуса на сегодняшний день, можно констатировать, что на фоне ощутимого расширения связанного с ней материала и совершенствования методик его интерпретации сколько-нибудь обязывающие выводы в связи с ней остаются не сформулированы.

Древнеегипетские ритуалы, связанные с царской властью. Выше уже говорилось о той особой роли, которую древнеегипетский царь играл в осуществлении ритуальных действий. Их ежедневный цикл, совершавшийся в египетских храмах, был впервые изучен А. Море в работе, в известном смысле не утратившей своего значения до сих пор [Moret, 1902a]; возвращение к этой теме так или иначе постоянно происходило в исследованиях, связанных с изобразительными рядами в египетских храмах, но больше ни разу не принимало форму новой, специально посвященной этой проблеме обобщающей монографии). В то же время ежедневный культ был ритуалом рутинным; ритуалам «экстраординарным», совершаемым по особым поводам, посвятил свою статью, построенную в основном на материале греко-римского времени, Г. Фэрман [Fairman, 1958]. Эти обряды были разделены им на связанные со вступлением во властные полномочия (интронизация и коронация), обеспечивающие благополучие страны и успех в начинаниях царя (*хеп-сед*, праздник Мина, обряд священного брака в Эдфу), и связанные со смертью царя (обряды, восходящие еще к эпохе кодификации «Текстов пирамид»; так называемый ритуал Аменхотепа I; их целью, по мнению Фэрмана, было выявление связи царя со всеми его предшественниками, обладавшими сакральной властью и сохраняющими ее навечно). Обрядам, связанным с царскими предками, Фэрман придавал особое значение в связи с ритуальным обеспечением стабильности страны в представлениях египтян: существенно, что эти представления сохранились вплоть до греко-римского времени.

Большую роль в изучении обрядов вступления царя на престол, прежде всего коронации, сыграла публикация в 1920-е гг.

соответствующих ритуальных текстов царствований Сенусерта I [Sethe, 1928] и Рамсеса II [Legrain, 1929]. Позднее, на материале других эпох коронационный ритуал и его составные элементы изучались А. Гардинером [Gardiner, 1951; 1953] и Ж. Лекланом (последним — с особенным упором на сцены вскармливания царя в образе ребенка богиней [Leclant, 1951]). Элементы коронационного ритуала, вошедшие в обряды храма Хора в Эдфу, связанные с последними днями завершающегося и первыми днями нового года, были рассмотрены Ж.-К. Гойоном на материале папируса IV в. до н.э. [Goyon, 1972]. Чрезвычайно важным представляется замечание, сделанное уже Г. Фэрманом в рассмотренной его статье и затем подтвержденное В. Бартой [Barta, 1980], о несовпадении обрядов интронизации и коронации: если первый представлял собой вполне рутинную церемонию, знаменующую принятие на себя власти новым царем непосредственно после смерти преемника (вступление его на престол; см. в связи с этим работы К. Кульмана [Kuhlmann, 1977] и Дж. Бейнса [Baines, 1990] о значении престола как царской инсигнии), то коронацию, по видимому, следует считать обрядом не только более сложным и насыщенным ритуальным значением, но также приурочиваемым к определенному времени.

Особым вниманием исследователей пользовался такой ритуал, связанный с властью египетского царя, как *хеб-сед*. Первые его исследователи (например, М. Меррей: [Murray, 1914; 1932]), ориентируясь на популярные в начале XX в. этнографические параллели, видели в нем ритуал, заменивший исконный обычай убийства старого царя. В дальнейшем эта точка зрения была отвергнута и заменена довольно расплывчатым истолкованием этого обряда как ритуального обновления власти царя и, вместе с ней, благоприятного состояния страны (например, [Uphill, 1965]). Не ясен до конца вопрос о периодичности этого ритуала: если Э. Хорнунг и Э. Штеэлин [Hornung, Staehelin, 1974] сформулировали точку зрения, принятую многими египтологами, о том, что со времени Среднего царства он справлялся впервые на 30-м году царствования фараона, а затем мог справляться каждые 3–4 года, то П. О'Мара сравнительно недавно дополнил ее предположением о совершении этого обряда каждые 36 лет в период VI–XI династий [O'Mara, 1988]. Четкое представление о генезисе и значении этого ритуала в современной египтологии, по существу, отсутствует.

Важнейшим элементом представлений древних египтян о царе и его власти была идея его рождения от близости верховного солнечного божества и смертной женщины (в типичной ситуации царицы-матери, при том что бог принимал в момент зачатия будущего сакрального правителя облик его отца-царя). Данный сюжет не имел непосредственной реплики в ритуальной практике древнего Египта (по крайней мере, в классический период его истории; см. замечания в рассмотренной статье Г. Фэрмана о «сакральном браке» в сценах греко-римского времени в храме Хора в Эдфу), однако был засвидетельствован в изобразительной программе заупокойного храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри и в Луксоре при Аменхотепе III. Подробное исследование этого сюжета представлено в монографии Х. Бруннера [Brunner, 1964]. Вместе с тем понятно, что на практике, при определении, кто именно из потенциальных наследников престола является действительным легитимным царем (тем более, в ситуации смуты, когда такой «выбор» следовало делать между представителями нескольких борющихся за власть партий), критерий рождения от сакрального брака не был действен по причине своей неverifiedируемости. Вопросу о том, какие признаки, в представлениях египтян, свидетельствовали о божественном происхождении и легитимности царя, посвящена статья Э. Отто [Otto, 1969]. Согласно его мнению, можно выделить три основных способа ее установления: через законное, подтвержденное волей отца и, возможно, некоторым периодом соправления с ним, наследование, через соответствие деятельности правителя определенному стандарту и через религиозную санкцию (например, посредством исходящего от божества оракула, как это имело место в случае с выдвижением в наследники будущего Тутмоса III). С академической точки зрения подобная классификация вполне правомерна; в то же время следует четко представлять, что реально все три намеченные в ней способа легитимации власти фараона могли находиться в нерасторжимом и непротиворечивом единстве.

Изучение царской титулатуры и фразеологии египетского царского культа. В связи со спецификой категории царского ка мы уже говорили о суждениях А. Море и его последователей относительно «Хорова имени» египетского царя. К значению этого царского титула, а также особого изобразительного элемента, в который заключалось его написание (*сереха*), обращались

и другие египтологи [Newberry, 1904; Wilkinson, 1985; O'Brien, 1996]. Едва ли не наиболее дискуссионная интерпретация «имени Хора Златого» — третьего компонента стандартной египетской царской титулатуры [Hornblower, 1938; Griffiths, 1959; Barta, 1969]. Значению «солнечного имени» египетского царя посвящена статья Дж. Беннета [Bennett, 1965]. Мнение о том, что египетский титул, традиционно переводившийся как «царь Нижнего Египта», никогда не был реальным термином власти, а обозначал лишь царей мифологического прошлого, высказал Э. Отто [Otto, 1960]. Эволюции египетской царской титулатуры была посвящена уже очень давняя работа Х. Мюллера [Müller, 1938]; ее истоки в додинастическом прошлом долины Нила обозначила в своей статье известный специалист по археологии этого времени Э. Баумгартель [Baumgartel, 1975].

С самого начала накопления древнеегипетских источников перед исследователями встала задача соотнесения встречающихся в них царских имен с их греческими написаниями, известными из античных источников, их расположения в хронологическом порядке и классификации по компонентам царской титулатуры. Впервые эту задачу попытался решить целенаправленно и создать свод египетских царских имен Р. Лепсиус [Lepsius, 1858]. За аналогичными и сравнительно скромными по своим результатам попытками У. Баджа [Budge, 1908] и М. Бурхардта и М. Пипера [Burchardt, Pieper, 1912] последовало создание поистине монументального, сохранившего свое значение и теперь свода А. Готье [Gauthier, 1907–1917], в котором египетские царские имена представлены вне отрыва от их контекстов в источниках. Автор следующего свода царских имен Ю. фон Бекерат [Beckerath, 1984] справедливо счел такую задачу, при обилии древнеегипетских источников, известных к концу XX в., невыполнимой; в его работе, выдержавшей уже два издания, представлены вне какого-либо контекста имена каждого из царей, классифицированные по компонентам их титулатуры (приводятся наиболее типичные варианты каждого из них); собственно своду имен предшествует вводный очерк, содержащий основные сведения и отсылки к литературе по каждому из царских титулов. Наконец, две работы М.-А. Бонем [Bonhême, 1987; 1987a] представляют собой обзор особенностей царских титулатур I тыс. до н.э. и опыт составления их свода для XXI династии, непосредственно следующей за падением Нового

царства (при этом особенное внимание уделено титулам ниспровергателя последнего царя XX династии фиванского верховного жреца Херихора).

Ко второй половине XX в. стало понятно, что древнеегипетские источники идеологического содержания (не только надписи царей, частных лиц и тексты на стенах храмов, но и литературные произведения) употребляют хотя и обширный, но достаточно стандартизованный набор терминов и выражений, соответствующий основным категориям религии и царского культа. Соответственно, на повестку дня встало изучение фразеологии данных текстов именно как системы подобных клише. На материале надписей и литературных произведений I переходного периода и Среднего царства (с необходимыми экскурсами в источники Древнего царства) эта работа была проведена Э. Блюменталь [Blumenthal, 1970]; гораздо более обширный материал текстов от начала Нового царства до кануна македонского завоевания Египта был подобным образом систематизирован Н.-К. Грималем [Grimal, 1986]. Сходная работа была проведена У. Рёсслер-Кёлер [Rössler-Köhler, 1991] над текстами частных памятников I тыс. до н.э. и первых веков н.э. (римское время); в то же время это исследование, помимо формальной классификации фразеологии этих памятников, решало еще одну задачу, определенную спецификой данного периода. В основу проведенного Рёсслер-Кёлер анализа было положено наблюдение, что если по тем или иным мотивам чужеземный или даже египетский правитель Позднего периода был неприемлем как фараон, то в частных памятниках его качества, связанные с исполнением ритуалов, переносились на то или иное божество или, реже, на самого «владельца» памятника. Соответственно, в данной работе фразеология исследуемых текстов классифицировалась прежде всего с точки зрения того, в какой мере она маркировала лояльность или, напротив, отторжение по отношению к правителю, современному владельцу того или иного памятника.

Таким образом, на сегодняшний день в историографии, связанной с царской властью в древнем Египте и ее идеологией, накоплен достаточно большой багаж работ, составляющих, так сказать, ее «инструментарий». Тем не менее его разработанность никак не влияет на сохранение актуальности многих вопросов, связанных, в частности, с происхождением и значением царских титулов, и на продолжение дискуссий по этим вопросам.

§ 2. Общество и государство в древнем Египте:
отечественная историография XX в.
(советский и постсоветский периоды)

Изучение древних обществ, как и историческая наука в целом, находилось в советское время под мощным влиянием марксистской концепции исторического материализма, с ее теорией последовательной смены способов производства и возникающих на их базе общественно-экономических формаций. Следует сказать, что далеко не всегда это влияние определялось давлением сверху, а не личной позицией исследователей, сформировавшейся в годы, когда резкая трансформация общества ощущалась ими лично; далее было бы крайне несправедливо считать это влияние непродуктивным. В советской (и, в известной мере, в постсоветской) египтологии оно проявилось в интенсивной разработке проблем социально-экономического развития древнего Египта, и прежде всего господствовавших там форм эксплуатации; при этом методика исследований этих проблем с течением времени утрачивала свою чисто социологическую окраску, обогащалась тщательным терминологическим анализом источников, и полученные таким образом научные результаты обретали весомость в рамках мировой науки. Негативной стороной повышенного внимания к социально-экономической проблематике стала сравнительная малочисленность исследований, посвященных государственному управлению, царской власти в древнем Египте и ее идеологии.

«Социальная революция в Египте конца Среднего царства». Обращение отечественной египтологии к социально-экономической проблематике тесно связано с именем В.В. Струве (1889–1965), которого без преувеличения можно назвать отцом отечественной науки о древнем Востоке в послереволюционное время. Еще до Первой мировой войны, в годы обучения в Петербургском университете, он находился под влиянием не только своего непосредственного руководителя Б.А. Тураева, но и исследователя социально-экономического строя птолемеевского Египта на папирологическом материале М.И. Ростовцева. В 1914 г., во время краткой, но сыгравшей в его становлении как ученого большую роль стажировки в Берлине, Струве познакомился с виднейшим теоретиком истории древнего мира Э. Мейером, которого в дальнейшем среди известных ему ученых ставил на первое место.

Характерное «переплетение» влияния на Струве Ростовцева и Мейера можно увидеть в одной из его ранних работ, где была сделана попытка проследить на материале греко-римского и византийского Египта циклы экономического развития, наметившиеся еще в эпоху фараонов [Струве, 1917; ср.: Струве, 1913; 1915]. Не может быть особых сомнений в том, что Струве занимался бы социально-экономической проблематикой, даже если бы в 1917 г. не произошло потрясших Россию событий. Однако в итоге именно революция придала его исследованиям совершенно особые импульс и звучание.

В 1918 г. В.В. Струве выступает с публичной лекцией, в которой решается охарактеризовать события, отразившиеся в известном среднеегипетском тексте «Речении Ипувера», как древнейшее описание «социальной революции», произошедшей, по его мнению, на исходе Среднего царства, ок. 1750 г. до н.э. Подчеркнем, что в самом проведении параллели между содержанием среднеегипетских «описаний бедствий страны» и событиями 1910-х гг. Струве был совершенно не одинок [ср.: Егман, 1919; Тураев, 2000: 76–77], что легко объяснимо: действительно, и в этих текстах, и в современном ему времени наблюдалось катастрофическое крушение устоявшейся социальной системы. Тематика данного источника не уходит из его работ многие годы [Струве, 1925; 1930]: в 1935 г. Струве завершает ее разработку, опубликовав полный перевод «Речений Ипувера» и успев к этому времени подключить к их оценке открытый еще В.С. Голенищевым эрмитажный папирус № 1115В («Пророчество Неферти»; принятое Струве чтение — Ноффереху: [Струве, 1935]); характерно, что с начала 1930-х гг. В.В. Струве предпочитал характеризовать изучаемые им события не как «революцию», а более нейтральным термином «социальный переворот». Итогом этих событий Струве считал восстановление в Египте сельской общины, прежде приходившей в упадок вследствие развития частного землевладения; в этом ему возражал В.И. Авдиев, полагавший, что «перераспределение собственности» в ходе переворота могло стимулировать развитие как раз частных хозяйств [Авдиев, 1936]. Вывод В.В. Струве о наличии в среднеегипетских текстах признаков широкого (во всяком случае, повсеместного) движения социального протеста египетских низов представляется вполне корректным и теперь; степень же его целенаправленности и «сознательности» Струве не преувеличивал и сам.

Выдвинутую В.В. Струве датировку оспаривал уже в 1930-е гг., расширив рассмотренный им массив источников и солидаризуясь с такими исследователями, как А. Эрман и А. Гардинер, И.М. Лурье, бывший его оппонентом и по другим вопросам: он считал, что описанные в этих источниках события нужно относить не к концу Среднего царства, а к I переходному периоду ([Лурье, 1939]; сейчас эта датировка, хотя и независимо от аргументации Лурье, разделяется практически всеми египтологами). Позднее к «описаниям бедствий страны» обращались Н.С. Петровский (в своей кандидатской диссертации, оставив в стороне вопрос об их датировке [Петровский, 1951]) и, очень кратко, И.А. Стучевский [Стучевский, 1976].

Проблема социально-экономического строя древнего Египта в дискуссиях 1920–1930-х гг. Поиск социологического определения для общественного строя древних, средневековых и новых обществ Востока резко актуализировался, на фоне внимания к революционным событиям в Китае, в конце 1920-х гг. Заметим, что на этом этапе, несмотря на более или менее явное провозглашение марксистских категорий общепринятой методологией гуманитарных исследований, выдержанная в их духе единая концепция всемирной истории выработана еще не была. Начинается дискуссия между сторонниками концепций «азиатского способа производства» и феодализма на Востоке (см. несколько откорректированное, но в общем верное изложение предпосылок и хода этой полемики: [Никифоров, 1977: 176 слл.]): из египтологов к сторонникам второй концепции относился убежденный марксист И.М. Лурье. Позиция В.В. Струве в данной полемике оставалась некоторое время нечеткой: выступив сперва с признанием существования «азиатского способа производства» в Египте «до эпохи Рима, когда римское владычество принесло иную (видимо, рабовладельческую? — *И.Л.*) формацию...» [Струве, 1931: 91], он затем возвращается к принимавшемуся им в 1920-е гг. (явно не без влияния Э. Мейера) определению древнеегипетского общества как феодального, эволюционировавшего в сторону капитализма в эпоху античности, но затем, на заре средних веков, вновь вернувшегося в феодализм [Струве, 1932]. Однако уже очень скоро, обратившись к новому для него месопотамскому материалу, Струве адресует своим коллегам, а заодно и себе упрек в «голом социологизировании» при исследовании социально-экономического строя древнего

Востока и впервые высказывает мнение, что этим строем, как покажут дальнейшие исследования, было рабовладение [Струве, 1932a]. С развернутым обоснованием (из древнеегипетских источников — на материале автобиографий вельмож и иммунитетных грамот Древнего царства, а также ряда новоегипетских текстов) он формулирует этот тезис в знаменитом трехчасовом докладе в Государственной академии истории материальной культуры 4 июня 1933 г. и ряде публикаций, увидевших свет после этого [Струве, 1934]. Тезис Струве немедленно, уже в ходе обсуждения его доклада, был встречен критикой со стороны приверженцев теории феодализма на древнем Востоке [Прения, 1934]. Характер аргументации, к которой они при этом прибегали, весьма показателен: так, И.М. Лурье, упрекавший Струве в априорной интерпретации египетских обозначений социальных групп, отнюдь не проявлял осторожности в собственных построениях, уверенно переводя целый ряд из этих обозначений термином «крепостные» [Прения, 1934: 114—119]. Существенно, что при обсуждении доклада В.В. Струве фактически в его поддержку выступил один из самых блестящих знатоков источников по общественному строю Египта — Ю.Я. Перепелкин [Прения, 1934: 138—141]. Заметим, что дискуссия 1933 г. окончилась, в известном смысле, «вничью»: и В.В. Струве, и его оппоненты (например, [Лурье, 1938]) остались при своих взглядах. Официальное признание тезиса Струве пришло позднее, с утверждением ок. 1934—1935 гг. на самом высоком уровне «линейной» схемы последовательной смены во всемирной истории пяти социально-экономических формаций, второй из которых, и первой классовой, было рабовладение. Вскоре после этого появляются и другие работы, в которых отстаивается и уточняется тезис о господстве на древнем Востоке особой, ранней формы рабовладения (в частности, лидер московского востоковедения В.И. Авдиев выдвигает предположения о роли в египетском классовом образовании процесса разложения общины [Авдиев, 1934; 1934a]).

Оценивая концепцию Струве независимо от ее места в советской официальной идеологии 1930—1950-х гг., следует сказать, что привлеченный им материал источников в принципе отстаивавшемуся им тезису соответствовал: трудовое население Египта Древнего царства, не имевшее собственных средств производства, прикрепленное к своему месту работы (т.е. несвободное)

и работавшее за паяк, экономически действительно подвергалось рабовладельческой эксплуатации; Новое царство действительно было временем очень широкого притока в Египет чужеземных пленников, часто становившихся рабами частных лиц (кстати, точно таким же образом корректным оказался вывод Струве о рабовладении в Месопотамии эпохи III династии Ура [Струве, 1934a]). Не выдержали проверки временем менее обоснованные тезисы Струве о длительном существовании в Египте сельской общины (в том числе как ячейки, где использовался труд патриархальных рабов), а также о рабовладельческом характере крупных хозяйств эпохи Нового царства. Однако само опровержение этих тезисов стало возможно вследствие того импульса социально-экономическим исследованиям, который был задан В.В. Струве.

Из конкретных исследований 1930-х гг., начатых уже в рамках концепции рабовладельческого строя в древнем Египте, можно отметить исследование М.А. Коростовцевым декрета Сети I из Наури [Коростовцев, 1939], в котором большое внимание было уделено соотношению в хозяйстве абидосского храма Сети I рабского и свободного труда. Еще одна работа, аналогичная по тематике, была подготовлена на материале Большого папируса Харрис (Гаррис) Д.Г. Редером [Редер, 1940]: ее значение состоит в том, что в ней впервые было обращено внимание на особую категорию египетского трудового населения, именуемую термином *семдет*. Вне дискуссии о социально-экономическом строе Египта лежало исследование М.Э. Матье пережитков первобытности в древнеегипетском обществе [Матье, 1936]. Согласно ее построениям (испытавшим сильное влияние этнографических методик) престолонаследие в Египте шло по женской линии, высокий статус женщины находил отражение и в терминологии родства, и в мифологии («Тяжба Хора и Сета»), и в юридической практике. Все это, по ее мнению, позволяло говорить о наличии в древнем Египте пережитков матриархата: вывод этот утратил значение с отказом этнографической науки от постулирования подобного этапа в истории человечества.

Социально-экономическая история древнего Египта в советской историографии 1940–1950-х гг.: дискуссии и исследования. После дискуссии 1933 г. В.В. Струве в своих социально-экономических исследованиях полностью переключился на месопотамский материал и к древнеегипетским источникам в этой связи уже

не возвращался: единственным и не очень показательным исключением можно считать его статью 1962 г. об обществе эллинистического Египта. В конце 1940-х гг. начинает публиковать свои исследования социально-экономического строя древнего Египта его близкий сотрудник Ю.Я. Перепелкин. Выше мы видели, что в дискуссии 1933 г. он выступил на стороне В.В. Струве: стоит, однако, отметить, что уже в это время или же несколько позже он пришел, по существу, к выводу о необходимости отказа от использования социологических категорий при описании древнеегипетского общества: его структуру и существующие в нем отношения он считал необходимым изучать в их собственных терминах. Первая его работа, выдержанная, в принципе, именно в этой методологии, была посвящена меновым отношениям в Египте Древнего царства [Перепелкин, 1949]. На материале ряда источников Ю.Я. Перепелкин показал интересную практику купли-продажи с использованием оценки товара в «деньгах», но его оплатой вещами; однако наиболее важный вывод этой работы касался сведений надписи гробницы Мечена о покупке им земли у коллектива ее собственников. Перепелкин заключил, что перед нами единственное — и последнее по времени, коль скоро неизвестны более поздние, — упоминание об общинном землевладении в Египте; таким образом, был сделан фундаментальный вывод о раннем исчезновении в Египте независимого от государства общинного сектора экономики. Более подробное (правда, подвергшееся очень основательной редакторской правке как раз с точки зрения введения в него обязывающих «социологических» определений) описание древнеегипетского общества III тыс. до н.э., основанное прежде всего на материале гробниц вельмож этого времени, было дано Ю.Я. Перепелкиным в написанном им разделе I тома «Всемирной истории».

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. на страницах «Вестника древней истории» развернулась активная дискуссия между Е.В. Черезовым и И.С. Кацнельсоном, с одной стороны, и И.М. Лурье — с другой об интерпретации социальных терминов *мерет* и *хентиу-ше*, встречающихся в текстах Древнего царства (автобиографиях вельмож и царских иммунитетных грамотах). Если первые два исследователя отстаивали точку зрения, согласно которой наиболее частотный из этих терминов — *мерет* — обозначал рабскую зависимость [Черезов, 1949; 1950; 1951; 1952;

Кацнельсон, 1954], то И.М. Лурье, сохраняя свое негативное отношение к определению социально-экономического строя Египта как рабовладельческого, предпочитал видеть в обозначаемых им людях общинников либо свободных египтян, находившихся в нерабском статусе зависимости от частного лица, дворца или храма [Лурье, 1951; 1955]. По состоянию на начало — середину 1950-х гг. верным представляется замечание Н.М. Постовской о том, что данная дискуссия велась неубедительно с обеих сторон, и для разрешения вопроса о значении данных терминов потребовалось бы более глубокое исследование, с привлечением нового материала [Постовская, 1961: 267]. В дальнейшем таким «новым материалом» оказались интерпретировавшиеся Ю.Я. Перепелкиным, наверное, еще с 1930-х гг. рельефы (изображения и пояснительные надписи к ним) из гробниц вельмож Древнего царства, которые, если сформулировать выводы данного исследователя в социологических категориях, позволили установить рабовладельческий характер основной формы эксплуатации в этом обществе (см. ниже). Вместе с тем применительно к дискуссии конца 1940-х — начала 1950-х гг. хотелось бы привлечь внимание к самому факту того, что она имела место на страницах главного отечественного издания по проблемам древней истории, на фоне идеологического прессинга, ставшего особенно жестким как раз в 1949–1950 гг., при том, что один из ее участников — И.М. Лурье — выступал с неортодоксальной в свете официальной концепции позиции.

В 1950-е гг. советская египтология ощутила влияние ряда новых публикаций источников на Западе. Так, статья И.С. Кацнельсона, в которой подчеркивалось значение войн Египта в эпоху Нового царства для развития рабовладения внутри страны, в значительной мере строилась на материале стелы Аменхотепа II из Мит-Рахинэ, опубликованной в 1943 г. [Кацнельсон, 1951]. Большое значение имело знакомство советских исследователей с изданным А.Г. Гардинером и Р.О. Фолкнером папирусом Вильбур: на его материале И.А. Стучевский приступил к изучению аграрных отношений в государственном секторе экономики Египта эпохи Рамессидов [Стучевский, 1958], а И.М. Лурье пришел к выводу о наличии в Египте Нового царства особой категории рабов — держателей храмовой земли [Лурье, 1955а]. Этот же исследователь собрал большой материал о социальном слое *немху* эпохи Нового царства (считая его представителей, в основном, независимыми

от государства земле- и рабовладельцами [Лурье, 1953]) и впервые в отечественной египтологии обратил внимание на социальный слой «парских рабов» эпохи Среднего царства ([Лурье, 1957]; их Лурье считал истинными рабами; но в дальнейшем О.Д. Берлев интерпретировал этот социальный термин совершенно иначе). В работах И.М. Лурье, посвященных знаменитому эпизоду забастовки работников фиванского некрополя при Рамсесе III, впервые в нашей науке были использованы материалы острака из Дейр-эль-Медины, позволившие сделать вывод о то, что бастовавшие работники были свободными и достаточно зажиточными людьми.

Продолжала свои исследования, связанные с пережитками первобытности в древнеегипетском обществе, М.Э. Матье: объектом ее исследования стала терминология, в которой она считала правомерным увидеть обозначения родоплеменных и большесемейных структур, а также обозначения степеней родства [Матье, 1954]. Исследовательница продолжала укреплять выдвинутый ею прежде (и, к сожалению, продолжавший свое моральное старение [Матье, 1936]) тезис о матриархате как определенной стадии в истории египетского общества.

Подводя некоторый итог развитию социально-экономических исследований в отечественной египтологии к концу 1950-х гг., следует отметить, что они успешно миновали фазу построения социологических схем, которое занимало большое место в полемике 1930-х гг., и вступили в период углубленного, тщательного анализа источников (с начала 1950-х гг. — со все большим вниманием к их новым зарубежным публикациям). Это подготовило основу для того взлета, который данное направление исследований пережило на следующем этапе развития отечественной египтологии — в 1960–1980-е гг.

Социально-экономическая история древнего Египта в советской историографии 1960–1980-х гг. С начала — середины 1960-х гг. публикует свои работы о древнеегипетском обществе Ю.Я. Перепелкин (это дело было завершено только после его смерти, уже в конце 1980-х гг.), а также начинает активно работать ряд новых специалистов по данной проблематике. В итоге на протяжении 1960–1980-х гг. выходит в свет целая серия первоклассных исследований по общественным отношениям каждой крупной эпохи древнеегипетской истории — Древнего, Среднего и Нового царств

(не оставался без внимания, хотя и был менее популярен у исследователей Поздний период).

Общество *Древнего царства* отразилось в первую очередь в трудах Ю.Я. Перепелкина. По существу, они представляли собой одно обширное исследование, отдельные части которого выходили в свет при разных обстоятельствах, будучи отделены одна от другой многими годами, а то и десятилетиями. В 1960 г., на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве, Перепелкин делает доклад по одному из частных вопросов этого исследования — значению термина «дом шнау» — и показывает, что, вопреки прежним мнениям, он обозначал не рабские эргастулы, а особые «мастерские» по приготовлению пищи, действовавшие в крупных хозяйствах [Перепелкин, 1962]. Следующим довольно обширным сюжетом исследований Ю.Я. Перепелкина, который принял форму монографической публикации, стали отношения частной собственности в Египте Древнего царства [Перепелкин, 1966]. Исследователь показал, что основным термином, служившим у египтян Древнего царства для выражения отношения собственности, было слово *джет* — «плоть»: говоря «от плоти такого-то», т.е., по сути дела, отождествляя с неким человеком какое-то другое лицо (или группу лиц) или объект, они выражали таким образом принадлежность этому человеку того, о чем шла речь. При этом данный способ выражения принадлежности отнюдь не был чисто юридическим понятием, предполагавшим свободу распоряжения данным владением (так, крупное хозяйство «от плоти» того или иного вельможи, противопоставленное употреблению этого термина хозяйствам чисто государственным, наверное, могло все-таки быть получено если не им самим, то кем-то из его более или менее отдаленных предков, именно от государства, и продать его просто так было нельзя да, пожалуй, и некому), и вообще мог употребляться не в сфере имущественных отношений, а для указания той или иной тесной (к примеру, родственной) связи с другим человеком.

Значительная (если не большая) часть исследования Ю.Я. Перепелкина об обществе Древнего царства была опубликована при участии его ученика Е.С. Богословского уже после его смерти [Перепелкин, 1988]. В этом издании повторяются главные выводы Перепелкина о термине *джет*, включая тезис о противопоставлении имущества «от плоти», как частного, государственной

собственности, и проводится исследование структуры хозяйства, принадлежащего по «плоти» вельможе Древнего царства, и системы отношений в нем. Исследование ясно показывает, что работники вельможеских хозяйств (которые могли включать в себя целый ряд поселений разного уровня) трудились на полях, в мастерских, на транспортных и подсобных работах в составе особых бригад («корабельных ватаг»), получая за свой труд паек. Слово *мерет*, которому была посвящена целая дискуссия в начале 1950-х гг., и служило самым общим обозначением этих работников. Терминологически они были отделены от рабов в узко-правовом смысле слова (людей, признававшихся чьей-то собственностью самими египтянами); тем не менее принципиально то, что по своей воле эти люди покинуть хозяйство, к которому они были прикреплены, видимо, не могли. Трудно сказать, были ли в архиве Ю.Я. Перепелкина на самом деле «выписки из большого числа работ классиков марксизма», которые должны были помочь ему сформулировать обязывающие социологические выводы из его наблюдений; во всяком случае в тексте его труда таких выводов нет, а методика всех его исследований общества Древнего царства (оказавшая несомненное влияние на последующие работы О.Д. Берлева и Е.С. Богословского) состоит в том, чтобы в максимальной мере «давать слово» источнику, интерпретируя его прежде всего в его собственных категориях. Тем не менее, если все же признать необходимость поиска адекватного термина преобладающей в вельможеских хозяйствах Древнего царства формы эксплуатации, то, по совокупности наблюдений над ней, сделанных Ю.Я. Перепелкиным, ее трудно определить иначе как рабовладение.

Другим исследователем экономики Древнего царства, посвятившим этой теме несколько монографий, стала ученица В.И. Авдиева Т.Н. Савельева. Одним из первых ее оригинальных исследований стал анализ надписей строителей пирамид как особой категории источников. В своих работах 1960–1970-х гг. она уделяла основное внимание аграрным отношениям и общественному строю эпохи Древнего царства, используя в качестве источников биографические надписи вельмож, рельефы гробниц, царские иммунитетные грамоты [Савельева, 1960; 1962; 1962а; 1971]. Публикация ею надписи Мечена эпохи III династии еще раз подтвердила вывод Ю.Я. Перепелкина о том, что в этом источнике отразился заключительный этап существования в Египте

независимой от государства сельской общины [Савельева, 1967]. Сильной стороной работ Т.Н. Савельевой является подробный учет новейших на время их написания публикаций и исследований источников в зарубежной историографии: так, публикация П. Познер-Криже архива заупокойного храма Нефериркара в Абусире привела к созданию Савельевой новой монографии, в которой исследование храмовых хозяйств Египта III тыс. до н.э. было проведено с особым вниманием к этому материалу [Савельева, 1992]. Определенное значение для изучения экономики Древнего царства имели исследование Е.В. Черезовым анналов Палермского камня (с особым вниманием к упоминаниям в них царских пожалований храмам [Черезов, 1960]) и его монография о технической вооруженности древнеегипетского сельского хозяйства [Черезов, 1968].

Бесспорным лидером в изучении общественных отношений в Египте эпохи *Среднего царства* (причем не только в отечественной историографии) был О.Д. Берлев (1933–2000). Сторонник сплошного учета всех доступных в прямой или косвенной связи с рассматриваемой темой данных, он был способен воссоздать мир изучаемой им культуры едва ли не во всех его аспектах; понятно, что столь сложную, многосоставную мозаику было невероятно трудно «положить на бумагу» (как если бы перед нашим современником была поставлена задача описать окружающий его мир или хотя бы сколько-нибудь обширную его часть), и поэтому работы Берлева, чрезвычайно трудные для изучения, построены по принципу систематизированного, изобилующего цитатами описания и комментирования источников (которые, собственно говоря, и составляли в его восприятии эту мозаичную картину!). Концентрированное изложение выводов О.Д. Берлева можно найти в разделе по Среднему царству трехтомной «Истории древнего мира» под редакцией И.М. Дьяконова, который был подготовлен по его материалам И.В. Виноградовым.

К изучению общественных отношений эпохи Среднего царства О.Д. Берлев приступил под руководством В.В. Струве в начале 1960-х гг. В 1970-е гг. выходят две его монографии, посвященные этой теме [Берлев, 1972; 1978]; из ряда его статей следует отметить работу, связанную с «Поучением Хети, сына Дуауфа, своему сыну Пепи», в которой особенно ярко показан механизм государственного распределения рабочей силы в начале Среднего

царства [Берлев, 1984]. В целом выводы О.Д. Берлева об обществе Египта Среднего царства можно свести к следующему. Самым широким по своему значению социальным термином времени оказывается обозначение «царские слуги» (*хемуу несу*; сам Берлев, во избежание ненужных ассоциаций, предпочитал приводить этот термин буквально: «царские хемуу»). Оно относилось ко всему трудовому населению Египта, занятому в работах на полях и в мастерских, и было связано с тем, что на свои работы эти люди распределялись по воле государства, хотя бы они и были приданы частному хозяйству. В рамках слоя «царских людей» выделялось большое количество разрядов, связанных с той или иной конкретной профессией: медники, резчики по камню, строители, огородники, землепашцы, рыболовы, прачечники и т.п. К каждому из таких разрядов работник приписывался на особых смотрах, проводившихся ежегодно в номах от имени царской администрации. Прикрепление к профессиональному разряду было, по сути дела, пожизненным, хотя бывали случаи, когда одряхлевший земледелец или ремесленник мог быть «перераспределен» на более легкую службу (к примеру, привратника). Вопрос об определении типа эксплуатации «царских людей» Берлевым напрямую не ставился (возможно, ввиду того, что само египетское общество виделось ему, сквозь призму представлений самих египтян, скорее единой, хотя и организованной по функциональным группам, структурой, нежели системой отношений, среди которых существенную роль играют антагонизмы); однако если говорить об аграрной сфере, то здесь «царские люди», несомненно, подвергались эксплуатации по типу ренты (имели в своем условном владении участки земли в составе более крупных хозяйств и отдавали с них часть урожая).

Один из наиболее важных частных выводов, сделанных О.Д. Берлевым, касается употребления термина *неджес*, который практически все его предшественники считали социальным (хотя и трактовали по-разному). Рассмотрев все случаи употребления этого слова в I переходном периоде и начале Среднего царства, Берлев заключил, что оно имеет широкий спектр конкретных значений, производных от его основного значения «маленький» и определяемых контекстом: именно поэтому, с его точки зрения, его нельзя считать социальным термином [Берлев, 1978: 73–125]. При всей фундаментальности проведенного Берлевым сбора данных по этому сюжету, все же представляется возможным,

что подчеркнутая конкретность его метода работы с источниками в данном случае отодвинула на второй план те обобщения, которые они позволяли сделать (исходя, в частности, из того, что, по наблюдению самого исследователя, частотное употребление этого слова характерно только для четко ограниченного отрезка времени и, стало быть, для вполне определенных социальных обстоятельств; иными словами, в какой-то мере возникла ситуация, в которой «за деревьями не стало видно леса»). Не настаивая на своей правоте в данном конкретном случае и полагая, что данная проблема еще не раз будет обсуждаться в литературе, мы останавливаемся на этом примере, чтобы показать определенную опасность, которую таит в себе принципиальная ориентация на прочтение источника в его собственных категориях.

Из работ О.Д. Берлева социально-экономической проблематики, которые не связаны с эпохой Среднего царства, стоит отметить статьи, посвященные данным источников об уgone в Египет в ходе его войн населения покоренных стран [Берлев, 1989] и специфической древнеегипетской категории «наследства Геба» (бога, олицетворяющего землю [Берлев, 1999]). В первой из них делается существенный для оценки роли чужеземцев в египетском хозяйстве вывод о весьма умеренных средних цифрах захвата пленных в ходе военных кампаний (цифры порядка 100–120 тыс. чел. на палетке Нармера и в надписи Аменхотепа II из Мит-Рахинэ выглядят необычными исключениями). Вторая статья посвящена поиску в античных и египетских источниках ответа на вопрос, кому, с точки зрения египтян, принадлежала верховная собственность на землю Египта («наследство Геба»; ответ получается неожиданным — богам в сезон сбора урожая и царю в два других сельскохозяйственных сезона).

В основу изучения социально-экономического строя Египта в эпоху *Нового царства* в советской, как и в зарубежной, египтологии легли два важнейших источника (вернее, обширный источник и целый их комплекс), введенные в научный оборот в середине XX в. — папирус Вильбур и данные папирусов и острака из Дейр-эль-Медины. Первому источнику посвятили свои исследования И.В. Виноградов и И.А. Стучевский. Работы И.В. Виноградова [Виноградов, 1969; 1970] были посвящены экономическому положению мелких держателей земли согласно папирусу Вильбур и, в частности, вопросу о том, каким было долевое распределение

урожая между ними (та часть его, которую земледельцы оставляли себе на прокорм) и государством (рента, взимаемая им как собственником земли). Подробному исследованию данного источника И.А. Стучевским предшествовала сравнительно слабо замеченная египтологами, но важная его монография [Стучевский, 1962], в которой он обосновал тезис об абсолютном преобладании в египетской экономике практически на всех этапах ее развития государственного сектора (будь то в централизованном или раздробленном виде) и о тесной связи с ним храмового хозяйства. В своем монографическом исследовании папируса Вильбур [Стучевский, 1982] Стучевский полемизировал с рядом частных предположений И.В. Виноградова, но в принципе вывел его обсуждение на более высокий уровень, поставив вопрос о социальном статусе *ихутиу* — основных «персонажей» этого источника. Выводы И.А. Стучевского сводятся к тому, что данный термин обозначает всех работников аграрного сектора государственного хозяйства эпохи Рамессидов — как управляющих агентов государства, так и собственно зависимых от него земледельцев (аналогов *γεωργοὶ βασιλικοί* эллинистического времени). Изъятие у них ренты осуществлялось путем не передачи ими государству доли урожая, а, наоборот, сдачи всего урожая с последующим выделением им доли на прокорм (ок. 70 %). В эпоху Рамессидов (как, очевидно, на протяжении исторически долгого времени до и после нее) в структуре египетского общества не было независимой от государства общины (хотя на государственной земле могли возникать, в качестве самоорганизации зависимых земледельцев, «квазиобщины»). Кроме того, на государственной земле существовала особая категория привилегированных держателей участков земли, чьи права на нее могли быть как обусловлены исполнением службы, так и безусловны. Весьма существенно, что И.А. Стучевский четко формулирует тезис о нерабовладельческом характере основного отношения эксплуатации в обществе эпохи Рамессидов, что соответствовало его общим взглядам на место древнего Востока во всемирной истории [ср.: Васильев, Стучевский, 1966]. Близкий вывод содержится и в монографии И.А. Стучевского, специально посвященной формам зависимости в древнем Египте [Стучевский, 1966], где он, независимо от Берлева, приходит к заключению о сравнительно небольшой роли войн в приобретении египтянами дополнительной рабочей силы военнопленных, о низкой, в сравнении с работниками иных

статусов, численности рабов в Египте, а также об «особых методах» их эксплуатации (создании элементов их заинтересованности в труде вплоть до предоставления условного владения, что, по сути, меняло экономическую природу их эксплуатации).

Источники из Дейр-эль-Медины стали по большей части основой исследований по социально-экономическому строю Египта Нового царства Е.С. Богословского. Началом этой работы стала серия публикаций в «Вестнике древней истории» в начале 1970-х гг. памятников, происходивших из этого поселения работников фиванского некрополя и хранившихся в советских музейных собраниях [Богословский, 1972–1973]. Затем последовала работа, посвященная анализу термина эпохи Нового царства «послушный призыву», обычно трактовавшегося в социальном плане [Богословский, 1979]: проследив все наличные случаи его употребления, Е.С. Богословский пришел к выводу, что подобная трактовка неверна, а сам этот термин прилагался к людям самых разных статусов и занятий — от работников фиванского некрополя (обозначением каковых он некоторыми и считался) до воинов и вельмож. Общий методологический вывод этой работы был столь значителен и прозвучал настолько четко, что его стоит привести дословно: «...напрасно искать в египетском языке такую социальную терминологию, которую можно было бы переложить на привычные нам понятия. ...Египтяне по уровню общественного самосознания и по строю мышления не могли охватить всю социально-экономическую структуру общества в целом, а тем более — ее механику развития. Это задача современного исследователя, и успешно она может быть разрешена только в том случае, если такой исследователь окажется в состоянии отвлечься от того, что известно об общественном устройстве других стран, и сможет понять древнеегипетское общество изнутри, уяснив и осмыслив его особенности, возможности и способы его отражения в сознании самих древних египтян» [Богословский, 1979: 147].

Как видно, Е.С. Богословский особенно откровенно сформулировал методику не только своего исследования, но, по сути дела, и работ его коллег Ю.Я. Перепелкина и О.Д. Берлева (которые, по многим чертам своего характера, никогда не стали бы давать такого определения). Подчеркнутое здесь нетождество древнего и современного сознания, в особенности в представлениях о функционировании общества, несомненно, следует принимать в

расчет в ходе исследований. Вместе с тем не стоит его и преувеличивать (хотя, в отлучие, например, от исследователей средневековья, ни один из названных здесь египтологов, кажется, не впадал в такую ошибку) и отказываться от определения явлений древности в современных категориях (что в приведенной нами цитате, хотя и в не вполне явной форме, как раз наблюдается), ибо только таким способом индивидуальный опыт исследователя-египтолога может принять общезначимый характер, в том числе и для тех, кто к данной науке не имеет отношения.

Уяснению структуры трудового населения поселка в Дейр-эль-Медине Е.С. Богословский посвятил свою следующую работу [Богословский, 1983]. Характерно, что ее исходный пункт — перечень категорий трудового населения Египта в надписи Чанени эпохи XVIII династии — совпадает с исходным пунктом монографии О.Д. Берлева о Среднем царстве [Берлев, 1978]. Данная монография Богословского была посвящена двум разрядам трудового населения Египта XIV—XI вв. до н.э. — так называемым «мастерам» и «людям семдет»: если к первой категории относились высококвалифицированные ремесленники, обладавшие большими самостоятельностью и достатком, то вторая включала в себя работников элементарных, часто вспомогательных специальностей, которые и были более принижены по своему положению. Принцип тщательного терминологического анализа источников и интерпретации на данной основе используемых ими категорий был полностью выдержан и в этом исследовании. Рассмотрение в работе Е. С. Богословского разрядов египетских ремесленников, а также обеспечивавшей их комплектование системы смотров побуждает к тому, чтобы использовать ее материал в комплексе с трудами Берлева, вскрывшими функционирование аналогичных структур в Египте первой половины II тыс. до н.э. Помимо этого, Богословский анализирует некоторые имущественно-правовые аспекты документов из Дейр-эль-Медины (в частности, соотношение в них категорий собственности и условного владения).

Последняя монография Е.С. Богословского, основанная на его публикациях памятников эпохи Нового царства из разных музейных собраний и наблюдениях над ними, планировалась к изданию ок. 1991 г., но так и не увидела свет (за год до этого Богословский умер). Стоит упомянуть две его посмертных публикации [Богословский, 1991; 1995], в которых в концентрированном виде

были обобщены его взгляды на структуру и быт древнеегипетского общества Нового царства.

Некоторое внимание в историографии 1970–1980-х гг. привлекали проблемы социально-экономической истории Египта *Позднего периода*. Так, арамейскими документами Египта времени первого персидского владычества, характеризующими внутреннюю жизнь военных поселений на юге страны, занимался А.Н. Темерев [Темерев, 1980; 1984]; А.В. Эдаков исследовал по иероглифическим и демотическим источникам социально-экономическую структуру и государственное устройство Египта саисского времени (этот термин он был склонен употреблять расширительно, включая в него все время существования централизованного государства в Египте домакедонского периода, от XXVI до XXX династии, не исключая периоды персидского владычества [Эдаков, 1974; 1980; 1982; 1984; 1988; 1988a]). Однако крупных монографических исследований, сопоставимых по методике и результатам с трудами египтологов этих лет, посвященными III–II тыс. до н.э., в связи с этим периодом древнеегипетской истории создано не было.

Подводя итоги изучению социально-экономической структуры древнего Египта в советской историографии 1960–1980-х гг., можно сказать, что на этом этапе фактически произошел отказ от трактовки древнеегипетского общества в категориях теории социально-экономических формаций в ее наиболее упрощенном варианте, с однозначным определением характера этого общества как рабовладельческого. Поиск прямолинейного соответствия между современными социологическими категориями и древнеегипетскими терминами (работы Струве, Лурье, Черезова и др.) сменился углубленным анализом последних, с исчерпывающим привлечением содержащих их источников. Вместе с тем альтернатива «обобщающая социологическая схема или исторически-конкретное исследование» явно виделась крупнейшим египтологам этого времени слишком жесткой, практически непреодолимой (бесспорно, неслучайно то, что, как мы видели, обобщение выводов О.Д. Берлева по Среднему царству было проведено другим исследователем — И.В. Виноградовым, а дать изученной им общественной структуре сколько-нибудь четкое определение в современных категориях из всех упоминавшихся исследователей позволил себе, пожалуй, лишь И.А. Стучевский). Трудно опреде-

лить, не является ли этот, по существу, принципиальный отказ от социологических обобщений в работах, выдержанных в методике терминологического анализа, своего рода реакцией египтологов 1960—1980-х гг. на слишком большое место таких обобщений в советской историографии на ее раннем этапе; рискуем сказать, что в этом нам видится единственная, и наиболее существенная, слабость данной категории исследований.

Изучение древнеегипетского общества в постсоветской историографии (после 1991 г.). Научная судьба крупнейших отечественных исследователей социально-экономической истории древнего Египта в середине — второй половине XX в. (Ю.Я. Перепелкина, О.Д. Берлева и Е.С. Богословского в Ленинграде, И.А. Стучевского и Т.Н. Савельевой в Москве) сложилась так, что они не оставили после себя учеников, которые продолжали бы работать в рамках намеченного ими направления исследований. В итоге на рубеже 1980—1990-х гг. последнее перестало быть одной из самых мощных традиций отечественной египтологии; на современном этапе произошла ее резкая переориентация на исследования культуры и религии, в то время как социально-экономическая проблематика представлена, без преувеличения, единичными работами.

Одним из современных отечественных египтологов, продолжающих работу по данной проблематике, является В.А. Головина. Еще в 1970-е гг. в основу ее исследований лег такой комплекс источников Среднего царства, как архив Хеканахта. Работы В.А. Головиной были посвящены социальной структуре хозяйства Хеканахта [Головина, 1976; 1976а], особому институту «слуг двойника» в эпоху Среднего царства [Головина, 1992], развитию в это время некоторых видов земельной аренды [Головина, 1995].

Экологические аспекты развития древнеегипетского общества (не без влияния концепций, выдвинутых в западных социально-экологических исследованиях Г. Бутцера, Б. Кемпа и др.; см. соответствующий раздел настоящего издания) рассматривались в 1990-е — начале 2000-х гг. в работах Д.Б. Прусакова [Прусаков, 1999; 2001]. Им была выдвинута историческая модель, согласно которой в конце IV — начале III тыс. до н.э. в Египте существовали не крупные территориальные царства, а так называемые «анклавы» государственности, сообщение между которыми поддерживалось по Нилу. Резкому росту влияния одного из них, с центром в Тинисе и во главе со знаменитым Нармером, содействовало повышение

уровня Мирового океана, ввиду чего в Средний Египет хлынула волна переселенцев из дельты Нила. Данное построение небесспорно уже в силу того, что зависит от геоклиматологической схемы, выдвинутой Р. Фэрбриджем, которая сама по себе является лишь одной из возможных в принципе и, в качестве таковой, нуждается в более тщательном обосновании. Экологические факторы (прежде всего, флюктуации в водном режиме Нила) Прусаков усматривает и в основе кризисов, постигших Египет на исходе Древнего и Нового царств (здесь наиболее справедливыми представляются его построения в связи с I переходным периодом, находящие множественные подтверждения в письменных источниках). Д.Б. Прусаков высказывает сомнения в высокой степени централизации Египта Древнего царства, полагая, что «дома от плоти» (по терминологии, выявленной Ю.Я. Перепелкиным) вельмож этого времени представляли собой полностью независимые от государства домены, владельцы которых вступали с царем в отношения на принципах «дарообмена». Лишь после мощного экологического кризиса I переходного периода началось разложение «домов от плоти» вельмож, на арену выступило государственное хозяйство с работниками в статусе «царских хемуу» (Прусаков резко возражает против мнения О.Д. Берлева о том, что люди этой категории могли придаваться и частным хозяйствам «от плоти» их владельцев), и процесс сложения подлинного централизованного государства вступил в завершающую фазу. По мнению самого автора данных схем, они не окончательны и открыты для уточнения в ходе дискуссий, которые, несомненно, еще будут иметь место. В то же время нельзя не признать значения этих работ, впервые в отечественной египтологии поставивших вопрос о необходимости квалифицированного анализа экологического фактора в древней истории долины Нила.

Изучение государственных институтов древнего Египта (в том числе царской власти и ее идеологии) в отечественной историографии. В начале настоящего раздела мы уже отметили, что длительный акцент на изучении социально-экономической истории древнего Египта в советское время привел к тому, что «в загоне» оказалась тематика, связанная с его государственными институтами и системой управления. Разумеется, нельзя сказать, что этих вопросов не касались вовсе; более того, сплошь и рядом их невозможно было обойти при изучении древнеегипетского

общественного строя. Так, правовые категории собственности и условного (должностного) владения обсуждались в исследованиях И.А. Стучевского и Е.С. Богословского по Новому царству; исключительно важен для понимания природы древнеегипетской государственности фундаментальный вывод (впервые сделанный Ю.Я. Перепелкиным, но далее подтвержденный всем циклом крупных исследований 1960—1980-х гг.) об отсутствии в Египте с начала III тыс. до н.э. независимой сельской общины; столь же важно исследование О.Д. Берлевым и Е.С. Богословским системы государственного распределения рабочей силы на смотрах; наконец, целый ряд замечаний, связанных с политическими институтами древнего Египта, содержат недавние работы Д.Б. Прусакова.

Вместе с тем можно назвать, пожалуй, только одного исследователя, чьи занятия социально-экономической историей древнего Египта вылились в специальные исследования именно его государственных (точнее, правовых) институтов, — И.М. Лурье. С 1930-х гг. важнейшим источником его наблюдений над обществом Древнего царства служили имунитетные грамоты (в частности, им был подготовлен комментированный перевод всего известного на то время их корпуса: Лурье, 1939). Еще ранее его заинтересовал институт судебных оракулов в древнем Египте [Лурье, 1930] и, видимо, это стало предпосылкой для его развернутых исследований по законодательству и правовой процедуре в Египте Нового царства в 1940—1950-е гг. Итогом этих исследований стала уникальная в отечественной египтологии (изданная посмертно) монография И.М. Лурье «Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н.э.» [Лурье, 1960]. Первая ее часть представляет собой подробное исследование судебных институтов, процедуры судопроизводства и законодательства Египта в рассматриваемый период; вторая является обширной подборкой переводов государственных и частноправовых документов этого времени, подкрепляющих исследовательские выводы И.М. Лурье. Очень важно, что в этой работе И.М. Лурье положил начало использованию вновь опубликованных на Западе материалов Дейр-эль-Медины.

Достойна специального упоминания небольшая работа В.И. Евгеновой (занимавшейся в 1930—1940-е гг. изучением экономики первой половины I тыс. до н.э., но не успевшей издать большую часть своих наблюдений по этой тематике), которой удалось обнаружить законодательную цитату в надписи на одной

из статуй Каирского музея эпохи XXII (ливийской) династии [Евгенова, 1949]. Данное наблюдение показало наличие в Египте своего рода «прецедентного» права, основанного на аккумуляции вынесенных по тем или иным поводам решений царей.

Самым ранним исследованием собственно политико-административных институтов древнего Египта можно считать работу Д.А. Ольдерогге (африканиста по своей основной специальности, разделявшего в 1920-е гг. теорию феодализма на древнем Востоке), посвященную термину *ḥkꜣ ḥwt*, который интерпретировался им, применительно к ситуации I переходного периода, как титул феодального владельца домена, располагающего военной силой [Ольдерогге, 1929]. Самым ранним этапам истории древнеегипетской системы управления (до- и раннединастическому времени) были посвящены работы Н.М. Постовской (1940–1950-е гг.). Начальную эпоху сложения государственного аппарата в Египте исследовательница отнесла ко времени царей I династии — предшественников царя Дена [Постовская, 1947]. В дальнейшем этот вывод был подкреплен наблюдениями над памятниками царю так называемой 0-й династии «Скорпиона» (точное чтение имени не установлено): показав, с одной стороны, что этот правитель владел уже всем Египтом, Постовская в то же время полагала, что это объединение страны носило еще предгосударственный характер «конфедерации племен» [Постовская, 1952]. Нужно заметить, что появление работ Н.М. Постовской, несомненно корректных с точки зрения учета наличного в то время материала источников, предшествовало крупным археологическим открытиям второй половины XX в.; поэтому, хотя их не следует сбрасывать со счетов и сегодня, обращаться к ним нужно, вводя определенные поправки на основе доступных теперь новых данных. Своего рода синтетическим исследованием, в котором совместились и текстологический анализ источника, и рассмотрение проблем государственной организации и расстановки социальных сил в отразившуюся в нем эпоху I переходного периода, стали работы Р.И. Рубинштейн по «Поучению гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» [Рубинштейн, 1948; 1950].

Переходя к исследованиям в советской историографии проблем царской власти и идеологии в древнем Египте, следует прежде всего назвать некоторые работы, хотя и написанные высококвалифицированными специалистами, но носящие опи-

сательный характер. Помимо статей В.И. Авдиева [Авдиев, 1935] и Б.Б. Пиотровского [Пиотровский, 1976], к этой категории следует, пожалуй, отнести и очерк И.А. Стучевского по идеологии эпохи Амарны, включенный им в качестве приложения в монографию по политической и военной истории эпохи Рамессидов. В исследовательском ключе проблемы царской идеологии древнего Египта затрагивались в главе монографии М.Э. Матье «Древнеегипетские мифы», посвященной так называемой «религиозной драме» (в том числе коронационным ритуалам [Матье, 1956; переиздание: Матье, 1996: 209–229], а также в ее специальной статье, посвященной обряду *хеп-седа* (происходившее в ходе него, с точки зрения египтян, ритуальное обновление мощи царя М.Э. Матье, следуя излюбленному ею этнографическому подходу к египетскому материалу и построениям ряда исследователей начала века, возводит к исконному обычаю ритуального убийства правителя в незапамятной древности [Матье, 1956a]). Устаревшая с точки зрения этого этнографического подхода, работа М.Э. Матье до сих пор является наиболее удобным в отечественной историографии компендиумом материала по данному ритуалу, в известной мере подготовившим обращение к этому сюжету более поздних исследователей [Крол, 1999; 2001]. Исследовательской работой, посвященной в значительной мере статусу царя на переломном этапе в развитии древнеегипетской идеологии, в период Амарны, является первая часть исследования Ю.Я. Перепелкина «Переворот Амен-хотпа IV» [Перепелкин, 1967–1984]. В ней тщательно анализируется эволюция титулатур солнечного бога, чтившегося Эхнатомом, самого царя и его супруги Нефертити на протяжении его правления и делаются существенные замечания о статусах Атона и Эхнатона в представлениях последнего (о восприятии солнечного бога в большей степени как правителя Египта и мира, которое становится окончательно явным после изгнания всех атрибутов старой религии и самого термина «бог» из регалий Атона и царя).

Пожалуй, первым серьезным обращением к общим проблемам идеологии царской власти в древнем Египте следует назвать одну из глав монографии М.А. Коростовцева «Религия древнего Египта» [Коростовцев, 1976]. Определенная описательность присуща и ей; существенно, однако, что здесь Коростовцеву удалось привлечь внимание к исследованию Ж. Познера, которое обозначило

новый подход к данной проблеме, исходящий из представления о существенно более низком, чем у истинных богов, статусе царя в египетских представлениях [Коростовцев, 1976: 148–156]. Однако наиболее последовательная система представлений о природе и статусе египетского царя в отечественной историографии была выработана О.Д. Берлевым. Существенным его шагом к этому стала статья, посвященная царскому титулу «Хора Златого» [Берлев, 1978a]: по мнению Берлева, он удостоверять, что плоть царя создана из золота, как у богов, и, стало быть, он им равен по своей природе. Важные и, по сути дела, полностью прояснившие данную конкретную проблему замечания были сделаны Берлевым в связи с очень частотным обозначением царя словом *hm* (традиционный и довольно неадекватный перевод — «Величество»): исследователь убедительно показал, что данное слово употребляется по отношению к царю как к проявлению некоей сакральной силы, связанной с солнечным божеством [Берлев, 1972: 33–41]. Наиболее внятно и подробно свои представления о природе царя в древнеегипетских представлениях О.Д. Берлев изложил в статье, посвященной рельефам Ментухотепа II (основателя Среднего царства) в Шатт-эль-Ригаль [Berlev, 1981; ср.: Берлев, 1978: 278; Berlev, Hodjash, 1982: 37]; недавно в зарубежном издании, посвященном памяти О.Д. Берлева, была опубликована статья, где данная идея представлена наиболее развернуто [Берлев, 2003]: упоминая идущие от Ж. Познера и Х. Гёдике идеи о совмещении в царе человеческой природы и божественного статуса, Берлев заметил, что если «человеческий» аспект и присутствовал в восприятии египтянами сущности их правителя, то он, по крайней мере, последовательно игнорировался ими в абсолютном большинстве случаев. Божественная природа фараона является закономерным следствием его рождения от сакрального брака верховного солнечного божества и смертной женщины: как известно из сказок папируса Весткар, тело ребенка, рожденного от такого брака, подобно телу божества, создано из золота, и, соответственно, он физически единосущен своему божественному отцу. Таким образом в египетской картине мира неизменно присутствуют два правящих им божества (в наиболее категорической формулировке Берлева, «два солнца»): «бог великий» (*ḥr ʿ3*), т.е. верховное солнечное божество, породившее фараона, и «бог прекрасный» (*ḥr nfr*), что эвфемистически означает «младший, или юный, бог», т.е. собственно фараон. Единосущ-

ность царя верховному солнечному божеству проявляется и в том, что по смерти, согласно ряду текстов, его тело как бы растворяется в солнце. Подобная посмертная судьба позволяет фараону, по мнению Берлева, считать всех своих предшественников своими «отцами» в буквальном смысле слова, так как они физически неразделимы с его действительным отцом — солнечным божеством. Рождение ребенка от сакрального брака предопределяет его к занятию царской власти в Египте: при этом Берлев обращает внимание, что, вопреки норме сакрального брака, от него может родиться не только сын, но и дочь солнечного божества, а в случае междинастийного перехода он может произойти вне царской семьи и даже в среде неегиптян.

Значение перечисленных наблюдений и выводов О.Д. Берлева трудно переоценить; и вместе с тем в акценте, который делается в их формулировке на сакральной (по сути дела, божественной) природе египетского царя, есть некоторая односторонность. Между тем сам Берлев убедительно показал, что в рамках египетских же представлений в мире, на уровне своего *hm*, царь был представлен как вполне человеческое существо, служившее лишь средством выражения некоего божественного начала. По нашему мнению, было бы неправильно напрямую и полностью отождествлять это начало и с солнечным божеством (против этого говорит и само именование царя особым «солнечным именем», а не просто «солнцем») и с личностью царя (принадлежа земному миру, она как раз и совпала бы именно с *hm*!); следовательно, едва ли верно не придавать значения тем явно несакральным аспектам личности и статуса фараона, о которых говорили Познер и Гедике. Не так уж верно и придание исключительного значения физическому слиянию усопшего царя с солнцем: это, бесспорно, очень важное, но не единственное представление о его посмертной судьбе, не исключавшее ни его вознесения в число богов и обожествление в собственном качестве, ни даже обретения им, подобно простому смертному, блаженства в загробном мире Осириса.

Подход О.Д. Берлева к проблеме статуса царя в древнем Египте разделяется в настоящее время двумя наиболее авторитетными продолжателями его культурологических исследований — А.Е. Демидчиком и А.О. Большаковым: намеченную их предшественником линию они обогащают собственными оригинальными

наблюдениями*. Так, в центре внимания А.Е. Демидчика находится «Почтение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», анализируемое с точки зрения своего богатого идеологического содержания. Исследователь показал присутствие в этом тексте целостной концепции царской власти как «должности», налагаемой на ее обладателя верховным солнечным божеством — его отцом. Исполнение этой должности предполагает соблюдение царем определенных обязательств перед тремя категориями живых существ, присутствующими в древнеегипетской картине мира, — богами, «просветленными» (др.-егип. *аху*) усопшими и людьми. Применительно к первым двум категориям эти обязательства включают попечение об их жертвах и памятниках, применительно к людям — справедливое и нежестокое правление [Демидчик, 1994]. В развитие тезиса О.Д. Берлева о «солнечной» природе египетского царя А.Е. Демидчик высказывает мнение [Демидчик, 2001], что, с точки зрения египтян, царь должен был восприниматься как «младшее солнце» не только в Египте, но и за его пределами (где в египетских текстах, а также в некоторых памятниках местных правителей, лояльных Египту, он вообще обретал статус не младшего «прекрасного», а «великого бога»); сама же «солнечная» природа царя была неразрывно связана с его способностью устанавливать гармонию во взаимодействии действующих в мире сил посредством отправления ритуала [Демидчик, 2005: 14–28]. А.О. Большаков впервые в отечественной историографии привлек внимание к ряду царских скульптурных памятников, в которых теми или иными средствами выражается связь между фараоном и богом Хором [Большаков, 2000]. В данном контексте он обращается к смыслу древнейшего из египетских царских титулов — «Хорову имени» — и убедительно показывает, что оно выражает не тождество царя и Хора, а временное, совпадающее со сроком жизни конкретного правителя на земле, воплощение в нем божества, которое само по себе остается вне земного мира. Подобная интерпретация представляется убедительной и, кстати, сопрягаемой с построениями О.Д. Берлева относительно древнеегипетской категории, заключенной в термине *hm*. Стоит, правда, обратить внимание на вводные слова статьи Большакова о том, «что в Египте

* Кроме того, многие суждения О.Д. Берлева, связанные с древнеегипетской царской идеологией, содержатся в подготовленной под его руководством диссертации [Тахия, 1993].

вообще нет изображений людей, то же, что мы воспринимаем как таковые, на самом деле суть их Двойники-Ка» [Большаков, 2000: 73]. К сожалению, намеченная таким образом проблема царского ка (актуальная, как мы показывали, в интерпретации Хорова имени в западной историографии) не находит развития в основной части статьи Большакова ни в связи с Хоровым именем царя, ни с «Хоровой» царской скульптурой.

Исследованием египетских царских надписей эпохи Нового царства занималась в 1980-е — начале 1990-х гг. Т.А. Дейнека (Баскакова). В частности, ею был проведен тщательный анализ фразеологии надписей и титулатур царей XVIII династии с точки зрения отражения в ней этапов древнеегипетской экспансии в Азии и Нубии в это время [Дейнека, 1990]. В посвященном этим источникам ее диссертационном исследовании используется методика стилистического анализа древнеегипетских текстов, разработанная немецким египтологом Г. Фехтом, что в отечественной историографии является уникальным [Дейнека, 1992]; к сожалению, это исследование остается неопубликованным.

Подводя некоторый итог разработке проблем древнеегипетской идеологии царской власти в историографии советского и постсоветского времени, можно сказать, что, исследовательскими усилиями и авторитетом суждений О.Д. Берлева, ситуация в ней оказалась более определенной, чем в историографии западной: мнение о превалировании в образе царя черт божества в представлениях египтян кажется пока преобладающим. Вместе с тем обсуждение данной проблемы, особенно в условиях нынешней переориентации большинства отечественных египтологических исследований на историко-культурную тематику, несомненно, продолжится и даст новые результаты.

Библиография

[Авдиев, 1934] — *Авдиев В.И.* Рабовладение на древнем Востоке // История в средней школе. 1934. № 2.

[Авдиев, 1934а] — *Авдиев В.И.* Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте // Историк-марксист. 1934. № 6.

[Авдиев, 1935] — *Авдиев В.И.* Идеология обоготворения царя и царской власти в древнем Египте // Историк-марксист. 1935. № 8/9.

[Авдиев, 1936] — *Авдиев В.И.* Восстание рабов в древнем Египте за 2000 лет до н.э. // *Борьба классов.* 1936. № 6.

[Берлев, 1972] — *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

[Берлев, 1978] — *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

[Берлев, 1978а] — *Берлев О.Д.* «Золотое имя» египетского царя // *Ж.-Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов.* М., 1978.

[Берлев, 1984] — *Берлев О.Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта // *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке.* М., 1984.

[Берлев, 1989] — Цифровые данные по утону населения покоренных стран в Египет // *Государство и социальные структуры на древнем Востоке.* М., 1989.

[Берлев, 1999] — «Наследство Геба»: представления о природе египетского землепользования // *Подати и повинности на древнем Востоке.* СПб., 1999.

[Берлев, 2003] — *Берлев О.Д.* Два царя — Два Солнца: к мировоззрению древних египтян // *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev.* Berlin, 2003.

[Богословский, 1972–1973] — *Богословский Е.С.* Памятники и документы из Дёр-эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР // *ВДИ.* 1972. № 1–4; 1973. № 1–3.

[Богословский, 1979] — *Богословский Е.С.* «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.). М., 1979.

[Богословский, 1983] — *Богословский Е.С.* Древнеегипетские мастера: По материалам из Дер-эль-Медина. М., 1983.

[Богословский, 1991] — *Богословский Е.С.* О системе древнеегипетского общества второй половины II тысячелетия до н.э. // *Восток = Oriens.* 1991. № 6.

[Богословский, 1995] — *Богословский Е.С.* Повседневная жизнь в древнем Египте // *Восток = Oriens.* 1995. № 4.

[Большаков, 2000] — *Большаков А.О.* Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя» // *ВДИ.* 2000. № 2.

[Большаков, 2001] — *Большаков А.О.* Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001.

[Васильев, Стучевский, 1966] — *Васильев Л.С., Стучевский И.А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 5.

[Виноградов, 1969] — *Виноградов И.В.* О так называемых «держателях» земли в папирусе Вильбур // ВДИ. 1969. № 1.

[Виноградов, 1970] — *Виноградов И.В.* Папирус Вильбур: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

[Головина, 1976] — *Головина В.А.* Частное хозяйство в Египте эпохи Среднего царства (по материалам папирусов *Hkꜣ-nḥt*): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

[Головина, 1976а] — *Головина В.А.* К вопросу о социальной структуре хозяйства заупокойного жреца Хсканахта // ВДИ. 1976. № 2.

[Головина, 1992] — *Головина В.А.* Институт *ḥmw-kꜣ* в Египте эпохи Среднего царства // ВДИ. 1992. № 1.

[Головина, 1995] — *Головина В.А.* *Kdb* — земельная аренда в Египте эпохи Среднего царства // ВДИ. 1995. № 2.

[Дейнека, 1990] — *Дейнека Т.А.* Идеологическое обоснование внешней политики Египта в XVI–XIV вв. до н.э. // ВДИ. 1990. № 2.

[Дейнека, 1992] — *Дейнека Т.А.* Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

[Демидчик, 1994] — *Демидчик А.Е.* Представления о египетской государственности в «Поучении царю Мерикара»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

[Демидчик, 2001] — *Демидчик А.Е.* Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю // ВДИ. 2001. № 2.

[Демидчик, 2005] — *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.

[Евгенова, 1949] — *Евгенова В.И.* Законодательная цитата в памятнике XXII династии // Советское востоковедение. 1949. Вып. 6.

[Кацнельсон, 1951] — *Кацнельсон И.С.* Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII–XX династий // ВДИ. 1951. № 3.

[Кацнельсон, 1954] — *Кацнельсон И.С.* О значении древнеегипетского термина мерет // ВДИ. 1954. № 2.

[Коростовцев, 1939] — *Коростовцев М.А.* Декрет Сети I в На-ури // Исторический архив. 1939. Вып. 2.

[Коростовцев, 1976] — *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976.

[Крол, 1999] — *Крол А.А.* Приношение даров иноземцами как один из ритуалов древнеегипетского праздника сед // ВДИ. 1999. № 3.

[Крол, 2001] — *Крол А.А.* Хеб-сед и становление древнеегипетского государства // ВДИ. 2001. № 4.

[Лурье, 1930] — *Лурье И.М.* К вопросу о судебных оракулах в древнем Египте // ЗКВ. 1930. Вып. 4.

[Лурье, 1938] — *Лурье И.М.* Стоимость раба в древнем Египте // ВДИ. 1938. № 4.

[Лурье, 1939] — *Лурье И.М.* Беседа разочарованного со своим духом (к датировке крестьянского восстания в древнем Египте) // ТОВЭ. Л., 1939. Вып. 1.

[Лурье, 1951] — *Лурье И.М.* Древнеегипетские термины мерет и хентиуше во времена Древнего царства // ВДИ. 1951. № 4.

[Лурье, 1953] — *Лурье И.М.* Немху в Египте Нового царства // ВДИ. 1953. № 4.

[Лурье, 1955] — *Лурье И.М.* Еще раз о термине мерет // ВДИ. 1955. № 1.

[Лурье, 1955а] — *Лурье И.М.* Рабы — держатели храмовой земли (по материалам Нового царства) // ВДИ. 1955. № 1.

[Лурье, 1957] — *Лурье И.М.* Новые данные о свободных земледельцах и рабах в Египте Среднего царства // ВДИ. 1957. № 1.

[Лурье, 1960] — *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н.э. Л., 1960.

[Матье, 1936] — *Матье М.Э.* Следы матриархата в древнем Египте // Труды института антропологии, археологии и этнографии. Л., 1936. Т. 4.

[Матье, 1954] — *Матье М.Э.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3.

[Матье, 1956] — *Матье М.Э.* Древнеегипетские мифы. Л., 1956.

[Матье, 1956а] — *Матье М.Э.* Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // ВДИ. 1956. № 3.

[Матье, 1996] — *Матье М.Э.* Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М., 1996.

[Никифоров, 1977] — *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977.

[Ольдерогге, 1929] — *Ольдерогге Д.А.* «Управитель бурга» // ЗКВ. 1929. Вып. 3 (2).

[Перепелкин, 1949] — *Перепелкин Ю.Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. 1949. Вып. 6.

[Перепелкин, 1962] — *Перепелкин Ю.Я.* «Дом шнау» в Старом царстве // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1962. Т. 1.

[Перепелкин, 1966] — *Перепелкин Ю.Я.* Частная собственность в представлениях египтян Старого царства. М.; Л., 1966 (Палестинский сборник; Вып. 16 (79)); пер.: *Perepelkin Ju.Ja.* Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs. Tübingen, 1986.

[Перепелкин, 1967–1984] — *Перепелкин Ю.Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 1. М., 1967; Ч. 2. М., 1984.

[Перепелкин, 1988] — *Перепелкин Ю.Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.

[Петровский, 1951] — *Петровский Н.С.* Народное восстание в Египте: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

[Пиотровский, 1976] — *Пиотровский Б.Б.* Идеологические формы укрепления царской власти в древнем Египте // Вопросы научного атеизма и религии. М., 1976. Вып. 20.

[Постовская, 1947] — *Постовская Н.М.* Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте // ВДИ. 1947. № 1.

[Постовская, 1952] — *Постовская Н.М.* «Царь» Скорпион и его время // ВДИ. 1952. № 1.

[Постовская, 1961] — *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959). М., 1961.

[Прения, 1934] — [Прения по докладу В.В. Струве] // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 77.

[Прусаков, 1999] — *Прусаков Д.Б.* Природа и человек в древнем Египте. М., 1999.

[Прусаков, 2001] — *Прусаков Д.Б.* Раннее государство в древнем Египте. М., 2001.

[Редер, 1940] — *Редер Д.Г.* Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н.э. по статистическим данным большого папируса Гаррис // Ученые записки МОПИ. 1940. Вып. 2.

[Рубинштейн, 1948] — *Рубинштейн Р.И.* Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара // ВДИ. 1948. № 4.

[Рубинштейн, 1950] — *Рубинштейн Р.И.* Поучение гераклеопольского царя своему сыну // ВДИ. 1950. № 2.

[Савельева, 1960] — *Савельева Т.Н.* О терминах *pr*, *ḥw.t* и *ḥw.t-ḥ.t* в надписи Мечена // Древний Египет. М., 1960.

[Савельева, 1962] — *Савельева Т.Н.* Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.

[Савельева, 1962a] — *Савельева Т.Н.* О значении термина «люди» (*rmt*) в надписях Древнего царства // Краткие сообщения института народов Азии. М., 1962. Вып. 46.

[Савельева, 1967] — *Савельева Т.Н.* Надписи из гробницы Мечена (перевод и комментарий) // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.

[Савельева, 1971] — *Савельева Т.Н.* Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.

[Савельева, 1992] — *Савельева Т.Н.* Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М., 1992.

[Струве, 1913] — *Струве В.В.* К истории *ḏlōmōra* // ЖМНП. Нов. сер. 1913. Ч. 48.

[Струве, 1915] — *Струве В.В.* Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте // ЖМНП. Нов. сер. 1915. Ч. 55.

[Струве, 1917] — *Струве В.В.* Развитие храмового иммунитета в птолемеевском Египте // ЖМНП. Нов. сер. 1917. Ч. 70.

[Струве, 1925] — *Струве В.В.* Папирус 1116В recto и пророческая литература древнего Египта // ЗКВ. 1925. Вып. 1.

[Струве, 1930] — *Струве В.В.* Царь Амени в Эрмитажном папирусе № 1116В // Сборник египтологического кружка при ЛГУ. Л., 1930. № 5.

[Струве, 1931] — *Струве В.В.* [Выступление в прениях] // Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса. М.; Л., 1931.

[Струве, 1932] — *Струве В.В.* Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // Большая советская энциклопедия. М., 1932. Т. 24.

[Струве, 1932а] — *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 9, 10.

[Струве, 1934] — *Струве В.В.* Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока (Доклад и заключительное слово) // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 77.

[Струве, 1934а] — *Струве В.В.* Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура // С.Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934.

[Струве, 1935] — Речение Ипувера, Лейденский папирус № 344. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства / Вводная ст. В.В. Струве. М.; Л., 1935.

[Стучевский, 1958] — *Стучевский И.А.* К толкованию данных папируса Вильбура о землепользовании и налогообложении в Египте времени Рамессидов // ВДИ. 1958. № 1.

[Стучевский, 1962] — *Стучевский И.А.* Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962.

[Стучевский, 1966] — *Стучевский И.А.* Зависимое население древнего Египта. М., 1966.

[Стучевский, 1976] — *Стучевский И.А.* Пропаганда государственного централизма в художественной литературе древнего Египта (по данным «Пророчества Неферти» и «Речения Ипусера») // Тутанхамон и его время. М., 1976.

[Стучевский, 1982] — *Стучевский И.А.* Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.

[Тахия, 1993] — Тахия М.Ш. Автобиография в древнем Египте в эпоху IV–VIII династий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

[Темерев, 1980] — *Темерев А.Н.* Система снабжения в ахеменидских гарнизонах // ВДИ. 1980. № 1.

[Темерев, 1984] — *Темерев А.Н.* Структура сисенского и элевфантинского военных поселений персидской эпохи в Верхнем Египте (по арамейским текстам V в. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

[Тураев, 2000] — *Тураев Б.А.* Египетская литература. СПб., 2000.

[Черезов, 1949] — *Черезов Е.В.* К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства // ВДИ. 1949. № 3.

[Черезов, 1950] — *Черезов Е.В.* К вопросу о хентиу-ше — мелких землевладельцах в древнем Египте // ВДИ. 1950. № 4.

[Черезов, 1951] — *Черезов Е.В.* Социальное положение *mr.t* в храмовом хозяйстве Древнего царства // ВДИ. 1951. № 2.

[Черезов, 1952] — *Черезов Е.В.* К вопросу о значении древне-египетских терминов мерет и хентиуше во времена Древнего царства // ВДИ. 1952. № 2.

[Черезов, 1960] — *Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // Древний Египет. М., 1960.

[Черезов, 1968] — *Черезов Е.В.* Техника сельского хозяйства древнего Египта. Черновцы, 1968.

[Эдаков, 1974] — *Эдаков А.В.* Египет в середине VI — начале V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

[Эдаков, 1980] — *Эдаков А.В.* Денежное обращение в Египте в середине VI — начале V вв. до н.э. // Древний Восток и античный мир. М., 1980.

[Эдаков, 1982] — *Эдаков А.В.* К положению наемников в Египте в VI—IV вв. до н.э. // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982.

[Эдаков, 1984] — *Эдаков А.В.* Чужеземцы и храмы в Египте VI—IV вв. до н.э. // Античная гражданская община. М., 1984.

[Эдаков, 1988] — *Эдаков А.В.* Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время // ВДИ. 1988. № 1.

[Эдаков, 1988a] — *Эдаков А.В.* Общество и государство древнего Египта VII—IV вв. до н.э. Новосибирск, 1988.

[Allam, 1973] — *Allam Sch.* Hieratische Ostraka und Papyri aus der Ramessidenzeit. Tübingen, 1973.

[Allam, 1973a] — *Allam Sch.* Verfahrensrecht in der altägyptischen Arbeitersiedlung von Deir el-Medineh. Tübingen, 1973.

[Allam, 1978] — *Allam Sch.* Un droit pénal existait-il stricto sensu en Égypte pharaonique? // JEA. 1978. V. 64.

[Allam, 1982] — *Allam Sch.* Der Kauf im pharaonischen Ägypten, vornehmlich in der Zeit des Neuen Reiches, 16—11 Jh. v. Chr. // Palast und Hütte. Beiträge zum Bauen und Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- und Frühgeschichtlern. Tagesbeiträge eines Symposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn — Bad Godesberg, veranstaltet von 25.—30. November 1979 in Berlin. Mainz, 1982.

[Allam, 1986] — *Allam Sch.* Réflexions sur le «Code légal» d'Hermopolis dans l'Égypte ancienne // CdÉ. 1986. T. 61.

[Allam, 1995] — *Allam Sch.* Quenebete et administration autonome en Égypte pharaonique // Revue internationale des droits de l'Antiquité. 1995. T. 42.

[Ancient Egyptian Kingship, 1995] — Ancient Egyptian Kingship / Ed. D. O'Connor and D.P. Silverman. Leiden, 1995.

[Anthes, 1952] — *Anthes R.* Die Maat des Echnaton von Amarna. Baltimore, 1952.

[Assmann, 1970] — *Assmann J.* Der König als Sonnenpriester. Ein kosmographischer Begleittext zur kultischen Sonnenhymnik in thebanischen Tempeln und Gräbern. Glückstadt, 1970.

[Baer, 1960] — *Baer K.* Rank and Title in the Old Kingdom. The Structure of the Egyptian Administration in the Fifth and Sixth Dynasties. Chicago, 1960.

[Baer, 1962] — *Baer K.* The Low Price of Land in Ancient Egypt // JARCE. 1962. V. 1.

[Baillet, 1905–1907] — *Baillet J.* Les noms de l'esclave en égyptien // RecTrav. 1905. T. 27; 1906. T. 28; 1907. T. 29.

[Baillet, 1912–1913] — *Baillet J.* Le régime pharaonique dans ses rapports avec l'évolution de la morale en Égypte. Blois, 1912–1913.

[Baines, 1990] — *Baines J.* Trône et dieu: aspects du symbolisme royal et divin des temps archaïques // Bulletin de la Société Française d'Égyptologie. 1990. 118.

[Bakir, 1952] — *Bakir Abd el-Mohsen.* Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (рец.: Стучевский И.А. [Рецензия] // ВДИ. 1958. № 2).

[Barta, 1969] — *Barta W.* Zum Goldnamen der ägyptischen Könige im Alten Reich // ZÄS. 1969. Bd. 95.

[Barta, 1975] — *Barta W.* Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs. Ritus und Sakralkönigtum in Altägypten nach Zeugnissen der Frühzeit und des Alten Reiches. München; Berlin, 1975.

[Barta, 1980] — *Barta W.* Thronbesteigung und Krönungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme // SAK. 1980. Bd. 8.

[Baumgartel, 1975] — *Baumgartel E.J.* Some Remarks on the Origins of the Titles of the Archaic Egyptian Kings // JEA. 1975. V. 61.

[Beckerath, 1984] — *Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München, 1984. (2. Aufl. 1999).

[Bell, 1985] — *Bell L.* Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // JNES. 1985. V. 44.

[Bell, 1997] — *Bell L.* The New Kingdom 'Divine' Temple: The Example of Luxor // Temples of Ancient Egypt. L., 1997.

[Bennett, 1965] — *Bennett J.* The Meaning of the Royal Nomen and Prenomen // JEA. 1965. V. 51.

[Berlev, 1981] — *Berlev O.D.* The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies presented to H.J. Polotsky. Beacon Hill (Mass.), 1981.

[Berlev, Hodge, 1982] — *Berlev O., Hodge S.* Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow, 1982.

[Blumenthal, 1970] — *Blumenthal E.* Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I. Die Phraseologie. Berlin, 1970.

[Bonhême, 1987] — *Bonhême M.-A.* Le livre des rois de la Troisième période intermédiaire. Le Caire, 1987.

[Bonhême, 1987a] — *Bonhême M.-A.* Les noms royaux dans l'Égypte de la Troisième période intermédiaire. Le Caire, 1987.

[Borchardt, 1905] — *Borchardt L.* Ein Königserlaß aus Dahschur // ZÄS. 1905. Bd. 42.

[Brentjes, 1968] — *Brentjes B.* Grundeigentum, Staat und Klassengesellschaft im Alten Orient // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1968. Bd. 9.

[Brunner, 1964] — *Brunner H.* Die Geburt des Gottkönigs, Studien zur Überlieferung eines altägyptischen Mythos. Wiesbaden, 1964.

[Budge, 1908] — *Budge E.A.W.* The Book of the Kings of Egypt. L., 1908. V. 1–2.

[Burchardt, Pieper, 1912] — *Burchardt M., Pieper M.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Leipzig, 1912.

[Butzer, 1958–1959] — *Butzer K.W.* Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara. Wiesbaden, 1958–1959. Bd. 1–3.

[Butzer, 1976] — *Butzer K.W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago; L., 1976.

[Černý, 1954] — *Černý J.* Prices and Wages in Egypt in the Rameside Period // Cahiers d'histoire mondiale. 1954. V. 1, N 4.

[Černý, 1970] — *Černý J.* Catalogue des ostraca hiéroglyphiques non littéraires de Deir el-Médinéh (Nos 624–705). Le Caire, 1970.

[Černý, 1973] — Černý J. A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Le Caire, 1973.

[Černý, 1978] — Černý J. Papyrus hiératiques de Deir el-Médineh. Tome I [Nos I—XVII] / Catalogue complété et édité par G. Posener. Le Caire, 1978.

[Černý, 1986] — Černý J. Papyrus hiératiques de Deir-el-Médineh. Tome II [Nos XVIII—XXXIV] / Catalogue complété et édité par Yvan Koenig. Le Caire, 1986.

[Chevereaux, 1985] — Chevereaux P.-M. Prosopographie des cadres militaires égyptiens de la Basse Epoque. Carrières militaires et carrières sacerdotales en Egypte du XI-e au II-e siècle avant J.-C. Anthony, 1985.

[Chevereaux, 1987] — Chevereaux P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire // RdÉ. 1987. T. 38.

[Chevereaux, 1989] — Chevereaux P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire // RdÉ. 1989. T. 40.

[Chevereaux, 1991] — Chevereaux P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires du Moyen Empire // RdÉ. 1991. T. 42.

[Chevereaux, 1992] — Chevereaux P.-M. Contribution à la prosopographie des cadres militaires du Moyen Empire // RdÉ. 1992. T. 43.

[Chevereaux, 1994] — Chevereaux P.-M. Prosopographie des cadres militaires égyptiens du Nouvel Empire. Antony, 1994.

[Christophe, 1957] — Christophe L.-A. L'organisation de l'armée égyptienne à l'époque ramesside // La Revue du Caire. V. 39, N 207 (Novembre 1957).

[Cruz-Uribe, 1982] — Cruz-Uribe E. Slavery in Egypt during the Saite and Persian Periods // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. 1982. T. 29.

[Derchain, 1962] — Derchain Ph. Le rôle du roi d'Egypte dans le maintien de l'ordre cosmique // Annales du Centre d'Etude des Religions. 1962. T. 1.

[Derchain-Urtel, 1975] — Derchain-Urtel M.-Th. Gott oder Mensch? // SAK. 1975. Bd. 3.

[Endesfelder, 1991] — Endesfelder E. Die Formierung der altägyptischen Klassengesellschaft. Probleme und Beobachtungen // Probleme der frühen Gesellschaftsentwicklung im Alten Ägypten / Hrsg. von Erika Endesfelder. Berlin, 1991.

[Erman, 1919] — *Erman A.* Die Mahnworte eines ägyptischen Propheten // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1919.

[Fairman, 1958] — *Fairman H.W.* The Kingship Rituals of Egypt // Myth, Ritual, and Kingship. Essays on the Theory and Practice of Kingship in the Ancient Near East and in Israel. Oxford, 1958.

[Faulkner, 1952] — *Faulkner R.O.* The Wilbour Papyrus Edited by Alan H. Gardiner. V. 4. Index. Oxford, 1952.

[Faulkner, 1953] — *Faulkner R.O.* Egyptian Military Organisation // JEA. 1953. V. 39.

[Franke, 1973] — *Franke D.* Ein Beitrag zur Diskussion über die asiatische Produktionsweise // GM. 1973. H. 5.

[Franke, 1998] — *Franke D.* Kleiner Mann (*nds*) — was bist Du? // GM. 1998. H. 167.

[Frankfort, 1948] — *Frankfort H.* Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago, 1948 (2nd ed.: 1959).

[Gardiner, 1941–1948] — *Gardiner A.H.* The Wilbour Papyrus. Oxford, 1941–1948. V. 1–3.

[Gardiner, 1948] — *Gardiner A.H.* Ramesside Administrative Documents. L., 1948.

[Gardiner, 1951] — *Gardiner A.H.* The Baptism of Pharaoh // JEA. 1951. V. 36–37.

[Gardiner, 1953] — *Gardiner A.H.* The Coronation of King Haremhab // JEA. 1953. V. 39.

[Gauthier, 1907–1917] — *Gauthier H.* Le livre des rois d'Égypte. Le Caire, 1907–1917. T. 1–5.

[Gnirs, 1996] — *Gnirs A.M.* Militär und Gesellschaft. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte des Neuen Reiches. Heidelberg, 1996.

[Goedicke, 1960] — *Goedicke H.* Die Stellung des Königs im Alten Reich. Wiesbaden, 1960.

[Goedicke, 1967] — *Goedicke H.* Königliche Dokumente aus dem alten Reich. Wiesbaden, 1967.

[Goedicke, 1970] — *Goedicke H.* Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Wien, 1970.

[Goedicke, 1984] — *Goedicke H.* Studies in the Hekanakhte Papers. Baltimore, 1984.

[Goyon, 1972] — *Goyon J.-Cl.* Confirmation du pouvoir royal au nouvel an: Brooklyn Museum Papyrus 47.218.50. Le Caire, 1972.

[Griffiths, 1959] — *Griffiths J. Gw.* Remarks on the Horian Elements in the Royal Titulary // *ASAE*. 1959. V. 56.

[Grimal, 1986] — *Grimal N.-Ch.* Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P., 1986 (реп.: *Дейнека Т.А.* [Рецензия] // *ВДИ*. 1991. № 3).

[Gundlach, 1997] — *Gundlach R.* Der Pharaon und sein Staat: Die Grundlegungen der ägyptischen Ideologie im 4. und 3. Jahrtausend. Darmstadt, 1997.

[Gyles, 1959] — *Gyles M.F.* Pharaonic Policies and Administration, 663 to 323 B. C. Chapel Hill, 1959.

[Habashi, 1969] — *Habashi L.* Features of the Deification of Rameses II. Glückstadt, 1969.

[Helck, 1954] — *Helck W.* Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1954.

[Helck, 1958] — *Helck W.* Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reichs. Leiden; Köln, 1958.

[Helck, 1959] — *Helck W.* Die soziale Schichtung des ägyptischen Volkes im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. // *J. of Economic and Social History of the Orient*. 1959. V. 2.

[Helck, 1961–1969] — *Helck W.* Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. Tl. 1. I. Die Eigentümer a) Die grossen Tempel; Tl. 2. I. Die Eigentümer b) die Provinztempel und säkulare Institutionen. II. Eigentum und Besitz von Grund und Boden. Wiesbaden, 1961; Tl. 3–4. Eigentum und Besitz an verschiedenen Dingen des täglichen Lebens. Wiesbaden, 1963; Tl. 5. Einzelbetrachtung von Lebensmitteln und Materialien. Wiesbaden, 1965; Tl. 6. Wiesbaden, 1969.

[Helck, 1975] — *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend von Chr. Leiden; Köln, 1975.

[Hornblower, 1938] — *Hornblower G.D.* The «Golden Horus» Title // *JEA*. 1938. V. 24.

[Hornung, Staehelin, 1974] — *Hornung E., Staehelin E.* Studien zum Sedfest. Genève, 1974.

[Jacobsohn, 1939] — *Jacobsohn H.* Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Ägypter. Glückstadt, 1939.

[James, 1962] — *James T.G.H.* The Hekanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents. N. Y., 1962.

[Janssen, 1975] — *Janssen J.J.* Commodity Prices from the Ramesid Period. An Economic Study of the Village of Necropolis Workmen at Thebes. Leiden, 1975.

[Kanawati, 1977] — *Kanawati N.* The Egyptian Administration in the Old Kingdom. Evidence on its Economic Decline. Warminster, 1977.

[Kanawati, 1980] — *Kanawati N.* Governmental Reforms in Old Kingdom Egypt. Warminster, 1980.

[Katary, 1989] — *Katary S.L.D.* Land Tenure in the Ramesside Period. L.; N. Y., 1989.

[Kees, 1953] — *Kees H.* Das Priestertum im ägyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spätzeit. Leiden; Köln, 1953.

[Kemp, 1972] — *Kemp B.* Temple and Town in Ancient Egypt // Man, Settlement and Urbanism. Proceedings of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University. L., 1972.

[Kemp, 1977] — *Kemp B.* The Early Development of Towns in Egypt // Antiquity. 1977. V. 51.

[Kemp, 1977–1978] — *Kemp B.* The City of el-Amarna as a Source for the Study of Urban Society in Ancient Egypt // World Archaeology. 1977–1978. V. 9.

[Kemp, 1989] — *Kemp B.* Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. L.; N. Y., 1989.

[Kruchten, 1982] — *Kruchten J.-M.* Rétribution de l'armée d'après le décret d'Horemheb // L'Égyptologie en 1979. Axes prioritaires de recherches. P., 1982. T. 2.

[Krzyzaniak, 1977] — *Krzyzaniak L.* Early Farming Cultures on the Lower Nile. The Predynastic Period in Egypt. Varsovie, 1977.

[Kuhlmann, 1977] — *Kuhlmann K.P.* Der Thron im alten Ägypten. Untersuchungen zu Semantik, Ikonographie und Symbolik eines Herrschaftszeichens. Glückstadt, 1977.

[Leclant, 1951] — *Leclant J.* Le rôle du lait et de l'allaitement d'après les Textes des Pyramides // JNES. 1951. V. 10.

[Legrain, 1929] — *Legrain G.* Les temples de Karnak: fragment du dernier ouvrage de Georges Legrain. Bruxelles, 1929.

[Lepsius, 1858] — *Lepsius R.* Königsbuch der alten Ägypter. Berlin, 1858.

[Malinine, 1953–1983] — *Malinine M.* Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique. Pt. 1. P., 1953; P. 2. Le Caire, 1983.

[Martin-Pardey, 1976] — *Martin-Pardey E.* Untersuchungen zur ägyptischen Provinzialverwaltung bis zum Ende des Alten Reiches. Hildesheim, 1976.

[Mattha, 1975] — *Mattha G.* The Demotic Legal Code of Her-mopolis West / Preface, Additional Notes and Glossary by George R. Hughes. Le Caire, 1975.

[Menu, 1970] — *Menu B.* Le régime juridique des terres et du personnel attaché à la terre dans le Papyrus Wilbour. Lille, 1970.

[Menu, 1970a] — *Menu B.* La gestion du «patrimoine» foncier d'Hekanakhte // RdÉ. 1970. T. 22.

[Menu, 1971] — *Menu B.* Le régime juridique des terres en Égypte pharaonique. Moyen Empire et Nouvel Empire // Revue historique de droit français et étranger. 1971. T. 49.

[Menu, 1973] — *Menu B.* Le prêt en droit égyptien. Nouvel Empire et Basse Epoque // Cahier de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille. 1973. T. 1.

[Menu, 1977] — *Menu B.* Les rapports de dépendance en Égypte à l'époque saïte et perse // Revue historique de droit français et étranger. 1977. T. 55.

[Menu, Harari, 1974] — *Menu B., Harari I.* La notion de propriété privée dans l'Ancien Empire Égyptien // Cahier de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille. 1974. T. 2.

[Moret, 1902] — *Moret A.* Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P., 1902.

[Moret, 1902a] — *Moret A.* Le rituel du culte divin journalier en Égypte. P., 1902.

[Moret, 1912–1917] — *Moret A.* Chartes d'immunité dans l'Ancien Empire égyptien // J. asiatique. 1912. Sér. 10, t. 20; 1916. Sér. 11, t. 7; 1917. T. 10.

[Moret, 1916] — *Moret A.* L'administration locale sous l'Ancien Empire égyptien // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres: Comptes rendus des séances. 1916.

[Müller, 1938] — *Müller H.* Die formale Entwicklung der Titulatur der ägyptischen Könige. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1938.

[Müller-Wollermann, 1986] — *Müller-Wollermann R.* Krisenfaktoren im ägyptischen Staat des ausgehenden Alten Reichs. Tübingen, 1986.

[Murnane, 1977] — *Murnane W.J.* Ancient Egyptian Coregencies. Chicago, 1977.

[Murray, 1914] — *Murray M.A.* Evidence for the Custom of Killing the King in Ancient Egypt // Man. 1914. V. 14, N 12.

[Murray, 1932] — *Murray M.A.* An Early Sed-festival // Ancient Egypt and the East. 1932.

[Newberry, 1904] — *Newberry P.E.* The Horus-title of the Kings of Egypt // *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*. 1904. V. 26.

[O'Brien, 1996] — *O'Brien A.A.* The Serekh as an Aspect of the Iconography of Early Kingship // *JARCE*. 1996. V. 33.

[O'Mara, 1988] — *O'Mara P.* Was the Sed Festival Periodic in Early Egyptian History? (I–II) // *Discussions in Egyptology* 1988. 11; 12.

[Otto, 1960] — *Otto E.* Der Gebrauch des Königstitels bjtj // *ZÄS*. 1960. Bd. 85.

[Otto, 1969] — *Otto E.* Legitimation des Herrschers im pharaonischen Ägypten // *Saeculum*. 1969. Bd. 20.

[Pestman, 1961] — *Pestman P.W.* Marriage and Matrimonial Property in Ancient Egypt. A Contribution to establishing the Legal Position of the Woman. Leiden, 1961.

[Pestman, 1969] — *Pestman P.W.* The Law of Succession in Ancient Egypt // *Essays on Oriental Laws of Succession*. Leiden, 1969.

[Pirenne, 1931] — *Pirenne J.* La loi et les décrets: essai d'une théorie du droit public de l'Ancien Empire égyptien, de la III dynastie à la VI dynastie // *RÉA*. 1931. T. 3.

[Pirenne, 1932–1935] — *Pirenne J.* Histoire des institutions et du droit privé de l'ancienne Égypte. Bruxelles, 1932–1935. T. 1–3.

[Pirenne, 1935] — *Pirenne J.* L'administration provinciale et la féodalité à la fin de l'Ancien Empire // *CdÉ*. 1935. T. 10.

[Pirenne, 1936] — *Pirenne J.* La féodalité en Égypte // *Revue de l'Institut de Sociologie*. 1936. T. 16.

[Pirenne, 1947] — *Pirenne J.* Le status des hommes libres pendant la première féodalité dans l'ancienne Égypte // *Archives d'histoire du droit oriental*. Wetteren, 1947. T. 3.

[Pirenne, 1954] — *Pirenne J.* Les institutions urbaines dans l'ancienne Egypte et dans le pays de Sumer // *Recueils de la Société Jean Bodin*. 6. La ville. Pt. 1. Institutions Administratives et Judiciaires. Bruxelles, 1954.

[Pirenne, 1956] — *Pirenne J.* Les villes dans l'Ancienne Egypte. Institutions économiques et sociales // *Recueils de la Société Jean Bodin*. 7. La ville. Pt. 2. Institutions Economiques et Sociales. Bruxelles, 1956.

[Pirenne, 1968] — *Pirenne J.* Gouvernés et Gouvernants dans l'Antiquité Orientale. Rapport de synthèse // *Gouvernés et Gouvernants*. Deuxième Partie. Antiquité et Haut Moyen Age. Bruxelles, 1968.

[Posener, 1960] — *Posener G.* De la divinité du pharaon. P., 1960.

[Posener-Kriéger, 1976] — *Posener-Kriéger P.* Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï (Les papyrus d'Abousir): traduction et commentaire. Le Caire, 1976. V. 1—2.

[Posener-Kriéger, 1979] — *Posener-Kriéger P.* Les papyrus d'Abousir et l'économie des temples funéraires de l'Ancien Empire // State and Temple Economy in the Ancient Near East. I—II. Proceedings of the International Conference Organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 10th to the 14th of April 1978. Leuven, 1979. T. 1.

[Pressl, 1998] — *Pressl D.A.* Beamte und Soldaten: Die Verwaltung in der 26. Dynastie in Ägypten (664—525 v. Chr.). Frankfurt am Main, 1998.

[Revillout, 1880] — *Revillout Eu.* Les régimes matrimoniaux dans le droit égyptien et par comparaison dans le code civil français // RÉ. 1880. T. 1.

[Revillout, 1882] — *Revillout Eu.* La loi de Bocchoris et l'intérêt à trente pour cent // RÉ. 1882. T. 2.

[Revillout, 1884] — *Revillout Eu.* Cours de droit égyptien. P., 1884.

[Revillout, 1886] — *Revillout Eu.* Les obligations en droit égyptien comparé aux autres droits de l'antiquité. P., 1886.

[Revillout, 1896] — *Revillout Eu.* Notice des papyrus démotiques archaïques et autres textes juridiques ou historiques traduits et commentés à ce double point de vue à partir du règne de Bocchoris jusqu'au règne de Ptolémée Soter. P., 1896.

[Revillout, 1897] — *Revillout Eu.* La propriété: ses démembrements, la possession et leurs transmissions, en droit égyptien, comparé aux autres droits de l'antiquité. P., 1897.

[Revillout, 1903] — *Revillout Eu.* Précis du droit égyptien comparé aux autres droits de l'antiquité. P., 1903. T. 1—2.

[Rössler-Köhler, 1991] — *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991.

[Sauneron, 1959] — *Sauneron S.* Catalogue des ostraca hiératiques non littéraires de Deir el-Médineh (Nos 550—623). Le Caire, 1959.

[Scharff, Seidl, 1939] — *Scharff A., Seidl E.* Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reiches. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1939.

[Scharff, Seidl, 1945] — *Scharff A., Seidl E.* Eine ägyptische Schenkungsurkunde aus der 6. Dynastie // Festschrift für Leopold Wenger zu

seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Fachgenossen und Schülern. München, 1945. Bd. 2.

[Schulmann, 1964] — *Schulmann A.R.* Military Rank, Title and Organization in the Egyptian New Kingdom. Berlin, 1964.

[Schweitzer, 1956] — *Schweitzer U.* Das Wesen des Ka im Diesseits und Jenseits der alten Ägypter. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1956.

[Seidl, 1951] — *Seidl E.* Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reiches. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1951.

[Seidl, 1956] — *Seidl E.* Ägyptische Rechtsgeschichte der Saiten- und Perserzeit. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1956.

[Seidl, 1962] — *Seidl E.* Ptolemäische Rechtsgeschichte. Glückstadt; Hamburg; N. Y., 1962.

[Sethe, 1928] — *Sethe K.* Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen. Leipzig, 1928.

[Spiegelberg, 1892] — *Spiegelberg W.* Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches der Dynastien XVIII–XXI (c. 1500–1000 v. Chr.). Hannover, 1892.

[Spiegelberg, 1895] — *Spiegelberg W.* Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonenreich unter den Ramessiden (c. 1400–1100 v. Chr.): eine kulturgeschichtliche Skizze. Strassburg, 1895.

[Spiegelberg, 1909] — *Spiegelberg W.* Demotische Kaufpfandverträge (Darlehen auf Hypothek) // *RecTrav.* 1909. T. 31.

[Spiegelberg, 1914] — *Spiegelberg W.* Der Königseid des demotischen Papyrus Berlin 3080 // *RecTrav.* 1914. T. 36.

[Spiegelberg, 1923] — *Spiegelberg W.* Ägyptische Verpfändungsverträge mit Vermögensabtretungen. Heidelberg, 1923.

[Spiegelberg, 1928] — *Spiegelberg W.* Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I., mit den Chnum-Priestern von Elephantine // *SPAW. Philos.-hist. Kl.* 1928.

[Strudwick, 1985] — *Strudwick N.* The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders. L., 1985 (рец.: *Большаков А.О.* [Рецензия] // *ВДИ.* 1993. № 2).

[Uphill, 1965] — *Uphill E.P.* The Egyptian Sed-Festival Rites // *JNES.* 1965. V. 24.

[Valbelle, 1977] — *Valbelle D.* Catalogue des poids à inscriptions hiératiques de Deir el-Médineh. Nos 5001–5423. Le Caire, 1977.

[Valbelle, 1985] — *Valbelle D.* «Les ouvriers de la tombe»: Deir el-Médineh à l'époque ramesside. Le Caire, 1985.

[Warburton, 1997] — *Warburton D.A.* State and Economy in Ancient Egypt: Fiscal Vocabulary of the New Kingdom. Fribourg; Göttingen, 1997.

[Ward, 1982] — *Ward W.A.* Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. With a Glossary of Words and Phrases Used. Beirut, 1982.

[Ward, 1986] — *Ward W.A.* Essays on Feminine Titles of the Middle Kingdom and Related Subjects. Beirut, 1986.

[Weill, 1912] — *Weill R.* Les décrets royaux de l'Ancien Empire égyptien. P., 1912.

[Wilkinson, 1985] — *Wilkinson R.H.* The Horus Name and the Form and Significance of the Serekh in the Royal Egyptian Titulary // JSSEA. 1985. V. 15.

[Wilson, 1960] — *Wilson J.A.* Egypt through the New Kingdom. Civilization without Cities // City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East, Held at the Oriental Institute of the University of Chicago, December 4–7, 1958. Chicago, 1960.

РАЗДЕЛ II

Древняя Месопотамия

ГЛАВА 1

Основные этапы и направления изучения истории древней Месопотамии

Над библейской прародиной человечества, над долиной Тигра и Евфрата — землей Эдема проносились тысячелетия до новой и новой эры, и ее история постепенно подергивалась плотной дымкой забвения. Вспомним известный по Лукиану (II в. н.э.) диалог Гермеса и перевозчика мертвых Харона, просившего бога показать ему знаменитые города: Ниневию, Вавилон, Микены, Илион (Трою), на что тот ответил: «Ниневия, перевозчик, уже погибла и следа от нее больше не осталось, не скажешь даже, где она и была. Вавилон же — вот тот город с прекрасными башнями и высокой стеной вокруг: в недалеком будущем и его придется разыскивать, как Ниневию... А между тем в старину города эти были богаты: ныне же умерли и они. Ибо умирают, перевозчик, и города, подобно людям».

Однако не все оказалось так эпически безысходно. Некоторые из умирающих древних памятников реставрировались, другие самовозрождались, третьи сохранялись в памяти людской и манили к себе «очарованных странников».

§ 1. Путешествия

И вот как раз знакомство с древними памятниками Месопотамии первыми начали путешественники. Один из них, родом из Испании, раввин Вениамин Тудельский, в XII в. посетивший развалины древних городов Ниневии и Вавилона, оставил красочное описание руин их знаменитых дворцов и храмов. В XVI в. в Месопотамии побывали английский купец Дж. Элдред, немецкий ботаник Л. Раувольф. Сведения о клинообразных знаках

письменности привезли в Европу в начале XVI в. испанские дипломаты Антонио ди Гувеа и Гарсиа ди Сильва Фигероа. В 1621 г. первые их копии были сняты итальянским путешественником Пьетро делла Валле, который в 1625 г. привез на родину и глиняные таблички из Вавилона и Ура. Первые глиняные таблички в Россию из Персии и Месопотамии привез и подарил императору Александру I в 20-е гг. XIX в. художник и путешественник англичанин Р.К. Портер, женатый на русской аристократке, живший в Петербурге и отправившийся оттуда на Восток, где он также сделал зарисовки древних руин.

Первое путешествие с научными целями было предпринято в 60-х гг. XVIII в. датским ученым К. Нибуrom (1733–1815), осмотревшим древние памятники Месопотамии и Персии и снявшим копии надписей персидских царей, выполненные клинописью, что в дальнейшем послужило основой для работы над дешифровкой клинописи [см.: Бартольд, 1925; Бузескул, 1925].

§ 2. Дешифровка клинописи

На письменность древней Месопотамии обратили внимание еще античные авторы (Геродот, Диодор, Страбон и др.), именовавшие клинообразные знаки «ассирийскими (или халдейскими) буквами». Местное население, арабы, называли встречавшиеся им на глиняных табличках знаки «мис мари» («гвоздевидное письмо»). Термин «клинопись» родился в XVII в., и его появлением наука обязана англичанину Т. Хайду и немцу Э. Кемпферу. В Европе долго относились к незнакомой письменности с недоверием и высказывали порой совершенно нелепые предположения, что на глиняных табличках отпечатались следы птиц, что их источили черви или что знаки являются символическим изображением цветов либо художественным орнаментом.

Одним из первых изучением клинообразных текстов, скопированных в древней персидской столице Персеполе, занялся К. Нибур, пришедший к выводу о существовании трех систем письменности с различным количеством знаков и разной степенью сложности.

В конце XVIII в. были сделаны новые важные шаги в изучении клинописи. Немецкий ученый О. Тихсен пришел к выводу, что надписи из Персии выполнены не только разными системами

письма, но и на разных языках, и что часто встречающийся в простой системе письма косой клин является знаком-словоразделителем. Датский ученый Ф. Мюнтер в 1802 г. предположил, что клинопись может быть представлена алфавитной, слоговой и идеографической системами письма, установил знаки, обозначающие термины «царь» и «царь царей».

Решающий шаг в дешифровке клинописи был сделан в 1802 г. немецким учителем философии и древних языков Г.Ф. Гротефендом (1775–1853), который перевел выполненные персидской клинописью части двух надписей из Персеполя. Он пришел к выводу, что это надписи персидских царей династии Ахеменидов, установил наиболее употребительные термины персидской царской титулатуры и прочел имена царей Дария и Ксеркса, а также отца царя Дария — Гистаспа. В результате Гротефенд дешифровал 13 персидских клинописных знаков из 39, однако впоследствии чтение 4 знаков было исправлено. Что касается двух других частей надписей, то одну он верно определил как вавилонскую, а другую, ошибочно, как мидийскую.

В ходе последующего изучения персидской клинописи в 1836 г. француз Э. Бюрнуф и датчанин Х. Лассен независимо друг от друга смогли определить почти все ее знаки.

Большой вклад в дешифровку клинописи независимо от Г.Ф. Гротефенда внес английский офицер и дипломат, многие годы работавший на Ближнем Востоке — Г.К. Раулинсон (1810–1895). Решающую роль в его работе сыграло изучение обнаруженной им в 1835 г. близ Керман-шаха в Иране на Бехистунской скале огромной надписи персидского царя Дария I. Надпись, высеченную на высоте 120 м от земли над пропастью, ему удалось скопировать с помощью местного жителя-курда с риском для жизни. Работа по дешифровке продолжалась 10 лет. Итогом ее изучения стала публикация Г. Раулинсоном в 1845 г. книги «Персидские клинописные знаки из Бехистуна».

Ряд ученых (швед И. Лёвенстерн, француз Ф. де Сольси, ирландец Э. Хинкс и др.) пытались дешифровать вавилонскую (аккадскую) клинопись, образцы которой часто находили на территории Месопотамии. В их трудах содержались важные наблюдения о принадлежности этого языка к семитской ветви и его возможном родстве с еврейским и арабским языками, о наличии в аккадской клинописи идеограмм и слоговых знаков, о полифонии — разным

чтении одного и того же знака. Решающий вклад в дешифровку аккадской клинописи внес опять-таки Раулинсон на основе работы с этой частью Бехистунской надписи. К 1847 г. ему удалось из более чем 600 знаков этого варианта определить 250. Позже других была дешифрована третья часть Бехистунской надписи, выполненная клинописью на эламском языке. В ее дешифровке приняли участие англичане Г. Раулинсон, Э. Норрис, датчанин К.Л. Вестергард и др.

Успехи дешифровки клинописи были поразительными, но трудностей в прочтении новых клинописных текстов возникало тоже очень много, и находились скептики, которые не верили в надежность и правильность сделанных открытий. Однако ряд экспериментов подтвердил достоверность дешифровки. Один из них был сделан с алебастровой вазой Ксеркса из частной коллекции, на которой имелась четырехязычная надпись, начертанная наряду с тремя клинописными вариантами египетскими иероглифами. Перевод этой части надписи знаменитым дешифровщиком египетской иероглифики Ф. Шампольоном совпал с произведенным переводом клинописных текстов. Наиболее ответственное испытание произвело Королевское Азиатское общество в Лондоне, разославшее четырем ученым, прославившимся в дешифровке клинописи: англичанам Г. Раулинсону, У.Ф. Тальботу, ирландцу Э. Хинксу и французам Ж. Опперту — копию только что найденной ассирийской надписи. Независимо друг от друга ученые представили в Общество различавшиеся лишь в деталях переводы этой надписи, принадлежавшей, как они определили, царю Тиглатпаласару I.

Успех эксперимента обеспечил признание новой отрасли науки, которая получила название ассириологии (по основному направлению работы, которая в это время проводилась с ассирийскими надписями и памятниками материальной культуры). В настоящее время так называется комплекс наук, изучающих язык, историю и культуру народов, населявших в древности ряд районов Ближнего Востока и писавших клинописью.

Находки все новых клинописных документов позволили установить, что этой системой письменности наряду с вавилонянами и ассирийцами пользовались хурриты, а до них всех — еще более древние обитатели долины Двуречья — шумеры, и что от народов Месопотамии клинопись заимствовали урарты, эламиты, хетты и

др. В результате из ассиурологии стали выделяться новые отрасли: шумерология, эламитология, урартология, хеттология и др.

Следует отметить при этом, что дешифровка шумерской письменности — первоосновы клинописи — была осуществлена много позже, когда ученые встретились в ходе раскопок с новыми памятниками материальной культуры, отличными от вавилонских и ассирийских, а в библиотеках и архивах месопотамских городов обнаружили тексты на непонятном языке, проникнуть в дебри которого помогли находки шумеро-аккадских словарей, билингв и т.д. Дешифровка шумерской клинописи осуществлялась уже в первой половине XX в., и значительный вклад в нее внесли такие ученые, как А. Даймель, Ф. Тюро-Данжен, А. Пёбель, А. Фалькенштейн, Э. Сольберже, С. Крамер и др. [Thureau-Dangin, 1907; Falkenstein, 1936; 1949–1950]. Что касается ранней стадии развития шумерской письменности — пиктографии, представленной глиняными табличками числом около 1000, то она все еще находится в стадии изучения и дешифровки, существенный вклад в которую внесли из зарубежных ученых А. Фалькенштейн и С. Лэнгдон (о дешифровке см.: [Гельб, 1982; Гордон, 2002; Фридрих, 1961]).

Между тем в деле изучения древней письменности ближневосточного региона появилась новая загадка. А именно: на территории Сирии, Месопотамии и Ирана при раскопках девяти поселений были найдены мелкие изделия из глины и камня геометрической формы (шарики, цилиндры, конусы и др.), возникновение которых относится к предписьменному периоду и датируется временем VI–IV тыс. до н.э. В IV тыс. они даже запечатывались в глиняные конверты с повтором на нем хранящегося предмета. Ученые называют их токенами, фишками, символами или «предметным письмом». Их использовали для счета хозяйственных предметов, придавая им числовое значение. Их изучением занимается американская исследовательница Д. Шмандт-Бессерат. Вокруг ее трудов, опубликованных в 80–90-е гг. XX в. [Schmandt-Besserat, 1992; 1996], не стихает оживленная дискуссия.

Выдающиеся исследования в области изучения грамматики языков народов древней Месопотамии были осуществлены такими крупными зарубежными специалистами, как Ф. Делич, А. Унгнад, А. Пёбель, А. Даймель, В. фон Зоден, И. Гельб, А.Л. Оппенгейм, Т. Якобсен, С. Крамер, Э. Рейнер, Р. Лабат и др. А первая грамматика аккадского языка была издана в 1860 г. Э. Хинксом

[Delitzsch, 1889; 1896; Poebel, 1923; Ungnad, 1964; Soden, 1952; 1959—1981 и др.]

В настоящее время ряд университетских центров и работающих там коллективов ученых занят поистине титанической работой: созданием многотомных словарей шумерского и аккадского языков. Университет Пенсильвании с 1949 г. начал работу по изучению знаков почти 30 тыс. шумерских клинописных табличек из своей музейной коллекции. Зачинателем этой работы был Э. Шёборг. С 1976 г. ею стал заниматься коллектив под его руководством (Д. Лодинг, Э. Лейхти, Г. Беренс). В 1984 г. был издан первый том с транслитерацией и переводом клинописных знаков, в 1992 г. — второй. Всего намечается издать 18 томов шумерского словаря.

Восточный институт Чикагского университета занят многолетней работой по изданию «Ассирийского словаря» (*Assyrian Dictionary*; контекстный словарь аккадского языка). Инициатором этого проекта был первый директор института — известный востоковед-египтолог Дж. Брестед в 1921 г. Последовательно возглавляли работу над Чикагским словарем такие выдающиеся ученые, как Д. Лакенбилл, Э. Кьера, А. Пёбель, И. Гельб, А.Л. Оппенхейм, М. Рот. Помимо сотрудников Чикагского университета в работе принимали участие многие американские и европейские ученые (Л. Уотерман, С. Мерсер, Э. Эбелинг, Б. Ландсбергер, С. Гэлл, Б. Майснер, Э. Рейнер и др.). В 1956 г. вышел первый том Словаря, опубликовано 20 томов, завершить многотомное издание планировалось к 2006 г. (50-летний юбилей), однако до сих пор не опубликованным остается том U. (Об истории создания словаря см.: [Reiner, 2002].)

§ 3. Археологическое изучение

Как и изучение письменности Месопотамии, археологическое исследование ее вещественных древностей началось с более поздних памятников, руины которых сохранились на ее поверхности или были неглубоко скрыты огромными холмами, возвышавшимися на плоскости равнины, издавна овеянными легендами и безудержно притягивавшими к себе внимание путешественников и ученых. Некоторые из них пытались начать их раскопки. Например, в 1786 г. французский астроном и священник Ж. де Бешамп делал шурфы на территории древнего Вавилона. А К.Дж. Рич,

генеральный британский консул в Багдаде, в 20-е гг. XIX в. копал холм Куянджик, искал раритеты в районе Вавилона и отправил в Британский музей собранные им древние предметы и глиняные таблички с текстами.

Археологическое изучение Месопотамии началось в середине XIX в. и осуществлялось вначале не специалистами-археологами, а любителями, увлеченными поиском древних памятников, с которыми им приходилось сталкиваться, находясь на службе в странах Ближнего Востока.

Первые открытия древних городов Месопотамии начались в ее северной части, где некогда находилась могущественная Ассирия. В 1842 г. французский дипломат, врач по образованию, Поль Эмиль Ботта (1802–1870), начал раскопки холма Куянджик («Овечка»), который местные предания связывали с блестящей столицей Ассирии — Ниневией. Однако более чем скромные находки обломков барельефов и надписей после нескольких месяцев работы заставили его прекратить раскопки этого холма и начать работу в новом месте — у деревни Хорсабад, где в 1843–1846 гг. им были раскопаны руины великолепной резиденции ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н.э.) — города Дур-Шаррукина. Найденные им памятники положили начало ассирийской коллекции Луврского музея во Франции. Необходимо заметить, что аккадская клинопись еще не была дешифрована, и Ботта и его преемник по раскопкам Дур-Шаррукина в 1852–1855 гг. В. Плас заблуждались, думая, что открыли Ниневию. Поэтому и *книги* этих исследователей — 5 томов Ботта и 3 тома Пласа — назывались: «Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и зарисованные Фланденом» и «Ниневия и Ассирия» [Botta, 1846–1850; Placé, 1867–1870].

Так начался первый этап археологического изучения Месопотамии, продолжавшийся до конца XIX в.

Новые открытия последовали вскоре. В 1845–1851 гг. английский дипломат, юрист по образованию, но хорошо знавший восточные языки и много путешествовавший по Ближнему Востоку, Остин Генри Лейард предпринял раскопки холма Нимруд, под которым им были открыты руины ассирийского города Кальху с царскими дворцами, грандиозными скульптурами человеко-быков и человеко-львов — духов-охранителей, художественными рельефами и т.д. В дальнейшем раскопки Кальху продолжил его сотрудник

и последователь О. Рассам в 1852—1854 гг., затем В.К. Лофтус и др. В 1847 г. Лейардом было сделано еще одно поразительное открытие. Обратившись к раскопкам казалось бы бесперспективного холма Куянджик, он действительно открыл опаленные огнем и разрушенные врагами руины Ниневии, в том числе дворец царя VII в. до н.э. Синаххериба с библиотекой его внука Ашшурбанапала, полной «глиняных книг». Свои исторические находки Лейард опубликовал в книге «Ниневия и ее развалины» (1848). А в 5 км к северо-западу от Куянджика им были открыты остатки Тарбиды — предместья столицы с храмами и дворцом престолонаследника Ашшурбанапала. Находки Лейарда легли в основу древневосточной коллекции Британского музея [Layard, 1848; 1849; 1853; о нем: Waterfield, 1963].

Со второй половины XIX в. отмечается нарастание археологических исследований в Месопотамии, характеризующихся уже не единичными открытиями первопроходцев, а систематическими раскопками основной массы городов долины Тигра и Евфрата.

Так, О. Рассам, продолжая изыскания на холме Куянджик, обнаружил дворец ассирийского царя Ашшурбанапала с его великолепными рельефами, изображавшими охотничьи и военные сцены, и обширной царской библиотекой. В 14 км от холма Нимруд в местечке Балават Рассам открыл ассирийские памятники IX в. до н.э., в том числе храм времен Ашшурнацирапала II и 4 бронзовые плиты — обшивку так называемых Балаватских ворот с изображением сцен военных походов и принесения дани в правление Салманасара III. Под холмом Абу-Хабба Рассамом были обнаружены развалины древнего города Сиппар с храмом бога солнца Шамаша, храмовым архивом хозяйственных документов, школой и ее «учебными пособиями» и др. Неудовольствием Рассам производил также изыскания по сбору письменных документов древней Месопотамии в самых различных ее уголках. Им были обнаружены летопись Ашшурбанапала на глиняном цилиндре (цилиндр А), получившем наименование «Цилиндр Рассама», надписи ассирийских и вавилонских царей, «Манифест Кира», персидского царя, подчинившего Вавилон, деловые и посвяжительные документы и т.д. Как итог исследований Рассамом в 1897 г. была издана книга «Ашшур и страна Нимрода» [Rassam, 1897].

Принимал участие в раскопках месопотамских городов и прославившийся своим вкладом в дешифровку клинописи Г. Раулинсон.

Он участвовал в работах на холме Куюнджик, вел раскопки храма бога мудрости Набу, воздвигнутого на огромной, 49-метровой ступенчатой башне — зиккурате в предместье Вавилона — Борсиппе, продолжал делать переводы новооткрытых клинописных документов.

Большой вклад в открытие древних городов Месопотамии внес английский геолог В.К. Лофтус. При исследовании развалин в Варке им был открыт древний Урук с его храмами и зиккуратами, с обилием документов, хранившихся в храмовой библиотеке. Лофтус обнаружил и другой древний город — Ларсу (совр. Сенкере), а в нем дворец, храм бога солнца с зиккуратом, множество посвященных, деловых и школьных документов. О его участии в раскопках Кальху говорилось выше [Loftus, 1857].

Интересными были также исследования английского дипломата Дж. Тейлора. В 1854 г., ведя раскопки холма Эль-Мукайяр («Смоляной холм»), он открыл древний город Ур, а невдалеке от него остатки еще более древнего поселения Эль-Убейд. В местности Абу-Шахрейн на острове посреди высохшего озера он обнаружил один из самых древних шумерских городов — Эреду.

К числу выдающихся достижений второй половины XIX в. нужно отнести открытие французским дипломатом Э. де Сарзекком под группой холмов Телло шумерского города Нгирсу (столицы нома Лагаш), который он раскапывал с 1877 до 1900 г. и обнаружил многочисленные статуи его правителей, особенно Гудеа, их серебряные и алебастровые вазы, интересное произведение шумерского искусства, увековечившее победу Лагаша над соседним городом Уммой — «Стелу коршунов», пластинки с текстами реформ правителя Урукагины, обширный архив хозяйственных храмовых документов [Sarzec, Heuzey, 1884–1912].

В 1888 г. приступившая к раскопкам в районе деревни Нуффар американская экспедиция (Дж. Петерс, Х. Хильпрехт и др.) обнаружила древний Ниппур, просуществовавший три тысячи лет. Открытия поражали своей грандиозностью: остатки храма общешумерского бога Энлиля, огромная храмовая библиотека с более чем 60 тыс. глиняных табличек, храмовые хозяйственные постройки, дворец, школа, рынок, лавки, жилые дома, большой деловой архив торгового дома Мурашу персидской эпохи и др. В 1897 г. Дж. Петерс издал книгу «Ниппур, его раскопки и приключения близ Евфрата». А в 1904 г. по материалам этих и других

раскопок Х. Хильпрехт опубликовал труд «Раскопки в Ассирии и Вавилонии». В 20—40-е гг. XX в. американцы продолжили раскопки этого города.

Начало XX в. ознаменовалось поистине эпохальными открытиями. Настал второй этап археологического изучения Месопотамии, главной чертой которого было внедрение профессиональных методов археологических работ, осуществлявшихся специалистами в этой области.

Немецкая археологическая экспедиция под руководством Р. Кольдевея (архитектора по профессии) произвела раскопки группы холмов, располагавшихся в 90 км к югу от Багдада. Был открыт древний Вавилон — важнейший экономический, политический и культурно-религиозный центр Месопотамии на протяжении нескольких тысячелетий. В ходе раскопок, продолжавшихся с 1899 по 1917 г., были обнаружены крепостные стены города с башнями, дворец одного из самых знаменитых царей — Навуходоносора II, одно из «чудес света» — «висячие сады» на террасах, улица религиозных процессий, Ворота Иштар, остатки храма верховного вавилонского бога Мардука и гигантского зиккурата и др. Многие из найденных памятников составили блестящую коллекцию Берлинского музея. Р. Кольдевей в 1925 г. издал книгу «Возрожденный Вавилон» [Koldewey, 1925].

Интересные открытия были сделаны и другими немецкими археологами в Месопотамии. В. Андре (также архитектор) в 1903—1914 гг. в пустыне Калаат-Шергат раскопал древнейшую столицу Ассирии — город Ашшур, обнаружив здесь руины царских дворцов, храмов, в том числе верховного ассирийского бога Ашшура, царские склепы и жилые городские дома и улицы. По результатам раскопок Ашшура В. Андре сначала опубликовал книгу «Цветная керамика Ашшура» (1925), совместно с Г. Ленцем — «Парфянский город Ашшур» (1933), а в 1938 г. — подытожившую материалы раскопок книгу «Возродившийся Ашшур» [Andrae, 1925; 1938]. В 3 км от Ашшура Андре открыл город Кар-Тукульти-Нинурта (совр. Тулул-Акир), также некогда бывший резиденцией ассирийских царей. В. Андре вел и раскопки в Джохе, которая была отождествлена с древней Уммой, продолжал начатые еще Раулинсоном раскопки зиккурата в Борсиппе. С начала XX в. Р. Кольдевей, В. Андре, А. Нёльдеке и другие немецкие археологи вели раскопки в современной деревеньке Фара, где были найдены остатки

шумерского города Шуруппака, архив с древнейшими хозяйственными текстами. Немецкие археологи с 1912 г. с перерывами на две мировые войны и в настоящее время ведут также раскопки на территории Урука [Jordan et al., 1930—1963].

Первая мировая война прервала на время столь широко развернувшиеся раскопки в Двуречье.

Новое оживление археологических работ наступило в 20—30-е гг. XX в. В это время продолжались раскопки в районе Лагаша (Г. де Женильях), Киша (С. Лэнгдон, Э. Маккей), Эреду (Р. Кэмпбелл-Томпсон) и других городов Месопотамии [Waterlin, Langdon, 1930—1934 и др.].

Но поистине эпохальными оказались следующие открытия. В 1922—1934 гг. археологическая экспедиция Британского музея и Пенсильванского университета под руководством Л. Вулли вела крупные раскопки древнего Ура, погребенного под холмом Эль-Мукайяр. Были вскрыты слои, начиная с IV тыс. до н.э. и кончая IV в. до н.э. Открыты храмы, связанные с культом бога луны Нанна (Сина) и его супруги — богини Нингаль, зиккурат конца III тыс. до н.э. — зиккурат Ур-Намму, древний царский некрополь со склепами и гробницами, наполненными драгоценными изделиями и сопровождавшиеся огромным количеством человеческих жертвоприношений, школы, мастерские, рынок, гавань, трактир, жилые кварталы, храмовые, государственные и частные архивы. Материалы по раскопкам Ура Л. Вулли опубликовал в 6-томном труде «Раскопки Ура» (1927—1939). Краткий вариант книги в русском переводе — «Ур халдеев» [Вулли, 1961]. Широко известна также его книга «Шумеры» [Woolley, 1927—1965; 1965].

В 1933—1939 гг. с большим размахом французскими археологами под руководством А. Парро осуществлялись раскопки холма Телль-Харири на сирийско-иракской границе, под которым скрывался древний город Мари. В результате этих работ был открыт грандиозный дворец II тыс. до н.э., построенный царем Мари Зимрилимом, с архивом в более чем 20 тыс. табличек хозяйственных и дипломатических документов. Раскопки оказались настолько удачными, что, прерванные Второй мировой войной, они снова возобновились и продолжались вплоть до недавнего времени. Открыты остатки еще трех дворцов (IV и III тыс. до н.э.), храм богини плодородия Иштар, новые глиняные таблички и др. Начиная с 30-х гг. XX в. и по настоящее время целая когорта ученых

из Франции и присоединившихся к ним бельгийских исследователей осуществляет изучение археологических материалов из Мари, издает многосерийную публикацию текстов под названием «Царские архивы Мари» («Archives royales de Mari», вышел уже 26-й том) и воссоздает в своих трудах историю этого выдающегося древнего города и одноименного государства.

В 1925–1930 гг. американские археологи во время раскопок в Аррапхе (совр. Киркук) под тремя холмами нашли цитадель, дворцовые, храмовые, хозяйственные и жилые постройки и архивы, содержащие более 4 тыс. документов времен III–II тыс. до н.э.

В 1930–1936 гг. американскими учеными Г. Франкфортом, Т. Якобсеном и др. была открыта древняя Эшнунна (совр. Телль-Асмар) — центр периферийного месопотамского царства в районе реки Дияла. Г. Франкфорт, Р. Делугаз, Э. Шпейзер вели также раскопки в Хафадже, где были найдены «овальный храм» бога луны Сина, погребения и др. [Frankfort, 1933]. В 1928–1935 гг. Г. Франкфорт, Г. Лауд и др. обратились к раскопкам Дур-Шаррукина. Практически сразу, в 1936 и 1937 гг., Лаудом были изданы 2 тома (второй — совместно с Альтманом) по материалам этих раскопок — «Хорсабад» [Loud, 1936; Loud, Altmann, 1937].

Вторая мировая война прервала археологические раскопки в Месопотамии, и они энергично возобновились лишь в послевоенный период и продолжаются по настоящее время. Для этого, третьего этапа археологического изучения Месопотамии характерны следующие аспекты.

Во-первых, наряду с европейскими и американскими исследователями в археологические работы включились иракские ученые. Фуадом Сафаром и Таха Бакиром производились раскопки одного из небольших городов царства Эшнунны Шадуппума (совр. Телль-Абу-Хармал), где были найдены глиняные таблички с текстом одного из древних месопотамских судебников — законов из Эшнунны, математические таблички и др. [Baqir, 1959]. В 1946–1947 гг. Фуад Сафар и англичанин Сетон Ллойд работали на раскопках Эреду (Эриду). Обнаружение там 14 доисторических слоев подтвердило глубокую древность этого самого южного шумерского города. В 1981 г. ими была опубликована в Багдаде книга «Эриду». В 50–60-е гг. XX в. Фуад Сафар, Наджи аль-Асил, М. али-Мустафа обратились к раскопкам холма Наби-Юнус, под

которым покоились остатки Ниневии, и открыли дворец царя Асархаддона, арсенал, хозяйственные постройки, много письменных документов, статуи и предметы культа, увезенные этим царем из Египта и др. [Naji al-Asil, 1954]. Наджи аль-Асил обнаружил в Барда-Балка к востоку от Тигра стоянку эпохи палеолита, что значительно удревнило историю Месопотамии. Иракский музей в Багдаде и Мосульский археологический музей основательно пополнили свои коллекции, тогда как прежде находки увозились в Европу и Америку, продавались местными жителями путешественникам и т.д. Музеи стали публиковать материалы коллекций, каталоги, издавать бюллетени [Mosul Museum, 1958]. Стал выходить в Багдаде национальный журнал «Сумер» («Sumer»), периодически публиковавший новые материалы раскопок и документы. Создан Генеральный директорат древностей Ирака, который направляет и контролирует ход археологических работ в стране. Ряд древних памятников отреставрирован, в том числе осуществляется проект реставрации Вавилона и превращения его в музейно-туристический центр. Ряд открытий (особенно крепостных и ирригационных сооружений) был сделан в ходе крупных строительных работ в районе новой Евфратской плотины, в Багдаде и др. Реставрационные работы идут также на территории Ниневии и Ашшура. В 80–90-е гг. XX в. иракские ученые сделали сенсационные находки. В Нимруде был обнаружен склеп с останками двух ассирийских цариц, покоившихся в саркофагах, из коих извлекли более 20 кг золотых украшений. В Ашшуре под фундаментом царского дворца найдены 5 каменных саркофагов четырех ассирийских царей и одной царицы.

Второй аспект, характерный для археологического изучения Месопотамии в послевоенный период, — это повторное обращение к тем памятникам, что уже раскапывались в XIX — начале XX вв. Поиски американских ученых в Хорсабаде, иракских — в Куюнджике привели к находке таких важных документов, как Хорсабадский царский список, новые надписи ассирийских и нововавилонских царей и др.

Немецкие археологи систематически продолжают раскопки в Уруке, где ими исследовались святилище III тыс. до н.э., храм богини плодородия Инанны, древнейшая стена города из необожженных кирпичей — «стена Гильгамеша», легендарного правителя Урука, гончарные, литейные, камнерезные мастерские, погребения

с богатым инвентарем, надписи ассирийских и вавилонских царей.

Английские археологи под руководством М. Мэллоуэна по традиции обратились к холму Нимруд, открытому их соотечественником Лейардом, который в свое время предрекал: «Другие сокровища еще спрятаны в холме Нимруд». Находки 1950–1960-х гг. дали много нового: был раскопан «форт Салманасара» — мощная цитадель с крепостными стенами и башнями, казармами, парадными залами, хозяйственными и оружейными складами, дворец одного из последних ассирийских царей, отделанный слоновой костью, несколько храмов, найдены размноженные в копиях на глиняных табличках договоры Асархаддона с мидийскими князьями, барельефы, произведения искусства, особенно многочисленные изделия из слоновой кости. В 1957 г. английский ученый Р. Барнетт опубликовал «Каталог нимрудской слоновой кости из Британского музея», материалы же всех раскопок изданы в 3-томном труде М. Мэллоуэна «Нимруд и его развалины» (1966) [Barnett, 1957; Mallowan, 1966].

Американские археологи во главе с Э. Мак-Коуном с 1948 г. продолжили раскопки Ниппура, которые опять принесли много письменных документов, в том числе интересные «осадные документы», в которых зафиксированы голод, повышение цен, продажа в рабство детей во время войн. Материалы раскопок были опубликованы в книге «Раскопки Ниппура» [McCown, Haines, 1967].

Осуществлялись и новые открытия. Так, в 50-е гг. XX в. английскими археологами под руководством Д.С. Райса велись раскопки городища Султан-тепе на месте древнего города Харрана (совр. Харан). Были найдены три новые, исторического содержания стелы Набонида, «списки эпонимов», деловые контракты ассирийского времени, открыт дом жреца Курди-Нергала с библиотекой медицинских, религиозных и литературных текстов и др. [Gurney, Finkelstein, 1957].

В 60-е гг. XX в. английской археологической экспедицией под руководством Д. Оутса был раскопан холм Телль-Римах к западу от Мосула, под которым скрывались остатки раннеземледельческого поселения и города Каттары старовавилонского периода, а также памятники средне- и новоассирийского времени. Особенно поражает архитектура воздвигнутого в начале II тыс. до н.э.

зиккурата с двумя возвышающимися друг над другом храмами. Материалы раскопок опубликованы Д. Оутсом в 1967 г. [Oates, 1967].

Третий аспект — это включение в археологические исследования ученых из стран, которые ранее не участвовали в них. Характерный пример — работа датских археологов (П.В. Глоба, Т.Г. Бибби) по изучению островов Персидского залива и особенно острова Дильмун (совр. Бахрейн) в 1953–1968 гг. [Bibby, 1969]. На русский язык переведена книга Т.Г. Бибби «В поисках Дильмуна» (М., 1984). В 1960–1980-е гг. к археологическому изучению Месопотамии подключились ученые из Японии, Италии, России (о работе последних — см. ниже).

Четвертый аспект — это обращение археологов к древнейшим эпохам Месопотамии, к ее доистории. Уже не броские руины, привлекавшие внимание и кладоискателей, и путешественников, и художников, а заброшенные пещеры, невидные холмы становятся объектом работ, в результате которых Р. Солецки открыл палеолитические стоянки в пещерах Шанидар, американские и английские археологи Р. Брейдвуд, Сетон Ллойд, Д. Киркбрайд и др. — неолитические поселения Джармо, Хассуна, Халаф, Телль-эс-Савван, Тепе-Гаура и др. [Solecki, 1971; Braidwood, 1960]. Это открыло миру новые, неизвестные страницы истории древнейшего очага цивилизации, каковым была долина Тигра и Евфрата. Так, от парфянских и эллинистических памятников, от дворцов и храмов поздней Ассирии и великого Вавилона до неолитических деревень и пещерных стоянок палеолита шло археологическое изучение Месопотамии (об археологическом изучении Месопотамии см.: [Parrot, 1946–1953; Ллойд, 1984]).

К сожалению, конец XX — начало XXI в. оказались крайне неблагоприятными для продолжения археологического изучения древностей Ирака, развития национального музейного дела. В 1980–1989 гг. шла затяжная, изматывающая ирано-иракская война. В 1991 г. Ирак пережил организованную США военную операцию «Буря в пустыне», а в марте 2003 г. в результате организации американцами и их союзниками широкомасштабной операции «Шок и трепет» страна оказалась оккупированной. Ряд памятников (в том числе древний Ур) пострадал в результате бомбардировок и военных действий. Музейные коллекции уникального значения были в значительной мере разграблены и потеряны для науки.

§ 4. Основные направления работы зарубежных исследователей

Ассириология зародилась в недрах библеистики и вначале воспринималась как вспомогательная возможность либо доказать защитникам Библии неизбежность и достоверность ее сведений, либо ее критикам подкрепить сомнения в отношении безупречности и надежности библейской информации. Подобное отношение к первым материальным и письменным находкам на территории Месопотамии выглядело вполне логичным, ибо наиболее полные, интересные и до поры до времени самые древние сведения об Ассирии и Вавилонии можно было найти только в Библии. Лишь позднее они появились у античных авторов, затем в Коране и местном фольклоре. Но «новорожденная» наука быстро вышла за рамки первоначального предназначения и стала на путь самостоятельного развития, ибо накопленные ею материалы обнаружили глубокую временную разницу между зарождением месопотамской цивилизации и библейской историей в пользу первой.

Наметились и дальнейшие направления в развитии ассириологии и смежных дисциплин. Важное место среди них занимает издание того огромного материала клинописных документов, которые уже дали и продолжают давать археологические раскопки.

Одним из первых энтузиастов этого дела был дешифровщик клинописи Г. Раулинсон. По праву вошло в историю имя гравера Британского музея, ставшего выдающимся ученым — Дж. Смита (1840—1876). Самостоятельно изучив клинопись, он перевел и издал летописи ассирийского царя Ашшурбанапала. При разборе коллекции Лейарда Смит обнаружил глиняную табличку с описанием потопа — это был фрагмент выдающегося литературного произведения народов Месопотамии — «Эпоса о Гильгамеше». Во время трех своих путешествий в 70-е гг. XIX в. на места раскопок в Месопотамии он отыскал более 3 тыс. клинописных документов, среди которых были новые фрагменты «Эпоса», легенда о царе Саргоне Аккадском, вавилонский миф о сотворении мира и людей — «Энума элиш...» («Когда вверху...»), гимны, астрономические тексты, исторические надписи вавилонских и ассирийских царей, деловые документы торгового дома Эгиби и др. Многие из них Смит опубликовал сам, но смерть от холеры всего лишь в

36-летнем возрасте, настигшая его на Востоке, положила конец блестящим исследованиям ученого.

Исключительно важный вклад в науку представляет собой издание К. Бецольдом в конце XIX в. 5-томного «Каталога клинописных табличек Куянджикской коллекции Британского музея», Э. Шрадером — 6-томного труда «Собрание ассирио-вавилонских текстов», Р. Харпером — 12 выпусков «Ассирийских и вавилонских писем», в начале XX в. М. Штреком — трехтомного комментированного издания всех текстов эпохи Ашшурбанапала и последних ассирийских царей, в 20-е гг. XX в. Д. Лакенбиллом — источников из Ассирии и Вавилонии в 2-х томах, в 30-е гг. Л. Уотерманом — «Царской корреспонденции Ассирийской империи» в 4-х частях и др. [Bezold, 1882; Schrader, 1889—1892; Harper, 1892—1914; Luckenbill, 1926—1927; Waterman, 1930—1936].

Вторая половина XX в. ознаменовалась многосерийным изданием французскими и бельгийскими ассириологами текстов царских архивов Мари, Д. Уайзманом — «Хроник халдейских царей», Д. Райсом, О. Герни, Дж. Финкельстайном, С. Гэддом — надписей Набонида, списков эпонимов, деловых контрактов из Султантепе, А.К. Грейсоном — «Ассирийских и вавилонских хроник» и «Ассирийских царских надписей», Т. Якобсеном — Шумерского царского списка, англичанами — архива Каттары (Телль-Римаха) и др. Огромную работу по публикации, переводу и изучению шумерских текстов из музеев США, Турции, Ирана и ряда других музеев мира, в том числе ГМИИ им. А.С. Пушкина, в течение нескольких десятилетий осуществлял американский шумеролог С.Н. Крамер [Wiseman, 1956; Gadd, 1958; Gurney, Finkelstein, 1957; Grayson, 1975; 1972—1976; Jacobsen, 1939; Kramer, 1963; 1965].

В конце XIX — начале XX в. стали создаваться общие труды по истории Месопотамии. Например, изданный в 1866 г. труд Г. Тиле «Вавилоно-ассирийская история». Среди них выделяются труды немецких историков К. Бецольда и Б. Майснера, посвященные истории и культуре Ассирии и Вавилонии. Активно шла разработка на основе анализа клинописных документов и более частных проблем. Были опубликованы, например, интересные и не утратившие своего значения и сейчас исследования З. Клаубера «Ассирийское чиновничество по письмам времен Саргонидов» (1910), Э. Форрера «Провинциальное деление Ассирийской державы» (1920), С. Гэдда — «Падение Ниневии» (1923). Английским

ученым А. Олмстедом был создан капитальный труд «История Ассирии» (1923), который уже неоднократно переиздавался в последующие годы [Bezold, 1909; Meissner, 1920–1925; Klauber, 1910; Forger, 1921; Gadd, 1923; Olmstead, 1923].

После Второй мировой войны также продолжают создаваться сводные работы по истории Месопотамии, среди которых выделяются, например, труды А.Л. Оппенгейма «Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации», Дж. Кастеллино «Месопотамская цивилизация», С. Крамера «Шумеры», Л. Велларда «Вавилон» и др., а также все более углубленно идет разработка более частных проблем и вопросов древнемесопотамской истории (см. переводы на русский язык: [Оппенгейм, 1980; Крамер, 2002; Веллард, 2003]).

В целом за более чем 150-летний период развития ассириологии следует выделить как наиболее разрабатываемые в зарубежной науке следующие проблемы и направления исследований.

Весьма продуктивно и углубленно изучаются вопросы политической истории и государственного устройства. Внутривнутриполитические события и внешнеполитическая история стоят в центре многих трудов зарубежных ученых. Интересны работы Д.О. Эдцарда, Р. Боргера, А. Фине, Ф. Мальбран-Лабата, Х. Тадмора, С. Завадски, Г. Фрайданка и др. [Edzard, 1957; Malbran-Labat, 1982; Zawadski, 1988 и др.]. Однако далеко не во всех исследованиях по этой тематике можно встретить с убедительным решением проблем возникновения государства, причин, характера, сущности войн, ведущихся государствами Месопотамии, например, с объяснением причин войн темпераментом, характером того или иного народа, узко политическими или религиозными мотивами. Среди работ, посвященных исследованию политического устройства государств Месопотамии, выделяются статьи 40–50-х гг. XX в. датско-американского шумеролога Т. Якобсена «Первобытная демократия в древней Месопотамии» (1943) и «Раннее политическое развитие в Месопотамии» (1957), в которых прослеживается путь становления государственности в Шумере от ранних форм первобытной демократии к деспотии.

Наибольшее внимание в зарубежной науке уделяется вопросам культуры и религии древней Месопотамии. Работы К. Бешольда и Б. Майснера, Ф. Делича и Г. Винклера, Г. Шмёкеля, Ж. Контено, А. Парро, Г. Франкфорта, Т. Якобсена, Э. Дорма,

С. Крамера, Р. Барнетта, Е. Штромменгер, Ш. Фоссе, Ж. Боттеро и др. ярко представляют различные стороны месопотамской культуры: мифологию, религию, ритуал, вклад шумеров, вавилонян, ассирийцев, хурритов в развитие культуры, ее влияние на культурное развитие других древневосточных народов, выдающиеся литературные памятники, характерные черты искусства, зарождение научных знаний [Schmökel, 1955; Parrot, 1960; 1961; Франкфорт и др., 1984; Якобсен, 1995; Barnett, 1959; Bottéro, 1985; 1987; Фоссе, 2001; Kramer, 1960]. Современные ученые при этом отошли в сторону объективности от преувеличения исторической значимости вавилонской культуры, необозримости ее влияния, оценки ее как первоосновы культуры человечества в отличие от распространенного в начале XX в. течения, названного «панвавилонизмом». Его представители — Ф. Делич и Г. Винклер в работах «Вавилон и Библия» (1912) и «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества» (1913) (соответственно) выступали творцами, основоположниками и настойчивыми пропагандистами данной концепции.

Важным направлением в зарубежной науке является изучение права древней Месопотамии, что логично, ибо число правовых памятников и документов, дошедших до нашего времени оттуда, значительно превосходит по древности и масштабу все аналогичное, что имелось и сохранилось в других древневосточных регионах. Особенно много трудов посвящено изучению законов вавилонского царя Хаммурапи (работы В. Шейля, Г. Колера — Ф. Пайзера, Г. Винклера, Г. Драйвера и И. Майлза, А. Фине, Х. Кленгеля и др.) [Peiser, 1896; Driver, Miles, 1952–1955; Fine, 1973; Klengel, 1976]. В трудах М. Сан-Николо, А. Фалькенштейна, С. Крамера исследовались законы на шумерском языке. Работы Г. Колера и А. Унгнада, Драйвера и Майлза, Дж. Кардашиа, Р. Боргера представляют собой издания, переводы и комментарии Среднеассирийских законов [Kohler, Ungnad, 1913; Driver, Miles, 1935; Cardascia, 1956]. Аккадоязычными законами из Эшнунны успешно занимались А. Гётце, Р. Боргер, Р. Ярон и др. [Yaron, 1988]. Вопросы клинописного права традиционно изучает «школа» Б. Грозного в Чехии (И. Клима, Л. Матоуш и др.), югославский ученый В. Корошец и др. В ряде работ поднимались и исследовались вопросы хронологии Месопотамии (Б. Ландсбергер, Т. Якобсен, А. Пёбель, Э. Вайднер, Р. Боргер, Ф. Шмидтке,

Дж. Бринкман и др.). В результате при совмещении данных астрономии и письменных источников в виде царских списков, листов эпономов, синхронистических исторических текстов удалось составить вполне реальную схему месопотамской хронологии, весьма выгодно отличающуюся своей точностью от египетской, индийской и др. [Schmidtke, 1952; Gurney, 1953].

Значительное внимание уделяется в зарубежной науке проблемам этногенеза Месопотамии, происхождению шумеров, их взаимоотношениям с семитоязычными народами, взаимовлиянию языков и т.д. (в трудах Д. Эдварда, А. Фалькенштейна, И. Гельба, С. Крамера, Ф. Крауса и др.) [Gelb, 1944 и др.].

Гораздо меньше внимания в зарубежной науке уделялось проблемам экономики и социальных отношений. При этом многие ученые находились под влиянием теории циклического развития общества, выведенной Эд. Мейером [Meyer, 1907–1939] и поддержанной Б. Майснером, П. Кошакером и др., согласно которой преобладала трактовка древневосточного общества как феодального. В настоящее время интерес к социально-экономическим проблемам древневосточного общества стал прямым и ведущим. Появился ряд исследований, посвященных социальной структуре, организации хозяйства, формированию и роли города, ремесел и торговли, характеристике храмового хозяйства, издаются и комментируются хозяйственные тексты и деловые документы, имеющие базовое значение для понимания социально-экономической системы древней Месопотамии (труды А. Даймеля, А. Фалькенштейна, А.Л. Оппенгейма, И. Гельба, Ф. Крауса, Дж. Петтинато, В. Леманса, Ж.-Р. Кюппера, М. Ларсена, Б. Кинаста, А. Салонена, Х. Кленгеля, Ю. Заблоцкой и др.). Разрабатываются и такие актуальные вопросы, как экология региона (труды Р. Мак-Адамса) [Leemans, 1950; Larsen, 1976; Kupper, 1957; Salonen, 1965; Klengel, 1979; Adams, 1981].

Развивается иракская национальная историография. Вызывают интерес работы Таха Бакира («Телль-Хармал», 1959), публикации ал-Зеебари Акрамом документов Иракского музея, статьи Т. Мадхлума о продолжении раскопок Ниневии, его монография «Хронология новоассирийского искусства» (1970), работы Сами Саида Ахмеда по политической истории Ассирии и Вавилонии [Ahmed, 1968] и др.

Зарубежная историография пережила несколько волн идеологических концептуально-философских влияний. Это уже упоминавшаяся теория циклизма Эд. Мейера, довлевшая над многими

исследователями в первой половине XX в. Это идеи агностицизма и фактографического подхода к истории. В 1930–1940-е гг. сильное давление на ученых пробовали оказывать нацисты. Однако часть наиболее прогрессивных европейских востоковедов, в том числе ассириологов, сочла за благо эмигрировать из Германии, Австрии, Дании и других европейских стран в США. Во второй половине XX в. возобладали «теория цивилизаций» английского ученого А.Дж. Тойнби [Toynbee, 1934–1954]. Часть зарубежных ученых, живших в странах Восточной Европы (ГДР, Югославия, Венгрия, Польша) находилась под сильным влиянием марксистско-ленинской теории общественного развития (формационной).

Все это идеологическое разнообразие не отразилось негативно на перспективном и прогрессивном развитии ассириологии. В результате сложились «школы» ассириологии во многих странах: Франции, Англии, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландах, Финляндии, Чехии, Польше, США и на Востоке: в Турции, Ираке, Сирии, Израиле. Причем ведущие центры изучения истории Месопотамии имели тенденцию перемещаться в силу открывающихся научных возможностей, политической и военной ситуации и др. Так, например, вначале таковыми были Франция и Англия, затем Германия, далее США. Координацию работ ассириологов в мире осуществляет через периодические издания, такие, как «Sumer» (Ирак), «Zeitschrift für Assyriologie» (Германия), «Iraq» (Англия), «Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale», «Syria» (Франция), «Journal of Cuneiform Studies» (США), «Orientalia» (Италия) и др. Этой же цели служат международные научные конференции, так называемые «Rencontres» («Встречи»).

§ 5. Ассириология в России

В России всегда был силен интерес к Востоку. Еще в X в. киевский князь Владимир рассылал посольства, побывавшие и на древних землях Ближнего Востока. В XVII в. на земле Двуречья побывал по приказу царя Алексея Михайловича эконом Троице-Сергиевой лавры А. Суханов, оставивший дневник «Проскинарый» о своем пребывании на Евфрате. В том же веке в городах Месопотамии побывал купец Ф. Дорохин из Ельца, 17 лет проведенный в этих краях в турецком плену. XVII и XVIII вв. изобиловали «Космографиями» по большей части паломников, отправлявшихся

в Святую землю и собиравших местные легенды о Семирамиде, райских садах, старинные медицинские и астрологические сведения, видевших руины древних мостов, стен и башен.

Середина XIX в. ознаменовалась путешествиями на Ближний Восток русских ученых. Одним из них был профессор Казанского, а затем Петербургского университета И. Березин (1818–1896), который в 1843–1844 гг. посетил Месопотамию и Сирию, в том числе он был на местах раскопок Ниневии, Дур-Шаррукина, овеянных легендами вавилонских холмах. В 1849–1852 гг. вышел его труд «Путешествие по Востоку». Кроме того, его заинтересовала клинопись, и он пытался разобраться в ней, написав работу «Клинообразные надписи II системы».

Если Березин пробыл в интересующем нас регионе около года, то профессор-петербуржец В. Диттель (1816–1848) провел на Востоке три года. Он также посетил Ниневию, Дур-Шаррукин (где даже пытался доказать Ботта, что открытый им город — не Ниневия), попробовал вести раскопки холма Нимруд и также интересовался дешифровкой клинописи.

Заметное влияние на рождение отечественной ассириологии оказал знаменитый арабист, профессор Петербургского университета О.И. Сенковский (барон Брамбеус) (1800–1856), изучавший древность и средневековые арабского Ближнего Востока (см. о нем: [Каверин, 1966]).

Известный русский востоковед, египтолог и коллекционер В.С. Голенищев (1856–1947) кропотливо собирал глиняные таблички, часть которых в настоящее время хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина, часть — в Эрмитаже. Хранящиеся в Эрмитаже алебастровые рельефы и надписи ассирийских царей были им изданы в работе «Описание ассирийских памятников императорского Эрмитажа» (СПб., 1897). Он включился также в работу над клинописным словарем и в 1888 г. издал «Опыт графического расположения ассирийского словаря».

Несомненный интерес у российской интеллигенции вызывали и появившиеся в конце XIX — начале XX в. научно-популярные труды: это книги К.А. Астафьева «Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям» (СПб., 1882), М.С. Корелина «Ассирийский народ и его боги-покровители» (М., 1896), З.А. Рагозиной «История Ассирии», выдержавшая 3 издания в России в одном лишь 1902 г., а до этого вышедшая в Нью-Йорке и Лондоне.

«Отцом русской ассириологии» по праву принято считать известного русского востоковеда М.В. Никольского (1848–1917). Важное значение имел его капитальный 2-томный труд «Документы хозяйственной отчетности древнейшей Халдеи» (1908, 1915), в котором было опубликовано и исследовано более 900 хозяйственных документов III тыс. до н.э. из собрания известного отечественного коллекционера Н.П. Лихачева. Весьма интересовали М.В. Никольского также цилиндрические печати Месопотамии и изображения на них. Он опубликовал работы «Клинообразные надписи Закавказья», «Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными событиями» и др. [Липин, 1954].

Свой существенный вклад в формирование отечественной ассириологии внесли такие ученые, как академик Б.А. Тураев (1868–1920), уделивший значительное внимание культуре и истории Месопотамии в своем эпохальном труде «История древнего Востока», академик П.К. Коковцов, преподававший семитологические дисциплины в Петербургском университете, И.М. Волков, опубликовавший перевод и основательное исследование законов Хаммурапи, В.К. Шилейко (1891–1930), создавший блестящие переводы литературных и мифологических произведений древней Месопотамии, успешно работавший над изучением деловых документов из Кюль-тепе и исторических текстов, многие из которых происходят опять-таки из коллекции Н.П. Лихачева [Шилейко, 1915; 1987].

Лучшие традиции русской науки начала XX в. легли в основу зарождающейся после революции советской ассириологии [о русской науке см.: Бартольд, 1925; Тураев, 1927].

В 20–50-е гг. XX в. много сделали для развития отечественной ассириологии такие ученые, как академики Н.М. Никольский (1877–1959), А.И. Тюменев (1880–1959), В.В. Струве (1889–1965).

Н.М. Никольский, уже до революции опубликовавший свои работы о древнем Вавилоне: «Израиль и Вавилон» (1910), «Древний Вавилон» (1913), и в дальнейшем продолжал работать над вопросами культуры Вавилонии, но все большее место в его трудах стали занимать проблемы общины, рабства, землевладения в древнем Двуречье, что нашло отражение в его монографии «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье» (1948) (см. о нем: [Лурье, 1940; Ботвинник, 1967]).

А.И. Тюменев много занимался проблемами земельной собственности и социальных отношений в Месопотамии III тыс. до н.э. Итогом его исследований стала капитальная монография «Государственное хозяйство древнего Шумера» (1956). А.И. Тюменев интересовался также мифологическая литература, в частности глубоко философский миф о предназначении людей (см. о нем: [Амусин, 1963]).

В.В. Струве (ученик П.К. Коковцова), будучи чрезвычайно разносторонним ученым, внес большой вклад в воссоздание истории древней Месопотамии в своем труде «История древнего Востока» (1941), в коллективной советской «Всемирной истории», в решение проблемы хронологии истории, в изучение взаимоотношений общины, храма и дворца и др. Он детально исследовал историю шумерского нома Лагаш со всеми ее социальными противоречиями, народными движениями и социальными реформами, что выразилось в итоговой работе «Государство Лагаш (XXV—XXIV вв. до н.э.)» (1961). Работа в области теории, а также в сфере исследования социально-экономических отношений в Месопотамии, особенно при III династии Ура позволила В.В. Струве внести в развитие востоковедческой науки концепцию о рабовладельческом характере древневосточного общества, которая в дальнейшем была принята всеми советскими востоковедами, хотя и не раз — в 1930-х и 1960-х гг. — оспаривалась многими из отечественных и зарубежных ее оппонентов. Наряду с масштабными академик В.В. Струве занимался и более частными вопросами: исследованием литературных произведений («Диалог господина с рабом»), хронологией I вавилонской династии, что позволило перевести всю хронологию Месопотамии на рельсы так называемой «средней хронологии», широко признанной в ассириологии ([Струве, 1947]; см. о нем: [Берлев, Дандамаев, Фихман, 1989; Грибов, 1992]).

Постепенно создавалась школа отечественных исследователей-ассириологов, среди которых выдающееся место занимает многогранная научная деятельность такого ученого, как И.М. Дьяконов (1915—1999), особенно широко развернувшаяся в послевоенное пятидесятилетие. В центре его исследований находилась социально-экономическая история древней Месопотамии, нашедшая свое отражение в монографиях: «Развитие земельных отношений в Ассирии» (1949), «Общественный и государственный

строй древнего Двуречья. Шумер» (1959), «Люди города Ура» (1990), в серии теоретических статей: о типах государственности на древнем Ближнем Востоке [Дьяконов, Якобсон, 1982], структуре общества Ближнего Востока в III–II тыс. до н.э. (1967–1968) и др. Ряд теоретических положений И.М. Дьяконова: о соотношении государственного и общинно-частного секторов экономики в древневосточном обществе, значении общины, о древневосточном рабстве, о роли городов и торговли, о постепенном переходе от родовых форм управления к формированию монархического государства и др. — лежат в основе современных исследований российских востоковедов. Большой вклад внесен им в издание исторических, юридических, литературных памятников древней Месопотамии. Среди них выделяется его непревзойденный перевод «Эпоса о Гильгамеше» (1961), переводы и комментарии к «Законам Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства» (1952), переводы (вместе с коллегами) «Ассииро-вавилонских источников по истории Урарту» (1951) и др. Видное место в исследованиях И.М. Дьяконова занимают проблемы письменности и изучение языков народов древней Месопотамии, о чем свидетельствует монография «Языки древней Передней Азии» (1967) и другие работы. Вопросы этногенеза, демографии, экологии также отражены в ряде работ выдающегося российского ассириолога и шумеролога. Весьма интересовали его и вопросы искусства Месопотамии. Отметим, что одним из первых он обратил внимание на сенсационное открытие Эблы и значение ее письменных и материальных памятников не только для восточного Присредиземноморья, но и для Месопотамии (см. о нем: [История и языки древнего Востока, 2002; Якобсон, 2000]).

Наша отечественная ассириология 50–90-х гг. XX в. и начала XXI в. разрабатывает многие научные направления. Среди них важное место занимает проблема социально-экономических отношений в Месопотамии. Она нашла свое глубокое развитие в трудах выдающегося российского ученого М.А. Дандамаева, исследовавшего социально-экономические отношения во многих своих работах на материале Вавилонии позднего периода. Огромное значение имеет его капитальный труд о рабстве и других формах зависимости — «Рабство в Вавилонии (VI–IV вв. до н.э.)» (1974). Социальные аспекты жизни вавилонского общества исследуются и в его монографии «Вавилонские писцы» (1983).

Проблема перехода от первобытно-общинного к раннеклассовому обществу, в том числе и на обширном археологическом материале Месопотамии, убедительно и глубоко решается в трудах известного российского историка и археолога В.М. Массона. Среди них — его монография «Первые цивилизации» (1989). Тема ранней истории Месопотамии интересно разрабатывается Е.В. Антоновой (монография «Месопотамия на пути к первым государствам», 1998), А.А. Ковалевым — «Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории» (2002). Проблемами социально-экономических отношений в Месопотамии разных периодов плодотворно занимается Н.Б. Янковская. Свой вклад в изучение этих проблем внесли Н.В. Козырева (монография «Древняя Ларса: очерки хозяйственной жизни», 1988), Р.А. Грибов — на материале Мари, С.Г. Кошурников — на источниках из Дильбата. Видное место в трудах российских ассириологов занимает культура древней Месопотамии. Начало этим исследованиям положили еще Н.М. Никольский («Культура древней Вавилонии») и Н.Д. Флиттнер («Культура и искусство Двуречья и соседних стран») в 50-х гг. XX в. В дальнейшем в работах В.К. Афанасьевой нашли глубокое развитие вопросы месопотамского искусства [Афанасьева, 1979]. Ей принадлежат великолепные переводы шумерской поэзии «От начала начал» (1997). В работах И.Т. Каневой и И.С. Клочкова исследуется шумерская и вавилонская литература, эти авторы опубликовали оригинальные переводы месопотамских литературных произведений. Перу И.С. Клочкова принадлежит монография «Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время» (1983), показывающая умение автора проникнуть в мировосприятие древних. В.В. Емельянов плодотворно работает в сфере духовной культуры древнего Шумера. В работах А.А. Ваймана исследуется проблема происхождения шумерской письменности и родственных ей систем, история науки древнего Двуречья, ему принадлежит интересное исследование «Шумеро-вавилонская математика» (1961). Важной отраслью изучения для отечественных ассириологов являются право, социальные и государственные институты древней Месопотамии, нашедшие свое отражение в трудах Л.А. Липина и В.А. Якобсона [Якобсон, 1981; 1999; 2004]. Последнему принадлежат и теоретические исследования проблем государственности на древнем Востоке. Российские ассириологи и шумерологи занимаются изучением языков народов древней Месо-

потамии (И.Т. Канева — шумерским [Канева, 2006], Г.Х. Каплан — аккадским [Каплан, 2006]), начало которому положили видные специалисты А.П. Рифтин и Л.А. Липин [Липин, 1964]. Изучение античной традиции в отношении истории Месопотамии находит интересное решение в работах М.М. Дандамаевой [Дандамаева, 2002]. Вопросами внешней политики и военной истории Ассирии занимается С.С. Соловьева [Соловьева, 1984; 1987]. Осуществляется издание клинописных документов, хранящихся в музейных собраниях нашей страны. Среди ряда таких изданий выделяются «Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР», опубликованные А.П. Рифтиным в 1937 г. и «Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР», изданные Н.Б. Янковской (1968). Огромная работа была проделана Н.В. Козловой, издавшей «Новошумерские документы из Уммы (собрание Государственного Эрмитажа)» в 2-х томах, которые опубликованы один в Риме, другой в Висбадене в 2000 г.

Еще одна сторона изучения истории древней Месопотамии стала доступна российским ученым — это археологические работы на территории Ирака. С 1969 по 1980 г. на территории Синджарской равнины (север Месопотамии) вела раскопки наша археологическая экспедиция под руководством Р.М. Мунчаева. В составе экспедиции работали Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.В. Башилов, В.И. Гуляев и др. Экспедиция открыла такие памятники раннеземледельческой культуры Месопотамии, как Телль-Магзалия, Телль-Сотто, Ярым-тепе I и Ярым-тепе II, датируемые VIII—V тыс. до н.э. и сопоставляемые с ранее известными памятниками Джармо, Хассуна, Халаф и др. Участники экспедиции опубликовали ряд монографий по результатам своих исследований: Р.М. Мунчаев и Н.Я. Мерперт — «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (1981), Н.О. Бадер — «Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии» (1989) и другие работы. В.И. Гуляев по материалам работы экспедиции и путешествия по древним городам и музеям Ирака издал две научно-популярные книги: «В стране первых цивилизаций» и «Шумер, Вавилон, Ассирия (5000 лет истории)» (2004).

Ассириологические исследования и материалы в нашей стране публикует «Вестник древней истории», «Восток», «Палестинский сборник» и некоторые другие периодические издания и сборники статей (см.: [Работы советских ученых, 1984; 1986]).

Библиография

[Амусин, 1963] — *Амусин И.Д.* Социально-экономическая история древнего мира в трудах акад. А.И. Тюменева // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти А.И. Тюменева. М.; Л., 1963. С. 5–17.

[Афанасьева, 1979] — *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.

[Бартольд, 1925] — *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

[Берлев и др., 1989] — *Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф.* К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Струве // ВДИ. 1989. № 1. С. 244–249.

[Ботвинник, 1967] — *Ботвинник М.Н.* Н.М. Никольский. Минск, 1967.

[Бузескул, 1925] — *Бузескул В.П.* Открытия XIX — начала XX в. в области древнего мира. Ч. 1. Восток. Пг., 1925.

[Веллард, 2003] — *Веллард Дж.* Вавилон. Расцвет и гибель города чудес. М., 2003.

[Вулли, 1961] — *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961.

[Гельб, 1982] — *Гельб И.* Опыт изучения письма. М., 1982.

[Гордон, 2002] — *Гордон С.Г.* Забытые письмена. СПб., 2002.

[Грибов, 1992] — *Грибов Р.А.* Академик В.В. Струве // Источниковедение и историография стран Азии и Африки. СПб., 1992. Вып. 14.

[Дандамаева, 2002] — *Дандамаева М.М.* История Месопотамии в изложении Бероса // История древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 297–308.

[Дьяконов, Якобсон, 1982] — *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* «Новые государства», территориальные царства, полисы и империи. Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3–16.

[Емельянов, 2001] — *Емельянов В.В.* Древний Шумер. СПб., 2001.

[Емельянов, 2003] — *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.

[История и языки древнего Востока, 2002] — История и языки древнего Востока. СПб., 2002.

[Каверин, 1966] — *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. История О. Сенковского. М., 1966.

[Канева, 1996] — *Канева И.Т.* Шумерский язык. СПб., 1996; 2-е изд. СПб., 2006.

[Каплан, 2006] — *Каплан Г.Х.* Очерк грамматики аккадского языка. СПб., 2006.

[Крамер, 2002] — *Крамер С.Н.* Шумеры. М., 2002.

[Липин, 1954] — *Липин Л.А.* М.В. Никольский — отец русской ассириологической науки // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1954. Вып. 4.

[Липин, 1957] — *Липин Л.А.* Аккадский (ассиро-вавилонский) язык. Л., 1957. Вып. 1–2.

[Липин, 1964] — *Липин Л.А.* Аккадский язык. М., 1964.

[Ллойд, 1984] — *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984.

[Лурье, 1940] — *Лурье И.М.* Сорокалетие научной и общественно-педагогической деятельности Н.М. Никольского // ВДИ. 1940. № 3–4.

[Оппенхейм, 1980] — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.

[Работы советских ученых, 1984] — Работы советских ученых по ассириологии и шумерологии (1917–1983). Библиографический указатель. Л., 1984.

[Работы советских ученых, 1986] — Работы советских ученых по древней истории Передней Азии (1917–1984). Библиографический указатель. Л., 1986.

[Соловьева, 1984] — *Соловьева С.С.* Государства Мари и Митанни (гл. VII, § 2); Древняя Ассирия (гл. VIII) // Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.

[Соловьева, 1987] — *Соловьева С.С.* Ассирия // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. Гл. 4.

[Струве, 1947] — *Струве В.В.* Датировка I Вавилонской династии // ВДИ. 1947. № 1. С. 9–35.

[Тураев, 1927] — *Тураев Б.А.* Русская наука о древнем Востоке. Л., 1927.

[Фоссе, 2001] — *Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001.

[Франкфорт и др., 1984] — *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.

[Фридрих, 1961] — *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.

[Шилейко, 1915] — *Шилейко В.К.* Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1915.

[Шилейко, 1987] — *Шилейко В.К.* Выходы вечности. Переводы ассииро-вавилонской поэзии. М., 1987.

[Якобсен, 1995] — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: история месопотамской религии. М., 1995.

[Якобсон, 1981] — *Якобсон В.А.* Возникновение писаного права в древней Месопотамии // ВДИ. 1981. № 4. С. 9–20.

[Якобсон, 1999] — *Якобсон В.А.* Подати и повинности в Ново-ассирийской державе // Подати и повинности на древнем Востоке. СПб., 1999. С. 54–63.

[Якобсон, 2000] — *Якобсон В.А.* Игорь Михайлович Дьяконов (научная биография) // ВДИ. 2000. № 2. С. 5–10.

[Якобсон, 2004] — *Якобсон В.А.* Ассирийская держава // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. Гл. 4. С. 343–394.

[Adams, 1981] — *Adams R. Mc.* Land behind Baghdad. Chicago; L., 1981.

[Ahmed, 1968] — *Ahmed S.S.* Southern Mesopotamia in the Time of Ashurbanipal. The Hague; P., 1968.

[Andrae, 1925] — *Andrae W.* Farbige Keramik aus Assur. Berlin, 1925.

[Andrae, 1938] — *Andrae W.* Das wiedererstandene Assur. Leipzig, 1938.

[Baqir, 1959] — *Baqir T.* Tell Harmal. Baghdad, 1959.

[Barnett, 1957] — *Barnett R.D.* The Nimrud Ivories in the British Museum. L., 1957.

[Barnett, 1959] — *Barnett R.D.* Assyrische Palastreliefs. Prague, 1959.

[Bezold, 1882] — *Bezold K.* Catalogue of the cuneiform Tablets in the Kouynjik Collection of the British Museum. L., 1882. V. 1–5.

[Bezold, 1909] — *Bezold K.* Ninivie und Babylon. Berlin, 1909.

[Bibby, 1969] — *Bibby G.* Looking for Dilmun. N. Y., 1969.

[Botta, 1846–1850] — *Botta P.E.* Monuments de Ninivé, découverts et décrits par P.E. Botta, mesuré et désigné par M.E. Flandin. P., 1846–1850. V. 3–5.

[Bottéro, 1985] — *Bottéro J.* Mythes et rites de Babylonie. P., 1985.

[Bottéro, 1987] — *Bottéro J.* Mésopotamie: l'écriture, la raison et les dieux. P., 1987.

[Braidwood, 1960] — *Braidwood R.J.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.

[Cardascia, 1956] — *Cardascia G.* Les droit cunéiformes: Histoire des institutions. P., 1956.

[Delitzsch, 1889] — *Delitzsch Fr.* Assyrische Grammatik. Berlin, 1889.

[Delitzsch, 1896] — *Delitzsch Fr.* Assyrisches Handwörterbuch. Leipzig, 1896.

[Driver, Miles, 1935] — *Driver G.R., Miles J.C.* The Assyrian Laws. Oxford, 1935.

[Driver, Miles, 1952–1955] — *Driver G.R., Miles J.C.* The Babylonian Laws. Oxford, 1952–1955.

[Edzard, 1957] — *Edzard D.O.* Die 'Zweite Zwischenzeit' Babyloniens. Wiesbaden, 1957.

[Falkenstein, 1936] — *Falkenstein A.* Archaische Texte aus Uruk. Berlin, 1936.

[Falkenstein, 1949–1950] — *Falkenstein A.* Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš. Rom, 1949–1950. Bd. 1–2.

[Fine, 1973] — *Fine A.* Le code de Hammurapi. P., 1973.

[Forrer, 1921] — *Forrer E.O.* Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921.

[Frankfort, 1933] — *Frankfort H.* Tell Asmar, Khafaje and Khorsabad. Chicago, 1933.

[Gadd, 1923] — *Gadd C.J.* The Fall of Nineveh. L., 1923.

[Gadd, 1958] — *Gadd C.J.* The Harran Inscriptions of Nabonidus // *Anatolian Studies*. 1958. V. 8. P. 35–92.

[Gelb, 1944] — *Gelb I.J.* Hurrians and Subarians. Chicago, 1944.

[Grayson, 1972–1976] — *Grayson A.K.* Assyrian Royal Inscriptions. Wiesbaden, 1972–1976. V. 1–2.

[Grayson, 1975] — *Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. N. Y., 1975.

[Gurney, 1953] — *Gurney O.R.* The Sultantepe Tablets: the Eponym Lists // *Anatolian Studies*. 1953. V. 3. P. 15–25.

[Gurney, Finkelstein, 1957] — *Gurney O.R. Finkelstein J.J.* The Sultantepe Tablets. 1. L., 1957.

[Harper, 1892–1914] — *Harper R.E.* Assyrian and Babylonian Letters. L., 1892–1914. 1–14.

[Jordan et al., 1930–1963] — *Jordan J., Heinrich E., Nöldeke A., Lenzen H.* Vorläufiger Bericht über die von der Deutschen Forschungs-

gemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. Berlin, 1930–1963.

[Jacobsen, 1939] — *Jacobsen Th.* The Sumerian Kinglist. Chicago, 1939.

[Klauber, 1910] — *Klauber E.G.* Assyrische Beamtentum nach Briefen aus der Sargonideszeit. Leipzig, 1910.

[Klengel, 1976] — *Klengel H.* Hammurapi von Babylon und seine Zeit. Berlin, 1976.

[Klengel, 1979] — *Klengel H.* Handel und Händler im alten Orient. Leipzig, 1979.

[Koldewey, 1925] — *Koldewey R.* Das wiedererstehende Babylon. Leipzig, 1925.

[Kohler, Ungnad, 1913] — *Kohler J., Ungnad A.* Assyrische Rechtsurkunden. Leipzig, 1913.

[Kramer, 1960] — *Kramer S.N.* Geschichte beginnt mit Sumer. München, 1960 (перевод на русский язык: История начинается в Шумере. М., 1961, 1991).

[Kramer, 1963] — *Kramer S.N.* The Sumerians. Chicago, 1963.

[Kramer, 1965] — *Kramer S.N.* From the Tablets of Ur. Indianapolis (Colorado), 1965.

[Kupper, 1957] — *Kupper J.-R.* Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.

[Larsen, 1976] — *Larsen M.T.* The Old Assyrian City-state and its Colonies. Copenhagen, 1976.

[Layard, 1848] — *Layard A.H.* Nineveh and its Remains. L., 1848.

[Layard, 1849] — *Layard A.H.* The Monuments of Nineveh. L., 1849.

[Layard, 1853] — *Layard A.H.* Nineveh and Babylon. L., 1853.

[Leemans, 1950] — *Leemans W.F.* The Old Babylonian Merchant, his Business and his Social Position. Leiden, 1950.

[Loftus, 1857] — *Loftus W.K.* Travels and Researches in Chaldaea and Susiana. L., 1857.

[Loud, 1936] — *Loud G.* Khorsabad. Chicago, 1936. V. 1.

[Loud, Altmann, 1937] — *Loud G., Altmann C.B.* Khorsabad. Chicago, 1937. V. 2.

[Luckenbill, 1926–1927] — *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926–1927. V. 1–2.

[Malbran-Labat, 1982] — *Malbran-Labat F.* L'armée et l'organisation de l'Assyrie d'après les lettres des Sargonides trouvées à Ninive. P., 1982.

[Mallowan, 1966] — *Mallowan M.E.L.* Nimrud and its Remains. L., 1966. V. 1–3.

[McCown, Haines, 1967] — *McCown D., Haines R.C.* Nippur Excavations. Chicago, 1967. V. 1.

[Meissner, 1920–1925] — *Meissner B.* Babylonien und Assyrien. Heidelberg, 1920–1925. 1–2.

[Meyer, 1907–1939] — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Stuttgart; Berlin, 1907–1939. V. 1–4.

[Mosul Museum, 1958] — Mosul Museum. Baghdad, 1958.

[Naji al-Asil, 1954] — *Naji al-Asil.* The Assyrian Palace at Nebi Unis // *Sumer*. 1954. V. 10. P. 110–116.

[Oates, 1967] — *Oates D.* Tell Rimah, 1966 // *Iraq*. 1967. V. 29. P. 70–96.

[Olmstead, 1923] — *Olmstead A.T.* History of Assyria. Chicago, 1923 (reprint 1969).

[Parrot, 1946–1953] — *Parrot A.* L'archéologie mésopotamienne. V. 1–2. P., 1946–1953.

[Parrot, 1960] — *Parrot A.* *Sumer*. P., 1960.

[Parrot, 1961] — *Parrot A.* *Assur*. P., 1961.

[Peiser, 1896] — *Peiser F.E.* Texte juristischen und geschäftlichen Inhalts. Berlin, 1896.

[Place, 1867–1870] — *Place V.* Ninive et Assyrie. P., 1867–1870. V. 1–3.

[Poebel, 1923] — *Poebel A.* Grundzüge der sumerischen Grammatik. Rostock, 1923.

[Rassam, 1897] — *Rassam H.* Asshur and the Land of Nimrod. N. Y., 1897.

[Reiner, 2002] — *Reiner E.* An Adventure of Great Dimension: The Launching of the Chicago Assyrian Dictionary. Philadelphia, 2002.

[Safar et al., 1981] — *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.

[Salonen, 1965] — *Salonen E.* Die Waffen der alten Mesopotamier: Eine lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung. Helsinki, 1965.

[Sarzec, Heuzey, 1884–1912] — *Sarzec E. de, Heuzey L.* Découvertes en Chaldée. P., 1884–1912.

[Schmandt-Besserat, 1992] — *Schmandt-Besserat D.* Before Writing. Austin, 1992. V. 1–2.

[Schmandt-Besserat, 1996] — *Schmandt-Besserat D.* How Writing came about. Austin, 1996.

[Schmidtke, 1952] — *Schmidtke F.* Der Aufbau der babylonischen Chronologie. Münster, 1952.

[Schmökel, 1955] — *Schmökel H.* Ur, Assur und Babylon. Stuttgart, 1955.

[Schrader, 1889–1892] — *Schrader E.* Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten. Berlin, 1889–1892. Bd. 1–4.

[Soden, 1952] — *Soden W. von.* Grundriss der akkadischen Grammatik. Rom, 1952.

[Soden, 1959–1981] — *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959–1981. Bd. 1–3.

[Solecki, 1971] — *Solecki R.S.* Shanidar: the Humanity of Neanderthal Man. L., 1971.

[Starr, 1938] — *Starr R.F.S.* Nuzi. L., 1938.

[Strommenger, 1962] — *Strommenger E.* Fünf Jahrtausende Mesopotamien. München, 1962.

[Strommenger, Hirmer, 1964] — *Strommenger E., Hirmer M.* The Art of Mesopotamia. L., 1964.

[Thureau-Dangin, 1907] — *Thureau-Dangin F.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig, 1907.

[Toynbee, 1934–1954] — *Toynbee A.* A Study of History. L., 1934–1954.

[Ungnad, 1964] — *Ungnad A.* Grammatik des Akkadischen. München, 1964.

[Waterfield, 1963] — *Waterfield G.* Layard of Nineveh. L., 1963.

[Waterlin, Langdon, 1930–1934] — *Waterlin L.C., Langdon S.* Excavations at Kish. L., 1930–1934.

[Waterman, 1930–1936] — *Waterman L.* Royal Correspondance of the Assyrian Empire. Ann Arbor, 1930–1936. Pt. 1–4.

[Wiseman, 1956] — *Wiseman D.J.* Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B. C.) in the British Museum. L., 1956.

[Woolley, 1927–1965] — *Woolley C.L.* Ur Excavations. L.; Philadelphia, 1927–1965.

[Woolley, 1965] — *Woolley C.L.* The Sumerians. N. Y., 1965.

[Yaron, 1988] — *Yaron R.* The Laws of Ešnunna. Jerusalem; Leiden, 1988.

[Zawadski, 1988] — *Zawadski S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznań; Eburan; Delft, 1988.

ГЛАВА 2

Историография истории древней Месопотамии с древнейших времен до конца II тыс. до н.э.

История древней Месопотамии — это предмет изучения ассириологии. Возникнув немногим более 150 лет назад, ассириология, как и другие гуманитарные науки, прошла сложный путь становления и развития и в настоящее время является энергично развивающейся областью знания. Документальный базис ассириологии и охватываемая ею сфера познания постоянно расширяются, а предмет ее исследования все более дифференцируется. Ежегодно выходят тысячи публикаций по самым разным проблемам истории и филологии древней Месопотамии и других стран древнего Востока, заимствовавших из Месопотамии клинописную систему письма. Большая часть этих статей и монографий, количество которых постоянно растет, перечисляется в ежегодных выпусках «Клинописной библиографии» (*Keilschriftbibliographie*) в журнале «*Orientalia*» (Roma). Впервые эти библиографические выпуски появились в 1940 г., в 2003 г. вышел выпуск под номером 61. Настоящей энциклопедией знаний по ассириологии является издание «*Reallexikon der Assyriologie*» (Berlin), где в алфавитном порядке располагаются статьи обзорного характера по всем терминам, географическим названиям и именам, встречающимся в исследованиях по ассириологии. В каждой статье собраны все имеющиеся сведения о рассматриваемом объекте: упоминания в клинописных текстах, проблемы, связанные с изучением, основная литература. Пока составители этого монументального сборника добрались до буквы О.

Работы историографического характера, к сожалению, появляются в ассириологии крайне редко [Buccellati, 1973]. В значительной степени это объясняется тем, что объем уже накопившихся и постоянно пополняющихся источников (прежде всего, конечно, клинописных документов, но также и памятников

материальной культуры) непомерно велик. Специалисты не в состоянии обработать и осмыслить весь имеющийся материал, и огромное количество неизданных памятников оседает в музеях в ожидании будущих исследователей. Изредка появляются публикации, касающиеся истории изучения отдельных проблем ассириологии [Jones, 1969] и работы обобщающего характера [Postgate, 1996; Bauer, Englund, Krebern timer, 1998; Sallaberger, Westenholz, 1999].

В отечественной науке было опубликовано несколько историографических обзоров по истории древнего Востока, касающихся, в том числе, и изучения ранней истории Месопотамии. Прежде всего, это серьезная монография Н.М. Постовской, в которой детально разобран и описан процесс изучения истории древнего Востока, в том числе и истории древней Месопотамии, в СССР в период с 1917 по 1959 гг. В книге дается подробный анализ всех наиболее значительных отечественных публикаций по всем аспектам истории древней Месопотамии: политической, социально-экономической, истории культуры и идеологии, в ней рассматриваются также отдельные филологические работы, так как в данной области знаний филология неразрывно связана с историческими исследованиями [Постовская, 1961].

Краткий, но очень информативный очерк истории ассириологии и историографии истории древней Месопотамии, в том числе и самого раннего периода, опубликован И.М. Дьяконовым в разделе библиографии в первом томе «Истории древнего Востока» [Дьяконов, 1983]. Во введении к первому тому «Истории древнего мира» им же рассмотрены дискуссионные проблемы общественного развития в период древности, которые дебатировались в отечественной науке 50–70-х гг. XX в. главным образом на материале ранней истории Месопотамии [Дьяконов, 1989]. Существуют также два подробных библиографических указателя, в которых перечислены почти все работы отечественных исследователей, посвященные изучению древнего Востока [Работы, 1984; 1986].

В предлагаемом читателю кратком очерке историографии автор, ввиду огромного количества и объема существующих публикаций, предполагает уделить основное внимание обзору мало известных отечественному читателю зарубежных исследований по проблемам политической и социально-экономической истории ранней Месопотамии (V тыс. — середина II тыс. до н.э.). Поскольку историография отечественной науки относительно хорошо

разработана, автор считает возможным не останавливаться подробно на анализе работ отечественных исследователей, отсылая интересующихся этим вопросом читателей к вышеупомянутым публикациям.

§ 1. Хронология и периодизация

О проблемах хронологии древней Месопотамии подробно рассказано И.М. Дьяконовым во введении к монографии Э. Бикермана, посвященной вопросам хронологии древнего мира [Дьяконов, 1975].

Разделение истории древнего мира на три этапа, первый из которых (с древнейших времен и до середины II тыс. до н.э.) можно условно назвать периодом ранней древности, предложено И.М. Дьяконовым во введении к первому тому «Истории древнего мира» [Дьяконов, 1989]. Н. Постгейт, автор самой интересной и популярной в настоящее время работы по истории ранней Месопотамии, помещает период, который он называет «Early Mesopotamia», примерно в те же временные рамки: с V тыс. до середины II тыс. до н.э. [Postgate, 1996].

Хронология Протописьменного и предшествующих периодов основана на данных археологии. Начиная примерно с 3000 г. до н.э. и далее появляется возможность приблизительно устанавливать датировки для Месопотамии не только на основании исследования памятников материальной культуры, но и используя такие исторические источники, как Шумерский царский список, строительные надписи, исторические синхронизмы, списки датировочных формул (система датировки, при которой каждый год получает свое особое название, датировочную формулу, существовала в Месопотамии со времени Саргона Аккадского и до конца I вавилонской династии) и т.п. Все установленные таким образом датировки, безусловно, являются относительными.

Точкой отсчета для установления хронологии древней Передней Азии, в том числе и ранней истории Месопотамии, начиная с середины II тыс. до н.э. и далее вглубь веков является запись астрономического наблюдения над восходом планеты Венеры по отношению к восходу Солнца времени вавилонского царя Аммицадуки. Эти наблюдения оказалось возможным привязать к астрономической дате, но не одной, а целой серии такого рода

дат с возможной ошибкой около 64 лет в ту или другую сторону. В настоящее время большинство исследователей придерживается так называемой «средней хронологии», предложенной Сидни Смитом (в отечественной науке такую хронологию предложил В.В. Струве). В соответствии со «средней хронологией» восхождение Хаммурапи на престол датируется 1792 г., а разрушение Вавилона хеттами 1595 г. [Smith, 1940]. От условной средней даты правления Хаммурапи (1792–1750) исторические события отсчитываются в ту или другую сторону. В настоящей работе все датировки даются по Н. Постгейту [Postgate, 1996].

В хронологии ранней истории Месопотамии существуют два исторических пробела неизвестной продолжительности: время между падением династии Аккада и возвышением Ура и промежуток времени между первым разрушением Вавилона и окончательным утверждением касситской династии.

Периодизация истории Месопотамии интересующего нас временного отрезка, также как и ее точная хронология, представляет собой сложную и до конца не решенную проблему. В таблице приведены основные варианты периодизации и хронологии этого периода, предлагаемые разными исследователями:

[Дьяконов, 1983]	[Postgate, 1996]
Убейд: последняя треть V тыс. — первая половина IV тыс. до н.э.	Халаф-Убейд 5000–4000 Протописьменный период 4000– 3000 до н.э.:
Протописьменный (ПП) период 3000–2750 до н.э.:	Урук 4000–3200 до н.э. Джемдет-Наср 3200–3000 до н.э. Досаргоновский период 3000–2350 до н.э.:
ПП I (Урук V–IVb) 3000–2850 до н.э.	РД I 3000–2750 до н.э.
ПП II (Урук III/II = Джемдет- Наср) 2850–2750 до н.э.	
Раннединастический (РД) период 2750–2315 до н.э.:	РД II 2750–2600 до н.э.
РД I 2750–2615 до н.э.	
РД II 2615–2500 до н.э.	РД III 2600–2350 до н.э.
РД III 2500–2315 до н.э.	

Первые деспотии в Двуречье:

Династия Аккада 2316–2150 до н.э.?

Династия Аккада 2350–2150 до н.э.

(Кутии)

III династия Ура 2112–2003 до н.э.

III династия Ура 2150–2000 до н.э.

(Амореи)

Старовавилонский период 2000–1600 до н.э.:

I династия Исина 2017–1794 до н.э.

Династии Исин-Ларса 2000–1800 до н.э.

Старовавилонский период 2004–1595 до н.э.

I династия Вавилона 1800–1600 до н.э.

(Касситы)

Периодизация самого раннего отрезка ранней истории Месопотамии (до династии Аккада) основана, главным образом на археологических данных. Периоды Урук и Джемдет-Наср и отдельные этапы Раннединастического периода различаются между собой на основании изменений, которые удалось проследить в археологических ансамблях каждого из этих периодов. Достаточно ли важны эти изменения с исторической точки зрения, чтобы стать основой для периодизации, остается неясным. Более того, сомнению подвергается и основательность археологических данных, использованных для периодизации. Некоторые исследователи сомневаются и в самом факте отдельного существования периода Джемдет-Наср и РД III [Mieroop, 1997].

Принятая система периодизации ранней истории Месопотамии остается весьма относительной и во многом зависит от качества и количества археологических находок. Свой собственный отдельный период в этой системе получает династия, правление которой отмечено находками многочисленных и разнообразных документальных архивов. Так, в отдельный период выделено время правления III династии Ура, которое составляет немногим более ста лет, но от которого дошло до нас огромное количество документов. В то же время, целый ряд последовательных династий, от которых дошло до наших дней очень мало текстов, включаются в один общий период, что может быть не совсем правомерно.

§ 2. Географические названия

В истории древней Месопотамии фигурирует огромное количество топонимов. Не всегда исследователи используют их последовательно. В некоторых случаях нам известно и древнее и современное название географического пункта, и в одной и той же работе он может упоминаться под разными названиями, древним и новым. В других случаях известен только древний топоним, но он не локализуется (Аккад), либо только современный топоним, так как мы не знаем, как этот пункт назывался в древности (Абу-Салабих). Представляется поэтому необходимым привести список основных древних топонимов и их современных соответствий, фигурирующих в ранней истории Месопотамии в тех вариантах, которые известны в настоящее время [Postgate, 1996: 27]:

Древние города	Современные городища
Аваль	Телль-ас-Сулейме
Адаб	Телль-Бисмайя
Бад-Тибира	Телль-аль-Мада'ин
Борсиппа	Бирс-Нимруд
Гирсу	Телло
Дер	Телль-Акар
Дильбат	Телль-Длехем
Забала	Телль-Ибзейх
Иду или Туттуль	Хит
Кеш (?)	Телль-аль-Вилайя
Кисига (?)	Телль-аль-Лахм
Кисурра	Абу-Хатаб
Киш	Телль-Ингарра + Телль-Ухаймир
Куталла	Телль-Сыфр
Куту	Телль-Ибрахим
Лагаш	Аль-Хиба
Ларса	Сенкере
Марад	Ваннат-эс-Са'дун
Машкан-Шапир	Телль-Абу-Дувари
Ме-Туран	Телль-Хаддад
Нерибтум	Ишчали
Ниппур	Нуффар
Пузриш-Даган	Телль-Дрехем

Сиппар	Абу-Хабба + Телль-эд-Дер
Сирара	Зургул
Суза	Шуш
Тугуб	Хафадже
Умма	Телль-Джоха
Ур	Телль-аль-Мукайяр
Урук	Варка
Шадуппум	Телль-Хармал
Шуруппак	Телль-Фара
Эреш (?)	Абу-Салабих
Эриду	Абу-Шахрейн
Эшнунна	Телль-Асмар

Иногда возникает путаница из-за смешения географических названий и названий политических структур. Вавилония как политическая структура появилась только во II тыс. до н.э., а Вавилония как географическое название в исторических работах обозначает территорию Южной Месопотамии, т.е. район Двуречья к югу от Багдада. Эта территория, в свою очередь, делится на Южную Вавилонию (Шумер) и Северную Вавилонию (Аккад). Условная граница между ними проходит немного севернее Ниппура, как раз на этой границе располагался древний город, современное название которого Абу-Салабих.

В последние века III тыс. до н.э. южная равнина Месопотамии, судя по свидетельствам письменных источников, называлась «Шумер и Аккад». Эти слова в аккадском контексте (*māt Šumeri u Akkadī*) соответствовали в шумерском контексте словам **ki-en-gi** и **ki-uri**. Тот факт, что в разных языках эти понятия выражены разными словами, говорит о сложности ситуации, которая подробно обсуждена у Крауса [Kraus, 1970]. Можно предположить, что слово Шумер относилось к южной половине месопотамской равнины, а слово Аккад — к северной, так что «разделительная полоса» проходила по городу Ниппуру [Wilcke, 1973]. Есть и такое предположение: словом **ki-en-gi** вначале обозначали окрестности города Ниппура, располагавшегося в центре Южной Месопотамии (Römer, 1999: 9).

Слово **ki-en-gi** трактуется по-разному: «земля князя» (< ***ki-egi** [Römer, 1999]), «земля шумерского языка» (< ***ki-eme-gi(r)** [Postgate, 1994: 4]). Однако единое мнение по этому поводу пока не

выработано. Значение слов **ki-urî** исследователи также затрудняются объяснить. После Раннединастического периода это словосочетание стало отождествляться с названием города, языка или династии Аккада и обычно переводится как «Аккад» или «земля Аккада».

§ 3. Историография истории Месопотамии V–IV тыс. до н.э.

В отечественной литературе история Месопотамии V–IV тыс. до н.э. подробно описана И.М. Дьяконовым в его общих работах по истории древней Месопотамии [Дьяконов, 1983], исследованию этого периода посвящена монография Е.В. Антоновой «Месопотамия на пути к первым государствам» [Антонова, 1998], значительное место уделено этому периоду в публикациях отечественных археологов Н.О. Бадера, Н.Я. Мерперта и Р.М. Мунчаева, которые в течение 14 сезонов вели раскопки в Синджарской долине на северо-западе Ирака, исследуя группу памятников VII–IV тыс. до н.э. [Балер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981].

Период Убейд: основные направления изучения. Считается, что убейдская культура — непосредственная предшественница шумерской. Первые серьезные исследования самого раннего периода истории (предыстории) Месопотамии связаны с раскопками на холме Эль-Убейд, расположенном в семи километрах от древнего города Ура. В 1918–1934 гг. здесь работала совместная англо-американская археологическая экспедиция во главе с сэром Леонардом Вулли [Woolley, 1924; 1956]. Здесь в самых глубоких слоях были найдены памятники неизвестной до этого археологической культуры, в том числе своеобразная цветная керамика. Эта культура получила название Убейд по названию места раскопок, где впервые была обнаружена.

В 40-е годы XX в. раскопки убейдских поселений в Месопотамии вели С. Ллойд и Фуад Сафар [Lloyd, Safar, 1943; 1948], а в 60–70-е — Р. Адамс, Х. Ниссен [Adams, Nissen, 1972], Д. и Дж. Оутс [Oates, Oates, 1976], а также другие известные археологи, в том числе российские (см. выше). Основные центры убейдской культуры, раскопанные археологами в Месопотамии: Эль-Убейд, Ур, Урук, Эреду, Телль-Оуейли около Ларсы [Huot, 1971], Телль-Укайр на юге; Телль-ас-Саввана, Арпачия, Тепе-Гавра, Ниневия на севере. Подробное описание раскопок убейдских поселений в Месопотамии было опубликовано Дж. Оутс [Ouytes, 1984].

Основные направления изучения Убейда связаны с характером сохранившихся источников — исключительно археологических. Среди них: изучение структуры поселений, развития храмовой и жилой архитектуры, изменений в области материальной культуры и технологии, особенностей погребальных обрядов, распространения убейдской культуры за пределами Месопотамии («экспансия Убейда»). Много публикаций посвящено также вопросу о том, кто населял Южную Месопотамию в период Убейд.

На основании многочисленных археологических свидетельств время раннего Убейда — около 5000 г. до н.э. — считается временем появления первых земледельческих поселений на юге Месопотамии [Postgate, 1996: 3]. Археологический материал, полученный в ходе раскопок, позволил проследить весь процесс возникновения и развития поселений в убейдский период. Раскопки Эреду времени Убейда обнаружили четкую границу между самыми нижними слоями, где население добывало себе пропитание главным образом охотой и рыболовством, и последующими слоями, которые уже содержали сельскохозяйственные орудия [Safar, 1981].

Большое значение в изучении поселений убейдского периода имели работы Р. Адамса. Исследования, проведенные этим выдающимся археологом, показали, что в убейдский период значительно вырос уровень дифференциации между поселениями: 10–15 крошечных поселений, до 1 га площадью, приходилось на несколько крупных площадью 10 га и более. Поселения располагались в основном вдоль рек и притоков, но уже и вдоль небольших, не более 5 км в длину, каналов [Adams, Nissen, 1972].

Зарождающаяся иерархия убейдских поселений сопровождалась дифференциацией в размерах отдельных домов и появлением следов очень скромного возрастания богатств в отдельных хозяйствах. Внутри самых больших по площади домов археологи нашли печати, оттиски печатей и так называемые «прототаблички». По мнению М. Ротман, анализ печатей и оттисков печатей убейдского периода, которые были найдены археологами в «частных» домах Тепе-Гавра, показал, что они применялись для контроля в домашнем ремесленном производстве [Rothman, 1994]. Таким образом, по мнению исследователя, начало потери социального единообразия в убейдский период становится все более явным.

Большое внимание вопросу о политическом и социальном устройстве общества Убейда уделено в работах К. Ламберга-

Карловски. Поскольку прямые данные, освещающие эти проблемы, отсутствуют, все предположения исследователя по этому поводу строятся на основании изучения археологических свидетельств. При раскопках убейдских слоев, как отмечает автор, уже с самого начала периода можно обнаружить следы возникновения и развития новых общественных и хозяйственных институтов. Это выражается в появлении все возрастающих по размеру складов и хранилищ, общественных зданий, значительном росте плотности населения [Lamberg-Karlovsky, 1996].

Важным направлением исследования убейдской культуры было изучение храмов и храмовой архитектуры. Во многих убейдских поселениях севера и юга Месопотамии были найдены большие постройки площадью до 200 кв. м, которые могли быть храмами [Roaf, 1995: 427]. Исключительно интересными оказались раскопки в Эреду, который в более поздний период известен как культовый центр бога мудрости Энки. Найденное здесь небольшое прямоугольное строение (24×12 м), стоявшее на искусственной террасе, несомненно, было храмом. Археологи, датировавшие это сооружение самым концом убейдского периода, обнаружили, что оно было лишь одним звеном в длинной цепи построек, планы которых им удалось проследить на 18 горизонтах обитания, вплоть до примитивной «часовенки», стоявшей на песчаной дюне [Ллойд, 1984: 44]. Храм продолжил свое существование и в последующий период Урук (см. ниже). Сооружения, очень похожие на храм в Эреду, были найдены также при раскопках убейдских слоев в поселениях Телль-Укайр и Тепе-Гавра.

Одной из отличительных особенностей убейдской культуры, как будто «выпадающей» из общей линии развития, считается вытянутое положение погребенных. В предшествующие ей и следующие за убейдской культурой периоды покойных укладывали в погребение в скорченной позе. И.М. Дьяконов высказал предположение, что изменение погребальных обрядов могло быть связано с приходом нового населения (подробнее о гипотезах относительно населения Убейд и шумерах см. ниже). Пришельцы, по его мнению, смешались с аборигенами, которые усвоили некоторые принесенные ими культурные традиции, в том числе и погребальный обряд [Дьяконов, 1983: 87]. По мнению археолога Дж. Оутс, много лет проработавшей на раскопках в Месопотамии, изменения погребального обряда в период Убейд могли быть результатом

незначительных колебаний в представлениях о загробной жизни [Oates, 1984].

Одним из самых удивительных и пока непонятных проявлений убейдской культуры является, по мнению многих исследователей, ее «экспансия» на другие территории. К концу своего существования она распространилась далеко за пределы Южной Месопотамии. Отдельные памятники убейдской культуры найдены в Северной Сирии, в Малой Азии, Иране, на западном берегу Персидского залива, острове Бахрейн, в Саудовской Аравии. Археологи затрудняются пока объяснить причину того, что убейдские памятники, прежде всего керамика, встречаются на столь обширной территории [Burkholder, 1971; 1972].

Это явление пока недостаточно исследовано. К. Ламберг-Карловски считает, что в период раннего Убеида мирная экспансия с юга Месопотамии направлялась на юг (западное побережье Персидского залива и далее на запад в глубь территории), на север (в Северную Месопотамию) и на северо-запад (в Юго-Восточную Анатолию). «Экспансия Убеида» была явлением типологически сходным с более поздней «экспансией Урука» (см. ниже). Такого рода феномены в архаических обществах являются, по мнению К. Ламберг-Карловски, показателем развития в направлении государственности [Lamberg-Karlovsky, 1996].

Многое в истории Месопотамии периода Убеид остается пока неясным и непонятным, тем не менее, совершенно очевидно, что именно активное развитие убейдской культуры в значительной степени подготовило почву для становления шумерской цивилизации.

Какая этническая группа населяла Месопотамию в этот период и на каком языке говорили люди, принимавшие участие в сооружении первых общественных зданий (храмов) в период Убеид, нам неизвестно. Этот вопрос вызвал самые разные предположения, однако до сих пор он остается открытым, поскольку данные археологии не дают достаточных оснований для его решения.

Вопрос о характере убейдского населения тесно связан с «шумерской проблемой» (см. одноименный раздел): ответом на вопрос, когда и откуда на юг Месопотамии пришли шумеры.

Период Урук: основные направления изучения. Самые важные этапы трансформации раннего земледельческого общества в первую городскую цивилизацию мира приходятся, вероятно, на период

Урук, который последовал за периодом Убейд. Именно в это время в Южной Месопотамии интенсивно развивается сельскохозяйственное производство, основанное на ирригации, появляются города с монументальной архитектурой, развивается искусство украшения монументальных сооружений, специализация и стандартизация ремесленной продукции, возникает письменность, невероятно расширяются торговые горизонты.

Урбанизм. Бесчисленные холмы, разбросанные по территории современного Ирака и Северной Сирии, скрывают останки многочисленных крупных и мелких городов, некогда существовавших здесь сотни и тысячи лет. Месопотамия была не только самой древней городской цивилизацией, но и самым урбанизированным обществом древности. Любое изучение урбанизма и его роли в мировой истории невозможно без привлечения материалов Месопотамии. Совершенно уникальным является тот факт, что археологические и письменные памятники из Месопотамии, которыми располагают исследователи, отражают процесс существования городов на протяжении трех тысячелетий.

Исследователи неоднократно задавались вопросом, почему города впервые возникли именно в Месопотамии, причем в ее южной части, Вавилонии, и каким образом это произошло. Поскольку этот процесс происходил в Протописьменный период, то единственным источником информации на этот счет могут быть данные археологии, которые позволяют проследить, как небольшие сельские поселения, возникшие на юге Вавилонии около 5000 г. до н.э., постепенно к 3500 г. до н.э. превратились в первые города. Урбанизация происходила на территории, явно неподходящей для постоянного обитания: естественных осадков здесь было очень мало, и земледелие было невозможно без искусственного орошения.

Огромное значение для изучения истории периода Урук и, прежде всего, истории урбанизма в IV тыс. до н.э. имели работы Р. Адамса и Х. Ниссена, которые в 60–70-е гг. XX в. вели археологические исследования в районе древнего Урука и его окрестностей. По предложенной ими типологии в период Урук на территории Южной Месопотамии существовали четыре типа поселений, различавшиеся по занимаемой ими площади: деревни (0,1–6 га), небольшие города (6–25 га), мелкие и крупные городские центры (50 га и больше). Археологические изыскания позволили

проследить, как постепенно менялось количество поселений и их размеры: число маленьких и очень маленьких поселений уменьшалось и одновременно росло число крупных и очень крупных поселений, которые уже можно считать городами. К середине IV тыс. таких городов на территории Южной Месопотамии было, вероятно, несколько десятков [Adams, Nissen, 1972].

Исследование системы урукских поселений позволило проследить передвижение населения на территории Южной Месопотамии в течение периода Урук. По мнению Р. Адамса, население, проживавшее в середине периода Урук на севере аллювия вокруг Ниппура и Адаба в конце периода стало переселяться на юг, осваивая территорию вокруг Урука. Используя условную цифру плотности населения 125 человек на 1 населенный гектар, Р. Адамс подсчитал, что с середины и до конца периода население севера аллювия уменьшилось с 38,5 до 21,3 тыс. чел., а население юга соответственно возросло с 20 до 41 тыс. чел. [Adams, 1981].

Рассматривая процесс эволюции городского общества, Р. Адамс выдвинул гипотезу, что возникновение городов было результатом процесса, который состоял из трех основных стадий [Adams, 1966]. Первой было появление специализации в производстве пищи. Хозяйства, ранее снабжавшие себя всеми продуктами, стали специализироваться на производстве определенного вида пищи, либо рыбы, либо продуктов животноводства, либо зерна, и, соответственно, стали заниматься одним видом деятельности: рыболовством, разведением скота или земледелием. Такая специализация потребовала создания центральных институтов, которые играли роль посредника между хозяйствами в обмене и распределении продуктов.

Второй важной стадией, по Р. Адамсу, была замена родственных кланов социально-экономическими группами. И, наконец, третьей стадией была секуляризация власти, когда контроль над экономикой перешел из рук храмов в руки военной элиты.

Мнение о том, что толчком для начала процесса урбанизации в Южной Месопотамии явились экологические факторы, разделяют и другие исследователи. Как считает М. Мироп, территория Вавилонии была заселена задолго до того, как возникло ирригационное земледелие. Здесь было много природных ресурсов, которые, несомненно, использовались населением: пастбища для скота в долинах рек, огромное количество рыб и диких животных

в болотистых поймах. Когда уровень технологии возрос настолько, что стало возможным ирригационное земледелие, оно, как считает М. Мироп, не заменило собой разведение скота, рыболовство и охоту и не вытеснило их. Одни группы населения Южной Месопотамии перешли к занятиям земледелием, а другие продолжали заниматься традиционными видами деятельности и производить разные продукты питания. Необходимость поддерживать постоянный обмен продуктами между группами привела, вероятно, к появлению специальных структур, которые стали быстро развиваться. Именно эти структуры стали фундаментом будущих городов. Особенности экологических условий Южной Месопотамии после двух тысяч лет развития привели к возникновению городов, которые уже в середине IV тыс. до н.э. стали главной экономической и политической силой на этой территории, и, никогда не исчезая, сохранили свое значение до конца истории месопотамской цивилизации [Mieroop, 1995].

Возникшие города были не только центрами экономического обмена, в их рамках постепенно развивалась политическая и военная власть и идеология. В плане экономики исключительно важной была роль городов как распределительных центров. Именно города были средоточием главных административных структур государства, здесь были сосредоточены важнейшие храмовые и дворцовые учреждения. Из состава городского населения в случае необходимости набиралось ополчение.

Население города, по мнению ряда исследователей, состояло из нескольких, теоретически равных по своим правам групп горожан, каждая из которых была представлена на высшем уровне управления чиновником, назначенным из ее числа царем, или избранном самими членами группы. Каждый житель города входил в состав какой-либо из этих групп. Голос отдельного индивидуума не имел никакого значения, поскольку администрация в вопросах сбора налогов, призыва на общественные работы и воинскую службу имела дело, по-видимому, только с представителями отдельных групп [Mieroop, 1995; Stone, 1999].

Отношения власти и горожан были, вероятно, разными в различных регионах и в различные периоды истории. По мнению Т. Якобсена, основная линия развития шла от большей свободы в ранний период к усилению тоталитаризма, по мере того как политические объединения на территории Месопотамии возрастали

в размерах. Кульминацией этого процесса исследователь считал чудовищные по масштабам империи Ассирии и Вавилонии I тыс. до н.э. [Jacobsen, 1957].

Другие исследователи придерживаются противоположного мнения: по мере того как территории, находившиеся под властью месопотамских царей, возрастали, и увеличивалось население, роль горожан и проблема их взаимоотношений с царями становилась для государства все более важной [Mieroop, 1995].

Городские печати. Экспедицией Л. Вулли, работавшей в Уре в 20–30-е годы XX в., в слоях, датированных временем РД I или РД II, были найдены оттиски печатей, оставленные на комьях глины, закрывавших горлышки сосудов или скреплявших веревки, которыми связывали тюки. На печатях были вырезаны пиктографические знаки, обозначающие названия городов.

Гораздо позднее при раскопках в Джемдет-Насре и Телль-Укайре было найдено несколько табличек (не меньше шести) с уникальными оттисками печатей, очень похожими на печати из Ура, но более раннего времени [Moorey, 1976]. На каждом из этих оттисков перечислены названия 10 городов. Несколько названий удалось отождествить. Это Урук, Ур, Ларса и Забалам, находившиеся в Южной Вавилонии, и Урум, располагавшийся в Северной Вавилонии. В отличие от более поздних печатей из Ура, в которых упоминаются только южные города, на печатях времени Урук III / Джемдет-Наср упоминается по крайней мере один северный город.

Полная публикация и исследование всех найденных печатей представлены в работе Р. Мэттьюса [Matthews, 1993]. Первый подробный разбор архаических печатей из Урука и Ура, их функций и значения для изучения истории периода был опубликован Х.Т. Райтом [Wright, 1969]. По мнению Х.Т. Райта, единственным объяснением существования такого рода печатей может быть предположение о том, что перечисленные на печати города имели какие-то общие экономические интересы и поддерживали некоторую экономическую кооперацию. Печати отражают существование определенной хозяйственной системы, которая связывала между собой главные хранилища городов, так что эта цепочка простиралась от одного края аллювия до другого [Wright, 1969].

Вероятно, эта система межгородской кооперации, преимущественно экономического характера, контролировала состояние общего фонда ресурсов, что подтверждает старую гипотезу

Т. Якобсена о существовании в самый ранний исторический период союза шумерских городов [Jacobsen, 1957].

Происхождение этой системы относится, по-видимому, к периоду значительно более древнему, чем самые первые известные нам оттиски архаических печатей. П. Штайнkelлер датирует ее возникновение серединой периода Урук и предполагает, что именно эта система организовывала и координировала «урукскую экспансию» [Steinkeller, 1993: 115].

Экспансия Урука. Важным прорывом в изучении ранней истории древнего Ближнего Востока и роли в ней Шумера явились археологические открытия 70-х годов XX в. в Северной Сирии, которые заставили переосмыслить и целый ряд синхронных археологических материалов из других районов Ближнего Востока. Оказалось, что во многих местах Северной Сирии, Северной Месопотамии, Юго-Западного Ирана во второй половине IV тыс. до н.э. появились новые поселения, по своему археологическому ансамблю полностью повторявшие материалы того же времени из Шумера (культура Урук). Некоторые исследователи даже называли эти поселения шумерскими колониями. Этот «шумерообразный» ансамбль исчезает на периферии Шумера достаточно внезапно к концу IV тыс. до н.э., когда в самом Шумере уже была создана письменность, и шумерский урбанизм достиг своего расцвета. Это важнейшее открытие внесло радикальные изменения в наше понимание исторических процессов, происходивших в IV тыс. до н.э. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером.

Тщательное изучение археологических данных показало, что, начиная примерно с 3300 г. до н.э. в течение 100–200 лет тысячи людей эмигрировали из Южной Месопотамии в отдаленные регионы Ирана, Северной Сирии и Анатолии. Основанные ими на новых землях поселения (колонии, как называют их некоторые исследователи) были во всех своих аспектах буквально зеркальным отражением тех поселений в Южной Месопотамии, которые колонисты оставили у себя дома.

За какие-нибудь сто лет с 3300 г. до н.э. несколько городов на периферии Месопотамии в различных культурных зонах были заселены (колонизованы) шумерийцами. Хабуба-Кабира на Евфрате в Северной Сирии, Годин-тепе в горах Загроса на северо-западе

Ирана, Сузы в Юго-Восточном Иране содержат остатки материальной культуры, полностью идентичной позднеурукской культуре Шумера. Однако спустя сто или двести лет все эти колонии были покинуты.

Археологи объясняют этот феномен следующим образом: новопоселенцы должны были контролировать торговые пути и добывать природные ресурсы, которые отсутствовали в Месопотамии. Другими словами, экспансия шумерского центра была направлена на экономическую эксплуатацию и колонизацию периферии. Наиболее полное исследование «урукской экспансии» принадлежит Ж. Альгазе, собравшему в своей работе весь имеющийся материал на эту тему. По мнению автора, общество Урука вынуждено было расширять свою территорию из-за отсутствия натуральных ресурсов и вследствие роста экономики. Экспансия привела к созданию на периферии Месопотамии чего-то вроде «неформальной империи» или «мировой системы», которая была основана на неэквивалентном обмене и иерархически организованном международном разделении труда. Деятельность этой системы направлялась и контролировалась центром [Algaze, 1989; 1993].

Один из ведущих специалистов в области древневосточной археологии К. Ламберг-Карловски не согласен с таким объяснением [Lamberg-Karlovsky, 1996]. Он приводит следующие аргументы: 1) нет никаких археологических свидетельств того, что в «колониях» использовали местные ресурсы для широкомасштабного производства, хранения или распределения продукции, предназначенной для Южной Месопотамии; 2) нет данных о резком возрастании в этот период в Южной Месопотамии привозных материалов или предметов из них в период «урукской экспансии»; 3) нет свидетельств о каких-либо конфликтах между «колонистами» и местным населением; 4) поселения «колонистов» были экономически самодостаточными и не требовали поддержки центра.

По мнению К. Ламберг-Карловски, «территориальная экспансия и создание колоний на отдаленных от центра территориях — это характерная черта в процессе создания государственности», и такого рода феномен сопровождал переход к государственности многих архайческих обществ [Lamberg-Karlovsky, 1996: 93].

По мнению П. Штайнкеллера, причиной «урукской экспансии» не являлась нужда в ресурсах [Steinkeller, 1993]. Это было чисто коммерческое предприятие, которое П. Штайнкеллер сравнивает

с ассирийскими колониями в Северной Сирии и Анатолии II тыс. до н.э. Доказательством этого, по его мнению, является существование «городских печатей», найденных на документах Урук III / Джемдет-Наср (см. выше).

«Урукская экспансия» просуществовала 100–200 лет, закончившись довольно внезапно, не позже чем в период Урук IV. Причины ее окончания объясняют по-разному. По мнению Ж. Альгазе, главной причиной конца экспансии был рост местных политических структур на периферии, затронутой «урукской экспансией». П. Штайнкеллер предлагает другое объяснение: конец «урукской экспансии», скорее всего, был связан с массовым продвижением в Сирию и Верхнюю Месопотамию семитских народов. Один из этих народов, вероятно, предки аккадцев, мигрировал в район Диялы и Северную Вавилонию, постепенно оседая здесь и усваивая городской образ жизни. Гипотеза П. Штайнкеллера хорошо объясняет причину прекращения «урукской экспансии». Это объясняет и конец шумерского пребывания на территориях к северу от Ниппура, что как будто отражено в исчезновении с шумерских городских печатей названий северных городов, которые были на них в предшествующий период (см. выше).

Продвижение нового населения на территорию Сирии и Верхней Месопотамии, которое началось уже в период Урук IV, явилось вполне основательной причиной не только сокращения, но и полного прекращения деятельности урукских анклавов на периферии, особенно если считать, что это было коммерческое предприятие.

Хозяйственная, социальная и политическая сферы. Важнейшие нововведения периода Урук — города с мощными стенами, монументальная архитектура храмов, оросительные системы, возникновение письменности — безусловно, отражают изменения, происходившие в хозяйственной и социальной сфере и предполагают существование централизованного контроля над трудовыми и материальными ресурсами общин.

И. Ренгер, изучивший свидетельства архаических текстов и данные археологии, пришел к выводу, что они указывают на существование уже в этот период в Южной Месопотамии крупных административных хозяйств. Их масштабная деятельность отражена в многочисленных административных документах из Урука и Джемдет-Насра (древнее название неизвестно), т.е. охватывает

и юг, и север Южной Месопотамии. Несколько документов, касающихся организации полевых работ, упоминают площади полей, которыми располагали эти крупные хозяйства. В одном документе из Урука общая площадь полей составляет 952 га, в другом документе из Джемдет-Насра — 2120 га [Renger, 1995].

По мнению П. Штайнкеллера, в Южной Месопотамии в это время существовала система независимых городов-государств, возникших вокруг храмовых хозяйств, с полуколлективным способом владения и производства, со слабой, явно теократической системой власти [Steinkeller, 1993]. Важным доказательством в пользу такого понимания социально-экономической структуры Урука исследователь считает наличие «городских печатей».

Большое значение для понимания характера общественного устройства Урука имели исследования урукской керамики. С начала периода позднего Урука, помимо обычной керамики (черных и красных обожженных сосудов) появляется много сосудов своеобразной формы со скошенными краями, которые археологи называли *beveled-rim bowls*. Первым обратил внимание на них Х. Ниссен [Nissen, 1970]. Эти сосуды в огромном количестве изготавливались вручную с помощью специальной формы. В некоторых местах такого рода сосуды составляют три четверти всей найденной керамики. Форма этих стандартных сосудов, вероятно, послужила прототипом для знака **GAR**, обозначавшего меру емкости, примерно около 1 л [Edzard, 1974].

По мнению Х. Ниссена, массовое производство сосудов стандартной формы, емкость которых соответствовала объему ежедневного зернового рациона работника, свидетельствует о существовании распределительных элементов в экономике Урука [Nissen, 1988: 83–85]. Вероятно, это самый ранний пример функционирования системы, которая впоследствии существовала в Южной Месопотамии на протяжении многих веков: системы административного обеспечения части населения выдачами натуральных продуктов или распределительной системы.

Предписьменные системы передачи и хранения информации по Д. Шмандт-Бессерат. Небольшие глиняные, реже каменные, значки-фишки (*tokens*) геометрической формы, «простые токены» (*plain tokens*), появляются на Ближнем Востоке уже в слоях, датированных VIII тыс. до н.э. По мнению Д. Шмандт-Бессерат, которая много десятилетий занимается исследованиями в этой области, их

появление было связано с переходом населения этой территории к оседлому земледелию и скотоводству, тем более, что и район распространения токенов совпадает с районом domestikации растений и животных [Schmandt-Besserat, 1982]. Появление запасов сельскохозяйственной продукции, складов для их хранения, по-видимому, потребовало и создания системы учета.

Система использования токенов при хозяйственных подсчетах или передаче продуктов из одних рук в другие существовала на Ближнем Востоке с VIII по IV тыс. до н.э. без особых изменений, так как не происходило кардинальных изменений в экономике. При этом использовались, главным образом, «простые токены».

Около 3300 г. до н.э., когда в Южной Месопотамии стали появляться города, резко возросли потребности учета [Schmandt-Besserat, 1986; 1992]. Появляются более сложные варианты токенов (complex tokens). Глиняные фишки либо просверливали насквозь, вероятно, чтобы надеть на веревку, либо на их поверхность наносили разное число насечек, иногда оба способа применяли одновременно. Помимо простых геометрических форм: круга, прямоугольника, треугольника, появляются complex tokens в форме параболы, ромба.

Каждый токен выражал определенное числовое и качественное значение, а все вместе они составляли определенную систему учета. Если «простые токены» использовались для обозначения основных продуктов хозяйства — мер зерна или количества животных, то «сложные токены» использовали для обозначения предметов, изготовленных руками человека: количества хлебов, сосудов масла, рулонов тканей [Schmandt-Besserat, 1990]. Таким образом с помощью системы токенов конкретная информация переводилась в абстрактный знак и ее понимание не требовало знания языка.

И «простые», и «сложные» токены постепенно вышли из употребления с появлением письменных документов (о связи токенов со знаками протоклинописи см. ниже в разделе «Предпосылки появления письменности. Теория Д. Шмандт-Бессерат»).

Шумерская проблема. Шумерская проблема, т.е. вопрос о происхождении (прародине) шумеров и их языковой и этнической принадлежности, явилась предметом многочисленных и ожесточенных дискуссий, выявивших явный конфликт между рассуждениями филологов и выводами археологов. В 1969 г. Т. Джонс издал сборник, в который включил наиболее интересные и важные

публикации по шумерской проблеме, существовавшие к тому времени [Jones, 1969].

Сама проблема возникла из-за неопределенности того исходного момента, с которого обитателей Южной Месопотамии можно именовать шумерами. Филологи чаще всего разделяют мнение об иммиграции шумеров в Месопотамию в период Урук ([Гельб, 1982; Landsberger, 1974]; ср. ниже «Письменность и язык. Шумерский вопрос»). Их аргументы основаны на предполагаемых следах более ранних, чем шумерский, языков, которые как будто отражены в ряде топонимов, а также в лексике, которая дошла до нас в клинописных текстах.

Однако эта гипотеза была воспринята неоднозначно. Археологи указывают на ненадежность исходной предпосылки и на отсутствие свидетельств того, что эти топонимы действительно употреблялись до изобретения письма. Кроме того, имеются неопровержимые доказательства культурной преемственности между убейдским и следующим за ним урукским периодами. Очень важным обстоятельством является также и то, что в самом Телль-эль-Убейде, Укайре и Эреду последовательность культур хронологически начинается с типично убейдских поселений.

Важнейшим примером последовательности и преемственности культурного развития на юге Месопотамии является доказанная археологами на основании изучения храма из Эреду преемственность между культурой Убейда и следующей за ней культурой Урук, относительно шумерского характера которой у большинства исследователей нет сомнений. Последовательное существование и функционирование в Эреду культового здания удалось проследить на протяжении более чем 10 археологических слоев с 5000 до 3000 г. до н.э., т.е. с начала периода Убейд до конца периода Урук [Heinrich, Seidl, 1982].

Таким образом, данные археологии делают гипотезу о смене автохтонного населения иноплеменными пришельцами маловероятной. Культурная преемственность, которая явно прослеживается в материальных памятниках, заставляет некоторых исследователей считать, что «шумерами были, по крайней мере, уже создатели убейдской культуры на юге Двуречья конца V — начала IV тыс. до н.э.» [Дьяконов, 1983: 93].

В любом случае, было ли шумерским население Убейда, или шумеры появляются в Южной Месопотамии только в период

Урук, вопрос о прародине убейдского или урукского населения остается открытым. Собственные предания шумеров указывают, как будто, на восточное или юго-восточное их происхождение. Отдельные особенности шумерской культуры дают некоторые основания предполагать, что шумеры пришли в Месопотамию откуда-то извне. Главными из этих особенностей считаются мореходное искусство и обычай строить высокие многоступенчатые храмы.

Попытки ответить на вопрос о прародине шумеров тесно связаны с вопросом о происхождении и родственных связях шумерского языка. Шумерский язык периодически сопоставляли почти со всеми известными языками, но ни одно из этих сопоставлений не было принято наукой. В публикации 1996 г. И.М. Дьяконов высказал мнение, что «прашумерский язык попал в Переднюю Азию до контактов с несемитскими афразийцами и, конечно, до ухода всей афразийской семьи в Африку — по одному из двух приемлемых в настоящее время сценариев истории этой языковой общности». Что касается места происхождения шумеров, то оно продолжает оставаться загадкой. Но несомненно, что прашумеры должны были когда-то жить вне контактов с языками, окружавшими их в историческое время [Дьяконов, 1996]. В следующем, 1997 г. журнал «Mother Tongue» в своем третьем номере отвел специальный раздел для публикаций, посвященных происхождению шумерского языка. И.М. Дьяконов передал в журнал свою статью о возможных связях между шумерским и одним из древних языков Индии — языком мунда [Diakonoff, 1997]. В двух других статьях, опубликованных в этом номере, шумерский язык сравнивается с ностратическим [Bomhard, 1997] и с языками дене-кавказской группы [Bengtson, 1997]. Тем не менее все теории о родственных связях шумерского языка по-прежнему остаются на уровне гипотез.

§ 4. Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV–III тыс. до н.э.

Изучение письменных памятников Месопотамии IV–III тыс. до н.э. История клинописной системы письма, охватывающая несколько тысячелетий, началась на юге Месопотамии, в одном из древнейших центров шумерской культуры, городе Уруке, около 3200 г. до н.э. Самые ранние письменные памятники происходят

с территории храма Инанны, богини-покровительницы Урука, называемом Эана, что в переводе с шумерского языка означает «Дом неба». Эти документы записаны на глиняных или каменных табличках письмом, которое принято называть «протоклинописным». В более позднем, собственно клинописном письме знаки представляют собой различные сочетания «клинышков» — клинообразных штрихов, оставляемых на глине тростниковой палочкой, — тогда как для протоклинописного письма характерна пиктографическая, т.е. рисуночная, форма знаков. К протоклинописным документам обычно применяют термин «архаические». До сих пор окончательно не решен вопрос о том, говорили ли авторы архаических текстов на шумерском языке, на котором написано большинство текстов III тыс. до н.э., или на одном из более древних языков, существовавших в Месопотамии еще до появления здесь шумеров.

История изучения ранних памятников письменности развивалась, однако, в обратном порядке: от собственно клинописных шумерских текстов к архаическим (подробно см. таблицу на с. 334—336). В 80-х гг. XIX в. французские археологи раскопали древний город Гирсу, расположенный к северо-востоку от Урука. В последующие два десятилетия там было найдено около 60 тыс. текстов в ходе регулярных раскопок, а также около 20 тыс. — нелегальными «археологами», хозяйничавшими на городище между сезонами. В основном это были хозяйственные документы и исторические (закладные и посвятельные) надписи на шумерском языке второй половины III тыс. до н.э. В 90-е гг. XIX в. появились первые издания новошумерских документов из Гирсу, а в начале XX в. — старошумерских. Эти открытия и публикации положили начало исследованию шумерской письменности и делопроизводства. В 1905—1907 гг. вышла книга Ф. Тюро-Данжена — издание шумерских и аккадских царских надписей III тыс. до н.э., — имевшая колоссальное значение для изучения шумерского языка.

Первые годы XX столетия ознаменовали находки немецких археологов на городище Фара к северо-западу от Урука. За два сезона здесь были найдены сотни текстов, значение которых для изучения истории клинописи трудно переоценить. Помимо хозяйственных документов, существенную часть (около 25 %) среди них составляли так называемые «лексические списки» (тематические перечни знаков, обозначающих профессии и должности,

сосуды, металлические и деревянные предметы, млекопитающих, рыб, птиц, географические названия, богов и т.д.) и литературные тексты, которые их первый издатель А. Даймель опубликовал под общим названием «Школьные тексты из Фары». Публикации А. Даймеля в начале 20-х гг. XX в. включали более 200 хозяйственных и «школьных» текстов из Фары, а также список «архаических» знаков (LAK) к этим текстам, который наряду с составленным Ф. Туро-Данженом еще в 1898 г. списком клинописных знаков III тыс. до н.э. (REC) до сих пор не утратил своей научной ценности. По археологическим данным тексты из Фары датируются Раннединастическим (РД) периодом IIIa (ок. 2600 г.); с точки зрения же истории письменности, их вместе с текстами, найденными более чем полвека спустя на городище Абу-Салабих, выделяют в отдельный период, называемый периодом Фары по месту первых находок. А. Даймель в 1922 г. высказал предположение, что тексты периода Фары по палеографии (форме знаков) на 100–200 лет старше царских надписей Ур-Нанше, первого правителя I династии Лагаша, т.е. самых ранних текстов старошумерского (РД IIIb) периода [Deimel, 1922: 4–5]; такого мнения в целом придерживается и современная наука [Krebern timer, 1998: 259].

Архаические тексты конца IV тыс. впервые попали на глаза ученым почти одновременно с текстами из Фары. В начале XX в. несколько десятков текстов, позже датированных слоем Урук III, было найдено местными жителями на городище Джемдет-Наср в Северной Вавилонии и затем разными путями оказалось в Европе. В середине 20-х гг. С. Лэнгдон раскопал в Джемдет-Насре около 200 текстов того же периода и опубликовал их в 1928 г. Шумерская, как безоговорочно полагал сам автор публикации, письменность стала таким образом древнее на полтысячелетия [Langdon, 1928].

Подавляющее большинство архаических табличек происходит из Урука. С 1928 г. в Уруке регулярно (с перерывами на мировую войну и локальные военные конфликты) работает немецкая археологическая экспедиция. Первые массовые находки протоклинописных текстов были сделаны здесь в 1929–1931 гг. на территории храмового комплекса Эана, в слоях Урук IV–III. Следует отметить, что при датировке текстов палеографические критерии с самого начала преобладали над стратиграфическими, поскольку попытки связать найденные таблички с определенными археологическими

Дата	Период ¹	Основные архивы	Кол-во	Жанр ²	Раскопки ³
3200–3000	Архаический (слои Урук IV–III = конец периода Поздний Урук и период Джемдет-Наср)	Урук	5000	Адм., лекс.	С 1928 г. — Германия
		Джемдет-Наср	245	Адм.	Нелегальные раскопки в начале XX в.; середина 1920-х гг. — С. Лэнгдон
		Неизвестного происхождения	85	Адм.	Нелегальные раскопки
		Т. Укайр, Ларса(?), Т. Асмар и другие	80	Адм.	Нелегальные раскопки; Т. Укайр: 1940–1941 гг. — С. Ллойд и Ф. Сафар
3000–2750	Архаический (РД I)	Ур	410	Адм.	1920-е гг. — Британский музей и Пенсильванский университет: сэр Л. Вулли ⁵
2600–2500	Фара (РД IIIa)	Фара	2000	Адм., лекс., лит.	1900–1903 гг. — Германия; 1931 г. — Пенсильванский университет
		Абу-Салабах	500	Адм., лекс., лит.	1963–1965 гг. — университет Чикаго
2500–2350	Старошумерский (РД IIIb)	Гирсу	1800	Адм., надп.	С 1880-х до середины 1930-х гг. — Франция: Э. де Сарзек и другие; нелегальные раскопки ⁶
		Адаб, Ниппур, Умма и другие	650	Адм., надп.	Нелегальные раскопки; Ниппур: 1889–1890 гг. — Пенсильванский университет; с 1948 г. — Пенсильванский университет и университет Чикаго ⁸
		Эбла ⁹	около 20000	Адм., лекс., лит.	1974–1978 гг. — итальянская археологическая миссия в Сирии
2350–2150	Староаккадский (саргонский)	Гирсу, Ниппур, Умма и другие	более 5000	Адм., надп.	Нелегальные раскопки; см. также примеч. 6 и 8.
2150–2000	Новошумерский	Гирсу	около 80 000 (более 40 000 опубл.)	Адм., надп.	См. примеч. 6.
		Ниппур			См. примеч. 8.
		Пузриш-Даган			Только нелегальные раскопки (с 1909 г.)
		Умма			Только нелегальные раскопки (с 1911 г.)
		Ур			См. примеч. 5.

Коллекции	Публикации
Переднеазиатский музей, Берлин	[Falkenstein, 1936; Green, Nissen, 1987; Englund, Nissen, 1993; Englund, 1994]
Музей Ашмолеан, Оксфорд	[Langdon, 1928; переиздание: Englund, Grégoire, 1991]
Коллекция Эрленмайеров ⁴	[Nissen et al., 1990]; готовится переиздание П. Дамеровом и Р. Энглундом
Разные коллекции	[Englund, 1996]
Британский музей, Лондон; музей Пенсильванского университета	[Burrows, 1935]
Переднеазиатский музей, Берлин; коллекция Хильпрехта, Йена; Стамбульский музей; музей Пенсильванского университета	[Deimel, 1923; 1924; Jestin 1937; 1957] (см. также обзор: [Krebern timer, 1998: 337–377])
Музей университета Чикаго	[Biggs, 1974; Biggs, Postgate, 1978]
Лувр, Париж; Британский музей, Лондон; Переднеазиатский музей, Берлин; Эрмитаж, Санкт-Петербург; разные коллекции	Адм.: [Thureau-Dangin, 1903; Никольский 1908 (переизд.: Selz 1989); Allotte de la Fuy e 1908–1920; Genouillac 1909; Hussey 1912 (переизд.: Selz 1993); Förtsch 1916 (переизд.: Bauer 1972a)]; серия статей А. Даймеля в журнале «Orientalia» 1922–1931 гг.; [Marzahn, 1991; 1991a]; надп.: первая — [Thureau-Dangin, 1905/7]; ⁷ последняя — [Frayne, 2001] (ср. обзор: [Bauer, 1998: 567–569])
Музей Алеппо и другие музеи Сирийской Арабской Республики	Серии ARET и MEE ¹⁰
Разные коллекции	Адм.: см.: [Foster, 1982a, 1993]; ¹¹ надп.: [Frayne, 1993]
Британский музей, Лондон; Стамбульский музей; Лувр, Париж; Переднеазиатский музей, Берлин; Иракский музей, Багдад; музей Йельского университета; музей университета Чикаго; музей Пенсильванского университета; Эрмитаж, Санкт-Петербург; ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва; разные коллекции	Адм.: см.: [Sigrist, Gomi, 1991; Sallaberger, 1999: 351–370]; надп.: [Edzard, 1997; Frayne, 1997]

¹ В данном обзоре по истории письменности за основу взяты названия периодов, принятые при классификации письменных памятников: архаический период, период Фары, старошумерский, староаккадский и новошумерский периоды; в скобках даны названия периодов, принятые в исторической науке (ср. таблицу в разделе «Хронология и периодизация ранней истории Месопотамии»).

² Жанры: адм. — административные документы, лекс. — лексические списки, лит. — литературные тексты, надп. — закладные и посвятельные «царские» надписи.

³ Цель настоящего обзора — дать читателю представление о том, когда и кем была найдена и введена в научный оборот основная масса текстов из соответствующего архива. В таблице перечислены лишь важнейшие раскопки, крупнейшие коллекции и основные публикации текстов (более подробно см.: [Bauer et al., 1998; Sallaberger, Westenholz, 1999]). Следует иметь в виду, что, начиная со второй половины XIX в., все городища на территории современного Ирака постоянно «раскапывались» местными жителями, часто в периоды между сезонами регулярных археологических раскопок; таблички попадали в руки торговцев древностями и через них на полки антикварных магазинов Европы. Нелегальные раскопки на протяжении многих десятилетий были одним из главных источников пополнения музейных и частных коллекций Европы и Америки (особенно это касается текстов второй половины III тыс. до н.э.).

⁴ Ныне в государственной собственности города Берлина.

⁵ В ходе англо-американских раскопок в Уре были найдены и тексты последующих периодов, например, несколько тысяч новошумерских документов эпохи III династии Ура.

⁶ В ходе раскопок французской экспедиции, а также нелегальных раскопок в Гирсу были найдены и десятки тысяч текстов староаккадского и новошумерского периодов.

⁷ Эта публикация включает в себя также надписи двух последующих периодов; ниже больше не упоминается.

⁸ В ходе американских раскопок в Ниппуре было найдено также большое количество староаккадских и новошумерских текстов.

⁹ В данной работе не учтены тексты раннединастического периода, найденные в последние десять лет немецкой археологической экспедицией в Северной Сирии при раскопках городища Тель-Бейдар. Заслуживают упоминания также около сорока текстов из Мари, современные эблаитским архивам (см.: [Charpin, 1987; 1990b]).

¹⁰ Многотомная серия «Archivi Reali di Ebla, Testi» (ARET) выходит в Риме с 1985 г.; серия «Materiali epigrafici di Ebla» (MEE) выходит в Неаполе с 1979 г.

¹¹ В рамках настоящего обзора не представляется возможным перечислить тысячи публикаций староаккадских и новошумерских документов, поэтому мы даем лишь ссылки на описание архивов саргоновского периода, сделанное Б. Фостером [Foster 1982a; 1993], и каталог опубликованных текстов эпохи III династии Ура, составленный М. Сигристом и Т. Гоми с дополнениями В. Саллабергера и Р. де Маайера [Sigrist, Gomi, 1991; Sallaberger, 1999: 351–370].

слоями чаще всего оказывались неудачными. Помимо погрешностей археологов, тому существовали и объективные причины: слои IV и III в Уруке перемешались из-за каких-то событий, происшедших на рубеже этих эпох, поэтому восстановление археологического контекста тут было связано с большими трудностями; таблички были выброшены как отработанный материал еще в древности, и нередко мы можем судить лишь о том, не позже какого момента они были написаны (этот момент принято называть *terminus ante quem*). Однако по внешнему виду знаков и форме документов протоклинописные урукские тексты четко делятся на более ранние (слой IV) и более поздние (слой III); самые древние по палеографии таблички были найдены в руинах так называемого «красного здания» (в пределах Эаны), которые принято датировать слоем IVa (ок. 3200 г. до н.э.). Необходимо упомянуть, однако, точку зрения Д. Зюренхагена, который датирует «красное здание», а следовательно, и найденные в нем таблички, слоями IVc–b, — его теория делает протоклинопись старше на несколько веков [Englund, 1998: 34–38].

А. Фалькенштейн, с первого же сезона принимавший участие в урукских раскопках, опубликовал в 1936 г. 600 архаических текстов и представил первое исследование протоклинописи: обзор жанров архаических текстов (хозяйственных документов и лексических списков), описание техники изготовления и форматов архаических табличек, палеографический очерк. А. Фалькенштейн отождествил 50 числовых и 890 идеографических знаков и сопоставил многие из них с более поздними клинописными знаками [Falkenstein, 1936].

С начала 80-х гг. в Берлине под руководством Х. Ниссена осуществляется издание всех 5 тыс. архаических текстов из Урука. Берлинская группа ученых — Х. Ниссен, Р. Энглунд (ныне в Лос-Анжелесе), П. Дамеров и другие — комплексно изучает протоклинописные памятники и зафиксированные в них административные механизмы. В 1987 г. Х. Ниссен и М. Грин был издан список архаических знаков (ZATU): при его составлении был использован материал большого количества протоклинописных лексических списков — на основе сопоставления их с более поздними (периода Фары) экземплярами тех же списков стало возможным формальное отождествление архаических знаков с клинописными. На сегодняшний день ZATU является единственным изданным

списком архаических знаков, которым принято пользоваться при чтении протоклинописных текстов, однако он неоднократно подвергался критике, прежде всего, за необоснованное объединение под одним номером графически сходных знаков без учета контекста — в результате список содержит 60 числовых и всего 770 (вместо, как считает, например, Р. Энглунд, 1900!) идеографических знаков. Другим недостатком ZATU считается тот факт, что почти всем знакам были приписаны шумерские чтения, исходя опять же из сравнения с более поздними клинописными знаками, тогда как мы не располагаем достаточными данными о языке архаических текстов [Englund, 1998: 66–68].

В настоящий момент издание протоклинописных памятников из Урука, в основном, завершено; готовится полный каталог текстов. На базе берлинского проекта под руководством Р. Энглунда и П. Дамерова развивается проект электронной обработки не только архаических, но и вообще всех письменных памятников Месопотамии IV–III тыс. до н.э., который позволит вывести исследование клинописной системы письма на качественно новый уровень.

Помимо текстов из Урука и Джемдет-Насра, от архаического периода дошло еще около 80 документов с городища Телль-Укайр (к северо-западу от Джемдет-Насра), из Ларсы (к югу от Урука) и других древних административных центров, а также 85 документов неизвестного происхождения из бывшей частной коллекции Эрленмайеров. Почти все эти документы поступили в музеи и частные собрания из нелегальных раскопок, и их принадлежность к соответствующим архивам была установлена на основе встречающихся в них одинаковых комбинаций знаков, обозначающих топонимы, имена или должности чиновников. Началом Раннединастического периода (РД I) датируются 410 текстов, найденных в Уре и опубликованных Э. Барроузом в 1935 г., которые по палеографическим и языковым признакам принято относить к архаическому периоду.

Таковы источники, на основе которых в последние десятилетия появилась возможность изучать экономические и интеллектуальные процессы, связанные с возникновением и развитием письменности. Появление письменности — информационная революция, сыгравшая огромную роль в истории человечества. Кто и зачем изобрел письменность? Каковы были предпосылки

этого события? Как письменность, в свою очередь, повлияла на ход культурно-исторического развития? Эти вопросы находятся в центре внимания ученых с тех пор, как стали доступны для изучения основные архивы IV—III тыс. до н.э.

Предпосылки появления письменности. Теория Д. Шмандт-Бессерат. Большое распространение в современной науке получила точка зрения Д. Шмандт-Бессерат, согласно которой изобретение письменности в Месопотамии можно рассматривать как усовершенствование уже существовавших бюрократических механизмов [Schmandt-Besserat, 1977; 1981; 1992]. Первые протоклинописные памятники представляют собой, прежде всего, административные записи (85 %). Они демонстрируют развитую и последовательную систему знаков и ведения документации, которая вряд ли могла возникнуть столь внезапно. Некоторые исследователи полагают, что должны были существовать пиктографические предшественники протоклинописи, не дошедшие до нас по тем или иным причинам [Lieberman, 1980]. Д. Шмандт-Бессерат исследовала артефакты, найденные в большом количестве по всей территории древнего Ближнего Востока в предписменных археологических слоях, и пришла к выводу, что эти артефакты: токены и печати (см. выше «Предписменные системы передачи и хранения информации по Д. Шмандт-Бессерат»), глиняные конверты и так называемые «числовые» и «число-идеографические» таблички — использовались для хранения и передачи информации в дописьменные эпохи, т.е. являлись инструментами дописьменного делопроизводства, из которых в конце IV тыс. до н.э. и произошла протоклинопись.

Работы Д. Шмандт-Бессерат вызвали горячие споры по поводу содержащихся в них общих выводов и резкую критику в адрес использованной в них методологии. Однако даже авторы в целом негативных рецензий на эти работы неоднократно отмечали, что теория Д. Шмандт-Бессерат, подтверждающая возникновение протоклинописи в сфере экономики и делопроизводства, должна быть признана правильной, несмотря на большое количество некорректных обобщений и ошибок в деталях [Damerow, 1993; 1995; Englund, 1998: 46–55].

Д. Шмандт-Бессерат рассматривает токены как «визуальные символы», передающие важные элементы экономической информации. Критики ее теории указывают, однако, на невозможность

связать любые токены с делопроизводством; археологический контекст далеко не всегда позволяет установить их подлинные функции: токены находят, например, в детских захоронениях, где они вряд ли служили административному учету.

Особую роль в изучении дописменных бюрократических механизмов и в теории Д. Шмандт-Бессерат играют глиняные конверты с токенами внутри и оттисками печатей снаружи. Именно такие конверты определенно доказывают функционирование токенов в административном контексте. Дальнейшее развитие Д. Шмандт-Бессерат представляет себе следующим образом: на поверхности конвертов иногда видны вдавленные знаки, по форме и числу точно соответствующие токенам внутри; похожие знаки (возможно, числовые или, по предположению Д. Шмандт-Бессерат, идеографические обозначения) на следующем этапе стали оттискивать просто на плоских кусках глины, получивших в науке название «числовых» табличек. Как и конверты, «числовые» таблички опечатывались. Последним шагом к изобретению письменности было появление так называемых «число-идеографических» табличек, содержавших, помимо «числовых» обозначений, изображения животных, сосудов, связок фруктов или кусков полотна.

Д. Шмандт-Бессерат показала, что все перечисленные инструменты дописменного делопроизводства были широко распространены не только в собственно Месопотамии, но также на территории современного Ирана (Сузы, Чога-Миш) и Сирии (Хабуба-Кабира, Джебель-Аруда). В Уруке, к сожалению, невозможно четко разделить дописменные и ранние письменные слои; зато в Сузах ясно видна хронологическая последовательность: конверты с токенами — «числовые» таблички — «число-идеографические» таблички — документы, написанные протоэламским письмом.

Наиболее спорными считаются выводы Д. Шмандт-Бессерат о происхождении знаков протоклинописи из трехмерных символов — токенов. Эти выводы, часто цитируемые в научно-популярной литературе, основаны лишь на визуальном сходстве символов без учета контекста, тогда как для сравнения с письменными знаками имеет смысл привлекать только токены, найденные в административном контексте, т.е. в глиняных конвертах, что сильно ограничивает возможности поиска аналогий. Большинство токенов в конвертах происходит из Сузианы; и большая часть параллелей

установлена на данный момент между токенами и знаками протоэламской письменности. Вообще, конверты с токенами плохо изучены; большая часть их попросту не вскрыта и нуждается в исследовании методами компьютерной томографии, которые, однако, не всегда дают желаемый результат, например, не удастся разглядеть орнамент на токенах внутри. Типологически токены, вероятно, являются предшественниками числовых обозначений, но в Уруке нет ни одного прямого соответствия токенов протоклинописным числовым знакам.

Выводы Д. Шмандт-Бессерат противоречат эволюционному взгляду на происхождение и развитие письменности от пиктографии к абстракции [Гельб, 1982]. Однако на данном этапе изучения этого вопроса следует признать, что поиск абстрактных знаков, восходящих к токенам, в архаическом репертуаре дал минимальные результаты, и в целом у нас нет оснований ставить под сомнение эволюционную теорию И. Гельба.

Экономический и «философский» аспекты появления письменности. Общепринятым на сегодняшний день является мнение, что письменность в Месопотамии возникла в государственном секторе экономики как реакция на усложнение экономических процессов и общественных отношений, как ответ на потребность хранить и обрабатывать более дифференцированную информацию [Nissen et al., 1990]. Одной из предпосылок возникновения письменности было сложение начальных форм государственности в Месопотамии IV тыс. до н.э., закрепивших разделение труда и централизованное распределение излишков производства. Потребность расширить пространственно-временные границы экономики, т.е. не просто запомнить информацию, но и спланировать дальнейшее развитие с целью сохранить стабильность в обществе и уменьшить экономический и социальный риск — эта потребность делала необходимым усовершенствование механизмов делопроизводства, и именно она породила письменность [Selz, 1999; 1999/2000].

Экономические резоны, однако, несколько не умаляют того факта, что изобретение письменности является одним из важнейших интеллектуальных достижений человечества, которое предполагало колоссальную мыслительную работу и поистине философское осмысление действительности и, в свою очередь, привело к серьезным мировоззренческим изменениям. Работы последних десятилетий по анализу различных систем протоклинописных

числовых обозначений [Friberg, 1978–1979; Damerow, Englund, 1987; Englund, 1988] показали необычайно высокий уровень математической и абстрактной мысли в Месопотамии в момент возникновения письменности (см. ниже «Числовые знаки протоклинописи»).

В недавних научных работах, посвященных проблеме происхождения письменности, подчеркивается значение ранних лексических текстов в истории клинописи [Glassner, 2000; Selz, 2000]. Их часто интерпретируют просто как учебные тексты — упражнения, необходимые для подготовки писцов-чиновников, — тогда как они, скорее, представляли собой «научные» трактаты по категоризации окружающего пространства. Ж.-Ж. Гласнер не отрицает связи письменности с экономикой, однако высказывает мнение, что возникла она не только и не столько из административных нужд и, возможно, вообще за рамками крупных государственных хозяйств. Ж.-Ж. Гласнера интересуют интеллектуальные предпосылки появления письменности, «философское» измерение. Он вводит понятие сознательной «воли к письменности» («Wille zur Schrift»).

По мнению Г. Зельца, экономические потребности сыграли ведущую роль в возникновении письменности, однако их нельзя противопоставлять интеллектуальным потребностям осмысления мира, поскольку сама экономическая, административная система была составной частью представлений о миропорядке. В своих работах Г. Зельц большое внимание уделяет тем процессам, которые развивались именно благодаря изобретению письменности, таким как возможность классифицировать явления окружающей действительности, эмпирическое мышление, «объективация» ментальных и словесных образов.

Письменность, в отличие от визуальной символики, влечет за собой большую точность, однозначность высказывания, иерархизацию понятий и явлений, большую степень абстрагирования и, таким образом, подрывает основы ассоциативного мышления («additives Denken»), для которого важнее всего *полнота* высказывания, т.е. максимальное количество интерпретационных возможностей. С развитием письменности возрастает ее «лингвистическое» качество, зато снижается «ассоциативное». Г. Зельц высказывает интересную точку зрения, что «значительная часть месопотамской науки — будь то лексические списки в собственном

смысле или же разные ученые манипуляции со словом и письмом — отражает стремление сохранить дописьменные функции знаков» и вернуться к ассоциативному способу постижения мира ([Selz, 2000: 179], см. также: [Selz, 1999; 2002]).

Собственно месопотамские представления о появлении письменности. В ассириологической литературе изобретателя протоклинописи условно называют *Literatus Sumericus Urukeus* — термин, впервые введенный М. Пауэллом [Powell, 1981]. Согласно древней месопотамской традиции, этим изобретателем был Энмеркар, правитель Урука; в шумерском литературном тексте «Энмеркар и владыка Аратты» сказано, что при нем в Уруке появилось первое письменное сообщение [Cohen, 1973]. Из того же текста мы знаем, что сам Энмеркар был неурукского происхождения — он родился в горах, в стране Аратта, т.е., вероятно, где-то в Восточном Иране. Будучи уже царем Урука, он отправил гонца к правителю далекой Аратты с сообщением о своем превосходстве; это сообщение было записано на глине, чтобы облегчить задачу гонца. Если сформулировать то же самое современным языком, то получится, что письменность была изобретена с целью преодоления пространственных и временных границ, а также освобождения информации от информанта; при этом речь шла об улучшении связей месопотамского города Урука с иранской территорией, а сам автор первого письменного сообщения был, по всей видимости, иранского происхождения, но правил в Уруке [Glassner, 2000: 22ff.; Selz, 2000; 2001].

Исследователи отмечают, что древняя традиция самым любознательным образом согласуется с новыми научными данными о параллельном развитии инструментов дописьменного делопроизводства в иранском и месопотамском культурных пространствах. В последние годы все чаще высказывается предположение, что в Эламе письменность возникла раньше, чем в Уруке [Boehmer, 1999; Glassner, 2000]; все больше фактов свидетельствуют против теории о влиянии месопотамской письменности на протоэламскую [ср.: Вайман, 1972a]. Анализируя результаты «ирано-шумерской» дискуссии, Г. Зельц, однако, высказывает мнение, что, хотя предшественники письменности («Vorläufer der Schrift»): цилиндрические печати и глиняные конверты с токенами — впервые появились и развивались, очевидно, на иранской территории, тем не менее собственно письменность была, по всей вероятности, все же изобретена в Месопотамии [Selz, 2001]. Вопрос о соотношении

и возможном взаимодействии протоклинописи и протоэламской письменности в настоящее время остается открытым.

Протоклинопись как система знаков. Классическую клинопись принято называть словесно-слоговой системой письма. В ней выделяют три принципиально разные по функции категории знаков: 1) логограммы, обозначающие слова, 2) силлабограммы, обозначающие слоги и являющиеся фонетическими индикаторами, и 3) детерминативы, являющиеся семантическими индикаторами, т.е. показывающие, к какой группе явлений (боги, топонимы, деревянные предметы) относится данное слово. Наличие в протоклинописи знаков 2-й и 3-й категорий спорно; протоклинописные знаки называют обычно логограммами или идеограммами. Термин «логографическая письменность» применительно к протоклинописи употребляется, например, в работах А. Фалькенштейна [Falkenstein, 1936], И. Гельба [Гельб, 1982] и И. Фридриха [Фридрих, 1979]; «идеографической» эту систему письма называют А.А. Вайман [Вайман, 1976], И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1976; 1983] и М. Пауэлл [Powell, 1981]. Последний, опираясь на теорию Д. Шмандт-Бессерат, подчеркивал мнемонический характер протоклинописи, повлиявший и на более позднюю клинописную систему, «словесные» знаки которой часто обозначают не одно слово, а несколько разных, связанных ассоциативно (например, «плуг» — «пахать» — «земледелец»).

По графической форме протоклинописные знаки традиционно делят на следующие типы [ср.: Edzard, 1976–1980]: 1) изображение предмета целиком в буквальном смысле («птица», «рыба», «рука», «кувшин», «плуг») и в переносном (встающее из-за гор солнце — «день», поднесенный ко рту горшок с хлебной похлебкой — «пропитание»); 2) изображение части предмета по принципу «pars pro toto» (голова коровы — «корова», голова быка — «бык», голова осла — «осел», вульва — «женщина»); 3) абстрактные знаки, являющиеся, возможно (по теории Д. Шмандт-Бессерат), изображениями на плоскости трехмерных символов; 4) знаки, не поддающиеся интерпретации. В особую группу следует выделить числовые знаки протоклинописи (см. ниже «Числовые знаки протоклинописи»).

Протоклинопись располагала весьма скромным репертуаром логограмм (или идеограмм), однако была невероятно продуктивна. Новые знаки могли создаваться за счет переворачивания (иногда

на 180°) или штриховки уже существующего знака, а также путем комбинирования двух и более разных знаков (часто один знак вписывался в свободное поле другого, уточняя таким образом его значение: например, сосуд + его содержимое). В протоклинописи засвидетельствовано около 900 простых, производных, знаков. Такая база позволяет, по мнению Р. Энглунда, считать протоклинопись логографической, а не идеографической системой письма [Englund, 1998: 68].

Выше уже упоминалась эволюционная теория И. Гельба, согласно которой клинопись развивалась от пиктографии к абстракции, от рисуночной формы знаков к более схематичной. В целом такой же точки зрения придерживается и берлинская группа ученых (Х. Ниссен, Р. Энглунд, П. Дамеров): большинство знаков изначально представляло собой изображения предметов или их частей, обозначавшие как сами эти предметы, так и действия, связанные с ними. Уже на самой ранней стадии развития, при переходе от слоя Урук IV к слою Урук III, наблюдаются следующие изменения внешнего вида знаков: выпрямление линий, абстрагирование рисунков, упрощение отдельных элементов и стандартизация ориентации знака на плоскости [Englund, 1998: 69–72].

Ж.-Ж. Гласснер высказывается, с одной стороны, против теории Д. Шмандт-Бессерат по поводу происхождения протоклинописных знаков из токенов, а с другой — и против прямолинейного объяснения их как рисунков, схематичных или усеченных изображений конкретных предметов. Он описывает сложный процесс создания репертуара знаков, у истоков которого стояла «аналитическая концептуализация действительности»; выделяет так называемые «рамочные» знаки как особый класс семантических индикаторов; указывает, что расширение репертуара знаков путем изменения ориентации и различных комбинаций происходило отнюдь не механически, но было основано на комплексе ассоциаций. Помимо широко применявшейся редупликации знаков для выражения, по-видимому, разных типов множественности, по мнению Ж.-Ж. Гласснера, существовали следующие виды ассоциативных комбинаций: дескриптив (баран + наполненный семенем тестикул — «баран-самец»), аддитив (женщина + гора — «рабыня»)*,

* Интерпретация этой идеограммы спорна: более вероятно значение «рабыни (и) рабы», изображены соответственно женские и мужские гениталии [Englund, 1998: 176].

синтаксическая связь (солнце + идти — «выходить»). Ж.-Ж. Гласнер, как и многие другие исследователи, полагает, что ассоциации могли быть также фонетического характера [Glassner, 2000].

Направление письма. Вопрос о том, в каком направлении писали и читали клинописные тексты, естественно, интересовал ученых с момента возникновения ассириологии. На основе текстов, прежде всего, I тыс. до н.э., в том числе надписей на монументальных памятниках (например, на рельефах из дворцов ассирийских царей), в науке сложилась традиция читать клинопись слева направо и сверху вниз. Любой ассириолог, беря в руки клинописную табличку, начинает чтение с верхней строки слева направо, а затем, дочитав до конца последней строки, т.е. до нижнего правого угла, лицевой стороны, переворачивает табличку по горизонтальной оси (как страничку перекидного блокнота) и продолжает чтение оборотной стороны с верхнего левого угла. Если же табличка поделена не только на горизонтальные строки, но и на вертикальные колонки, то на лицевой стороне следует сначала читать по строчкам (графам) сверху вниз крайнюю левую колонку, затем таким же образом все остальные колонки слева направо, а на обороте — начиная с верхней строки крайней правой колонки, все колонки справа налево (каждая строчка при этом все равно читается слева направо). Таковы ассириологические правила.

Однако еще в XIX в. было замечено, что на ранних монументальных памятниках (например, на знаменитой стеле со сводом законов царя Хаммурапи начала II тыс. до н.э.), где имеются изображения людей и предметов, надписи располагаются таким образом, что для прочтения их по ассириологическим правилам следует повернуть сам памятник на 90° против часовой стрелки (например, положить стелу Хаммурапи на левый бок). Кроме того, при первом же знакомстве с текстами III тыс. до н.э. (а позднее — с памятниками архаической письменности) стало очевидным, что многие клинописные знаки восходят к рисункам конкретных предметов, но для того, чтобы воспринимать их как рисунки, необходимо мысленно развернуть надпись на 90° по часовой стрелке: при таком повороте горизонтальные строки превращаются в вертикальные колонки, которые следует читать сверху вниз и справа налево.

В 1898 г. Ф. Делич выдвинул теорию, согласно которой, во-первых, клинописное письмо, на определенном этапе своего

развития окончательно утратив связь с пиктографией, изменило направление, а во-вторых, направление письма (и чтения) до середины II тыс. до н.э. зависело от материала, на котором была сделана надпись: на глиняных табличках писали «горизонтально» (т.е. так, как принято читать в ассириологии), на каменных же монументальных памятниках, дольше сохранявших более архаичную форму знаков, — «вертикально» (т.е. так, что каждый знак мог адекватно восприниматься как рисунок); лишь позднее направление, в котором писали и читали клинописные тексты, было унифицировано в сторону «горизонтального» [Delitzsch, 1898].

Теория Ф. Делича оказалась удивительно популярной. Однако в последние десятилетия все чаще подвергается сомнению второй ее аспект (зависимость направления письма от материала). Так, например, Д.О. Эдзард отмечал, что подобному явлению не существует параллелей ни в одной другой письменности [Edzard, 1976–1980]. С. Пикьони, изучив разнообразные предметы, чья ориентация в пространстве не вызывает сомнений, т.е. не только стелы, но и, например, сосуды с надписями, пришел к выводу, что «вертикальное» направление письма было нормой для всех видов письменных памятников (независимо от материала) с момента возникновения клинописи на протяжении всего III и первой половины II тыс. до н.э. О «горизонтальном» направлении письма можно говорить лишь начиная с касситской эпохи [Picchioni, 1984]. Однако в большинстве ассириологических работ, в том числе и в данном обзоре, при описании клинописных текстов принято по традиции исходить из «горизонтального» расположения надписи.

Числовые знаки протоклинописи. Подавляющее большинство письменных памятников IV–III тыс. до н.э. из Месопотамии являются хозяйственными документами, в которых зафиксировано, сколько и какие предметы (продукты, товары, животные, люди) имеются в наличии или были переданы от одного лица другому, выданы или получены. Числовые обозначения составляют неотъемлемую часть таких документов. От прочих знаков — обозначений предметов, титулов, административных терминов и т.д. — их легко отличить как по внешнему виду, так и по расположению на табличке.

Вплоть до последних веков III тыс. до н.э. числовые знаки отбивали на глине тупым концом стилоса либо перпендикулярно

поверхности — тогда получался маленький (●) или большой (●) круг (в зависимости от диаметра стилоса), либо под углом — тогда отпечатывался маленький (◐) или большой (◑) полукруг. Прочие же знаки сначала процарапывали на табличке заостренным концом стилоса, а впоследствии стали писать специальным трехгранным стилосом. На табличке числовые обозначения помещались всегда в начале строки или графы, тогда как другие знаки располагались в оставшемся пространстве графы, в ранние периоды почти всегда в произвольном порядке.

Начиная с архаического периода и до конца существования месопотамской цивилизации в текстах засвидетельствована шестидесятиричная система исчисления: ◐ = 1, ● = 10, ◑ = 60. ● = 3600; «600» обозначалось посредством вписывания знака «10» в знак «60». При обозначении любого числа знаки писались по убывающей: например, число 7456 можно было записать двумя ● (7200), четырьмя ◑ (240), одним ● (10) и шестью ◐ (6) именно в таком порядке. Характерной чертой административных документов были суммы: например, «был 51 (● ● ● ● ● ◐) телянок, родилось еще 12 (● ◐), итого 63 (◑ ◐ ◐ ◐) телянка» или «было 120 (◑ ◐) сосудов с пивом, выдали 34 (● ● ● ◐ ◐ ◐ ◐), итого осталось 86 (◑ ● ● ◐ ◐ ◐ ◐ ◐ ◐) сосудов». Именно суммы дают основания судить о величинах, соответствующих отдельным знакам.

Однако шестидесятиричная система была далеко не единственной, которой пользовались жители Месопотамии. С. Лэнгдон полагал, что в архаическую эпоху, наряду с шестидесятиричной системой, в которой исчисляли разрозненные объекты, существовала, во-первых, система измерения площадей, тоже сохранившаяся практически без изменений в последующие периоды, а во-вторых, «десятиричная» система, в которой мерили зерно [Langdon, 1928]. Для «десятиричной» системы была характерна последовательность числовых знаков ● > ● > ◐, которую С. Лэнгдон, а потом и А. Фалькенштейн интерпретировали следующим образом: в одном ● содержится 10◐, а в одном ● — 10● [Langdon, 1928; Falkenstein, 1937]. Однако в конце 1970-х гг. шведский историк математики Й. Фриберг заново исследовал архаические документы по подсчетам количества зерна и сделал вывод об ошибочности такой интерпретации. Он предложил понимать ● в системе измерения количества зерна как знак, содержащий 6◐, и его толкование подтвердилось при проверке всего корпуса

протоклинописных текстов [Friberg, 1978–1979; Englund, 1998: 114–117].

Для исчисления разрозненных объектов в архаический период существовало, по-видимому, две различные системы числовых обозначений — шестидесятиричная и двушестидесятиричная: в первой, как уже отмечалось выше, следующей после «60» единицей, имеющей самостоятельное графическое выражение, является «600» (а затем «3600»), во второй — «120». Первым на это обратил внимание российский шумеролог А.А. Вайман [Вайман, 1974/1989]. В современной науке принято считать, что шестидесятиричную систему использовали для исчисления людей и животных, продуктов животноводства, кусков полотна, рыбы (поштучно), деревянных и каменных предметов, сосудов и различных емкостей; а двушестидесятиричную — для исчисления зерновых и других продуктов, выдаваемых в качестве рационов, например хлебов или сыров [Damerow, Englund, 1987: 126–135; Englund, 1998: 118–120].

В 1980-е гг., одновременно с изданием протоклинописных текстов из Урука, берлинские ученые — прежде всего историк математики П. Дамеров совместно с ассириологом Р. Энглундом — приступили к всестороннему исследованию архаических числовых систем. На обширном урукском материале им удалось отождествить как минимум пять основных и еще несколько производных систем числовых обозначений. К основным относятся шестидесятиричная и двушестидесятиричная системы, системы измерения количества зерна («зерновая») и площадей («полевая»), а также до сих пор до конца не расшифрованная так называемая система EN. Для производных систем характерно использование тех же числовых знаков с теми же величинами, что и в основных системах; эти знаки, однако, на графическом уровне отличаются дополнительными элементами, которые так или иначе указывают на объект исчисления.

У каждой производной системы была своя сфера применения. Так, например, системы, производные от «зерновой», использовались каждая для измерения определенной зерновой культуры или категории зерна: та, где числовые знаки снабжены двумя горизонтальными штрихами, вероятно, для измерения эммера; та, где знаки с косым штрихом, — для измерения солода; та, где поверхность знаков покрыта точками, — для измерения молотого зерна. В числовом

знаке, таким образом, могла быть заключена информация об исчисляемом [Damerow, Englund, 1987; Englund, 1998: 118–120].

В целом, протоклинописное письмо допускает совмещение в одном и том же знаке числового и идеографического значения. «Идеограммами» для некоторых зерновых продуктов служили числовые знаки «зерновой» системы по принципу: величина, соответствующая числовому знаку, выражает количество зерна, содержащееся в данном продукте. И наоборот, идеограмма **GAR**, обозначавшая некий зерновой продукт или вообще «рацион» (знак, по-видимому, изображает сосуд стандартной формы, в котором выдавалась дневная норма пропитания на человека), могла использоваться как «числовой» знак: ей соответствовала величина $\frac{1}{30}$ от **D** в «зерновой» системе числовых обозначений [Englund, 1998: 188ff.].

Одним из главных достижений архаической математической мысли является создание системы измерения времени, которая легла в основу в том числе и наших современных представлений о времени. А.А. Вайман первым реконструировал систему архаических обозначений времени: идеограмма **U₄** «солнце, день», если ей предшествовали один или несколько горизонтальных штрихов, обозначала «год» (один или несколько), если в нее были вписаны числовые знаки шестидесятиричной системы — «месяц» (один, десять и т.д.), если же вслед за ней были написаны повернутые на 90° вправо знаки, по-видимому, той же шестидесятиричной системы, то она обозначала «день» (один, десять и т.д.) [Вайман, 1976: 581]. Впоследствии было замечено, что таким образом могли обозначаться как количественные (один год, месяц, день), так и порядковые (первый год, месяц, день) представления о времени. С точки зрения административного учета, месяц состоял из 30 дней, а год — из 12 месяцев [Englund, 1998: 122–126].

Уже в архаическую эпоху было разработано и графически зафиксировано соотношение между системами измерения зерна и времени. Для административного учета необходимо было подсчитывать, сколько зерна потребуется, чтобы прокормить одного работника в течение определенного промежутка времени. Знак **GAR** обозначал дневной рацион зерна и одновременно служил «числовым» знаком в «зерновой» системе, его числовая величина равнялась $\frac{1}{30}$ от **D**. Количество зерна, обозначаемое знаком **D**, соответствовало месячному рациону одного работника, и именно

этот знак был вписан в U_4 для обозначения одного месяца; он же обозначал величину «1» в шестидесятиричной системе исчисления [Englund, 1988; 1998: 126, 180—181]. Таким образом, время могло быть пересчитано в зерно, а зерно — во время. Уже на самом раннем этапе развития письменного делопроизводства были заложены основы невероятно сложных вычислений абстрактного рабочего времени (человекоднев), известных по документам последних десятилетий III тыс. до н.э.

Письменность и делопроизводство. Письменность с самого начала своего существования служила делопроизводству и подчинялась его законам. Развитие протоклинописи можно проследить по форматам документов [Вайман, 1972; Green, 1981]. Дописьменные инструменты делопроизводства позволяли фиксировать отдельные хозяйственные операции; появление же письменности открывало возможности для запоминания и обработки информации, касающейся более сложных экономических действий.

Самые ранние таблички из Урука содержат часто лишь короткие записи, передающие одну единицу информации: числовой знак, идеограмма для продукта, имя и/или должность чиновника, отвечающего за данный продукт, — все это записывалось в одной графе, на одной стороне таблички. Документы следующего уровня сложности состоят из нескольких граф — в каждой графе записывалась одна единица информации, а в конце подводился итог: подсчитывалось общее количество продуктов, и соответствующий административный термин (например, «пропитание», «выдача», «поступление») обозначал характер данной хозяйственной операции.

По мере дальнейшего усложнения форматов, поверхность таблички начали делить не только на графы, но и на колонки — соответственно увеличивалось число единиц информации, содержащейся в документе. Появились многоступенчатые суммы: например, при подсчете количества солода и молотого зерна, необходимого для изготовления пива, писец сначала перечислял разные количества этих продуктов, поступившие от разных чиновников, затем подсчитывал, сколько солода и зерна поступило от каждого чиновника, затем — сколько всего имеется солода и сколько зерна, а в конце выводил общую сумму того и другого продукта.

Изучение форматов документов имеет большое значение для понимания административных механизмов, их породивших. Суть

документа нередко становится ясна именно исходя из его структуры, даже если мы не знаем, что означают те или иные термины. Формат документа указывает на иерархию единиц информации. Анализируя документы периода Урук III, мы можем говорить о «синтаксисе» таблички, который при интерпретации текстов этого времени заменяет нам синтаксис языка [Englund, 1998: 56–64].

Письменность и язык. Шумерский вопрос. Протоклинопись, судя по всему, великолепно справлялась со своей основной задачей: хранить и передавать информацию с помощью общепринятой системы знаков. Вопрос о том, входило ли в ее задачи отражать также и языковую форму передаваемого сообщения, до сих пор остается открытым в науке. В любом случае, эта задача, по-видимому, была второстепенной: не только в протоклинописных, но и в ранних клинописных текстах III тыс. до н.э. язык редко проступает сквозь маску идеографических написаний.

Существование шумерского языка и шумеров как народа, стоявшего у истоков месопотамской цивилизации, не сразу было признано в науке (см. разделы «Шумерская проблема», «Шумеры и аккадцы»). Однако к моменту, когда появились первые публикации протоклинописных текстов (конец 20-х — 30-е гг. XX столетия), уже никто не сомневался в том, что ранние клинописные тексты (вплоть до конца III тыс. до н.э.) написаны, в основном, на шумерском языке. При сравнении этих шумерских текстов с архаическими с самого начала очевидной была преимущество письменной традиции и принципов делопроизводства.

Благодаря текстам из Фары, удалось проследить развитие знаков от архаических к собственно клинописным. Сходство архаических форматов документов и некоторых числовых систем с более поздними давало основания говорить о непрерывной бюрократической традиции, начиная с момента появления письменности. Поэтому вполне естественным выглядело предположение об изобретении клинописи именно шумерами, и начались поиски доказательств в пользу такого предположения в самих протоклинописных памятниках. В последние годы, однако, все чаще высказываются сомнения в шумероязычности архаических текстов и звучат предостережения против попыток обосновать ее на уровне фонетического (слогового) компонента письменности. С точки зрения Р. Энглунда, мы не можем с уверенностью судить о том, на каком языке написаны архаические таблички, и поэтому,

несмотря на огромное количество материала, нельзя сказать, что протоклинопись дешифрована в классическом смысле этого слова [Englund, 1998: 65–66].

Уверенность многих исследователей протоклинописи, что ее изобретением мы обязаны шумерам, восходит к С. Лэнгдону, который выделил в текстах из Джемдет-Насра сочетание знаков **EN E₂ TI** и интерпретировал его как **en-lil₂-ti** «Пусть бог Энлиль даст жизнь!». Такая фраза могла бы представлять собой шумерское имя собственное и свидетельствовать о мультивалентности знака **TI** уже в архаическую эпоху: этот знак, первоначально обозначавший слово «стрела», мог использоваться для написания слова «жить/животворить» только в шумероязычной среде, так как только в шумерском языке слова **ti** «стрела» и **ti(-l)** «жить/животворить» являются омофонами [Langdon, 1928].

Интерпретация С. Лэнгдона, однако, не признается современной наукой. Во-первых, знак **TI** не встречается с именами других божеств ни разу больше во всем корпусе архаических текстов; во-вторых, сочетание знаков **EN E₂ TI**, скорее, можно трактовать как **e₂ en-ti** «дом бога Энти» или **e₂ ebih (EN.TI)** «дом страны Эбих» (сочетание **EN.TI** засвидетельствовано в текстах из Урука и Джемдет-Насра как самостоятельная единица); в-третьих, знаки **EN E₂** не могут означать «Энлиль», поскольку имя этого бога в архаический период должно было писаться знаками **EN KID** (в соответствии с написанием топонима «Ниппур» — города, где почитали Энлиля). Таким образом, этот первый «фонетический» аргумент в пользу шумерского языка протоклинописи теряет свою силу [Englund, 1998: 74–76].

А.А. Вайман, первым опровергший мнение С. Лэнгдона, выдвинул, в свою очередь, более весомое «фонетическое» доказательство шумероязычности архаических текстов — мультивалентность знака **GI**, которым в шумерских текстах могли записываться слова **gi** «тростник» и по созвучию **gi(4)** «возвращать(ся)». В архаических документах этот знак нередко употребляется в качестве административного термина — А.А. Вайман интерпретировал его как «возврат, поступление» [Вайман, 1976], однако такое толкование вызывает у некоторых исследователей серьезные сомнения [Englund, 1998: 76–77].

В рамках настоящего обзора невозможно рассмотреть другие «фонетические» аргументы, приводимые часто в подтверждение

шумероязычности первых письменных памятников Месопотамии [Krispijn, 1991—1992; Krebernik, 1994; Steinkeller, 1995; Glassner, 2000; Selz, 2002]. Однако, по мнению Р. Энглунда, все попытки выявить в протоклинописном репертуаре знаков фонетические элементы, которые могли бы указать на шумерский язык, следует признать либо спорными, либо несостоятельными. Сомнению подвергается само наличие фонетических элементов в архаической письменности [Englund, 1998: 77].

Попытки установить языковую принадлежность архаических текстов предпринимались не только на уровне фонетики. Так, например, М. Пауэлл предложил объяснение на уровне числовых знаков: поскольку шестидесятиричная система исчисления хорошо засвидетельствована в архаическую эпоху, а именно этой системе соответствуют названия чисел (количественные числительные) в шумерском языке, то, следовательно, и письменность с такими числовыми знаками могли изобрести только шумеры [Powell, 1972].

Исследования последних десятилетий по архаическим числовым системам показали, что подобная аргументация не поддерживает никакой критики. Во-первых, в протоклинописи было несколько различных систем числовых обозначений (см. выше). Во-вторых, шумерские количественные числительные больше 60, построенные по принципу «60×2», «60×3», «60×10», известны из поздних лексических текстов (не раньше I тыс. до н.э.) и, скорее, описывают шестидесятиричные числовые знаки, нежели объясняют их возникновение. В-третьих, шумерские числительные меньше 60, встречающиеся в текстах III тыс. до н.э., такие как 10, 20, 30, 40, 50, 60, дают основания предполагать двадцатиричную систему исчисления, которая как раз не засвидетельствована в архаической письменности [Englund, 1998: 77—78].

На уровне идеографических знаков в пользу шумероязычности архаических текстов свидетельствует присущая протоклинописи редупликация знаков для выражения различных типов множественности, характерная и для шумерского языка [Englund, 1998: 73]. С другой стороны, серьезным аргументом против шумероязычности являются имена собственные. Многие протоклинописные документы содержат списки имен, ни одно из которых не поддается интерпретации с точки зрения принципов шумерской ономастики [Englund, 1998: 79].

В этом отношении чрезвычайно интересно сравнение текстов из Урука и Джемдет-Насра конца IV тыс. до н.э. с архаическими текстами из Ура, датируемыми началом Раннединастического периода. Их разделяет лагуна примерно в двести лет. После этого перерыва мы находим в документах из Ура значительное количество сочетаний знаков (прежде всего, в именах собственных), хорошо объяснимых с точки зрения шумерского языка. В связи с этим можно предположить, что шумеры пришли на юг Месопотамии накануне периода РД I; с точки зрения археологии, такое предположение, возможно, подтверждается тем обстоятельством, что именно в это время в строительстве впервые начал применяться плано-конвексный кирпич — типичный элемент архитектуры последующих эпох [Englund, 1998: 81].

Проблема языковой принадлежности протоклинописных памятников непосредственно связана с проблемой первого появления шумеров в Месопотамии (см. выше раздел «Шумерская проблема»). Следует отметить, что данные археологии в большинстве своем все же противоречат выводу об отсутствии шумеров в долине Тигра и Евфрата в IV тыс. до н.э. Планировка храмов и других монументальных сооружений, типология керамики, изображения на цилиндрических печатях — все это демонстрирует непрерывность культурной традиции на юге Месопотамии в IV—III тыс. до н.э., которую не отрицают даже самые непримиримые скептики в отношении шумероязычности архаической письменности [Englund, 1998: 73].

Что же касается изобретения письменности, то еще во времена, когда шумерский язык текстов из Урука и Джемдет-Насра представлялся бесспорной истиной, А.Л. Оппенхейм писал: «Вполне вероятно, что шумеры приспособили для своих нужд уже существовавшую систему и технику письма. Эта система принадлежала, видимо, более ранней, исчезнувшей цивилизации, местной или иноземной, которая имела, а может быть и нет, отношение к иностранному элементу в шумерском словарном запасе, к топонимике региона и, возможно, к именам почитавшихся там богов» [Оппенхейм, 1980: 48]. В последние годы в шумерологической литературе неоднократно обсуждался вопрос о трудностях графической реализации скоплений согласных в начальной или конечной позиции шумерских слов [Civil, 1982; Schretter, 1993]. По мнению Р. Энглунда, эти трудности могли быть связаны с несоответствием

клинописной системы письма фонетической структуре шумерских слов, что увеличивает вероятность заимствования шумерами письменности у другого народа [Englund, 1998: 78–79].

Развитие слогового компонента в клинописи III тыс. до н.э. Использование клинописи для семитских языков. Кто бы ни изобрел клинопись, не подлежит сомнению, что именно шумеры, которые доминировали на юге Месопотамии (в Южной Вавилонии), по крайней мере, с периода РД I (XXX в. до н.э.), передали эту систему письма семитским народам, обитавшим как в самой Месопотамии (Северной Вавилонии), так и за ее пределами (в Северной Сирии), а те, заимствовав письменность у шумеров, приспособили ее для записи текстов на восточноемитах языках. Именно такое использование клинописи для языков совершенно другого строя серьезным образом повлияло на саму ее структуру и дало толчок к ее дальнейшему развитию.

Переходный этап между архаическим периодом развития письменности в Месопотамии с его преимущественно идеографической системой записи и рисуночными знаками и последующими эпохами собственно клинописного письма, основанного на совмещении идеографического и фонографического принципов, представлен текстами из Фары и Абу-Салабиха, датированными XXVI в. до н.э. На этом этапе, помимо административных документов и лексических списков, появляется значительное количество литературных текстов. В Фаре преобладают хозяйственные записи (75 %), зато в Абу-Салабихе они составляют всего лишь около 5 % всех текстов, остальное приходится на долю лексических и литературных памятников.

Фара находится прямо в центре Южной Вавилонии, на пути из Урука в Ниппур. Абу-Салабих же расположен примерно в 20 километрах северо-западнее Ниппура, т.е. как раз на границе между Южной и Северной Вавилонией, разделявшей в III тыс. до н.э. шумерскую (на юге) и семитскую (на севере) культурные территории (см. ниже раздел «Дихотомия Севера и Юга»). По совокупности причин в современной науке принята точка зрения, согласно которой на юге говорили и писали преимущественно по-шумерски, по крайней мере, вплоть до староаккадского периода (XXIV в. до н.э.), на севере же ранние формы аккадского языка играли исключительно важную роль задолго до воцарения династии Аккада.

В Абу-Салабихе, как более северном центре, семитское влияние ощущалось гораздо сильнее, чем на юге, в Фаре. Это проявлялось на разных уровнях: в наличии здесь семитоязычных текстов, в высоком проценте семитских имен собственных (40% в отличие от 3%, которые составляли семитские имена в Фаре), и наконец, в том, что новые элементы клинописной системы письма впервые были засвидетельствованы именно в этом архиве [Krebernik, 1998: 260–270].

Использование клинописи для передачи семитского языка привело к тому, что в ней постепенно развивается фонетический (слоговой) компонент. В период Фары складывается силлабарий — набор знаков, которые применяли в качестве силлабограмм, т.е. фонетических знаков. Такие знаки стали употреблять для более точной передачи языковой формы высказывания при составлении текстов как на семитском, так и на шумерском языке. На юге — там, где господствовал шумерский язык, — решающим фактором для развития слогового компонента клинописи явилась необходимость записывать иноязычные (в основном, семитские) имена собственные, топонимы, имена богов, а также заимствованные слова. Свою роль сыграла и потребность письменно фиксировать литературные произведения, в которых, в отличие от административных и лексических текстов, важен синтаксис, а значит, и возможность написания морфем [Krebernik, 1998: 271–298].

Репертуар силлабограмм был поначалу крайне ограничен. Исследователи периода Фары отмечают, однако, что в текстах из Абу-Салабиха он гораздо шире и разнообразнее, чем в текстах из самой Фары [Biggs, 1974; Krebernik, 1998: 284]. Так, в Фаре нет ни одного примера передачи закрытого слога типа СГС (С — согласный, Г — гласный) с помощью знаков СГ-ГС; в репертуаре силлабограмм изначально отсутствовали знаки типа ГС. Впервые они появляются в Абу-Салабихе, где использовались для записи семитских слов: например, слово */lim/* «тысяча» записывалось как *li-im* [Krebernik, 1998: 271]. Знаками типа ГС для записи аккадских слов окончательно научились пользоваться в староаккадский период; для записи же, например, морфем в шумерских текстах ими пользовались чрезвычайно редко вплоть до конца новошумерской эпохи. Следует еще раз подчеркнуть, что в Абу-Салабихе, на границе Южной и Северной Вавилонии, силлабарий развивался быстрее, чем в более южной Фаре; и влияние семитского населения,

процент которого здесь был, без сомнения, выше, чем на юге, играло в этом процессе, очевидно, не последнюю роль.

Специфика текстов на семитском языке могла проявляться и без участия фонетического компонента, на уровне идеографических написаний. Так, понятие «дополнительная цена» в документах о продаже недвижимости, написанных на шумерском языке, выражалось как **nigg₂-diri**, в аналогичных же семитоязычных — идеограммой **NIG₂.KI.GAR**, объяснимой, исходя из аккадского *iškinū* (**GAR** = *šakānum*). И. Гельб видел в такого рода написаниях свидетельства рано выделившейся из общей клинописной традиции «северной» ветви клинописи, характерной для так называемой «кишской цивилизации» (см. ниже раздел «Дихотомия Севера и Юга»; также [Krebernik, 1998: 260–261]).

Особое место в истории развития клинописи III тыс. до н.э. занимают письменные памятники из древнего города Эбла, раскопанного в 1974–1978 гг. итальянской археологической экспедицией в Северной Сирии (см. «Дихотомия Севера и Юга»). Открытие дворцовых архивов Эблы, давших науке около 20 тыс. хозяйственных, лексических и литературных текстов, датируемых серединой III тыс. до н.э., ознаменовало новую эру в изучении Раннединастического периода, в том числе и в изучении клинописной системы письма.

Большая часть текстов была записана так называемыми «шумерограммами», т.е. клинописными знаками в значении идеограмм. Исследователи отмечают, что репертуар знаков в Эбле заимствован преимущественно из «северной» ветви клинописи. В ряде текстов, однако, применялись силлабограммы, позволившие ученым реконструировать семитские языковые формы, которые в научном обиходе нередко называют «эблаитским языком». Основная масса этих форм дает возможность квалифицировать «эблаитский» язык (диалект) как восточnoseмитский, родственный староаккадскому [Krebernik, 1996; ср. Gelb, 1977; 1981; Дьяконов, 1985]. Интересно, что для записи эблаитских слов нередко использовали и так называемые «аккадограммы»: союз «и», по-аккадски звучавший как /u/ и записывавшийся в месопотамской клинописной традиции как **u₃**, в Эбле мог писаться тем же знаком, хотя — как видно из параллельно засвидетельствованного написания этого союза знаком **PI** — звучал там как /wa/ [Krebernik, 1996].

Чрезвычайно важными следует признать палеографические исследования внутри эблаитского корпуса текстов. Они демонстрируют выработку в Эбле собственного, отличного от месопотамского, стиля письма, что позволяет заново поставить вопрос о связях и взаимовлияниях в отношениях Эблы, Мари и так называемой «кишской цивилизации» [Sallaberger, 2001].

Возвращаясь на территорию собственно Месопотамии, отметим, что, в целом, клинопись оставалась все-таки по преимуществу идеографической (логографической) системой письма до эпохи Эанатума, третьего правителя I династии Лагаша, т.е. примерно до середины XXV в. до н.э. Грамматические показатели в шумерских текстах выписывались нерегулярно; даже те из них, которые могли быть написаны, исходя из репертуара силлабограмм, часто отсутствовали. Лишь начиная с середины старошумерского периода постепенно выработались правила шумерской орфографии, которых, в целом, придерживались и в последующие эпохи, сложился стандартный набор знаков для написания морфем. Начиная со староаккадского периода, клинопись широко использовалась для составления текстов на аккадском языке, а впоследствии уже у аккадцев ее заимствовали и другие народы древнего Ближнего Востока (хетты, хурриты и др.).

§ 5. Основные направления изучения политической и социально-экономической истории Месопотамии III тыс. до н.э.

Краткий очерк политической истории Месопотамии в III тыс. до н.э. Раннединастический период. Начало III тыс. до н.э. — это время существования в Шумере городов-государств, в которых понятия территории и политической структуры, по-видимому, совпадали. Ранние надписи говорят о гегемонии города Киша над севером Вавилонии (Аккадом) в период 2700—2500 гг. до н.э., а возможно, и позже, гегемонии, которая временами распространялась и на юг Вавилонии (Шумер). Начиная примерно с 2500 г. до н.э. Шумер был, вероятно, поделен на четыре крупных городских союза (группировки): Урук — Ларса — Бад-тибира, Ур, Умма — Забалам, Лагаш — Гирсу — Нина. Ур периодически терял свою самостоятельность и входил в группу Урука [Cooper, 1986; 1989].

Примерно с середины III тыс. до н.э. шумерские города стали все чаще вступать в военные конфликты друг с другом. Сначала гегемония одного города над другими не означала, по-видимому, какого-либо вмешательства во внутренние дела этих городов. Представители местных городских династий оставались на своих постах, сохранялось поклонение местным богам, в подчиненных городах не было никаких следов присланного из города-гегемона военного или административного персонала.

Постепенно конфликты становились все более ожесточенными, затрагивая также города на территории Аккада, иногда распространяясь даже за пределы Месопотамии: оппонентами правителя Лагаша Эанатума выступали Элам и даже Мари. Приграничный конфликт между Лагашем и соседним городом Уммой длился на протяжении жизни нескольких поколений. Благодаря случайной удаче в ходе археологических раскопок, исследователи получили возможность проследить развитие этой ситуации в мельчайших деталях [Соорег, 1983b]. Этот конфликт разрешился около 2350 г. до н.э. Победителем оказался город Умма, объединившийся с городами Урук и Ур. Правитель этого нового объединения Лугальзагеси разрушил Лагаш и впервые объединил под своей властью весь Шумер.

Династия Аккада. Это объединение продержалось недолго. Вскоре Лугальзагеси потерпел поражение от Саргона Аккадского. Саргон, объединив под своей властью всю Месопотамию, создал новое государство, столицей которого стал город Аккад, находившийся, возможно, поблизости от Киша. Город Аккад дал свое имя и династии Саргона, и языку, на котором Саргон говорил, и стране, в которой он жил. Царствование Саргона продолжалось 55 лет. Уже в его правление начались первые восстания покоренных территорий, которые ему пришлось подавлять.

Наследовавшие ему сыновья, Римуш, а затем Маништушу, погибли в результате дворцовых заговоров, но внук Нарам-Син успешно продолжал завоевательную политику Саргона, став героем многих легенд и преданий. Границы государства, которым он управлял, охватывали не только всю Вавилонию, но и Северную Месопотамию, Сирию и Западный Иран. Ряд военных операций Нарам-Сина запечатлен на его стелах и памятниках, дошедших до наших дней. Знаменитая стела Нарам-Сина, найденная при раскопках в Сузах (сейчас хранится в Лувре, впервые была издана в:

Mémoires du Délégation en Perse. P., 1900. V. 1, табл. X), запечатлела победу Нарам-Сина над горными племенами Луристана (луллубеями). Эти памятники представляют особый интерес, поскольку сохранилось очень мало скульптурных изображений аккадского времени.

Известно, что во все время правления Аккадской династии и в отдаленных провинциях, и в Шумере постоянно происходили мятежи и восстания против центральной власти. Аккадское государство просуществовало немногим более ста лет, после чего оно распалось, и на территории Южной Месопотамии вновь образовалось множество мелких независимых политических структур, которые оказались легкой добычей горных племен с востока. Именно кутии, северные соседи луллубеев, против которых так упорно боролся Нарам-Син, опустошили земли Аккада. Это произошло в правление преемника Нарам-Сина, Шар-кали-шарри. Власть Аккада рухнула, и государство Саргона распалось. Месопотамия управлялась полуанонимными варварами, которые оставили после себя очень мало памятников и надписей [Halla, 1957–1971].

В исторической науке долгое время Аккад рассматривался как стартовая точка процесса политического развития Месопотамии, в настоящее время период династии Аккада представляется, главным образом, как кульминация длительного процесса предшествующего развития [Liverani, 1993]. Причиной этого изменения во взглядах является существенное расширение знаний и о периоде Аккада, и о предшествующем периоде истории Месопотамии. Большая литература посвящена этническим проблемам Месопотамии III тыс. до н.э., существование которых зачастую не учитывалось ранее. При этом саргоновский период рассматривается не изолированно, а в контексте всей истории Месопотамии III тыс. до н.э. (см. раздел «Шумеры и аккадцы»).

Утверждение, что в период правления саргоновской династии культура Юга (Шумера) широко распространилась на север и северо-запад, также пришлось пересмотреть, поскольку было доказано, что на Севере задолго до Саргона уже существовали письменность и городская культура (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»). Скорее, в этот период происходил процесс комплексного взаимовлияния культур всего региона Месопотамии и Северной Сирии.

Показателем нового исторического подхода к изучению истории аккадского периода является значительная переоценка характеров

исторических личностей того времени. Историки начала века, да и некоторые работавшие позднее, считали Саргона лидером, успешно порывавшим со старыми традициями и коренным образом изменившим государственные институты. В пионерской работе Х. Гютербока, посвященной традициям Аккадской династии, фигуры Саргона и Нарам-Сина трактуются двояко: Саргон как удачливый основатель новой династии, каким он воспринимался и в древности, в то время как Нарам-Син был *Unheilsherrscher*, чьи амбиции и дерзость привели династию к краху [Güterbock, 1934]. Современные исследователи несколько изменили точку зрения. Саргон сейчас считается «пре-саргонидом», а настоящими новаторами, по-видимому, были наследники Саргона Нарам-Син и Шар-кали-шарри. Взгляд на Саргона по-прежнему преимущественно позитивный, в то время как взгляд на Нарам-Сина изменился [Liverani, 1993].

Традиция, которая рассматривала Нарам-Сина как человека чрезмерно самоуверенного, не уважающего божественные предсказания и наказанного за это набегами варварских орд на страну, которой он управлял, долгое время не подтверждалась никакими историческими свидетельствами, а посвященный этой теме текст «Проклятие Аккада» как будто даже противоречил известным нам историческим фактам [Cooper, 1983a]. Однако опубликованные в последнее время новые данные показывают, что литературные тексты, описывающие завоевания Нарам-Сина и мощное восстание против него, имеют, по-видимому, историческую базу, а скептицизм исследователей относительно достоверности их исторического содержания, возможно, не совсем оправдан [Foster, 1990; Kutscher, 1990].

Причиной крушения Аккадской империи некоторые авторы считают серьезные климатические изменения, произошедшие в последней четверти III тыс. до н.э. «Широкомасштабные изменения климата», затронувшие территорию от Юго-Восточной Европы до Индии, превратили огромные территории в пустыни и привели в движение огромные массы населения, вынудив их искать новые места для обитания. В частности, это касается и кутиев, которых эти же авторы локализуют к северу от равнины Хабура и/или долины Диярбакыра. Сокращение водных ресурсов Евфрата к 2400 г. до н.э., по-видимому, поставило предел экстенсивному развитию сельского хозяйства в Шумере [Courty, Weiss, 1993].

Другая причина падения Аккадского государства, которая рассматривается исследователями, это агрессивная политика Аккада в отношении периферии, которая вызвала там серьезную дестабилизацию. В конце концов, эта дестабилизация выплеснулась из периферии внутрь страны в форме нашествия кутиев [Liverani, 1993].

III династия Ура. После падения Аккадской династии власть в Месопотамии перешла в руки кутийских вождей. Они называли себя царями, но, скорее всего, их избирали на определенный срок на собрании воинов племени. Кутии, по-видимому, сами не правили в Месопотамии, но были заинтересованы в получении дани, которую собирали для них местные аккадские и шумерские правители [Дьяконов, 1959; Hallo, 1957–1971]. В Шумерском царском списке не упоминаются соперники кутиев, но есть много свидетельств того, что задолго до их окончательного изгнания в разных городах Месопотамии правили местные династии.

Большое количество надписей и памятников материальной культуры сохранилось от времени правления так называемой II династии Лагаша, среди представителей которой наиболее известен Гудеа. Надписи, составленные от его имени, и скульптурные изображения его самого и членов его семьи послужили источником для многочисленных исследований [Edzard, 1997]. Относительно точного времени правления этой династии существуют разные точки зрения. Одни исследователи считают, что II династия Лагаша правила при кутиях до воцарения III династии Ура [Дьяконов, 1983], другие уверены, что правление этой династии совпадало по времени с правлением основателя III династии Ура Ур-Намму и даже его сына Шульги [Steinkeller, 1988].

В конце XXIII в. до н.э. Утухегаль, правитель Урука, сумел прогнать кутиев, и ситуация в Шумере несколько стабилизировалась. Наместник Утухегалья в Уре (и, вероятно, его родственник) Ур-Намму после трагической гибели Утухегалья основал в Уре новую династию, которая около ста лет правила всей Месопотамией и соседними восточными территориями. Современные исследователи условно называют эту династию «третьей династией Ура» (Ур III).

Ур-Намму принял титул «царя Шумера и Аккада», что свидетельствовало о притязании на власть над всей Вавилонией. Однако, судя по некоторым текстам, реально он контролировал только

Южную Вавилонию [Steinkeller, 1987]. Даже если допустить, что Ур-Намму действительно объединил Вавилонию, нет никаких сомнений, что настоящим основателем государства III династии Ура был его сын и наследник Шульги. Есть серьезные основания полагать, что так называемые Законы Ур-Намму, создание которых, как следует из их условного названия, приписывалось Ур-Намму, на самом деле принадлежат Шульги [Yildiz, 1981; Kramer, 1983].

Во второй половине правления Шульги, которое длилось 48 лет, государство III династии Ура вступило в период быстрой территориальной экспансии, которая была направлена, главным образом, на восток от Тигра и в Юго-Западный Иран. Процесс подчинения этих территорий и включения их в состав государства III династии Ура, который начался в 24 году правления Шульги, был завершен вскоре после его смерти.

Завоевательная внешняя политика сочеталась с активной политикой внутри государства. Именно в это время была проведена серия важнейших политических, административных и экономических реформ, в результате которых Вавилония превратилась в высоко централизованное бюрократическое государство.

Изучение письменных памятников времени Шульги и всего периода III династии Ура привело исследователей к заключению, что все эти реформы были проведены согласно заранее продуманному грандиозному плану, автором которого был, несомненно, сам Шульги. Об этом говорит и краткость периода, за который они были осуществлены (менее 20, а скорее 10 лет), и исключительная согласованность всех уровней государственных структур III династии Ура.

В сфере экономики наиболее важным результатом реформ Шульги был переход всех храмовых хозяйств под фактический контроль государства. Шульги, как до него аккадские цари, создал новую категорию земли: землю короны. Эта земля распределялась в виде наделов за службу между воинами и другим зависимым персоналом.

Полное описание административной и экономической организации государств III династии Ура требует чтения и анализа тысяч хозяйственных и юридических документов, сохранившихся от того времени. Пока эта работа не сделана, читатели могут рассчитывать только на предварительный и достаточно спорный очерк на эту тему [Steinkeller, 1987; Sallaberger, 1999].

На рубеже III и II тыс. до н.э. сложные внутренние проблемы, а также сильное давление соседей с востока и запада привели к крушению государства. К 2000 г. Южная Месопотамия снова представляла собой систему относительно независимых городов-государств. Один из этих городов Исин выступил наследником III династии Ура и продолжателем его традиций во II тыс. до н.э.

Шумерский царский список. Одним из важнейших источников по истории Месопотамии III тыс. до н.э. является текст, который условно называется «Шумерский царский список». Название отражает содержание текста; в древности он не имел отдельного названия и обозначался, как и другие литературные или исторические тексты, по словам первой строки.

Шумерский царский список представляет собой перечень царей и царских династий, которые, по мнению составителей списка, поочередно и последовательно правили в ряде городов Месопотамии от начала мира и до времени составления списка — конца III тыс. до н.э. (или его копирования, начала II тыс. до н.э.?). Указывается имя царя, продолжительность его правления. Иногда эта запись сопровождается небольшими примечаниями, касающимися личности или деяний данного царя. В конце перечня правителей каждой династии подводится общий итог продолжительности ее правления, т.е. продолжительности пребывания царственности в данном городе.

Содержание текста примерно таково. В начале времен по воле богов с небес спустилась царственность (**nam-lugal**), и затем она последовательно переходила из города в город, поскольку одновременно только один город мог быть местом ее пребывания. До Потопа у власти поочередно находились правители пяти городов: Эреду, Бад-тибира, Ларак (археологически не известен), Сиппар, Шуруппак. Судя по данным археологии, эти города были заселены и существовали еще в Протописьменный период. Согласно одной из редакций списка 8 (по другому варианту 10) царей царствовали в них 241 200 лет. Затем произошел Потоп и воцарился хаос. Во второй раз царственность спустилась с небес в город Киш. Послепотопные города: Киш, Урук, Ур, Адаб, Акшак и, в конце, Исин (в пределах Южной Месопотамии) и Мари, Аван, Хамази (за пределами Южной Месопотамии). Сроки правления первых послепотопных царей остаются фантастически длительными,

но, начиная с последнего правителя I династии Урука Урнунгалья, сына Гильгамеша, они становятся вполне реальными.

Впервые текст Шумерского царского списка с подробными филологическими и историческими комментариями был издан Т. Якобсеном [Jacobsen, 1939a]. Эта публикация положила начало многолетним дискуссиям по самым разным проблемам, связанным с чтением и пониманием этого текста и других его вариантов и копий.

Относительно времени составления списка существуют две основные точки зрения: 1) время III династии Ура, т.е. конец III тыс. до н.э. и 2) время I династии Исины, т.е. начало II тыс. до н.э. Т. Якобсен считал, что данные орфографии, стилистические и концептуальные особенности текста позволяют отнести составление самой ранней версии списка к правлению Утухегалья и III династии Ура [Jacobsen, 1939a]. По мнению Ф. Крауса и ряда других исследователей, царский список был составлен при царях I династии Исины [Kraus, 1952]. П. Михаловски высказал предположение, что он был составлен как политическая хартия, которая должна была придать легитимность правлению династии Исины, претендовавшей на роль преемников III династии Ура [Michalowski, 1983]. К. Вильке привел серьезные аргументы в пользу мнения, что самая ранняя версия текста была создана при Ур-Намму или Шульги [Wilcke, 1989].

По-разному исследователями решался и вопрос о значении царского списка как исторического источника. Т. Якобсен считал, что тщательный и критический анализ литературных и идеологических тенденций списка дает возможность произвести достаточно точную реконструкцию истории Шумера, начиная с правления Этаны, царя I династии Киша [Jacobsen, 1939a: 165ff.]. Однако, по мнению П. Михаловски, «нет никаких оснований доверять фактам, описанным в Шумерском царском списке» [Michalowski, 1983: 243ff], и в настоящее время невозможно создать на его основе связный текст, который отражал бы историческую реальность. Скептицизм в этом отношении проявил и Д. Эдзард [Edzard, 1981].

Наиболее взвешенным представляется мнение по этому поводу Я. Клейна, который считает, что какие бы источники не использовал составитель списка для описания последовательности династий (так же, как и для заметок по тому или иному поводу,

которыми сопровождаются многие имена), эти источники были относительно объективны и надежны, хотя, несомненно, были отобраны и подверглись определенной обработке в духе существовавшей тогда идеологии [Klein, 1983: 123–129]. Таким образом, Я. Клейн соглашается с Т. Якобсоном в том, что критический подход к тексту позволит найти в нем некоторые реальные исторические факты.

По мнению И.М. Дьяконова, список не являлся «первоисточником». Он представляет собой ретроспективный свод исторических событий, составленный значительно позже того, когда эти события реально происходили. С точки зрения современного исследователя он имеет ряд явных изъянов: фантастическая продолжительность правления отдельных правителей, особенно допотопных, ряд названных в нем последовательными династий на самом деле правили одновременно, каждая в своем городе и т.п. Однако игнорировать список как исторический источник нельзя, тем более что целый ряд сведений, содержащихся в нем, были подтверждены данными других документов того времени [Дьяконов, 1983].

Тщательные исследования текста списка позволили выявить в нем много нового и ранее неизвестного. Одной из важных особенностей, отличающих его, является то, что царственность здесь переходит не от династии к династии, а от одного города к другому. Термин «династия» употребляется исследователями условно, так как далеко не всегда между правителями была родственная связь.

По мнению В. Халло, географический принцип, лежащий в основе шумерского списка, противоположен принципу генеалогическому, лежащему в основе аккадских царских списков. Именно города стоят в центре внимания автора текста, и шумерский список надо рассматривать «не столько как список царей, сколько как список городов» [Halla, 1982].

Явное отсутствие в тексте генеалогического принципа неоднократно вызывало удивление исследователей. Шумерский царский список «утверждает легитимность ситуации, согласно которой город по воле богов располагает на некоторое время царственностью, после истечения этого временного периода царственность переходит к другому городу, но в списке абсолютно отсутствует представление о легитимности передачи власти в рамках отдельной семьи» [Lambert, 1974a].

Среди многочисленных публикаций по этой проблеме важное место занимает исследование К. Вильке [Wilcke, 1989]. Автор тщательно проанализировал текст, проследив базовые принципы географии и генеалогии, которые были заложены в шумерском тексте при его создании в период Ур III до того, как он стал использоваться как политическая хартия царей I династии Исины. По его мнению, география упомянутых в тексте городов, служивших местом пребывания царственности, указывает на границы государства III династии Ура и подвластные ей территории. К. Вильке выдвинул предположение о том, что в основе лежала искусственно созданная генеалогическая система. Все упоминавшиеся в списке цари были соединены в единую линию предков царей III династии Ура, но не в смысле непрерывного биологического родства, а в плане непрерывной преемственности в наследовании статуса царственности.

По мнению К. Вильке, в оригинале текста «допотопная» часть, по-видимому, отсутствовала, она была добавлена позднее. Изначально, по мнению этого исследователя, шумерский список состоял из двух частей. Первая часть начиналась в мифическом прошлом после Потопа с периода анархии, затем продолжилась I династией Киша, и постепенно переходила в историческое время с династией из Аккада и III–IV династиями Урука. Вторая часть также начиналась с периода анархии, который был вызван тираническим правлением кутиев после падения династии Аккада. В обеих частях царственность с севера переносилась на юг усилиями Урука и затем переходила в Ур. В первой части Ур обретал царственность только на время, но во второй, несомненно, предполагалось, что царственность останется в Уре навсегда [Wilcke, 1989].

В дополнение к тексту Шумерского царского списка, изданному Т. Якобсеном, впоследствии было найдено и опубликовано еще несколько его копий и фрагментов [Civil, 1969]. Одна из ниппурских копий Шумерского царского списка, обнаруженная в музее Хайфы и опубликованная Я. Клейном, содержит интересные добавления и разночтения, в том числе новый синхронизм между Энмебарагеси, царем I династии Киша, и Думузи, царем I династии Урука, который, по-видимому, отражает неизвестный ранее вариант исторической традиции о Гильгамеше. В этой же статье имеется и подробная библиография изучения текста Шумерского царского списка [Klein, 1991].

При сравнении Шумерского царского списка и «Babyloniaca» Бероса — вавилонского историка, жившего в IV в. и написавшего историю Месопотамии по-гречески — обнаруживаются интересные совпадения, особенно в освещении самого раннего, допотопного, периода [Burstein, 1978].

Исследователи Шумерского царского списка обратили внимание на полное отсутствие в тексте упоминаний о таких важных шумерских городах, как Лагаш и Умма. Возможно, это было вызвано политическими разногласиями между этими городами и Уром. Большой интерес в этой связи представляет опубликованный Э. Солльберже текст, условно названный «Правители Лагаша» [Sollberger, 1967]. Он представляет собой оригинальную композицию, созданную, вероятно, в середине старовавилонского периода как лагашский вариант шумерского списка, возможно даже как пародия на классический урский вариант.

Так же, как в шумерском списке, в тексте описывается зарождение и развитие цивилизации и идет перечень правителей. Хронологические рамки текста — от Потопа до правления Гудеа. Однако если в шумерском списке царственность последовательно переходит от города к городу, в лагашском варианте все правители происходят из Лагаша и правят непрерывно от времени Потопа. В списке правителей можно выделить отдельные «династии»: внутри каждой из них у правителей имена сходного типа и у всех правителей «династии» один «личный бог». О смене «династий» можно судить именно по смене «личного бога» правителей. Э. Солльберже отмечает, что составитель текста, как ни странно это может показаться, по-видимому, плохо представлял себе исторические реалии Лагаша: в тексте много явных ошибок, имена правителей в большинстве своем либо перепутаны, либо написаны неправильно. Тем не менее текст «Правители Лагаша» представляет собой исключительный исторический интерес.

Совсем недавно был опубликован еще один ранее неизвестный вариант текста Шумерского царского списка, исключительно интересный и важный по содержанию, который издатель условно обозначил как Урский шумерский царский список [Steinkeller, 2003]. Происхождение таблички, на которой сохранилась примерно половина записанного текста, неизвестно. Издатель, исходя из содержания текста, предполагает, что он мог быть написан в Адабе.

Судя по датировочной формуле, заканчивающей текст, данный вариант был записан во второй половине правления царя Шульги. Что касается времени создания текста, то издатель предлагает гипотетический вариант трехэтапного развития текста: оригинал был создан в аккадский период, вторая переработанная версия записана в Уруке во времена Утухегалья, третья (опубликованная П. Штайнкеллером) версия была доработана в Адабе и записана здесь в правление Ур-Намму или Шульги.

Текст Урского шумерского царского списка значительно отличается от уже известного варианта. В нем перечисляется гораздо меньше династий, более сжатые формулировки, отсутствуют примечания к именам правителей. Именно этот текст или его вариант, как считает автор, был постепенно переработан, по-другому структурирован, дополнен отдельными нарративными фрагментами и дошел до нас в виде текста Шумерского царского списка, изданного Т. Якобсеном.

Как считает П. Штайнкеллер, различие в содержании двух списков отражает разные представления их авторов о ходе исторического процесса. Если в шумерском прошлое рассматривается как цепь, состоящая из отдельных постоянно повторяющихся звеньев (**bala**): царственность постоянно циркулирует внутри определенного круга городов, переходя от города к городу, то в урском, по мнению издателя, прошлое понимается как линейный однопавленный процесс.

Шумеры и аккадцы. Немногим более ста лет назад творцами месопотамской цивилизации считались аккадцы (вавилоняне и ассирийцы), а о существовании шумеров вообще не было известно. Шумер как страна и шумеры как народ не оставили никаких заметных следов в той исторической литературе, которая была доступна энтузиастам и ученым, начавшим в середине XIX в. раскопки в Месопотамии в поисках дворцов ассирийских и вавилонских царей, упоминавшихся в Библии.

Один из первых исследователей клинописи Э. Хинкс еще в 1852 г. высказал предположение, что клинопись имела несемитское происхождение, судя по непригодности этой системы письма к передаче семитского языка. Это предположение подтвердилось, когда через несколько лет среди ассирийских табличек, найденных Г. Раулинсоном в Ниневии, оказались двуязычные тексты (билингвы), в которых параллельно уже достаточно хорошо

дешифрованному аккадскому тексту шел текст на совершенно неизвестном науке языке. Далеко не сразу удалось определить, как следует называть неизвестный язык и какому народу он принадлежал.

Термин «шумерский» впервые был предложен Ю. Оппертом еще в 1869 г., но окончательно его правильность была доказана им в 1889 г., после чего понятия «Шумер» и «шумеры» («шумерийцы») окончательно вошли в научный обиход [Cooper, 1993]. Конец 80-х гг. XIX в., когда были сделаны первые многочисленные находки шумерских текстов, можно считать началом зарождения новой отрасли гуманитарного знания — шумерологии, одной из самых молодых ветвей исторической науки.

Признание шумеров древнейшим населением Месопотамии, строителями первых городов и создателями письменности в корне меняло установившиеся к тому времени представления о древней истории этого региона. Цивилизация Месопотамии, которую ранее рассматривали как воплощение духовной и практической деятельности единого (аккадского) этноса, предстала как результат симбиоза двух совершенно разных по языку этнических групп.

Сами понятия «Шумер» и «шумеры», как только они появились в исторической науке, стали предметами ожесточенных споров, отражавших не столько столкновение мнений, сколько столкновение разных идеологических позиций. Особенно острым стал вопрос о приоритетах, о роли каждого из этносов в создании цивилизации, о характере их взаимодействия: было ли оно мирным или существовали конфликты. Это и неудивительно, учитывая, что вопрос о взаимодействии и сосуществовании разных этнических групп был большим вопросом для Европы, по крайней мере, со второй половины XIX в.

В последней четверти XIX в. в научных кругах велись оживленные, иногда даже ожесточенные дебаты относительно того, существовали ли шумеры вообще. Большинство исследователей утверждали, что шумеры создали цивилизацию Месопотамии, изобрели клинописное письмо, которое они передали вместе с другими элементами цивилизации семитам: вавилонянам и ассирийцам, пришедшим в Месопотамию после них. Меньшинство настаивало на том, что месопотамская цивилизация была создана семитским народом, а шумерские тексты были в действительности семитскими текстами, написанными *in a hieratic mode*.

Организатором и главой этого «анти-шумерского» движения был ведущий специалист Франции в области языкознания Йозеф Галеви. Именно ему принадлежала теория о том, что шумерский язык, язык создателей клинописного письма, вовсе не был языком, а был просто более примитивным способом написания для аккадского языка. И. Галеви утверждал, что все памятники месопотамской цивилизации были творением единой расы — семитской — и что ни географические названия Месопотамии, ни свидетельства библейских и классических авторов, ни традиции самих ассирийцев и вавилонян не показывают присутствия каких-либо иных этнолингвистических групп, помимо семитов, в ранней Месопотамии. Названия Шумер и Аккад отражали географическое или политическое разделение территории, но не этнолингвистическое. При отсутствии упоминаний о других этнолингвистических группах все институты ассирио-вавилонской цивилизации должны пониматься как достижения семитов, в том числе и система клинописного письма [Cooper, 1993].

Основная масса месопотамских материалов, которые были доступны для изучения в то время, когда И. Галеви выдвинул свою теорию, происходила из Ассирии I тыс. Шумерская проблема стала постепенно решаться только с 1884 г., когда начали появляться материалы III тыс. до н.э. из раскопок французской экспедиции в Телло. Впервые археологи раскапывали сам Шумер. Однако результаты появились не сразу.

В 1889 г. Фридрих Делич объявил о своем согласии с И. Галеви в первом издании своей аккадской грамматики [Delitzsch, 1889], в его поддержку также склонялся и Ф. Тюр-Данжен. В 1897 г. на международном конгрессе востоковедов в Париже ассириологов даже попросили проголосовать поднятием рук за или против существования шумерского языка. Против проголосовали только двое — Ф. Тюр-Данжен и Я. Иеремиас [Cooper, 1993]. Однако количество ранних текстов, найденных в Месопотамии все увеличивалось, и их изучение достаточно быстро заставило и этих выдающихся исследователей отвергнуть идеи И. Галеви [Delitzsch, 1898; Thureau-Dangin, 1905/1907]. Сам И. Галеви, тем не менее, вплоть до своей кончины в 1917 г. продолжал отстаивать свою позицию, публикуя огромное количество статей и монографий на эту тему.

Десятилетия напряженной работы археологов, лингвистов, историков, среди которых было немало выдающихся ученых,

привели к тому, что постепенно были выявлены и исследованы основные этапы ранней истории Месопотамии (до конца III тыс. до н.э.) и выработан более или менее общепринятый взгляд на роль и место шумеров и аккадцев в истории Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока.

В обобщающей работе Л.В. Кинга [King, 1910] ранняя история Месопотамии рассматривалась как драматический конфликт между шумерами и семитами (аккадцами), в ходе которого шумеры были полностью истреблены. Предположение о существовании «расового» конфликта между шумерами и аккадцами на несколько десятилетий стало ведущим в науке вплоть до выхода в 1939 г. статьи Т. Якобсена [Jacobsen, 1939]. Выдающийся исследователь подошел к решению этого вопроса с чисто гуманистических позиций. Он доказывал, что нет никаких свидетельств существования этнических конфликтов между двумя древними народами, а исследователи, настаивавшие на их существовании, находились под сильным влиянием современной им политической обстановки.

Предположение Т. Якобсена о сильном влиянии на исследователей окружавшей их идеологической атмосферы в определенной степени относится и к нему самому. Многие ассириологи, затрагивавшие, как и сам Т. Якобсен в своих трудах 30–60-х гг. XX в., проблему взаимоотношений двух древних народов, находились под сильным влиянием того отвращения, которое они испытывали к идеологии нацизма и его теории расового превосходства. Они полностью разделяли распространенные среди европейской интеллектуальной элиты того времени идеалистические настроения и надежду на то, что этнические разногласия можно решать мирными путями [Соорег, 1993]. Тезисы Т. Якобсена были поддержаны многими видными исследователями, и проблема казалась окончательно решенной.

Тема взаимоотношений шумеров и аккадцев оказалась на некоторое время попросту закрытой, так как само обращение к ней, попытка выявить и исследовать различия между двумя древними народами, могло послужить поводом для обвинения в приверженности к последователям расовой теории. Лишь спустя десятилетия после выхода статьи Т. Якобсена стали появляться публикации, авторы которых решились вновь затронуть эту проблему.

Показательной в этом отношении была 9-я международная ассириологическая конференция (Женева, 1960), посвященная

вопросам взаимовлияния шумерской и аккадской культур [Дьяконов, 1963]. Тезис Т. Якобсена об отсутствии каких-либо расово-этнических различий между шумерами и аккадцами и конфликтов на этой почве никем не опровергался. Действительно, как отмечал И.М. Дьяконов, в древних обществах «этническая общность, хотя объективно и существует, но либо вовсе не осознается, либо не играет политической роли», и таким образом тезис Т. Якобсена правилен *a priori* и не может быть опровергнут [Дьяконов, 1963: 174]. Однако отсутствие расово-этнических противоречий и конфликтов на этой почве, по мнению многих выступавших, вовсе не означало полное отсутствие различий между этническими группами.

По мнению Д.О. Эдзарда, контакты между двумя древними народами, шумерами и аккадцами, начались с момента их появления в Двуречье, когда происходила совместная или одновременная колонизация долины Двуречья аккадцами и шумерами. Первые занимали север, а вторые юг Нижней Месопотамии. При этом аккадские политические традиции (централизованное государство под властью царя) отличались от шумерских (теократическое государство). Между двумя этносами происходили постоянные контакты и взаимное смешение, которое, в конечном счете, привело к аккадизации населения Месопотамии при ведущей роли шумерской культуры [Edzard, 1960].

Д.О. Эдзарду первому принадлежала гипотеза о том, что шумерскому теократическому государству был чужд институт рабства, и само слово «раб» в применении к чужаку военнопленному было заимствовано шумерами из аккадского языка. Следуя за А. Фалькенштейном, он поддерживал и предположение о том, что шумеры, в отличие от аккадцев, не знали частной собственности на землю [Edzard, 1957: 9, п. 3].

Выдающийся ассириолог И. Гельб, выступая на конференции, заявил, что Т. Якобсен, смешивая «расу» с «этносом», «ломится в открытую дверь», упрекая ряд видных западных историков древности в расизме. При том, что в древней Месопотамии, безусловно, отсутствовал расовый антропологический антагонизм, говорить об отсутствии этнических конфликтов было бы неверно. Как указал И. Гельб, с начала III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии наблюдается наличие двух этносов: шумерского на юге и аккадского на севере. В середине III тыс. до н.э. началось оттеснение шумерского элемента и усиление аккадского. Начиная с периода Аккада

(XXIV–XXIII вв.) шумерский юг «должен был терпеть сильное проникновение аккадского влияния». Аккадское государство было деспотическим, тогда как шумерские государства таковыми не были. Аккадские цари вели двойственную политику, поддерживая древние шумерские культы, и в то же время уничтожая шумерские города. Именно это, по мнению И. Гельба, являлось свидетельством существования «этнического конфликта», т.е. конфликта между двумя народами, завоевателями и завоеванными, который имел политические корни и не привел к этническому антагонизму между этими народами. Период III династии Ура исследователь считал временем шумерского ренессанса, а в старовавилонский период произошла «полная ассимиляция шумеров и аккадцев в один вавилонский этнос» [Дьяконов, 1963: 174–178].

Предмет спора, касавшегося взаимоотношений двух древних народов, был, по-видимому, сформулирован недостаточно корректно; основные термины (раса, этнос) разными исследователями понимались по-разному. Само выражение «этнический конфликт» вызывало у поколения, пережившего Вторую мировую войну и все ужасы фашизма, совершенно определенные ассоциации, особенно если один из этносов, участвовавших в предполагаемом конфликте, был семитским, и не давало возможности достаточно объективно отнестись к предмету спора, уточнить понимание терминов и спокойно проследить логику доказательств. Тезис Т. Якобсена о том, что шумеры и аккадцы различались только по языку, по-прежнему разделялся многими исследователями [Kraus, 1970; Becker, 1985].

Активное развитие мировой исторической науки в сочетании с массой выдающихся археологических открытий, сделанных на территории древнего Ближнего Востока во второй половине XX в., внесли существенные коррективы в представления о ранней истории этого региона, показали, что ситуация была во многом гораздо более сложной и многообразной, чем представлялось ранее, и вызвали к жизни огромное количество работ по самым разным аспектам данной тематики.

Изменилось и понимание процесса развития Шумера, взаимоотношений Шумера и Аккада и той роли, которую Шумер и Аккад сыграли в истории Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока. Исследователи вплотную подошли к созданию новой парадигмы ранней истории Месопотамии.

Дихотомия Севера и Юга. К началу 1960-х гг. ранняя история Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока выстраивалась в достаточно ясную и последовательную схему: поскольку древнейшие памятники (и письменные и памятники материальной культуры), найденные здесь, принадлежали шумерам, шумерская цивилизация считалась древнейшей цивилизацией Ближнего Востока. Отсюда свет цивилизации распространялся по всему миру. Шумер, окруженный со всех сторон кочевыми племенами семитов, культурно доминировал в Вавилонии и на огромных территориях к западу от нее, от Персидского залива до побережья Средиземного моря.

Эти взгляды, наиболее четко сформулированные С. Крамером, с чьим именем связывают возникновение школы «История начинается в Шумере» [Крамер, 1963], разделялись большинством исследователей того времени. Однако с начала 1970-х гг. теория «паншумеризма» постепенно начала терять свои позиции. Это было связано с рядом выдающихся археологических открытий, сделанных на огромной по протяженности территории от Северной Сирии до Ирана и берегов Персидского залива.

Большинство современных исследователей ранней истории Месопотамии проводят четкие различия между двумя регионами внутри Южной Месопотамии (Вавилонии): между верхней (Северная Вавилония, Аккад) и нижней (Южная Вавилония, Шумер) частями аллювия. Термин «Вавилония» выглядит сейчас в некотором роде анахронизмом, но его удобно использовать как географическое название территории Месопотамии от места, где ближе всего сходятся Тигр и Евфрат на юг до Персидского залива.

Оказалось, что север и юг Вавилонии, по крайней мере, уже в начале Раннединастического периода представляли собой разные системы, которые в своем политическом и социально-экономическом развитии шли совершенно разными путями. Не будет преувеличением сказать, что последующая история Месопотамии, по крайней мере до 1500 г. до н.э., определялась различной природой этих двух систем.

Первым заметил эти различия и начал их исследование выдающийся американский ассириолог И. Гельб. Еще в 1960 г. он опубликовал статью, в которой высказывал мнение о существовании в Раннединастический период так называемой «кишской традиции» (Kish Tradition), отдельной и от родственной ей аккадской, и от

шумерской. Выводы автора основывались на исследовании аккадских царских надписей, текстов из Фары и Шумерского царского списка. Новые материалы, обнаруженные археологами, позволили И. Гельбу расширить и более твердо обосновать свою теорию.

Радикальные изменения в понимание исторических процессов, происходивших в IV—III тыс. до н.э. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером, внесло важнейшее археологическое открытие, сделанное при раскопках холма Телль-Мардих в 55 км к югу от Алеппо (Северо-Западная Сирия). В начале 70-х гг. XX в. раскопки итальянской археологической экспедиции обнаружили здесь древний город Эблу. В огромном дворце был найден архив, состоявший из 20 тыс. клинописных табличек, написанных на «эблаитском» языке (см. выше об использовании клинописи для семитских языков) и датированных серединой III тыс. до н.э. Первые публикации эблаитских текстов появились в 1975 г. [Pettinato, 1975], а в последующие десятилетия изучение Эблы стало фактически отдельной областью ассириологии. Ежегодно появляются десятки публикаций, перечислению которых отводится заметное место в выпусках «Keilschriftbibliographie».

Открытие Эблы и эблаитской письменности полностью перевернуло старые представления о развитии этого региона в период ранней древности: до этого считалось, что Сирия не имела письменности и достаточно развитого урбанизма по крайней мере до конца III тыс. до н.э. Правда, на границе Сирии и Ирака были найдены статуи из Мари с шумерскими надписями, но эта находка считалась исключением. Город Мари, единственный сирийский город, включенный в Шумерский царский список, рассматривался как самый отдаленный северо-западный аванпост шумерской культуры.

Находки археологов показали, что уже в середине III тыс. до н.э. в Северной Сирии существовала письменность, развитая система государственного управления, налаженная межрегиональная торговля, которая находилась под контролем государства.

В связи с этим открытием исследователям пришлось пересмотреть установившиеся взгляды относительно взаимодействия двух главных этнолингвистических групп, населявших Месопотамию — шумеров и семитов. Изучение памятников Эблы привело

некоторых исследователей к заключению, что «эблаитский» язык — самый древний из известных нам семитских языков, что мощная «Эблаитская империя» простирала свою политическую власть вплоть до Аккада, а культурное влияние — вплоть до Абу-Салабиха [Pettinato, 1975].

Это предположение не учитывало многих уже известных тогда науке фактов: присутствия семитов в Южной Месопотамии уже в Раннединастический период [Biggs, 1967], существования архаических кудурру и вотивных надписей на семитском языке, сведений об исключительном политическом влиянии царей Киша в Раннединастический период и ряда других данных. И. Гельб, который много работал над изучением языка и письменности Эблы, предложил свою гипотезу относительно политического и культурного развития территории Северной Сирии и Месопотамии в IV—III тыс. до н.э. [Gelb, 1981].

По его мнению, почти одновременно с шумерской на севере возникла другая высоко развитая цивилизация. Эту гипотетическую цивилизацию, которая, по мнению автора, занимала огромное пространство между Кишем и Абу-Салабихом на юге и Эблой и Мари на севере, И. Гельб предложил назвать Kish Civilization. Фундамент этой цивилизации, по мнению автора, первоначально возник вокруг города Киш, а в Раннединастический период ее влияние распространились до Эблы. И. Гельб считал, что нельзя говорить об унифицированном политическом контроле над всей территорией. Цари Киша правили в Кише и его территории, цари Эблы — в Эбле, а Мари периодически было либо независимым, либо под контролем Киша или Эблы. Kish Civilization понималась автором как некое культурное единство, «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории».

И. Гельб рассматривал Kish Civilization в трех аспектах: этнолингвистическом, политическом и культурном. Он предполагал, что в Раннединастический период на территории вокруг Киша существовала локальная лингвистическая общность, которая могла быть отличной и отдельной от староаккадского языка саргонского периода и от языка Эблы — Мари. Называя этот ранний язык северной Вавилонии «кишитским», автор высказал предположение, что родиной аккадцев, которые при Саргоне основали новую династию в Вавилонии, был не Аккад в Вавилонии, но

территория к северу от собственно Вавилонии, ограниченная Тигром, Верхним Забом, горами и районом Диялы.

Среди культурных характеристик, общих для всех или почти всех территорий Kish Civilization, автор указывает на следующие: связь «кишитского» языка с языками Эблы и Мари; более-менее унифицированная система письма; тесные контакты между писцами на всей территории (Эбла—Киш, Эбла—Мари); десятиричная система счета (Абу-Салабих, Эбла, Мари); сходство отдельных элементов системы мер (Эбла—Киш); сходные системы годичных датировок (Абу-Салабих, Мари); общие названия месяцев; семитские имена богов, имена собственные и топонимы на всей территории.

Позднее И. Гельб дополнил свои исследования в этой области подробным изучением памятников Мари, что привело его к выводу, что «Mari played the role of the catalyst and transmitter of the Kish civilization from its homeland in northern Babylonia to Ebla in northern Syria» [Gelb, 1992].

Эта теория И. Гельба впоследствии была подхвачена и расширена другими исследователями. По мнению С. Парполы, «археологические свидетельства сделали совершенно очевидным тот факт, что в Раннединастический период территория Верхней Месопотамии находилась под контролем политической силы, которую можно сравнить с Аккадской династией, появившейся позднее. Подъем этой империи, которую совершенно очевидно можно отождествить с I династией Киша Шумерского царского списка, совпадает с периодом исключительно благоприятных климатических условий, наступившим в Нижней Месопотамии в начале III тыс. Относительно организации этой империи и о причинах ее исчезновения неизвестно ничего определенного. Во всяком случае, она существовала достаточно долго, чтобы распространить свой язык, письменную систему, культуру и административные институты на всю территорию, находившуюся под ее контролем» [Parpola, 1988: 295].

Важнейшие работы по ранней истории Месопотамии, вышедшие после 80-х гг. XX в., учитывают теорию И. Гельба. Один из ведущих современных шумерологов П. Штайнкеллер, указывая, что И. Гельб разработал свою теорию, основываясь на данных языка, письменности и культуры, приводит исторические аргументы в ее поддержку [Steinkeller, 1993]. В исследовании, посвященном

истории Месопотамии в III тыс. до н.э. до Саргона, П. Штайнкеллер указывает, что развитие Месопотамии в III тыс. до н.э. определялось процессом взаимодействия двух различных традиций: южной (шумерской) и северной (сирийской). Северная Вавилония была тем регионом, где две эти традиции сталкивались вплотную: котел, в котором варились религиозные, культурные, художественные традиции, поднимавшиеся на север из Шумера и опускавшиеся на юг из Сирии.

П. Штайнкеллер первым подробно описал социальные и политические различия между двумя обществами (шумерским и семитским), сосуществовавшими в III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии [Steinkeller, 1993]. О том, что развитие Севера (Аккада) и Юга (Шумера) шло разными путями, неоднократно упоминают в своих публикациях и другие авторитетные исследователи [Nissen, 1993; Renger, 1995; Westenholz, 1993; Zarins, 1990]. Картина становления месопотамской цивилизации в свете этих работ представляется следующей.

Шумеры поселились в Южной Месопотамии примерно в середине V тыс. до н.э. Аккадцы в IV тыс. до н.э. пришли в Северную Месопотамию откуда-то с запада и постепенно продвигались на юг, так что к началу III тыс. до н.э. они стали соседями шумеров.

Шумер (Юг). Шумер впервые предстает перед нами во второй половине IV тыс. до н.э. как союз городов-государств, объединенных единой идеологией и определенной хозяйственной общностью. Эта была, вероятно, хорошо сбалансированная и внутренне устойчивая система. Каждый отдельный город-государство представлял собой сложную структуру, состоявшую из больших и малых самоснабжающихся хозяйств, в центре каждого из которых находился храм. В рамках этих храмовых хозяйств были заключены все территориальные, материальные и людские ресурсы города [Steinkeller, 1993].

Одной из организующих основ этой структуры было, вероятно, представление шумеров о божестве как хозяине определенной территории. Шумерский город, сосредоточенный вокруг храмового комплекса, и окружающая его территория были хозяйством (имением) главного городского бога и его божественного семейства, а все население города составляло персонал этого хозяйства.

Границы каждого города-государства (т.е. границы владений городского бога) считались установленными и санкционированными

богами, и поэтому любая попытка территориальной экспансии являлась, по существу, нарушением божественной воли и вследствие этого была достаточно затруднительна. В рамках такой идеологии теоретически немыслимой была бы идея унификации, создания единого территориального государства с централизованным управлением [Steinkeller, 1993: 116f.].

Земледелие, скотоводство, а также ремесленное производство велись в рамках городских храмовых общин коллективно. Производимые продукты централизованно собирались, хранились и затем различными способами распределялись между членами этих хозяйств. Экономiku такого типа, следуя теории Карла Поляни, можно назвать, по преимуществу, распределительной.

Общество, таким образом организованное и структурированное, не нуждалось в наличии или развитии индивидуального производства, будь то в сельском хозяйстве или в ремесле, и оставляло мало возможностей для возникновения и существования такого рода производства. Соответственно и индивидуальное владение землей являлось фактором, чуждым данной системе и в плане социально-экономическом, и в плане идеологическом [Steinkeller, 1993: 122].

Общество носило отчетливо эгалитарный характер, и стратификация населения была основана скорее на ресурсах, связанных с занимаемой должностью, чем на происхождении. Все горожане составляли персонал того или иного храмового хозяйства, и все они, независимо от пола, возраста и количества выполняемого труда, могли рассчитывать на материальное содержание от храма. Характер этого содержания по количеству и качеству, безусловно, зависел от положения того или иного лица в должностной иерархии, но не мог быть ниже необходимого прожиточного минимума.

Семья в обществе, где заботы обо всех членах хозяйства независимы от пола и возраста несет некая административная структура, как экономический институт не играет значительной роли; дети в основном связаны с матерью.

Каким образом осуществлялось взаимодействие отдельных элементов и структур данного общества, каковы были институты власти? Важную роль в создании властных структур играл, по видимому, один из фундаментальных принципов шумерской цивилизации (и типологически сходных архаических цивилизаций) — принцип очередности (*bala*). Все общество, вероятно, делилось на

несколько равноправных групп, представители которых поочередно занимали главные должности в иерархической структуре. Можно предположить, что членство в группе было связано с принадлежностью к персоналу определенного божества (т.е. храму). Каждая группа объединяла в себе, вероятно, представителей всех ступеней иерархии, от низших до высших [Stone, 1999].

Во главе каждого города-государства стоял правитель, который совмещал культовые и административные обязанности, тем более что в системах такого рода то и другое тесно взаимосвязано. Он был как бы земным представителем божества в его земном Доме и избирался на эту должность самим божеством на определенный срок, после истечения которого наступала, во всяком случае теоретически, очередь другого избранника, представителя другой общественной группы. Принцип очередности действовал, вероятно, на всех уровнях и во всех хозяйственных сферах общества.

Выработанная шумерами модель общественного устройства отличалась, вероятно, большой стабильностью, но была исключительно статична. Все идеологические, социальные и хозяйственные институты в рамках такой модели составляли неразделимое единство и не имели реальных возможностей для существенного изменения и развития.

Единая в культурно-идеологическом, социальном и хозяйственном аспектах система шумерских городов просуществовала то в виде некой конфедерации, то в сильно централизованном виде, до конца III тыс. до н.э., когда было окончательно разрушено последнее объединение шумерских городов — государство III династии Ура. Однако внутренняя структура шумерской системы, по-видимому, стала постепенно размываться и терять свою исходную целостность еще с начала III тыс. до н.э.

К концу III тыс. до н.э. шумерский язык вышел из живого обращения и превратился исключительно в язык культа и литературы, а сами шумеры как этнос практически исчезли. Подавляющую массу населения Южной Месопотамии к этому времени составляли носители совершенно другой по своим фундаментальным установкам и по своей динамике культурно-исторической системы — аккадцы и родственные им амореи.

Аккад (Север). Север никогда не создавал ничего похожего на систему независимых городов, которая существовала на Юге.

Государственность возникла здесь, по-видимому, на основе родоплеменных структур. Политические институты Севера очень рано приняли централизованную форму. Предполагается, что сильная, авторитарная политическая структура объединяла всю территорию Верхней Месопотамии уже в начале III тыс. до н.э. Ее расцвет некоторые исследователи связывают с I династией Киша, упоминаемой в Шумерском царском списке как первая послепотопная династия [Gelb, 1987; 1992].

Основной хозяйственной единицей Севера было индивидуальное хозяйство отдельной семьи, входившее составной частью в хозяйство родовой общины, в свою очередь являвшейся составной частью общего хозяйства племени. Патриархальная семья и принцип наследования (имущества, социального статуса и т.п.) — определяющий элемент экономической структуры общества Севера. Принадлежность к тому или иному племени, роду, семье лежала и в основе сильной социальной стратификации, существовавшей в обществе.

Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем. Именно эта группа контролировала большую часть материальных и людских ресурсов. Городов было значительно меньше, чем на юге, и они выполняли другую функцию. Они являлись местом пребывания родовой олигархии и царя, откуда власть осуществляла свой контроль над обществом.

Родовая аристократия не только разделяла власть с царем, но и контролировала значительную часть государственных экономических ресурсов. Главным собственником земли был царь и члены его рода, а также представители родовой аристократии. Большую часть экономической сферы составляли царское хозяйство и крупные частные хозяйства родовой знати. Храмовые хозяйства не играли значительной роли в экономике.

На Севере очень рано возникли такие институты, как частная собственность на землю, долговое рабство и клиента. Важная роль частного сектора может считаться характерной чертой такого рода структур. Шумерское слово «раб», вероятно, заимствовано из аккадского. Очевидное объяснение этому — сходные институты изначально отсутствовали в раннем обществе Юга, но в какой-то момент под влиянием северных соседей были заимствованы и сами эти институты, и термины для их обозначения [Edzard, 1957; Steinkeller, 1993].

В работах многих шумерологов, посвященных отдельным специальным проблемам ранней истории Месопотамии, содержатся и некоторые предположения о причинах различий в социальном и общественном устройстве Шумера и Аккада. Одни исследователи связывают различия экономических и социальных систем Севера и Юга с характерными различиями в религиозных концепциях шумеров и аккадцев. Считается, что главным в шумерской религиозной концепции было представление о том, что «нет земли без бога». Главный бог каждого города воспринимался как владелец всей земли этого города, а сам город — как хозяйство (Дом) божества, персоналом которого были горожане.

В аккадской религиозной концепции на первом плане, по-видимому, стояли астральные божества, не связанные четко с каким-либо определенным местом на земле, что, по мнению исследователей, отражало религиозные представления, зародившиеся в период их далекого кочевого прошлого. Даже после оседания на аллювиальной равнине и перехода к земледелию аккадцы, кажется, сохранили некоторые фундаментальные черты своей изначальной организации. В отличие от шумеров, для аккадцев было не столь важно прикрепление божества к определенной местности, результатом чего была и их меньшая заинтересованность в строительстве храмов и создании храмовых экономических структур [Renger, 1995: 283].

Другой вариант ответа на вопрос о причинах различия общественного устройства двух народов предложил А. Вестенхольц. По его мнению, Шумер и Аккад были разными культурными системами, поскольку два древних народа обладали «различной ментальностью», что проявляло себя во всех аспектах общественной и духовной жизни [Westenholz, 1993: 160]. Мнение о врожденной приверженности аккадцев идеям централизма разделяется и некоторыми другими ассириологами [Kienast, 1973]. Противопоставление А. Вестенхольцем «миролюбивых и законопослушных» шумеров «воинственным и своевольным аккадцам» подверглось острой критике [Nissen, 1993: 88, п. 17]. Однако с тезисом о «двух разных культурных системах» нельзя не согласиться, хотя предположение, что именно ментальность определяла характер той и другой системы, представляется неточным. Скорее то, что многие называют «ментальностью», является частью системы, которую нельзя отделить от нее самой и рассматривать как фактор, генерирующий систему.

Для других исследователей причины различного развития населения Юга и Севера крылись в экологических или геоморфологических особенностях этих регионов. Юг — как ограниченная по площади территория, пригодная, в основном, для интенсивного земледелия. Север — как гораздо более обширная территория, на которой одновременно одинаково хорошо развивались два взаимосвязанных типа хозяйства — естественно орошаемое земледелие и скотоводство [Nissen, 1988; Zarins, 1990].

В публикации 1999 г. П. Штайнкеллер подробно остановился на причинах различий двух регионов Вавилонии [Steinkeller, 1999]. По его мнению, в основе этих региональных различий лежали как экологические, так и исторические, религиозные и культурные факторы. Причем исторические корни южной системы, по мнению автора, уходят в убедский период с его общинными структурами, а северной — в отдаленное полукочевое прошлое предков аккадцев с его племенной системой и властью вождей.

Ирригация и становление политической власти. Изучение истории Месопотамии конца IV — начала III тыс. до н.э., в основном, базируется на археологической информации, которая, к счастью для исследователей, в значительной степени заполняет пробел, вызванный почти полным отсутствием письменных источников. В 50–60-е гг. XX в. несколько археологических экспедиций активно работали в Южной Месопотамии. К этому времени археология уже превратилась в подлинно научную дисциплину, и раскопки проводились в высшей степени аккуратно и тщательно.

Р. Адамс и Х. Ниссен исследовали территорию Урука и его окрестностей методами топографической археологии с применением аэрофотосъемки. Основные усилия были направлены на изучение истории догосударственного и раннегосударственного периода. В ходе раскопок шел поиск не только отдельных древних поселений, но и связей между поселениями, изучалось расположение поселений по отношению к каналам, по отношению друг к другу, мелких поселений по отношению к центральным. При этом пользовались особым методом исследования: проводилось внимательное изучение всей поверхности территории поселения и сбор всех обнаруженных здесь находок. Датируя эти находки и размещая их в хронологическом порядке, археологи приблизительно определяли тот отрезок времени, в который данное поселение существовало. Это дало возможность составить карты наличия

и расположения поселений в разные временные периоды, а сравнение этих карт позволило проследить изменения в структуре поселений.

Особое внимание археологи обращали на изучение русел древних каналов и ирригационных систем, развитие которых, по их мнению, оказывало огромное влияние и на политическое развитие региона. Огромный археологический опыт, накопленный в ходе раскопок и изучения памятников, делает выводы этих исследователей весьма обоснованными [Adams, Nissen, 1972].

Первая реконструкция водных систем Южной Месопотамии, основанная на изучении древних источников и данных археологии, была предложена Т. Якобсеном [Jacobsen, 1960]. Она получила всеобщее признание в науке и до сих пор лежит в основе всех исследований в области ранней истории Месопотамии. В основе этой реконструкции было предположение, что самые главные водные протоки на территории аллювия являлись притоками Евфрата, а течение Тигра проходило восточнее аллювия, примерно там, где проходит его современное русло. Из этого следовало, что система водоснабжения древних поселений северной и южной Месопотамии была связана исключительно с Евфратом, который снабжал водой все поселения севера и юга Месопотамии. Воды Тигра тоже достигали Месопотамии, но не прямо, а через целую систему каналов, которая начиналась далеко на севере. Упоминания реки Тигр, которые встречаются в текстах с юга, на самом деле имели в виду каналы, связанные с этой рекой.

Гипотезу Т. Якобсена поддержал Р. Адамс, располагавший огромным опытом археологических работ в Южной Месопотамии, который также считал, что в III тыс. до н.э. течение Тигра проходило к востоку от аллювия, хотя его точную локализацию установить невозможно [Adams, 1981]. Р. Адамс и Х. Ниссен представили свои взгляды на характер ирригации в Южной Месопотамии в конце IV—III тыс. до н.э. и о ее влиянии на развитие политических институтов в этом регионе в целом ряде публикаций [Adams, 1966; 1981; Adams, Nissen, 1972; Nissen, 1988]. Очень кратко их содержание можно изложить следующим образом.

Южная Месопотамия была территорией, где оседлая жизнь полностью зависела от состояния искусственного орошения. Это определяло и многие особенности культурного и общественного развития этого региона. Вода для орошения бралась, главным

образом, из Евфрата с помощью главных каналов. Эти каналы имели несколько ответвлений, которые в определенных местах разделялись на множество небольших каналов, по ним вода направлялась непосредственно на отдельные поля. Такую систему можно назвать дендрической, поскольку она по форме напоминает дерево с ветвями.

Главные каналы отходили непосредственно от Евфрата в нескольких точках вдоль его течения по территории южномесопотамской долины. Для такой системы орошения очень важным являлся контроль над устьями главных каналов, вытекающих из Евфрата, поскольку он давал возможность регулировать количество воды и распределять ее. Именно в этих точках создавались условия, наиболее благоприятные для жизни, и, естественно, эти узловые точки становились центрами городов и городов-государств.

Это было тем более важно, что общие объемы поступающей воды могли меняться из года в год в зависимости от климатических и погодных условий в тех регионах, где эта вода изначально собиралась. Следствием продолжительного уменьшения объема воды и сокращения ее поступления в оросительные каналы, особенно удаленные от главного канала, было то, что население покидало отдаленные от центра поселения, куда вода не поступала в достаточном объеме, и оседало ближе к центрам первоначального распределения воды. В эти периоды археологи отмечают уменьшение количества небольших поселений и рост городов [Nissen, 1988].

Археологам удалось проследить и важные изменения, периодически происходившие в системе водоснабжения. В период Поздний Урук поля орошались с помощью системы небольших каналов, которые как сеть накрывали сельскохозяйственные площади. Это хорошо подходило для местности, которая незадолго до этого страдала от избытка воды. Ко времени РД I ситуация полностью изменилась: территория Южной Месопотамии постепенно все более высыхала, вода все глубже уходила в землю. Это вызвало необходимость создания нескольких весьма протяженных каналов в РД I и привело к более сильной концентрации обрабатываемых земель вдоль основных каналов. Как показали данные археологии, значительная часть поселений в этот период также переместилась и расположилась вдоль каналов. Изучение изменений

в расположении поселений и каналов показало, что проблемы, вызывавшие территориальные и водные конфликты в Южной Месопотамии, впервые возникли в период РД I, значительно усилились в период РД II и стали самыми серьезными проблемами периода РД III [Nissen, 1993].

По мнению Х. Ниссена, в ранние периоды (Поздний Урук, Джемдет-Наср и, вероятно, в период РД I) существовала общая, разделявшаяся всеми, система политических взглядов и поведения. Как считает исследователь, об этом говорит тот факт, что в это время происходило устойчивое последовательное развитие культуры. Однако особенности системы орошения, существовавшей в Южной Месопотамии, привели к разделению общей политической системы на два основных направления: партикуляризм и централизм. Оба варианта представляли собой две стороны одной общей системы, со своими недостатками и преимуществами каждая [Nissen, 1993].

В первом случае (партикуляризм) оптимально учитывались нужды местного орошения и системы местных поселений. При этом никакой необходимости в централизованном управлении не существовало, пока между соседними городами-государствами не стали возникать территориальные и водные конфликты, которые местные власти не способны были разрешить (конфликт Лагаш—Умма). Во втором случае центр располагал всеми необходимыми возможностями, чтобы разрешать серьезные конфликты, но был менее эффективен, когда вопрос касался местных проблем.

Эти модели власти, т.е. партикуляризм и централизм, как считает Х. Ниссен, возникли предположительно между периодами РД II и Аккад, а первые серьезные следы дифференциации проявились в конце РД III. Изменение от политически сильной системы децентрализованной власти периода РД III к политической системе Аккада, в которой главной была концепция центральной власти, представляло собой, по мнению Х. Ниссена, не что иное, как последовательность смены одной стороны медали на другую. Катализатором, который форсировал этот процесс, было ухудшение водной ситуации, что вызывало внутренние проблемы, для решения которых необходимо было создание более высокого уровня власти.

Идеологический конфликт между двумя принципами, партикуляризма и централизма, возник, как считает исследователь, не

позднее РД III, т.е. задолго до династии Аккада, и, следовательно, он имел местное происхождение. При этом этническое различие между шумерами и аккадцами было важным, но все-таки не столь существенным фактором развития в Раннединастический период [Nissen, 1993].

Основные выводы Адамса—Ниссена относительно развития и изменения ирригационных систем в Южной Месопотамии и связанных с этим изменений в местных политических структурах были аргументированы и доказаны и до сих пор сохраняют свое значение. Было безоговорочно принято и их мнение о решающей роли Евфрата и незначительной роли Тигра в водном режиме Южной Месопотамии III тыс. до н.э. Такой взгляд на водный режим Южной Месопотамии оставался неизменным до 1990 г., когда было опубликовано исследование на эту тему В. Хаймпеля [Heimpel, 1990]. Автор привел серьезные аргументы в пользу того, что водный проток, который Т. Якобсен и вслед за ним другие исследователи рассматривали как ответвление Евфрата (так называемая «восточная ветвь», или Итурунгаль) и на котором располагались города Гирсу, Адаб, Умма и Урусагриг, на самом деле был Тигром. Это мнение поддержал П. Штайнкеллер, который привел дополнительные аргументы в его пользу [Steinkeller, 2001].

Работы Р. Адамса и Х. Ниссена не только расширили наше понимание реальной истории ранней Месопотамии, но и нанесли окончательный удар по так называемой теории «гидравлического государства». В 50-е гг. XX в. в исторической науке существовала никем не доказанная, но общепринятая абстракция: создание широкомасштабной системы ирригации и необходимость управления ею привели к возникновению первых городов и государств и во многом определили их политическую структуру [Steward, 1955].

Это утверждение положено и в основу работы К. Виттфогеля, выдвинувшего теорию о тесной связи «гидравлических обществ» и «восточного деспотизма», в ранней версии которой можно ясно увидеть влияние гипотезы «храмового государства» А. Даймеля [Wittfogel, 1957]. Автор, некогда разделявший марксистские убеждения и принимавший участие в дискуссии об азиатском способе производства, проходившей в 20–30-е гг. XX в., поставил целью своей работы «объективную критику» содержания этой дискуссии и создание новой, «более отвечающей современным требованиям

науки» концепции исторического развития неевропейских народов [Павловская, 1965].

Очень кратко основные положения работы К. Виттфогеля сводятся к следующему. В районах с засушливым климатом земледелие было возможно только при создании масштабных ирригационных систем. Такие работы требовали усилий всего общества, и в определенных условиях из функции руководства ирригационными работами возникла деспотическая государственная власть, которая регулировала земледелие и пользование водой, организовывала крупные строительные работы, в определенной степени контролировала ремесло и торговлю.

Общество в таком государстве делится на два класса: правящий (деспот и бюрократия) и управляемый (земледельцы, ремесленники, торговцы и рабы). Наряду с государственной, существует и частная собственность на землю, но в очень ограниченном масштабе. Это определяет «застойный характер» «гидравлических обществ», и коренным образом отличает их от обществ Запада, для которых характерно преобладание сильной частной собственности и постоянный процесс развития и трансформации.

Теория К. Виттфогеля базировалась на априорном утверждении: появление ранних государств являлось следствием создания широкомасштабной ирригации. Однако археологические изыскания, проводившиеся в 50–60 гг. XX в. в Южной Месопотамии, прежде всего работы Р. Адамса и Х. Ниссена, по-видимому, полностью опровергли это утверждение [Adams, 1960; 1965; Adams, Nissen, 1972]. Они показали, что широкомасштабная ирригация появилась здесь гораздо позже возникновения автократического управления и комплексной бюрократии. Прямой причинной связи между регулированием водных ресурсов и возникновением деспотического или теократического правления, на чем настаивал К. Виттфогель, по мнению этих исследователей, не прослеживается.

Р. Адамс, в частности, указывал, что мелкомасштабная ирригация в Месопотамии не требовала политического планирования, а крупномасштабная появилась тогда, когда города и государство уже существовали. Происхождение городов, по мнению Р. Адамса, скорее было связано с дифференциацией ресурсов, следствием чего явились социальная стратификация и специализация производства и как результат — необходимость контроля над такой

сложной системой [Adams, 1966]. Последующие исследования во многом подтвердили эти предположения Р. Адамса [Gibson, 1972].

С изучением ирригации связано возникновение теории прогрессивного засоления почвы, в результате чего была подорвана экономика Шумера, и произошел его политический и культурный упадок. Она была впервые сформулирована Т. Якобсеном и Р. Адамсом в 1958 г. [Adams, Jacobsen, 1958]. В опубликованном в том же году отчете об археологическом проекте «Дияла» Якобсен отметил «удивительное различие в экспериментах с солью, Юг был поражен ею рано, так что не смог восстановиться, а на Север она не произвела никакого серьезного эффекта, так что он двигался к повышению плодородия и благополучию» [Jacobsen, 1958]. Позднее выводы автора были доработаны, более полно аргументированы и опубликованы в отдельной монографии [Jacobsen, 1982].

По мнению Т. Якобсена, одной из важнейших причин упадка шумерской цивилизации было возраставшее в III тыс. до н.э. засоление почвы и сокращение, вследствие этого, посевных площадей. Для доказательства своей теории автор использовал и данные археологии, и письменные свидетельства, касающиеся количества посевного зерна и величины урожая. Эти цифры показывают, как считает автор, что количество посевного зерна на единицу площади постепенно росло, а урожаи уменьшались. Важным свидетельством в пользу своей теории автор считал также приведенные им данные о постепенном уменьшении сельскохозяйственных площадей, занятых пшеницей, и переходе к преимущественному возделыванию ячменя.

Аргументация Р. Адамса и Т. Якобсена сначала была принята практически безоговорочно, однако позднее было высказано мнение, что аргументы и свидетельства, приведенные в их работе, недостаточны, чтобы поддержать эту теорию и, возможно, не репрезентативны [Butz, 1985; Powell, 1985].

Как указывала критика, засоление почвы действительно представляло собой проблему для шумерского сельского хозяйства, однако даже в материале, использованном авторами теории, есть свидетельства того, что шумеры осознавали эту проблему и умели хорошо бороться с ней в мирное время. Данные, использованные авторами для доказательства своей теории, по мнению критиков, часто неправильно поняты ими из-за метрологических ошибок, из-за включения в посевное зерно зерна, предназначенного на

корм скоту и неправильной интерпретации документов, в результате чего отчеты о поступлениях зерна понимались как отчеты о посевном зерне.

Серьезным недостатком работы критики сочли и то, что в ней не были учтены несколько серьезных исследований по сельскому хозяйству Шумера, появившихся к тому времени [Salonen, 1968; Maekawa, 1974].

Экономика и социум. Богатая литература по вопросу о характере экономики и социума в ранней Месопотамии содержит множество противоречивых предположений. Разные экономические теории, предлагавшиеся исследователями, базировались на разном понимании характера земельных отношений и собственности, существовавших в древнем обществе. Имеет смысл, вероятно, проследить историю возникновения этих теорий, рассмотреть вкратце те аргументы, на которых они базировались, и изложить другие экономические парадигмы, которые были предложены критиками этих теорий.

Теория «храмовой экономики». Среди гипотез, касающихся социальной и экономической истории ранней Месопотамии, которые были сформулированы за последние сто лет, самой значительной, безусловно, была гипотеза о храмовом государстве и храмовой экономике. Она оказала очень сильное влияние на исследования по истории Месопотамии и на развитие всей исторической науки о древнем мире.

Шумерские хозяйственные тексты из Гирсу, над которыми в первые десятилетия XX в. работал выдающийся шумеролог Антон Даймель, привлекли внимание не только историков, но и экономистов. В 1920 г. вышла работа молодого экономиста Анны Шнайдер «Шумерский храмовый город» [Schneider, 1920]. Автор, проработав шумерские тексты, содержащиеся в рукописи, представленной ей А. Даймелем, организовала имевшиеся в них факты в более-менее четкую картину и попыталась объяснить экономику шумерского города с точки зрения существовавших к тому времени общих экономических теорий.

По мнению А. Шнайдер, экономика шумерского города носила смешанный характер. Храм, правитель и местная община сосуществовали в едином экономическом пространстве, по-видимому, при гегемонии храма. При этом каждый из этих трех секторов представлял собой отдельный центр производства и потребления.

Между этими структурами внутри города постоянно шел живой обмен товарами и службами. А. Шнайдер считала, что экономика шумерского города содержала черты централизации и распределения, сходные с экономикой древнего Египта, черты феодальной службы, как в средневековой Европе, ей был присущ обмен, основанный на денежной системе и кредит современного капиталистического типа.

Работа А. Шнайдер была очень важным, но недостаточно оцененным шагом вперед не только в исследовании ранней истории Месопотамии. Автор сделала попытку разорвать рамки общепринятой в исторической науке того времени классификации города и городской экономики, предложенной еще Фюстелем де Куланжем и разработанной далее М. Вебером: город основан на рыночной экономике и имеет местное самоуправление. Из работы А. Шнайдер следовал естественный и исключительно важный вывод: гипотеза однолинейного развития города для всего мира опровергается шумерским вариантом.

С 1922 по 1931 г. А. Даймел опубликовал 17 статей, на основе которых в 1931 г. издал монографию, посвященную исследованию экономики раннего шумерского города [Deimel, 1931]. Его работа была основана на исследовании документов из архива хозяйства богини Бау, (по мнению автора, это был «храм (богини) Бау»), которое было расположено на территории города-государства Лагаш. Документы были составлены в начале XXIV в. до н.э. и охватывают период в 25 лет, на который пришлось правление Энтарзи, Лугальанды и Урукагины. Архив, вероятно, был очень обширный, 1800 текстов из него было опубликовано А. Даймелем, но в разных музеях мира осталось еще много неопубликованных документов из этого архива. Материал, исследованный А. Даймелем, содержал исключительно богатую информацию, но все данные, содержащиеся в текстах, касались деятельности только одного хозяйства Бау, в них было очень мало свидетельств о деятельности других хозяйств в Лагаше, и отсутствовала какая-либо информация о том, что происходило за пределами этого города-государства.

Очень кратко суть гипотезы храмового государства можно изложить следующим образом. Когда шумеры впервые осели в Южной Месопотамии, они должны были создавать ирригационные сооружения для орошения полей, сбора и хранения воды, поскольку осадков здесь выпадало очень мало, а разливы Тигра

и Евфрата были совершенно непредсказуемы. Чтобы соорудить необходимые ирригационные системы, требовалась работа всего населения. Такие работы нельзя было проводить без создания специального управленческого аппарата, который их планировал и организовывал. Осуществление масштабных ирригационных проектов и эффективная эксплуатация сельскохозяйственных земель была возможна, только если эта земля находилась в собственности богов, а не у частных лиц или семей.

В середине III тыс. до н.э. вся или почти вся сельскохозяйственная территория Шумера принадлежала храмам, которые таким образом контролировали всю экономику Южной Месопотамии. Города и города-государства на ее территории функционировали как *theocentric manors*, политические лидеры которых были обязаны своей властью тому обстоятельству, что они управляли хозяйствами богов. В последней четверти III тыс. до н.э. усилившиеся тенденции к секуляризации привели в упадок теократический порядок Шумера. По мнению Даймеля, этот порядок был вытеснен все усиливающейся государственной организацией, которая гораздо более плотно регулировала экономику, чем это делали храмы.

Позиции А. Даймеля и А. Шнайдер не были полностью идентичны. Именно А. Даймель прочитал тексты и ознакомил с ними неспециалистов, и в этом плане его вклад был, конечно, решающим. В то же время анализ текстов А. Даймеля, как считают некоторые специалисты, был более сырым и прямолинейным, чем у А. Шнайдер [Liverani, 1997]. При этом, если работы А. Даймеля стали фундаментом для всех последующих исследований по истории ранней Месопотамии, то имя А. Шнайдер практически забыто, на ее труды никогда не ссылаются даже те исследователи, кто пишет о «смешанной» экономике в ранней Месопотамии.

Независимо от этого, труды этих исследователей внесли колоссальный вклад в изучение древнейшего периода урбанизации и оказали огромное влияние на последующее развитие науки. Созданная ими теория была практически полностью принята наукой того времени, а термины, введенные ими, «*Tempelwirtschaft*» и «*Tempelstadt*», получили всеобщее признание и стали широко использоваться исследователями древности.

Важным свидетельством признания этой теории явились публикации двух крупнейших ассириологов середины XX в. Ф. Крауса

и А. Фалькенштейна, посвященные роли храмов в экономике древней Месопотамии [Falkenstein, 1954; Kraus, 1954]. Во многом их взгляды на эту проблему совпадали. А. Фалькенштейн считал, что возникновение месопотамской цивилизации было тесно связано с ростом храмов. Следуя его теории, это вело к образованию вокруг храмов государственных структур. Такие храмовые государства были чисто шумерскими, и в той или иной форме они существовали на протяжении всего III тыс. до н.э. с небольшим перерывом во время саргоновской империи. Единственно, при III династии Ура они превратились в государственно-управляемую экономику. Что касается деталей организации экономики в храмовых государствах, А. Фалькенштейн, как и Ф. Краус, принял гипотезу А. Даймеля и А. Шнайдер с небольшими изменениями.

«Как непосредственный результат того факта, что храмы были единственными или в некоторых случаях главными землевладельцами, они распоряжались различными трудовыми ресурсами города-государства. Только при этом условии существовала возможность использования сельскохозяйственных земель храма, организации и проведения ирригационных работ, принятия мер безопасности — строительства оборонительных сооружений, организации строительных проектов в самих храмах» [Falkenstein, 1974: 9].

Ни А. Фалькенштейн, ни Ф. Краус не настаивали на существовании в древней Месопотамии исключительно храмовой экономики, признавая, что рядом с ней могли существовать и другие экономические сферы, но вопреки их намерениям, именно после этих публикаций теория преобладания исключительно храмовой экономики в древней Месопотамии III тыс. до н.э. получила особенно широкое признание.

В центре изучения экономики и социума в ранней истории Месопотамии, со времени появления публикаций А. Даймеля, оказалась исключительно государственная и храмовая экономика. Помимо теоретических соображений, такое направление исследований объяснялось еще и тем, что большая часть письменных источников происходила из государственных или храмовых архивов и освещала действие именно этих институтов. Несомненно, и А. Шнайдер, и А. Даймель знали о существовании документов, в которых упоминалась земля, находившаяся во владении частных лиц, но сочли их малозначимыми, поскольку таких текстов было

мало по сравнению с огромным материалом, свидетельствовавшим о преобладании системы храмового землевладения.

В результате усиленного внимания к тому, что Л. Оппенгейм [Оппенгейм, 1980] назвал «великими организациями» и почти полного игнорирования данных о существовании других сфер экономики, большинство исследователей пришло к выводу, что экономика и общество Месопотамии, по крайней мере в отдельные периоды, например, в период Ур III, полностью определялась деятельностью этих институтов («великих организаций»), которые выступали как единственная сила в экономике, политике и религии. При этом основным источником материального снабжения большей части населения были выдачи (рационы), получаемые ими из храмового или государственного хозяйства. Сборник статей на эту тему вышел в 1979 г. [Lipinski, 1979].

С теорией храмового хозяйства очень тесно связана теория государственной экономики. Происхождение этой теории, основанной исключительно на материале периода III династии Ура, проследить довольно сложно. Одно из первых, вероятно, упоминаний о «государственной экономике» содержит работа П. Кошакера, посвященная исследованию древнего законодательства [Koschaker, 1963], и опубликованная в том же году статья Ф.М. Бохля, который, определяя характер экономики при III династии Ура, говорит о «государственном социализме на сакральной основе». Сходное мнение было высказано выдающимся исследователем Б. Ландсбергером [см.: Gelb, 1969: 147]. Теория государственной экономики в период Ур III была принята практически всеми исследователями.

Критика теории А. Даймеля. Теория храмового государства А. Даймеля и возникшая на ее основе теория государственной экономики нашли очень много сторонников, но у нее нашлись и противники, так что автор теории оказался под огнем не всегда справедливой критики. Гипотеза А. Даймеля о шумерском храмовом государстве априорно предполагала решенными две сложные проблемы: шумерскую проблему, т.е. вопрос о времени появления шумеров в Южной Месопотамии, и вопрос о связи между ирригационным земледелием и социальным порядком. Предлагаемый этой теорией специфически шумерский характер храмового государства до сих пор остается дискуссионным, поскольку нет полного согласия в вопросе о времени заселения Месопотамии

шумерами. Предположение А. Даймеля о связи между широко-масштабной ирригацией и возникновением государства было положено в основу теории «гидравлического» государства (см. раздел «Ирригация и становление политической власти»), но было, как будто, опровергнуто археологическими свидетельствами [Adams, Nissen, 1972].

Серьезным основанием для критики было то, что А. Даймель построил свою теорию на основании изучения единственного архива. Ученый, многие годы работавший над текстами из Лагаша, не использовал другие шумерские тексты, знакомство с которыми, по мнению критиков, могло решительно изменить его выводы. Однако критики должны были учитывать следующие факты: 1) когда А. Даймель начинал свою работу, никто не имел ни малейшего представления о том, что представляло собой шумерское общество и экономика; 2) собственные заявления А. Даймеля о *Tempelwirtschaft* гораздо более осторожны, чем заявления тех исследователей, кто строил свои теории на этом фундаменте.

Выдвинутое А. Даймелем положение о том, что в Шумере вся земля принадлежала божеству, лежавшее в основе теории о храмовой экономике, вступило в конфликт с господствовавшим в европейской науке того времени представлением об изначальном существовании частного землевладения. Неудивительно поэтому, что с момента, когда А. Даймель сформулировал свою теорию, ее критика и отношение к ней сконцентрировались прежде всего на вопросе землевладения.

После появления теории храмового государства главной задачей исследователей, занимавшихся проблемой земельных отношений, которые относились к этой теории критически, стали поиски «частной» земли, либо путем подсчетов предполагаемых площадей сельскохозяйственной земли, чтобы доказать, что храмовые земли составляли только часть от них (И.М. Дьяконов), либо путем поисков и публикации текстов, которые, по мнению издателей, представляли собой акты купли-продажи земли и наличие которых казалось неопровержимым доказательством существования частной земельной собственности в Месопотамии древнейшего периода (И. Гельб). Новое направление исследований в области экономики и социума древней Месопотамии было порождено пионерскими работами И.М. Дьяконова и И. Гельба 50–70-х гг. XX в.

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах И.М. Дьяконова. Наиболее серьезная критика теории А. Даймеля содержалась в работах И.М. Дьяконова. Именно этому исследователю принадлежит признанное первенство в изучении проблем экономики и землевладения в древней Месопотамии. Еще в 1950 г. И.М. Дьяконов высказал мнение о наличии в Шумере больших территорий вне храмовой земли [Дьяконов, 1950], с чем согласились А.И. Тюменев [Тюменев, 1956: 140, 199 и др.], И. Гельб [Гельб, 1982], Р. Адамс [Adams, 1966]. И.М. Дьяконов исправил подсчеты А. Даймеля о количестве земли, находившейся в распоряжении отдельных храмов в Лагаше. Пересчитав вновь размеры храмовых земель, упоминаемых в текстах, количество храмового персонала и зависимых работников, он сравнил эти цифры со своими подсчетами территории и населения государства, где располагались эти храмы и пришел к выводу, что храмы являлись важной частью экономической структуры, но не были единственными держателями земли и не объединяли под своей властью все население государства. Храмовые владения, как считал автор, не могли занимать всю сельскохозяйственную территорию лагашского нома, значительная ее часть оставалась за пределами храмовых хозяйств и находилась, по мнению автора, в распоряжении территориальных общин [Дьяконов, 1952б; 1959].

В ходе дальнейшей работы И.М. Дьяконов обратил особое внимание на изучение многочисленных экономических и административных текстов, которые раньше считались не представляющими особого интереса. Это позволило по-новому взглянуть на характер и уровень экономической активности за пределами «великих организаций» (храма и дворца). В конце 60-х гг. прошлого века И.М. Дьяконов опубликовал три большие обзорные статьи, посвященные проблемам экономики и социального строя обществ древнего Ближнего Востока в III и первой половине II тыс. до н.э. [Дьяконов, 1967; 1968]. Впервые экономика Месопотамии стала изучаться с теоретических позиций.

Автор уделил особое внимание вопросу терминологии, подробно рассмотрев и проанализировав термины, передающие понятия собственности и владения, поскольку разные исследователи вкладывали в них разное значение, что приводило к непониманию связанных с этим проблем. Изучив огромный письменный материал, И.М. Дьяконов пришел к заключению, что на Ближнем

Востоке рассматриваемого периода существовали два вида собственности на землю: государственная (царская и храмовая) и общинная, две сферы экономики: государственная и общинная, также как и две основные общественные группы: царские люди и общинники.

Развитие земельных отношений в Месопотамии III тыс. до н.э., по мнению автора, можно проследить хронологически. В начале (XXXII—XXIX вв. до н.э.) храмовая земля составляла часть общинного земельного фонда, и не было резкого противопоставления храмового хозяйства общине. В этот период храмовые хозяйства развивались на общинных землях и обеспечивали общинное святилище и храмы. Рабочую силу им обеспечивали повинностные работы общинников и прием в хозяйство люмпенов, которые работали за рацион [Дьяконов, 1959: 79—81, 94—95].

В дальнейшем (XXVIII—XXVI вв. до н.э.) у храмов появился свой зависимый хозяйственный персонал, получавший за свой труд натуральное довольствие. Однако храмовые работники все еще были связаны с общиной. В ходе последующего развития возникла зависимость храмового хозяйства от местного правителя. Одновременно происходил процесс полного обособления храмового персонала от общины.

По мнению И.М. Дьяконова, «во всех государствах Западной Азии существовала, условно говоря, государственная земля (дворца и храма) и земля, принадлежавшая отдельным семейным общинам (extended families); они были обычно включены в территориальные общины» [Diakonoff, 1975]. Частное землевладение возникло и развивалось здесь не на основе храмового хозяйства, а на базе общинного землевладения. Храмовая земля, считавшаяся собственностью божества, была неотчуждаема, а общинная со временем стала продаваться и покупаться [Дьяконов, 1959]. Различия, наблюдаемые исследователями в характере земельных отношений в Месопотамии III тыс. до н.э., И.М. Дьяконов объяснял не особенностями развития отдельных регионов на ее территории, а естественным следствием развития земельных отношений в древности.

Исследуя социальную структуру общества, И.М. Дьяконов подчеркивал важную роль, которую играла община и свободные общинники, объединенные в большие патриархальные семьи. По мнению автора, основную часть населения в рассматриваемый

период составляли именно свободные общинники, которые были главной производительной силой общества. Из их числа постепенно выделялась крупная общинная знать. Она образовывала верхушку общества до аккадского периода, позднее, с появлением служилой знати обе эти общественные группы объединились в одну.

Вторую значительную по количественному составу группу населения образовывали царские люди. Среди них И.М. Дьяконов различал две категории: 1) царских служащих (военачальники, придворные, чиновники, ремесленники, отчасти жрецы, а также профессиональные воины, не входившие во всеобщее ополчение), которые получали условные служебные наделы на царской земле; 2) царские работники, лишенные прав собственности на средства производства и подвергавшиеся внеэкономическому принуждению; они получали натуральное довольствие и по своему социально-правовому положению были близки рабам (аналог илотов).

Самую низшую группу населения составляли рабы. Численно и по своей роли в экономике рабы не играли существенной роли, но сам факт существования рабства накладывал серьезный отпечаток на право и общественную идеологию. Царские работники и рабы составляли основную массу «эксплуатируемого класса древнего общества», который И.М. Дьяконов условно называет «древними подневольными работниками рабского типа» или илотами [Дьяконов, 1968; 1973].

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах И. Гельба. В западной науке одним из самых серьезных оппонентов А. Даймеля был И. Гельб. Почти одновременно со статьями И.М. Дьяконова конца 1960-х гг. вышла его публикация, посвященная той же тематике [Gelb, 1969]. Соглашаясь с реконструкцией экономики храмового хозяйства Лагаша, предложенной А. Даймелем, он считал, что было бы неправильно принимать ее как норматив для всей Месопотамии и всего III тысячелетия до н.э.

По мнению И. Гельба, теория исключительно государственного землевладения была основана только на одном аргументе — *argumentum e silentio*: поскольку от времени III династии Ура нет контрактов купли-продажи земли, следовательно, земля не могла быть продана, и, следовательно, она принадлежала государству. При этом никому из сторонников теории государственной экономики не пришло в голову, что отсутствие сделок с землей в период

Ур III можно объяснить характером законодательства, которое запрещало такого рода сделки. Кроме того, сторонники теории государственной экономики опирались на материал государственных и храмовых архивов из городов Дрехем, Джоха, Лагаш, но не учитывали свидетельства частных архивов из других мест, прежде всего Ниппура и, в некоторой степени, Ура, которые доказывают, по мнению И. Гельба, существование частного землевладения в период Ур III [Gelb, 1969].

Как показал И. Гельб, каждая из двух самых распространенных к середине XX в. экономических теорий, теория храмовой экономики и теория государственной экономики, может быть применена только к одному определенному историческому периоду: первая — к досаргоновскому периоду, вторая — к периоду Ур III. Главной ошибкой сторонников этих теорий была, во-первых, их попытка распространить предлагаемую модель экономики на все III тысячелетие и, во-вторых, их догматическое утверждение, что вся земля принадлежала либо храму (в досаргоновский период) либо государству (в период Ур III) и отказ признать одновременное существование разных вариантов экономических моделей, прежде всего существование частного землевладения [Gelb, 1969].

По мнению И. Гельба, структура землевладения, при которой земля находилась в распоряжении племен или семейных кланов и на ней работали свободные земледельцы, играла важную роль только в тот доисторический и протоисторический период, когда шло становление оседлой экономики, а также в периоды серьезных общественных и экономических перемен (передел земли, последовавший за вторжением амореев). Такого рода структура могла существовать также в периферийных регионах.

При возникновении централизованного государства с развитой аграрной экономикой общинное землевладение, которое контролировалось племенными или клановыми структурами, уступало место общественному землевладению (*public land*), которое контролировалось государством, храмом и высшей бюрократией [Gelb, 1969a]. Основной структурной единицей экономики (государственной, храмовой или семейной) было крупное хозяйство, «*oikos*». *Oikos* представлял собой крупное самоснабжающееся хозяйство со своими жилыми зданиями, мастерскими, загонами для животных, складами, а также полями, садами, пастбищами и

лесами. Во главе хозяйства стоял его владелец или управитель, в чьем распоряжении находилась земля, а работниками были полусвободные гуруши, приписанные к этому хозяйству. Вопрос о том, существовали ли за пределами таких хозяйств сельские общины, объединявшие свободных земледельцев, И. Гельб оставляет открытым.

Необходимо также учитывать, как указывал И. Гельб, что в источниках по истории Месопотамии есть множество пробелов. Вполне возможно, что здесь существовало одновременно несколько систем землевладения, как это можно наблюдать на современном Ближнем Востоке [Gelb, 1972].

В ходе исследования общественного устройства в ранней Месопотамии И. Гельб первоначально разделял общество древней Месопотамии на три класса: свободные, полусвободные (гуруши) и несвободные домашние рабы. На вершине общества, по его мнению, располагался очень малочисленный класс «хозяев» (правитель, знать, жрецы, торговцы), внизу — такой же малочисленный класс домашних рабов, а между ними — масса сервов (гурушей), которые составляли основную рабочую силу в сельском хозяйстве, работая в крупных хозяйствах. Открытым оставался вопрос о существовании свободных крестьян и ремесленников за рамками крупных хозяйств; в любом случае, по мнению автора, они играли самую незначительную роль в производстве [Gelb, 1972].

Позднее И. Гельб несколько откорректировал свою позицию по этому вопросу. Прежде всего, как признал автор, употребление слова «класс» в отношении отдельных общественных групп древней Месопотамии было не совсем корректным, так как в Месопотамии не было сильного социального разделения общества на свободных и несвободных, как это было, например, в классической Греции или Риме. С точки зрения экономики, в Месопотамии, по мнению И. Гельба, надо различать не три, а два класса: класс хозяев и остальное население. Последний включал в себя всех зависимых работников, не только сервов и рабов, но и так называемых свободных крестьян и ремесленников. Будучи теоретически свободными, они рано или поздно оказывались в зависимости от крупных землевладельцев, нуждаясь в воде, упряжных животных, сельскохозяйственных орудиях и других средствах производства.

Домашние рабы чаще всего происходили из чужеземцев. Они покупались за определенную цену и жили в доме своего хозяина,

не заводя семьи [Gelb, 1972a]. Сервы (гуруши) были местного происхождения. Они имели семью и содержали ее, обрабатывая небольшой земельный надел, который получали от своего хозяина. Рабов было немного, и они использовались на домашних работах. Сервы занимались производительным трудом и составляли основную массу зависимых работников [Gelb, 1976].

Важнейшим аргументом в пользу своей теории И. Гельб считал существование документов купли-продажи земли, что, по его мнению, отражало существование частной индивидуальной (не общинной, как у И.М. Дьяконова) собственности на землю [Gelb, 1969].

Еще в 60-е гг. XX в. И. Гельб разработал проект по изданию самых ранних документов, связанных с землевладением. Публикация подготавливалась очень долго. Сначала планировалось издать семь надписей на камне, но в окончательном варианте количество опубликованных документов было значительно увеличено. Работу над проектом начинал сам И. Гельб, который объездил множество музеев в поисках новых источников и проверки и исправления уже опубликованных. На поздних стадиях работы большую помощь И. Гельбу оказал Р. Вайтинг, а после смерти И. Гельба его работу продолжил и закончил П. Штайнкеллер, который заново переработал всю рукопись, добавил новые копии, чтения и интерпретации [Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991].

В результате были изданы два огромных тома под названием «Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus». Масштабное издание оказалось не столь гармоничным по содержанию, как планировал, по-видимому, И. Гельб, но исключительно богатая информация, которая заключена в нем, имеет неоценимое значение для изучения истории развития общества и экономики Месопотамии в III тыс. до н.э.

Первый том содержит фотографии памятников и прорисовки имеющихся на них текстов и изображений. Во втором томе даны транслитерация, перевод, комментариев, различного рода таблицы и списки. Всего в издании опубликовано 52 документа, записанных на камне. Среди них крошечная каменная табличка 4×5 см с несколькими процарапанными на ней пиктографическими знаками (№ 4) и огромный тщательно отполированный каменный четырехгранник высотой более 1,5 м, поверхность которого покрыта сплошным текстом, выполненным с удивительным мастерством (№ 40).

Объединить эти памятники издателей побудили два обстоятельства: то, что все они выполнены на камне, и то, что в большинстве текстов встречается знак, обозначающий поле (**gan₂**). И. Гельб, чьим трудам мы, прежде всего, обязаны публикации этих текстов, называл их «древние кудурру» (ancient kudurru) по аналогии с каменными стелами (кудурру) касситского времени, на которых фиксировались дарственные и гарантии на землю.

Происхождение самых древних документов неизвестно, более поздние были найдены в Лагаше, Адабе, Сиппаре, Ниппуре и ряде других городов. Во всех случаях, когда сохранились сведения о месте их находки, они были найдены на территории храмов. Некоторые памятники из этой группы давно опубликованы и широко исследовались. Это, прежде всего, Черный камень Луматура и обелиск Маништусу, которые еще в 50-е гг. были переведены и исследованы И.М. Дьяконовым, чья монография не потеряла своей ценности и актуальности и до сих пор [Дьяконов, 1959]. Большинство памятников стало доступно исследователям впервые. В издании приведено также еще 282 различных контракта купли-продажи III тыс. до н.э., записанных на глине.

Что касается интерпретации содержания этих памятников, то и сами издатели и большинство исследователей склонны рассматривать их как единую по смыслу группу документов, зафиксировавших в разное время в разных частях Вавилонии сделки по купле-продаже обрабатываемой земли. И далее, на основе такого понимания этих памятников, авторы издания приходят к выводу о существовании института частной собственности на землю уже в ранний период истории Месопотамии. Однако разные исследователи по-разному понимают тот социальный и политический контекст, в котором совершались эти сделки, и это понимание напрямую связано с их отношением к теории о храмовом государстве.

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах других исследователей. По мнению Д. Эдцарда, который уверен, что теория А. Даймеля окончательно ушла в прошлое, изданные в «Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus» тексты являются документами купли-продажи. Они показывают, что в середине III тыс. до н.э. в Месопотамии «существовали отдельные индивидуумы или группы индивидуумов, которые не входили в царское или храмовое хозяйство. Иными словами, они не имели

связи с «Богом» или «Государством». Они имели право уступать право владения землей путем продажи. К сожалению, невозможно составить представление о том, какое количество обрабатываемой земли на территории данного города-государства находилось в частном владении» [Edzard, 1996].

По мнению Б. Фостера, теория храмового государства А. Даймеля изначально была неадекватно сформулирована. Б. Фостер считает, что, она никогда не была доказана на основании документов, привлеченных для этого. Текст Реформ Уругакины, использовавшийся автором гипотезы, по мнению исследователя, скорее опровергает, чем поддерживает эту гипотезу, к тому же с изучением и пониманием этого памятника связаны серьезные и пока не преодоленные филологические трудности. Остается недоказанным и фундаментальное предположение А. Даймеля, что он работал с храмовым архивом, поскольку хозяйство Бау, откуда происходит основная масса документов, использованных А. Даймелем, выглядит скорее как административная фикция, чем как храмовое хозяйство, существовавшее с ранних времен. Б. Фостер, правда, выразил недовольство не только самой теорией храмового государства, но и ее критиками, прежде всего И.М. Дьяконовым и И. Гельбом, которые, по его мнению, в своих опровержениях «используют те же факты и ту же логику, что и А. Даймель» [Foster, 1981]. Сделанное И.М. Дьяконовым, а позднее в отношении Нузи Н.Б. Янковской [Янковская, 1959] описание земельных владений общин и больших семей, как указал Б. Фостер, прекрасно подходит для естественно орошаемых территорий Месопотамии, но его трудно вписать в шумерский ландшафт. Очень большой отклик в мировой науке вызвало также предположение отечественных исследователей о низких ценах на землю как результате «вынужденных» продаж [Foster, 1994].

Несколько другого мнения придерживается И. Ренгер. В его позиции можно, по-видимому, усмотреть оригинальный вариант теории А. Даймеля. И. Ренгер считает, что в середине IV тыс. до н.э. вся обрабатываемая земля находилась в коллективном владении под контролем сельских общин. После 3200 г. до н.э. контроль над сельскохозяйственными территориями постепенно перешел к институтам территориальных объединений (Домам), которые организовывали, строили и поддерживали ирригационные системы. Дома и сельские общины какое-то время сосуществовали вместе,

пока между 2800 и 2400 гг. до н.э. остатки сельских общин не были окончательно абсорбированы Домами.

Отчуждение или покупку сельскохозяйственных земель, зафиксированную на документах из камня, как считает И. Ренгер, можно рассматривать как отражение консолидации земли в руках правящей элиты или представителей Домов, в интересах которых они, вероятно, и действовали. Земельные отношения в Месопотамии III тыс. до н.э., по мнению автора, менялись в определенном направлении: индивидуальное и коллективное владение землей постепенно исчезали. В XXI в. до н.э. к концу этого процесса консолидации земли крупные административные хозяйства контролировали практически всю обрабатываемую территорию. Население было интегрировано в эти крупные хозяйства [Renger, 1995].

Своя точка зрения на вопрос о значении опубликованных документов для понимания экономики древней Месопотамии у П. Штайнкеллера, одного из издателей «*Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus*» [Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991; Steinkeller, 1993; 1999]. По его мнению, анализ документов, приведенных в издании, позволяет заключить, что в III тыс. до н.э. характер земельных отношений был различным в разных регионах Вавилонии: на севере и на юге (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»). По мере продвижения с севера Вавилонии на ее юг, судя по существующим документам, значение «частной» собственности на землю явно уменьшается. Этому соответствует одновременный феномен возрастающего значения храмового хозяйства по мере продвижения в ту же сторону, т.е. на юг.

Храмовое хозяйство и храмовое землевладение превалировало на крайнем юге и в самых дальних частях ближнего юга — в Лагаше и Умме. Их значение заметно меньше в местностях более северных, Адабе, Исине, Ниппуре, еще более уменьшаясь в Северной Вавилонии, где ведущими формами хозяйства были царские и частные. Тем не менее, как следует из опубликованных документов, частная земельная собственность с очень раннего времени стала известна и на юге. П. Штайнкеллер считает, что это было результатом влияния северных институтов. Отчуждение земли на юге было «привнесенным и довольно маргинальным добавлением к системе храмового хозяйства».

В Раннединастический период земля, поступавшая в продажу на юге, находилась в руках городской элиты, которая ею распоряжалась.

Эта категория земли, по мнению П. Штайнкеллера, происходила из наделов, сдававшихся хозяйством в аренду своим работникам. Сам институт купли-продажи недвижимости развился из института аренды, надолго сохранив многие черты последней: ограниченность срока пользования, право возвращения первоначальному владельцу по истечении определенного срока.

В саргоновский период (XXIV–XXII вв. до н.э.) распространение северных институтов на юг заметно усилилось. Наиболее значительным нововведением этого периода П. Штайнкеллер считает создание на юге новой категории земли, земли короны, которая распределялась среди различных групп царских зависимых людей в обмен на службу. Земли короны изначально были образованы, вероятно, путем конфискации храмовых хозяйств, хотя, возможно, в их создании главную роль играло освоение новых территорий. Храмовые хозяйства, хотя и в несколько меньшем размере, сохранили значительную часть своего прежнего значения и продолжали существовать как и прежде.

В период Ур III (XXII–XXI вв. до н.э.) условия землевладения сильно изменились. Цари III династии Ура были, вероятно, фактическими владельцами храмовых имений на юге, так же как и всех других категорий обрабатываемой земли. Храмовые хозяйства продолжали функционировать, по крайней мере, теоретически как хозяйства отдельных богов, но теперь они управлялись и контролировались прямо государством через посредство назначавшихся глав провинций. Категория земли короны, впервые появившаяся при Саргонидях, в период Ур III значительно расширилась, чтобы поддерживать растущее количество зависимых от короны служителей и обеспечить царей прочной экономической базой.

Вопрос о существовании «частной» земли в период Ур III, по мнению П. Штайнкеллера, трудно решить удовлетворительно. Прежде всего, потому что основная масса документов того времени происходит с юга, где этот тип земельных владений всегда был сравнительно незначительным. Судя по данным документов эпохи III династии Ура, в них зафиксировано «частное» владение только домами и садами. В любом случае отсутствие каких-либо упоминаний о продаже полей в период Ур III, хотя и не отрицает существование такой категории земель, но говорит о том, что отчуждение обрабатываемой земли было в это время запрещено государством.

Таким образом, П. Штайнкеллер предполагает существование двух вариантов общественного развития, в том числе двух вариантов земельных отношений на территории Вавилонии: аккадского и шумерского.

В одной из своих статей П. Штайнкеллер, в настоящее время ведущий специалист по истории ранней Месопотамии, высказал свое отношение к теории А. Даймеля о храмовом государстве [Steinkeller, 1999]. По мнению исследователя, А. Даймель представил в своей работе очень четкую картину той системы, которая действительно существовала в Южной Месопотамии в Раннединастический период. К сожалению, для того, чтобы подчеркнуть символическую роль богов и храмов в этой системе А. Даймель ввел очень неудачный термин «храмовая экономика», что привело к непониманию его теории многими оппонентами. Эти слова у современного читателя ассоциируются с теократическим государством, которым управляют толпы жрецов. В действительности такое представление абсолютно неверно.

В организации храмовых хозяйств не было ничего исключительно религиозного или жреческого, они были чисто светскими учреждениями. Безусловно, определенный религиозный аспект был присущ обязанностям санга или шабра, которые возглавляли эти хозяйства, но то же самое можно сказать в отношении и всех других членов храмовой общины, которые принимали участие в тех же культовых действиях, поддерживая связь с божественным владельцем храмового хозяйства.

Отдельные храмы не являлись независимыми субъектами, свободно распоряжающимися своими ресурсами и доходами. Все полномочия такого рода находились в руках правителя города (энси), который через управителей отдельных хозяйств эффективно контролировал и самостоятельно распоряжался всеми ресурсами города-государства. Это особое смешение секулярного и религиозного, между которыми невозможно провести четкую границу, являлось, по мнению П. Штайнкеллера, наиболее яркой и отличительной чертой системы, возникшей в Южной Вавилонии (Шумер).

П. Штайнкеллер подробно останавливается и на вопросе о том, каким образом эта система возникла. По его мнению, оседлое земледельческое население с сильным общинным самосознанием существовало здесь, т.е. в Южной Вавилонии, уже в период

Убейд. В социальном плане это население было объединено в деревенские или городские общины. По мере развития и усложнения хозяйственных структур развивался процесс присоединения поселений друг к другу. Таким образом, возникали все более масштабные по территории объединения: сначала группы поселений, объединенных единой системой ирригации, затем города-государства.

Этот процесс сопровождался изменениями в идеологии, которая отражала трансформацию, происходившую на политическом уровне. Одновременно с политическим объединением шел процесс присоединения местных пантеонов друг к другу, так что образовывались все более и более обширные группы божественных семей. При этом храм окончательно занял место главного центра управления обществом. Венцом этого развития была концепция города-государства как сложного агроиндустриального комплекса, находившегося во владении божественной семьи.

Эту гипотезу развития Южной Вавилонии, выдвинутую П. Штайнкеллером, можно считать в известной степени подтверждением позиции его учителя И. Гельба, который отрицал теорию «храмового государства» для всей Месопотамии и для всего III тыс. до н.э., но принимал ее как вариант развития в определенном месте и в определенное время (см. выше). Общественно-политическая система, возникшая на юге Вавилонии, коренным образом отличалась от той, которая существовала в это же время на севере Вавилонии (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»), и, возможно, именно это обстоятельство, которое до сравнительно недавнего времени не учитывалось многими исследователями, может в известной степени объяснить различие их позиций.

Отсутствие окончательных доказательств не помешало созданию теоретических работ, авторы которых основывали свои рассуждения на априорном принятии факта существования двух секторов экономики на древнем Ближнем Востоке и, соответственно, в Месопотамии III тыс. до н.э. Одной из наиболее важных теоретических работ в этом направлении была публикация Марио Ливерани, посвященная организации производства на древнем Ближнем Востоке [Liverani, 1984]. По мнению автора, необходимо признать существование на древнем Ближнем Востоке, по крайней мере, двух различных способов производства (mode of production), причем первый возник на основе второго.

Первый способ производства М. Ливерани определяет как «palace mode of production». Это производство было сконцентрировано в «великих организациях» Дворца и Храма. Оно располагалось в городе и базировалось на четкой специализации и социальном разделении труда. Этот способ производства, по мнению исследователя, был более производителен, чем второй, на основе которого он возник, организуя его в свои структуры.

Второй способ производства, который М. Ливерани называет «family mode of production», это производство крестьянских и пастушеских поселений, основанное на сети деревенских общин с родственными самоснабжающимися производительными структурами. Этот способ производства более древний по происхождению и может работать, даже не будучи организован в рамки дворцового способа.

Производительные единицы, характерные для каждого из двух способов производства: в первом — Дворец и Храм, тысячи работников; во втором — отдельное хозяйство, несколько работников. Различия в стратификации и иерархии: в первом — многоуровневая, во втором — только половозрастное деление. Управление: в первом — царь и его помощники, во втором — отец.

Земля, как основное средство производства, в обоих случаях является собственностью производственного объединения, и управляет ею глава объединения. Не существует частная, т.е. личная, собственность на средства производства, а строгие ограничения на свободное отчуждение земли сохраняются очень надолго.

В такой двухчастной структуре, по мнению автора, Дворец доминировал в политике, а Семья в экономике. Экономическая власть Дворца постоянно подрывалась. Ее подрывала выдача наделов земли вместо рацийонов, принятие положения «сын наследует отцу в должности», так что становилось трудно отобрать землю у семьи и т.п. Отношения Дворца и Семьи были очень напряженными, и именно эта напряженность приводила к серьезным социальным изменениям [Liverani, 1984].

Очень интересное исследование М. Ливерани носит все-таки несколько схематичный характер, причем наличие двух разных способов производства, возникших из изначального «семейного», принимается априори и для всего региона Сирии — Месопотамии.

Работы И.М. Дьяконова, а вслед за ним И. Гельба в области экономики и социума древней Месопотамии за пределами «великих

организаций» вызвали исключительный интерес среди исследователей. В 1984 г. вышел сборник статей, посвященный этим проблемам [Archi, 1984]. Главной задачей издания, как указал его составитель, было привлечь внимание исследователей к проблеме частного сектора экономики и наметить пути ее изучения. Авторы представленных в сборнике статей исследовали сферу экономики, прямо не зависимой от «великих организаций».

Статьи расположены в хронологическом порядке и охватывают период III—I тыс. до н.э., хотя некоторые периоды оказались пропущены (Ур III). Несмотря на дискуссионный характер представленных в сборнике исследований, все авторы делают совершенно определенный вывод: роль частного экономического сектора во все рассматриваемые периоды истории Месопотамии была более важной, чем считалось до сих пор.

Несмотря на такое единодушие во мнении разных авторов, существование частного сектора экономики в Месопотамии III тыс. до н.э. и после публикации этого сборника для многих исследователей осталось вероятным, но не доказанным предположением. Прямые аргументы в его пользу, по их мнению, отсутствуют. Возможно, это объясняется тем, что документация велась, главным образом, в рамках «великих организаций», а деятельность, проходившая за их пределами, если согласиться, что ими не исчерпывалась экономическая и социальная сфера общества, вероятно, не фиксировалась документально. Несмотря на всю критику, концепции храмового государства, хотя и в модифицированном виде, сейчас придерживаются многие исследователи.

Тем не менее большинство специалистов, участвующих в дискуссии по этим проблемам, соглашаются, что частная или общинная земля существовала в Месопотамии III тыс. до н.э. наряду с *institutional land*, хотя невозможно решить, как велики были размеры каждого типа землевладения в определенном месте и в определенное время. Совершенно невозможно, однако, восстановить полностью топографическую ситуацию вокруг городов и определить, где располагались поля каждого из земельных секторов.

Существование различных форм землевладения в древней Месопотамии разные исследователи объясняют по-разному: как результат действия разных социальных, политических и экологических условий, а, возможно, как считает П. Штайнкеллер, мы имеем дело с двумя альтернативными типами развития.

В качестве заключительного аккорда можно сослаться на карту мира, которая была нарисована на обороте таблички, датируемой примерно на 500 лет раньше периода Ур III, и которая использовалась как учебное пособие для обучения писцов. На карте изображен населенный мир в форме свастики, образованной четырьмя знаками «поле» (**gan₂**), отходящими от центрального знака «гора» (**kur**), обозначающим, вероятно, Ниппур, как религиозный центр мира. Знак окружен линиями, обозначающими реки и каналы, откуда поступает вода для орошения полей. На внешней части таблички находится список из названий профессий [Wiggermann, 1996]. Суть рисунка некоторые исследователи толкуют следующим образом: идеальный мировой порядок состоит в том, что вся обрабатываемая земля управляется администрацией, в нем нет места для того, что существует за пределами дворцовых или храмовых институтов [Maaijar, 1998].

Изучение социально-экономической истории аккадского периода. Одним из первых серьезных исследований на эту тему была монография И.М. Дьяконова «Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер» [Дьяконов, 1959]. Это издание, несмотря на полвека, прошедшие со времени его появления, до сих пор остается самым оригинальным и доступным для понимания исследованием государства и общества саргоновского периода. Несколько позднее было опубликовано исследование аккадского периода М. Ливерани [Liverani, 1966].

Существенным недостатком этих и ряда более поздних публикаций, посвященных политической и социально-экономической истории аккадского периода, оказалось то обстоятельство, что их авторы практически не учитывали важнейшие письменные источники этого времени: административно-хозяйственные архивы. Авторы этого времени использовали в своих работах, в основном, царские надписи и хроники, очень редко ссылаясь на архивные документы, хотя, конечно, знали об их существовании [Adams, 1966: 153].

Единственным исследователем, который еще в 50-е гг. XX в. проанализировал изданные к тому времени саргоновские административные тексты, найденные за пределами Шумера, был А.И. Тюменев. В своей фундаментальной монографии, посвященной эволюции государственной экономики в Месопотамии III тыс. до н.э., он дал детальный анализ аккадских текстов из

района Диялы и Гасура. По его мнению, эти документы были отчетностью храмовых хозяйств, хотя роль таких хозяйств на севере Месопотамии, как считал автор, была несравнимо меньше, чем на юге. В то же время на севере было значительно более сильно развито частное землевладение, о чем свидетельствовали, по мнению А.И. Тюменева, многочисленные документы продажи полей из Эшшунны [Тюменев, 1956].

Только сравнительно недавно староаккадский материал, которым долгое время пренебрегали, наконец, привлек внимание исследователей. Со времени публикации А.И. Тюменева было издано много новых хозяйственных документов саргоновского периода. Анализ этих текстов позволил составить более четкое представление о хозяйственной и административной системе аккадского государства. Большой вклад в исследование этих проблем внесли работы Б. Фостера [Foster, 1982; 1982a; 1982b; 1982c; 1993].

В одной из своих статей Б. Фостер описал все существующие собрания архивов аккадского времени, их хронологическое и географическое распределение, характер и содержание, отметив, какие документы из них опубликованы [Foster, 1982a]. Сохранилось около 5 (4,7) тыс. архивных документов аккадского периода из разных мест Шумера, Аккада, из района Диялы, из Гасура, Суз и ряда других мест. По мнению Б. Фостера, документы отражают существование в саргоновский период двух различных региональных систем отчетности: шумерской и аккадской. В то время как происхождение шумерской системы можно проследить в прошлом, происхождение аккадской системы представляет собой серьезную историческую проблему.

Автор рассматривает вопрос о хронологическом и географическом распределении архивов аккадского времени, устанавливает соотношение между внешним видом табличек (их физическими характеристиками) и уровнем отчетности, к которой относился документ.

Все архивы аккадского времени Б. Фостер делит на три группы: семейные или частные, архивы отдельных хозяйств и архивы особо крупных хозяйств. Далеко не всегда это деление бесспорно. В трактовке некоторых «частных» архивов нельзя не усмотреть бессознательной попытки объяснить документы III тыс. до н.э. с точки зрения окружающей автора современной атмосферы делового предпринимательства. Так, один архив из Уммы, в котором

главными действующими лицами является семейная пара, муж и жена, Б. Фостер рассматривает как архив «преуспевающего семейного предприятия», связанного договорными отношениями с каким-то крупным хозяйством. «Это семейное предприятие было доходным для обеих заинтересованных сторон, и это семейство было преуспевающим в своих начинаниях».

Однако никаких собственно «фамильных» документов — купли-продажи недвижимости, рабов, раздела имущества, усыновления и т.п. — в архиве нет. Скорее всего, документы составляли архив одного из отделений государственного хозяйства, а сами супруги, вероятно, были не «частными предпринимателями», а управителями этого отделения. В состав управляемых этой парой пахотных земель и стад входило, по-видимому, и имущество, переданное им во владение за службу. Таким образом, утверждения Б. Фостера о существовании в аккадский период «частного» сектора экономики, который находился в распоряжении «независимых богатых горожан», нельзя считать полностью доказанным [Козырева, 1985].

Исследование аккадских архивов позволило Б. Фостеру сделать весьма интересные наблюдения. В ряде архивных документов перечисляются определенные участки полей, предназначенные неким людям (число людей обычно круглое). При этом, как установил автор, вовсе не обязательно перечисленные люди действительно имели в держании данные участки полей. Скорее всего, эти участки были записаны за ними номинально, таким способом между ними делился будущий урожай, а все поля, указанные в списке, либо обрабатывались профессиональным земледельцем (**engar**) либо сдавались в аренду.

Административные тексты саргоновского периода, как считает автор, позволяют реконструировать недокументированную систему коллективного земельного держания, которая, вероятно, являлась главным способом использования земель в храмовых и дворцовых хозяйствах аккадского периода. Фундаментом этой системы, как считает Б. Фостер, могла служить та «система общинного землевладения, которая столь тщательно описывается в работах И.М. Дьяконова и других российских исследователей» [Foster, 1994]. В период Ур III она была полностью заменена системой прямой выдачи рационов работникам гурушам [Дьяконов, 1968].

Изучение экономической структуры государства III династии Ура. Работы П. Штайнкеллера. По мнению П. Штайнкеллера, государство III династии Ура в плане экономики и управления разделялось на две совершенно разные сферы: центр (core) и периферию (periphery). Центр включал в себя Южную и Северную Вавилонию и прилегающую к ней часть региона Диялы с Эшнунной. Периферией П. Штайнкеллер называет земли, присоединенные к государству III династии Ура завоеваниями Шульги. Они располагались к востоку, северо-востоку и северу от Вавилонии. По мнению П. Михаловски, эти земли являлись некоей буферной зоной и служили как «defense line as well as the staging area for military expeditions against enemies» [Michalowski, 1978]. Территория центра была разделена примерно на 20 провинций, каждая из которых занимала территорию существовавшего здесь некогда города-государства. Главы провинций (энси) назначались царем из числа местного населения и теоретически могли быть перемещены в другую провинцию или заменены по воле царя. На практике, однако, эта должность в большинстве провинций постепенно превратилась в наследственную [Parr, 1974; Zettler, 1984]. В каждую провинцию назначался и командующий военным гарнизоном (шагина), обычно не местного происхождения, который был совершенно независим от главы гражданской власти.

Экономика центра состояла из трех секторов: храмового, царского и частного. Частный сектор действительно существовал, и есть данные, что в период Ур III существовало частное землевладение [Gelb, 1969], однако оно было незначительно по масштабам и не играло сколько-нибудь заметной роли в экономике.

Храмовое хозяйство со всеми его ресурсами и доходами, так же как и царское хозяйство, фактически находилось в руках государства. Такая беспрецедентная концентрация экономических ресурсов, распределенных по огромной и экологически очень разной территории, позволила царям III династии Ура создать целенаправленную политику региональной специализации, так что каждый регион концентрировался на производстве определенных товаров и продуктов.

Такая экономика с высокой централизацией и региональным разделением производства требовала создания эффективного механизма распределения, который мог бы обеспечить продвижение продуктов и товаров по всей территории страны. В центре такого

рода потребностям отвечал существовавший здесь институт **bala**. Первым исследователем, описавшим это явление, был В. Халло. По его мнению, это была панвавилонская организация, в чьи задачи входило снабжение храмов Ниппура, религиозной столицы Вавилонии [Hallo, 1960]. Исследователь понимал **bala** как форму распределительной системы внутри амфикинии, союза городов, подобного тому, который существовал в Греции в Дельфах.

Со времени появления статьи В. Халло появилось много новых публикаций, которые позволили расширить понимание этого института. Представляется, что институт **bala** функционировал как центральная распределительная система, объединяя все провинции в единое взаимосвязанное целое. Главными элементами этой системы были распределительные центры, специально созданные в период Ур III, которые специализировались на сборе и распределении различного вида продуктов (не только скота, как считал В. Халло): зерна — Дусабара, скота и продуктов скотоводства — Пузриш-Даган и др.

Основные источники для изучения «периферии» государства III династии Ура — это хозяйственные тексты с записями поступлений (**gun₂ ma-da** — tax of the provinces) скота в Пузриш-Даган. Эти ежегодные платежи поступали от воинов, живших на завоеванных территориях, причем величина платежа прямо зависела от служебного ранга. Помимо скота из периферии в центр поступали также серебро, древесина, растительное масло, вино и некоторые другие продукты. Из центра на периферию поступало главным образом зерно (из Лагаша в Сузы).

В административном плане периферия делилась на провинции с центром в самом крупном поселении территории, которые управлялись высшими военными чиновниками, назначавшимися царем. Об экономической структуре периферии почти ничего неизвестно.

Теория К. Бринкмана в ассириологии. Многие исследователи земельных отношений в ранней Месопотамии разделяют мнение известного социолога и историка Карла Бринкмана: «Самым общим правилом в институте распоряжения землей является то, что на одну и ту же вещь может распространяться два или даже более прав собственности». Согласно этому мнению, представление о том, что земельное владение может существовать как право индивидуума в отрыве от других прав и обязанностей, было чуждым для

древности. В традиционных обществах на определенный объект недвижимости распространялось более чем одно право собственности. Эти права обычно образовывали иерархию. Таким образом, можно представить себе такую систему землевладения, в которой царь формально являлся собственником всей обрабатываемой земли, и где в то же время такая земля свободно продавалась в сфере частных владельцев. В такой теоретической ситуации частный владелец мог сохранять исключительные права на купленную собственность, но в случае, если эти права вступали в конфликт с правами царя, последний при определенных обстоятельствах мог конфисковать эти земли и вернуть их короне.

По всем этим причинам невозможно говорить о частной или индивидуальной собственности на землю — в том смысле, в котором эти термины употребляются в римском или современном праве — когда имеется в виду ситуация в древности. То, что мы здесь имеем, это просто различные формы владения. И в этом свете многие известные нам примеры отчуждения земли означают, по-видимому, только передачу прав владения.

Теория К. Поляни в ассириологии. Большинство ассириологов, за исключением сторонников теории М. Вебера или наших отечественных исследователей, которые работали в рамках марксистской модели, как правило, не имели четкой концепции при исследовании давно ушедших экономических систем. Анализируя экономические проблемы, они чаще всего исходили, более-менее неосознанно, из своего опыта существования в сфере рыночной экономики. В 50–60-е гг. XX в. несколько десятилетий продолжалась ожесточенная дискуссия, главным образом в среде экономических антропологов, о возможности создавать концепции и анализировать экономики неиндустриальных обществ.

Эти дискуссии, вызванные работами Карла Поляни, имели большое влияние на интерпретацию характера экономического развития древнего Ближнего Востока и, в частности, древней Месопотамии, так как К. Поляни тесно сотрудничал с Л. Оппенгеймом и использовал в своей работе его материалы по древней Месопотамии [Polanyi, 1957; 1977].

В основе позиции Карла Поляни лежала идея о трехчастном экономическом делении обществ по доминантным способам обмена: распределение, *reciprocity* и рынок. При этом автор особенно настаивал на том, что существует фундаментальное различие

между современной экономикой, основанной на ценообразующих рынках, и экономиками традиционными, неиндустриальными как древними, так и средневековыми, в которых социальные и экономические аспекты составляли одно неразделимое целое, соответствующим образом направляя и экономическую активность, и поведение индивидуумов.

Такое различие, по мнению К. Поляни, требует для своего исследования особых аналитических методов, отличных от тех, с помощью которых изучается современная экономика, поскольку древние экономические институты действовали по другим правилам, чем современная рыночно-ориентированная экономика.

К. Поляни считал, что механизм рынка, как института, образующего цены на основе спроса — предложения, возник очень поздно, возможно, в XVIII в. Так же поздно появились рынки с меняющимися ценами на товары, услуги и землю. Совершенно другие способы получения необходимого для жизни бытовали не только в древности, но и в доиндустриальных обществах нового времени.

Изучение древних обществ показало, как считал К. Поляни, что значительная часть населения в них получала все необходимое для жизни не через рынок, а другими путями. Однако предложенная автором концепция безрыночной экономики вызвала особенно ожесточенную дискуссию. Большинство исследователей были сторонниками теории рыночной экономики, как единственно возможной, и зачастую даже не хотели серьезно обсуждать возможность существования других, помимо рыночных, способов получения продуктов и всего необходимого для жизни: *allocation*, распределение, бартер и другие формы обмена, *subsistence production*, самоснабжение.

Одним из наиболее широко распространенных способов получения необходимого для жизни при отсутствии рыночного обмена, по мнению К. Поляни, было распределение. Автор рассматривает его как способ передать производителям продукты труда общества, которые коллективно производятся, централизованно собираются и хранятся. Здесь нет никаких следов равенства, справедливой доли или платы за качество труда. Социальная модель характеризуется как централизованная: все точки периферии связаны с центром. Сохранение и распределение через определенные периоды времени урожая обеспечивали безопасность и уверенность.

Именно потребность в безопасности побуждала большие хозяйства или государство создавать запасы, чтобы пережить плохие времена, скорее, чем соображения выгоды или торговли.

Распределение, таким образом, может появиться в самых разных политических системах. Принцип распределения как важнейшая экономическая, социальная и политическая доминанта действовал в государстве инков, играл решающую роль в отдельные периоды истории древнего Египта, его следы можно обнаружить на древнем Кипре, Крите, в микенских государствах древней Греции.

Среди ассириологов концепция К. Поляни о безрыночном характере экономики в Месопотамии получила большую поддержку со стороны И. Ренгера, по мнению которого «рынок никогда не был более чем an accessory complementing элементом экономики, основанной, прежде всего, на принципах распределения и reciprocity». Экономика, базировавшаяся на сельском хозяйстве в рамках крупных самоснабжающихся Домов, которые производили немного более самого скромного необходимого уровня, не оставляла практически никаких возможностей для саморегулирующегося рынка или рыночной системы [Renger, 1994; 1995: 114].

«Рынка как экономического фактора, определяющего экономику Месопотамии в целом» не существовало, аккумуляция богатства была связана со статусом и престижем, и максимизация прибыли не была ведущей силой экономических процессов в Месопотамии [Renger, 1995: 64ff.]. И. Ренгер поддержал и выдвинул К. Поляни концепцию распределения как особенно важную для понимания экономики древней Месопотамии. По мнению И. Ренгера, важнейшими распределительными организациями Месопотамии были храм и дворец, которые регулировали цены и условия кредита.

И. Гельб посвятил фундаментальную статью вопросу об одном из главных аспектов распределительной системы древней Месопотамии: снабжению пищей зависимых работников всех уровней, от высшего до низшего, в крупных хозяйствах (государственных или иных) путем выдачи рационов (за день, месяц или год) натуральными продуктами [Gelb, 1965].

Со временем выявилась ошибочность некоторых положений К. Поляни. Однако критика этих ошибок не может умалить важность основополагающей концепции исследователя: древние экономические институты действовали по другим правилам, чем

современная рыночно-ориентированная экономика, и поэтому требуют для своего исследования особых аналитических методов.

* * *

Лицо любой науки определяется характером источников, которыми она располагает. Любая отрасль науки о древности опирается, с одной стороны, на памятники материальной культуры (археологические источники), с другой — на тексты (письменные источники), написанные на «мертвых» языках в разных системах письма, которые в большинстве своем вышли из употребления много веков назад. Так же обстоит дело и с ассириологией в целом, и с составной ее частью — шумерологией. Однако следует отметить, что доля письменных источников в этих областях знания существенно превышает долю археологических. Обилие сохранившихся до наших дней клинописных текстов, объясняющееся, прежде всего, удивительной стойкостью основного материала, который использовали для письма жители Месопотамии, — глины (ей, например, не страшны пожары), — позволяет ассириологам изучать необычайно широкий круг культурно-исторических проблем, проникать в детали, часто ускользающие от специалистов других областей.

Следует еще раз подчеркнуть важную отличительную черту клинописных источников: основную их массу во все периоды составляют хозяйственные документы, которые записывались с целью повседневного административного учета и сохранились случайно, без специального отбора. В особенности это относится к корпусу текстов III тыс. до н.э., который ограничивается преимущественно экономическими и юридическими документами. Дополняют их исторические царские надписи. Большинство же памятников шумерской литературы дошло до нас от более позднего времени (начала II тыс. до н.э.), когда шумерский язык уже перестал быть разговорным языком Южной Месопотамии и сохранялся лишь в качестве литературного языка в вавилонских школах — центрах образования и науки.

Наличие огромного количества документов административного характера определило столь серьезную роль социально-экономических исследований в шумерологии. Основные теории развития экономики, устройства общества и становления государственности в Месопотамии IV—III тыс. до н.э. были охарактеризованы выше.

В заключение представляется необходимым кратко перечислить другие направления изучения месопотамской истории и культуры, возможные на таком обширном письменном материале.

1. Помимо общих вопросов исторического и социально-экономического развития, тысячи хозяйственных текстов, в основном, последних веков III тыс. до н.э. позволяют детально изучать отдельные отрасли экономики. Здесь следует отметить появившиеся в последние несколько десятилетий монографии по организации сельскохозяйственного [Pettinato, 1969; Hruska, 1995] и ремесленного [Loding, 1974; Neumann, 1987–1993] производства, торговли [Snell, 1982], текстильной индустрии [Waetzoldt, 1972], металлургии [Limet, 1960], керамического дела [Sallaberger, 1996], рыболовства [Englund, 1990] и животноводства [Stepien, 1996].

2. Большое внимание уделяется изучению реалий повседневной жизни шумерского общества. С 1984 г. в Кембридже под редакцией Н. Пострейта и М. Пауэлла выходит серия «Bulletin on Sumerian Agriculture» (BSA) — сборники статей, в которых подробно обсуждаются, например, методы возделывания земли в Месопотамии, зерновые культуры, фрукты, овощи, сорта тростника и породы дерева, породы скота и продукты животноводства, а также элементы системы искусственного орошения. При этом терминология, известная нам из клинописных текстов, сравнивается с соответствующими реалиями современного Ирака, с данными палеоботаники, палеозоологии и этнографии.

3. Административные документы являются также одним из важных источников изучения религиозных представлений шумеров; во всяком случае без них картина религиозной жизни Месопотамии III тыс. до н.э. была бы гораздо более фрагментарной. В документах речь часто идет о выдачах и поступлениях скота, а также разнообразных продуктов (муки, пива, масла) для жертвоприношений; при этом перечисляются боги и храмы, в которых они почитались, религиозные праздники, культовые процессии. В этой сфере исследований необходимо отметить монографии, посвященные раннединастическим пантеонам Месопотамии [Roberts, 1972; Mander, 1986; Selz, 1995], а также культовой жизни государства III династии Ура [Sallaberger, 1993].

4. Большой интерес представляют исследования топографии Южной Месопотамии III тыс. до н.э. на основе текстовых данных о перемещениях различных товаров или отправке работников

из города в город. Первым такого рода исследованием явилась диссертация Г. Заурена по топографии провинции Умма в эпоху Ур III [Saugen, 1966]. Среди последних работ на эту тему следует упомянуть чрезвычайно интересную статью П. Штайнкеллера, в которой пересматриваются многие взгляды Г. Заурена [Steinkeller, 2001]. С 1974 г. в Висбадене выходит справочник по географии Месопотамии «*Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes*». Особенно перспективными представляются топографические исследования, основанные на сопоставлении письменных и археологических источников.

§ 6. Историография истории Месопотамии старовавилонского периода

Период истории Месопотамии, занимающий первую половину II тыс. до н.э. (от 2000 до 1600 г. до н.э.) условно называется старовавилонским. Обычно он подразделяется историками на две части: время от падения государства III династии Ура до объединения Месопотамии под властью Хаммурапи, 2000–1800 гг. до н.э., условно называется «периодом Исина и Ларсы» или «ранним (первым) старовавилонским периодом», а два столетия существования объединенной Месопотамии с центром в Вавилоне — собственно «старовавилонским периодом» или периодом «I вавилонской династии». Основными источниками по истории Месопотамии старовавилонского периода являются дошедшие до нас памятники материальной культуры того времени, в том числе раскопанные археологами дворцы, храмы и жилые кварталы месопотамских городов, и огромное количество текстов — литературно-религиозных, хозяйственных, юридических, учебных, частных и официальных писем, царских надписей и т.д., — найденных в ходе раскопок.

Краткий очерк политической истории Месопотамии в первой половине II тыс. до н.э. Падение и разрушение Ура в конце III тыс. до н.э. было описано в двух поэтических произведениях, составленных в период реконструкции этого города в правление царей I династии Исина. Судя по этим литературным текстам, к падению династию привели несколько причин: вторжение амореев с запада, внутренние беспорядки и набег эламцев с востока [Jacobsen, 1987; Michalowski, 1989].

В настоящее время считается, что государство III династии Ура распалось, прежде всего, из-за внутренней нестабильности; определенную роль в ускорении этого процесса сыграли, конечно, и соседи Месопотамии, прежде всего, государство Элам, граничившее с юго-восточными окраинами государства III династии Ура. Свою лепту внесли и амореи, число которых на территории Месопотамии в конце III тыс. до н.э. многократно возросло за счет новых волн переселенцев из сирийских степей.

Распад государства сопровождался крушением созданной царями III династии Ура общегосударственной централизованной системы управления, в том числе и управления ирригационными комплексами, полным разрывом устоявшихся внутри государства прочных связей производства, сбора и распределения продуктов. Все это катастрофически отразилось на хозяйственной жизни страны. Этим воспользовались группы аморейских племен, постепенно все более активно занимавшие территории между городами Южной Месопотамии. Грабежи, поджоги, нападения на поселения и даже на города стали повсеместным явлением. Многие города, особенно на юге, пришли в упадок и запустение и даже были на некоторое время покинуты жителями [Дьяконов, 1990].

Однако внутренний потенциал городской системы месопотамской цивилизации был еще далеко не исчерпан. Спустя несколько десятилетий жизнь в городах Южной Месопотамии стала вновь постепенно налаживаться. Каждый город в отсутствие централизованной политической власти пытался выжить самостоятельно; во многих городах возникли местные династии. Южная Месопотамия вновь превратилась в «страну городов», какой она была в самом начале существования месопотамской цивилизации [Козырева, 1983].

Важнейшие рычаги политической и военной силы в Месопотамии в это время оказалась в руках вождей аморейских племен, военные отряды которых контролировали территории, окружавшие отдельные города. Правители и население этих городов были заинтересованы в дружественных отношениях с этими аморейскими вождями, надеясь на их защиту в случае появления других племен и на возможность продолжать при их поддержке традиционный образ жизни [Whiting, 1987].

Письменные источники начала II тыс. до н.э. — многочисленные административно-хозяйственные, юридические документы,

письма — содержат сведения о дипломатических контактах правителей городов с вождями дружественных аморейских племен, о династических браках, заключавшихся между семьями правителей и представителями аморейской аристократии и о военных столкновениях с враждебными племенами [Козырева, 2001].

Постепенно — этот процесс продолжался примерно 100–150 лет — либо мирным путем (династические браки), либо военным в большинстве городов Месопотамии к власти пришли аморейские династии. Самая известная из них — I вавилонская династия, при шестом представителе которой, царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), Южная Месопотамия была вновь объединена в единое государство со столицей в Вавилоне. Деятельность этого царя известна нам не только по царским надписям и хозяйственным документам того времени, но и по сохранившейся обширной переписке Хаммурапи с его чиновниками.

Вся хозяйственная деятельность на завоеванном юге находилась под строгим контролем царской администрации и самого царя [Leemans, 1968; Дьяконов, 1990]. Огромные массивы сельскохозяйственных земель, располагавшиеся на завоеванном юге, были переданы под управление вавилонской администрации, независимо от того, в чьем распоряжении эти земли находились до завоевания. Местная политическая инициатива сурово подавлялась, и все ресурсы юга направлялись на север в столицу [Leemans, 1950; 1960; 1968; 1968a].

Государство Хаммурапи было окончательно сформировано только в последние 10–12 лет его правления. Оно начало распадаться уже при его сыне, тем не менее, этот краткий период существования объединенной Месопотамии оставил огромный след в ее истории и в памяти потомков [Gadd, 1973; Oates, 1979; Stol, 1976].

Сведения об истории старовавилонского периода в течение 155 лет после смерти Хаммурапи и до завоевания Вавилона хеттами весьма ограничены. Историки обычно уделяют только несколько страниц изложению происходивших в это время событий. От пяти преемников Хаммурапи дошло несколько царских надписей, их имена вскользь упоминаются в поздних хрониках, и историки, восстанавливая события их правления, опираются, главным образом, на данные датировочных формул.

Картина, которую позволяют восстановить эти источники, довольно схематична. Хаммурапи был удачливым и разумным

правителем, но уже в правление его сына и позднее территория государства стала постепенно уменьшаться под давлением с юга, севера и запада. При последних представителях династии она уменьшилась настолько, что вернулась к первоначальным размерам, т.е. территории столицы и ее окрестностей. Государство пришло в полный упадок, и хетты в 1595 г. легко смогли захватить Вавилон и положить конец существованию династии.

Города. Для жителей древней Месопотамии город был центральным элементом их жизни и культуры. На всем протяжении истории месопотамской цивилизации они считали себя горожанами, жителями определенного города, а не страны. Правители Вавилонии называли себя царями своих столиц и старались установить личные связи с другими значительными городами своей страны. Обязательным аспектом царской деятельности было восстановление древних городов или строительство новых столиц: Аккад, Дур-Куригальзу, Кар-Тукульти-Нинурты. Цари Месопотамии были хорошо знакомы со своими негородскими подданными и в своих надписях часто подчеркивали связи с отдельными племенными группами, но по своей культуре они были чисто городскими жителями.

И в наше время почти все доступные историкам памятники письменной и материальной культуры древней Месопотамии происходят именно из городских поселений. По мнению большинства исследователей, именно города были самым значимым элементом месопотамской цивилизации, тем не менее, изучению городов и городской жизни долгое время почти не уделялось внимание. В 50-е гг. XX в. до н.э. Р. Адамс, который проводил раскопки в Южной Месопотамии, организовал археологические и антропологические исследования для изучения проблемы происхождения городской цивилизации. Эти работы показали, каким образом шел процесс трансформации поселений от небольших сельских поселков к крупным городским центрам, появившимся во второй половине IV тыс. Работы Р. Адамса и его коллег имели огромное значение для понимания общих процессов урбанизма, однако изучение развития отдельных городов было невозможно только методами топографической археологии.

Исследователями, занимавшимися проблемами старовавилонского периода, была проделана огромная работа по изучению городов и городской жизни. При этом основными источниками

для изучения в отдельных случаях были только данные археологии (1), исключительно письменные материалы (2), но наиболее интересными оказались результаты исследований, в основе которых лежал комбинаторный метод: одновременное изучение археологического и письменного материала (3).

(1) Только археологические источники. Целый ряд городов древней Месопотамии конца III — начала II тыс. до н.э. известен нам только по данным археологии. В ходе раскопок интерес археологов привлекали прежде всего монументальные постройки, очень мало внимания обращалось на изучение города как такового, однако в некоторых случаях все-таки проводились достаточно интенсивные исследования жилых кварталов.

Уникальный пример города, известного только по данным археологии, представляет собой Телль-Тайя (Tell Ta'ya) в Северо-Восточном Ираке [Reade, 1982]. Сравнительно небольшой по площади центр города был обнесен стеной, вокруг которой раскинулся внешний город, простиравшийся примерно на 155 га. Судя по керамике, внешний город можно датировать концом III тыс. до н.э. Фундаменты строений были сооружены из каменных блоков, и поэтому их можно проследить достаточно легко. «Планировка города представляет собой уникальный пример городской структуры конца III тыс. до н.э. с ее проезжими путями, открытыми пространствами, тупиками, аллеями, домами разных размеров, зданиями на перекрестках улиц, которые, вероятно, были храмами, ремесленными кварталами, где работали горшечники и каменщики» [Reade, 1982: 77]. При этом в домах не было найдено ни одной таблички, и о названии этого города и именах его жителей можно только гадать.

(2) Только письменные источники. Не всегда исследователи располагают археологическим материалом. Некоторые города изучены на основании исключительно письменных памятников, что делает получаемую картину достаточно схематичной. Таковы, например, исследования городов Сиппара, Дильбата, Ларсы.

Сиппар. В 60-е гг. XX в. в Восточном институте Чикаго началась работа над проектом «Городское общество. Экономика и демография древней Северной Вавилонии». Основные усилия были направлены на изучение текстов из города Сиппара, располагавшегося примерно в 45 км к северу от Вавилона. Результатом проекта было издание Р. Харрис серии статей и фундаментальной монографии «Древний Сиппар» [Harris, 1975].

Автор проработала около 1747 документов из Сиппара, которые были составлены здесь в течение трехсот лет (1894–1595). Публикации Р. Харрис исключительно интересны по собранному материалу и его анализу, предложенному автором. Большинство текстов, изученных автором, происходили не из дворца или храма и не из частных архивов, а из монастыря, куда помещали своих дочерей богатые жители Сиппара и других вавилонских городов. При вступлении в обитель девушки получали приданое, которое многие из них активно использовали во время жизни в монастыре. Они скупали дома, поля, сады и затем сдавали это имущество в аренду, приумножая свой капитал. К сожалению, и храм и обитель при нем были полностью срыты и уничтожены во время «раскопок» в Сиппаре в 1894 г., которые проводил В. Шейль.

Исследование Р. Харрис по-новому осветило вопрос об административном устройстве старовавилонского города. Оказалось, что город делился на кварталы, со своим центром каждый. Здесь жители квартала под председательством чиновника-хазанну обсуждали и решали свои проблемы. Во главе всего города стоял совет старейшин и его глава, рабианум. Существовало и народное собрание, которое собиралось в тот период только по особо важным случаям.

Несмотря на новизну и ценность информации, содержащейся в монографии Р. Харрис, по мнению ряда критиков, общей картины не получилось, поскольку использованный материал отражал только узкую сферу городской жизни, и его было явно недостаточно для исследования общего характера. Как указывал Л. Оппенгейм, проведенное исследование нельзя назвать «Демографическим исследованием старовавилонского города», скорее это «изучение связей сиппарского монастыря с храмом, дворцом и городской общиной» [Oppenheim, 1977]. Тем не менее эта работа Р. Харрис оказалась во многом новаторской и значительно расширила наши представления о старовавилонском городе.

Дильбат. Изучение этого города, располагавшегося примерно в 25 км к югу от Вавилона, основано исключительно на письменных памятниках, поскольку археологический контекст отсутствует. Документы из Дильбата относятся по большей части к 1894–1712 гг. Среди самых разнообразных по типу документов внимание исследователей привлекли, главным образом, таблички из частного архива некоего Иддин-Лагамалы, в котором отразилась

деятельность четырех поколений его семьи (наиболее удачным исследованием этого архива до сих пор считается работа [Jones, 1967], но также: [Desroches, 1978; Кошурников, 1984]).

В исследованном архиве сохранились документы купли-продажи полей и домов и аренды полей. Считается, что архив принадлежал семье свободного горожанина, не связанного обязательствами с храмом или дворцом. В Дильбате существовало, по-видимому, много храмов, но пока не найдено никаких свидетельств их экономической деятельности. Таким образом, характер дошедшего до нашего времени документального материала из Дильбата в корне отличается от того письменного материала, который имеется из Сиппара.

Ларса. Тексты из старовавилонского города Ларса, который в начале старовавилонского периода до завоевания его Хаммурапи был важным политическим центром Южной Месопотамии, не раз привлекали внимание исследователей. Одним из первых издание и анализ части этих текстов предпринял французский ассириолог Ш. Жан [Jean, 1931]. Несколько серьезных исследований посвящено изучению экономики этого древнего города [Bottéro, 1961; Stol, 1982]. В основу монографии «Древняя Ларса» [Козырева, 1988] было положено изучение группы документов XIX–XVIII вв. Исследуя свидетельства этих документов, сопоставляя сведения, полученные на основе анализа собственных имен, упоминающихся в них, автор собрала данные, касающиеся государственного хозяйства Ларсы, административной и частной деятельности высшего и среднего персонала этого хозяйства и городского населения, тесно с этим хозяйством связанного.

По мнению автора, характерной чертой хозяйственной жизни этого города-государства было существование широко развитой распределительной системы. Эта система подразумевала не только распределение отдельных видов продуктов или товаров. Государство, как считает автор, контролировало распределение всех материальных благ (в том числе недвижимости и служебных должностей), которыми располагало данное общество между всеми членами этого общества — в зависимости от занимаемого каждым из них положения в иерархической структуре.

Другой важнейшей чертой экономики древней Ларсы было сочетание распределительной системы с отдельными элементами товарно-денежных отношений. Ряд статей этого же автора

посвящен отдельным аспектам городской жизни Ниппура, Ура, Исины и Эшнунны и других городов Южной Месопотамии старовавилонского периода [Kozuyeva, 1999; Козырева, 2000; 2000a; 2001; 2001a].

(3) Сочетание археологических и письменных источников. Новый уровень исследований был достигнут, когда археологический материал отдельного города стали изучать в комплексе с найденными там же письменными памятниками. Прекрасным примером того, насколько расширяются возможности исследования при соединении археологической и текстуальной информации, представляет собой работа, проделанная на материале таких старовавилонских городов, как Ур и Ниппур.

Ур. Этот город, чьи следы скрываются сейчас под холмом Телль-Мукайяр, располагался на самом юге Месопотамии неподалеку от современного города Насирия. Он играл очень важную роль в отдельные периоды истории Месопотамии, и библейские авторы называют его местом рождения Авраама. В конце XIX – начале XX в. было предпринято несколько попыток вести раскопки холма, но они не имели успеха, пока здесь не начала работать экспедиция сэра Леонарда Вулли. Работа этой экспедиции продолжалась более 10 лет (1922–1934). Была вскрыта значительная часть поверхности холма и прослежена история поселения от убейдского периода (5500 г. до н.э.) до III в. н.э.

Экспедиция раскапывала не только монументальные здания, прежде всего грандиозный храмовый комплекс в центре, но исследовала и жилые здания, городскую стену, некоторые кварталы города. Огромной заслугой Л. Вулли было издание целой серии отчетов о раскопках и найденных памятниках, в которой содержится неоценимая информация о всех периодах существования поселения [Woolley, 1976].

Помимо огромного количества археологического материала, среди которого были такие известные теперь на весь мир памятники, как сокровища царских гробниц середины III тыс. до н.э., экспедиция Л. Вулли обнаружила большое количество клинописных документов от разных периодов существования города. Почти все они опубликованы (UET 1–8), и представляют собой второй, помимо памятников материальной культуры, важный источник информации о жизни города и городского населения.

От старовавилонского периода из Ура дошли до нас царские надписи [Fraigne, 1990], хозяйственные, юридические, частно-правовые документы, литературные и учебные тексты. Сохранились отдельные тексты из храмовых, дворцовых и частных архивов. Всего от этого времени из Ура дошло чуть менее 1500 текстов, около 1000 из которых опубликованы [Figulla, 1953; Ormsby, 1972; Loding, 1976; 1989], а остальные пока хранятся неопубликованными в музейных собраниях Иракского музея в Багдаде, в Британском музее в Лондоне и в музее Пенсильванского университета в Филадельфии.

Старовавилонский материал из Ура стал предметом изучения многих историков. Уже в 1960 г. вышла статья В. Леманса, в которой он подробно разобрал документы торгового архива, принадлежавшего некоему Эа-нациру [Leemans, 1960]. Д. Шарпен вначале работал над документами из города Куталлы (современный Телль-Сифр), опубликовав большой том документов из этого города с транслитерацией, переводом и комментариями к ним [Charpin, 1980], позднее приступил к изучению текстов из Ура. Он реконструировал частные архивы, используя археологическую информацию, опубликованную Л. Вулли.

Главным предметом изучения для Д. Шарпена стали документы из центрального района Ура (ЕМ в археологическом плане), где проживали, по-видимому, служители храма Нанны. Сосредоточив свои усилия на изучении частной и профессиональной деятельности небольшой группы городского населения, автор исключительно тщательно и во всех деталях проследил все аспекты этой деятельности, значительно расширив наше понимание предмета [Charpin, 1986].

Координация археологического материала с данными письменных источников из Ура лежала в основе исследования И.М. Дьяконова, которое доступно отечественному читателю [Дьяконов, 1990]. Работа была завершена в 1983 г., но по ряду причин опубликована только в 1990 г. Главным предметом изучения автора была частная жизнь и деятельность горожан, живших в разных городских кварталах (главным образом, ЕМ, АН). Основной задачей, которую поставил себе автор, и которая оказалась с успехом выполнена, было показать повседневную жизнь и деятельность горожан разного социального уровня, их семейные отношения, описать окружавшую их реальную действительность.

Используя и письменный и археологический материал, И.М. Дьяконов описал самые разные аспекты материальной и духовной культуры городского населения: дома, утварь, одежду, обычаи и т.п. Реконструируя архивы городских семей на основе привлечения данных археологии, автор подробно проанализировал деятельность разных групп населения: служителей храмов из района ЕМ, семейных групп, обитавших в районе АН, описал культовую деятельность жриц храма Нанны, обитавших в монастыре.

Еще одно исследование письменного и археологического материала из старовавилонского Ура принадлежит М. Миропу [Miegeor, 1992]. Автор собрал и подробно описал все данные археологии о внутренней структуре города и его окрестностей; сверил все опубликованные тексты из Ура с их оригиналами, хранящимися в музеях, уточнив их археологические номера и поделив их в соответствии с местом их первоначального нахождения на отдельные архивы. Прodelав такую большую и тщательную работу, проанализировав содержание документов, М. Мироп представил далее подробнейший очерк хозяйственной и социальной структуры города и деятельности отдельных групп населения.

Как предполагает автор, три основных общественных сектора: дворец, храм и частные горожане тесно сотрудничали в процессе эксплуатации экономических ресурсов территории, окружавшей город. Управление ресурсами храма и дворца отдавалось на откуп частному бизнесу, так что сельское население (земледельцы, пастухи, садовники, рыбаки) находилось под властью частных предпринимателей и испытывало серьезные трудности. Нарисованная картина имеет явные аналогии и с теорией А. Шнайдер (см. раздел «Теория „храмовой экономики“») в части взаимодействия внутригородских секторов, и с опытом жизни в современном обществе свободного предпринимательства в части описания деловой активности горожан, хотя сам автор этого, по-видимому, не замечает.

Ниппур. Элизабет Стоун, автор самого масштабного исследования старовавилонского города Ниппура, в течение нескольких сезонов принимала участие в работе археологической экспедиции Чикагского университета, которая проводила раскопки в Ниппуре, долгое время работала с коллекцией ниппурских текстов в Иракском музее Багдада. Результатом ее археологических изысканий и работы над старовавилонскими текстами из Ниппура стала

монография, посвященная изучению двух городских кварталов, ТА и ТВ [Stone, 1987]. Два жилых района Ниппура, как показал автор, во многом отличались друг от друга и в плане архитектуры и по найденным здесь предметам материальной культуры, и по характеру представленных в каждом из них текстов.

Район ТВ был застроен, вероятно, еще в конце III тыс. до н.э. большими по площади и однотипно спланированными зданиями. Район ТА начал отстраиваться с середины XX в. до н.э. на месте разрушенного в начале XX в. до н.э. городского района. Дома здесь строили маленькие с беспорядочной планировкой. На территории ТВ было найдено 350 клинописных табличек, большую часть которых составляют школьные тексты и административно-хозяйственные документы. Никаких документов, касающихся семейного имущества (разделы и купли-продажи имущества, судебные разбирательства и т.п.), здесь найдено не было. На территории района ТА не было найдено ни одного административного документа, но оказалось 60 табличек, содержавших частноправовые акты: разделы имущества, купля-продажа недвижимости, договоры аренды, займа, судебные разбирательства и т.п.

Различия между двумя городскими районами Ниппура, как предположила автор, имели в своей основе различия в происхождении тех двух групп населения, которые жили в этих районах в начале II тыс. до н.э. Жители ТВ были, скорее всего, потомками коренных горожан, сумевшими пережить катастрофу, постигшую Южную Месопотамию и, в частности, Ниппур в середине XXI в. до н.э. Эти семьи были включены в систему храмового хозяйства, что давало им все необходимое для существования: дома, земельные наделы, выдачи продуктов. Их личное имущество (украшения, печати, утварь) было гораздо богаче и разнообразнее, чем у жителей района ТА, но какие-либо манипуляции с недвижимостью, предоставленной им храмом, были, вероятно, исключены.

Обитатели ТА были в значительной степени новопоселенцами, в том числе и из числа амореев, которых цари переселяли в города, восполняя недостаток городского населения. Монография Э. Стоун представляет собой удачный пример комплексного исследования и содержит большое количество интересных наблюдений и аргументированных выводов. В качестве приложения представлены автографии клинописных табличек из Ниппура, ранее не публиковавшихся.

Археологический и письменный материал, полученный при раскопках ряда других городов, находится в стадии изучения. Исключительно интересными оказались результаты раскопок в Телль-Хармале. Здесь был найден древний город Шадуппум, который в начале II тыс. до н.э. был важным административным центром региона, находившегося до завоевания его Хаммурапи под контролем Эшнунны. Небольшой по площади холм (1,7 га) скрывал город, обнесенный мощной стеной с высокими сторожевыми башнями. По обе стороны главной улицы располагались храмы, сольями из терракоты в натуральную величину, охранявшими входы. Именно здесь, вероятно, находился главный административный комплекс. На прилегающих улицах были раскопаны жилые дома, планировка которых была похожа на планировку домов в Уре [Вақіг, 1959]. Здесь же была найдена большая коллекция клинописных документов. Среди них административные документы, письма, литературные тексты, законодательный сборник времени царя Дадуши, старшего современника Хаммурапи, списки географических, зоологических и ботанических терминов и целая группа математических текстов.

Мари. Руины этого древнего города находятся на западном берегу Евфрата немного севернее современной границы Ирака с Сирией. В начале 30-х гг. XX в. здесь начала раскопки французская археологическая экспедиция во главе с Андре Парро. Город Мари, упоминаемый в Шумерском царском списке, существовал уже в раннединастический период, но особенного расцвета он достиг в начале II тыс. до н.э., когда город стал играть роль перевалочного пункта на торговом пути, по которому лес и металлы доставлялись в Месопотамию из Сирии и с гор Тавра. Экспедиция А. Парро обнаружила и раскопала огромный дворец правителей Мари старовавилонского периода (200×120 м) с уникальными настенными росписями и статуями [Ллойд, 1984; Al-Khalesi, 1978]. Здесь же был найден клинописный архив (около 20 тыс. глиняных табличек), освещавший хозяйственную и политическую историю города вплоть до его разрушения в 1760 г. войском царя Хаммурапи.

С 1950 г. группа франко-бельгийских исследователей во главе с Жоржем Доссеном (J. Dossin) начала систематическую публикацию текстов из Мари в серии «Archives Royales de Mari» (ARM), издав 20 томов документов и писем. После небольшого перерыва в конце 70-х гг. публикация текстов была возобновлена новой

группой исследователей, которую организовал Ж.-М. Дюран (J.-M. Durand) (ARM). Тогда же (с 1983 г.) стало выходить новое периодическое издание: «Mari. Annales de Recherches Interdisciplinaires» (MARI), в котором публикуются не только тексты из Мари, но и связанные с ними исследования.

В столице государства Хаммурапи, городе Вавилоне, слои XVIII в. до н.э. лежат, к сожалению, ниже современного уровня подземных вод и вследствие этого недоступны археологам. Все археологические и документальные данные, касающиеся города Вавилона на всем протяжении его истории, в том числе и в старовавилонский период, собраны и исследованы в монографии А. Джорджа [George, 1992].

Несколько исследовательских проектов по изучению городов Месопотамии начала II тыс. до н.э., в ходе которых предполагается одновременное использование археологических и текстуальных данных, пока находятся в работе (Телль-эд-Дер, Телль-Абу-Дувари [Stone, 1990] и др.). С изучением старовавилонских городов тесно связан и целый ряд работ общего характера, посвященных проблемам социально-экономической истории этого периода [Renger, 1979; 1984; Yoffee, 1977].

Законодательные памятники. Начало изучению законодательных традиций Месопотамии положили публикации В. Шейля [Scheil, 1902]. В конце XIX — начале XX в. В. Шейль участвовал в работе экспедиции М. Моргана, которая вела раскопки в Сузах. Именно здесь в 1890 г. были найдены первые таблички с фрагментами Законов Хаммурапи. В декабре 1901 — феврале 1902 г. в ходе раскопок здесь были обнаружены три больших диоритовых блока, составлявших некогда стелу, на которой был записан текст Законов Хаммурапи. Фрагменты стелы были реставрированы, и сейчас она хранится в Лувре.

В первоначальном виде это был монумент трапециевидной формы высотой 2,25 м и длиной основания 1,9 м. В верхней части памятника находился рельеф с изображением самого царя, стоящего у престола бога солнца и справедливости Шамаша. Остальную поверхность памятника занимал текст. Часть текста была стерта с поверхности стелы еще в древности по приказу Шутрук-Наххунте, эламского царя, войско которого привезло эту стелу из Вавилонии в качестве трофея. Однако надпись, для нанесения которой эламитяне подготовили поверхность, так и не была

высечена. Изучая многочисленные копии этого текста, сделанные в древности на глиняных табличках, современные исследователи постепенно восстанавливают утраченные фрагменты [Donbaz, Saugen, 1991].

Публикация Законов Хаммурапи привлекла внимание ученых к клинописным текстам, связанным с законодательством и судопроизводством. В течение многих десятилетий значительные усилия исследователей были сосредоточены на изучении и публикации так называемых сборников законов и юридических документов, таких, как судебные протоколы, различного рода контракты, царские указы и т.п. Проводились также сравнительные исследования, задачей которых было сравнение месопотамского законодательства с библейской правовой традицией и даже с римским правом [Westbrook, 1988].

Законы Хаммурапи, которые и поныне остаются одним из самых известных клинописных текстов, не были первым законодательным памятником Месопотамии. Известно несколько текстов с такой же структурой, как и Законы Хаммурапи (пролог — текст законов — эпилог), созданных задолго до правления этого царя.

Самым ранним предшественником Законов Хаммурапи, возможно, был текст, известный под названием Реформы Урукагины (транслитерация, перевод и комментарии см.: [Дьяконов, 1951; Kramer, 1963; Steible, 1982; Cooper, 1986]). Текст «реформ» являлся составной частью строительной надписи [Lambert M., 1956], которая была составлена вскоре после 2400 г. до н.э. в городе-государстве Лагаш от имени правителя Урукагины (чтение имени см.: [Lambert W., 1970; Edzard, 1991; Steinkeller, 1991; Bauer, 1998: 475–477], последний с обзором всей дискуссии).

С момента издания этого текста [De Sarzec, 1884–1912] не было, вероятно, шумеролога, который не попробовал бы свои силы в его чтении и комментировании. Среди огромного числа шумерских письменных памятников не было таких, которые породили бы столько противоречивых гипотез и споров. Несмотря на достигнутый со временем значительный прогресс в его исследовании, текст до сих пор остается очень сложным для понимания.

Очень кратко его содержание сводится к следующему. Правитель города Лагаша Урукагина, в несколько патетическом стиле, призванном, вероятно, подкрепить его права на престол, занятый,

возможно, нелегитимным путем, рассказывает, как бог Нингирсу избрал его для правления и объявляет, что его предшественники на престоле узурпировали жизненные права храмов. Вступив на престол, он восстановил как владельцев (лугаль) полей божественную триаду Нингирсу — Бау — Шульшагана, тем самым подтверждая, что до него храмовая собственность была незаконно оккупирована Дворцом, или точнее правителем, его женой и наследником, и предпринял целый ряд других мер для «возвращения к справедливости».

Проводя такого рода «реформы», Урукагина, по-видимому, следовал по стопам своего знаменитого предшественника на престоле Лагаша Энметены, ко времени правления которого (середина XXV в. до н.э.) относится так называемая «Овальная пластинка» с записью текста, во многом сходного по содержанию с текстом Реформ Урукагины [Дьяконов, 1983: 208].

Другой важный шумерский памятник этого жанра, который, по-видимому, можно уже назвать законами в полном смысле этого слова, был составлен около 2100 г. до н.э. Это так называемые Законы Ур-Намму, первого правителя III династии Ура. Текст сохранился только частично в трех копиях, найденных в разных местах. Новые публикации дают серьезные основания полагать, что Законы Ур-Намму, создание которых, как следует из их условного названия, приписывалось Ур-Намму, на самом деле принадлежат его сыну Шульги [Yildiz, 1981; Kramer, 1983].

После пролога, в котором описывается, как боги привели правителя к власти, идет текст «параграфов», каждый из которых представляет собой описание отдельного казуса и начинается со слова «если». Именно в такой форме составлялись позднее все законодательные сборники Месопотамии. В сохранившихся фрагментах рассматриваются самые разные случаи: адюльтер замужней женщины, развод, ложные обвинения, бегство раба, телесные повреждения, а также казусы, касающиеся сельскохозяйственных работ и ирригации [Дьяконов, 1953; Finkelstein, 1968; Афанасьева, 1960].

Особенно много памятников законодательного характера сохранилось от старовавилонского периода. Исследователи объясняют это обстоятельство, в частности, тем, что начало II тыс. до н.э. было временем больших социальных и политических перемен. Чтобы избежать дестабилизации и хаоса, в целом ряде городов

Южной Месопотамии были составлены законодательные сборники, написанные от имени правивших здесь царей. До нашего времени дошли сборники из городов Исины (Законы Липит-Иштара, Новые шумерские законы), Эшнунны (Законы Эшнунны), Вавилона (Законы Хаммурапи).

Переводы всех известных к началу 50-х гг. XX в. законодательных памятников из Месопотамии были сделаны И.М. Дьяконовым [Дьяконов, 1952a]. В 1995 г. вышло новое издание законодательных памятников из Месопотамии со всеми новыми текстами, дополнениями и исправлениями, появившимися к тому времени [Roth, 1995].

Все законодательные памятники старовавилонского периода отражают одинаковые явления общественной жизни того времени и мало чем различаются по общему содержанию, разница, главным образом, прослеживается в деталях. Содержание оформлено в казуистическом виде, т.е. рассматриваются определенные случаи из судебной практики. Материал излагается по разделам, не все из которых представлены в каждом памятнике: вопросы судопроизводства, отношения имущественные, брачно-семейные и наследственные, земельные отношения; вопросы займов, ростовщичества, поручения и хранения, найма работников и оплаты труда, а также купли рабов.

Эти законодательные сборники регулируют многие области права, но далеко не все. В сфере обычного права оставалась, по-видимому, та часть общественной жизни, которая не была затронута изменившимися условиями. В них не оговариваются общие вопросы, связанные с орошением, нет общих норм наказания за убийство, рассматриваются лишь специальные случаи, нет налогового права, вопросы о повинностях затрагиваются только в связи проблемами владения недвижимостью.

Самый поздний известный нам законодательный памятник на шумерском языке — это Законы Липит-Иштара, царя Исины (ок. 1930 г.). Впервые перевод сохранившегося текста законов был опубликован в середине прошлого века [Steele, 1949; Дьяконов, 1952a], позднее были найдены и опубликованы новые фрагменты текста [Roth, 1995]. Во введении царь рассказывает, как боги возвели его на престол и заявляет об установлении «справедливости»: граждане Шумера и Аккада, попавшие в рабство, были освобождены, была установлена также норма выполнения повинностей.

Содержание статей законов (их более 50) имеет много общего с содержанием Законов Ур-Намму. Заканчивается текст законов, как было принято, проклятиями на голову возможного разрушителя памятника. Законы, по-видимому, первоначально были высечены на камне, но дошли до нас в копии на глиняной табличке.

Законы из Эшнунны — это самый древний из сохранившихся законодательных памятников на аккадском языке. Долгое время из-за сложности прочтения пролога, текст которого сохранился только частично, они приписывались царю Билаламе, но позднее от такого прочтения отказались. Судя по данным археологии, таблички, на которых был записан памятник, были составлены не позднее правления предпоследнего царя Эшнунны Дадуши, старшего современника Хаммурапи [Borger, 1982].

Некоторые исследователи считают, что по своей структуре этот памятник ближе к царским указам (мишарум, см. ниже), чем к «законодательным сборникам», поскольку в нем отсутствует пролог, и он, как и указы, начинается с датировочной формулы [Finkelstein, 1961]. Перевод и подробное изучение текста памятника было осуществлено Р. Яроном в его монографии «The Laws of Eshnunna», которая была издана впервые в 1969 г., а в 1988 г. вышло второе, дополненное и доработанное издание [Yaron, 1969; 1988].

Законы Хаммурапи считаются крупнейшим и наиболее важным памятником права Месопотамии. Впервые они были полностью изданы в 1952 г. [Driver, Miles, 1952]. В них содержится несколько сот правовых норм, относящихся к уголовному, гражданскому и процессуальному праву. Текст во многом повторяет предшествующие законодательные памятники, но в нем появилось и много нового: новая тематика законодательных казусов, применение в системе наказаний принципа талиона. Некоторые исследователи относят нововведения, появившиеся в Законах Хаммурапи, за счет аморейской составляющей этого памятника [Malamat, 1997].

Долгое время исследователи не могли понять внутреннюю систему Зонов Хаммурапи. В настоящее время считается, что правовые нормы внутри текста группируются по «предмету» регулирования, а расположение норм внутри группы и переход от группы к группе происходит по принципу сходства какого-либо предмета или элемента, упоминаемого в последних строках первой группы

и в первых строках второй или, иначе говоря, по ассоциативному принципу [Petschow, 1965].

Новой, по мнению исследователей, была идеология, выраженная в тексте пролога к законам: политическая власть больше не переходит из города в город, но навечно устанавливается в Вавилоне, столице единого централизованного государства под властью династии Хаммурапи [Якобсон, 1984].

Указы о справедливости (мишарум). Помимо законодательных сборников, в старовавилонский период появилась еще одна близкая к ним по жанру группа текстов, которая содержит очень важную информацию по разным аспектам социальной, хозяйственной и правовой жизни Месопотамии. Это так называемые царские указы о «справедливости» (мишарум).

Впервые старовавилонский текст, содержащий фрагмент такого царского указа, был опубликован в 1914 г. [Langdon, 1914]. Впоследствии было опубликовано еще несколько текстов такого рода, в том числе указы царя Аммицадуки, предпоследнего правителя династии Хаммурапи, тексты которых сохранились в наибольшей степени [Finkelstein, 1961]. Именно они легли в основу большинства исследований, посвященных изучению такого рода указов.

Публикация всех известных к тому времени текстов указов и фрагментов текстов, упоминающих эти указы, а также фундаментальное исследование связанных с ними проблем принадлежит перу выдающегося ассириолога Ф. Крауса, две монографии которого являются незаменимым источником информации на эту тему [Kraus, 1958; 1984].

Все сохранившиеся тексты указов и упоминания о них относятся ко времени правления в Месопотамии аморейских царей [Bottero, 1961]. Указы аннулировали кабальные долги, освобождали свободных, проданных в рабство за долги, отменяли некоторые виды налогов. Самые ранние по времени указы, по-видимому, отменяли и продажу за долги недвижимости, возвращая ее продавцу. Главной целью издания такого рода указов была, вероятно, попытка предотвратить разорение и обезземеливание бедных слоев населения и смягчить усиливавшиеся социальные противоречия [Дьяконов, 1983].

Вопрос о том, насколько регулярно издавались указы, неоднократно дискутировался. Многие исследователи выдвигали свои

аргументы, доказывая периодический характер эдиктов [Finkelstein, 1965; Якобсон, 1983а]. В настоящее время тот факт, что эдикты повторялись, считается доказанным, но насколько регулярной была эта периодичность, остается неизвестным. Царю не обязательно было, по-видимому, каждый раз заново составлять указ, вероятно, достаточно было объявить о нем, так как содержание и значение указа было хорошо известно населению. Провозглашение указа сопровождалось специальными ритуалами, которые указывают на сакральный характер этого действия [Stol, 1976].

Перечисленные выше законодательные памятники старовавилонского периода дошли до нас, в основном, в школьных копиях на глиняных табличках. Вполне возможно, что «законодательные сборники» составлялись по указаниям многих правителей того времени. Трудно предположить, однако, что все тексты такого рода были скопированы и все копии дошли до нас. Тем не менее, среди табличек, хранящихся в музеях мира, исследователи иногда находят новые тексты такого рода. Так, в коллекции Британского музея среди табличек из Сиппара был найден небольшой фрагмент неизвестного ранее законодательного текста на шумерском языке, по своему содержанию частично перекликающийся с Законами Хаммурапи [Michalowski, Walker, 1989]. Исключительно важными в этом фрагменте являются впервые встретившиеся исследователям упоминания о законодательно фиксированных ценах и арендной плате за городскую недвижимость, сроках процентных займов и др. Издатели, дав найденному ими тексту условное название Новые шумерские законы, предположительно отнесли его составление ко времени правления царя Исина Ишме-Дагана (1953—1935 гг. до н.э.).

Амореи. В своей постоянной борьбе за выживание оседлое население и государственные структуры Месопотамии на протяжении всей своей истории должны были бороться с вторжениями варваров, населявших окраины региона. Постоянными набегами жителям Месопотамии угрожали народы гор с востока и северо-востока, такие, как кутии, лулубеи, субареи, хурриты, и семитские кочевые и полукочевые народы западных пустынь и полупустынь. Проблема взаимодействия с чужеземными этносами, будучи чрезвычайно актуальной на всем протяжении истории месопотамской цивилизации, решалась по-разному в зависимости от политической устойчивости государства: от полного подчинения

новопришельцев и использования их в государственном хозяйстве в качестве рабочей и военной силы до передачи им всей политической власти в обмен на возможность сохранить традиционный городской образ жизни с его относительной безопасностью и стабильностью. Во II тыс. до н.э. Месопотамия пережила массовые вторжения двух чужеземных этнических групп: амореев и касситов (о них см. раздел ниже).

Аморей упоминаются в шумерских и аккадских клинописных текстах из Месопотамии, а также в документах из архивов хеттских царей и египетских фараонов и в Библии. В библейской традиции термин «аморей» встречается как обозначение всего доизраильского населения Палестины или отдельных групп этого населения (Быт. 15:21; Втор. 7:1). С уходом амореев из Месопотамии связывают библейское предание об Аврааме, который жил в Уре Халдейском, а затем по слову Бога покинул его, отправившись со всеми своими домочадцами в Харран (Северная Сирия) и далее в Палестину.

В Месопотамии первые упоминания об амореях (**mar-tu** или **mar-du₂** = запад) появляются в шумерских текстах периода Фары, т.е. около 2500 г. до н.э. Так шумеры называли и регион, расположенный к западу от Месопотамии (от правого берега Евфрата до Средиземного моря), и население этого региона [Bauer, 1972]. Аккадский синоним этому шумерскому обозначению — слово *amurru* (западный) в значении этнонима впервые появилось в староаккадских источниках (вторая половина III тыс. до н.э.) как семантический эквивалент шумерского термина. Этимология шумерского термина **mar-tu** и соотношение между ним и аккадским термином *amurru* остается неясным [Edzard, 1987–1990].

В царских надписях второй половины III тыс. до н.э. «западная страна» (*māt amurrim*) периодически упоминается как находящаяся в состоянии войны с аккадскими царями и царями III династии Ура. С этого же времени в административно-хозяйственных и юридических документах все чаще встречаются упоминания о людях **mar-tu**, которые мирно живут в Вавилонии. Особенно увеличивается число таких упоминаний начиная со времени III династии Ура.

Все свидетельства текстов об амореях в период Ур III собрал в своей книге Дж. Буччеллати [Buccellati, 1966]. Он показал, что, начиная со времени III династии Ура, число упоминаний термина

mar-tu в хозяйственных и литературных текстах значительно увеличивается (автор привел свыше 100 примеров). Словом **mar-tu** в этих текстах могли называть как представителей кочевых племен, чьей родиной был регион Джебель-Бишри в Сирии, так и амореев, давно осевших в вавилонских городах.

Дж. Буччеллати отмечает двойственное отношение местного населения к амореям: судя по документам хозяйственной отчетности, амореи, обосновавшиеся в городах, воспринимались как «свои». Люди, называемые таким образом, жили в разных городах Вавилонии. Иногда (в Лагаше) они носили шумерские и аккадские имена, в других городах (Дрехем) их собственные имена были явно семитскими, т.е. в некоторых городах амореи, по-видимому, настолько ассимилировались, что давали детям местные имена, а в других они сохраняли свои ономастические традиции. Среди них были люди самых разных профессий и разного социального положения: солдаты, гонцы, цирюльники, плакальщики, земледельцы, начальники ремесленников и т.п.

В то же время в литературных текстах этого периода проявилось весьма негативное отношение к амореям, продолжавшим вести полукочевой образ жизни (текст «Женитьба бога Амурру»). Они описываются как нецивилизованные, воинственные, со странными обычаями, не умеющие выращивать зерно и печь из него хлеб. Эти люди были организованы в племена и совершали под руководством воинственных вождей постоянные набеги на города Вавилонии, так что городские правители пытались защитить свои города от их набегов, строя специальные оборонительные сооружения. Некоторые тексты периода Ур III ссылаются на военнопленных, взятых у людей **mar-tu**.

К концу III тыс. до н.э., как показало исследование Дж. Буччеллати, большие группы амореев обосновались почти во всех крупных городах Вавилонии. На территориях между городами аморейские скотоводы пасли свои стада. С конца правления Ибб-и-Сина, последнего царя III династии Ура, и в правление местных династий, которые правили в городах Вавилонии после падения III династии Ура, упоминания о борьбе с амореями повторяются все чаще.

В течение столетия после разрушения Ура во всех крупных городах Двуречья к власти пришли правители, носившие аморейские имена. Аморейской династии города Вавилона в правление

царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) удалось подчинить все остальные городские династии и объединить Месопотамию в рамках единого централизованного государства, которое просуществовало более 200 лет (I вавилонская династия).

После разрушения Вавилона хеттами (1595 г. до н.э.) и падения I вавилонской династии упоминания об амореях в документах из Месопотамии постепенно исчезли. Некоторая часть амореев, потомки тех, кто пришел в Месопотамию в начале II тыс., возможно, покинули ее после прихода к власти в Вавилоне новой касситской династии. Они переправились на правый берег Евфрата и вернулись на свои прежние места обитания к западу от Месопотамии, где со временем смешались с родственным западно-семитским населением Аравии, Сирии и Восточного Средиземноморья, войдя в число предков целого ряда народов семитской языковой семьи, в том числе евреев и арабов [Дьяконов, 1992].

В 20-е гг. XX в. в науке возникла оживленная дискуссия по вопросу о том, откуда амореи пришли в Месопотамию и каковы родственные связи аморейского языка. Поводом для дискуссии послужило изучение собственных имен. Оказалось, что в период Ур III среди имен собственных, упоминаемых в текстах, было больше всего шумерских, несколько меньше аккадских и очень мало аморейских и других чужеземных имен. В старовавилонский период, когда население Вавилонии в царских надписях описывается как «аккадцы и амореи» [Kraus, 1958], ономастическая картина Вавилонии значительно изменилась. Помимо значительной части населения, носившего аккадские и шумерские имена, появились сотни, а возможно и тысячи лиц, носивших семитские имена, отличавшиеся от аккадских. Некоторые из них называются в текстах амореями, но большинство лиц, носящих имена такого типа, упоминаются в текстах без всяких этнических обозначений.

Б. Ландсбергер и Т. Бауэр, изучив семитские имена собственные в текстах конца III — начала II тыс. до н.э., выдвинули предположение, что язык, на котором говорили амореи времени III династии Ура, когда их имена в документах писали в сопровождении этнонима **mar-tu**, коренным образом отличался от языка западно-семитских имен в текстах старовавилонского периода, в которых не было этнических указаний [Landsberger, 1924; Bauer, 1929]. Эти исследователи называли язык амореев периода Ур III «dialect

akkadish», а язык, на котором были написаны западно-семитские имена старовавилонского периода, «ostkanaänisch». То есть, по мнению Б. Ландсбергера и Т. Бауэра, амореи времени III династии Ура не были связаны прямым родством с западносемитским населением, появившимся в Месопотамии в старовавилонский период. Они же утверждали, что страна Амурру располагалась не на западе, как считалось, исходя из буквального значения шумерского термина (**mar-tu** — запад), а к востоку от Тигра.

Первые серьезные публикации, посвященные проблеме появления в Месопотамии западносемитских кочевых или полукочевых племен и их дальнейшей истории, которые появились в 50-е гг. XX в., полностью опровергли эту точку зрения [Edzard, 1957; Kupper, 1957].

Одна из этих публикаций, монография Ж. Купера, представляет собой историческое исследование, основанное на тщательном изучении филологических источников. Во введении автор отметил как очень существенный тот факт, что номадизм западносемитских племен, о которых идет речь в монографии, был в корне отличен от номадизма бедуинов, так как древние кочевники имели дело с мелким рогатым скотом (овцы, козы), а не с верблюдами, как бедуины (первое упоминание о верблюде в Месопотамии относится к концу старовавилонского периода). Не имея возможности удалиться от источников воды, номады Передней Азии избегали засушливых просторов Центральной Аравии и предпочитали держаться на восточных и южных границах Плодородного Полумесяца (на территории, называемой арабами в наше время Хамад). Именно отсюда, как считает автор, имели место четыре великих семитских экспансии: 1) аккадцы в какой-то неизвестный нам период древности (не позже IV тыс. до н.э.), 2) амореи — главным образом в начале II тыс. до н.э., 3) арамеи — с XII в. до н.э., 4) арабы.

В монографии подробно рассмотрены вопросы, связанные с двумя такими экспансиями: аморейской и арамейской. В главе 4, посвященной амореям, обсуждается вопрос о западносемитских народах и амореях, о стране Амурру и божестве Амурру. Исследуя письменные источники, автор приходит к выводу, что западносемитские народы и амореи представляли собой единый по происхождению этнос, а страну Амурру можно локализовать только на западе от Южной Месопотамии. Вся эта глава перекликается

с вышедшей одновременно книгой Д. Эдларда. Выводы обоих авторов практически совпадают.

Недостатком той части исследования Ж. Купера, которая посвящена амореям, по мнению И. Гельба, явился тот факт, что автор не использовал две важные группы источников, упоминающих эту этническую группу: египетские тексты проклятий и Ветхий Завет. Не получило объяснения в монографии и то важное, по мнению критика, обстоятельство, что бог Амурру, который выступает как свое божество в Южной Вавилонии и даже в Эламе, на западе, т.е. в Северной Месопотамии и Сирии, фактически не упоминается [Gelb, 1961].

В рецензии на работу Ж. Купера И. Гельб изложил и свое понимание проблемы происхождения и истории амореев. Он подробно описал этнолингвистическую ситуацию в Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. и в старовавилонский период. И. Гельб высказал мнение, что язык аморейских имен периода Ур III и старовавилонских западносемитских имен практически идентичен. Многие имена периода Ур III появляются в старовавилонский период в измененной форме под влиянием аккадского языка или же из-за незнания аморейских имен аккадскими писцами. Если отдельные характеристики аморейских имен в текстах эпохи Ур III и не находят точных параллелей в старовавилонских текстах, то это обстоятельство скорее относится к уровню ономастических традиций, а не лингвистических различий [Gelb, 1961].

По мнению автора, в этнолингвистическом и историческом использовании термина «Amorite» можно выделить три последовательных этапа:

1. Old Amorite. С древнейших времен до конца Ур III. Страна Амурру на западе. Амореи отмечены в Вавилонии.
2. Middle Amorite. Старовавилонский период. Страна Амурру в Сирии. Амореи отмечены в Сирии, Северной Месопотамии, Вавилонии. На всей этой территории использовался только один западносемитский язык. Палестина и финикийское побережье могли быть либо аморейскими, либо ханаанейскими.
3. New Amorite. Средневавилонский период. Страна Амурру в Сирии. Аморейский язык, который используется в Сирии, отличается от ханаанейского, угаритского и, возможно, от возникающего арамейского.

Именно работы И. Гельба положили начало изучению аморейского языка. Его первые публикации на эту тему появились еще в 1958 г. [Gelb, 1958], а в начале 1960-х гг. И. Гельб выдвинул идею о необходимости использования компьютерных методов для изучения грамматики и словаря аморейского языка. Эта идея была воплощена в жизнь, и через 20 лет И. Гельб и его помощники выпустили в свет первый том компьютерного анализа аморейских собственных имен [Gelb, 1980].

Интереснейшим вопросом об аморейских генеалогиях одним из первых начал заниматься И. Финкельштейн. Он опубликовал старовавилонский текст из коллекции Британского музея, который был найден при раскопках города Сиппара [Finkelstein, 1966]. Текст был составлен от имени царя Аммицадуки, предпоследнего царя I вавилонской династии. Он содержит запись ритуала поминания имен усопших предков в праздник новолуния. В перечне предков, приведенном в тексте, перед именами известных нам представителей I вавилонской династии, предков Аммицадуки, правивших в Вавилоне, в том числе Хаммурапи, перечислены еще 19 имен. Эти имена, явно мифические, исследователи отождествляют с эпонимами отдельных западносемитских племен. Составитель текста зафиксировал в нем свое представление о последовательной смене поколений аморейских правителей, которая непрерывно продолжалась в течение многих веков. Удивительное сходство этого текста с текстом Ассирийского царского списка, где, в частности, упоминается современник Хаммурапи Шамши-Адад, показывает, что аморейские правители, как вавилонские, так и ассирийские, вели свое происхождение от одних общих предков [Finkelstein, 1966]. Параллели между этими аморейскими генеалогиями и генеалогиями, упоминаемыми в Библии, позволяют, по мнению И.М. Дьяконова, говорить об общесемитской генеалогической традиции [Дьяконов, 1992].

Вопрос об амореях тесно связан с вопросом о номадизме и характере отношений между городским населением и кочевниками. Серию статей этому вопросу в числе других исследователей посвятил М. Роутон [Rowton, 1967; 1969; 1973a; 1973b; 1974]. Помимо письменных источников из Месопотамии, автор широко использовал этнографическую литературу о современных кочевых народностях и их истории, и на основании этого предложил общую схему

отношений кочевых групп и городского населения на протяжении всей истории Передней Азии.

Типичным для этого региона, по его мнению, было полное или частичное расположение пастбищных участков в рамках городских территорий, результатом чего был постоянный тесный контакт пастухов и оседлых земледельцев, «enclosed nomadism» в терминологии М. Роутона. При этом самые богатые и самые бедные представители племен постепенно оседали в городах и теряли свои прежние связи.

Предположение М. Роутона о том, что номады постепенно адаптируются к оседлой жизни, и становятся политической доминантой на избранной ими территории, использованное им для объяснения прихода к власти аморейских династий в Вавилонии, разделяют далеко не все исследователи. По мнению противников этой теории, нет никаких прямых доказательств такого предположения, кроме весьма привлекательной исторической модели кочевого происхождения различных групп семитских народов [Weeks, 1985]. Другие утверждают, что неверно само утверждение о кочевом устройстве аморейского общества, принимаемое априори. Для него нет достаточных доказательств. На самом деле амореи были вовсе не кочевниками, а горожанами, земледельцами и, прежде всего, торговцами [Haldar, 1971].

В настоящее время в науке установилась точка зрения, согласно которой термин «амореи» носит описательный характер, являясь не названием определенной народности или отдельного племени, а общим обозначением западносемитского населения сиро-аравийских степей и полупустынь, данным им соседями с востока.

Печати. Печати из Месопотамии представляют собой неисчерпаемый источник для изучения всех сторон жизни древнего общества. Этот материал, который последнее время все больше привлекает внимание не только исследователей искусства, но и тех, кто занимается вопросами социально-экономической истории, дошел до нас в двух вариантах: собственно печати и оттиски печатей на табличках. В музеях мира хранятся сотни печатей, относящихся к разным периодам истории Месопотамии. Внешний вид печати, ее размер, форма, материал, из которого она изготовлена, многое могут сказать специалисту, однако главный источник информации — это то, что было вырезано на печати и должно

было остаться на глине при прикладывании печати, т.е. изображение или надпись, или то и другое вместе.

Первоначально наиболее распространенной формой печатей в Месопотамии были печати-штампы. Многочисленные печатки в виде зверей, птиц, розеток, штампы с геометрическим орнаментом были найдены здесь в слоях V тыс. до н.э. В начале III тыс. до н.э. печати-штампы были почти полностью вытеснены цилиндрическими печатями. Такие печати представляли собой небольшие, вырезанные из камня или раковин цилиндры высотой несколько сантиметров, на боковой стороне которых вырезались разнообразные изображения, позднее к изображениям добавились надписи. По оси цилиндра просверливалось отверстие, сквозь которое продевался шнур. На этом шнуре печать чаще всего и носили как украшение или амулет, и с помощью этого же шнура, придерживая его с двух сторон, прокатывали цилиндр по влажной глине, когда надо было оставить оттиск печати на документе или опечатать глиняную пломбу на сосуде или двери.

Преимущество цилиндрической печати в сравнении с печатью-штампом заключалось, вероятно, в том, что ее можно было откатать по всей поверхности опечатываемого предмета. Узор, вырезанный мастером на цилиндре, мог повторяться бесконечно. Варианты изображений также могли быть самыми разнообразными и приобретали большую индивидуальность.

Первые цилиндрические печати, с большими хорошо вырезанными изобразительными мотивами, появляются в Южной Месопотамии в конце периода Урук. Интересно, что в самом Уруке были найдены исключительно оттиски печатей на кусках глины или на табличках. В то же время в Джемдет-Наср были найдены только сами печати и никаких оттисков на табличках. Уже на самых ранних стадиях существования цилиндрических печатей одновременно встречаются и печати с репрезентативными мотивами, и печати с абстрактными или геометрическими мотивами.

Сложный вопрос о развитии характера изображений в месопотамской глиптике, о смене стилей соответственно смене исторических эпох явился предметом изучения многих исследователей, работы которых хорошо известны [Афанасьева, 1979, там же литература; Nissen, 1986].

Изобретение письма расширило сферу применения печатей. Кроме опечатывания помещений, сосудов и различных емкостей.

печати стали прикладывать и к документам, хотя вплоть до времени III династии Ура оттиски печатей на документах встречаются реже, чем на буллах и пробках сосудов [Gibson, 1977]. Первые надписи на месопотамских печатях появились в первой половине III тыс. до н.э., но и после этого на всем протяжении месопотамской истории значительная часть печатей имела только изображения, но не имела надписей.

Типология развития надписей на месопотамских печатях была исследована и разработана И. Гельбом на основе классификации I тыс. надписей на печатях, относящихся ко всем периодам истории Месопотамии. Составленная им таблица дает общее представление о характере этого процесса [Gelb, 1977a].

Самые ранние надписи появляются на печатях, относящихся к Раннединастическому периоду (XXVIII–XXV вв. до н.э.). Они содержали обычно только имя бога (DN) или царя (RN), позднее в надписи появились имена частных лиц (PN), имена с отчеством (PN *dumu* PN2), со временем к имени все чаще присоединяется название должности (PN *prof.*) или же, если владелец печати царь или правитель города, к его имени присоединяется титул (RN/ON *title*). Надписи сразу же решили проблему идентификации оттиска печати и личности владельца печати.

В последующий саргоновский период самым распространенным видом надписи на печати была надпись, состоявшая из имени собственного (PN) или имени и отчества: «такой-то, сын такого-то» (PN *dumu* PN2). Археологами найдено около 125 печатей такого рода, однако табличек с оттисками таких печатей найдено не более десятка, и среди них как административные, так и частноправовые документы.

К этому же времени относятся печати, в надписи на которых стали впервые употреблять термин «раб». Схема подобного рода надписи была такова: имя царя, имя и должность владельца печати, далее шли слова «раб твой», т.е. царя (RN PN *prof. arad₂-zu*). Большая часть оттисков такого рода печатей сохранилась на глиняных буллах, служивших для опечатывания сосудов. По мнению Р. Цетлера, царь, возможно, сам наделял соответствующих чиновников такого рода печатями. Они производились в специальной государственной мастерской по указанию сверху. Такие печати имели только самые высокопоставленные чиновники. Если на престол всходил новый царь, то чиновнику, продолжавшему нести

свою службу, изготавливали новую печать с именем правящего царя [Zettler, 1977].

Исследование печатей времени III династии Ура показало, что они могут служить важным источником для реконструкции административной структуры государственных хозяйств. На многих оттисках печатей сохранились надписи с именем владельца и его титулом (должностью). Упоминания этих титулов, а иногда и этих имен собственных в хозяйственных текстах в ряде случаев дает возможность определить их место в управленческой иерархии. Изучение оттисков печатей, сохранившихся на табличках архива храма Инанны в Ниппуре времени III династии Ура, позволило Р. Цеттлеру сделать очень интересные наблюдения, касающиеся структуры управления и административной иерархии этого хозяйства [Zettler, 1987].

Долгое время изображения на печатях изучались только с точки зрения искусствоведения. Один из немногих примеров поиска связей между изображением и надписью — это работа историка искусства Ирен Винтер с печатями периода Ур III [Winter, 1986; 1987]. Роль печатей в Месопотамии состояла, по мнению автора, в том, что они маркировали изменения, происходившие в административной и коммерческой сфере. В период Ур III, который исследовала автор, репертуар изображений на печатях был очень ограниченным, что было связано, возможно, с попыткой ввести стандартизацию и в эту область, чтобы четко обозначить место и объем власти носителя печати. Чаще всего изображали так называемую «сцену презентации»: личное божество подводит владельца печати к божеству или царю.

Печати с изображением царя, как считает И. Винтер, принадлежали исключительно чиновникам высшего ранга, стоявшим в административной иерархии сразу после царя. Сцены, изображенные на этих печатях, можно расценивать как публичное отображение представления о власти. С одной стороны, изображение на такой печати отражает уровень власти владельца, с другой — свидетельствует об уровне власти царя, направленной и на то, чтобы гарантировать значение данной печати и данной должности, и на то, чтобы подчеркнуть исключительное значение царской власти, санкционированной богами [Winter, 1987].

В последнее время появляется все больше исследований, посвященных изучению изображений и надписей на печатях

старовавилонского периода. Издаются каталоги печатей, хранящихся в разных музеях мира [Buchanan, 1981; Collon, 1986], и каталоги оттисков, оставленных печатями на документах (глиняных табличках) [Blocher, 1992]. Изучение характера изображений на печатях дает возможность установить время и место их изготовления, выявить определенные художественные школы и стилистические особенности в работе разных мастеров [Al-Gailani Werr, 1988].

Интересные результаты приносит и изучение надписей на старовавилонских печатях. Самым распространенным видом надписи в этот период была надпись такого типа: такой-то, сын такого-то (титул), раб бога такого-то (PN **dumu** PN2 (prof.) **arad₂** DN). Исследование и сопоставление упоминающихся в надписях собственных имен, должностей, имен богов, рабами которых называли себя владельцы печатей, дает возможность в ряде случаев установить иерархию должностей в государственном и храмовом хозяйствах, религиозные предпочтения, родственные связи и даже этническую принадлежность владельцев печатей [Charpin, 1990a; 1992; Козырева, 1997; 1998; 2002].

§ 7. Историография истории Вавилонии средневавилонского периода (вторая половина II тыс. до н.э.)

Хронология и периодизация. Примерно с середины II тыс. до н.э. история Месопотамии четко разделяется на две ветви: история Вавилонии (Южная Месопотамия) и история Ассирии (Северная Месопотамия). Историю Вавилонии второй половины II тыс. до н.э. — средневавилонский период — можно разделить на два отдельных этапа: 1) касситская Вавилония (ок. 1595—1157 гг. до н.э.) и 2) Вавилония при II династии Исина (1157—1027 гг. до н.э.). Средневавилонский период истории Вавилонии изучен меньше, чем предшествующий (старовавилонский) и последующий (нововавилонский) периоды.

Касситская Вавилония. Существует целый ряд работ общего характера, посвященных истории Вавилонии касситского периода [Jaritz, 1958; Brinkman, 1980; Edens, 1994; Sommerfeld, 1995]. Конец правлению I вавилонской династии положили хетты в 1595 г. до н.э. В это время во главе хеттского царства стоял Мурсили

I (1620—1595 гг. до н.э.), современник последнего царя I вавилонской династии Самсудитаны (1626—1595 гг. до н.э.). Войска Мурсили I, совершая поход в Северо-Западную Сирию, прошли вниз по Евфрату, не встречая никакого сопротивления, и неожиданно атаковали Вавилон. Город был захвачен, разграблен, статуи главных богов, в том числе бога Мардука, увезены. Хетты не смогли воспользоваться плодами своей победы. Получив известие о дворцовом заговоре, Мурсили со своим войском срочно вернулся в Малую Азию, а политический вакуум, образовавшийся в Вавилонии, был ненадолго заполнен правителем Приморья, государства, возникшего на юге Вавилонии при преемниках Хаммурапи. Как долго царь Приморья сумел удержаться в Вавилоне и каким образом был смещен касситами, мы не знаем, поскольку история Вавилонии этого времени почти неизвестна. Во всяком случае, приморская династия оставалась серьезной политической силой на юге Вавилонии еще примерно сто лет после воцарения касситов [Lambert W., 1974b).

Вопрос об этнической принадлежности касситов остается нерешенным, в качестве места коренного обитания касситских племен одни исследователи рассматривают Малую Азию, другие — побережье Каспийского моря, третьи — горы Загроса, но точного ответа на этот вопрос пока нет. Когда и где касситский язык существовал как живой и разговорный, неизвестно. До нас не дошло ни одного текста или хотя бы предложения, написанного на этом языке. Реконструировать его приходится на основании косвенных источников. Сохранился фрагмент касситско-вавилонского словаря (48 слов), список из 19 касситских личных имен с вавилонским переводом, а также несколько специальных терминов, касающихся разведения лошадей, и отдельных слов в аккадском контексте, которые можно предположительно рассматривать как касситские [Balkan, 1954; Brinkman, 1996]. Отсутствуют какие-либо достоверные данные и о связях касситского языка с другими языками или языковыми семьями. Имена некоторых касситских божеств иногда сравнивали с именами греческих и индийских богов, но внешнее сходство, даже если допустить его наличие, по мнению большинства исследователей, свидетельствует только о каких-то периодических и, возможно, не прямых контактах между различными этническими группами на территории обширного культурного пространства [Brinkman, 1980].

Первые упоминания о касситах в источниках из Месопотамии относятся к XVIII в. до н.э. и связаны, в основном, с районом Сиппара [Harris, 1975: 88]. В письмах и административных документах старовавилонского периода иногда встречаются упоминания о группах людей, называемых *kassu*, которые работали в сельском хозяйстве, перевозили продукты, продавали битум. Иногда эти люди упоминаются в списках выдач рационов, что свидетельствует о том, что они могли работать в крупных государственных хозяйствах, в том числе выполнять и военные функции [Brinkman, 1980: 466]. В неадминистративных контекстах этого времени о касситах говорится как о врагах и разбойниках, нападающих на мирных жителей [Michalowski, 1981]. К концу старовавилонского периода касситы жили уже на среднем Евфрате, на территории Ханы и Терки, и в Алалах.

Обстоятельства прихода к власти в Вавилоне Агума, девятого царя касситской династии в Хане и основателя Касситской вавилонской династии, нам неизвестны. Вслед за ним в Вавилонии правили еще 36 царей, которых вавилонская историческая традиция называет касситами. Однако последовательность их правления до сих пор недостаточно ясна. К середине II тыс. до н.э. вышел из употребления древний обычай составления пространных царских датировочных формул, упоминавших важнейшие события каждого года правления, и сведения этих формул в списки. Это создает определенные сложности для исследователей при установлении последовательности тех или иных событий или точных дат правления отдельных касситских царей. Проблемы хронологии касситского периода подробно разобраны в статьях А. Гётце [Götte, 1957; 1964] и Л. Засмансхаузена [Sassmannshausen, 2004].

Большие сложности для изучения истории касситского периода создает и тот факт, что среди представителей правящей династии было немало тезок [Brinkman, 1969]. Одна из трудных исторических проблем этого периода — это вопрос о роли самих касситов в Вавилонии при правлении Касситской династии. Многие правители этой династии были касситами, носили касситские имена и принадлежали, вероятно, к одной родственной группе, которая владела престолом в течение всего периода. Предполагается, что в этот период большое количество касситов жило в самой Вавилонии, известно также, что касситы составляли значительную часть населения хурритского города Нузи (1550–1400 гг. до н.э.). После

падения касситской династии многие касситы продолжали жить в Вавилонии, занимая высокие административные должности.

В начале XVI в. до н.э. Касситская династия контролировала север Вавилонии, а около 1475 г. до н.э. захватила и юг, положив конец существованию Приморского царства. С небольшими перерывами она правила в Южной Месопотамии примерно до 1155 г. до н.э. Правление Касситской династии, продолжавшееся более четырех столетий, было периодом относительной политической и экономической стабильности [Edens, 1994]. Именно при касситах Вавилония некоторое время играла ключевую роль в политической, интеллектуальной и торговой жизни всего Ближнего Востока. Касситские монархи заключали договоры с Египтом и Ассирией, наладили дипломатические и торговые связи с хеттами и Эламом. Вавилония процветала как центр международной торговли, а экономика страны перешла на использование золотого (вместо серебряного ранее) стандарта. В главных городах велось активное строительство, и в важном со стратегической точки зрения месте (к западу от современного Багдада) была построена новая столица Дур-Куригальзу [Дьяконов, 1983: 415–444; Якобсон, 1983].

Касситское правление было для Вавилонии временем серьезного культурного подъема [Sommerfeld, 1995]. Активно действовали писцовые школы, особенно в Ниппуре и Уре, создавались новые литературные тексты, месопотамская письменность и литература широко распространились по всему Ближнему Востоку. Именно при касситах была проведена работа по стандартизации аккадских и шумерских текстов. Найденные в библиотеках I тыс. до н.э. версии литературных текстов были составлены или, по крайней мере, копированы в касситский период. Именно в этот период аккадский язык становится языком международного общения и дипломатии на всей территории Ближнего Востока.

В конце XIV — начале XIII в. до н.э. политическое положение Вавилонии постепенно стало ухудшаться. С запада на Месопотамию стали надвигаться из степей кочевые племена арамеев, с севера Вавилонии угрожала мощная Ассирийская империя, пытавшаяся отрезать ее от важнейших торговых путей, на востоке давний соперник Вавилонии Элам вновь объединился в могущественное независимое государство. Неоднократные нашествия ассирийцев, а затем эламитян нанесли колоссальный урон городам Вавилонии и положили конец правлению Касситской династии.

Касситский период до сих пор остается самым мало изученным периодом истории Месопотамии. Это тем более удивительно, что от этого времени сохранилось достаточно много источников, как памятников материальной культуры, так и разнообразных текстов.

Важным источником по истории периода являются вавилонские и ассирийские сочинения исторического характера (хроники), содержащие сведения о касситских царях и политической истории касситского времени [Grayson, 1975].

Археология. Археология Месопотамии касситского периода весьма разнообразна. Были раскопаны жилые кварталы этого времени в Вавилоне, Уре, Ларсе, Эреду, Ниппуре [Brinkman, 1969; Hilprecht, 1903; Oates, 1979; Woolley, 1975]. Только в Ниппуре было найдено около 18 тыс. табличек касситского времени [Hilprecht, 1903: 414]. Большой материал был получен при раскопках новой столицы касситов Дур-Куригальзу, современный Акар-Куф [Bagir, 1944; 1945; 1946]. Именно там находится единственный в Месопотамии хорошо сохранившийся зиккурат (он сохранился на высоту ок. 60 м), который был частично отреставрирован во второй половине XX в. Археологи обнаружили здесь также остатки храмов и царских дворцов, в одном из которых сохранилась уникальная настенная роспись, изображающая процессию придворных [Oates, 1979: 97ff.].

Обнаруженный при раскопках слоев касситского периода богатый археологический и документальный материал относится, главным образом, к XIV и XIII вв. до н.э., времени политического и экономического подъема Вавилонии. Среди памятников материальной культуры особое внимание исследователей привлекли цилиндрические печати касситского времени с необычным для Месопотамии набором символов, среди которых и так называемый «касситский крест» [Beran, 1958; Porada, 1981] с пространными надписями большей частью на шумерском языке [Limet, 1971], а также рельефы на стелах-кудурру [Seidl, 1989].

Письменные памятники. К настоящему времени несколько десятков тысяч текстов касситского времени (обычно их называют средневавилонскими текстами) хранятся в различных музеях мира. Вся эта огромная информация, в том числе и неизданные письменные памятники касситского времени, в значительной степени учтена в фундаментальном издании Дж. Бринкмана [Brinkman, 1976]. Издание содержит подробнейший каталог источников,

с указанием места находки каждого текста, его датировки, издания, в котором тот опубликован, или музея, где он хранится.

Касситский период оставил нам самые разнообразные виды текстов, часть из которых издана:

- царские надписи (RIMB 1),

- надписи на межевых камнях, кудурру, с записью актов пожалования земли. Каменные стелы с такими надписями стояли, вероятно, на межах земельных владений. В течение последующих тысячелетий оригиналы были разбиты или уничтожены; до нас дошли, по-видимому, копии (около 80 экземпляров), сберегавшиеся в храмах — небольшие стелы высотой около метра с записью акта дарения и рельефными символами богов, выступавших в роли свидетелей дара. Самые ранние датированы XIV в., но особое распространение они получили в XIII—XII вв. [King, 1912; Seidl, 1989; Slanski, 2003],

- письма касситских царей из архива Телль-Амарны [Knudtzon, 1907–1915; Moran, 1992],

- частные письма [Waschow, 1936; Biggs, 1965],

- группа текстов из Ура [Gurney, 1983] и значительная часть архива из Ниппура (BE, PB5).

Больше всего повезло среднеавилонским текстам из Ниппура из коллекции Хильпрехта, хранящейся в музее Ф. Шиллера в Йене. На них обратили внимание несколько исследователей [Аго, 1970; Petschow, 1974; Bernhardt, 1976]. Среди этих текстов есть хозяйственные документы: ссуды ячменем, уплата податей зерном, финиками, сезамом и скотом, прием продуктов на складах, выдача рационов, списки жертвоприношений, а также частноправовые: контракты о купле-продаже рабов, скота, мебели и т.п. М.А. Дандамаев, опубликовавший рецензию на книгу И. Бернхардт, привел в ней для ознакомления читателя перевод нескольких среднеавилонских документов, поскольку до этого подобные тексты на русский язык не переводились [Дандамаев, 1979].

Однако большинство среднеавилонских письменных памятников, представляющих собой частноправовые и хозяйственные документы, храмовые и государственные архивы, научные и религиозные тексты, остаются пока неизданными.

Вавилония при II династии Исина. Политическая история этого периода подробно исследована в работе Дж. Бринкмана [Brinkman, 1968]. После смерти последнего касситского царя и разрушений,

которые причинили стране ассирийцы и эламитяне, Вавилония оказалась в упадке. В это время на юге Вавилонии в городе Иси-не была основана местная династия, «вторая династия Исина», впоследствии сделавшая своей столицей Вавилон. Наиболее выдающимся представителем этой династии был царь по имени Набу-кudurри-уцур I (1133–1116 гг.; иногда его путают с Набу-кudurри-уцуром II, библейским Навуходоносором, который правил в Вавилонии гораздо позднее — 604–562 гг. до н.э.).

Набу-кudurри-уцур I надолго остался в памяти последующих поколений, поскольку он сумел провести несколько победоносных кампаний против Элама, полностью опустошив страну, принесшую вавилонянам столько бедствий, и вернул в Вавилонию статую бога Мардука, некогда увезенную эламитянами в свою столицу Сузы. Кроме того, армия Набу-кudurри-уцура I несколько раз нападала на приграничные города Ассирии, что отражено в ассирийской «Синхронистической истории» [Grayson, 1976]. О деятельности остальных царей этой династии нам известно мало, за исключением царя по имени Мардук-надин-аххе (1098–1081 гг. до н.э.), армия которого захватила ассирийский город Экаллатум и вывезла оттуда статуи ассирийских богов. Эти статуи оставались в Вавилонии до VII в. до н.э., пока Синаххериб не вернул их в Ассирию. В самом конце II тыс. до н.э. Вавилония снова вступила в длительный темный период, в течение которого значительная часть ее территории была занята арамейскими и халдейскими племенами.

Из письменных памятников этого периода опубликованы царские надписи [Frame, 1995] и отдельные хозяйственные тексты [Brinkman, 1976].

Библиография

[Антонова, 1998] — Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.

[Афанасьева, 1960] — Афанасьева В.К. Законы Ур-Намму // ВДИ. 1960. № 1. С. 61–74.

[Афанасьева, 1979] — Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.

[Бадер, 1989] — Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

[Бикерман, 1975] — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.

[Вайман, 1972] — *Вайман А.А.* Формальные особенности протошумерских текстов // ВДИ. 1972. № 1. С. 124—131.

[Вайман, 1972а] — *Вайман А.А.* О связи протоэламской письменности с протошумерской // ВДИ. 1972. № 3. С. 124—133.

[Вайман, 1974/1989] — *Vajman A.A.* Protosumerische Mass- und Zählsysteme // *BaM.* 1989. 20. S. 114—120 (перевод статьи, опубликованной в: Труды XIII Международного конгресса по истории науки. 1974. 3—4. С. 6—11).

[Вайман, 1976] — *Вайман А.А.* О протошумерской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 578—586.

[Гельб, 1982] — *Гельб И.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982 (пер. с англ., оригинальное издание — 1952).

[Дандамаев, 1979] — *Дандамаев М.А.* [Рецензия] // ВДИ. 1976. № 1. С. 196—199. Рец. на кн.: Bernhardt I. Sozialökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Berlin, 1976.

[Дьяконов, 1950] — *Дьяконов И.М.* О площади и составе населения шумерского города-государства // ВДИ. 1950. № 2. С. 77—93.

[Дьяконов, 1951] — *Дьяконов И.М.* Реформы Урукагины в Лагаше // ВДИ. 1951. № 1. С. 16—32.

[Дьяконов, 1952а] — *Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3. С. 199—303; № 4. С. 205—320.

[Дьяконов, 1952б] — *Дьяконов И.М.* Государственный строй древнейшего Шумера // ВДИ. 1952. № 2. С. 13—37.

[Дьяконов, 1959] — *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

[Дьяконов, 1963] — *Дьяконов И.М.* Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // ВДИ. 1963. № 2. С. 167—179.

[Дьяконов, 1967] — *Дьяконов И.М.* Проблемы собственности: О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 13—37.

[Дьяконов, 1968] — *Дьяконов И.М.* Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 1—27; № 4. С. 3—40.

[Дьяконов, 1973] — *Дьяконов И.М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 3–29.

[Дьяконов, 1975] — *Дьяконов И.М.* Основы хронологии Вавилонии и Ассирии // Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 308–319.

[Дьяконов, 1976] — *Дьяконов И.М.* Протошумерские иероглифы // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 569–571.

[Дьяконов, 1983] — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.

[Дьяконов, 1985] — *Дьяконов И.М.* Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии) / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1985. С. 318–349.

[Дьяконов, 1989] — История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность / Отв. ред. И.М. Дьяконов. М., 1989.

[Дьяконов, 1990] — *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.

[Дьяконов, 1992] — *Дьяконов И.М.* Праотец Адам // Восток. 1992. № 1. С. 51–58.

[Дьяконов, 1996] — *Дьяконов И.М.* Шумеры и афразийцы глазами историка // ВДИ. 1996. № 4. С. 81–88.

[Дьяконов, 1998] — *Дьяконов И.М.* Внешние связи шумерского языка // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1. С. 108–114.

[ИДВТД, 2002] — История древнего Востока: Тексты и документы. М., 2002.

[Клочков, 1983] — *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки. М., 1983.

[Козырева, 1983] — *Козырева Н.В.* Старовавилонский период истории Месопотамии // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 125–139.

[Козырева, 1985] — *Козырева Н.В.* [Рецензия] // ВДИ. 1985. № 3. С. 175–180. Рец. на кн.: Foster B.R. Umma in the Sargonic Period. Hamden (Connecticut), 1982.

[Козырева, 1988] — *Козырева Н.В.* Древняя Ларса. М., 1988

[Козырева, 1997] — *Козырева Н.В.* Надписи на старовавилонских печатях. 1 // ВДИ. 1997. № 2. С. 116–123.

[Козырева, 1998] — *Козырева Н.В.* Надписи на старовавилонских печатях. 2 // ВДИ. 1998. № 4. С. 66–74.

[Козырева, 2000] — *Козырева Н.В.* Район ЕМ в городе Уре // *Ассириология и египтология*. СПб., 2000. С. 95–104.

[Козырева, 2000а] — *Козырева Н.В.* Архив из района CLW города Ура // *ВДИ*. 2000. № 2. С. 208–213.

[Козырева, 2001] — *Козырева Н.В.* Амореи в городах Исин и Эшнунна // *ВДИ*. 2001. № 3. С. 119–123.

[Козырева, 2001а] — *Козырева Н.В.* Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э. // *Российское востоковедение в память о М.С. Капице*. М., 2001. С. 35–56.

[Козырева, 2002] — *Козырева Н.В.* Старовавилонские печати с именем бога Амурру из собрания Государственного Эрмитажа // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. 2002. Т. 1 (26). С. 134–147.

[Козырева, 2003] — *Козырева Н.В.* Население города Ниппура (Месопотамия) в начале II тыс. до н.э. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 20. С. 84–103.

[Кошурников, 1984] — *Кошурников С.Г.* Семейный архив из старовавилонского Дильбата // *ВДИ*. 1984. № 2. С. 132–133.

[Ллойд, 1984] — *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984.

[Массон, 1989] — *Массон В.М.* Первые цивилизации. М., 1989.

[Мунчаев, Мерперт, 1981] — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

[Никольский, 1908] — *Никольский М.В.* Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. СПб., 1908.

[Оппенгейм, 1980] — *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации: Пер. с англ. М., 1980 (оригинальное издание — 1968).

[Павловская, 1965] — *Павловская А.И.* О концепции «гидравлического общества» К. Витфогеля // *ВДИ*. 1965. № 4. С. 184–190.

[Постовская, 1961] — *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959). М., 1961.

[Работы, 1984] — Работы советских ученых по ассириологии и шумерологии (1917–1983). Л., 1984.

[Работы, 1986] — Работы советских ученых по древней Передней Азии. Библиографический указатель (1917–1984). Л., 1986.

[Тюменев, 1956] — *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.

[Франкфорт и др., 1984] — *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. М., 1984.

[Фридрих, 1979] — *Фридрих И.* История письма. М., 1979 (пер. с нем., оригинальное издание — 1966).

[Хук, 1991] — *Хук С.Г.* Мифологии Ближнего Востока. М., 1991.

[Якобсен, 1995] — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995.

[Якобсон, 1983] — *Якобсон В.А.* Месопотамия в XVI—XI вв. до н.э. // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 181—196.

[Якобсон, 1983а] — *Якобсон В.А.* Новые данные об экономике старовавилонского периода // ВДИ. 1983. № 4. С. 99—104.

[Якобсон, 1984] — *Якобсон В.А.* Государство и право на древнем Востоке // НАА. 1984. № 2. С. 88—110; № 3. С. 62—87.

[Adams, 1960] — *Adams R. McC.* Factors Influencing the Rise of Civilization in the Alluvium, Illustrated by Mesopotamia // City Inevitable. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Chicago, 1960. P. 24—46.

[Adams, 1965] — *Adams R. McC.* Land Behind Baghdad. A History of Settlement on the Diyala Plain. Chicago, 1965.

[Adams, 1966] — *Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society. N. Y., 1966.

[Adams, 1981] — *Adams R. McC.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981.

[Adams, Jacobsen, 1958] — *Adams R. McC., Jacobsen T.* Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture // Science. 1958. 128. P. 1251—1258.

[Adams, Nissen, 1972] — *Adams R. McC., Nissen H.J.* The Uruk Countryside: The Natural Setting of Urban Societies. Chicago, 1972.

[Al-Gailani Werr, 1988] — *Al-Gailani Werr L.* Studies in the Chronology and Regional Style of Old Babylonian Cylinder Seals. Malibu, 1988 (BiblMes 23).

[Algaze, 1989] — *Algaze G.* The Uruk Expansion: Cross-cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization // Current Anthropology. 1989. 30. P. 571—608.

[Algaze, 1993] — *Algaze G.* The Uruk world system. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. Chicago, 1993.

[Al-Khalesi, 1978] — *Al-Khalesi Yasin M.* The Court of the Palms: A Functional Interpretation of the Mari Palace. Malibu, 1978 (BiblMes 8).

[Allotte de la Fuÿe, 1908–1920] — *Allotte de la Fuÿe F.-M.* Documents présargoniques. P., 1908–1920.

[Archi, 1984] — Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East / Ed. by A. Archi. Roma, 1984.

[Aro, 1970] — *Aro J.* Mittelbabylonische Kleidertexte der Hilprecht-Sammlung Jena. Berlin, 1970.

[Balkan, 1954] — *Balkan K.* Kassitenstudien 1: Die Sprache der Kassiten. New Haven, 1954 (AOS 37).

[Balkan, 1986] — *Balkan K.* Studies in Babylonian Feudalism of the Kassite Period. Malibu, 1986 (MANE 2/3).

[Baqir, 1944] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf, 1942–1943 // Iraq Supplement. 1945. P. 1–16.

[Baqir, 1945] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf: Second Interim Report, 1943–1944 // Iraq Supplement. 1945. P. 1–15.

[Baqir, 1946] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf: Third Interim Report, 1944–45 // Iraq. 1946. V. 8. P. 73–93.

[Baqir, 1959] — *Baqir T.* Tell Harmal. Baghdad, 1959.

[Bauer, 1929] — *Bauer Th.* Die Ostkanaanäer. Leipzig, 1929.

[Bauer, 1972] — *Bauer J.* Review of D.O. Edzard, Sumerische Rechtsurkunden // ZA. 1972. Bd. 61. S. 316–325.

[Bauer, 1972a] — *Bauer J.* Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch (AWL). Roma, 1972 (StPohl 9).

[Bauer, 1998] — *Bauer J.* Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte // Bauer J., Englund R.K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 429–585. (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Bauer et al., 1998] — *Bauer J., Englund R.K., Krebernik M.* Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998 (OBO 160/1).

[Becker, 1985] — *Becker A.* Neusumerische Renaissance? Wissenschafts-geschichtliche Untersuchungen zur Philologie und Archäologie // BaM. 1985. 16. S. 229–316.

[Bengtson, 1997] — *Bengtson J.* The Riddle of Sumerian: A Dene-Caucasic Language // Mother Tongue. 1997. N 3. 63–74.

[Beran, 1958] — *Beran Th.* Die babylonische Glyptik der Kassitenzeit // *AfO.* 1957–1958. Bd. 18. S. 255–278.

[Bernhardt, 1976] — *Bernhardt I.* Sozialökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Berlin, 1976.

[Biggs, 1965] — *Biggs R.D.* A Letter from Kassite Nippur // *JCS.* 1965. V. 19. P. 95–102.

[Biggs, 1967] — *Biggs R.D.* Semitic Names in the Fara Period // *Or.* 1967. V. 36 (NS). P. 55–66.

[Biggs, 1974] — *Biggs R.D.* Inscriptions from Tell Abu Salabikh. Chicago; L., 1974 (OIP 99).

[Biggs, 1976] — *Biggs R.D.* Inscriptions from Al-Hiba — Lagash: The First and Second Seasons. Malibu, 1976 (BiblMes 3).

[Biggs, 1981] — *Biggs R.D.* Ebla and Abu Salabikh: The Linguistic and Literary Aspects // *La lingua de Ebla* / Ed. by L. Cagni. Napoli, 1981. P. 121–133.

[Biggs, Postgate, 1978] — *Biggs R.D., Postgate J.N.* Inscriptions from Abu Salabikh, 1975 // *Iraq.* 1978. V. 40. P. 101–117.

[Blocher, 1992] — *Blocher F.* Siegelabrollungen auf frühaltbabylonischen Tontafeln in der Yale Babylonian Collection. Ein Katalog. München, 1992 (MVS 9).

[Boehmer, 1999] — *Boehmer R.M.* Uruk. Früheste Siegelabrollungen. Mainz, 1999.

[Bomhard, 1997] — *Bomhard A.* On the Origin of Sumerian // *Mother Tongue.* 1997. N 3. 75–92.

[Borger, 1982] — *Borger R.* Der Codex Eschnunna. Gutersloh, 1982.

[Bottéro, 1961] — *Bottéro J.* Désordre économique et annulation des dettes en Mesopotamie a l'époque paléo-babylonienne // *JESHO.* 1961. V. 4. P. 113–167.

[Brandes, 1979] — *Brandes M.A.* Siegelabrollungen aus den archaischen Bauschichten in Uruk-Warka. Wiesbaden, 1979 (FAOS 3).

[Brinkman, 1968] — *Brinkman J.A.* A Political History of Post-Kassite Babylonia, 1115–722 B. C. Roma, 1968. (AnOr 43.)

[Brinkman, 1969] — *Brinkman J.A.* Ur: the Kassite Period and the Period of Assyrian Kings // *Or.* 1969. V. 38. P. 310–348.

[Brinkman, 1976] — *Brinkman J.A.* Materials and Studies for Kassite History I. Chicago, 1976.

[Brinkman, 1980] — *Brinkman J.* Kassiten // *RLA.* 1980. Bd. 5. S. 464–473.

[Brinkman, 1996] — *Brinkman J.A.* Kassite timiras and sirpi as Cattle Designations // NABU. 1996. № 2. P. 36.

[Buccellati, 1966] — *Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Naples, 1966. V. 1.

[Buccellati, 1973] — *Buccellati G.* Methodological Concerns and the Progress of Ancient Near Eastern Studies // Or. 1973. V. 42. P. 9–20.

[Buchanan, 1981] — *Buchanan B.* Early Near Eastern Seals in the Yale Babylonian Collection. New Haven; L., 1981.

[Burkholder, 1971] — *Burkholder G., Golding M.* Surface Survey of Al-'Ubaid Sites in the Eastern Province of Saudi Arabia // Contributions to the Anthropology of Saudi Arabia. Field Research Project / Ed. by H. Field. Coconut Grove, 1971. P. 50–55.

[Burkholder, 1972] — *Burkholder G.* Ubaid sites and pottery in Saudi Arabia // Archaeology. 1972. V. 25. P. 264–269.

[Burrows, 1935] — *Burrows E.* Archaic Texts. Ur Excavations Texts 2. L.; Philadelphia, 1935.

[Burstein, 1978] — *Burstein S.M.* The Babyloniaca of Berosses. Malibu, 1978 (SANE 1/5).

[Butz, 1985] — Butz K. On Salt Again... Lexikalische Randbemerkungen // JESHO. 1985. V. 27. P. 272–316.

[Charpin, 1980] — *Charpin D.* Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de «Tell Sifr». Genève, 1980.

[Charpin, 1986] — *Charpin D.* Le clerge d'Ur au siècle d'Hammurabi. Genève; P., 1986.

[Charpin, 1987] — *Charpin D.* Tablettes présargoniques de Mari // M.A.R.I. 1987. 5. P. 65–127.

[Charpin, 1990a] — *Charpin D.* Les divinités familiales des babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres // De la Babylonie à la Syrie, en passant par Mari. Liege, 1990. P. 59–78.

[Charpin, 1990b] — *Charpin D.* Nouvelles tablettes présargoniques de Mari // M.A.R.I. 1990. 6. P. 245–252.

[Charpin, 1992] — *Charpin D.* Les Légendes de Sceaux de Mari: Nouvelles Données // Mari in Retrospect / Ed. G.D. Young. Winona Lake, 1992. P. 59–75.

[Civil, 1969] — *Civil M.* The Sumerian Flood Story // Lambert W.G., Millard A.R. Atra-hasis: the Babylonian Story of Flood. Oxford, 1969. P. 138–145, 167–172.

[Civil, 1982] — *Civil M.* Studies on Early Dynastic Lexicography I // OrAnt. 1982. V. 21. P. 1–26.

[Cohen, 1973] — *Cohen S.* Enmerkar and the Lord of Aratta: [Dissertation]. University of Pennsylvania, 1973.

[Collon, 1986] — *Collon D.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. 3. Isin-Larsa and Old Babylonian Periods. L., 1986.

[Collon, 1987] — *Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987.

[Cooper, 1973] — *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian in Sumer and Akkad // *Or.* 1973. V. 42. P. 229–316.

[Cooper, 1978] — *Cooper J.S.* The Return of Ninurta to Nippur. Rome, 1978 (*AnOr* 52).

[Cooper, 1981] — *Cooper J.S.* Gilgames and Agga: a review article // *JCS.* 1981. V. 33. P. 224–241.

[Cooper, 1982] — *Cooper J.S.* Enanatum's colophon // *RA.* 1982. V. 76. P., 191.

[Cooper 1983a] — *Cooper J.S.* The Curse of Agade. Baltimore, 1983.

[Cooper 1983b] — *Cooper J.S.* Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict. Malibu, 1983 (*SANE* 2/1).

[Cooper 1986] — *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions 1: Presargonic Inscriptions. New Haven, 1986.

[Cooper, 1989] — *Cooper J.S.* Third Millennium Mesopotamia: An Introduction // *Women's Earliest Records* / Ed. by B.S. Lesko. Atlanta, 1989.

[Cooper, 1993] — *Cooper J.S.* Sumerian and Aryan: Racial theory, academic politics and Parisian Assyriology // *Revue de l'Histoire des Religions.* 1993. 210. 2. P. 169–205.

[Cooper, Heimpel, 1983] — *Cooper J.S., Heimpel W.* The Sumerian Sargon legend // *JAOS.* 1983. V. 103. P. 67–82.

[Courty, Weiss, 1993] — *Courty M.-A., Weiss H.* The Genesis and Collapse of the Akkadian Empire: the Accidental Refraction of Historical Law // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 131–157.

[Damerow, 1993] — *Damerow P.* Review of Schmandt-Besserat 1992 // *Rechtshistorisches J.* 1993. 12. S. 9–35.

[Damerow, 1995] — *Damerow P., Meinzer H.-P.* Computertomographische Untersuchung ungeöffneter archaischer Tonkugeln aus Uruk W 20987,9, W 20987,11 und W 20987,12 // *BaM.* 1995. 26. S. 7–33.

[Damerow, Englund, 1987] — *Damerow P., Englund R.K.* Die Zahlzeichensysteme der Archaischen Texte aus Uruk // Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987. P. 117–166.

[De Sarzec, 1884–1912] — *De Sarzec E.* Découvertes en Chaldee. P., 1884–1912. V. 2, Partie épigraphique.

[Deimel, 1922] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara I: Liste der archaischen Keilschriftzeichen (LAK). Leipzig, 1922 (WVDOG 40).

[Deimel, 1923] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara II: Schultexte aus Fara. Leipzig, 1923 (WVDOG 43).

[Deimel, 1924] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara III: Wirtschaftstexte aus Fara. Leipzig, 1924 (WVDOG 45).

[Deimel, 1931] — *Deimel A.* Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger. Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung der Hauptresultate. Roma, 1931 (AnOr 2).

[Delitzsch, 1889] — *Delitzsch F.* Assyrische Grammatik. Berlin, 1889.

[Delitzsch, 1898] — *Delitzsch F.* Die Entstehung des ältesten Schriftsystems oder der Ursprung der Keilschriftzeichen. Leipzig, 1898.

[Desrochers, 1978] — *Desrochers M.* Aspects of the Structure of Dilbat during the Old Babylonian Period: Ph.D. Dissertation. Ann Arbor, 1978.

[Diakonoff, 1975] — *Diakonoff I.M.* The Rural Community in the Ancient Near East // JESHO. 1975. V. 18. P. 121–133.

[Diakonoff, 1997] — *Diakonoff I.M.* External Connections of the Sumerian Language // Mother Tongue. 1997. Issue 3. P. 54–63.

[Donbaz, Sauren, 1991] — *Donbaz V., Sauren H.* NI 2553+2565, A Missing Link of the Hammurabi Law-Code // OLP. 1991. 22. S. 5–26.

[Driver, Miles, 1952–1955] — *Driver G.R., Miles J.C.* The Babylonian Laws. V. 1. Legal Commentary. V. 2. Transliterated Text and Notes. Oxford, 1952–1955.

[Edens, 1994] — *Edens Ch.* On the Complexity of Complex Societies: Structure, Power, and Legitimation in Kassite Babylonia // Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity / Ed. by G. Stein, M.S. Rothman. Madison, 1994. P. 209–224.

[Edzard, 1957] — *Edzard D.O.* Die «Zweite Zwischenzeit» Babyloniens. Wiesbaden, 1957.

[Edzard, 1960] — *Edzard D.O.* Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // *Aspects du contact suméro-akkadien. IX-e Rencontre Assyriologique Internationale, Genève. Juin 20–23. 1960 (Genava. 1960. 8). P. 241–258.*

[Edzard, 1968] — *Edzard D.O.* Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur. München, 1968.

[Edzard, 1974] — *Edzard D.O.* Mesopotamia and Iraq, History of // *Encyclopaedia Britannica. 14th ed. Chicago, 1974. V. 11. P. 963–980.*

[Edzard, 1976–1980] — *Edzard D.O.* Keilschrift // *RLA. 1976–1980. Bd. 5. S. 544–568.*

[Edzard, 1981] — *Edzard D.O.* Königslisten und Chroniken: A. Sumerisch // *RLA. 1981. Bd. 6. S. 77–86.*

[Edzard, 1987–1990] — *Edzard D.O.* Martu // *RLA. 1987–1990. Bd. 7. S. 433–440.*

[Edzard, 1991] — *Edzard D.O.* Irikagina (Urukagina) // *AuOr. 1991. 9. P. 77–79.*

[Edzard, 1996] — *Edzard D.O.* Private Land Ownership and its Relation to «God» and the «State» in Sumer and Akkad // *Privatization in the Ancient Near East and Classical World / Ed. by M. Hudson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1996. P. 109–152.*

[Edzard, 1997] — *Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty. Toronto; Buffalo; L., 1997 (RIME 3/1).

[Ellis, 1972] — Ellis M. de J. Simdatu in the Old Babylonian Sources // *JCS. 1972. V. 24. P. 74–82.*

[Englund, 1988] — *Englund R.K.* Administrative Timekeeping in Ancient Mesopotamia // *JESHO. 1988. V. 31. P. 121–185.*

[Englund, 1990] — *Englund R.K.* Organisation und Verwaltung der Ur-III-Fischerei. Berlin, 1990.

[Englund, 1994] — *Englund R.K.* Archaic Administrative Texts from Uruk: The Early Campaigns (ATU 5). Berlin, 1994.

[Englund, 1996] — *Englund R.K.* Proto-Cuneiform Texts from Diverse Collections. Berlin, 1996 (MSVO 4).

[Englund, 1998] — *Englund R.K.* Texts from the Late Uruk Period // Bauer J., Englund R.K., Krebern timer M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 15–233. (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Englund, Grégoire, 1991] — *Englund R.K., Grégoire J.-P.* The Proto-Cuneiform Texts from Jemdet Nasr. I: Copies, Transliterations and Glossary. Berlin, 1991 (MSVO 1).

[Englund, Nissen, 1993] — *Englund R.K., Nissen H.J.* Die lexikalischen Listen der archaischen Texte aus Uruk (ATU 3). Berlin, 1993.

[Falkenstein, 1936] — *Falkenstein A.* Archaische Texte aus Uruk (ATU 1). Berlin; Leipzig, 1936.

[Falkenstein, 1937] — *Falkenstein A.* Archaische Texte des Iraq-Museums in Baghdad // OLZ. 1937. 40. S. 401–410.

[Falkenstein, 1954] — *Falkenstein A.* La cité-temple sumérienne // Cahiers d'Histoire Mondiale. 1953–1954. 1. P. 784–814.

[Falkenstein, 1956] — *Falkenstein A.* Die neusumerischen Gerichtsurkunden. München, 1956. Bd. 1–3.

[Falkenstein, 1974] — *Falkenstein A.* The Sumerian Temple City. Los Angeles, 1974 (MANE 1/1).

[Figulla, 1953] — *Figulla H.* Accounts concerning Allocation of Provisions for Offerings in the Ningal-Temple of Ur // Iraq. 1953. V. 15. P. 88–122, 171–192.

[Finkelstein, 1961] — *Finkelstein J.J.* Ammisaduqa's Edict and the Babylonian Law Code // JCS. 1961. V. 15. P. 91–104.

[Finkelstein, 1962] — *Finkelstein J.J.* Mesopotamia // JNES. 1962. V. 21. P. 73–92.

[Finkelstein 1965] — *Finkelstein J.J.* Some New Misharum Material and Its Implications // Studies in Honor of Benno Landsberger / Ed. by Th. Jacobsen, H.G. Güterbock. Chicago, 1965. P. 233–246 (AS 16).

[Finkelstein, 1966] — *Finkelstein J.J.* The Genealogy of Hammurapi Dynasty // JCS. 1966. V. 20. P. 95–118.

[Finkelstein, 1968] — *Finkelstein J.J.* The Laws of Ur-Nammu // JCS. 1968. V. 22. P. 66–82.

[Förtsch, 1916] — *Förtsch W.* Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalanda's und Urukagina's. Texte 1–195. Leipzig, 1916 (VS 14/1).

[Foster, 1981] — *Foster B.R.* A New Look at the Sumerian Temple State // JESHO. 1981. V. 24. P. 225–241.

[Foster, 1982] — *Foster B.R.* Administration and Use of Institutional Land in Sargonic Sumer. Copenhagen, 1982 (Mesopotamia 9).

[Foster, 1982a] — *Foster B.R.* Archives and Record-keeping in Sargonic Mesopotamia // ZA. 1982. Bd. 72. S. 1–27.

[Foster, 1982b] — *Foster B.R.* An Agricultural Archive from Sargonic Akkad // *ASJ*. 1982. V. 4. P. 7–51.

[Foster, 1982c] — *Foster B.R.* Umma in the Sargonic Period. Hamden (Connecticut), 1982.

[Foster, 1990] — *Foster B.R.* Naram-Sin in Martu and Magan // *ARRIM*. 1990. 8. P. 40–44.

[Foster, 1993] — *Foster B.R.* 1. Management and Administration in Sargonic Period. 2. Select Bibliography of the Sargonic Period // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 25–39, 171–182.

[Foster, 1994] — *Foster B.R.* Early Mesopotamian Land Sales // *JAOS*. 1994. V. 114. P. 440–452.

[Frame, 1995] — *Frame G.* Rulers of Babylonia from the Second Dynasty of Isin to the End of Assyrian Domination (1152–612 B. C.). Toronto, 1995 (RIMB 2).

[Frankfort, 1954] — *Frankfort H.A.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1954.

[Frayne, 1990] — *Frayne D.R.* Old Babylonian Period (2003–1595 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1990 (RIME 4).

[Frayne, 1993] — *Frayne D.R.* Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1993 (RIME 2).

[Frayne, 1997] — *Frayne D.R.* Ur III Period (2112–2004 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1997 (RIME 3/2).

[Frayne, 2001] — *Frayne D.R.* Pre-Sargonic Period. Toronto; Buffalo; L., 2001 (RIME 1).

[Friberg, 1978–1979] — *Friberg J.* The Early Roots of Babylonian Mathematics. Göteborg, 1978–1979. V. 1–2.

[Gadd, 1973] — *Gadd C.J.* Hammurabi and the End of His Dynasty // *CAH*. 3 ed. V. 2/1. P. 176–227.

[Gelb, 1958] — *Gelb I.J.* La lingua degli amoriti // *Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche della Accademia Nazionale dei Lincei*. Ser. 8. 1958. V. 13. Fasc. 3–4. P. 143–164.

[Gelb, 1961] — *Gelb I.J.* The Early History of West Semitic Peoples // *JCS*. 1961. V. 15. P. 27–47.

[Gelb, 1965] — *Gelb I.J.* The ancient Mesopotamian ration system // *JNES*. 1965. V. 24. P. 230–243.

[Gelb, 1969] — *Gelb I.J.* On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia // *Studi in Onore di Eduardo Volterra*. Roma, 1969. V. 6. P. 137–154.

[Gelb, 1969a] — *Gelb I.J.* Growth of a Herd of Cattle in Ten Years // JCS. 1969. V. 21. P. 64–69.

[Gelb, 1972] — *Gelb I.J.* From Freedom to Slavery // CRRAI. 18. P. 81–92.

[Gelb, 1972a] — *Gelb I.J.* The Arua Institution // RA. 1972. V. 66. P. 1–32.

[Gelb, 1976] — *Gelb I.J.* Quantitative Evaluation of Slavery and Serfdom // Kramer Anniversary Volume / Ed. by B.L. Eichler et al. Neukirchen-Vluyn, 1976. P. 195–207 (AOAT 25).

[Gelb, 1977] — *Gelb I.J.* Thoughts about Ibla: A Preliminary Evaluation, March 1977. Malibu, 1977 (SMS 1/1).

[Gelb, 1977a] — *Gelb I.J.* Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 107–127.

[Gelb, 1979] — *Gelb I.J.* Household and family in early Mesopotamia // State and Temple Economy in the Ancient Near East I / Ed. by E. Lipinski. Louvain, 1979. P. 1–97 (OLA 5).

[Gelb, 1980] — *Gelb I.J.* Computer-Aided Analysis of Amorite. Chicago, 1980 (AS 21).

[Gelb, 1981] — *Gelb I.J.* Ebla and the Kish Civilization // La Lingua di Ebla / Ed. L. Cagni. Napoli, 1981. P. 9–73.

[Gelb, 1987] — *Gelb I.J.* The Language of Ebla in the Light of the Sources from Ebla, Mari and Babylonia // EDA. P. 49–74.

[Gelb 1992] — *Gelb I.J.* Mari and Kish Civilization // Man in Retrospect / Ed. by G.D. Young. Winona Lake, 1992. P. 121–202.

[Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991] — *Gelb I.J., Steinkeller P., Whiting R.M.* Earliest Land Tenure Systems in the Near East. Chicago, 1991 (OIP 104).

[Genouillac, 1909] — *Genouillac H. de.* Tablettes sumériennes archaïques (TSA). P., 1909.

[George, 1992] — *George A.R.* Babylonian Topographical Texts. Leuven, 1992.

[Gibson, 1972] — *Gibson M.* The City and Area of Kish. Miami, 1972.

[Gibson, 1977] — *Gibson M.* Seals and Sealing in the Ancient Near East. Summation // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 147–155.

[Gibson, Biggs, 1977] — Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977 (BiblMes 6).

[Glassner, 2000] — *Glassner J.-J.* Écrire à Sumer. L'invention du cunéiforme. P., 2000.

[Goetze, 1957] — *Goetze A.* On the Chronology of the Second Millennium B. C. // JCS. 1957. 11. P. 64–65.

[Goetze, 1960] — *Goetze A.* The Chronology of Šulgi Again // Iraq. 1960. V. 22. P. 151–156.

[Goetze, 1964] — *Goetze A.* The Kassites and Near Eastern Chronology // JCS. 1964. V. 18. P. 97–101.

[Grayson, 1975] — *Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. N. Y., 1975 (Texts from Cuneiform Sources 5).

[Green, 1981] — *Green M.W.* The Construction and Implementation of the Cuneiform Writing System // Visible Language. 1981. V. 15. P. 345–372.

[Green, Nissen, 1987] — *Green M.W., Nissen H.J.* Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Gurney, 1983] — *Gurney O.R.* The Middle Babylonian Legal and Economic Texts from Ur. L., 1983.

[Güterbock, 1934] — *Güterbock H.G.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 // ZA. 1934. Bd. 42. S. 1–91; 1938. Bd. 46. S. 45–149.

[Haldar, 1971] — *Haldar A.* Who were the Amorites? Leiden, 1971 (MANE 1).

[Hallo, 1957] — *Hallo W.W.* Early Mesopotamian Royal Titles: a Philologic and Historical Analysis. New Haven, 1957 (American Oriental Series 43).

[Hallo, 1957–1971] — *Hallo W.W.* Gutium (Qutium) // RLA. 1957–1971. Bd. 3. S. 708–719.

[Hallo, 1960] — *Hallo W.W.* A Sumerian Amhpictiony // JCS. 1960. V. 14. P. 88–114.

[Hallo, 1983] — *Hallo W.W.* Dating the Mesopotamian Past: The Concept of Eras from Sargon to Nabonassar // Bulletin of the Canadian Society for Mesopotamian Studies. 1983. 6. P. 7–18.

[Hallo, Simpson, 1971] — *Hallo W.W., Simpson W.* The Ancient Near East. N. Y., 1971.

[Harris, 1975] — *Harris R.* Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B. C.). Istanbul; Leiden, 1975 (PIHANS 36).

[Heimpel, 1990] — *Heimpel W.* Ein zweiter Schritt zur Rehabilitierung der Rolle des Tigris in Sumer // ZA. 1990. Bd. 80. S. 204–213.

[Heinrich, Seidl, 1982] — *Heinrich E., Seidl U.* Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien. Berlin, 1982.

[Hruška, 1995] — *Hruška B.* Sumerian Agriculture: New Findings. Berlin, 1995.

[Huot, 1971] — *Huot J.L.* Tell el Oyeili // *Sumer.* 1971. V. 27. P. 45–58.

[Hussey, 1912] — *Hussey M.I.* Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum. Pt. 1. Chiefly from the Reigns of Lugaland and Urukagina of Lagash. Cambridge (Mass.), 1912 (HSS 3).

[Jacobsen, 1939] — *Jacobsen Th.* Assumed Conflict Between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History // *JAOS.* 1939. V. 59. P. 485–495.

[Jacobsen, 1939a] — *Jacobsen Th.* The Sumerian Kinglist. Chicago, 1939. (AS 11.)

[Jacobsen, 1957] — *Jacobsen Th.* Early Political Development in Mesopotamia // *ZA.* 1957. Bd. 52. S. 91–140.

[Jacobsen, 1958] — *Jacobsen Th.* Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity. Diyala Basin Archaeological Project: Report on Essential Results, 1957–1958 // *Sumer.* 1958. 14. P. 79–89.

[Jacobsen, 1960] — *Jacobsen Th.* The Waters of Ur // *Iraq.* 1960. V. 22. P. 174–185.

[Jacobsen, 1982] — *Jacobsen Th.* Salinity and Irrigation in Antiquity. Malibu, 1982. (BiblMes 14.)

[Jacobsen, 1987] — *Jacobsen Th.* The Harps That Once...: Sumerian Poetry in Translation. New Haven; L., 1987.

[Jaritz, 1958] — *Jaritz K.* Quellen zur Geschichte der Kaššû-Dynastie // *MIO.* 1958. Bd. 6. S. 187–265.

[Jean, 1931] — *Jean Ch.-F.* Larsa après les texts cunéiformes 2187 à 1901. P., 1931.

[Jestin, 1937] — *Jestin R.* Tablettes sumériennes de Šuruppak conservées au Musée de Stamboul. P., 1937.

[Jestin, 1957] — *Jestin R.* Nouvelles tablettes sumériennes de Šuruppak au Musée d'Istanbul. P., 1957.

[Jones, 1967] — *Jones T.B.* By the Rivers of Babylon sat we down // *Paths to the Ancient Past.* N. Y., 1967. P. 148–164.

[Jones, 1969] — *Jones T.B.* The Sumerian Problem, Major Issues in History. N. Y., 1969.

[Kienast, 1973] — *Kienast B.* Der Weg zur Einheit Babyloniens unter staatsrechtlichen Aspekten // *Or.* 1973. V. 42. P. 489–501.

[King, 1910] — *King L.W.* A History of Sumer and Akkad. L., 1910.

[King, 1912] — *King L.W.* Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the 1912 British Museum. L., 1912. V. 1–2.

[Klein, 1991] — *Klein J.* A New Nippur Duplicate of the Sumerian Kinglist in the Brockmon Collection, University of Haifa // *Velles Paraules: Ancient Near Eastern Studies in Honor of Miguel Civil*. 1991. P. 123–129.

[Knudtzon, 1907–1915] — *Knudtzon J.* Die El-Amarna-Tafeln. 1–2. Leipzig, 1907–1915.

[Koschaker, 1963] — *Koschaker P.* Cuneiform Law // *Encyclopaedia of the Social Sciences*. N. Y., 1963. 15th print. V. 9. P. 211–218.

[Kozyreva, 1999] — *Kozyreva N.* Sellers and Buyers of Urban Real Estates in South Mesopotamia // *Urbanization in the Ancient Near East* / Ed. by M. Hadson, B. Levine. Harvard, 1999. P. 353–363.

[Kramer, 1963] — *Kramer S.N.* The Sumerians. Chicago, 1963.

[Kramer, 1983] — *Kramer S.N.* The Ur-Nammu Law Code: Who was Its Author // *Or*. 1983. V. 52. P. 453–456.

[Kraus, 1951] — *Kraus F.R.* Nippur und Isin nach altbabylonischen Rechtsurkunden // *JCS*. 1951. V. 3. P. 1–228.

[Kraus, 1952] — *Kraus F.R.* Zur Liste der älteren Könige Babylonien // *ZA*. 1952. Bd. 17. S. 29–60.

[Kraus, 1954] — *Kraus F.R.* Le rôle des temples depuis la troisième dynastie d'Ur à la première dynastie de Babylon // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1954. 1. P. 518–545.

[Kraus, 1955] — *Kraus F.R.* Provinzen des neusumerischen Reiches von Ur // *ZA*. 1955. Bd. 51. S. 45–75.

[Kraus, 1958] — *Kraus F.R.* Ein Edict des Königs Ammi-saduqa von Babylon. Leiden, 1958.

[Kraus, 1966] — *Kraus F.R.* Staatliche Viehhaltung in altbabylonischen Lande Larsa. Amsterdam, 1966.

[Kraus, 1970] — *Kraus F.R.* Sumerer und Akkader, ein Problem der altmesopotamischen Geschichte. Amsterdam, 1970.

[Kraus, 1984] — *Kraus F.R.* Königliche Verfügungen in altbabylonischer Zeit. Leiden, 1984.

[Krebern timer, 1994] — *Krebern timer M.* [Review] // *OLZ*. 1994. 89. S. 380–385. Rev. of: Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Krebern timer, 1996] — *Krebern timer M.* The Linguistic Classification of Eblaite. Methods, Problems, and Results // *The Study of the Ancient*

Near East in the Twenty-First Century. The William Foxwell Albright Centennial Conference / Ed. by J.S. Cooper, G.M. Schwartz. Winona Lake, 1996. P. 233–249.

[Krebernik, 1998] — *Krebernik M.* Die Texte aus Fara und Tell Abu Salabih // Bauer J., Englund R.K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 237–427 (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Krispijn, 1991–1992] — *Krispijn Th.J.H.* The Early Mesopotamian Lexical Lists and the Dawn of Linguistics // JEOL. 1991–1992. V. 32. P. 12–22.

[Kupper, 1957] — *Kupper J.-R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.

[Lamberg-Karlovsky, 1996] — *Lamberg-Karlovsky C.C.* The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia // Privatisation in the Ancient Near East and Classical World / Ed. by M. Hudson, B. Levine. Harvard, 1996. P. 73–108.

[Lambert M., 1956] — *Lambert M.* Les «réformes» d'Urukagina // RA. 1956. V. 50. P. 169–184.

[Lambert W., 1970] — *Lambert W.* The Reading of the Name uru. KA.gi.na // Or. 1970. V. 39. P. 419.

[Lambert W., 1974a] — *Lambert W.G.* The Seed of Kingship // Le Palais et la Royauté (Archéologie et Civilisation). XIX rencontre assyriologique internationale / Ed. P. Garelli. P., 1974. P. 427–440.

[Lambert W., 1974b] — *Lambert W.G.* The Home of the First Sealand Dynasty // JCS. 1974. 26/4. P. 208–210.

[Landsberger, 1924] — *Landsberger B.* Über die Völker Vorderasiens im dritten Jahrtausend // ZA. 1924. Bd. 35. S. 213–238.

[Landsberger, 1974] — *Landsberger B.* Three Essays on the Sumerians. Los Angeles, 1974. (MANE 1/2.)

[Langdon, 1928] — *Langdon S.* The Herbert Weld Collection in the Ashmolean Museum: Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr. Oxford, 1928.

[Layard, 1853] — *Layard A.H.* Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon. L., 1853.

[Layard, 1854] — *Layard A.H.* Nineveh and its Remains. L., 1854.

[Leemans, 1950] — *Leemans W.F.* Old Babylonian Merchant. Leiden, 1950.

[Leemans, 1960] — *Leemans W.F.* Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960.

[Leemans, 1968] — *Leemans W.F.* King Hammurabi as Judge // *Symbolae Iuridicae Martino David Dedicatae I* / Ed. by J.A. Ankum, R. Feenstra and W.F. Leemans. Leiden, 1968. P. 105–128.

[Leemans, 1968a] — *Leemans W.F.* Old Babylonian Letters and Economic History // *JESHO*. 1968. V. 11. P. 171–226.

[Lieberman, 1980] — *Lieberman S.J.* Of Clay Pebbles, Hollow Clay Balls, and Writing: A Sumerian View // *AJA*. 1980. V. 84. P. 339–358.

[Limet, 1960] — *Limet H.* Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur. P., 1960.

[Limet, 1968] — *Limet H.* L'Anthroponymie sumérienne dans les documents de la 3-e dynastie d'Ur. P., 1968.

[Lipinski, 1979] — State and Temple Economy in the Ancient Near East / Ed. by E. Lipinski. Leuven, 1979 (OLA 5).

[Liverani, 1966] — *Liverani M.* Sargon di Akkad. Milano, 1966.

[Liverani, 1984] — *Liverani M.* Land Tenure and Inheritance in the Ancient Near East: The Interaction between «Palace» and «Family» Sectors // *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East* / Ed. by T. Khalidi. Beirut, 1984. P. 33–44.

[Liverani, 1993] — Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993 (HANE/S. 5).

[Liverani, 1997] — *Liverani M.* Ancient Near Eastern Cities and Modern Ideology // *Die orientalische Stadt: Kontinuität, Wandel, Bruch* / Hrsg. von G. Wilhelm. Saarbrücken, 1997. P. 85–107.

[Lloyd, 1947] — *Lloyd S.* Foundations in the Dust. Oxford, 1947.

[Lloyd, Safar, 1943] — *Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair. Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *JNES*. 1943. V. 2. P. 131–158.

[Lloyd, Safar, 1948] — *Lloyd S., Safar F.* Eridu: A Preliminary Communications on the Second Season's Excavations 1947–1948 // *Sumer*. 1948. V. 4. P. 115–125.

[Loding, 1974] — *Loding D.* A Craft Archive from Ur: [Dissertation]. Philadelphia, 1974.

[Loding, 1976] — *Loding D.* Old Babylonian Texts from Ur, 1 // *JCS*. 1976. V. 28. P. 233–242.

[Loding, 1989] — *Loding D.* Two Old Babylonian Texts from Ur // *Studies in Honor of Åke Sjöberg*. Philadelphia, 1989.

[Maaijer, 1998] — *Maaijer R. de*. Land Tenure in Ur III Lagas // *Landless and Hungry? Access to Land in Early and Traditional Societies* / Ed. by B. Haring, R. de Maaijer. Leiden, 1998. P. 50–73.

[Maekawa, 1974] — *Maekawa K.* Agricultural Production in Ancient Sumer // *Zinbun*. 1974. 13. P. 1–60.

[Malamat, 1997] — *Malamat A.* The Cultural Impact of the West (Syria-Palestine) on Mesopotamia in the Old Babylonian Period // *AoF*. 1997. Bd. 24. S. 310–319.

[Mander, 1986] — *Mander P.* Il Pantheon di Abu Salabikh. Contributo allo studio del pantheon sumerico arcaico. Napoli, 1986.

[Marzahn, 1991] — *Marzahn J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Girsu/Lagaš. Berlin, 1991 (VS 25).

[Marzahn, 1991a] — *Marzahn J.* Altsumerische Verwaltungstexte und ein Brief aus Girsu/Lagaš. Mainz, 1991 (VS 27).

[Matthews, 1993] — *Matthews R.J.* Cities, Seals and Writing: Archaic Seal Impressions from Jemdet Nasr and Ur. Berlin, 1993 (MSVO 2).

[Michalowski, 1978] — *Michalowski P.* Foreign Tribute to Sumer during the Ur III Period // *ZA*. 1978. Bd. 68. S. 34–49.

[Michalowski, 1983] — *Michalowski P.* History as a Charter // *JAOS*. 1983. V. 103. P. 237–248.

[Michalowski, 1989] — *Michalowski P.* The Lamentation over the Destruction of Sumer and Ur. Winona Lake, 1989.

[Michalowski, Walker, 1989] — *Michalowski P., Walker C.B.F.* A New Sumerian Law Code // *Studies in Honor Åke W. Sjöberg* / Ed. by H. Behrens. D. Loding, M. Roth. Philadelphia, 1989.

[Mieroop, 1992] — *Mieroop M. van de*. Society and Enterprise in Old Babylonian Ur. Berlin, 1992.

[Mieroop, 1995] — *Mieroop M. van de*. The City in Ancient Mesopotamia // *Terceira margem. Revista da pós-graduação em letras da UFRJ*. 1995. Ano 3. N 3. P. 97–103.

[Mieroop, 1997] — *Mieroop M. van de*. On Writing the History of the Ancient Near East // *BiOr*. 1997. V. 54. No. 3, 4. P. 286–306.

[Moorey, 1976] — *Moorey P.R.S.* The Late Prehistoric Administrative Building at Jamdat Nasr // *Iraq*. 1976. V. 38. P. 103–104.

[Moran, 1992] — *Moran W.L.* The Amarna Letters. Baltimore; L., 1992.

[Neumann, 1987–1993] — *Neumann H.* Handwerk in Mesopotamien. Untersuchungen zu seiner Organisation in der Zeit der III. Dynastie von Ur. Berlin, 1987–1993. (SGKAO 19.)

[Nissen, 1970] — *Nissen H.J.* Grabung in den Quadranten K/L XII in Uruk-Warka // *BaM.* 1970. 5. S. 101–191.

[Nissen, 1986] — *Nissen H.* The Development of Writing and of Glyptic Art // *Gamdat Nasr Gamdat Nasr: Period or Style?* / Hrsg. von U. Finkbeiner, W. Röllig. Wiesbaden, 1986. S. 316–331.

[Nissen, 1988] — *Nissen H.J.* The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000. Chicago, 1988.

[Nissen, 1993] — *Nissen H.J.* Settlement Patterns and Material Culture of the Akkadian Period: Continuity and Discontinuity // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 91–106.

[Nissen et al., 1990] — *Nissen H.J., Damerow P., Englund R.K.* Frühe Schrift und Techniken der Wirtschaftsverwaltung im alten Vorderen Orient. Berlin, 1990.

[Nissen et al., 1993] — *Nissen H.J., Damerow P., Englund R.K.* Archaic Bookkeeping and Writing: Early Writing and Techniques of Economic Administration in the Ancient Near East. Chicago, 1993.

[Oates, 1979] — *Oates J.* Babylon. L., 1979.

[Oates, 1984] — *Oates J.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered // *The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert J. Braidwood.* Chicago, 1984. P. 251–281 (SAOC 36).

[Oates, Oates, 1976] — *Oates D., Oates J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976.

[Oates et al., 1977] — *Oates J., Davidson T.E., Kamilli D., McKerrel H.* Seafaring Merchants of Ur? // *Antiquity.* 1977. V. 51. P. 221–234.

[Oelsner, 1982] — *Oelsner J.* Landvergabe im kassitischen Babylonien // *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I.M. Diakonoff* / Ed. by M.A. Dandamayev et al. Warminster, 1982. P. 279–284.

[Oppenheim, 1977] — *Oppenheim A.L.* Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization. Chicago; L., 1977.

[Ormsby, 1972] — *Ormsby D.L.* An Old Babylonian Business Archive of Historical Interest // *JCS.* 1972. V. 24. P. 89–99.

[Parpola, 1988] — *Parpola S.* Proto-Assyrian // *Wirtschaft und Gesellschaft von Ebla, Akten der internationalen Tagung, Heidelberg, 4–7 Nov. 1986* / Hrsg. von H. Watzoldt, H. Hauptmann. Heidelberg, 1988. S. 293–298 (HSAO 2).

[Parr, 1974] — *Parr P.A.* Ninhilia: Wife of Ayakala, Governor of Umma // *JCS.* 1974. V. 26. P. 90–91.

[Petschow, 1965] — *Petschow H.* Zur Systematik und Gesetztechnik im Codex Hammurabi // *ZA*. 1965. Bd. 57. S. 146–172.

[Petschow, 1974] — *Petschow H.* Mittelbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden der Hilprecht-Sammlung Jena. Berlin, 1974.

[Pettinato, 1969] — *Pettinato G.* Texte zur Verwaltung der Landwirtschaft in der Ur III Zeit. «Die Runden Tafeln». Roma, 1969. (AnOr 45.)

[Picchioni, 1984] — *Picchioni S.A.* Die Keilschriftichtung und ihre archäologischen Implikationen // *Sumer*. 1984. V. 42. P. 48–54.

[Polanyi, 1957] — *Polanyi K.* Marketless Trade in Hammurabi's Time // *Trade and Market in Early Empires. Economies in History and Theory* / Ed. by K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. N. Y., 1957.

[Polanyi, 1977] — *Polanyi K.* The Livelihood of Man. L.; N. Y., 1977.

[Postgate, 1994] — *Postgate J.N.* In Search of the First Empires // *BASOR*. 1994. V. 293. P. 1–15.

[Postgate, 1996] — *Postgate J.N.* Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. L.; N. Y., 1996.

[Powell, 1972] — *Powell M.A.* The Origin of the Sexagesimal System: The Interaction of Language and Writing // *Visible Language*. 1972. V. 6. P. 5–18.

[Powell, 1981] — *Powell M.A.* Three Problems in the History of Cuneiform Writing: Origins, Direction of Script, Literacy // *Visible Language*. 1981. V. 15. P. 419–440.

[Powell, 1985] — *Powell M.A.* Salt, Seed, and Yields in Sumerian Agriculture. A Critique of the Theory of Progressive Salinization // *ZA*. 1985. Bd. 75. S. 7–38.

[Reade, 1982] — *Reade J.* «Tell Taya», Fifty Years of Mesopotamian Discovery // *The British School of Archaeology in Iraq* / Ed. by J. Curtis. L., 1982. P. 72–78.

[Renger, 1979] — *Renger J.* Interaction of Temple, Palace and «Private Enterprise» in the Old Babylonian Economy // *State and Temple Economy in the Ancient Near East* / Ed. by E. Lipinski. Leuven, 1979. P. 249–256.

[Renger, 1984] — *Renger J.* Patterns of Non-institutional Trade and Non-commercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millennium B. C. // *Circulation of Goods in Non-palatial Context in the Ancient Near East* / Ed. by A. Archi. Rome, 1984. P. 31–123.

[Renger, 1990] — *Renger J.M.* Different Economic Spheres in the Urban Economy of Ancient Mesopotamia: Traditional Solidarity, Redistribution and Market Elements as the Means of Access to the Necessities of Life // *The Town as Regional Economic Centre in the Ancient Near East* / Ed. by E. Aerts, H. Klengel. Leuven, 1990. P. 20–28.

[Renger, 1994] — *Renger J.M.* On Economic Structures in Ancient Mesopotamia // *Or.* 1994. V. 63. P. 157–208.

[Renger, 1995] — *Renger J.M.* Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Forth to the End of the First Millennium B. C. // *Law Review.* 1995. V. 71, N 5. P. 269–319.

[Roaf, 1995] — *Roaf M.* Palaces and Temples in Ancient Mesopotamia // *Civilizations of the Ancient Near East* / Ed. by J. Sasson. N. Y., 1995. P. 423–441.

[Roberts, 1972] — *Roberts J.J.M.* The Earliest Semitic Pantheon. A Study of the Semitic Deities Attested in Mesopotamia before Ur III. Baltimore; L., 1972.

[Römer, 1999] — *Römer W.H.Ph.* Die Sumerologie: Einführung in die Forschung und Bibliographie in Auswahl. Münster, 1999 (AOAT; Bd. 262).

[Roth, 1995] — *Roth M.* Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor. Atlanta, 1995.

[Rothman, 1994] — *Rothman M.S.* Sealings Use and Changes in Administrative Oversight and Structure at Tepe Gawra during the Fourth Millennium // *Archives Before Writing* / Ed. by P. Ferioli. Rome, 1994. P. 19–121.

[Rowton, 1967] — *Rowton M.B.* The Physical Environment and the Problem of Nomads // *La civilization de Mari* / Ed. J.R. Kupper. P., 1967. P. 109–121.

[Rowton, 1969] — *Rowton M.B.* The *abu amurrim* // *Iraq.* 1969. V. 31. P. 68–73.

[Rowton, 1973a] — *Rowton M.B.* Autonomy and Nomadism in Western Asia // *Or.* 1973. V. 42. P. 247–258.

[Rowton, 1973b] — *Rowton M.B.* Urban Autonomy in a Nomadic Environment // *JNES.* 1973. V. 32. P. 201–258.

[Rowton, 1974] — *Rowton M.B.* Enclosed Nomadism // *JESHO.* 1974. V. 17. P. 1–30.

[Safar, 1981] — *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.

[Sallaberger, 1993] — *Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III Zeit. I—II. Berlin; N. Y., 1993.

[Sallaberger, 1996] — *Sallaberger W.* Der babylonische Töpfer und seine Gefäße. Ghent, 1996.

[Sallaberger, 1999] — *Sallaberger W.* Ur III-Zeit // Sallaberger W., Westenholz A. Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit. Annäherungen 3 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1999. S. 119—390 [см. также: Sallaberger, Westenholz, 1999].

[Sallaberger, 2001] — *Sallaberger W.* Die Entwicklung der Keilschrift in Ebla // Beiträge zur Vorderasiatischen Archäologie Winfried Orthmann gewidmet / Hrsg. von J.-W. Meyer, M. Nowak, A. Pruß. Frankfurt, 2001. S. 436—445.

[Sallaberger, Westenholz, 1999] — *Sallaberger W., Westenholz A.* Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit. Annäherungen 3 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1999 (OBO 160/3).

[Salonen, 1968] — *Salonen A.* Agricultura Mesopotamica. Helsinki, 1968.

[Sassmannshausen, 2004] — *Sassmannshausen L.* Babylonian Chronology of the 2nd Half of the 2nd Millennium B. C. // Mesopotamian Dark Age Revisited: Proceedings of an International Conference of SCIEEM 2000 (Vienna, 8—9th November 2002) / Ed. by H. Hunger and R. Pruzsinszky. Vienna, 2004. P. 61—70.

[Sauren, 1966] — *Sauren H.* Topographie der Provinz Umma nach den Urkunden der Zeit der III. Dynastie von Ur. Tl. 1. Kanäle und Bewässerungsanlagen: [Dissertation Ruprecht Karls Universität Heidelberg]. Bamberg, 1966.

[Scheil, 1902] — *Scheil V.* Délégation en Perse, Mémoires publiés sous la direction de M.I. Morgan, délégué général (= MDP). 2-e serie. T. 4. Textes élamites-sémitiques. P., 1902.

[Schmandt-Besserat, 1977] — *Schmandt-Besserat D.* An Archaic Recording System and the Origin of Writing. Malibu, 1977. P. 31—70 (SMS 1/2).

[Schmandt-Besserat, 1981] — *Schmandt-Besserat D.* From Tokens to Tablets: A Re-evaluation of the So-called «Numerical Tablets» // Visible Language. 1981. V. 15. P. 321—344.

[Schmandt-Besserat, 1982] — *Schmandt-Besserat D.* The Emergence of Recording // American Anthropologist. 1982. V. 84. P. 871—878.

[Schmandt-Besserat, 1986] — *Schmandt-Besserat D.* An Ancient Token System: The Precursor to Numerals and Writing // *Arhaeology*. 1986. V. 39. P. 32–39.

[Schmandt-Besserat, 1990] — *Schmandt-Besserat D.* Accounting in the Prehistoric Middle East // *Archeomaterials*. 1990. V. 4. P. 15–23.

[Schmandt-Besserat, 1992] — *Schmandt-Besserat D.* Before Writing. Austin, 1992. V. 1–2.

[Schneider, 1920] — *Schneider A.* Die sumerische Tempelstadt. Die Anfänge der Kulturwirtschaft. Essen, 1920.

[Schretter, 1993] — *Schretter M.* Sumerische Phonologie: Zu Konsonantenverbindungen und Silbenstruktur // *ActOr*. 1992. 54. P. 7–30.

[Seidl, 1989] — *Seidl U.* Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Symbole mesopotamischer Gottheiten. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1989. (OBO 87.)

[Selz, 1989] — *Selz G.J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš. 1. Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad. Stuttgart, 1989 (FAOS 15/1).

[Selz, 1993] — *Selz G.J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš. 2. Altsumerische Wirtschaftsurkunden aus amerikanischen Sammlungen. Stuttgart, 1993 (FAOS 15/2).

[Selz, 1995] — *Selz G.J.* Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Stadtstaates von Lagaš. Philadelphia, 1995.

[Selz, 1999] — *Selz G.J.* Vom «vergangenen Geschehen» zur «Zukunftsbewältigung»: Überlegungen zur Rolle der Schrift in Ökonomie und Geschichte // *Munuscula Mesopotamica*. Festschrift für J. Renger / Hrsg. von B. Böck, E. Cancik-Kirschbaum, T. Richter. Münster, 1999. S. 465–512.

[Selz, 1999/2000] — *Selz G.J.* «Wirtschaftskrise – Legitimationskrise – Staatskrise»: Zur Genese mesopotamischer Rechtsvorstellungen zwischen Planwirtschaft und Eigentumsverfassung // *AfO*. 1999/2000. Bd. 46/47. S. 1–44.

[Selz, 2000] — *Selz G.J.* Schrifterfindung als Ausformung eines reflexiven Zeichensystems // *WZKM*. 2000. Bd. 90. S. 169–200. Rec. ad op.: Glassner J.-J. Écrire à Sumer. L'invention du cunéiforme. P., 2000.

[Selz, 2001] — *Selz G.J.* Irano-Sumerica // *WZKM*. 2001. Bd. 91. 259–267.

[Selz, 2002] — *Selz G.J.* Babilismus und die Gottheit Nindagar // *Ex Mesopotamia et Syria Lux*. Festschrift für Manfred Dietrich

/ Hrsg. von O. Loretz, K. Metzler, H. Schaudig. Münster, 2002. S. 647–684.

[Sigrist, 1984] — *Sigrist M.* Les sattukku dans l'Esimesa durant la période d'Isin et Larsa. Malibu, 1984 (BiblMes 11).

[Sigrist, Gomi, 1991] — *Sigrist M., Gomi Th.* The Comprehensive Catalogue of Published Ur III Tablets. Bethesda, 1991.

[Slanski, 2003] — *Slanski K.* The Babylonian Entitlement *narûs* (*ku-durrus*). A Study in Their Form and Function. Boston, 2003 (ASOR/B 9).

[Smith, 1940] — *Smith S.* Alalakh and Chronology. L., 1940.

[Snell, 1982] — *Snell D.C.* Ledgers and Prices. Early Mesopotamian Merchant Accounts. New Haven; L., 1982.

[Sollberger, 1967] — *Sollberger E.* The Rulers of Lagas // JCS. 1967. V. 21. P. 279–291.

[Sommerfeld, 1995] — *Sommerfeld W.* The Kassites of Ancient Mesopotamia: Origins, Politics, and Culture // *Civilizations of the Ancient Near East* / Ed. by J. Sasson. N. Y., 1995. P. 917–930.

[Steele, 1949] — *Steele F.R.* The Code of Lipit-Ishtar. Philadelphia, 1949.

[Steible, 1982] — *Steible H.* Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Tl. 1. Inschriften aus Lagash. Tl. 2. Kommentar zu den Inschriften aus Lagash. Wiesbaden, 1982. (FAOS 5/1, 5/2.)

[Steinkeller, 1981] — *Steinkeller P.* More on the Ur III Royal Wives // ASJ. 1981. V. 3. P. 77–92.

[Steinkeller, 1987] — *Steinkeller P.* The Administrative and Economic Organization of the Ur III State: the Core and the Periphery // *The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Chicago, 1987. P. 19–41 (SAOC 46).

[Steinkeller, 1988] — *Steinkeller P.* The Date of Gudea and His Dynasty // JCS. 1988. V. 40. P. 47–53.

[Steinkeller, 1991] — *Steinkeller P.* The Reforms of Urukagina and an Early Sumerian Term for «Prison» // AuOr. 1991. 9. P. 227–233.

[Steinkeller, 1993] — *Steinkeller P.* Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 107–130.

[Steinkeller, 1995] — *Steinkeller P.* [Review] // BiOr. 1995. V. 52. P. 689–713. Rev. of: Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Steinkeller, 1999] — *Steinkeller P.* Land Tenure Conditions in Third Millennium Babylonia: Problem of Regional Variation // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed. by M. Hadson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1999. P. 289–329.

[Steinkeller, 2001] — *Steinkeller P.* New Light on the Hydrology and Topography of Southern Babylonia in the Third Millennium // *ZA*. 2001. Bd. 91. 23–84.

[Steinkeller, 2003] — *Steinkeller P.* An Ur III Manuscript of the Sumerian King List // *Literatur, Politik und Recht in Mesopotamien* / Hrsg. von W. Sallaberger, K. Volk, A. Zgoll. Wiesbaden, 2003. S. 267–292.

[Stepien, 1996] — *Stepien M.* Animal Husbandry in the Ancient Near East. A Prosopographic Study of Third-Millennium Umma. Bethesda, 1996.

[Steward, 1955] — *Irrigation Civilizations: A Comparative Study* / Ed. by J.H. Steward. Washington, 1955.

[Stol, 1976] — *Stol M.* Studies in Old Babylonian History. Leiden, 1976.

[Stol, 1982] — *Stol M.* State and Private Business in the Land of Larsa // *JCS*. 1982. V. 34. P. 127–230.

[Stone, 1987] — *Stone E.* Nippur Neighborhoods. Chicago, 1987 (SAOC 44).

[Stone, 1990] — *Stone E.* The Tell Abu Duwari Project. Iraq, 1987 // *J. of Field Archaeology*. 1990. V. 17. P. 141–162.

[Stone, 1999] — *Stone C.S.* The Constraints on State and Urban Form in Ancient Mesopotamia // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed. M. Hadson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1999. P. 203–219.

[Sürenhagen, 1986] — *Sürenhagen D.* The Dry-Farming Belt: The Uruk Period and Subsequent Developments // *The Origins of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B. C.* / Ed. by H. Weiss. Guilford (Conn.), 1986. P. 7–45.

[Thureau-Dangin, 1903] — *Thureau-Dangin F.* Recueil des tablettes chaldéennes (RTC). P., 1903.

[Thureau-Dangin, 1905–1907] — *Thureau-Dangin F.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften (SAKI). P.; Leipzig, 1905–1907.

[Watzoldt, 1972] — *Watzoldt H.* Untersuchungen zur neusumerischen Textilindustrie. Rom, 1972.

[Waschow, 1936] — *Waschow H.* Babylonische Briefe aus der Kassitenzeit. Leipzig, 1936. (MAOG 10/1.)

[Weeks, 1985] — *Weeks N.* The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // OLP. 1985. 16. P. 49–57.

[Weiss, 1986] — The Origin of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B. C. / Ed. by H. Weiss. Guilford (Conn.), 1986.

[Westbrook, 1988] — *Westbrook R.* Studies in Biblical and Cuneiform Law. P., 1988.

[Westenholz A., 1993] — The World View of Sargonic Officials. Differences in Mentality Between Sumerians and Akkadians // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 157–170.

[Whiting, 1987] — *Whiting R.* Old Babylonian Letters from Tell Asmar. Chicago, 1987 (AS 22).

[Wiggermann, 1996] — *Wiggermann F.A.M.* Scenes from the Shad-ow Side // *Mesopotamian Poetic Language: Sumerian and Akkadian. Proceedings of the Groningen Group for the Study of Mesopotamian Literature* / Ed. by M.E. Vogelzang and H.L.J. Vanstipout. Groningen, 1996. P. 207–230 (CM 6).

[Wilcke, 1973] — *Wilcke C.* Politische Opposition nach sumerischen Quellen: der Konflikt zwischen Königtum und Ratversammlung, Literaturwerke als politische Tendenzschriften // *La voix de l'opposition en Mésopotamie* / Ed. A. Finet. Bruxelles, 1973. P. 37–65.

[Wilcke, 1989] — *Wilcke C.* Genealogical and Geographical Thought in the Sumerian King List // *DUMU-E2-DUB-BA-A: Studies in Honor of Ake W. Sjöberg* / Ed. by H. Behrens, D. Loding, M.T. Roth. Philadelphia, 1989. P. 557–571.

[Winter, 1986] — *Winter I.J.* The King and the Cup: Iconography of the Royal Presentation Scene on Ur III Seals // *Insights through Images* / Ed. by M Kelly-Buccellati. Malibu, 1986. P. 253–268 (BiblMes 21).

[Winter, 1987] — *Winter I.J.* Legitimation of Authority through Image and Legend: Seals belonging to Officials in the Administrative Bureaucracy in the Ancient Near East. Chicago, 1987 (SAOC 46).

[Wittfogel, 1957]* — *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

[Woolley, 1924] — *Woolley C.L.* Excavations at Tell el-Obeid // *Antiquaries J.* 1924. 4. P. 329–346.

[Woolley, 1956] — *Woolley C.L.* The Early Periods: A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of Excavations. Philadelphia, 1956. (UE 4.)

[Woolley, 1965] — *Woolley C.L.* The Kassite Period and the Period of Assyrian Kings. L.; Philadelphia, 1965 (UE 8).

[Woolley, 1976] — *Woolley C.L.* The Old Babylonian Period. Philadelphia, 1976 (UE 7).

[Wright, 1969] — *Wright H.T.* The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian Town. Ann Arbor, 1969.

[Yaron, 1969] — *Yaron R.* The Laws of Eshnunna. 2nd ed. Jerusalem, 1988.

[Yildiz, 1981] — *Yildiz F.* A Tablet of Codex Ur-Nammu from Sippar // Or. 1981. V. 50. P. 87–97.

[Yoffee, 1977] — *Yoffee N.* The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period. Malibu, 1977 (BiblMes 5).

[Zarins, 1990] — *Zarins J.* Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // BASOR. 1990. V. 280. P. 31–65.

[Zettler, 1977] — *Zettler R.L.* The Sargonic Royal Seal: A Consideration of Sealing in Mesopotamia // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 33–41.

[Zettler, 1984] — *Zettler R.L.* The Genealogy of the House of Ur-Me-me: A Second Look // AfO. 1984. Bd. 31. S. 1–14.

[Zettler, 1987] — *Zettler R.L.* Sealings as Artifacts of Institutional Administration in Ancient Mesopotamia // JCS. 1987. V. 39. P. 197–240.

ГЛАВА 3

История Ассирии в свете ассириологических исследований XIX–XX вв.

Информация об истории Ассирии появилась уже в древней Месопотамии и была продолжена авторами библейских книг и античными и средневековыми авторами (см.: [Соловьева, 1980], там же подробная библиография). Затем на длительное время изучение ее истории приостановилось и было вновь начато европейскими учеными в XIX в., но теперь уже на строго научной основе. Дешифровка клинописи позволила историкам использовать аутентичные тексты, современные описываемым в них событиям. Тогда-то и выяснилось, что и авторы библейских книг, и античные историки часто пользовались сведениями не из первых рук, а иной раз опирались и на сведения, почерпнутые из легенд. Вместе с тем многие сообщения, содержащиеся в библейских и античных текстах, были подтверждены документально. Вторую половину XIX в. нередко именуют «героическим периодом» ассириологии. Именно в это время началась массовая публикация различных клинописных текстов, возникли первые периодические издания, специально посвященные ассириологии, а затем стали появляться и первые монографии, посвященные истории древней Месопотамии в целом и истории отдельных ее регионов. Некоторые из этих книг, посвященных Ассирии, сохранили свое значение до сих пор и являются поэтому классикой ассириологии. Из работ XX в., тоже относящихся к классике, следует в первую очередь назвать работы: «Вавилония и Ассирия» Б. Майснера [Meissner, 1920]; «История Ассирии» А. Олмстеда [Olmstead, 1923]; монографии П. Гарелли и А. Лемера [Garelli, 1969; Garelli, Lemaire, 2001]; «Кембриджскую древнюю историю» (The Cambridge Ancient History, сокр. САН, многотомное издание, выходящее с 20-х гг. прошлого века по настоящее время с исправлениями и дополнениями); западногерманский труд «Fischer Weltgeschichte» (древневосточным

государствам посвящены т. 2–4). Наконец, в последние десятилетия на русском языке вышли такие издания, как «История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации» [ИДВ, 1983; 1988], в 2004 г. вышел из печати следующий том «История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй» [ИДВ, 2004]; «История древнего мира» под редакцией И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой (три издания, последнее вышло в 1989 г. [ИДМ, 1989]); «История Востока», т. 1: «Восток в древности» [ИВ, 1997]. Важнейшим справочным изданием является «Reallexikon der Assyriologie», выходящий с 1932 г. и насчитывающий ныне 10 томов (RLA). Наконец, до сих пор остается популярным и широко используется даже специалистами издание царских надписей в английском переводе [Luckenbill, 1926–1927]. Некоторые монографии, посвященные тем или иным частным проблемам истории Ассирии, содержат очень важные сведения по истории вообще и богатую библиографию. Прежде всего следует назвать книгу И.М. Дьяконова, посвященную земельным отношениям в Ассирии [Дьяконов, 1949]. Она фактически положила начало изучению социальной структуры и экономики Ассирии, и высказанные в ней идеи актуальны до сих пор. Важные сведения по политической истории Ассирии, ее военной организации и ее войнах содержит книга В. Майера ([Mayer, 1995]; книга содержит очень богатую библиографию). В последние десятилетия прошлого века интерес к Ассирии резко возрос и возник целый ряд международных проектов по изданию и переизданию ассирийских текстов на основе тщательной сверки их с оригиналами: «The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods» (Toronto, Buffalo, London) и «Annual Review of the Royal Inscriptions of Mesopotamia Project» (Toronto); «State Archives of Assyria» (Helsinki) и «State Archives of Assyria, Bulletin» (Padua). В этих и других изданиях уже опубликован целый ряд очень важных текстов, хотя издание царских надписей доведено пока только до времени Тиглатпаласара III. Среди изданных книг необходимо упомянуть издание литературных текстов из библиотеки Ашшурбанапала [Livingstone, 1989], новые переводы юридических документов новоассирийского периода [Kwasman, 1988] и относящихся к этому же периоду писем [Parpola, 1970; 1983]. Литература об Ассирии сейчас огромна, выходит на многих языках и содержит археологические отчеты

и издания, посвященные материальной культуре, издания текстов в копиях и переводах (сюда же следует отнести и языковедческие исследования), издания, посвященные проблемам трактовки этих текстов, истории, духовной культуре, общественному устройству, праву и экономике. Они печатаются в журналах, сборниках статей [Tadmor, Weinfeld, 1986; Cogan, Eph'al, 1991] и в виде отдельных монографий и серий. Полную библиографию по Ассирии дать невозможно хотя бы уже потому, что она ежедневно увеличивается на десятки названий. Следить за этим процессом необходимо по «*Keilschriftbibliographie*», публикуемой в журнале «*Orientalia*» (Roma). Задача настоящего раздела — указать наиболее важные по содержанию и по содержащейся в них библиографии работы и тем помочь историку сформировать для себя библиографию по тем или иным конкретным вопросам.

§ 1. Основные источники по истории Ассирии и развитие ассириологических исследований в XIX и XX вв.

К таким источникам относятся прежде всего царские надписи. Этим несколько расплывчатым термином принято обозначать рассказы о деяниях того или иного конкретного царя, составленные от первого лица, но не имеющие конкретного адресата, предназначенные для всех современников и для будущих поколений. Они могут быть написаны на глиняных табличках (иногда весьма большого размера), на глиняных же цилиндрах и призмах, а также на стелах и на скалах (надписи на камне обычно сопровождаются изображением царя). Надписи на глине нередко использовались для закладки под возводимые или перестраиваемые здания (дворцы, храмы) и в этом случае адресовались к «будущему царю», который обнаружит их при очередной перестройке здания. Сюда относятся в первую очередь так называемые «анналы» и «торжественные надписи». Первые обычно повествуют о событиях за определенный период времени, вторые же обычно посвящены конкретным событиям, например определенному походу или строительным работам. Однако это различие соблюдается не всегда, например, рассказу о походе может предшествовать в виде своеобразного пролога рассказ о предыдущих походах. «Анналы» же по существу являются летописями, т.е. погодными записями событий, но часто содержат те или иные отступления или интерполяции.

Составлением этих текстов занималась специальная канцелярия, имевшая в своем составе искусных и опытных писцов, любивших щегольнуть красотой слога, употреблением редких слов или знаков, искусным подбором синонимов, позволяющим избежать однообразия, архаизмами или цитатами из классической (уже тогда) литературы. Одни и те же события нередко излагались по-разному — в зависимости политической злобы дня, и похоже, что цари нередко сами участвовали в редактировании очередного варианта или, по крайней мере, высказывали свои пожелания на сей предмет. По всем этим причинам царские надписи, представляя собой чрезвычайно важный исторический источник, требуют критического подхода (см.: [Fales, 1981; Tadmor, 1997], там же — практически исчерпывающая библиография по этому вопросу: с тех пор существенных добавлений к ней сделано не было). В настоящее время осуществляется международный проект издания всех ассирийских царских надписей — «Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods» (RIMA). К моменту написания этой работы вышли из печати надписи ассирийских царей II — начала I тыс. до н.э. (RIMA 1; RIMA 2; RIMA 3). Сюда же относится работа Х. Тадмора [Tadmor, 1994]. Что касается более поздних правителей Ассирии, им посвящены работы Р. Боргера [Borger, 1956; 1996], а также Э. Фрама ([Frahm, 1997] — подробная биография Синаххериба, подробный анализ надписей, новые переводы, обширная библиография). Наконец, необходимо упомянуть старую, но пока незаменимую работу М. Штрека [Streck, 1916].

Не менее важным, хотя и менее интересным в психологическом и литературном отношении источником являются хроники, излагающие последовательность политических событий за тот или иной отрезок времени. Хроники безличны и на первый взгляд не эмоциональны, но содержащиеся в них трактовки тех или иных событий, равно как и некоторые умолчания (то и другое обнаруживается в сравнении с другими документами о тех же событиях, например, с вавилонскими хрониками), позволяют заключить, что и здесь не обходилось без «аранжировки» и другой «правки». Важнейшими изданиями этих текстов являются работы А.К. Грейсона [Grayson, 1975] и Ж.-Ж. Гласснера [Glassner, 1993]. Вторая из названных книг содержит обширный комментарий и подробную библиографию, а также несколько текстов, отсутствующих в первой, например, так называемую «Эпонимическую хронику» — список

эпонимов (подробнее об этом см. ниже) с указанием важнейших событий, происходивших во время каждого эпонимата (II тыс. до н.э., царствование Шамши-Адада I). Эта хроника была впервые опубликована в 1985 г. Там же имеется и «Эпонимическая хроника», относящаяся к I тыс. до н.э., тоже отсутствующая в книге Грейсона. Весьма интересной и важной для хронологии является имеющаяся в обоих изданиях так называемая «Синхроническая история» — параллельное изложение событий, имевших место в Ассирии и Вавилонии со времен Пузур-Ашшур III (конец XVI в. до н.э.) до Адад-нерари III (810–783 до н.э.), в том числе войн между этими странами и договоров между ними. Этот текст написан с ассирийской точки зрения и «доказывает» правоту Ассирии во всех случаях. Необходимо также упомянуть и Ассирийский царский список — перечень всех царей Ассирии от легендарных времен до смерти Салманасара V (726–722). Первые 17 царей этого списка названы «жившими в шатрах». В действительности первые 15 имен, а также имена с 18-го по 26-е представляют собой полумифический список предков Шамши-Адада I, аморейского вождя, создавшего в 1813–1781 гг. до н.э. большое, но эфемерное царство, в которое входил тогда также и Ашшур. Ряд имен в начальной части Ассирийского царского списка не имеет ясной семитской или какой-либо другой этимологии. В целом, этот список должен был производить впечатление единой и непрерывной царской династии, правившей Ассирией с самого начала (за исключением краткого царствования нескольких узурпаторов) [Yamada, 1994].

Важнейшим средством датировки событий ассирийской истории служат списки эпонимов — ежегодно сменявшихся должностных лиц (включая и самого царя), чьим именем назывался каждый текущий год и, соответственно, датировались документы. По существу, это была своего рода «эра», хотя и не имевшая официального начала. Списки нередко содержат, наряду с именем эпонима, также и краткое перечисление важнейших событий данного года, вследствие чего являются также и важным историческим источником. Они дошли до нас, разумеется, не целиком: отсутствуют самые ранние (докачонические) и самые поздние (постканонические) эпонимы, но многие из них известны по другим текстам (списки эпонимов см. ныне в RLA 2, а также дополнения [Weidner, 1939–1940; Freydank, 1991]). Необходимо еще отметить, что

каждый эпоним воздвигал стелу со своим именем, совокупность этих стел была своеобразным перечнем лет, и большое количество этих стел было обнаружено при раскопках (обзор этих стел см.: [Saporetti, 1974], там же библиография предшествующих работ).

Литература, относящаяся к конкретным периодам истории Ассирии, будет рассмотрена ниже в соответствующих разделах.

§ 2. Староассирийский период (XX–XVI вв. до н.э.)

Ассирия — обширная область на северо-востоке Верхней Месопотамии, расположенная по среднему течению Тигра.

Города здесь возникли еще в III тыс. до н.э., самыми древними из них были, видимо, Ашшур, Ниневия и Арбела, которые первоначально не составляли какого-либо политического или этнического единства. Ашшур был, видимо, с самого начала населен аккадоязычными людьми, вероятно, с более или менее значительной примесью амореев, т.е. восточными и отчасти западными семитами, хотя в Ассирийском царском списке встречаются имена, языковую принадлежность которых установить пока невозможно. Ниневия была первоначально хурритским городом, что видно из ее названия: «Нинуве» по хурритски означает «Принадлежащий (богине) Нину» (Нину — хурритское божество, впоследствии ставшее Иштар Ниневийской). Арбела (совр. Эрбиль), чье название означает по аккадски «Четыре бога», имела аккадоязычное население. Но в исторические времена все эти города были уже аккадоязычными. Ашшур, чьим именем называлась впоследствии вся эта географическая область, включающая в себя Северную Месопотамию и Северную Сирию, а также одноименное государство, был поначалу небольшим городом-государством и стоял, как уже сказано, на холме на западном берегу Тигра. Его бог-покровитель тоже назывался Ашшур, т.е. город и его бог были «тезками» — случай довольно редкий. Этимология этого слова, несмотря на все усилия лингвистов, продолжает оставаться непонятной и, видимо, не семитской, не шумерской и не хурритской. Бог Ашшур остается загадочным и во многих других аспектах. Непонятна, например, его первоначальная функция, сначала у него не было супруги, а в его храме — никакого изображения. По всей вероятности, изначально он был «гением места» — скалистого возвышения, на котором возник город [Hirsch, 1972; Menzel, 1981; Lambert, 1983].

Географическое положение Ашшура было чрезвычайно выгодным, ибо здесь проходили главные торговые пути с севера на юг и с востока на запад. Соответственно, воинственный и грозный в более поздние времена Ашшур был первоначально городом купцов и ремесленников и очень быстро богател на посреднической торговле.

Сам по себе Ашшур был центром небольшого номового государства. Археологические раскопки не обнаружили в древнейших слоях Ашшура правительского дворца, и это говорит о довольно скромном сначала положении ашшурского правителя. Правитель Ашшура, как и в других месопотамских номах, по шумерски назывался энси, а по аккадски — *ишшиакку* (аккадизированная форма слова «энси»). Он был верховным жрецом бога Ашшура, военным вождем и администратором, и власть его уже стала наследственной, хотя он, по древнему обычаю, как и последующие цари Ассирии, считался правителем, избранным богами (согласно поздним текстам, «еще в утробе матери»). Он председательствовал в общинном совете и обычно исполнял также обязанности *укуллу*, т.е. верховного землеустроителя. Другим важным общинным магистратом был *лимму* — ежегодно сменяемый эпоним года (его именем назывался год) и казначей общины. Его резиденцией был *бит лимми* — «дом лимму», называвшийся также *бит али* — «дом города», нечто вроде городской ратуши, где хранились городская казна и печати. Общинный совет первоначально пользовался большим влиянием, но постепенно в нем стали преобладать люди, близкие к правителю, а значение общинных магистратов сильно упало. Каких-либо сведений о народном собрании в Ашшуре не имеется. Сам же правитель носил также и другие титулы. *Ишшиакку* (*ишшакку*) он именовался обычно в строительных надписях (напомним, что этот титул, видимо, и означает «жрец-строитель»). В письмах и на печатях он именовал себя *ваклу*, т.е. «главный», «начальник», а при упоминаниях в третьем лице его обычно именовали *руба'у* («государь», «правитель») или *белу* («господин», «владыка»). «Царем» первоначально именовали только бога Ашшура. Впрочем, слово «Ашшур» писали то с детерминативом бога, то с детерминативом страны, и, по-видимому, город и его бог составляли как бы некую единую сущность. Поэтому неудивительно, что в тех случаях, когда город и его правитель упоминаются вместе, первое место отводится городу. Таковы, например, формулы

клятвы: «Во имя Города и правителя...», а также официальных писем: «Табличка Города и правителя...»

Территория ашшурского нома состояла, кроме собственно города, также из сельской округи со множеством мелких поселений — сельских соседских общин. Во главе каждой из таких общин стоял общинный совет старейшин и администратор — *хазанну*. Земля была общинной собственностью и периодически переделывалась между входящими в соседскую общину семейными общинами. Обиталищем такой семейной общины была укрепленная усадьба — *дунну*. Однако в Ашшуре уже очень рано возникает личная земельная собственность: член семейной и территориальной общины мог продать свой надел, и этот надел выбывал из состава семейно-общинной земли. Община контролировала такие сделки и могла заменить продаваемый участок другим, из общественного фонда. Кроме того, сделка должна была утверждаться правителем. Тем не менее ясно, что товарно-денежные отношения в Ашшуре развивались быстрее и продвинулись дальше, чем в соседней Вавилонии. Отчуждение земли в Ашшуре весьма рано стало, видимо, необратимым, и продаются иногда целые хозяйственные комплексы — усадьба с полем, садом, укрепленным домом, колодцем, гумном и т.п., общей площадью до 30 га. Богатые люди, которым были доступны такие покупки, являлись крупными чиновниками, купцами и одновременно ростовщиками. Платежным средством служило, как правило, не серебро, а свинец (иногда — сотни килограммов), ибо серебряная руда содержала также и большое количество свинца. Ростовщичество и неоплаченные долги вынуждали людей продавать землю, а также порождали долговую кабалу: люди вынуждены были брать займы под залог самого себя или членов своей семьи. В случае просрочки платежа эти люди считались «купленными за полную цену», т.е. полноправные общинники превращались в рабов, в рабочую силу для возникающих крупных хозяйств. Существовали и другие средства закабаления: «оживление в беде», т.е. помощь, оказанная во время бедствия (например, голода), за которую «оживленный» попадал под патриархальную власть своего благодетеля; «усыновление» вместе с полем и домом; отдача себя под покровительство богатого и знатного человека (формально — добровольная). Все это приводило к сокращению общинного земельного фонда и к возникновению крупных частных владений. Владельцы поместий жили,

как правило, в городе, а повинности за них несли зависимые от них жители селений. Позднее это привилегированное положение жителей Ашшура и других храмовых городов было закреплено освобождением их от податей и повинностей, как это делалось и в Южной Месопотамии (дата этого события не известна) (о староассирийском и среднеассирийском периодах см.: [Дьяконов, 1988: 21–58, 90–117; там же библиография: 584–587]. См. также соответствующие разделы [ИДМ, 1989], «Fischer Weltgeschichte» и «Cambridge Ancient History»).

Все это более или менее подробно документировано лишь для более поздних периодов. Для начального периода сведения очень скудны. Единичные находки в Ашшуре и Ниневии позволяют заключить, что они входили в состав царства Аккада, а затем и в состав царства III династии Ура. Немногочисленные и краткие надписи правителей Ашшура см. в изданиях, упомянутых выше. Что касается других текстов (деловых документов, писем и т.п.), то они происходят в большом количестве из мест, расположенных далеко от собственно Ассирии, и в очень малом количестве — из Ассирии. Эту «односторонность», специфику наличной документации необходимо иметь в виду при изучении староассирийского периода. К первой группе относятся прежде всего тексты из архивов ашшурских торговых колоний в Малой Азии. Главная из этих колоний (в ее деятельности участвовали не только ашшурские, но и местные купцы) располагалась в восточной части полуострова, в Канише (хеттское название — Неса, ныне — городище Кюль-Тепе) — центре небольшого княжества. Там находилась и центральная контора, являвшаяся органом самоуправления этой разветвленной купеческой организации, объединявшей целый ряд семейных «фирм», обладавших очень значительными по тем временам состояниями. Из Ашшура в Малую Азию (и, возможно, еще дальше на запад) везли ремесленные изделия и ткани, а оттуда на восток — металлы, главным образом, серебро и свинец, а также какой-то запрещенный к вывозу и тем не менее вывозившийся контрабандой металл, как предполагается, метеоритное железо. Доходы эта торговля приносила очень большие, но и связанные с ней риски были велики: разбойники на дорогах, местные власти, норовившие содрать с купцов побольше, внутренние неурядицы в самой организации... Деятельности этих международных купеческих организаций, вероятно, первых в мировой истории, посвящен

ряд монографий [Янковская, 1968; Garelli, 1963; Larsen, 1967; 1976; Veenhof, 1972], статей [ср.: Lambert, 1983], и даже грамматика этих текстов [Hecker, 1964]. Значительное количество текстов из Мари, относящихся к Ассирии, но несколько более поздних, чем тексты из Кюль-Тепе, опубликовано в серии ARM. Текстов же из собственно Ассирии (т.е. с той территории, которая впоследствии относилась к коренной Ассирии) и некоторых других мест дошло всего несколько сотен. Ассирийские тексты написаны специфически ассирийской разновидностью клинописи, и в них уже заметен ассирийский диалект аккадского языка.

Географическое положение Ашшура было, как уже сказано выше, исключительно выгодным для торговли, но это же географическое положение делало его доступным и желанным для завоевателей — великих держав того времени, и Ашшур не мог миновать включения в царство Аккада и царство III династии Ура. В это время Ассирия — далекая окраина месопотамского культурного мира, в котором она называлась Субарту, а представления об этих краях были довольно смутными [Römer, 1967–1968]. Бог Ашшур тоже не пользовался сколько-нибудь значительной известностью за пределами Ассирии ([Mayer, 1995: 141ff.], там же см. о наиболее ранних votivных предметах и надписях). Нам неизвестны также даты присоединения Ниневии и Арбелы к Ашшуру, можно лишь полагать, что Ниневия была присоединена раньше Арбелы. Датировки правителей и царей Ашшура до второй половины XV в., за немногими исключениями, нам также неизвестны, хотя, начиная с Эришума I, Ассирийский царский список содержит указания о числе лет правления каждого из них (не все эти указания сохранились), а также, начиная с Апиашаля (здесь 10 правителей перечислены в обратном порядке), указания о родственных связях. Лишь начиная с Шалим-ахума эти правители представлены собственными надписями. Из этого, разумеется, не следует делать вывод о мифичности более ранних правителей или о том, что при них надписи не составлялись: об обнаружении надписей Пузур-Ашшура I, Ушпии и Киккии упоминается в строительных надписях более поздних царей. Еще два имени (Амину и Сулили) сохранились в оттисках печатей [RIMA 1: 11–13]. Строительные надписи староассирийского периода, как имеющиеся в наличии, так и известные лишь косвенным образом, позволяют сделать вывод об интенсивной строительной деятельности ашшурских

правителей (главным образом — постройка и обновление храмов и городских стен). Это, в свою очередь, приводит к заключению о значительных средствах, которыми располагали правители и (или) город. Но незадолго перед тем, как Ассирия попала под власть Шамши-Адада I, начался экономический упадок, выразившийся прежде всего в резком сокращении строительной деятельности правителей. Он совпадает по времени с некоей катастрофой, прекратившей деятельность ашшурских торговых колоний в Малой Азии и, видимо, также и в других местах. Сущность этой катастрофы пока не ясна. «Семейные фирмы» ашшурских купцов вносили очень значительными по тому времени средствами, а их сообщества были практически независимы от местных властей и от властей Ашшура. Очень сложные и строго засекреченные финансовые отношения, важная роль безналичного оборота денег, опасности торговых путешествий, а нередко и контрабанда делали всю эту систему весьма уязвимой. Недаром важнейшими добродетелями ашшурского купца были абсолютная честность, обязательность и строжайшее соблюдение конфиденциальности. Организация фактически держалась на взаимном доверии и строгом взаимном контроле. Самой страшной угрозой для члена этой корпорации была угроза «объявить его бесчестным», что влекло за собой потерю кредита и неминуемое разорение [Larsen, 1982; см. также: Nakata, 1970—1971]. Такая система не могла выдержать сколько-нибудь серьезных потрясений любого рода, и она их не выдержала. Более того, последующее включение Ашшура в державу Шамши-Адада, видимо, воспрепятствовало возможным попыткам ее восстановления. Это, разумеется, не означало прекращения ашшурской международной торговли, но ее формы существенно изменились. Ведущее место заняла индивидуальная коммерческая деятельность, что и удобнее в большом государстве. Что же касается роли самого Шамши-Адада, он создал весьма обширную, но рыхлую державу, похожую скорее на царство Аккада и царство III династии Ура, но с большим количеством вассальных царей, в числе которых были и два его сына. Сам он царем Ашшура не именовался никогда, а носил титул «ишшаккум Ашшура», как один из многих своих титулов. Именно в этом качестве он вел строительство в Ашшуре и попал в царский список, хотя Ашшур даже не упоминается в его обширной переписке.

§ 3. Среднеассирийский период (XV–XII вв. до н.э.)

После распада державы Шамши-Адада Ассирия вновь обретает независимость, но сначала ей пришлось пережить несколько десятков лет (точные даты не известны) междоусобиц и борьбы претендентов на престол (ни их число, ни происхождение их, ни подробности этой борьбы тоже не известны). Ок. 1700 г. до н.э. воцарился некий Адаси, который и является родоначальником династии, правившей Ассирией до самого конца ассирийской истории, т.е. более тысячи лет. Однако о первых двух веках этой истории не известно практически ничего, кроме имен царей. Первая известная сейчас надпись принадлежит Шамши-Ададу III (ок. 1532–1517 гг. до н.э.). Из царских надписей, а также из более поздних упоминаний в надписях вновь видна обширная строительная деятельность некоторых царей. Другие подробности почти до конца XV в. до н.э. остаются нам не известными. По-видимому, около этого времени началось продвижение хурритских племен в Северную Месопотамию, в результате чего возникает мощное хурритское государство Митанни, вассалом которого становится Ассирия (о Митанни см.: [Аветисян, 1984; Немировский, 2002]). XIV и XIII столетия протекали в борьбе между великими державами того времени — Митанни, Хеттским царством и Египтом — из-за Сирии, борьбы, шедшей с переменным успехом и перемежавшейся мирными договорами и династическими браками. Ассирия же тем временем накапливала силы и постепенно переходила к экспансии. В надписи Адад-нерари I [RIMA 1: 131] он и три его предшественника названы «расширителями границ и пределов» Ассирии. Ашшур-убаллит I (1365–1330 гг. до н.э.) титулует себя не только «ишшиакку Ашшура» и «наместник Эллиля», но и «царь Ассирии», хотя пока еще не в надписях, а только на печати (до нас дошел ее оттиск на глине). А в письме к фараону (EA 16) он именует себя еще и его «братом», т.е. фактически ставит себя наравне с царями великих держав. Фараон, видимо, не возражал и пренебрег протестом вавилонского царя, заявившего, что «ассириец — мой подданный» и потребовавшего, чтобы фараон отправил ассирийских купцов (или послов?) восвояси ни с чем (EA 9). Речь здесь, вероятно, идет все-таки о купцах или, может быть, об официальной «торговой делегации». Это означает, что ассирийская торговля возродилась, и страна вновь богатеет, что

позволяет ассирийским правителям вновь вести обширные строительные работы по обновлению храмов, городских укреплений и дворцов ([RIMA 1 passim]; см. также сообщения позднейших правителей — [RIMA 2 passim]). Богатство предоставляет также и средства для военной экспансии. Если верить сообщению его правнука Адад-нерари, Ашшур-убаллит подчинил себе Муцацир на территории будущего Урарту, а также разбил субарейцев [RIMA 1: 132]. Свою дочь он выдал замуж за вавилонского царевича, сын от этого брака стал вавилонским царем, но вскоре был убит заговорщиками. Ашшур-убаллит предпринял поход на Вавилонию, дабы посадить на престол своего правнука. Это, как полагает В. Майер [Mayer, 1995: 189], была первая война Ассирии с великой державой. Можно добавить, что первая война также была и успешной. Дальнейшие войны, главным образом, с Вавилонией, а также строительная деятельность ассирийских царей хорошо освещена в «Синхронической истории» и в их надписях. Первым, кто и в своих надписях именуется «царем Ассирии», стал Арик-ден-или (1319–1308 гг. до н.э.). Великодержавные притязания неизбежно должны были привести и привели к столкновениям с соседними великими державами — слабеющим Митанни, все еще мощной Хеттской державой и раздираемой внутренними распрями Вавилонией. Особенно важны были первые две, ибо главным направлением экспансии было западное. Необходимо было усиление царской власти, цари теперь все меньше считаются с городским советом, а Адад-нерари I (1307–1275 гг. до н.э.) присоединяет к своим должностям еще и должность лимму, сам став эпонимом первого года своего правления. Он же впервые присваивает себе титул «царь обитаемого мира», и это была своего рода «заявка» на создание империи, но до ее реального осуществления было еще очень далеко. Он почти покончил с Митанни и присоединил к Ассирии огромную территорию вплоть до большой излучины Евфрата и города Каркемиш, места важной переправы через Евфрат, создав таким образом форпост для дальнейшего продвижения в Сирию. Его сын и преемник Салманасар I (1274–1245 гг. до н.э.) довершил разгром Митанни и успешно воевал с хеттами. Он сообщает [RIMA 1: 184], что взял в плен 14,4 тыс. вражеских воинов и всех их ослепил — первое описание свирепых расправ, учиняемых ассирийцами. Указанное выше число пленных — очень большое и по месопотамской системе счета круглое (четыре «сароса»)

[Millard, 1991]. Впрочем, ассирийцы не пытались продвинуться через Евфрат, и потому в дальнейшем отношения Салманасара с Хеттским царством были почти дружественными. Ассирийцы совершали также успешные походы на северо-запад. Преемник Салманасара Тукульти-Нинурта I (1244–1208 гг. до н.э.) был уже владыкой настоящей великой державы и располагал мощной армией. Он даже предпринял вторжение на хеттскую территорию и увел оттуда восемь «саросов» пленных ([RIMA 1: 273; 1: 275]; см. также: [Galter, 1988]). Однако похоже, что обе стороны в дальнейшем избегают решительных действий. Зато был предпринят решительный поход против Вавилонии, о чем сообщают несколько надписей и так называемый «Эпос Тукульти-Нинурты» — обширное, но дошедшее до нас сильно поврежденным поэтическое произведение [Lambert, 1957–1958], воспевающее благочестие и доблесть ассирийского царя и в самых черных красках изображающее вероломство царя вавилонского, нарушителя договоров. В своей надписи Тукульти-Нинурта сообщает, что он разбил войско Каштилиаша и «на его горделивую шею, как на (ножную) скамеечку, ногами своими я встал, пленником в оковах перед лицо Ашшура, владыки моего, я (его) привел, страны Шумер и Аккад все целиком я покорил». Вавилонская хроника (№ 22 по изданию [Grayson, 1975], № 44 по изданию [Glassner, 1993]) сообщает, что Тукульти-Нинурта увез в Ассирию статую Мардука и «правил» (не «царствовал»!) Вавилонией семь лет. Присоединение Вавилонии оставалось делом далекого будущего, но имперские тенденции хорошо видны в титулатуре Тукульти-Нинурты, которая пока еще представляет собой не столько отражение реальности, сколько политическую программу (русский перевод А.А. Немировского см.: [ИДВТД, 2002: 248–253]). Та же вавилонская хроника сообщает, что ассирийский царь был низложен и затем убит в результате мятежа, поднятого его сыном и «великими». Ассирийские источники об убийстве ничего не говорят, но ассирийская хроника (см.: [RLA 6., 1980: 101–115]; № 5 по изданию [Glassner, 1993]) сообщает, что «при жизни Тукульти-Нинурты» его сын овладел тронem, так что без убийства вряд ли обошлось. Причина же переворота заключается скорее всего в том, что Тукульти-Нинурта перенес свою резиденцию из древней и почитаемой столицы Ашшура в новый, специально им построенный город Кар-Тукульти-Нинурта (о причинах таких действий многих месопотамских правителей см.:

[Якобсон, 1989: 25]). Создание новой столицы стало в конце концов прочным обыкновением ассирийских царей, но значительно позднее, Тукульти-Нинурта явно поторопился. Пока же их власть непрерывно растет, несмотря на это неприятное событие (о развитии царской власти в Ассирии и возможных конфликтах с традиционной знатью и общинными магистратами см.: [Grayson, 1971; Garelli, 1974; Pongratz-Leisten, 1994; Якобсон, 1989: 31 слл.]). Цари окружают себя пышным церемониалом, к их лицезрению допускаются лишь важнейшие вельможи, дворцовый распорядок подробно регламентирован в частично дошедших до нас так называемых дворцовых и гаремных указах (русский перевод Г.Х. Каплан в [ИДВТД, 2002: 241–247], там же литература; английский перевод [Roth, 1995a]).

После Тукульти-Нинурты наступил период упадка. Почти все его преемники в течение первых трех четвертей XII в. были просто-напросто вавилонскими ставленниками. Но Ассирии удалось избежать серьезных территориальных потерь, а внешне политическая ситуация существенно улучшилась. Хеттское царство пало, Египет переживал упадок, Вавилония подверглась нашествию халдеев. Но и самой Ассирии, оставшейся фактически единственной великой державой на Ближнем Востоке, угрожали передвижения многочисленных и воинственных племен, и надо было сначала выстоять перед этим натиском. Поэтому надписи преемников Тукульти-Нинурты содержат главным образом сообщения о храмо-строительстве и жертвоприношениях, см.: [RIMA 2]. К активной внешней экспансии Ассирия переходит в царствование Тиглатпаласара I.

Он начал с военных действий на восточных и северо-восточных границах Ассирии, где еще заведомо не было сильных противников. Это была своего рода «проба пера», и так поступали в дальнейшем почти все вновь воцарившиеся ассирийские правители. Но главной задачей всех этих правителей всегда оставались прокладка и удержание путей на запад, к Средиземному морю. Тиглатпаласару удалось вновь взять под контроль Северную Месопотамию, он совершал также успешные походы против Вавилонии и Наири (обо всем этом см.: [RIMA 2], особенно тексты наскальных надписей, а также «Синхроническую историю»). Завоевания в Вавилонии оказались, однако, непрочными и вскоре были утрачены. Но самым страшным врагом были арамеи (подробно см.: [Garelli,

Lemaire, 2001: 43–72], там же обширная библиография), с разных направлений проникавшие в Северную Месопотамию. Против них Тиглатпаласар пытался действовать наступательно к западу от Евфрата. Он перешел Ливан, где нарубил кедров для строительства храма, получил дани от финикийских городов, совершил морскую прогулку и охотился на дельфинов. Поход был триумфальным, но ассирийцам не только не удалось закрепиться к западу от Евфрата, но даже отстоять территорию к востоку от него. Ассирия оказалась отброшенной на свои коренные земли, наступил упадок экономической и политической жизни, с конца XI по конец X в. до н.э. до нас дошло из Ассирии очень мало письменных текстов. Что касается религии, идеологии и вообще культуры, то здесь надо отметить, что с XIII в. до н.э. в Ассирии все больше распространяется культ Мардука, но, с другой стороны, Ашшур постепенно занимает место Эллиля и Мардука в качестве верховного бога. На Ашшура переходят главные эпитеты Эллиля («великая гора», «царь богов» и др.), и в конце концов со времени Саргона II появляется ассирийский вариант знаменитой поэмы «Энума элиш...», в котором Ашшур занимает место Мардука. В среднеассирийский период окончательно складывается такой своеобразный и специфический для Ассирии литературный жанр, как анналы. Помимо уже упомянутых ассирийских текстов этого периода, важным памятником социальной и культурной истории Ассирии являются Среднеассирийские законы, многократно переводившиеся на различные языки (важнейшие из этих переводов [Driver, Miles, 1935], транслитерация, перевод и подробный комментарий [Cardascia, 1969; Borger, 1982; Roth, 1995b]; русские переводы [Дьяконов, 1952; Липин, 1963; Якобсон, 2002]). Об этом чрезвычайно интересном и своеобразном тексте см. также соответствующие разделы в [ИДВ, 1988] и [ИДМ, 1989].

§ 4. Новоассирийский период. Создание и гибель мировой империи (IX–VII вв. до н.э.)

Этот период начался для Ассирии очень трудно. Продвижение арамейских племен привело к большим политическим, этническим и языковым переменам на огромном пространстве. Арамейские вожди стали правителями десятков мелких государств Сирии и Верхней Месопотамии, арамеи восприняли местную культуру

и большей частью перешли к оседлой жизни, арамейский язык, а с ним и арамейская алфавитная письменность стали быстро занимать место прежних местных языков и письменностей. Арамейскому языку было суждено вскоре стать разговорным языком всей Передней Азии, хотя Ассирия сохранила в качестве официального языка аккадский, а с ним и клинопись. Ассирия сумела сохранить свою коренную территорию и тем самым выгодное стратегическое положение, а сильных соперников у нее теперь не было. Оставалось лишь вновь собраться с силами, но на это ушел почти весь X в. до н.э. В это время основное внимание уделялось внутренним делам, особенно укреплению царской власти. Теперь эпонимы года — лимму — перестали назначаться по жребию, этот титул носят теперь царь и его вельможи в иерархическом порядке. Цари окончательно уходят из Ашшура, который остается лишь религиозным центром и местом коронации царей. Новая царская титулатура, воскрешающая титулы великих царей Аккада, прямо говорит о намерениях ассирийских царей придать этим титулам реальность. После длительного перерыва вновь появляются царские надписи [RIMA 2]. А первый серьезный военный поход осуществил Адад-нерари II (912—891 гг. до н.э.). «Синхроническая история» повествует о его войнах с Вавилонией, в результате которых граница между двумя царствами оказалась отодвинутой далеко на юг. Затем несколько походов вернули под власть Ассирии всю область реки Хабур и путь к переправам через Евфрат. Может быть, самым главным достижением Ассирии было восстановление ее боевого духа и международного престижа. У Ассирии снова имеется множество вассалов, которых она вознаграждает за верность и жестоко карает за недостаточную лояльность. Основная политическая, военная и экономическая цель Ассирии вновь состоит в том, чтобы неуклонно продвигаться на запад и на юг (к «Верхнему» и «Нижнему» морям), беря под контроль источники сырья, центры производства и торговые пути во всей Передней Азии, т.е. создать империю.

О новоассирийском периоде имеется обширная литература, посвященная всем аспектам этого времени. Из работ общего характера следует назвать уже упоминавшиеся монографические истории древнего Востока.

Впервые после двухсотлетнего перерыва дошел до Средиземного моря Ашшур-нацир-апал II (883—859 гг. до н.э.). Ассирия

уже внушала такой страх, что сопротивления не было, все местные правители изъявили покорность и принесли дары. Вернувшись с огромной добычей («знатной данью», как теперь постоянно пишется в анналах), царь построил себе новую роскошную столицу и заселил ее пленными (в плен брали преимущественно ремесленников, остальных истребляли). Ассирийские цари теперь сознательно стараются внушать ужас окрестным народам, учиня жесточайшие массовые расправы в случае малейшего сопротивления. Сдавшихся без сопротивления «причисляли к людям Ассирии», создавая новые провинции, либо превращали в вассалов, обязанных регулярно платить дань. Преемники Ашшур-нацир-апала действовали, однако, не всегда удачно, тем более, что появился новый грозный противник — Урарту. Вечный соперник — Вавилония сумела вернуть себе почти все утраченные территории. Новые провинции из-за жестоких массовых расправ были малонаселенными, их наместники — излишне самостоятельными [Grayson, 1993; 1999]. Некоторых успехов удалось добиться лишь при Адад-нерари III (810–783 гг. до н.э.), ему удалось вмешаться в дела Вавилонии, хотя о результатах этого вмешательства существуют разные мнения ср.: [Brinkman, 1968: 216–218 и Mayer, 1995: 295–296], а также получить дань с ряда сирийских княжеств. Но все территории к западу от Евфрата были вновь потеряны. Матерью Адад-нерари III была Шаммурамат, ставшая позднее, вместе с другими выдающимися женщинами ассирийского царского дома, прообразом легендарной Семирамиды, поэтому о ней существует обширная литература [Ben-Barak, 1987; Weinfeld, 1991; см. также: [Боржак, 1976]. Царствовавшие один за другим три сына Адад-нерари тоже не имели особых успехов, и кончилось все это мятежом в Кальху, приведшим к власти Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н.э.). С него и начинается имперский период в истории Ассирии. (Об империях существует большая литература, см.: [Larsen, 1980], хотя возникновение империи здесь относят к более ранним временам; там же — обширная библиография. См. также: [Tadmor, 1999; Grayson, 1994]. Важнейшие работы по экономике (содержат также библиографию): [Postgate, 1974; Fales, 1974; Kwasman, 1988; Jakobson, 1999]. О царской власти см.: [Якобсон, 1989].)

Происхождение этого выдающегося правителя до сих пор является предметом дискуссий, но, скорее всего, он так или иначе принадлежал к царскому роду, хотя никогда в своих надписях не

упоминает имени своего отца. Многие подробности его царствования остаются неясными из-за плохого состояния дошедших до нас надписей, которые изданы Х. Тадмором [Tadmor, 1994]. Неясно даже, был ли Тиглатпаласар столь всесторонним реформатором, каким он часто фигурирует в работах по истории Ассирии. Но всем ясно, что именно он был создателем Ассирийской империи. С его времени вновь создаваемые провинции стали меньше по размерам и находились в подчинении у самых важных вельмож. А на самые важные посты теперь часто назначаются евнухи — дабы не возникали местные «династии» (о евнухах см.: [Grayson, 1995; Tadmor, 2002]). Теперь практикуются массовые насильственные переселения людей с завоеванных территорий как можно дальше от их родных мест и расселение их вперемешку. Этим достигаются две важные цели: опустошенные ранее провинции заселяются, а этническая разобщенность новых поселенцев препятствует мятежам. Вторая цель, однако, достигалась лишь частично. Поселенцы вынуждены были как-то общаться друг с другом, и довольно скоро все население империи, включая коренную Ассирию, заговорило на арамейском языке, а в государственных канцеляриях, наряду с аккадскими, появились арамейские писцы [Postgate, 1989]. В ахеменидскую эпоху «имперский арамейский» станет официальным языком от Эгейского моря до Средней Азии и Индии. Тиглатпаласар создал постоянную профессиональную армию, с новыми родами войск — регулярной кавалерией (туда стали все шире привлекаться конные номады), саперами и службой разведки (описание ассирийской армии с полной библиографией см.: [Mauey, 1995: 419–482]). Последнему ведомству придавалось столь важное значение, что его обычно возглавлял наследник престола. О важности разведывательной службы свидетельствует, например, и тот факт, что значительную часть сведений об Урарту в Ассирии составляли агентурные донесения [Дьяконов, 1951]. Все упомянутые нововведения позволили Тиглатпаласару III провести ряд победоносных военных кампаний на западе, на севере и на востоке и осуществить, наконец, давнюю мечту своих предшественников, присоединив к своему государству Вавилонию. Вместе с этим приобретением, однако, Ассирия заполучила и политическую проблему, которую она так и не смогла разрешить и которая стала, в конце концов, причиной гибели Ассирийской империи. Престиж Вавилона и Вавилонии был столь высок, что ассирийские цари

так никогда и не решились превратить ее в обычную провинцию или в несколько провинций. Вместо этого они либо сами короновались также и в качестве царей Вавилонии (о «тронных именах» ассирийских царей в Вавилонии см.: [Mayer, 1995: 311–312]), либо сажали там вассальных царей — своих сыновей или своих ставленников, постоянно напоминая вавилонянам об их былом величии и независимости. Впрочем, никакое иное решение было, как показали дальнейшие события, и невозможно.

Наследнику Тиглатпаласара Салманасару V (726–722 гг. до н.э.) досталась невиданная дотоле гигантская держава, простиравшаяся от Средиземного моря до Ирана и от Армянского нагорья до Персидского залива. Но его царствование было коротким, ибо он, уверенный в своем всемогуществе, вздумал отменить привилегии Ашшура и других ассирийских городов. Такая ошибка не сходила с рук ни одному месопотамскому правителю, и Салманасар «умер при невыясненных обстоятельствах» во время осады столицы Израильского царства Самарии. Рассказ об этом содержится в так называемой «Грамоте Ашшуру» преемника Салманасара Саргона II (публикацию этого текста см.: [Saggs, 1975]; русский перевод и обсуждение см.: [Якобсон, 1989: 32]; новейшую обработку см.: [Vera Chamaza, 1992], там же — о происхождении Тиглатпаласара III и Саргона II, а также об имени последнего). От Салманасара надписей не осталось.

Саргон II (721–705) в своих многочисленных и пространных надписях и письмах тоже нигде, за исключением одной краткой надписи, являвшейся, возможно, плодом усердия некоего провинциального чиновника, не упоминает своего отца. Но, видимо, он действительно был сыном Тиглатпаласара III, хотя и не от главной жены [Thomas, 1993]. Вопрос о том, было ли его многозначительное имя дано ему при рождении или является тронным, до сих пор остается предметом дискуссии. Своими дарованиями он ничуть не уступал отцу, но проблем, как внешних, так и внутренних, он получил от своего предшественника много. Начал он с последних, торжественно подтвердив привилегии Ашшура и других городов. Саргон довершил разгром Самарии и переселил на крайний северо-восток империи население бывшего Израильского царства (проблема дальнейшей участи «десяти потерянных колен Израиля» продолжала занимать иудейских и христианских ученых и богословов вплоть до недавнего времени). Первые походы

на Вавилонию, которая тем временем отделилась, были не слишком удачны. Здесь Саргону пришлось иметь дело с Мардук-апла-иддиной, который причинил ему и его преемнику немало хлопот (на политической сцене этот халдейский вождь из Приморья появился еще во времена Тиглатпаласара III и вполне мог бы быть героем авантюрного романа из древней истории, подробности о нем см.: [Brinkman, 1964]). Зато в Сирии Саргон победоносно прошел вплоть до египетской границы. Одной из самых срочных проблем было Урарту, оправившееся от поражений и вновь представлявшее серьезнейшую угрозу. Поход против Урарту был предпринят в 714 г. до н.э., и знаменит он не столько даже своим успехом, сколько рассказом об этом походе — «Письмом Саргона богу Ашшуру», единственным дошедшим до нас в сравнительно хорошей сохранности образцом писем к богам (последнее из изданий «Письма Саргона...» с исчерпывающей библиографией [Mayer, 1983]). Маршрут этого похода пока еще не вполне ясен ([Vera Chamaza, 1994; 1995–1996]; ср. также: [Medvedskaya, 1999]), но повествование о нем является одним из лучших образцов клинописной литературы. За этим походом последовали новые успехи в Сирии, сооружение к северу от Ниневии новой резиденции — Дур-Шаррукина — и, наконец, походы против Мардук-апла-иддины. В результате вавилоняне признали Саргона своим царем, и он поселился в новой резиденции. Царствование его закончилось печально: во время рутинного похода на Табал он был убит в сражении, и тело его не было найдено. Столь чрезвычайное событие, когда царь великой державы остался без должного погребения, имело долгие «отзвуки» и в самой Ассирии, и за ее пределами ([Tadmor et al., 1989]; ср. в Библии Ис. 14:18–19: Исаия говорит в этой главе о царе вавилонском, но речь несомненно идет о царе ассирийском; впрочем, Саргон был ведь и вавилонским царем).

Воцарившийся после него Синаххериб (704–681 гг. до н.э.) еще при жизни отца исполнял обязанности правителя, когда Саргон отправлялся в очередной поход или пребывал в Вавилоне. Он был весьма своеобразной личностью, причудливо совмещая в себе любовь к роскоши и учености с грубым солдафонством в политике и жестокими расправами с непокорными. Новейшую биографию Синаххериба, а также исследование и перевод ряда его надписей вместе с подробнейшей библиографией см.: [Frahm, 1997]. Многие сведения об этом царе содержатся также в вавилонских хрониках, где

некоторые события освещены иначе, чем в ассирийских. Все цари новоассирийского периода много воевали, но Синаххериб придавал войне самое важное значение, и потому события в его анналах датируются не «годами правления», как у его предшественников, а «походами». Первые походы были направлены в Вавилонию, где, воспользовавшись сумятицей, вызванной смертью Саргона, престол захватил уже упоминавшийся Мардук-апла-иддина. Этот последний сразу же стал искать союзников как на востоке (Элам), так и на западе (в Сирии и Палестине, о вавилонском посольстве к иудейскому царю Езекии — в ассирийских текстах — Хизкия — см.: 2 Цар. 20:12–19 и Ис. 39:1), и многие правители приняли его приглашение. Приближение ассирийского войска заставило Мардук-апла-иддину искать спасения в родном Приморье, Вавилон же, видимо, сдался без боя — во всяком случае, его жители не подверглись депортации, хотя множество пленных было угнано из других мест Вавилонии. Синаххериб не желал короноваться вавилонской короной или, может быть, полагал, что царь «из местных» будет меньшим раздражителем для вавилонян. Вассальным царем Вавилонии он сделал некоего Бел-ибни, о котором мы практически ничего, кроме имени, не знаем. Союзники же бывшего царя и вообще все непокорные подверглись примерной расправе, красочно описанной в анналах Синаххериба (русский перевод В.А. Якобсона см.: [ИДВТД, 2002: 253–259]). Казни, грабеж, наложение «знатной дани», массовые депортации, ассирийские ставленники на престолах местных царств и княжеств — этот арсенал политических средств оставался основным и в будущем. Иногда, впрочем, прибегали и к пропаганде. Библия (2 Цар. 18:17–19; Ис. 36–37; 2 Хр. 32:1–23) содержит рассказ о том, как во время осады Иерусалима ассирийский военачальник обратился к защитникам города на их родном языке с призывом сдаться и тем самым избежать ужасов голода и неизбежного штурма. Он обещал, что в случае капитуляции им не сделают ничего плохого и только переселят в другую землю, такую же, как их нынешняя. Ряд исследователей считают эту историю неправдоподобной и поздней вставкой, но хорошая осведомленность библейского автора подтверждается тем, что в указанных главах упоминаются подлинный ассирийский титул военачальника и подлинное имя одного из сыновей Синаххериба — отцеубийц [Tadmor, 1983; Parpola, 1980]. Что же касается обращения к осажденным на их языке, то ассирийский военачаль-

ник вполне мог быть одним из депортированных после падения Израильского царства израильских вельмож, поступившим на службу к ассирийскому царю. Синаххериб пытался преследовать Мардук-апла-иддину в Приморье, но тот успел бежать в Элам. Синаххериб пытался преследовать его и там, для чего в первый и последний раз в истории Ассирии была предпринята морская экспедиция, но Мардук-апла-иддина успел умереть до ее прибытия. Бел-ибни, видимо, неудовлетворительно справлялся со своими обязанностями в Вавилонии, поэтому он был смещен и отправлен в Ниневию, а его дальнейшая судьба неизвестна. На вавилонский престол Синаххериб посадил своего сына Ашшур-надин-шуми, сам по-прежнему упорно пренебрегая вавилонской короной. Это, разумеется, не увеличивало его популярность в Вавилонии, и во время очередного набега эламитов вавилоняне не оказали им сопротивления. Ашшур-надин-шуми был взят ими в плен, а на вавилонский престол эламиты посадили своего ставленника. Когда же ассирийцы его разбили и захватили в плен, эламиты сумели поставить второго (их обоих в ассирийских текстах именуют одинаковым презрительно-уменьшительным именем, хотя они не были тезками). Синаххериб предпринял в 691 г. до н.э. новый поход и встретился с войском вавилоно-эламской коалиции в знаменитой битве при Халуле (около устья Диялы). Ассирийский рассказ об этом сражении и о победе Ассирии см. в упомянутом выше русском переводе анналов Синаххериба. Вавилонская же хроника сообщает, что ассирийцы потерпели поражение. Скорее всего, битва закончилась вничью. Все эти походы и победы не мешали Синаххерибу уделять время и мирным делам. Он сделал своей столицей Ниневию, пришедшую к тому времени в некоторый упадок, и пышно ее отстроил [Frahm, 1998; Maul, 1997; Novák, 1997]. Там он воздвиг «людям на удивление» «дворец, не имеющий равных», окружив его огромным парком с ботаническим садом и зверинцем, а для орошения всех этих насаждений соорудил гигантский акведук от самой урартской границы. Внутренние помещения дворца были украшены великолепными рельефами, а у входа стояли статуи *шеду* и *ламассу* — гениев-хранителей (между этими статуями ему и предстояло погибнуть, хранители его не защитили). Вавилонская проблема оставалась однако не решенной, и в 689 г. до н.э. Синаххериб приступил к «окончательному решению вавилонского вопроса»: город был взят штурмом и разрушен даже не

до основания, а просто до голой земли, а место, где он стоял, было залито водой. Уцелевшие жители частично разбежались, частично попали в плен, статуи вавилонских богов увезли в Ассирию. Это событие привело в ужас всю Переднюю Азию, испугался, видимо, и сам Синаххериб. Было объявлено, что великие боги прогневались на вавилонян и сами решили покинуть свой город (это, по очень древним представлениям, зафиксированным еще в «Плаче о разорении Ура и Шумера», означало, что город обречен на гибель). Наследником престола был назначен младший сын Асархаддон (Ашшур-аха-иддина — «Бог Ашшур дал брата» — обычное имя младшего сына). Он был сыном энергичной и властной царицы с западно-семитским именем Наки'а (в Ассирии она называлась Закуту) [Ben-Barak, 1987; Weinfeld, 1991; Боржак, 1976]; у Синаххериба была еще одна, видимо, самая любимая жена — см.: [Borger, 1988]. Как уже говорилось выше, вместе с царицей Шаммурамат она стала прообразом легендарной Семирамиды. Все население Ассирии «от мала до велика» присягнуло новому наследнику, и этот выбор, очевидно, поддержало и жречество, обеспечив благоприятный оракул, но старшие братья затаили обиду и составили заговор. Синаххериб не любил своего наследника и, возможно, опасался его попытки «ускорить» наследование престола, почему и отослал Асархаддона в западные провинции. Старшие сыновья воспользовались благоприятным моментом, и Синаххериб был убит, а отцеубийцы бежали в Урарту или, возможно, в Шуприю. Убийство Синаххериба произвело, видимо, большое впечатление на соседние народы [Zawadzki, 1990]; см. также: [Parpola, 1980]. В Библии это событие упоминается в четырех книгах, из которых, правда, одна неканоническая (2 Цар. 19:37; 2 Хр. 32:21; Ис. 37, 38; Тов. 1:21). При этом Библия сообщает, что он был убит своими сыновьями в храме. И Библия, и клинописные источники видят в гибели Синаххериба кару богов, покаравших нечестивца вдвойне нечестивым деянием — отцеубийством, совершенным в храме. К тому же он, как полагает И.М. Дьяконов, был своевременно предупрежден в вавилонском политическом памфлете «Зерцало правителя» (см. разбор этого текста и библиографию: [Якобсон, 1989: 33–34]).

Асархаддон (680–669 гг. до н.э.) не без некоторых препятствий короновался, но его царствование не было спокойным (издание его надписей см.: [Borger, 1956]). Да и сам он был, видимо,

человеком суеверным и не слишком здоровым (или слишком мнительным), и потому уделял большое внимание всевозможным гаданиям и магическим процедурам для отвращения зла (см. издание этих текстов С. Парполой [Parpola, 1970; 1983]). Среди текстов этого издания имеются также тексты, относящиеся к ритуалу «подменного царя», назначавшегося на определенный срок в случае неблагоприятных для настоящего царя предзнаменований. «Заместитель» должен принять на себя предсказанное зло или быть умерщвленным по истечении этого срока (в письмах к настоящему царю этот последний, дабы не привлечь внимание духов зла, именовался не царем, а «земледельцем»). Асархаддон также необычайно часто обращался с запросами к оракулу, главным образом, по политическим проблемам [Starr, 1990]. В. Майер, однако, полагает, для всего этого имелись реальные причины [Mayer, 1995: 382–383]. Походы же Асархаддон возглавлял лично лишь изредка, и этот факт, пожалуй, свидетельствует о его слабом здоровье. В Вавилонии шли мелкие, но постоянные стычки арамейев с ассирийцами, что усугублялось постоянной угрозой с востока — со стороны эламитов и мидян. Первым шагом к замирению с вавилонянами было восстановление Вавилона, а затем и возвращение обновленных статуй вавилонских богов в их храмы. Именно тогда был воздвигнут при восстановленном храме Мардука самый большой в древней Месопотамии зиккурат Этеменанки — прообраз библейского повествования о Вавилонской башне. Но пришлось воевать, чтобы вернуть гражданам Вавилона их земли и отделить этих граждан от «невавилонян», претендовавших на это звание и соответствующие привилегии (ABL 403); к переводу этого текста см. также: [Oppenheim, 1967: 170]. Привилегии настоящих вавилонян были подтверждены, одновременно были также подтверждены и привилегии граждан Ашшура. Удалось восстановить ассирийское владычество в Сирии (Сидон был взят и разрушен до основания) и завоевать Египет, так что Ассирийская империя достигла своих максимальных размеров (об экономическом значении Египта для Ассирии см.: [Elat, 1978]). Но главная проблема — проблема существования Вавилонского царства — оставалась нерешенной. Асархаддон тоже не решился его упразднить. Старший сын и наследник Асархаддона умер молодым, но оставались еще два сына — Шамаш-шум-укин (старший) и Ашшурбанапал (младший). Этот последний и был назначен (по настоянию его

могущественной бабушки) наследником ассирийского престола и всей империи, а Шамаш-шум-укин — наследником вавилонского престола в качестве вассального царя. Это решение, безусловно, таило в себе семена конфликта, на что и указал царю один из его приближенных (ABL 870). Но дело было сделано, Ашшурбанапал стал готовиться к принятию наследства и ждать ему пришлось недолго: Асархаддон умер на двенадцатом году своего царствования во время нового похода на Египет.

Ашшурбанапал (668–635/27 гг. до н.э.) оставил после себя наибольшее количество надписей. При этом, последнее десятилетие его царствования не освещено анналами и по этой причине известно лишь по внешним источникам. Ашшурбанапал благополучно вступил на престол (видимо, под руководством все той же неутомимой Накии-Закуту). В начале следующего года его старший брат отправился в Вавилон вместе с возвращаемыми туда статуями богов и там совершил обряд «прикосновения к рукам Мардука», т.е. венчался на царство. Два младших брата были назначены верховными жрецами, один из них стал верховным жрецом Сина Харранского и, возможно, был предком Набонида — последнего вавилонского царя. Ашшурбанапал, похоже, как и его отец, отличался слабым здоровьем (или мнительностью) и в походы почти не ходил, что противоречит его героическому образу, фигурирующему в его надписях. Он также похвалялся выдающейся ученостью, что, видимо, в определенной степени соответствовало действительности: он был создателем знаменитой библиотеки, которая послужила и служит едва ли не основным источником наших знаний об истории и культуре древней Месопотамии (таблички из этой библиотеки при издании обозначаются символом К и музейным номером).

Походы Ашшурбанапала обозначаются в его текстах порядковыми номерами, а не годами правления, вследствие чего их порядок и даты не всегда удается точно установить. Но в целом понятно, что основное внимание он уделял восточному направлению, видя там основные угрозы, хотя воевал также и на западе. О войнах Ашшурбанапала имеется обширная литература, наиболее подробно они описаны в неоднократно уже упоминавшейся работе В. Майера ([Mayer, 1995: 398–409], там же указана литература). Следует лишь добавить, что попытка Шамаш-шум-укина стать независимым царем Шумера и Аккада и братоубийственная

война вызвали к жизни очень интересную поэму на арамейском языке, но написанную египетским демотическим письмом и обнаруженную в Египте [Steiner, Nims, 1985]. Как и знаменитая «Повесть об Ахикаре», она, видимо, представляет собой остаток некогда обширной ассирийской арамеязычной литературы.

Ашшурбанапал, как уже говорилось, был, видимо, подобно своему отцу, слаб здоровьем или просто мнителен. Сам он в военных походах, скорее всего, не участвовал, кроме похода на Элам, завершившегося взятием и разграблением Суз. Его «псалмы» содержат жалобы на слабое здоровье и домашние неурядицы. Имели, видимо, место и неурядицы политические, нашедшие свое отражение в ряде текстов: SAA 4 [Starr, 1990]. Есть основания полагать, что он ушел из Ниневии и сделал своей резиденцией Арбелу, а дни свои закончил в Харране. До нас дошло мало сведений о событиях последних десяти лет его жизни, равно как и о царствованиях его преемников — четырех последних ассирийских царей, два из которых были сыновьями Ашшурбанапала, один — военачальником, на некоторое время захватившим престол (тем временем, на востоке и юге появляются два грозных противника — Мидийское царство и вернувшая себе независимость Вавилония), а еще один был провозглашен царем во все том же Харране остатками ассирийского войска, прорвавшимися сюда после захвата коренной Ассирии войсками Вавилонии и Мидии. О событиях этой последней войны повествуют вавилонские хроники и Библия, рассказавшая о попытке фараона помочь Ассирии и о попытке иудейского царя Иосии помешать этому (2 Цар. 23:29–30). Хронология всех этих событий была намечена В. фон Зоденом [Soden, 1967], обсуждалась В. Майером [Maier, 1995: 412–418], но продолжает оставаться предметом дискуссий (литература по этому вопросу весьма обширна, наиболее полный и самый свежий ее обзор см.: [Oelsner, 1999]). Немало исследований посвящено и вопросу об участии коренной Ассирии после падения Ассирийской державы (важнейшие работы — в хронологическом порядке — [Diakonoff, 1985; Curtis et al., 1993; Dalley, 1993; Reade, 2001]). Наконец, участи самих ассирийцев тоже посвящена обширная литература, почти целиком любительская за очень немногими исключениями, к которым принадлежат прежде всего работы С. Парполы [Parpola, 2000].

Падение первой в истории империи произвело, несомненно, сильное впечатление на современников и стало источником

легенд, вошедших даже в книгу Геродота, хотя время ее создания отстояло совсем не так уж далеко от описываемых событий. Более или менее достоверные сведения сохранились лишь в Библии, но, пожалуй, даже более чем сами сообщаемые там факты, интересны сохранившиеся в Библии очень разнообразные эмоции, вызванные этими событиями. Ассирия внушала не только ужас и ненависть, а затем и радость при виде ее страшной гибели (Книга пророка Наума), но и невольное восхищение, а затем и скорбь о павшем величии (Книга пророка Иезекиила, главы 31 и, частично, 32). А знаменитое место из Книги пророка Исаии (гл. 14) о павшем с небес и лежащем без погребения «Деннице, сыне зари», о каре, неизбежно постигающей гордыню, относится, вероятно, и к падению Ассирии.

Библиография

[Аветисян, 1984] — *Аветисян Г.М.* Государство Митанни. Ереван, 1984.

[Боржак, 1976] — *Боржак И.* Возникновение и отголоски легенды о Семирамиде // Древний Восток. Ереван, 1976. 3. С. 212–217.

[Дьяконов, 1949] — *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

[Дьяконов, 1951] — *Дьяконов И.М.* и др. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2. С. 255–356; № 3. С. 205–252; № 4. С. 283–305.

[Дьяконов, 1952] — *Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 4. С. 205–320.

[Дьяконов, 1988] — *Дьяконов И.М.* Северная периферия нижнемесопотамской цивилизации IV–II тыс. до н.э. // ИДВ 1988. С. 21–117.

[ИВ, 1997] — История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В.А. Якобсон. М., 1997.

[ИДВ, 1983] — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.

[ИДВ, 1988] — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой

цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1988.

[ИДВ, 2004] — История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. В.А. Седова. М., 2004.

[ИДВТД, 2002] — История древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002.

[ИДМ, 1989] — История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность / Отв. ред. И.М. Дьяконов. М., 1989.

[Липин, 1963] — *Липин Л.А.* Среднеассирийские законы // Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 249–262.

[Немировский, 2002] — *Немировский А.А.* Хана, Хурри-Ханигальбат и Касситская Вавилония в XVI в. до н.э. (К истории «темного» века древней Месопотамии) // Восток. 2002. № 1. С. 5–20.

[Соловьева, 1980] — *Соловьева С.С.* Память об Ассирии в трудах античных и раннесредневековых авторов // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 42–63.

[Якобсон, 1989] — *Якобсон В.А.* Цари и города в древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 17–37.

[Якобсон, 2002] — *Якобсон В.А.* Среднеассирийские законы // ИДВТД 2002. С. 230–241.

[Янковская, 1968] — *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968.

[Bauer, 1933] — *Bauer Th.* Das Inschriftenwerk Assurbanipals vervollständigt und neubearbeitet. Tl. 1. Keilschrifttexte. Tl. 2. Bearbeitung. Leipzig, 1933.

[Ben-Barak, 1987] — *Ben-Barak Z.* The Queen-Consort and the Struggle for Succession to the Throne // RAI 33. P. 33–40.

[Borger, 1956] — *Borger R.* Die Inschriften Asarhaddons, König von Assyrien. Graz, 1956. (AfO Beih. 9.)

[Borger, 1982] — *Borger R.* Die mittellassyrische Gesetze // TUAT. Bd. 1. Lfg. 1. Rechtsbücher. Gütersloh, 1982. S. 80–92.

[Borger, 1988] — *Borger R.* König Sanheribs Eheglück // ARRIM. 1998. 6. P. 5–11.

[Borger, 1996] — *Borger R.* Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals. Die Prismenklassen A, B, C = K, D, E, F, G, H, J und T sowie andere Inschriften. Wiesbaden, 1996.

[Brinkman, 1964] — *Brinkman J.A.* Merodach-Baladan II // *Studies Presented to A.L. Oppenheim* / Ed. by R.D. Biggs and J.A. Brinkman. Chicago, 1964. P. 12–27.

[Brinkman, 1968] — *Brinkman J.A.* A Political History of Post-Kassite Babylonia 1158–722. Rome, 1968 (AnOr 43).

[CAH 3/2] — The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the Eighth to the Sixth Centuries B. C. 2nd ed. Cambridge, 1991 (Cambridge Ancient History 3/2).

[Cardascia, 1969] — *Cardascia G.* Les lois assyriennes. P., 1969. (LAPO 2.)

[Cogan, Eph'al, 1991] — Ah, Assyria..., *Studies in Assyrian History and Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor* / Ed. by M. Cogan and I. Eph'al. Jerusalem, 1991 (Scripta Hierosolymitana. V. 33).

[Curtis et al., 1993] — *Curtis J.E., Collon D., Green F.R.* British Museum Excavations at Nimrud and Balawat in 1989 // *Iraq*. 1993. V. 55. P. 1–38.

[Dalley, 1993] — *Dalley S.* Nineveh after 612 B. C. // *AfO*. 1993. Bd. 20. S. 134–147.

[Dandamayev, Grantovskii, 1987] — *Dandamayev M., Grantovskii E.* The Kingdom of Assyria and its Relations with Iran // *Encyclopaedia Iranica*. 1987. V. 2. P. 806–815.

[Diakonoff, 1985] — *Diakonoff I.M.* Media // *Cambridge History of Iran*. 1985. 2. P. 36–148.

[Driver, Miles, 1935] — *Driver G.L., Miles J.-C.* The Assyrian Laws. Oxford, 1935.

[Elat, 1978] — *Elat M.* The Economic Relations of Neo-Assyrian Empire with Egypt // *JAOS*. 1978. V. 98. P. 20–34.

[Fales, 1974] — *Fales F.M.* Censimenti e catasti di epoca Neo-Assira. Roma, 1974.

[Fales, 1981] — *Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons* / Ed. by F.M. Fales. Roma, 1981. Fischer Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1965–1967. Bd. 2–4.

[Frahm, 1997] — *Frahm E.* Einleitung in die Sanherib-Inschriften. Wien, 1997 (AfO Beih. 26).

[Frahm, 1998] — *Frahm E.* Sanherib und die Tempel von Kuyundjik // *Tikip santakki mala bašmu*. Eine Festschrift für Rykle Borger zu seinem 65. Geburtstag am 24. Mai 1994 / Hrsg. von S. Maul. Groningen, 1998. P. 107–121 (CM 10).

[Freydank, 1991] — *Freydank H.* Beiträge zur mittellassyrischen Chronologie und Geschichte. Berlin, 1991. (SGKAO 21.)

[Galter, 1988] — *Galter H.D.* 28800 Hethiter // JCS. 1988. V. 40. P. 217–235.

[Garelli, 1963] — *Garelli P.* Les assyriens en Cappadoce. P., 1963.

[Garelli, 1969] — *Garelli P.* Le Proche-Orient asiatique des origins aux invasions des peuples de la mer. P., 1969. (Nouvelle Cléo 2.)

[Garelli, 1974] — *Garelli P.* Les sujets de roi d'Assyrie // La voix de l'opposition en Mésopotamie / Ed. par A. Finet. Bruxelles, 1974. P. 189–213.

[Garelli, Lemaire, 2001] — *Garelli P., Lemaire A.* Le Proche-Orient asiatique. V. 2. Les Empires mésopotamiens; Israël. P., 2001.

[Glassner, 1993] — *Glassner J.-J.* Chroniques mésopotamiens. P., 1993.

[Grayson, 1971] — *Grayson A.K.* The Early Development of Assyrian Monarchy // UF. 1971. Bd. 3. S. 311–319.

[Grayson, 1975] — *Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley, 1975 (Texts from Cuneiform Sources 5).

[Grayson, 1993] — *Grayson A.K.* Assyrian Officials in Power in the Ninth and Eighth Centuries // SAAB. 1993. 7/1. P. 19–51.

[Grayson, 1994] — *Grayson A.K.* Studies in Neo-Assyrian History II: The Eight's Century B. C. // Corolla Torontonensis. Studies in Honour of Ronald Morton Smith / Ed. by E. Robbins and S. Sandahl. Toronto, 1994. P. 73–82.

[Grayson, 1995] — *Grayson A.K.* Eunuchs in Power. Their Role in the Assyrian Bureaucracy // Vom Alten Orient zum Alten Testament. Festschrift für Wolfram Freiherrn von Soden zum 85. Geburtstag am 19. Juni 1993 / Hrsg. von M. Dietrich und O. Loretz. Neukirchen-Vluyn, 1995. S. 85–97 (AOAT 240).

[Grayson, 1999] — *Grayson A.K.* The Struggle for Power in Assyria: Challenge to Absolute Monarchy in the Ninth and Eighth Centuries B. C. // Priests and Officials in the Ancient Near East / Ed. by K. Watanabe. Heidelberg, 1999. P. 253–270.

[Hecker, 1964] — *Hecker K.* Grammatik der Kültepe-Texte. Roma, 1964. (AnOr 44.)

[Hirsch, 1972] — *Hirsch H.*, Untersuchungen zur altassyrischen Religion. Osnabrück, 1972. (AfO Beih. 13/4.)

[Jakobson, 1999] — *Jakobson V.A.* Some Remarks to the Assyrian Doomsday Book // Munuscula Mesopotamica. Festschrift für Johannes

Renger / Hrsg. von E. Böck et al. Münster, 1999. S. 241–243 (AOAT 267).

[Kwasman, 1988] — *Kwasman Th.* Neo-Assyrian Legal Documents in the Kouyunjik Collection of the British Museum. Roma, 1988 (StPohl. SM 14).

[Lambert, 1957–1958] — *Lambert W.G.* Three Unpublished Fragments of the Tukulti-Ninurta Epic // AfO. 1957–1958. Bd. 18. S. 38–51.

[Lambert, 1983] — *Lambert W.G.* The God Assur // Iraq. 1983. V. 45. P. 127–178.

[Larsen, 1967] — *Larsen M.T.* The Old Assyrian Caravan Procedures. Istanbul, 1967 (PIHANS 22).

[Larsen, 1976] — *Larsen M.T.* The Old Assyrian City State and its Colonies. Copenhagen, 1976 (Mesopotamia 4).

[Larsen, 1980] — Power and Propaganda, a Symposium on Ancient Empires / Ed. by M.T. Larsen. Copenhagen, 1970 (Mesopotamia 7).

[Larsen, 1982] — *Larsen M.T.* Your Money or Your Life: Portrait of an Assyrian Business Man // Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I.M. Diakonoff. Warminster, 1982. P. 214–245.

[Livingstone, 1989] — *Livingstone A.* Court Poetry and Literary Miscellanea. Helsinki, 1989 (SAA 3).

[Luckenbill, 1926–1927] — *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926–1927. V. 1–2.

[Maul, 1997] — *Maul S.M.* Die altorientalische Hauptstadt — Abbild und Nabel der Welt // Die orientalische Stadt: Kontinuität, Wandel, Bruch / Hrsg. von G. Wilhelm. Saarbrücken, 1997. S. 109–124.

[Mayer, 1983] — *Mayer W.* Sargons Feldzug gegen Urartu — 714 vor Chr.: Text und Übersetzung // MDOG. 1983. Bd. 115. S. 65–132.

[Mayer, 1995] — *Mayer W.* Politik und Kriegskunst der Assyrier. Münster, 1995. (ALASPM 9.)

[Medvedskaya, 1999] — *Medvedskaya I.N.* Media and its Neighbours I: The Localization of Ellipi // Iranica Antiqua. 1999. V. 34. P. 53–70.

[Meissner, 1920] — *Meissner B.* Babylonien und Assyrien. Heidelberg, 1920. Bd. 1–2.

[Menzel, 1981] — *Menzel B.* Assyrische Tempel. 1. Untersuchung zu Kult, Administration und Personal. 2. Anmerkungen, Textbuch, Tabellen und Indices. Roma, 1981 (StPohl. SM 10).

[Millard, 1991] — *Millard A.L.* Large Numbers in the Assyrian Royal Inscriptions // Ah, Assyria..., Studies in Assyrian History and

Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor / Ed. by M. Cogan and I. Eph'al. Jerusalem, 1991. P. 213–222.

[Nakata, 1970–1971] — *Nakata I.* Mesopotamian Merchants and their Ethos // JANES. 1970–1971. V. 3/2. P. 90–101.

[Novák, 1997] — *Novák M.* Die altorientalische Residenzstadt. Funktion, Entwicklung und Form // Die orientalische Stadt: Kontinuität, Wandel, Bruch / Hrsg. von G. Wilhelm. Saarbrücken, 1997. S. 169–197.

[Oelsner, 1999] — *Oelsner J.* Von Assurbanipal zu Nabopalsar — das Zeugnis der Urkunden // *Munuscula Mesopotamica*. Festschrift für Johannes Renger / Hrsg. von E. Böck et al. Münster, 1999. S. 644–645 (AOAT 267).

[Olmstead, 1923] — *Olmstead A.T.* History of Assyria. N. Y.; L., 1923.

[Oppenheim, 1967] — *Oppenheim A.L.* Letters from Mesopotamia. Chicago, 1967.

[Parpola, 1970] — *Parpola S.* Letters from the Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. Pt. 1. Texts. Neukirchen-Vluyn, 1970 (AOAT 5/1).

[Parpola, 1980] — *Parpola S.* The Murder of Sennacherib // RAI 26. 1980. P. 171–182.

[Parpola, 1983] — *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. Pt. 2. Commentary and Appendices. Neukirchen-Vluyn, 1983 (AOAT 5/2).

[Parpola, 2000] — *Parpola S.* Assyrians after Assyria // J. of the Assyrian Academic Society. 2000. V. 12/2. P. 1–16.

[Piepkorn, 1933] — *Piepkorn A.C.* Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal I: Editions E, B, D and K. Chicago, 1933 (AS 5).

[Pongratz-Leisten, 1994] — *Pongratz-Leisten B.* INA ŠULMI ĪRUB. Die kulttopographische und ideologische Programmatik der akītu-Prozession in Babylonien und Assyrien im 1. Jahrtausend v. Chr. Mainz, 1994.

[Postgate, 1974] — *Postgate J.N.* Taxation and Conscription in the Assyrian Empire. Roma, 1974 (StPohl. SM 3).

[Postgate, 1989] — *Postgate N.* Ancient Assyria — a Multi-racial State // ARAM Periodical. 1989. V. 1, N 1. P. 1–10.

[Reade, 2001] — *Reade J.E.* Ninive (Nineveh) // RLA. 2001. Bd. 9. S. 388–433.

[RIMA 1] — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia B. C. (to 1115 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1987.

[RIMA 2] — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B. C. I (1114–859 B. C.). Toronto, 1991.

[RIMA 3] — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B. C. II (858–745 B. C.). Toronto, 1996.

[RLA. Bd. 6] — Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Bd. 6. Klagegesang—Libanon / Hrsg. von D.O. Edzard. Berlin; N. Y., 1980.

[RLA. Bd. 9] — Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Bd. 9. Nab—Nuzi / Hrsg. von D.O. Edzard. Berlin; N. Y., 2001.

[Römer, 1967–1968] — *Römer W.H.Ph.* Studien zu altbabylonischen hymnisch-epischen Texten 3. Ein Lied mit Bezug auf einem Subartum-Feldzug Hammurapis // WO. 1967–1968. 4. S. 12–24.

[Roth, 1995a] — *Roth M.T.* Middle Assyrian Palace Decrees // Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor / Ed. by P. Michalowski. Atlanta, 1995. P. 195–209.

[Roth, 1995b] — *Roth M.T.* Middle Assyrian Laws // Law Collections from Ancient Mesopotamia / Ed. by P. Michalowski. Atlanta, 1995. P. 153–194.

[Saggs, 1975] — *Saggs H.W.F.* Historical Texts and Fragments of Sargon II of Assyria. 1. The «Assur Charter» // Iraq. 1975. V. 37. P. 11–20.

[Saporetti, 1974] — *Saporetti C.* Some Considerations on the Stelae of Assur. Malibu, 1974. (Assur 1/2.)

[Starr, 1990] — *Starr I.* Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria. Helsinki, 1990 (SAA 4).

[Steiner, Nims, 1985] — *Steiner R.C., Nims C.F.* Ashurbanipal and Shamash-Shum-Ukin: A Tale of Two brothers from the Aramaic Text in demotic Script // Revue biblique. 1985. 92/1. P. 60–81.

[Streck, 1916] — *Streck M.* Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Niniveh's. Leipzig, 1916 (VAB 7).

[Tadmor, 1983] — *Tadmor H.* Rab-saris and Rab-shakeh in 2 Kings 18 // Essays in Honour of D.N. Freedman. Philadelphia, 1983. P. 279–285.

[Tadmor, 1994] — *Tadmor H.* The Inscriptions of Tiglath-Pileser III, King of Assyria. Jerusalem, 1994.

[Tadmor, 1997] — *Tadmor H.* Propaganda, Literature, Historiography: Cracking the Code of the Assyrian Royal Inscriptions // Assyria 1995: Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project / Ed. by S. Parpola, R.M. Whiting. Helsinki, 1997. P. 325–338.

[Tadmor, 1999] — *Tadmor H.* World Dominion: The Expanding Horizon of the Assyrian Empire // RAI 44. P. 55–62.

[Tadmor, 2002] — *Tadmor H.* The Role of Chief Eunuch and the Place of Eunuchs in Assyrian Empire // RAI 47. P. 603–611.

[Tadmor, Weinfeld, 1986] — History, Historiography and Interpretation. Studies in Biblical and Cuneiform Literatures / Ed. by H. Tadmor, M. Weinfeld. Jerusalem, 1986.

[Tadmor et al., 1989] — *Tadmor H., Landsberger B., Parpola S.* The Sin of Sargon and Sennacherib's Last Will // SAAB. 1989. 3/1. P. 3–51.

[Thomas, 1993] — *Thomas F.* Sargon II, der Sohn Tiglat-pileasers // Mesopotamica-Ugaritica-Biblica. Festschrift für K. Bergerhof / Hrsg. von M. Dietrich und O. Lorenz. Neukirchen-Vluyn, 1993. S. 465–470 (AOAT Bd. 232).

[Veenhof, 1972] — *Veenhof K.R.* Aspects of Assyrian Trade and its Terminology. Leiden, 1972.

[Vera Chamaza, 1992] — *Vera Chamaza G.W.* Sargon's Ascent to the Throne: Political Situation // SAAB. 1992. 6/1. P. 21–33.

[Vera Chamaza, 1994, 1995] — *Vera Chamaza G.W.* Der VIII. Feldzug Sargons. Eine Untersuchung zur Politik und historischer Geographie des späten 8. Jhs. V. Chr. // AMI. 1994. 27. S. 91–118; 1995–1996. 28. S. 235–266.

[Soden, 1967] — *Soden W. von.* Aššuretellilani, Sînšariškun, Sînšum(u)lišer und die Ereignisse im Assyrien nach 635 v. Chr. // ZA. 1967. Bd. 58. S. 241–255.

[Weidner, 1939–1940] — *Weidner E.F.* Die Assyrischen Eponymen // AfO. 1939–1940. Bd. 13. S. 308–318.

[Weinfeld, 1991] — *Weinfeld M.* Semiramis: Her Name and Her Origin // Ah, Assyria..., Studies in Assyrian History and Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor / Ed. by M. Cogan and I. Eph'al. Jerusalem, 1991. P. 99–103.

[Wilhelm, 1997] — Die orientalische Stadt: Kontinuität, Wandel, Bruch / Hrsg. von G. Wilhelm. Saarbrücken, 1997.

[Yamada, 1994] — *Yamada Sh.* The Editorial History of the Assyrian King List // ZA. 1994. Bd. 84. S. 11–37.

[Zawadzki, 1990] — *Zawadzki S.* Oriental and Greek Tradition about the Death of Sennacherib // SAAB. 1990. 4. P. 69–72.

ГЛАВА 4

Новоассирийские архивы: расширение базы ассириологических исследований в конце XX в.

В течение последних двух десятилетий ассириологи вели систематическое и плодотворное исследование новоассирийских государственных архивов. Среди различных проектов по их публикации и изучению в первую очередь следует упомянуть работу ученых университета Хельсинки под руководством Симо Парпола, которые с 1987 г. осуществляют полное критическое издание документов государственных архивов новоассирийского времени в клинописных копиях, транслитерации и переводе. Это по существу международный проект, в котором участвуют ассириологи многих стран. Он получил название «Государственные архивы Ассирии» («State Archives of Assyria»). Большинство этих текстов хранится в Британском музее и, за редкими исключениями, было опубликовано еще в конце XIX и начале XX в. Однако для нового издания все тексты тщательно сверены с оригиналами с учетом современных достижений науки. Кроме того, многие документы были обнаружены во время недавних археологических раскопок и публикуются впервые. Каждый том содержит введение, транслитерации, перевод, глоссарий и иллюстрации, взятые с ассирийских рельефов.

К настоящему времени уже опубликовано 17 томов этой серии и еще предполагается издать пять томов. Теперь становится доступным как специалистам, так и широкому читателю весь богатый материал по истории заключительного периода существования Ассирийской державы (IX—VII вв. до н.э.). Большинство этих текстов было найдено во время раскопок руин столицы Ассирийской империи Ниневии, которые проводились между 1850 и 1905 г. Они содержат чрезвычайно богатую и разнообразную информацию по истории, социальным институтам, науке, культуре и экономике Ассирии и Вавилонии, а отчасти также и соседних

с ними стран. Это около 6 тыс. клинописных табличек, которые оказались разбитыми на мелкие кусочки еще при захвате Ниневии мидийцами и вавилонянами в 612 г. до н.э. Около половины из них — письма, хранившиеся в царской канцелярии. Значительная часть их относится к двум последним десятилетиям VIII в. до н.э. (ок. 716—704 гг.), когда при царе Саргоне II Ассирия властвовала над половиной тогдашнего цивилизованного мира. Эти тексты представляют собой переписку между царем и его наместниками и военачальниками. Всего к настоящему времени из различных новоассирийских архивов известно около 3,3 тыс. писем, из которых пока опубликовано 3 тыс. Большинство их происходит из Ниневии, а гораздо меньшая часть обнаружена в руинах ассирийского города Кальху при раскопках в 50-х гг. прошлого века. Из них общее количество писем из корреспонденции Саргона II (721—705 гг. до н.э.) — около 1,3 тыс. единиц, что делает ее самой большой перепиской политического содержания из стран древнего мира. Письма написаны на глиняных табличках стандартного размера, которые отправлялись адресатам в глиняных конвертах с печатью царя или его чиновников. Широкое применение папируса и кожи началось лишь с самого конца VIII в. до н.э., но из таких писем в климатических условиях Месопотамии сохранилось всего несколько текстов VII в. до н.э.

Переписка Саргона с его ближайшими сановниками, наместниками провинций, а также с осведомителями, находившимися в различных концах империи, занимает четыре тома проекта «Государственные архивы Ассирии». Из них три тома [SAA 1; SAA 5; SAA 15] содержат письма на ассирийском диалекте аккадского языка, а один том [SAA 17] — письма времени Саргона и его сына Синаххериба (704—681 гг. до н.э.) на вавилонском диалекте. Все они найдены в Ниневии.

Ко времени Саргона относится возникновение особого жанра письма, адресованного ассирийским царем богу Ашшуру с сообщением о своих победах. Это — знаменитое письмо о победе над Урарту, когда в 714 г. до н.э. закончилось долгое соперничество между этим государством и Ассирией тяжелым поражением соперника последней. После этого, в 710 г. до н.э., Саргон приступил к длительной войне с эламитами, арамеями и халдеями.

Значительная группа писем царской корреспонденции датируется приблизительно 680—645 гг. до н.э. Это, главным образом,

письма, предназначенные для царя Асархаддона (680–669 гг. до н.э.). Эта переписка составляет три тома, из которых лишь один [SAA 16] носит характер политической корреспонденции и освещает главным образом отношения Ассирии с соседними странами, а также содержит сведения о внутреннем положении в самой Ассирии.

Два других тома содержат письма соответственно ассирийских и вавилонских ученых [SAA 10] и жрецов [SAA 13], адресованные Асархаддону и его сыну Ашшурбанапалу (668–629 гг. до н.э.). Среди корреспондентов ассирийского царя и его советников были не только астрологи, предсказатели, заклинатели, но также врачи, математики и астрономы. Считалось, что царь — земное воплощение бога, и требования к такому совершенству диктовали тщательное соблюдение божественных указаний и культовой чистоты, которые считались отражением космического порядка на земле.

Большинство писем были посланы близкими помощниками царя, которые находились в Ниневии либо в самом царском дворце, либо поблизости от него. В Ниневии находилось семнадцать ученых, которые более или менее регулярно писали царю. Он не мог принимать их всех регулярно, и поэтому им приходилось сообщать ему о своих наблюдениях письменно, а секретарь читал ему эти записи по своему выбору. Но часть писем была отправлена учеными, которые жили в других городах Ассирии (Ашшур, Кальху, Арбела и др.) и наблюдали оттуда за небесными светилами. Другие отправители писем часто были просителями, которые хотели попасть на государственную службу или же просили царя улучшить условия их жизни. Это были обычно вавилоняне.

Что же касается писем жрецов, авторами их были как собственно жрецы различных рангов, так и высокопоставленные храмовые чиновники. Последние обычно докладывали о культовых делах, сооружении, украшении и ремонте храмовых зданий в крупных городах Ассирии и Вавилонии, об изготовлении и установке статуй царя в святилищах и о жертвоприношениях. Особое место в переписке занимает восстановление Вавилона, разрушенного в 689 г. до н.э. Синаххерибом, и главного храма этого города Эсагилы, посвященного верховному вавилонскому богу Мардуку, а также возвращение статуи последнего на свое место. Чтобы обеспечить выполнение его культа, два города, расположенные

поблизости от Вавилона, были подарены Эсагиле и на одного халдейского шейха была наложена подать финиками.

В некоторых письмах сообщается о случаях воровства храмового имущества, в частности, о незаконном присвоении пастухами овец, предназначенных для жертвоприношений.

Два тома содержат юридические документы царского двора в Ниневии соответственно от времени правления Тиглатпаласара III включительно до Асархаддона [SAA 6] и от Ашшурбанапала до падения Ассирийской державы [SAA 14]. В этих текстах контрагентами выступают царские колесничие, гаремные надзиратели и военачальники. Если легко объяснить хранение в царском архиве документов, касающихся гаремных дел, наличие там документов о сделках колесничих и военачальников не совсем понятно. В текстах речь идет о приобретении участков земли и рабов. Имеются также долговые документы о ссуде деньгами, скотом и вином. В одном случае речь идет о займе 1 тыс. литров вина с обязательством погашения ссуды в течение нескольких месяцев. По всей вероятности, должник собирался устроить пир.

12-й том [SAA 12] содержит 98 документов царских дарений земли сановникам различных рангов и храмам, а также об освобождении от податей и повинностей. Тексты эти простираются от VIII в. до н.э. почти до падения Ассирии. Здесь же опубликовано несколько документов о частных дарениях. Например, сын проститутки был подарен ее братьями богу Нинурте. В другом тексте один человек посвящает двух своих племянников (сыновей сестры) храму бога Набу в Кальху. Третий документ регистрирует частное дарение тому же богу, которое состояло из дома в Кальху, двух имений по 30 и 12 га земли, а также пахаря и пастуха вместе с их семьями и одного пекаря.

Два тома [SAA 7; SAA 11] занимают соответственно документы внутренних дел дворцовой администрации в Ниневии и провинциальной и военной администрации, в частности, касающиеся сбора податей. Среди последних текстов сохранился и путеводитель между районом Нижнего Заба и одной из провинций на территории Западного Ирана. В своем большинстве эти тексты относятся ко времени Асархаддона и Ашшурбанапала. Многие административные документы этого периода писались на вошеных табличках клинописью, а также на папирусе и коже арамейским алфавитом, но они не сохранились до нашего времени (однако

благодаря исключительным условиям в одном колодце сохранилось несколько литературных произведений на вошенных табличках).

Отдельный том посвящен новоассирийским договорам с властями других стран и клятвам в преданности ассирийскому царю [SAA 12]. Следует отметить, что изданные в этом томе тексты составляли лишь небольшую часть договоров, заключенных ассирийскими царями. Прежде всего многие договоры фиксировались на папирусе и коже, и они превратились в пепел при штурме и разграблении Ниневии в 612 г. до н.э. Кроме того, тогда же было разрушено огромное количество договоров, записанных на глине и камне. Наконец, по всей вероятности, часть текстов такого жанра все еще находятся в нераскопанных частях руин ассирийских дворцов в разных городах.

Опубликованные в указанном томе договоры охватывают период в двести лет, 825–625 гг. до н.э., и большей частью были заключены с вассальными правителями. Эти тексты публиковались и раньше, но в данном томе они собраны в одном месте. Сюда же включены и так называемые «клятвы верности», которые издатели также относят к жанру договоров. Другие исследователи (например, И. Гельб и М. Ливерани) считают их не договорами, а просто клятвами.

Каждый договор, заключенный ассирийским царем, изображается как царская милость по отношению к чужеземному правителю, который на коленях умолял его о таком союзе. Но, очевидно, это не всегда было так. Например, из одного ассирийского письма известно, что между Ассирией и Эламом были установлены союзнические отношения. Это был настоящий двусторонний договор, поскольку в письме к эламскому царю Уртаку Асархаддон называет его своим братом. Из одной надписи Ашшурбанапала известна судьба его договора с Гигом, царем Лидии, «далекой страны, имени которой мои предки даже не слыхали». По словам ассирийского царя, этот Гиг увидел во сне бога Ашшура, который велел ему: «Облобызай ноги Ашшурбанапала... и лишь одним упоминанием его имени ты поразишь всех своих врагов». Однако после победы над киммерийцами, напавшими на его страну, Гиг уверовал в свою силу, перестал оказывать уважение к своему покровителю и даже послал войско на помощь Псамметиху, царю Египта, который восстал против Ассирии. Отмщение не заставило себя долго ждать.

Часто договоры дополнялись браками, обусловленными политическими расчетами. Нередко царевичи и другие знатные люди, изгнанные из своих стран, искали в Ниневии политического убежища. Там же при царском дворе воспитывались сыновья чужеземных царей, которые были заложниками. Нередко ассирийцам удавалось в удобный момент посадить таких заложников на трон их отцов.

Три тома содержат пророчества и астрономические отчеты. Один из них [SAA 4] представляет новое издание корпуса гадательных текстов. Эти тексты делятся на две группы: запросы к богу солнца Шамашу и доклады о результатах гаданий путем изучения внутренностей жертвенных животных (экстиспиций). Первая группа в основном относится ко времени Асархаддона, а вторая была составлена при его сыне Ашшурбанапале. Запросы эти часто касаются действий и намерений врагов Ассирии, лояльности отдельных вассалов, а также исхода болезней в царской семье. Ашшурбанапал, в частности, спрашивает, чем окончится его предстоящая война с мятежным братом, вассальным царем Вавилонии Шамаш-шум-укином. Многие тексты содержат предсказания астрологов, сделанные на основе наблюдений за небесными явлениями. Часть текстов дает анализ информации, полученной на ассирийских постах на границах с Урарту, Манной и Мидией, где в те времена находились враждебные Ассирии киммерийцы и скифы.

Другой том [SAA 8] посвящен предзнаменованиям, которые считались существенными для благополучия как царя, так и простых людей. Все они верили, что боги посылают предупреждения о предстоящих бедствиях. Их можно было предвидеть, если правильно истолковать состояние внутренностей животных, приносимых в жертву, а также по движению звезд, по затмениям солнца и луны, и по другим небесным явлениям. Тексты эти относятся ко времени между 679 и 665 г. до н.э. Часть экспертов-гадателей находилась при царском дворе в Ниневии. Доклады об астрономических явлениях посылались в столицу и из других городов Ассирии и Вавилонии. Всего в текстах упоминаются четырнадцать ассирийских и тридцать вавилонских ученых.

Третья из этих книг [SAA 9] содержит ассирийские пророчества, которые были составной частью религиозной литературы. Они основаны на мистическом культе богини Иштар. Центральное

место в таких пророчествах занимает космическое древо жизни, которое по представлениям того времени связывало небеса и землю и содержало секретный ключ к физической структуре человека. Такой культ Иштар своими корнями восходит к культу шумерской богини Инанны начала II тыс. до н.э. и имеет близкие параллели с культами ханаанской Астарты, фригийской Кибелы и египетской Исиды.

Ассирийцы воспринимали вавилонскую литературу как свою собственную, и боги шумеро-вавилонского происхождения вошли в ассирийский пантеон или были отождествлены с собственно ассирийскими богами. Анналы царей новоассирийского времени составлены на вавилонском диалекте. Вавилонская литература богато представлена в библиотеке Ашшурбанапала. В I тыс. до н.э. продолжали копировать древние тексты, а также сочиняли новые произведения по традиционным образцам и нормам литературного языка. Но известны также литературные тексты и на ассирийском диалекте, в которых наблюдается попытка отхода от древних традиций. Третий том рассматриваемой серии [SAA 3] посвящен дворцовой поэзии, различным гимнам и другим литературным произведениям. Кроме того, три тома литературных произведений из ассирийских библиотек опубликованы в серии «Государственные архивы ассирийских клинописных текстов» («State Archives of Assyrian Cuneiform Texts»), изданных под редакцией С. Парполы.

Университет Хельсинки издает также книги, которые входят в серию «Исследования государственных архивов Ассирии» («State Archives of Assyria Studies»). К настоящему времени опубликованы четырнадцать томов этой серии. В одном из них [SAAS 4] исследован архив наместника вавилонского города Ниппура, который относится к VIII—VII вв. до н.э. Эти наместники управляли как городом, так и его сельской округой. Экономические связи Ниппура простирались до Ассирии, Загроса и Элама. Кроме того, Ниппур оставался традиционным религиозным центром страны. Тексты этого архива отражают политические отношения между различными странами, а также социальные и экономические условия в регионе Ниппура.

В районе Ниппура жили халдеи, которые в основном были заняты возделыванием зерновых культур и финиковых пальм, а также арамеи, которые были полукочевыми пастухами овец. Поэтому основными товарами для торговли с другими регионами были

зерно и овечья шерсть. Ниппур был вовлечен в вековой конфликт между ассирийцами и халдеями, которые поселились на землях вдоль берегов Нижнего Евфрата и Приморья (на самом юге Вавилонии) и вели борьбу за независимость от Ассирии. Между 680 и 664 г. до н.э. наместники Ниппура принимали участие в анти-ассирийских коалициях. Но в 651 г. Ашшурбанапал захватил Ниппур, после чего этот город оставался верным Ассирии до конца ее существования.

Основой для установления ассирийской и вообще ближневосточной хронологии являются списки эпонимов. Они исследованы во втором томе данной серии. Каждый год назывался по имени высокопоставленного государственного чиновника (*limmu*). Предполагается, что от ассирийцев такую систему приняли греки и римляне, которые вели датировку соответственно по архонтам и консулам. Функции эпонимов в Ассирии пока остаются недостаточно ясными, но основной их обязанностью, по-видимому, была забота о культе в городе Ашшуре. В новоассирийские времена в первый год своего правления эпонимом считался царь, а за ним следовали четыре высокопоставленных сановника: верховный командир армии, главный виночерпий, царский глашатай и управитель дворца.

Один из томов [SAAS 14] посвящен роли бога Нинурты в мифологии и царской идеологии в Месопотамии, начиная с древнейших времен.

В девятом томе [SAAS 9] анализируется вся информация, относящаяся к жизни царицы Накия (она известна также под именем Закуту), западной семитки, которая попала в гарем Синаххе-риба, когда он был еще наследником престола, и затем стала матерью Асархаддона. О ней сохранились разнообразные сведения, источниками которых являются посвятельные надписи, хозяйственные и административные документы, письма, адресованные ей самой, и т.д.

В остальных пока опубликованных томах рассматриваются различные чиновничьи титулы, функции гражданской и военной администрации, ассирийская юридическая практика VII в. до н.э.

Из других международных проектов, имеющих важное значение для изучения новоассирийской истории, следует упомянуть публикуемые университетом Торонто (Канада) под общей редакцией А.К. Грейсона корпусы шумерских, вавилонских и

ассирийских царских надписей в транслитерации и переводе с комментариями («The Royal Inscriptions of Mesopotamia Project»). В частности, Грейсоном опубликованы два тома новоассирийских надписей. Первый из них охватывает период от правления Тиглатпаласара I (1114–1076 гг. до н.э.) до Ашшур-нацир-апала II (883–859 гг. до н.э.) [Grayson, 1991]. Они составлены на шумерском и аккадском (вавилонском диалекте с примесью ассирийского) языках. Часть надписей публикуется впервые.

Второй том этой серии содержит ассирийские надписи от Салманасара III (858–824) до Ашшур-нерари V (754–745 гг. до н.э.) [Grayson, 1996]. Значительную часть тома составляют анналы первого из этих царей, походы которого в Сирию привели ассирийцев в прямой контакт с городами и историческими деятелями, упоминаемыми в Библии. В этом же томе публикуются надписи легендарной царицы Семирамиды.

Значительный интерес для истории Ассирии представляет и том царских надписей из Вавилонии, составленных между 1157 и 612 г. до н.э., т.е. начиная с касситского периода до падения Ассирийской державы, в состав которой после 851 г. до н.э. входила и Вавилония [Frame, 1995]. Многие надписи Ашшурбанапала рассказывают о сооружении им различных зданий в Вавилоне и восстановлении его внешней стены.

Здесь уместно будет упомянуть и капитальный труд израильского ученого Х. Тадмора, где изданы все известные надписи основателя Ассирийской империи Тиглатпаласара III в транслитерации и переводе с подробными комментариями и исследованием [Tadmor, 1994]. Как известно, до 745 г. до н.э. ассирийские цари совершали набеги с целью грабежей на соседние страны вдоль западного берега Евфрата, а иногда добирались и до средиземноморского побережья. А Тиглатпаласар перекроил карту Ближнего Востока и превратил многие страны этого ареала в провинции своей державы, на которых была наложена постоянная регулярная подать.

Библиография

[Frame, 1995] — *Frame G. Rulers of Babylonia from the Second Dynasty of Isin to the End of Assyrian Domination, 1157–612 B. C.* Toronto, 1995 (*The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Babylonian Periods; V. 2*).

[Grayson, 1991] — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B. C., 1184–859 B. C. Toronto, 1991 (The Royal Inscriptions of Assyrian Periods; V. 1).

[Grayson, 1996] — *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium B. C., 853–745 B. C. Toronto, 1996 (The Royal Inscriptions of Assyrian Periods; V. 3).

[SAA 1] — *Parpola S.* Correspondence of Sargon II. Pt. 1. Letters from Assyria and the West. Helsinki, 1987 (SAA; V. 1).

[SAA 2] — *Parpola S., Watanabe K.* Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths. Helsinki, 1988 (SAA; V. 2).

[SAA 3] — *Livingstone A.* Court Poetry and Literary Miscellanea. Helsinki, 1989 (SAA; V. 3).

[SAA 4] — *Starr I.* Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria. Helsinki, 1990 (SAA; V. 4).

[SAA 5] — *Lanfranchi G.B., Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Pt. 2. Letters from the Northern and Northeastern Provinces. Helsinki, 1990 (SAA; V. 5).

[SAA 6] — *Kwasman Th., Parpola S.* Legal Transactions of the Royal Court of Nineveh. Pt. 1. Tiglath-Pileser III through Esarhaddon. Helsinki, 1991 (SAA; V. 6).

[SAA 7] — *Fales F.M., Postgate J.N.* Imperial and Administrative Records. Pt. 1. Palace and Temple Administration. Helsinki, 1992 (SAA; V. 7).

[SAA 8] — *Hunger H.* Astrological Reports to Assyrian Kings. Helsinki, 1992 (SAA; V. 8).

[SAA 9] — *Parpola S.* Assyrian Prophecies. Helsinki, 1997 (SAA; V. 9).

[SAA 10] — *Parpola S.* Letters from Assyrian and Babylonian Scholars. Helsinki, 1993 (SAA; V. 10).

[SAA 11] — *Fales F.M., Postgate J.N.* Imperial Administrative Records. Pt. 2. Provincial and Military Administration. Helsinki, 1995 (SAA; V. 11).

[SAA 12] — *Kataja L., Whiting R.* Grants, Decrees and Gifts of the Neo-Assyrian Period. Helsinki, 1995 (SAA; V. 12).

[SAA 13] — *Cole S.W., Machinist P.* Letters from Priests to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. Helsinki, 1998 (SAA; V. 13).

[SAA 14] — *Mattila R.* Legal Transactions of the Royal Court of Nineveh. Pt. 2. Assurbanipal through Sin-šarru-iškun. Helsinki, 2002 (SAA; V. 14).

[SAA 15] — *Fuchs A., Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Pt. 3. Letters from Babylonia and the Eastern Provinces. Helsinki, 2001 (SAA; V. 15).

[SAA 16] — *Luukko M., van Buylaere G.* The Political Correspondence of Esarhaddon. Helsinki, 2002 (SAA; V. 16).

[SAA 17] — *Dietrich M.* The Babylonian Correspondence of Sargon and Sennacherib. Helsinki, 2003 (SAA; V. 17).

[SAAS 4] — *Cole S.W.* Nippur in Late Assyrian Times c. 755–612 B. C. Helsinki, 1996 (SAAS; V. 4).

[SAAS 9] — *Melville S.C.* The Role of Naqia/Zakutu in Sargonid Politics. Helsinki, 1999 (SAAS; V. 9).

[SAAS 14] — *Annus A.* The God Ninurta in the Mythology and Royal Ideology of Ancient Mesopotamia. Helsinki, 2002 (SAAS; V. 14).

[Tadmor, 1994] — *Tadmor H.* The Inscriptions of Tiglath-Pileser III, King of Assyria. Jerusalem, 1994.

Нововавилонское царство в современной историографии

В 1157 г. до н.э. наступил конец шестивекового господства касситской династии в Вавилонии, и страна была захвачена эламитами. Но несколько позднее вавилонский царь Навуходоносор I (1126—1105 гг. до н.э.) нанес сокрушительный удар эламитами. В 729 г. до н.э. Вавилония была захвачена ассирийским царем Тиглатпаласаром III, после чего лишилась независимости на целое столетие. В 626 г. до н.э. вавилоняне во главе с Набопаласаром подняли восстание против ассирийского господства и после ожесточенной войны в союзе с мидийцами полностью сокрушили Ассирию. Затем начался беспрецедентный подъем экономики Вавилонии. Весь этот период условно можно назвать нововавилонским. В 539 г. до н.э. эта страна была захвачена персами, после чего она навсегда потеряла свою самостоятельность.

Время с середины XII в. до н.э. до последней трети VII в. до н.э. довольно скудно освещено источниками. От последующего периода приблизительно до 80-х гг. V в. до н.э. сохранились десятки тысяч хозяйственных, административных и частнопроводных документов, а также литературные произведения, исторические хроники и большой корпус царских надписей. После этого поток клинописных текстов постепенно уменьшается, пока в I в. н.э. вавилоняне не перестали пользоваться этим видом письма (последняя известная нам датированная табличка относится к 75 г. н.э.). Вскоре после этого клинопись была окончательно забыта. На смену ей пришло легко доступное алфавитное арамейское письмо, которое еще при персидских царях Ахеменидской династии в VI в. до н.э. использовалось государственной канцелярией на огромной территории от Египта до Средней Азии и Индии. Исследованию древней истории, социальных институтов, культурных и правовых традиций, а также религии многочисленных арамейских племен, которые к середине I тыс. до н.э. распространились

по всей Месопотамии, посвящен фундаментальный труд Э. Липинского об арамеях [Lipinski, 2000].

§ 1. Элементы исторического мышления в Вавилонии

Начиная с VIII в. до н.э. в Вавилонии вели погодные записи и затем по ним составляли более или менее подробные хроники с изложением важнейших исторических событий. До нашего времени сохранились хроники от 745–668, 626–623, 616–595, 556–538 гг. до н.э. и еще несколько текстов этого жанра с изложением событий более позднего времени. Благодаря этим текстам мы сравнительно хорошо знаем исторические события, связанные с крушением Ассирии, завоевательные походы Навуходоносора II и покорение Месопотамии персами. Все эти хроники издавались многократно. Последнее их критическое издание принадлежит канадскому ассириологу А.К. Грейсону [Grayson, 1975]. Сохранились также перечни вавилонских царей рассматриваемого и других периодов с указанием последовательности их правления и продолжительности каждого из них. Поскольку хозяйственные и деловые документы, как правило, содержат точные даты их составления по годам правления того или иного царя с указанием месяца и дня составления соответствующего текста, выяснение нововавилонской хронологии не представляет труда (см. об этом: [Parker, Dubberstein, 1942]).

В Вавилонии вплоть до II в. до н.э. с живым интересом относились к своей истории, и писцы переписывали древние исторические и другие произведения для различных целей (учебных, научных, для посвящения в храмы и т.д.). В царских, храмовых и частных библиотеках можно было ознакомиться с многочисленными произведениями вавилонской художественной и научной литературы. При царе Набониде (556–539), когда при ремонте обвалившихся зданий в их фундаментах были найдены надписи III тыс., писцы оказались в состоянии правильно прочитать их и расположить имена древних царей в хронологической последовательности. Кроме того, в дворцовых помещениях и в храмах хранились памятники более ранних эпох, представлявшие исторический интерес.

Основной причиной крупных исторических событий, по вавилонским представлениям, было то или иное желание богов.

Например, Набонид объясняет свое восхождение на трон милостью богов Мардука и Сина, хотя он и не был в родственных связях с предшествовавшей ему династией. Подобным же образом, когда в 553 г. царь Персии Кир II напал на Мидию, с которой в то время Вавилония находилась в напряженных отношениях, согласно Сиппарскому цилиндру Набонида, это боги заставили Кира выступить против Астиага, правителя Мидии.

Иногда неудачи во внешней или внутренней политике приписывались действиям правителей, которых уже не было в живых. Например, Набонид называет Амель-Мардука и Лабаша-Мардука, своих предшественников на вавилонском престоле, неумелыми царями. Когда Месопотамия была захвачена персами, вавилонские жрецы в угоду персидскому царю Киру II приписывали все беды своей страны Набониду, обвиняя его в заносчивости, слабости, разорении своего народа, святотатстве и т.д. Современные Киру тексты восхваляют последнего как правителя, который установил справедливый порядок в стране, благоговейно почитал богов и был милостив к подданным. Однако один более поздний вавилонский текст говорит о его «плохом» правлении.

Особого упоминания заслуживает Берос, жрец храма Эсагила в Вавилоне, который около 290 г. до н.э. написал на греческом языке сочинение в трех книгах по истории и культуре своей страны. Первая книга была посвящена истории от самого начала до всемирного потопа, вторая — до Набонасара (747 г. до н.э.) и третья — до смерти Александра Македонского. В качестве источников он пользовался произведениями древней вавилонской мифологии, историческими документами, астрономическими табличками и т.д. Однако этот труд, основанный на надежных источниках, сохранился лишь в цитатах у Посидония, Иосифа Флавия, Евсевия и у других поздних авторов. Все эти фрагменты собраны и исследованы П. Шнабелем [Schnabel, 1923]. Имеются также их частичные переводы на русском и английском языках [Дандамаева, 2002, Burstein, 1978].

Различные сведения по истории, экономике, культуре и обычаям Вавилонии сохранились также у Геродота, Ксенофонта, Ктесия, Диодора Сицилийского, Страбона, Курция Руфа и Арриана. Однако эти авторы очень смутно представляли себе историю Месопотамии. Например, Геродот даже не упоминает знаменитого царя Навуходоносора II, который известен из самых разнообразных

вавилонских текстов. Его информация была основана на личных впечатлениях во время посещения им Вавилона и на результатах опроса греков, живших там. Хотя в городе еще были писцы, которые умели читать клинописные тексты, Геродот, очевидно, не имел доступа к ним и зависел от услуг людей, которые не в состоянии были снабдить его надежной исторической информацией. Правда, его описание города Вавилона, его стен и храмов и наблюдения относительно одежды, обычаев, деталей повседневной жизни и экономики представляют определенный интерес, ибо в этих частях своего труда он писал о том, что видел собственными глазами.

Значительную ценность для истории Вавилонии представляют также некоторые книги Ветхого Завета. В библейских хрониках содержатся хронологические даты некоторых политических событий, связанных с историей Вавилонии (например, относительно вавилонского плена иудеев; об этом же говорится в «Вавилонской хронике» и в хозяйственных ведомостях о выдаче продовольствия чужеземцам, размещенным в Вавилоне). Книга Исаии по хронологии описанных в ней событий распадается на три части. В отличие от более ранних глав, относящихся к ассирийскому периоду (VIII в. до н.э.), главы 40–55 описывают события, когда начался закат Вавилонского царства и войско Кира наступало на Месопотамию или готовилось к войне с нею (ок. 547–539 гг. до н.э.). В этом произведении выражается надежда, что Кир разрушит мощь Вавилона и позволит пленным иудеям вернуться на свою родину. Книга Иезекииля, жившего в Вавилоне на рубеже VII–VI вв. до н.э., также дает важные сведения о политической истории Месопотамии.

В произведениях Ветхого Завета красной нитью проходит мысль, что все важные исторические события происходят по решению бога Яхве. Этим объясняется даже захват Иерусалима Навуходоносором II в 597 г. до н.э. с последовавшей за ним депортацией пленных иудеев в Вавилонию, ибо, по мнению авторов библейских книг, эта трагедия произошла из-за того, что евреи неоднократно нарушали завет, заключенный со своим богом.

§ 2. Археологические исследования

Иудеи, которым по воле судьбы пришлось жить в Месопотамии, называли Вавилон «красой царств», «гордостью халдеев»,

т.е. жителей этой страны. Но постепенно, после II в. н.э., Вавилон, Ниппур, Урук и другие некогда знаменитые города пришли в полное запустение и даже местонахождение их в большинстве случаев было забыто. В X в. арабский географ ал-Истахри упоминает Вавилон как небольшое поселение. В 1165 г. испанский путешественник Вениамин из Туделы был в Вавилоне, но его отчет об этом месте не содержит почти ничего ценного. Он лишь отмечает, что некогда великий город в его дни представлял собой руины, занимавшие в окружности 30 миль, и упоминает также разрушенный дворец Навуходоносора. В новое время память о Вавилоне продолжала жить в названии Бабиль, которым арабы, жившие поблизости, называли холм, скрывавший руины дворца Навуходоносора II.

Таким образом, к началу XIX в. когда-то процветавшие и богатые города лежали в руинах, и путешественники, посещавшие их, видели на своем пути скорее рой комаров и москитов, чем подлинных исторических памятники. Первыми археологами, которые вступили на эту неприветливую землю, были дипломаты. Приоритет в этом принадлежит представителю английской Ост-Индской компании в Багдаде Клаудису Джеймсу Ричу (1787–1821), который составил описание ряда руин Вавилона. Английский путешественник и художник Роберт Кер Портер в 1817–1820 гг. написал картины, показывающие, как выглядели развалины Вавилона. В 1842 г. французский дипломат Эмиль Ботта начал раскопки древней ассирийской столицы Ниневии. Вскоре он перешел к развалинам другого ассирийского города, а именно Дур-Шаррукина, который лежал под холмами Хорсабада. Там были найдены внушительных размеров ассирийские рельефы. После этого возник огромный интерес к древним памятникам Месопотамии. В 1850 г. англичанин Остин Генри Лейард начал раскопки в Вавилоне, но на его долю достались лишь обломки древних кирпичей, и он решил прекратить там работу. В 80-х гг. XIX в. Ормузд Рассам, который вел археологические раскопки в Ираке по поручению Британского музея, нашел в Вавилоне огромное количество нововавилонских частноправовых документов, включая архив знаменитого предпринимательского дома Эгиби.

В 1899 г. в Вавилон прибыла немецкая экспедиция под руководством архитектора Роберта Кольдевея, в которой участвовал и археолог Вальтер Андре. Начались эпохальные работы, которые

продолжались до марта 1917 г. и дали исключительно ценные находки. Именно благодаря раскопкам Кольдевея мы знаем, каким был Вавилон, выстроенный во времена Навуходоносора II (VI в. до н.э.). Более ранние слои трудно было изучить, так как они лежали глубоко под руинами построек нововавилонского времени и их раскопкам мешали грунтовые воды. В частности, перед глазами археологов предстали остатки знаменитых Висячих садов (так называемые сады Семирамиды), о которых писали греческие авторы, и руины Вавилонской башни, известной из Библии. Вернулись к новой жизни городские стены, дворцы, храмы и давно заброшенные кварталы. Было обнаружено также большое количество царских надписей и частноправовых документов. Подробно о результатах этих раскопок можно прочесть в книге немецкого ассириолога Э. Унгера о Вавилоне, где также дана обстоятельная топография города, достоверность которой, впрочем, в настоящее время оспаривается рядом исследователей [Unger, 1970].

После Второй мировой войны Управление по охране древностей Ирака проводило спорадические раскопки в Вавилоне, а также реставрировало ряд зданий.

В 1854 г. английский ученый В. Лофтус несколько месяцев раскапывал древний город Урук (современное название — Варка), где он обнаружил руины зиккурата, а также сотни частноправовых документов I тыс. до н.э. После Второй мировой войны немецкие археологи во главе с Х. Ленцем в течение многих лет проводили раскопки в Уруке. В частности, были обнаружены святилище богини Иштар Энна и тысячи документов храмового хозяйства, которые относятся к нововавилонскому времени.

С 1888 г. американские археологи начали раскопки в Нипуре, которые с перерывами продолжались и после окончания Второй мировой войны. Среди раскопанных зданий следует особо отметить Экур, храм бога Энлиля, который был религиозным центром всей Месопотамии в раннее время, а также храмовую библиотеку с большим количеством литературных произведений. Археологи нашли также архив знаменитого дома Мурашу, который во второй половине V в. до н.э. занимался предпринимательскими и ростовщическими операциями в Южной и Центральной Вавилонии (см. ниже).

Тысячи клинописных документов нововавилонского времени были найдены также при раскопках Сиппара и Ура.

После Второй мировой войны в археологические раскопки памятников древней Месопотамии включились также Фуад Сафар, Таха Бакир и другие иракские ученые. Было создано Генеральное управление древностей Ирака, которое стало координировать все археологические работы, ведущиеся в стране.

§ 3. Историография XIX и начала XX в.

До середины XIX в. о Вавилонии было известно только то, что сообщается в Библии и у античных авторов. Библейские образы, ассоциировавшиеся с Вавилоном (например, «Вавилонская башня», «вавилонская блудница» и т.д.), часто использовались в европейской литературе (например, у философа Вольтера).

Начиная со времен Возрождения, ученые неоднократно пытались расшифровать клинопись. Однако за два столетия были разгаданы значения всего двух знаков. В начале XIX в. Г. Гротенд, преподаватель одной немецкой гимназии, смог установить значение ряда древнеперсидских клинописных знаков в надписях из Персеполя. Решающая роль в дальнейшем прогрессе расшифровки принадлежала английскому ученому Г. Раулинсону, который смог скопировать трехязычную (на древнеперсидском, аккадском и эламском) Бехистунскую надпись, высеченную на скале недалеко от современного города Хамадана в Иране более 2,5 тыс. лет тому назад. В 1857 г. четверо ученых, включая Раулинсона, одновременно и независимо друг от друга предложили свои переводы одной ранее неизвестной ассирийской надписи, прорисовки которой были переданы им в запечатанных пакетах. Если не считать отдельных деталей, их переводы совпали, и 1857 г. вошел в историю как год возникновения ассириологии.

После расшифровки клинописи сначала робко заговорили надписи ассирийских и вавилонских царей, а затем литературные произведения (например, «Эпос о Гильгамеше») потрясли культурный мир XIX в. своей оригинальностью, глубиной мысли и художественными образами, после чего в научный оборот поступило бесконечное количество хозяйственных, юридических и других документов повседневной жизни. Особо следует отметить публикацию еще в конце XIX в. нескольких тысяч документов из Британского музея Й.Н. Штрассмайером, немецким членом ордена иезуитов при папском дворе в Риме. На это время и на последующие

десятилетия падает и деятельность англичанина Т. Пинчеса по изданию аналогичных текстов из того же музея. Французский ученый Жюль Опперт, который считается одним из отцов ассириологии, и немец Ф.Э. Пейзер во второй половине XIX в. издавали нововавилонские документы из Лувра и Переднеазиатского музея в Берлине. В начале XX в. А. Унгнад опубликовал несколько тысяч табличек из того же Переднеазиатского музея. Приблизительно в то же время американцы А.Е. Клей, Р. Доуэрты и А. Тремейн издали много тысяч нововавилонских и ахеменидских документов. К настоящему времени опубликовано более 30 тыс. таких текстов I тыс. до н.э.

Бесконечный поток клинописных текстов и находка среди них «Эпоса о Гильгамеше», содержащего, в частности, известную и из Ветхого Завета легенду о всемирном потопе, привело некоторых ученых к переоценке значения вавилонской культуры и ее влияния на другие древние цивилизации (направление это получило название панвавилонизм). Например, в начале XX в. Фридрих Делич (1850–1922), один из основоположников ассириологии, читал в Берлинском университете привлекавшие большую аудиторию популярные лекции, в которых доказывал, что вавилонская культура была колыбелью всей цивилизации и, в частности, послужила основой для ветхозаветной литературы [Delitzsch, 1902]. Должно было пройти приблизительно два десятилетия, прежде чем в научном сознании соотношение приоритетов древних цивилизаций приобрело должные пропорции.

XIX столетие было героическим веком ассириологии. Г. Раулинсона, Ж. Опперта и других отцов ассириологии можно смело уподобить Кадму, посеявшему зубы дракона. Еще при жизни этих ученых начался стремительный рост ассириологии, подобный движению камня, который, сорвавшись с вершины горы, в своем движении вызывает огромную лавину. Было учреждено несколько международных ассириологических журналов, стали создавать музеи клинописных табличек и кафедры ассириологии. В течение нескольких десятилетий культурный горизонт человечества раздвинулся на целые тысячелетия вглубь истории. В XIX в. на изучении древних цивилизаций было сосредоточено не меньше интеллектуального потенциала, чем для претворения в жизнь великих технических изобретений того времени. Однако выдающиеся работы ассириологов XIX в., заложившие

основы для современного бурного развития изучения всех аспектов клинописных цивилизаций, быстро устарели и в настоящее время в основном представляют историографический интерес. Если не считать публикации текстов (впрочем, как правило, также не соответствующие современным требованиям), ассириологи редко обращаются к исследованиям XIX и начала XX в. Хотя на начальных этапах возникновения ассириологии много внимания уделялось нововавилонскому периоду, вскоре после обнаружения Законов Хаммурапи и других великих творений древневосточной цивилизации, центр интересов ученых переместился на более ранние периоды месопотамской истории.

§ 4. Основные направления современных исследований

Изучение политической истории. Американский ученый Дж. Бринкман является автором двух крупных монографий по истории нововавилонского времени. Первая из них посвящена политической истории Вавилонии послекасситского времени (1158–722 гг. до н.э.) [Brinkman, 1968]. Вторая книга освещает период между 747 и 626 г., который непосредственно предшествовал возникновению Нововавилонского царства [Brinkman, 1984]. Со времени захвата ассирийцами в 729 г. до н.э. Вавилония сохраняла статус отдельного царства в составе Ассирийской империи. Но когда в 689 г. вавилоняне восстали, ассирийский царь Синаххериб разрушил Вавилон и превратил эту страну в рядовую провинцию. Обстоятельное исследование политических событий в период от 689 по 627 г. до н.э., когда страна была разобшена и большей частью находилась под властью Ассирии, можно найти в книге канадского ученого Фрейма [Frame, 1992]. В ней рассматриваются также отношения Вавилонии с соседними странами.

Политические события времени правления Навуходоносор II, самого знаменитого вавилонского царя I тыс. до н.э., рассматриваются в книге Д. Уайзмана «Навуходоносор и Вавилон» [Wiseman, 1985]. Она состоит из трех глав, в первой из которых реконструируются исторические события (при этом особое внимание уделяется захвату Иерусалима с последующим вавилонским пленением иудеев и биографическим сведениям о Навуходоносоре). Вторая глава дает обзор недавних находок, содержащих сведения о Вавилоне, его дворцах, храмах, улицах и строительной

деятельности самого Навуходоносора. Заключительная часть работы рассматривает библейские и другие иноязычные источники о правлении этого царя.

Вся имеющаяся информация об Амелъ-Мардуке (562–560 гг. до н.э.), сыне Навуходоносора, короткое время правившем Вавилонией, собрана в монографии американского ученого Р.Г. Сака об этом царе. Личности Набонида (556–539 гг. до н.э.), с именем которого связаны значительные религиозные реформы, а также окончательная потеря независимости Вавилонии, посвящена пространная статья того же автора [Sack, 1982]. Эти же самые события подробно с указанием предшествующей литературы рассмотрены в книге М.А. Дандамаева [Дандамаев, 1985].

Наконец, весь период существования Нововавилонского царства (626–539 гг. до н.э.), его политическая история, социальные институты, экономика и культура освещены в новом (втором) издании «Кембриджской древней истории» [САН, 1991].

Экономика и общество. Преобладающая часть нововавилонских источников представляют собой юридические, хозяйственные и деловые документы из частных и храмовых архивов. Еще в начале XX в. историки права француз Э. Кюк и немец И. Колер, которые не знали клинописи и вынуждены были пользоваться чужими переводами, стали интересоваться вавилонскими документами и опубликовали ряд исследований по ним. Однако лишь ничтожный процент документов был в те времена переведен, поэтому указанным ученым приходилось ограничиваться лишь выборочным материалом. Но вскоре в ассириологии появилось новое направление изучения юридических документов — клинописное право, которым стали заниматься правоведы с необходимой для этого юридической подготовкой. Пионером этой специальности был немец П. Кошакер, которому были доступны в подлиннике ассиро-вавилонские тексты всех периодов. В 1911 г. он опубликовал книгу о поручительстве в Вавилонии и Ассирии, основанную преимущественно на нововавилонских документах. Однако вскоре он переключился на более ранние эпохи Месопотамии. Его работа была продолжена немецким ассириологом Г. Петчовом, который обстоятельно на основе огромного документального материала исследовал нововавилонское залоговое право. Он, в частности, отмечает, что объектами залога служили поля, дома, рабы, члены семьи свободных людей (только дети, но не жена), скот, деньги и

прочее движимое имущество. Часто использование залога было связано с интенсивным развитием кредита. В нововавилонское время существовало два вида залога: 1) то или иное имущество объявлялось залогом в обеспечение ссуды с правом владения этим имуществом или же залог служил реальным обеспечением без передачи недвижимого имущества (ипотека); 2) залог передавался в антихрезу, т.е. кредитор получал право пользоваться залогом для извлечения доходов. В нововавилонское время была более распространена антихреза, когда доходы с заложенного имущества или с труда рабов, отданных в залог, шли на покрытие процентов на ссуду. Последнюю, как и в старовавилонское время, обычно давали под 20 % годовых (т.е. 1 сикль серебра на 1 мину серебра в месяц) от капитала. Но, в отличие от старовавилонского времени, теперь закон не регулировал величину процентов, и она колебалась от 10 до 30 в год.

Начиная с конца 20-х гг. стали появляться многочисленные работы М. Сан-Николо (родился в Австрии, умер в Германии в 1955 г.), внесшего большой вклад в исследование юридических и хозяйственных документов I тыс. до н.э. В частности, его перу принадлежат монографии об административном управлении в храмах нововавилонского периода и о контрактах того же времени об обучении ремеслам. В учение обычно отдавали молодых рабов, которые должны были овладеть ремеслами строителя, пекаря, ткача, резчика печатей, портного, сапожника и др. Обучение в зависимости от ремесла продолжалось от 15 месяцев до 6–8 лет. Вопросы организации ремесленного труда в VI в. до н.э. исследованы в книге американского ассириолога Д. Вейсберга [Weisberg, 1967]. По его мнению, в Вавилонии существовали автономные корпорации ремесленников наподобие средневековых цехов, члены которых имели монопольное право на работу в крупных торговых центрах и храмах. Но такое предположение о существовании автономных замкнутых корпораций ремесленников, состоявших из определенного числа членов и ставивших перед собой цель монополизировать ту или иную отрасль ремесла в Вавилонии, представляется маловероятным. Во всяком случае, ремесленники, о которых идет речь, были зависимы от администрации вавилонских храмов. Вопросы, касающиеся технической стороны ремесленного производства нововавилонского времени, обстоятельно исследованы финским ассириологом Э. Салоненом [Salonen, 1970].

Довольно обстоятельный очерк нововавилонского права, основанный на предшествующей литературе, дан сербским ученым В. Корошеном [Korošec, 1964].

Много внимания уделялось исследованию деятельности различных предпринимательских домов, которые играли большую роль в экономической жизни страны. Среди них можно особо выделить следующие три дома. Около 400 документов фиксируют деятельность Иддин-Мардука из рода Нур-Сина и членов его семьи в период между 557—517 гг. до н.э. Они жили в столице Месопотамии Вавилоне, где шло интенсивное строительство и население быстро увеличивалось. Соответственно постоянно возрастали и потребности в продовольствии. Иддин-Мардук и члены его семьи и их агенты покупали у земледельцев, арендаторов и государственных чиновников, занимавшихся сбором податей и пошлин в различных районах Месопотамии, ячмень, финики, чеснок и другие продукты, а также скот и шерсть, и доставляли их по каналам в Вавилон и продавали там. Нуптайя, дочь Иддин-Мардука, была замужем за Итти-Мардук-балату из могущественного предпринимательского дома Эгиби. Ее приданое составило $\frac{1}{3}$ имущества семьи, в то время как ее единственный брат получил остальную часть богатства. Деятельности семьи Иддин-Мардука посвящен двухтомный труд Корнелии Вунш [Wunsch, 1993].

Дом Эгиби функционировал с конца VI до первой половины V вв. до н.э. Кроме Вавилона и других городов Месопотамии, деятельность его распространялась и на некоторые соседние страны (Мидия, Элам и Персия). Эгиби занимались торговлей и для этого основывали и финансировали коммерческие товарищества, а также принимали на хранение вклады других лиц и уплачивали долги своих клиентов. Один из членов дома Эгиби (Набу-аххе-иддин) получил писцовое образование и был при Набониде царским судьей в Вавилоне. Архив Эгиби — самый обширный из всех частных архивов вавилонян. По меньшей мере, сохранилось 1,7 тыс. документов (не считая дубликатов и фрагментов), фиксирующих деятельность членов пяти поколений Эгиби в течение более 120 лет (606—482 гг. до н.э.). Обычно историки считали, что Эгиби были банкирами, однако в настоящее время такое мнение отвергается, так как они не пользовались вкладами, доверенными им другими лицами на хранение, для профессиональных банковских операций в качестве кредитов и не вкладывали их в свои торговые

операции. Земли Эгиби были расположены в округе Вавилона. Например, в 559 г. до н.э. один из братьев Эгиби купил массив земли площадью около 30 га, расположенный за городскими воротами. К. Вунш посвятила детальному анализу имущественных операций Эгиби два тома [Wunsch, 2000]. Деятельность этой семьи рассматривается также в книге А.А. Мартиросян, опубликованной на русском языке [Мартиросян, 1989].

Документы о предпринимательской деятельности членов семьи Мурашу по своей численности занимают второе место среди частных архивов вавилонян. Он состоит из 879 табличек, которые хранятся в разных музеях. Они были составлены между 445 и 404 г. до н.э. в преобладающем большинстве своем в Ниппуре и его окрестностях. Деятельность дома Мурашу наиболее полно исследована французским историком права Г. Кардашиа [Cardascia, 1951] и американским ассириологом М. Столпером. Резиденция Мурашу находилась в Ниппуре. Характер их деятельности был обусловлен изменениями, внесенными ахеменидской администрацией в режим собственности в Вавилонии. Земля была распределена наделами между персидскими вельможами, а также коллективами воинов из различных регионов империи (начиная от Египта и кончая Индией) и чиновников. Однако эти люди сами не занимались земледелием и поэтому отдавали землю для обработки другим лицам, включая Мурашу. Последние брали в аренду эти наделы, платили их владельцам арендную плату и вносили за них в казну государственные подати. В свою очередь дом Мурашу сдавал эти земли в субаренду, снабжая арендаторов тягловым скотом, семенами, орудиями труда и водой для орошения. Таким образом, дом Мурашу являлся учреждением сельскохозяйственного кредита и управлял фондами наделов, будучи посредником между землевладельцами и сельскохозяйственными работниками. Как видно из текстов, при Ахеменидах в Ниппуре и его округе оросительная система была существенно улучшена и давно запущенные из-за засоления земли начали вновь обрабатывать. До недавнего времени ассириологи считали фискальную политику персидских царей в Вавилонии пагубной, полагая, что серебро, уплачиваемое в качестве подати, оседало в государственных сокровищницах и поэтому его не хватало для торговли внутри страны. Однако в настоящее время ученые подвергают сомнению правомерность такого мнения.

Среди обширных и разнообразных архивов клинописных текстов нововавилонского и ахеменидского времени особое место занимают документы храма Эбаббарры в Сиппаре (святилище бога солнца Шамаша) и храма Эанна (святилище богини Иштар) в Уруке. Документы из Эбаббарры (так называемая Сиппарская коллекция), хранящаяся в основном в Британском музее, насчитывают более 35 тыс. клинописных табличек, преобладающее большинство которых являются текстами хозяйственного и административного содержания. Из них к настоящему времени опубликовано более 5 тыс. текстов, включая также приблизительно 400 писем служебного характера. Они адресованы в различные ведомства в самой Эбаббарре или же были посланы храмовым чиновникам, находившимся за пределами Сиппара по различным служебным делам.

За последнее десятилетие опубликованы четыре монографии, в которых рассматриваются сиппарские тексты. Автором одной из них является испанка Р. Да Рива [Da Riva, 2002]. Она исследовала период около шестидесяти лет, от последних ассирийских царей, которые правили в Вавилонии, приблизительно до первой половины правления Навуходоносора II (ок. 640–580 гг. до н.э.). В ее книге особое внимание уделено управлению храмом, его сельскому хозяйству и распределению доходов между гражданами Сиппара.

Эбаббарра была крупным землевладельцем и занималась выращиванием, главным образом, ячменя, а также садоводством и скотоводством, в то время как птицеводство имело лишь ограниченное значение. Сельскому хозяйству Эбаббарры (за исключением животноводства) с 626 по 484 г. до н.э., когда внезапно обрывается архив, посвящена книга М. Юрсы [Jursa, 1995]. Он рассматривает персонал храма, который был занят обработкой земли, методы ее возделывания и организацию оросительной системы. Часть земли обрабатывали храмовые земледельцы, которые были разбиты на мелкие рабочие группы. Они доставляли на храмовые склады фиксированную часть урожая. Однако храм мог обрабатывать с помощью своих земледельцев лишь $\frac{1}{3}$ земли, а $\frac{2}{3}$ сдавал независимым арендаторам.

Административная система Эбаббарры, персонал чиновников и деятельность ремесленников в течение приблизительно 626–484 гг. до н.э. исследована голландским ассириологом

А. Бонгенааром [Bongenaar, 1997]. Храм возглавлялся управителем, в распоряжении которого находилось приблизительно десять чиновников. Достаточно хорошо отражена в документах и работа ремесленников. Хуже нам известна культовая деятельность жрецов. Наконец, административная деятельность Эаббары, как она нашла отражение в переписке храмовых чиновников, исследована в книге Мак-Гинниса [MacGinnis, 1995].

Архив храма Эанна в Уруке нововавилонского и ахеменидского времени насчитывает более 30 тыс. документов административно-экономического содержания. Среди многочисленных исследований об экономике и организационной структуре Эанны следует отметить следующие. Аграрные и социально-экономические отношения в сельской округе, прилегавшей к Уруку, а также методы обработки храмовых земель прослежены француженкой Д. Коке-рийя [Cocquerillat, 1968]. В монографии немецкого ассириолога Х.М. Кюммеля о просопографии населения Урука, основанной на материале 3 тыс. текстов, прослеживаются основные социальные слои и профессиональные группы этого города [Kümmel, 1979]. Культовой деятельности жреческого персонала Эанны, связанной с поклонением Иштар и другим богиням ее круга, посвящена книга П.-А. Больё об урукском пантеоне нововавилонского времени [Beaulieu, 2003].

Культура и наука. От рассматриваемого здесь периода сохранились тысячи религиозных, медицинских, астрономических, математических и литературных текстов. Они заслуживают внимания историков не только потому что отражают уровень научных знаний и господствовавшую тогда идеологию, но также потому что нередко эти тексты содержат ценную информацию об исторических событиях, международной торговле и материальной культуре.

Большинство основных достижений вавилонской науки, культуры и литературы относится ко II тыс. до н.э. Эти достижения впоследствии были освящены долгой традицией и превратились в застывшие каноны, следование которым считалось обязательным. Другими словами, критическое отношение к ним не допускалось, и тем самым в значительной степени ограничивались перспективы развития науки и культуры. Их дальнейшему развитию мешали закостенелые формы древних традиций, многовековое господство религиозных представлений без каких-либо заметных изменений и отсутствие новых методов познания природы

и общества. К тому же вавилонская наука теряла свои жизненные силы, так как языком религиозного культа, юридической, медицинской и математической литературы оставался аккадский, а в определенной мере и шумерский, который еще к началу II тыс. до н.э. был мертвым, в то время как население почти повсюду уже переходило к арамейскому в качестве разговорного языка и, таким образом, стало забывать родной аккадский язык.

К числу великих достижений вавилонской науки относятся результаты многовекового развития математики. О них обстоятельно рассказывается в монографии о шумеро-вавилонской математике А.А. Ваймана [Вайман, 1951] и в двух переведенных на русский язык книгах немецкого историка науки О. Нейгебауэра [Нейгебауэр, 1937; Нейгебауэр, 1968].

Несмотря на неблагоприятные в целом условия для развития науки, V в. до н.э. был самым творческим периодом вавилонской математической астрономии за все время ее существования. Начиная с древних времен, вавилоняне собирали и записывали эмпирические наблюдения за Солнцем, Луной, расположением планет и созвездий. Астрономы тщательно отмечали положение Луны по отношению к различным планетам, а также устанавливали движение небесных тел, видимых простым глазом. Сохранились многочисленные таблицы с астрономическими вычислениями расстояний между различными звездами и об их сравнительных позициях, а также о периодах их солнечных восходов и заходов.

В V в. до н.э. существовали астрономические школы в Уруке, Сиппаре, Вавилоне и Борсиппе. Плиний Старший и Страбон упоминают великого вавилонского астронома Набуриана, который, как полагают, разработал систему определения лунных фаз. Очевидно, это то же самое лицо, которое упоминается под именем Набуриманну в вавилонских астрономических текстах V—IV вв. Античные авторы сообщают также о вавилонском астрономе Кидене, жившем в Сиппаре. Он также известен из вавилонских источников под именем Кидинну как составитель многих астрономических текстов V—IV вв.

В отличие от синхронного ассирийского, нововавилонское искусство довольно анемично и не знает ни выразительных охотничьих сцен, ни царских пиров и даже не изображает царские военные триумфы. Рамки развития искусства были ограничены влиянием жреческой верхушки, которая стремилась ограничить

царскую власть и предпочитала статуи божеств живому изображению действительности. Исключение составляло лишь искусство изготовления печатей. Еще с древних времен вавилоняне пользовались цилиндрическими печатями, делая их оттиски на еще влажной глине путем накатывания. Печать чаще всего ставили внизу или сбоку таблички для удостоверения ее подлинности. На таких печатях обычно помещались изображения мифологического и религиозного характера (в частности, символы богов Мардука, Набу и богини Иштар). Пользовались также каменными печатками-штампами. В VI в. до н.э. наряду с цилиндрическими печатями стали употреблять и металлические перстни, которые удостоверяли личность контрагента или свидетеля. Начиная с этого же времени в печатях появляются разнообразные сюжеты (в частности, изображения реальных и фантастических животных).

Также в отличие от новоассирийской литературы, которая продолжала развиваться и разрабатывать оригинальные сюжеты, вавилонская литература была обречена на подражание образцам классической литературы II тыс. и на их копирование. В писцовых школах много внимания уделяли умению тщательно переписывать произведения древней литературы, и именно благодаря этому до нашего времени сохранились наиболее важные творения вавилонской поэзии. Эти процессы, а также и другие основные проблемы писцового искусства рассмотрены в книге М.А. Дандамаева о вавилонских писцах [Дандамаев, 1983]. Школьному образованию в Вавилонии I тыс. до н.э. посвящена монография П. Геше, которая на основе 2 тыс. ученических упражнений исследовала методику школьного обучения [Gesche, 2000]. Проследив уровень грамотности, она пришла к выводу, что не только писцы, но также предприниматели, заклинатели, певцы и предсказатели умели в различной степени читать и писать.

Библиография

[Вайман, 1951] — *Вайман А.А.* Шумеро-вавилонская математика. М., 1951.

[Дандамаев, 1983] — *Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы. М., 1983.

[Дандамаев, 1985] — *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

[Дандамаева, 2002] — Дандамаева М.М. История Месопотамии в изложении Бероса // История древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 297–308.

[Мартиросян, 1989] — Мартиросян А.А. Деловой дом Эгиби. Ереван, 1989.

[Нейгебауэр, 1937] — Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. Т. 1. Догреческая математика. М.; Л., 1937.

[Нейгебауэр, 1968] — Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968.

[Beaulieu, 2003] — Beaulieu P.-A. The Pantheon of Uruk During the Neo-Babylonian Period. Leiden; Boston, 2003.

[Bongenaar, 1997] — Bongenaar A.C.V.M. The Neo-Babylonian Ebabbar Temple at Sippar: Its Administration and its Prosopography. Leiden, 1997.

[Brinkman, 1968] — Brinkman J.A. A Political History of Post-Kassite Babylonia, 1158–722 B. C. Roma, 1968.

[Brinkman, 1984] — Brinkman J.A. Prelude to Empire. Babylonian Society and Politics, 747–626 B. C. Philadelphia, 1984.

[Burstein, 1978] — Burstein S.M. The Babyloniaka of Berossus. Malibu, 1978.

[CAH, 1991] — Cambridge Ancient History. Cambridge, 1991. V. 3/2.

[Cardascia, 1951] — Cardascia G. Les archives des Murašû. P., 1951.

[Cocquerillat, 1968] — Cocquerillat D. Palmeraies et cultures de l'Eanna d'Uruk (559–520). Berlin, 1968.

[Da Riva, 2002] — Da Riva R. Der Ebabbar-Tempel von Sippar in frühneubabylonischer Zeit. Münster, 2002.

[Delitzsch, 1902] — Delitzsch F. Babel und Bibel. Berlin, 1902.

[Frame, 1992] — Frame G. Babylonia 689–627 B. C. A Political History. Leiden, 1992.

[Gesche, 2000] — Gesche P.D. Schulunterricht in Babylonien im ersten Jahrtausend v. Chr. Münster, 2000.

[Grayson, 1975] — Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley; N. Y., 1975.

[Jursa, 1995] — Jursa M. Die Landwirtschaft in Sippar in neubabylonischer Zeit. Wien, 1995.

[Korošec, 1964] — Korošec V. Keilschriftrecht // Orientalisches Recht. Handbuch der Orientalistik. Leiden, 1964. 1. Abt., Ergänzungsband 3. S. 49–219.

[Kümmel, 1979] — *Kümmel H.M.* Familie, Beruf und Amt im spät-babylonischen Uruk. Berlin, 1979.

[Lipinski, 2000] — *Lipinski E.* The Aramaeans. Their Ancient History, Culture, Religion. Leuven, 2000.

[MacGinnis, 1995] — *MacGinnis J.* Letter Orders from Sippar and the Administration of the Ebabbara in the Late-Babylonian Period. Poznań, 1995.

[Parker, Dubberstein, 1942] — *Parker R.A., Dubberstein W.H.* Babylonian Chronology, 626 B. C. — 75 A. D. Chicago, 1942.

[Sack, 1982] — *Sack R.H.* Nebuchadnezzar and Nabonidus in Folklore and History // Mesopotamia. 1982. V. 17. P. 67–131.

[Salonen, 1970] — *Salonen E.* Über das Erwerbsleben im alten Mesopotamien. Helsinki, 1970.

[Schnabel, 1923] — *Schnabel P.* Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig, 1923.

[Unger, 1970] — *Unger E.* Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. Berlin, 1970 (reprint).

[Weisberg, 1967] — *Weisberg D.B.* Guild Structure and Political Allegiances in Early Achaemenid Mesopotamia. New Haven; L., 1967.

[Wiseman, 1985] — *Wiseman D.J.* Nebuchadnezzar and Babylon. The Schweich Lectures 1983. Oxford, 1985.

[Wunsch, 1993] — *Wunsch C.* Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk. Zum Handel mit Naturalien im 6. Jahrhundert v. Chr. Groningen, 1993.

[Wunsch, 2000] — *Wunsch C.* Das Egibi-Archiv. Groningen, 2000.

Ассирия и Вавилония в античной традиции

Начало историографии Ассирии и Вавилонии, как и стран Востока вообще, было положено древними греками. Их свидетельства представляли собою не случайные упоминания о соседних народах в связи с собственной историей, как это было в Ветхом Завете, не занимательные рассказы о дальних странах (хотя в античной литературе встречались и такие), а самостоятельный, не существовавший нигде ранее жанр, к которому и восходят европейская историография и востоковедение. Греки первыми попытались воссоздать историю других народов и осмыслить ее движущие силы, дать оценку демиургам этой истории, описать и объяснить чужие обычаи и особенности культуры.

Древним грекам мы обязаны не только самим жанром историографии, но и многими терминами, которые продолжают употребляться в науке до сих пор. В частности, это относится к названиям «Ассирия», «Вавилония», «Месопотамия». Греки, однако, вкладывали в эти топонимы несколько иной смысл, чем современные исследователи. Раньше других в греческой традиции появляется понятие «Ассирия», обозначавшее всю долину между Тигром и Евфратом, по сути, тот самый регион, который мы сегодня называем Месопотамией. Вавилон был для греков крупнейшим городом Ассирии, ставшим ее столицей после падения Ниневии. Термин «Вавилония», впервые встречающийся у Геродота, относился к самому Вавилону и близлежащим территориям, однако Вавилония обычно воспринималась лишь как часть Ассирии. Примечательно, что это было в эпоху, когда Ассирийского государства уже не существовало. Причину столь необычного, с точки зрения современной ассириологии, словоупотребления, по всей видимости, следует видеть в том, что греки впервые услышали о странах Двуречья во времена расцвета Ассирии, когда народы Малой Азии и Сирии — естественные посредники между цивилизациями

Греции и Месопотамии — находились под властью могущественной империи или в зависимости от нее. Сформировавшееся, скорее всего, в архаическую эпоху понятие прочно утвердилось в античной традиции. Что же касается термина «Месопотамия», он появляется только в эллинистический период. Возможно, его ввели в литературу сопровождавшие Александра в его походе историки, чьи труды дошли до нас лишь в незначительных фрагментах. Если обозначения «Ассирия» и «Вавилония» восходят к аккадским топонимам («Ашшур» и «Баб-или»), искаженным в соответствии с особенностями греческой фонетики, то слово «Месопотамия» — чисто греческое. Некоторые исследователи полагают, что оно было калькой с какого-либо местного (в таком случае, надо думать, арамейского) названия, неизвестного нам сегодня. Определение «Месопотамия» в античной традиции, как правило, относилось к территории, простирающейся до места сближения Тигра и Евфрата; ее южной границей считался Вавилон или Селевкия-на-Тигре, с востока же эта область была ограничена Тигром и, следовательно, не включала Ниневию. Привычная для современного историка интерпретация терминов (Месопотамия — долина между Тигром и Евфратом, южная часть которой называется Вавилонией, а северная — Ассирией) возникает, по всей видимости, только в XIX в.

Среди античных авторов, впрочем, не было единства в употреблении топонимов. Например, с точки зрения Агриппы и Плиния Старшего, Месопотамия охватывала всю долину между двух рек, Иосиф Флавий тоже полагал, что Месопотамия включала Вавилонию (которую он называл Халдеей), Страбон, описывая Вавилонию как самостоятельную область, в другом месте своего труда говорит о ней, как о части Ассирии, а о Вавилоне — как о столице Ассирии. Ряд авторов наряду с обозначением «Ассирия» употребляют другое — «Атурия»; «Адиабена» в некоторых случаях трактуется как область Ассирии, а в других — аналогична самому понятию «Ассирия». Колебания в выборе географических названий, таким образом, можно заметить даже в пределах одного и того же произведения. Причины этого вполне очевидны. Авторы грандиозных компиляций эллинистического времени использовали в своих сочинениях совершенно разные по своему происхождению и характеру источники и автоматически следовали им в топонимической терминологии. Так, Страбон, которого в первую

очередь интересовали сведения по географии Переднего Востока, посвящает два отдельных очерка описанию Ассирии и Вавилона, однако, рассказывая об обычаях вавилонян, он воспроизводит свидетельства Геродота и вслед за Отцом истории называет жителей Вавилона ассирийцами. Непоследовательность в выборе топонимов объясняется и тем, что они попадали к грекам в разные эпохи, из разных областей и от разных народов, отражая существующую в тот момент в регионе политическую и административную ситуацию, а иногда — особенности словоупотребления и произношения местного населения. В частности, слово «Атурия», как заметил еще Нельдеке, было заимствовано в греческий язык из арамейского, где этот топоним выглядел как *Athur*, или оно восходит к персидскому *Athura*. Немаловажную роль в словоупотреблении играли и интересы автора: Месопотамия — это понятие чисто географическое, а Ассирия — скорее культурно-историческое. При всем многообразии терминологии доминирующим в античной традиции было определение «Ассирия». Объяснение этому найти нетрудно: по всей видимости, первые сведения о странах Двуречья проникли к грекам еще до падения Ниневии, в ту эпоху, когда Ассирия была могущественным государством, а Вавилония — не более, чем подвластной ей областью. Греки, как правило, не различали этническо-культурную и политико-административную принадлежность человека. Именно поэтому они нередко называли покоренные Ассирией народы (вавилонян или жителей Малой Азии) ассирийцами. Позднее, когда Ассирия и Вавилония стали частью Ахеменидской державы, их обитателей путали с персами. Со временем весьма распространенным становится смешение этнонимов «ассириец» и «сириец», и то и другое обозначение в некоторых случаях могло передавать понятие «азиат».

Античная традиция о странах Двуречья начинает формироваться достаточно поздно. Еще Страбон замечал, что Гомер, говоря о могущественных городах Востока не упоминал ни Вавилон, ни Ниневию. Степень же осведомленности в этих вопросах другого столпа греческого эпоса, Гесиода, остается во многом неясной. В произведениях беотийского поэта, как и в поэмах Гомера, нет даже названий стран Двуречья, однако рассказанный им в «Теогонии» миф о Тифоне, как весьма убедительно показал Гютербок [Güterbock, 1948], имеет большое сходство с хеттским эпосом, причем в столь характерных деталях, которые не позволяют

объяснять это сходство лишь случайным совпадением. Хеттские легенды греки могли узнать через финикийцев, поскольку их изложение встречается в клинописных текстах из угаритского города Рас-Шамры. Другой сюжет из «Теогонии» Гесиода, корни которого нередко ищут на Переднем Востоке, и теперь уже собственно в Двуречье, — это рассказ о борьбе олимпийцев с титанами, перекликающийся с «Энума элиш» — вавилонским эпосом о сотворении мира и победе главного бога Вавилона Мардука над предшественниками. Однако в этом сюжете, в отличие от предыдущего, нет характерных деталей, заставляющих видеть в нем восточное влияние, а сама идея смены власти не нуждается в заимствовании и могла возникнуть самостоятельно у разных народов. Античная традиция, по крайней мере, один раз прямо связывала творчество Гесиода с Ассирией: Аристотель в «Истории животных» сообщает, что в «Орнитологии» этого автора упоминается осада Ниневии. В действительности беотийский поэт вряд ли мог знать о событиях, происходивших на Переднем Востоке в 612 г. до н.э., к тому же «Орнитология», по всей видимости, относилась к многочисленным произведениям, которые приписывались в древности Гесиоду, но на самом деле не принадлежали его перу и были написаны значительно позже времени его жизни.

Фрагменты сохранившейся греческой литературы конца VII—VI вв. до н.э. очень скудны, но здесь мы уже находим упоминания о Вавилоне и Ниневии. В них нет информации об этих городах, но содержится вполне определенная их характеристика, соответствующая той репутации, которая на все последующие века утвердилась в античной традиции за знаменитыми столицами Двуречья.

Поэт-элегик Фокилид (VI в. до н.э.) писал в одном из своих двустуший о Ниневии как о хорошо уже известном читателю городе: «Маленький город на скале, живущий, как следует, лучше безумствующего Нина». Огромный, могущественный, по-своему великолепный город, в котором, однако, царствуют хаос и всевозможные пороки, приведшие в конце концов его к гибели, — вот что такое столица Ассирии для греков. Это один из первых, а может быть, и первый «мегаполис» в европейской традиции, и реакция на него иногда напоминает восприятие мегаполисов в современной цивилизации. Примечательно созвучие тех оценок, которые давали Ниневии греческие и ветхозаветные источники. При этом, если древние евреи имели все основания ненавидеть

ассирийцев, то у греков реальных причин для подобной реакции не было. Скорее всего, они просто знали, какую репутацию имела столица могущественной державы среди своих соседей и подданных.

К Вавилону, если верить дошедшим до наших дней фрагментам ранней греческой традиции, отношение было более благоприятным. В приведенной Страбоном цитате из мелического поэта Алкея (конец VII—VI вв. до н.э.) говорится о его вернувшемся на родину брате, служившем (по всей видимости, в качестве наемника) в вавилонской армии и оказавшем некую услугу вавилонянам. В последние десятилетия среди оксиринхских папирусов было найдено еще несколько строк Алкея, которые многие исследователи считают частью того же произведения. В этом отрывке встречаются слова «священный Вавилон». Фрагментарность творчества Алкея и в целом греческой литературы той эпохи не позволяет судить о том, почему этот город удостоился столь необычной для чужой столицы оценки. В сочинениях античных авторов последующих веков нет и намека на подобное отношение. Можно предположить, что в определении «священный Вавилон» сказался взгляд наемника, вынужденного сражаться в армии вавилонского царя.

Эсхил в «Персах» (472 г. до н.э.) употребляет для определения Вавилона еще один эпитет — «многозлатый». Трудно себе представить, что в эпоху греко-персидских войн, участником которых был великий трагик, столица южного Двуречья выглядела столь же великолепно, как при Навуходоносоре II. Скорее, следует думать, что поэт обратился здесь к традиционной характеристике. «Многозлатым», сказочно богатым Вавилон останется в сознании греков навсегда, хотя им не раз придется воочию убедиться в том, сколь жалким стал некогда блестящий город.

Не случайно, вероятно, греки начинают употреблять топонимы «Вавилон» и «Ниневия» раньше, чем названия стран Двуречья. По всей видимости, им нелегко было воспринять Ассирию с ее расплывчатыми границами и пестрым населением как единое образование. Знаменательно и то, что эпонимом, т.е. родоначальником народов Двуречья, был Нин, имя которого совпадало с греческим названием Ниневии. В других же случаях, эпоним соответствует названию народа: у мидийцев — это Мед, у киликийцев — Килик, у финикийцев — Феникс.

Этноним «ассириец» впервые встречается во фрагменте галикарнассского поэта Паниассиса (V в. до н.э.), родственника Геродота. В приписывавшейся Аполлодору Афинскому (II в. до н.э.) «Библиотеке», представлявшей собою собрание древних мифов, приводится рассказ этого автора о красавице Смирне, дочери некоего ассирийского царя Теанта, которая влюбилась в собственного отца и, хитростью соединившись с ним, родила сына — Адониса. Младенец был так хорош, что из-за него поссорились Афродита и Персефона, а призванный быть третейским судьей Зевс решил, что треть года мальчик должен проводить у одной из них, еще треть — у другой, а остальное время будет свободным. В этой истории, полной чисто греческих деталей и содержащей типичные для греческой литературы коллизии (например, роковая страсть Смирны или невольное участие Теанта в incestе), со всей очевидностью прослеживается хорошо известный по клинописным источникам ассиро-вавилонский сюжет о Думузи и соперничестве из-за него богини любви Иштар и ее сестры, владычицы загробного царства Эрешкигаль. Паниассис, правильно подобрав греческие аналогии для мифологических персонажей, не мог, тем не менее, воспроизвести экзотическую для него ономастику. Имя Теанта ни в малейшей степени не похоже на ассирийское. Что же касается имени его дочери, оно совпадает с названием крупнейшего города Ионии. По всей видимости, это не случайно. В произведениях авторов более позднего времени содержится достаточно намеков на то, что Малая Азия воспринималась греками архаической эпохи как часть Ассирии. Можно думать, что в формировании греческих представлений об этой державе народы Малой Азии, подвластные ассирийцам или находившиеся в зависимости от них, играли весьма значительную роль. Другим посредником между греками и обитателями Месопотамии, по-видимому, была Сирия. Данные археологии указывают на существовавшие уже в VIII в. до н.э. контакты греческих городов с этими землями. В ранних греческих рассказах о странах Двуречья не прослеживается их связь с Сирией, но надо иметь в виду, что те сочинения, фрагменты которых дошли до наших дней, по большей части принадлежали выходцам из Ионии, чем, скорее всего, и объясняется важная роль именно этой области в трактовке исторических событий. На то, что Сирия тоже была для греков посредницей в их контактах с ассирийцами, указывает, возможно, само ее название. Этот регион западной

Азии не был в древности единым государственным образованием, на его территории находилось множество разных государств, и ни одно из них, насколько это известно, не называлось Сирией. Еще в XIX в. Нельдеке высказал предположение, что греческое «Сирия» представляет собой не что иное, как искаженное «Ассирия» [Nöldeke 1871]. Эти земли, подобно Малой Азии или Вавилону, были для греков архаической эпохи лишь частью Ассирии. В ранней традиции известны случаи, когда определение «сирийский», скорее всего, подразумевает «ассирийский». Эсхил говорит о «сирийской» колеснице, вероятно, имея в виду боевые колесницы, которыми славилась именно ассирийская армия. «Рожденная в Сирии» колесница упомянута также в тексте дельфийского оракула, который цитирует Геродот. Кроме того, галикарнасский историк прямо заявляет, что греки называют ассирийцев сирийцами. Точка зрения Нельдеке не раз подвергалась критике, но пока еще не было высказано более правдоподобного объяснения того, каким образом в греческую традицию мог войти этот топоним, не встречающийся в собственно передневносточных источниках. Впоследствии (возможно, именно со времен Геродота) греки начали различать этнонимы «сириец» и «ассириец», но засвидетельствованное в произведениях целого ряда авторов, в том числе эллинистических и римских, смешение этих понятий, возможно, указывает на их единое происхождение.

Кроме непосредственных упоминаний об Ассирии и Вавилоне в сочинениях раннегреческих авторов иногда встречаются сюжеты, в которых можно видеть результат влияния ассиро-вавилонской культуры на греков. Так, басня об орле и лисице, которую рассказывает ямбограф Архилох (VIII–VII вв. до н.э.), и по сюжету, и по отдельным деталям похожа на рассказ об орле и змее, представляющий собой часть так называемого эпоса об Этане. Этот текст известен по нескольким клинописным версиям, в том числе и по новоассирийской, хронологически весьма близкой к эпохе Архилоха. Влияние ассиро-вавилонской культуры, по всей видимости, испытали на себе также ионийские натурфилософы.

Сколь бы ни были скудны и малоинформативны свидетельства раннегреческой литературы о Двуречье, не может вызывать сомнения то, что греки слышали рассказ о странах этого региона не позднее конца VII в. до н.э. Жители Ионии, скорее всего, узнали о них еще раньше, поскольку сражения с ионийцами упоминаются

в ассирийских источниках VIII—VII вв. до н.э., в частности в текстах эпохи Саргона II и Асархаддона. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают оснований видеть в раннегреческих упоминаниях об Ассирии и Вавилоне нечто большее, чем случайные, пришедшие через посредников сведения и легенды. Следует заметить, впрочем, что, по мнению некоторых исследователей, влияние восточной культуры на греков той эпохи было весьма значительным. Наиболее ярко эти взгляды представлены в работах М. Веста. С его точки зрения, все те сюжеты греческой литературы архаической эпохи, которые хотя бы немного походят на передне-восточные, были прямым заимствованием с Востока. В частности, Вест не сомневается в восточном происхождении дидактического эпоса Гесиода «Труды и дни», а также многих сюжетов Гомера. Например, описание горя Ахилла после смерти Патрокла, было, по мнению исследователя, слепком с плача Гильгамеша по Энкиду, а жалобы Ахилла Фетиде поэт создал под впечатлением разговора Гильгамеша с его матерью Нинсун. Среди многих других сюжетов, пришедших, как полагает Вест, с востока, был и цикл мифов о Геракле. Подобная интерпретация греческой культуры архаического периода не является принципиально новой, но нигде еще материал не был представлен так полно, как в обширном труде Веста [West, 1999]. Тезис об основополагающем значении восточной цивилизации для формирования греческой всегда имел своих сторонников и противников, но следует заметить, что пока лишь небольшая часть гипотетических заимствований основана на убедительных аргументах.

Истоки греческой историографии восходят к произведениям первых прозаиков, так называемых логографов. Стремясь соответствовать требованиям эпохи, эти авторы уделяли большое внимание составлению генеalogий знатных родов, возводя их к мифологическим героям. В этих же генеалогиях такие персонажи, как Геракл или Персей, могли иметь восточных, малоазиатских, египетских или ассирийских предков. С точки зрения греков той эпохи боги и герои были общими для всех народов, да и разницу между этносами греки, по-видимому, еще ясно не осознавали, хотя не могли не ощущать ее эмпирически. Среди логографов встречались люди, побывавшие в чужих краях, как, например, Гекатей Милетский, чьи свидетельства о Египте имели большое значение для формирования греческой историографии. Однако

неизвестно, смог ли кто-либо из первых греческих историков посетить гораздо более далекие и труднодоступные Ассирию и Вавилонию. Единственным логографом, чьи рассказы о Вавилоне дошли до наших дней, был Гелланик Лесбосский, современник, скорее всего старший, Геродота. Упоминал ли кто-либо еще из логографов об этих странах, остается неясным.

Свидетельства Гелланика сохранились благодаря цитатам из его трудов в произведениях поздних авторов, прежде всего Стефана Византийского. Среди них рассказ о некоем народе кефенов, эпонимом которых был Кефей, отец легендарной Андромеды. После смерти Кефея они перебрались в другую страну, Артею (так, по мнению Гелланика, в древности называли Персию) и стали предками персов. Бывшая же Кефения получила название Халдеи. Трудно сказать, кто больше виноват в том, что легенда о происхождении халдеев и персов оказалась такой запутанной: Гелланик или цитировавшие его поздние авторы. Во всяком случае, у лесбосского логографа мы наблюдаем характерное для его эпохи и засвидетельствованное также и у Геродота представление о том, что народы отличаются друг от друга только названиями, зависящими от их правителей-эпонимов, и местом обитания. Смена правителя и места жительства превращает один народ в другой. Невнятное свидетельство Гелланика представляет, тем не менее, большую ценность, потому что у этого автора появляется топоним «Халдея», а слово «халдей» употреблено в значении этнонима. Не вызывает сомнений то, что широко встречающийся в античной традиции термин «халдей» восходит к *kaldu* клинописных текстов. Так назывались племена, жившие на самом юге Вавилонии. В нововавилонский период, в VI в. до н.э., это слово уже не встречается в клинописных источниках, и поэтому принято считать, что оно более не использовалось, возможно, по причине ассимиляции халдеев с вавилонянами. Однако сочинения греческих авторов свидетельствуют о том, что этноним оставался в употреблении, иначе непонятно, как бы его могли узнать греки. Благодаря этому фрагменту Гелланика очевидно также, что упоминание Геродота о народе халдеев не является поздней экстраполяцией, как считали некоторые издатели, исходившие из того, что под «халдеями» античная традиция подразумевала исключительно вавилонских жрецов и прорицателей. Такая интерпретация термина, несомненно, была преобладающей в сочинениях греческих и римских авторов,

но она появляется несколько позже, и, по всей видимости, слово «халдей» начинает означать почти исключительно «вавилонский жрец» лишь со времен Ктесия Книдского.

Несмотря на то что фрагменты произведений Гелланика, имеющие отношения к Двуречью, весьма незначительны, очевидно, что многие черты античной историографии этого региона восходят именно к нему. Гелланик, как и большинство древних авторов, рассматривает историю Ассирии и Вавилонии в рамках персидской истории, как предысторию Ахеменидской державы. В трудах Гелланика уже отчасти сформированы персонажи, которых более поздняя традиция будет рассматривать в качестве демиургов ассирийской истории. Это ассирийский царь Сарданапал, вернее даже два Сарданапала, один — смелый и мужественный, другой — слабый и изнеженный. По всей видимости, впоследствии из этого образа выросли фигуры первого и последнего царей Ассирии: Нина и Сарданапала. Гелланик рассказывал также об «ассирийской» царице Атоссе. В этой женщине-воительнице, которая управляла государством и во всем походила на мужчину, со всей очевидностью угадывается облик знаменитой Семирамиды.

Качественно новым этапом в развитии греческой историографической традиции о странах Двуречья стал труд Геродота Галикарнасского. С хронологической точки зрения он создан, по видимому, лишь немногим позже, чем сочинения Гелланика, по методам же работы — это произведения разных эпох.

Рассказ Геродота представляет собой самый ранний очерк о Вавилоне, полностью дошедший до наших дней. Это сочинение, посвященное истории греко-персидских войн, содержит описание завоеванных персами земель и народов. Уже не раз замечалось, что «Историю» Геродота следовало бы назвать «Этнографией». Она представляет собой, скорее, очерки землеописания, обычаев и культуры народов Востока, а не собственно историческое повествование. Любопытный Галикарнассец говорит почти исключительно о современном ему Вавилоне: он описывает защитные и ирригационные сооружения города, его улицы, прямые и широкие, дома в несколько этажей, четырехугольное святилище бога Бела и еще одно — ступенчатое (очевидно, что имеются в виду Эсагила, храм главного бога Вавилона Мардука, и находившийся на территории того же храмового комплекса зиккурат Этеменанки). Внимание и античных авторов более поздних веков,

и исследователей новейшего времени привлекали красочные описания обычаев вавилонян, особенно процедуры сватовства, не имеющей, впрочем, насколько это сегодня известно, никакого отношения к реальным традициям вавилонян.

Рассказ Геродота о Вавилоне нередко вызывал суровую и даже ожесточенную критику древних и современных историков. Среди древних обличителей Галикарнасца в первую очередь следует назвать Ктесия Книдского, а среди исследователей новейшего времени — Сейса [Sayce, 1883]. Сейс совершенно справедливо указывал на противоречия и явные несуразности в сочинении Геродота: например, он подробно описывает размеры городских стен, а в другом месте своего труда сообщает, что эти стены были скрыты по приказу Дария I, наказавшего вавилонян за мятеж. Остается загадкой, каким образом, в таком случае, их мог увидеть и описать греческий путешественник. Очевидно, утверждал Сейс, что Геродот на самом деле никогда не был в Вавилоне, а все рассказанное им об этом городе писатель почерпнул не из рассказов местных жителей, а из сочинений других греческих авторов. Позиция Сейса находит сторонников и в наши дни, наиболее ярко она выражена в работах австрийского исследователя Роллингера [Rollinger, 1993; 2000].

Трудно спорить с тем, что рассказ Геродота, с точки зрения современного ассириолога, полон ошибок и нелепостей. Из этого, однако, еще не следует, что его автор действительно никогда не входил в ворота Вавилона, а лишь переписывал труды своих предшественников. Прежде всего, у нас нет серьезных оснований считать, что такие произведения вообще существовали или что их авторы знали Вавилон лучше, чем сам Отец истории. Из дошедших до нас фрагментов сочинений писателей, создавших свои сочинения ранее, чем труд Геродота, сегодня известен лишь небольшой отрывок Гелланика о кефенах и халдеях, отнюдь не свидетельствующий о хорошем знакомстве автора с историей или культурой Вавилонии. Кроме того, если бы кто-либо из предшественников Геродота посвятил этому региону значительное место в своем творчестве, этот факт, скорее всего, отразился бы в более поздней литературе. Между тем античная традиция всегда называет лишь двух древних авторитетов в этой области — Геродота и Ктесия, иногда прибавляя к ним Гелланика Лесбосского. Какие-то сведения о Вавилоне в произведениях догеродотовой эпохи, безусловно, встречались. До него сформировалась и репутация

Вавилона как могущественного и великолепного, «золотого» города. Геродот, вероятно, находился в плену этой существовавшей до него традиции. Он пытался описать блистательную столицу, вероятно, действительно заимствуя какие-то сведения из трудов более ранних авторов. Собственно же описание Вавилона, его планировки, основных достопримечательностей, методов строительства, по всей видимости, — результат наблюдений самого Галикарнасца. В начале XX столетия на месте древнего Вавилона начала работать экспедиция Германского археологического общества во главе с Кольдевеем. Через несколько десятилетий участник этой экспедиции Ветцель посвятил специальную работу сравнению Вавилона, описанного Геродотом, с тем городом, руины которого предстали перед глазами археологов [Wetzel, 1944]. Несомненно, как утверждал Ветцель, — это один и тот же город. Геродот в целом правильно описывает его планировку, что, по-видимому, было доступно только человеку действительно там побывавшему. Мы можем сравнить труд Геродота с произведениями более поздних авторов, которые сочиняли свой рассказ о Вавилоне, пользуясь лишь письменными источниками. Эти писатели перечисляют достопримечательности, но не их расположение, они не знакомы с планом города. Не вызывает сомнения то, что Галикарнассец многое преувеличил, рассказывая о баснословно высоких и широких стенах и величественных, блистающих золотом сооружениях вавилонской столицы. Ведь в его время город должен был уже находиться в полуразрушенном состоянии, о чем иногда проговаривается и сам знаменитый путешественник. Так, про одно из зданий он замечает: «и при мне оно еще стояло». Эта фраза заставляет предположить, что далеко не все, описанное историком, действительно еще существовало в его время. В этом, возможно, и разгадка противоречия, возмущившего Сейса: по словам Геродота, городские стены были разрушены персами (это в любом случае не означает, что их срыли до основания), но автор изображает их такими, какими, будто бы, они были когда-то. При этом он, возможно, действительно опирался на раннюю, сообщавшую фантастические сведения традицию. По всей видимости, в сознании Геродота существовал некий образ великого Вавилона, сформировавшийся в ранней греческой литературе, и, увидев полуразрушенный, пришедший в упадок город, писатель пытается воссоздать его таким, каким он был в эпоху своего расцвета.

Ветцель, не сомневавшийся в том, что рассказ Геродота основан на собственных наблюдениях, в то же время замечал, что гораздо большее удивление, чем ошибки Галикарнасца, вызывает отсутствие каких-либо упоминаний о наиболее ярких памятниках этого города, прежде всего, о Воротах Иштар. Должно ли это означать, что Ворота уже тогда были разрушены, или греческому путешественнику по каким-то причинам эта часть города оказалась недоступной, остается только догадываться.

Геродот лучше, чем его предшественники и современники ориентировался в этнической принадлежности народов Переднего Востока. Он различал ассирийцев и сирийцев и не путал народы Двуречья с персами, мидийцами или евреями. Геродот, правда, не видел разницы между Ассирией и Вавилонией, но Отец истории оправдывает общность культуры ассирийцев и вавилонян и отсутствие политической самостоятельности этих государств в его эпоху. При этом галикарнасский историк во многом зависел от своих предшественников — логографов и включал в свое произведение их нелепые генеалогические построения, связывающие ассирийских царей с греческими героями Гераклом и Персеем.

Рассказ о Вавилоне у Геродота, как уже замечалось, по жанру похож на путевой очерк, это ни в коей мере не собственно изложение истории стран Двуречья. Писатель обещает рассказать об истории Ассирии в специальном «Ассирийском логосе». Вряд ли, однако, Отец истории исполнил свое обещание, так как античные авторы более поздних эпох, постоянно цитируя сведения о Двуречье из его «Истории», ни словом не упоминают «Ассирийский логос».

В труде Геродота уже упомянуты все основные, с точки зрения античной традиции, персонажи ассиро-вавилонской истории: Нин, Семирамида, Сарданапал, но их образам еще очень далеко до той яркости, которую они получают в более поздней традиции. Из исторических персонажей упомянуты лишь царицы Семирамида и Нитокрида и последний, с точки зрения Геродота, царь Вавилона Лабинет. Лабинет, очевидно, — это не что иное, как искаженное имя последнего царя Вавилонии Набу-наида, при котором город был захвачен Ахеменидами. отождествление великой строительницы Нитокриды с кем-либо из реальных правителей Двуречья вызвало бурные дискуссии в современной науке. Имя Нитокриды — явно египетское, оно встречается в Египте и имеет

хорошую египетскую этимологию. Поскольку здания, строительство которых автор приписывает этой царице, были в действительности сооружены в эпоху Навуходоносора II, некоторые исследователи полагали, что эта правительница была египетской принцессой, вышедшей замуж за Навуходоносора. Существует и еще одно объяснение: «Нитокрида» — это и есть искаженное «Навуходоносор». Однако все эти построения вызвали справедливую критику, поскольку нет никаких других оснований утверждать, что знаменитый вавилонский царь действительно был женат на египтянке. Скорее объяснение надо искать в ошибке Геродота: греческий историк, создававший свой труд уже после возвращения из путешествий, мог перепутать вавилонскую царицу с дочерью фараона Псамметиха I по имени Нитокрида, действительно прославившейся в Египте своей строительной деятельностью. И Лабинет, и Нитокрида в трудах греческих авторов больше почти не появляются, зато Семирамиде, лишь вскользь упомянутой у Геродота, в античной, а потом и в европейской литературе было уготовано блестящее будущее.

Именно отсутствие в труде Геродота сведений по истории Двуречья сыграло, по-видимому, решающую роль в том, что в греческой традиции прочно утвердилась версия ассирийской истории, сочиненная Ктесием Книдским. Биография этого автора известна нам лишь немногим лучше, чем жизнь Отца истории. Мы знаем только то, что Ктесий рассказывает о себе сам: он попал в плен и был придворным врачом ахеменидского царя Артаксеркса II, посвящая свободное от основных обязанностей время литературным трудам, которые сам он считал научными. Ктесий не писал ассирийскую или вавилонскую историю как таковую: в соответствии с утвердившимися уже тогда представлениями, он посвятил свое сочинение персидской истории, предысторией к которой служили ассирийско-вавилонские события. В этом он следует традиции, засвидетельствованной уже у Гелланика, труд которого тоже назывался «Персидская история», но содержал при этом сведения об Ассирии и Вавилоне. Несмотря на свою огромную популярность в древности, труд Ктесия до нас не дошел, сохранившись лишь в кратком пересказе константинопольского патриарха Фотия и в цитатах других авторов. Фотий, объемистый труд которого представлял собою конспекты сочинений различных авторов древности, в главе, посвященной Ктесию, полностью исключил из своего

конспекта рассказ об Ассирии и Вавилоне. Эту лакуну в какой-то степени позволяют заполнить лишь произведения эллинистических писателей Диодора Сицилийского и Николая Дамасского. Эти авторы работали в модном в эллинистическую эпоху жанре всемирной истории, обязательной составной частью которой была ассирийская история (включавшая и историю Вавилона). Сочинение Ктесия послужило весьма важным, если не первостепенным, источником для обоих, однако реконструкция произведения Ктесия на основании трудов Диодора и Николая представляет значительные трудности. Рассказ Диодора включает наряду со свидетельствами Ктесия цитаты из других авторов, в том числе раннеэллинистической эпохи, и определить, в каких именно случаях Сицилиец опирался на авторитет придворного врача Артаксеркса, далеко не всегда возможно. Что же касается Николая Дамасского, то он, по всей видимости, цитировал своего предшественника почти дословно, сохраняя все красоты его цветистого стиля и риторические приемы, но сочинения самого Николая сохранилось лишь в нескольких фрагментах. Несмотря на скудость наших источников, очевидно, что ценность труда Ктесия, с точки зрения античного читателя, заключалась не только в искусном изложении и умело закрученной интриге: он разработал простую и стройную схему ассирийской истории. В соответствии с нею, историю великой державы можно было разделить на три периода: основание государства и начало завоеваний при царе Нине, расцвет Ассирии в эпоху его жены Семирамиды, прославившейся своими военными подвигами и строительной деятельностью, и наконец, упадок и гибель при Сарданапале. Нин, таким образом, построил одну знаменитую столицу Двуречья — Ниневию, Семирамида — другую, Вавилон. Все в этой схеме было логично и соразмерно, все ясно и понятно. Кроме того, рассказ Ктесия, насколько позволяют судить цитаты из различных авторов, был полон драматических коллизий и романтических эпизодов. Неудивительно, что изложенная книдским автором версия истории Ассирии навсегда оставалась для греков, а потом и римлян основной.

Если вопрос о посещении Вавилона Геродотом до сих остается для некоторых исследователей спорным, то пребывание, причем достаточно длительное, Ктесия на Переднем Востоке не может вызывать сомнений. Тем более интересен вопрос об источниках его сведений. Сам придворный врач Артаксеркса утверждал,

что работал в персидских архивах и читал там документы «на кожах» (т.е. пергамены). Однако рассказ Ктесия об Ассирии свидетельствует об отсутствии у него каких-либо знаний не только по истории этой страны, но и о современном ему состоянии дел. Так, в частности, он полагает, что Ниневия стоит на Евфрате, хотя в действительности она расположена на Тигре. Несмотря на незначительное число сохранившихся фрагментов произведения Ктесия, его источники по истории Ассирии и Вавилона достаточно очевидны — это труды предшественников Ктесия, греческих авторов. Все, в чем древние и современные историки обвиняли Геродота, в гораздо большей степени применимо к его злейшему критику — Ктесию. Так, например, встречающийся у книдского писателя эпизод с возвышающимся в Ниневии, над рекой (с его точки зрения, Евфратом) и заметным издалека погребальным холмом над могилой Нина заставляет вспомнить слова Гектора из «Илиады» о заметном с реки холме, насыпанном над могилой славного героя. К тому же, сооружение холмов над погребениями было абсолютно чуждо погребальным обычаям жителей Месопотамии. Рассказ о погибшей от несчастной любви Деркетю, матери знаменитой Семирамиды, заставляет вспомнить произведение Ксанфа Лидийского, образ Сарданапала возник под влиянием прочно утвердившихся уже к тому времени в античной традиции представлений об утопающем в роскоши богаче Сарданапале, а Семирамида, которая была у Геродота лишь вскользь упомянутой царицей Вавилона, приобрела черты Атоссы Гелланика. По-видимому, именно Ктесий был создателем этого образа сказочной красавицы, превосходящей мужчин умом и воинскими талантами. Имя Семирамиды было известно грекам до Ктесия, оно представляет собою искаженное «Саммурамат». Так звали жившую в IX в. до н.э. ассирийскую царицу, жену Шамши-Адада V и мать Адад-Нерари III. Никакими другими клинописными свидетельствами о Саммурамат мы не располагаем, представления же о том, что она была регентшей при малолетнем сыне и фактически правила государством, восходят к рассказам античных авторов и никак не подтверждаются современной ассириологией. Что же касается Семирамиды греческой традиции, то это — чисто литературный персонаж, созданный, по большей части, из элементов различных легенд, почерпнутых из греческой же традиции более раннего времени.

Важным источником послужил для Ктесия и сам Отец истории. Критикуя Геродота, он нередко пересказывает его свидетельства, преувеличивая их до полной нелепости. Так, если Галикарнассеец говорит о том, что по городской стене Вавилона может проехать колесница, запряженная четверкой лошадей, то у его книдского коллеги эта стена становится гораздо шире: по ней может проехать шестерка лошадей. Если Геродот говорит о золотой статуе главного бога Вавилона Бела, о золотом столе и ложе на вершине его ступенчатого храма, то у Ктесия количество золотых статуй богов, украшающих фасад храма, возрастает уже до трех, а кроме того приводится точный вес этих статуй и их атрибутов. Указание точных цифр в рассказе о несуществующих событиях — это вообще характерная черта стиля Ктесия, а в том, что эта информация полностью выдумана, не может быть никаких сомнений, — ведь украшение фасадов храмов круглой скульптурой совершенно чуждо ассиро-вавилонской архитектуре. Подобное описание могло выйти только из-под пера грека. При этом Геродот, свидетельство которого, по-видимому, послужило источником вдохновения для Ктесия, говорит лишь о статуях внутри храма.

Рассказ Ктесия, при всех его чудовищных ошибках и нелепостях, содержит иногда историческую правду. Так, отрывок из труда Николая Дамасского, посвященный конфликту Семирамиды со старшими сыновьями, замыслившими убить ее сына от Нина и наследника престола Ниния, скорее всего, представляет собою реминисценции из биографии Синаххериба, убитого собственными сыновьями из-за того, что он собирался, последовав уговорам своей влиятельной жены Накии (как и Семирамида, уроженки Сирии!), передать трон ее сыну Асархаддону. Однако Ктесий жил не в Ассирии, а в Персии, или иногда в Вавилонии, и после описываемых событий прошло более двух веков. Трудно представить себе поэтому, что источником книдского автора были рассказы местных жителей, скорее всего и здесь он опирался на произведения ранних греческих авторов, живших вскоре после падения Ниневии и зафиксировавших в своих трудах рассказы о могущественных ассирийских царях, подобных рассказу о последнем царе Ассирии «Сарданапале». Несмотря на все очевидные недостатки ассирийской истории Ктесия, осознаваемые уже древними авторами, она даже после появления труда вавилонянина Бероса

оставалась основной, если не единственной версией ассирийской истории в античной традиции.

Еще одним греческим писателем, чье пребывание в Месопотамии не может вызывать сомнений, был Ксенофонт. Вместе с отрядом греческих наемников, служивших у Кира Младшего, брата Артаксеркса II, ему пришлось после гибели Кира пройти через всю территорию Двуречья до Армении, чтобы оттуда отправиться на родину. События того времени Ксенофонт изложил в своем «Анабасисе». Этот рассказ, содержащий некоторые сведения о природе, флоре и фауне страны, поражает отсутствием каких-либо знаний о ее истории и культуре. Наемника, брошенного на произвол судьбы на чужбине, возможность добыть провиант интересовала гораздо больше, чем ассирийские и вавилонские древности. Отношение к истории Двуречья не изменилось у Ксенофонта и впоследствии, когда он писал «Киропедию». В произведении, посвященном Киру, основателю Ахеменидской династии (так называемому Киру Старшему) фигурирует некий слабый и трусливый ассирийский царь, правивший, по мнению автора, Вавилоном. Вероломная агрессия ассирийца заставила юного Кира выступить против него, и жалкий владыка Вавилона был побежден отважным и благородным персом. Ксенофонт, как следует из его труда, совершенно не знал истории Ассирии и Вавилона и использовал в рассказе об этих странах обычные для античной традиции клише о трусости, вероломстве и изнеженности народов Переднего Востока. Страны Двуречья интересовали автора только в качестве фона для событий, описываемых в его произведении, и с этой точки зрения «Киропедия» была предшественницей романов позднеэллинистического времени, действие которых происходило в далеких восточных странах, являвшихся чем-то вроде «тридевятого царства» русских сказок.

Ксенофонт оказался предтечей нового этапа в истории взаимоотношений греков и народов Востока — эпохи эллинизма. Вместе с Александром Македонским в Азию пришли историографы, призванные не только увековечить подвиги царя, но и описать экзотические восточные земли. Прославленный Вавилон, который Александр собирался сделать столицей своей новой державы, вызывал, очевидно, их особый интерес. Произведения раннеэллинистических историков, сопровождавших Александра в его походе, — Онесекрита, Неарха, Каллисфена, Аминты, Аристобула —

сохранились лишь в незначительных фрагментах, причем далеко не всегда с указанием авторства. По всей видимости, спутники Александра не только излагали сведения по землеписанию Двуречья, они также описывали древние памятники. При этом греческая традиция доэллинистической эпохи служила пришедшим в Азию грекам своего рода «путеводителем», с помощью которого они пытались интерпретировать увиденное. Труды участников похода впоследствии стали источником для Феофраста, Клитарха, Диодора, Страбона, Арриана, римского историка Курция Руфа и некоторых других поздних авторов. Вероятно, к свидетельствам историков Александра в значительной степени восходит подробное описание Вавилона, сделанное Диодором Сицилийским. В его основе, по всей видимости, лежит сочинение Ктесия (об этом прямо говорит сам Диодор), однако полные технических деталей рассказы о строительстве моста и висячих садов, а также сделанное вскользь замечание о запустении Вавилона заставляют думать, что в этих случаях Диодор обращался к трудам спутников Александра.

В раннеэллинистическую эпоху был создан и труд вавилонянина Бероса, изложившего по-гречески и для греков историю своей родины. Это сочинение, написанное неуклюжим греческим языком и содержащее длинные списки царей и другие малоинтересные для греческого читателя сведения, не пользовалось успехом в античности и дошло до наших дней лишь во фрагментах, значительная часть которых известна благодаря «Хронографии» Евсевия. Эти фрагменты свидетельствуют о том, что Берос был знаком с ассиро-вавилонской литературой и мифологией, причем нередко излагал поздние, по-видимому, распространенные в его время версии произведений, отличавшиеся от дошедшей до наших дней клинописной традиции. В некоторых случаях Берос пытался полемизировать с греческими авторами, писавшими о Вавилоне. Так, он рассказывает новую версию строительства висячих садов: их построила не Семирамида, а Навуходоносор, жена которого, мидийская царевна, тосковала по флоре и климату своей родины.

В позднеэллинистическое и римское время к истории Ассирии и Вавилона обращаются создатели модных в ту эпоху всемирных историй, такие, как упоминавшиеся уже Диодор, Николай Дамасский или Помпей Трог, чей труд сохранился только в epitome Юстина. Ассирийская история в изложении этих авторов

восходит к Ктесию. Другим популярным жанром эпохи эллинизма были географические компендиумы, состоящие из описаний всех известных грекам и римлянам стран. Одно из самых ценных античных свидетельств о долине Тигра и Евфрата представляет «География» Страбона, рассказывающая о природе, ирригации, сельском хозяйстве, быте жителей Вавилонии. Источниками Страбона служили Геродот, Эратосфен, а также, по-видимому, историки-спутники Александра и Посидоний. Еще одним произведением подобного жанра была «Естественная история» Плиния Старшего, содержащая не только сведения по географии Месопотамии, но также рассказы о ее флоре и полезных ископаемых. Упоминания о странах Двуречья есть в «Географии» александрийского ученого Клавдия Птолемея, а его «Алмагест» является ценным источником по вавилонской науке.

Рассказы или упоминания об Ассирии и Вавилоне можно найти в трудах многих других античных авторов, причем некоторые из них заставляют предположить, что традиция была гораздо более богатой, а ее источники гораздо более разнообразными, чем это представляется сегодня. Среди этих источников были и чисто греческие фольклорные и литературные сюжеты, и, с другой стороны, рассказы, имевшие отчетливо выраженное ассиро-вавилонское происхождение. Особое место в формировании традиции составляли труды эллинизированных иудейских авторов, в частности Александра Полигистора и Иосифа Флавия.

Античная традиция о странах Двуречья — это прежде всего греческая традиция. Римляне, писавшие об Ассирии и Вавилоне, чаще всего повторяли рассказы греков. Оригинальные свидетельства об этих землях появляются в их произведениях лишь в ту эпоху, когда Рим вел войны на Переднем Востоке, однако к этому времени ассиро-вавилонская культура, по-видимому, уже угасла.

Большое значение для реконструкции античной историографии Двуречья имеют труды раннехристианских и византийских историков. Они, как правило, не ставили себе целью собственно изучение истории Ассирии и Вавилона, но, рассуждая о вопросах христианской истории и морали, иногда привлекали материалы античной историографии об этих странах. Одним из наиболее ценных источников информации служит «Хронография» Евсевия Кесарийского, написанная по-гречески, но дошедшая до наших дней лишь в армянском переводе. Именно Евсевию современная

наука обязана большинством известных сегодня фрагментов Бероса, а также цитатами из Кастора Родосского, Кефалиона, Абилены.

Ассирия и Вавилония представляли для античного мира меньший интерес, чем Египет, Персия и некоторые другие страны Востока. Рассказы греков и римлян о Двуречье скудны, к тому же часто полны нелепостей и грубых ошибок. Однако именно эти свидетельства послужили фундаментом и отправной точкой для становления ассириологии и археологии Двуречья.

Библиография

[Güterbock, 1948] — *Güterbock H.G.* The Hittite Version of the Hurrian Kumarbi Myths: Oriental Forerunners of Hesiod // *AJA*. 1948. V. 52, N 1.

[Nöldeke, 1871] — *Nöldeke Th.* Assyrios Syrios Syros // *Hermes*. 1871. Bd. 5.

[Rollinger, 1993] — *Rollinger R.* Herodots babylonischer Logos. Innsbruck, 1993.

[Rollinger, 2000] — *Rollinger R.* Herodot. Hildesheim, 2000.

[Sayce, 1883] — *Sayce A.H.* The Ancient Empires of the East. Herodotos I–III with Notes. L., 1883.

[West, 1999] — *West M.L.* The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth. Oxford, 1999.

[Wetzel, 1944] — *Wetzel F.* Babylon zur Zeit Herodots // *ZA*. 1944. Bd. 14 (48).

ГЛАВА 7

Религия древней Месопотамии в современной историографии

§ 1. Основные тенденции в исследовании месопотамской религии

«Религией древней Месопотамии» называют политеистические верования народов Шумера, Вавилонии и Ассирии, распространенные с конца IV тыс. до н.э. по начало н.э. на территории современного Ирака. Сведения о месопотамской религии дошли из клинописных источников, составленных на шумерском и ассирио-вавилонском (аккадском) языках, а также из немногочисленных сохранившихся памятников искусства (остатки храмов, изображения на статуях, барельефах и цилиндрических печатях).

Достижения в области изучения месопотамской религии находятся в прямой зависимости как от тенденций общественной мысли, так и от филологических успехов ассириологии. Пока науке были известны только немногочисленные мифологические и ритуальные тексты ассирийского и поздневавилонского периода, все, что могли исследователи религии — это сопоставлять отдельные известные им тексты с образами и мотивами Ветхого Завета, гомеровского эпоса или европейского фольклора. История науки знает два таких сопоставительных периода. В 1910—1920-е гг. предметами сопоставления были те сюжеты, в которых искали предпосылки иудейского монотеизма или эстетического гения греков. В 1930—1940-х гг. те же тексты служили материалом для социологического и этнологического анализа, и теперь исследователи искали в них подтверждение марксистских законов классовой борьбы, теории праритуала Дж. Дж. Фрэзера, феодально-капиталистической схемы Э. Мейера или религиозно-этической системы М. Вебера. С конца 1940-х гг. ситуация медленно начинает

изменяться в сторону углубленного изучения новых коллекций, прежде всего — шумерских библиотек из Ниппура, Ура, Исины и Ларсы. Заново публикуются многие тексты из архивов Лагаша. Результатом этой работы к началу 1960-х гг. становятся религиозно-исследовательские исследования, в которых месопотамская религия изучается как феномен, отдельный от библейско-гомеровского культурного круга, равно как и от фольклорных параллелей. Предпринимается попытка системного описания шумерской и вавилонской религии по данным письменных памятников, но принимаются во внимание и свидетельства памятников искусства. 1960—1980-е гг. оказываются щедры на публикации литературных и ритуальных текстов (в том числе заговоров), гадательных и астрологических табличек, топонимических и теонимических списков. Эти публикации позволили перейти от привычного ассириологии литературоведческого анализа религиозных текстов к попыткам рассмотреть некоторые аспекты истории религии. Именно эта эпоха породила самый значительный по сию пору труд по истории месопотамской религии — монографию Т. Якобсена «Сокровища тьмы. История месопотамской религии». Тогда же появляется и значительное число монографий, посвященных отдельно взятым божествам месопотамского пантеона. Активизируют свою работу искусствоведы, которые с этих пор занимаются уже не отдельными мотивами искусства, но композицией и внутренней структурой памятников в их связи с культовым пространством и временем. В 1990-е гг. начинается работа по систематизации всех клинописных источников в компьютерных базах данных. Создание таких баз позволило изучать пантеоны различных городов и религиозную жизнь в различные эпохи древней истории. Кроме того, 1990-е гг. характерны углублением в проблемы культового пространства (городской и мифологической топонимики), культового календаря и календарных праздников как городов Месопотамии, так и прилегающих местностей (Мари, Эмар). Эта работа продолжается и поныне, перемежаясь с обработкой новооткрытых клинописных документов из городов Сирии, хранящих немало ценной информации религиозного характера.

Несмотря на постоянный интерес ассириологов к проблемам религиоведения, большая часть исследований носит филологический характер (это издания памятников и комментарии к ним). Несколько раз предпринимались попытки создания монографий,

обобщающих современные исследователям публикации памятников религии [Jastrow, 1902–07; Dhorme, Dussaud, 1949; Bottéro, 1952]. Известны также справочники и развернутые очерки религии в энциклопедиях [Deimel, 1914; Edzard, 1965; Афанасьева, 1981; Leick, 1991; Black, Green, 1992]. Однако теоретические разработки в этой области встречаются крайне редко, и крупных специалистов по истории месопотамской религии легко можно перечислить по пальцам одной руки. Это Ш. Фоссе, С.Н. Крамер, Т. Якобсен, Я. ван Дейк, В.К. Афанасьева, И.С. Клочков, Г. Зельц. В последние годы своей научной деятельности проблемами религии и мифологии интересовался И.М. Дьяконов. Не следует также забывать и о величайшем скептике ассириологического религиоведения.

Один из крупнейших ассириологов двадцатого столетия А.Л. Оппенгейм высказывал серьезные сомнения по поводу возможности изучения месопотамской религии. В его книге «Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации» есть раздел, который так и называется: «Почему не следует писать „очерка месопотамской религии“». Оппенгейм пишет: «Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии — задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует. Соображения эти двоякого рода: они связаны, во-первых, с характером доступных нам источников и, во-вторых, с проблемой преодоления барьеров концептуального характера» [Оппенгейм, 1990: 136]. Источники не доносят до нас мировосприятие древнего человека во всем его объеме. Кроме того, с религиозным чувством у жителей древней Месопотамии, по мнению Оппенгейма, были большие проблемы: «Человек жил в чрезвычайно умеренном религиозном климате, определявшемся скорее социальными и экономическими, чем культовыми координатами. Его надежды и страхи, так же как и его моральные представления, не распространялись за пределы узкого городского и сельского общества» [Оппенгейм, 1990: 139]. Что же касается барьеров концептуального характера, то исследователь убежден, что западный человек не сможет адекватно воспринять информацию, доносимую древними источниками, поскольку «в течение целого века он старается подогнать эти чуждые измерения под свои привычные мерки, прибегая к таким аналогиям, как анимистические теории, обожествление природы, космическая мифология, растительные циклы, дологическое мышление и тому подобные панацеи, и пытается околдовать их посредством абра-

кадабры из маны, табу и оренды. Результатом же в лучшем случае было безжизненное схоластическое синтезирование или гладко изложенные систематизации, расцвеченные бесчисленными хитроумными сравнениями и параллелями, возникавшими в результате выдергивания фактов со всех концов земного шара и из всех закоулков истории человечества» [Оппенгейм, 1990: 145].

Не стоит забывать этих предостережений великого скептика. Поэтому в данном разделе будут освещены только работы, созданные специалистами-ассириологами. Этнологические и религиозно-ведческие спекуляции на тему вавилонской религии (Дж.Дж. Фрэзер, С.Г. Хук, М. Элиаде) нами здесь не рассматриваются.

Вавилон и Библия. Интерес к исследованию месопотамской (шумеро-аккадской) религии появился у европейской общественности в начале 1870-х гг., когда ассистент египетско-ассирийского отдела Британского музея Дж. Смит опубликовал фрагмент эпоса о герое Гильгамеше, содержащий легенду о потопе [Керам, 1986]. Содержание легенды во многих чертах повторяло фабулу библейского рассказа, но в то же время оно было намного архаичнее последнего; поэтому появилась необходимость в систематическом сравнении клинописных источников с данными библейского канона. Активнее всех этой работой занимались немецкие филологи, выпускники богословских школ и факультетов. В результате сложилось идейно-теоретическое направление, получившее название «панвавилонизм».

Основные идеи панвавилонизма — происхождение мировой культуры из культуры древней Месопотамии (шумерской и вавилонской) и вторичный характер Библии как источника по истории древнего Востока. Панвавилонизм возник как следствие: а) открытия Вавилона и Ашшура германскими археологами (Р. Кольдевей, В. Андре и др.), б) развития библейской критики и семитского языкознания в Германии (преимущественно в Берлинском университете). Виднейшими представителями этого направления были основатель немецкой ассириологической школы Ф. Делич, аккадист и один из основателей хеттологии Г. Винклер, аккадист и литературовед П. Йензен, историк вавилонской религии А. Иеремиас.

Панвавилонизм не создал единой философской или идеологической системы. Утверждения его представителей носят индивидуальный характер. Так, Ф. Делич в своей книге «Библия и Вавилон» утверждал, что первые 11 глав Книги Бытия (сотворение

мира, рай и грехопадение, потоп, строительство вавилонской башни) являются компиляцией мифов древней Месопотамии (что впоследствии подтвердила шумерология) и, следовательно, нужно признать всю ветхозаветную историю человечества сфальсифицированной еврейскими книжниками. На этом основании он предлагал исключить Ветхий Завет из сферы богословия и представить его исследование филологам, изучающим семитские языки (прежде всего — ассириологам) [Делич, 1906; также Бецольд, 1904]. Другой сторонник панвавилонизма Винклер сперва был убежден в том, что вся ветхозаветная история до Давида представляет собой комбинацию солнечных и астральных мифов древних вавилонян, а затем распространил убеждение подобного рода на христианскую догматику (по его мнению, выводимую из вавилонских солярных мифов и ритуалов) [Винклер, 1913]. Последовавшие за ними Йенсен, Иеремиас, Г. Циммерн и другие выводили литературные произведения, мифологии и религиозные традиции народов мира (в том числе Японии и доколумбовой Америки) из клинописной литературы, религии и мифологии вавилонян [Jeremias, 1904; Jeremias, 1929].

В дискуссиях на тему «Babel und Bibel» принимали участие самые известные ученые и политики Германии, в том числе и сам император Вильгельм II, лично слушавший лекции Делича в Немецком восточном обществе. Рассуждения сторонников панвавилонизма были выгодны для германской военно-промышленной элиты, давно мечтавшей об экспансии на Ближний Восток. Поэтому государство открывало фонды для финансирования археологических экспедиций в Ираке, способствовало созданию кафедр ассириологии и семитских языков по всей стране. К этому нужно прибавить заметный уже тогда среди немецкой интеллектуальной элиты антисемитизм и увлечение идеями социального дарвинизма (согласно которому, есть полноценные и неполноценные народы и общественная жизнь протекает по законам борьбы за существование). К началу 1910-х гг. панвавилонизм стал превращаться в учение о превосходстве Вавилона и произошедших от него культур (по сути, культур всего мира) над еврейской культурой, якобы исказившей первоначальный замысел вавилонян и сфальсифицировавшей историю человечества.

Последовательная критика панвавилонизма была проведена немецким ассириологом и историком астрономии Ф. Куглером

при поддержке египтологов всего мира [Kugler, 1910]. Если Куглер поставил под сомнение возможность существования вавилонских астральных мифов до VIII в. до н.э. по причине отсутствия в более древние эпохи научной астрономии (что впоследствии оказалось неверно), то египтологи Э. Мейер, Х. Ранке и Б.А. Тураев подошли к делу более основательно. В своих трудах по истории древнего Востока они доказали, что древнеегипетская цивилизация до середины II тыс. до н.э. развивалась без участия месопотамской. Впоследствии к ним присоединились кавказоведы, африканисты, японисты, а также специалисты по культурам доколумбовой Америки. Их совместными усилиями была доказана несостоятельность панвавилонизма как культурно-исторической теории [Тураев, 1935; Johanning, 1988; Lehmann, 1994].

Панвавилонизм можно считать своеобразной проекцией политической идеи германского превосходства на историю древнего мира. Конец его влияния на науку и богословие совпадает со временем поражения Германии в Первой мировой войне (1918). Вместе с тем филологические открытия и религиоведческие наблюдения сторонников панвавилонизма способствовали развитию библейской критики, эпосоведения, истории религий древнего Востока, истории астрономии.

Идеология панвавилонизма к концу 1940-х гг. причудливо отразилась в разработках американской шумерологической школы (Э. Спейзер, У.Ф. Олбрайт), приведя С.Н. Крамера и его последователей (прежде всего В.В. Халло) к признанию шумеров учителями западной цивилизации. Крамер находит в первых главах Книги Бытия множество реминисценций и даже прямых заимствований из шумеро-аккадской словесности, которых он насчитывает пятнадцать: 1) миф о сотворении вселенной из изначального моря божеством Элохим (возможно, шумер. Энлиль); 2) миф о творении человека из глины; 3) техника творения (божественное слово, лепка); 4) сказание о Саде Эдема (из мифа «Энки и Нинхурсаг», особенно творение женского божества «Госпожа ребра»); 5) рассказ о потопе; 6) сюжет о Каине и Авеле (ср. шумерские диалоги-споры, особенно спор земледельца и скотовода); 7) Вавилонская башня и рассеяние народов (ср. историю о смешении языков богом Энки в эпосе об Энмеркаре); 8) земля и ее устройство (ср. миф об Энки и устройстве мира); 9) личный бог; 10) законодательство (общее в Законах Хаммурапи и библейских законодательных текстах);

11) этика и мораль; 12) божественное возмездие и национальная катастрофа (наказание Аккада Энлилем); 13) мотив чумы и язвы (ср. миф «Инанна и Шукаллетуда», где Инанна насылает болезнь в качестве мести за грех садовника); 14) мотив страданий Иова (ср. шумерский текст «Человек и его бог»); 15) смерть и загробный мир (ср. почти идентичное описание Шеола в Библии и Кура в шумерских мифах). Для Крамера также характерны постоянные сравнения шумерского и еврейского менталитета. По его мнению, отличительными чертами шумеров в политике и в религиозной традиции были стремление к превосходству, сильно развитые чувства любви и ненависти, предпочтение материального дара интимному общению с божеством. В то же время в повседневной жизни шумер был эмоционально сдержанным, формалистичным и методичным, склонным относиться к своему собрату с подозрением и недоверием. Напротив, еврей ветхозаветного периода отличался «ощутимой этической чувствительностью и моральным пылом», а ветхозаветный мир был проникнут отношениями, окрашенными «человеческим теплом, сочувствием и привязанностью, столь необходимыми для духовного роста и здоровья» [Kramer, 1963: 292–296].

Попытки панвавилонистов объявить вавилонян отцами и учителями всей человеческой культуры во многом были продолжены Крамером, хотя и в редуцированном виде: он объявил шумеров отцами и учителями всей западной цивилизации, в особенности — иудео-американского мира. Однако в отличие от сторонников Делича он проводит компаративный анализ не с целью дискредитации библейской традиции как вторичной, а с целью декларации еврейской культуры правопреемницей шумеро-аккадской (продолжение этой же тенденции см. теперь в: [Gordon, Rendsbourg, 1998]; о семитах как учителях греков см.: [Гордон, 2002]).

За пределами панвавилонизма как генеральной тенденции начала прошлого века оказались считанные работы, из которых особо стоит выделить монографию Ш. Фоссе об ассирийской магии [Fossey, 1902 = Фоссе, 2001; см. § 2] и статьи В.К. Шилейко. В области изучения религии Шилейко высказал ряд плодотворных гипотез, основанных на сопоставлении сюжетов клинописной словесности с мотивами произведений фольклора и античной литературы (в частности, см.: [Иванов, 2003]). Так, в предисловии к переводу эпоса о Гильгамеше (предпринятого под его руковод-

ством Н.С. Гумилевым) он сопоставляет первые семь таблиц и сюжетов эпоса с «Илиадой» Гомера, а пять последних — с «Одиссеей» [Шилейко, 1919]. В статье «Родная старина» он устанавливает в качестве прототипа благовещенского обряда выпуска птиц вавилонский обряд выпуска птиц, который рассматривается как выкуп за жизнь освободителя [Шилейко, 1922]. В статье «Текст предсказания Саргона Аккадского и его отголоски у римских поэтов» Шилейко установил параллели в формулах вавилонских гадательных текстов и поэме Лукана, а также предположил связь между образами Саргона и Эдипа [Šilejko, 1929]. Можно предположить, что компаративные исследования месопотамской религии связаны у В.К. Шилейко не с идеями панвавилонизма (которые он, несомненно, знал очень хорошо), а с достижениями сравнительного литературоведения (школа А.Н. Веселовского в Петербургском университете) и с лекциями Б.А. Тураева по истории культуры классического древнего Востока.

Социология религии. Период с конца 1920-х по конец 1940-х гг. можно назвать эпохой социологического редукционизма в ассириологическом религиоведении. Если в предшествующую эпоху роль Священного Писания в развитии гуманитарных наук оставалась значительной, то теперь догматы Библии были замещены мнимо-объективными законами социальной истории, прежде всего — марксизмом и фрейдизмом, корни которых уходили в преобразованный дарвинизм. Если К. Маркс провозглашал анатомию человека ключом к анатомии обезьяны, то историки древнего Востока сделали религиозные тексты развитых обществ ключом к религиозному сознанию примитивных народов. В свою очередь, сознание примитивных народов было признано лишенным всякой логики и объявлено отражением отношений материального производства (Л. Леви-Брюль). Задачей исследователей той поры было доказательство того, что религия развитых и примитивных народов развивалась по одним и тем же законам, а все сколь угодно идеальное является, по слову Маркса, «материальным, пересаженным в человеческую голову».

Квинтэссенцией такого взгляда на религию древней Месопотамии в советской России был учебник В.В. Струве «История древнего Востока». Вот как описывается здесь наш предмет: «Для общества Вавилонии, как и для общества Шумера, в древнейшую эпоху... характерна чрезвычайно примитивная религиозная идеология.

В вавилонской религии заметны следы фетишизма; ряд верований в различных духов восходит к древним анимистическим верованиям. В эпоху первобытнообщинного строя сложились явления тотемизма, пережитки которого сказываются в том, что все боги Вавилонии почитались не только в образе человека, но и в образе животных. Так, богиня Гулу почиталась в образе собаки, бог Нинурта — в образе осла (? — В.Е.), бог Мардук — в образе ящера (? — В.Е.)... Когда ирригационное земледелие достигло большой высоты, начинают развиваться наблюдения над небесными светилами. Наблюдения эти были необходимы для господствующего класса ввиду того, что они давали возможность устанавливать период начала наводнения, регулировать подачу воды и т.п. ... Семерка астральных богов играла большую роль в Вавилонии наряду с древней троицей — небо, земля и подземная вода... Богом, который являлся олицетворением умирающего и вновь воскресающего зерна, был вавилонский бог Таммуз... Многие из вавилонских мифов об умирающем и воскресающем боге продолжает жить и в христианстве. Христос является не чем иным, как одним из образов умирающего и воскресающего бога» [Струве, 1941: 105–106]. В тексте Струве сложно переплетаются элементы отвергаемой им христианской догматики и принимаемых социологических учений. В вавилонской религии он находит и Троицу, и даже самого Христа. Между тем, вавилонская астрология возникла, по его мнению, только для того, чтобы каким-то образом помочь господствующему классу регулировать подачу воды на поля, а вавилонская религия в целом отличается примитивностью, поскольку боги почитаются в образах животных (неправомерная аналогия с Египтом). Не менее канонично трактует В.В. Струве содержание эпоса о Гильгамеше. По его мнению, «распад родовых связей, кризис старого общинно-патриархального быта приводил в странах древнего Востока и к кризису в области идеологии, в области мировоззрения. Ноты скептицизма, разочарования звучат в эпосе Гильгамеша» [Струве, 1941: 113]. Вместе с тем автор учебника отмечает важность вавилонской культуры для становления греко-римского мира (там же). То есть для него культуры древнего Востока все еще оставались вспомогательным материалом для интерпретации Библии и античного наследия.

Не следует, однако, думать, что таковы были только взгляды советских ученых. В прагматичном американском обществе ре-

лигиоведческие исследования также в ту пору были поглощены социологическим подходом. Ярким примером может служить одна из первых статей Т. Якобсена «Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia» (1943). Для реконструкции устройства древнейшего шумерского общества он использует материал эпоса. Этому посвящена глава с красноречивым названием «Проекции древнего собрания на мир богов». Якобсен применяет довольно рискованный метод буквальной реконструкции шумерской общинной демократии из мифологических представлений об устройстве мира богов. При этом он полагает, что эпос описывает наиболее древнее состояние общества, а потому все свойства собрания богов должны быть присущи Шумеру начала Раннединастического периода. Любой современный историк возразил бы такому методу хотя бы потому, что при анализе мифологического материала Якобсен использовал тексты разных эпох. Это и шумерская эпическая песня «Гильгамеш и Агга» (записана в начале II тыс. до н.э.), и вавилонский эпос о сотворении мира, записанный в VI в. до н.э. Каждый из этих текстов фиксирует состояние общества в свое время или во время, несколько ему предшествующее. Но они не могут с одинаковой степенью достоверности отражать представления ранней древности. Однако для социолога тех лет абсолютно естественной была мысль о том, что все эпические тексты а priori имеют фольклорный источник, а любое фольклорное произведение уходит во время разложения первобытнообщинного строя (так считал и В.Я. Пропп). Поэтому Якобсен рассуждал абсолютно логично для этой эпохи. Более того, как все западные социологи, он находил параллели с шумерской демократией у многих европейских народов, и своим материалом лишь подтверждал и без того хорошо известную закономерность: «Такая форма правления... ни в коей мере не является уникальной, к ней можно в изобилии найти параллели откуда угодно. Мы обращаем внимание особенно на ранний европейский материал...» [Jacobsen, 1943, цит. по: Jacobsen, 1970: 169].

Таков был в общих чертах период социологического редукционизма в изучении религии. Его недостатки очевидны: религия — только источник для реконструкции устройства общества. Но возникает вопрос о его достижениях. И тут следует сказать, что заслуги историков-социологов трудно переоценить. Из цитированного выше текста В.В. Струве можно отчетливо понять связь

Таммуза с культом умирающего и воскресающего зерна, связь культа небесных созвездий с представлением о порядке проведения земледельческих работ; мимоходом высказанное замечание о шумерской троице-триаде (Ан, Энлиль, Энки) блестяще подтверждено астрономическими и календарными текстами I тыс. до н.э., где есть три звездных пути, соотносимых с этими богами, и три основных сезона года, привязанных к звездным путям [Ван дер Варден, 1991]. То есть в тексте Струве, деформирующем религию как феномен, главным моментом является единство материальной деятельности и мировоззрения древнего человека. Что же касается раннего Т. Якобсена, то его метод позволил выделить в структуре раннего шумерского общества коллектив общинных старейшин и молодого героя, которому эти старейшины отдают власть на время военных действий. Из этого наблюдения впоследствии выросла социально-экономическая гипотеза И.М. Дьяконова о двух секторах шумерской экономики и двух типах власти в древней Месопотамии [Jacobsen, 1970: 169; Дьяконов, 1959]. Таким образом, факты истории религии позволили определить структуру древнего общества.

Достижения социологического периода определили направленность коллективного труда Г. Франкфорта, Дж. Уилсона и Т. Якобсена «В преддверии философии» (1946). В главах Т. Якобсена устройство мира понимается как государство, а боги — как силы, представляющие собой органы этого государства. При этом исследователь напрямую прибегает к аналогиям из греческой натурфилософии: сила неба, по его мнению, должна символизировать власть, сила грозы — мощь, сила земли — плодородие, а сила воды — созидание [Франкфорт и др., 1984: 132–141]. Однако у Якобсена уже намечается переход от отождествления общества и пантеона, от изучения внешней организации мироздания к углубленному постижению внутреннего мира религиозного человека. Такой взгляд могла дать только новая эпоха.

Феноменология религии. Окончилась Вторая мировая война, и общественный интерес к истории масс начал постепенно затухать. Все больше исследователей стали интересоваться религией как феноменом психической жизни. К концу 1940-х гг. историки древнего Востока обратились к наследию двух крупнейших феноменологов религии — Р. Отто и Г. ван дер Леува. В своем фундаментальном труде «Das Heilige» (1917) Р. Отто определяет религиозное чувство

как проявление нуминозного. Под нуминозным же он понимает некую изначальную данность (первую реальность), которая принципиально невыразима и характеризуется четырьмя основными свойствами: *Kreaturgefühl* (чувство тварности), *Mysterium tremendum* (тайна, повергающая в трепет), *Fascinans* (восхищение), *Sanctum als numinoser Wert* (священное как нуминозная ценность) [Otto, 1926: 80–81]. Хотя нуминозное по сути своей иррационально, в ходе истории оно подвергается рационализации и приобретает рассудочно-дискурсивную определенность.

Из этих положений Р. Отто, соединенных с остатками старого социологизма, выходят все религиоведческие труды Т. Якобсена 1950–1960-х гг. В таких статьях, как «Ancient Mesopotamian Religion: Central Concerns» и «Mesopotamian Gods and Pantheons» (обе — 1963), божества понимаются Якобсеном уже не как силы государства, а как метафоры сознания, посредством которых получает свою рационализацию и определенность нуминозное. Но историк все равно берет в нем верх над феноменологом, и Якобсен использует идеи Отто для того, чтобы определить все пути реализации нуминозного в социальной жизни древнего человека. В результате параллельного слежения за историей общества и формами нуминозного он приходит к определению трех доминирующих идей, определявших характер коллективной веры в древней Месопотамии. Для общества IV — начала III тыс. до н.э. религиозная идея выражается формулой молитвы «хлеб наш насущный даждь нам днесь», т.е. это вера в богов плодородия. Для людей второй половины III тыс. до н.э. характерны другие слова — «защити нас от зла». Это вера в богов власти. Для II тыс. до н.э. Якобсен применяет формулу «остави нам долги наши», в смысле — прости нам наши грехи. Он констатирует переход месопотамского общества к проблемам религиозной этики. Идеи I тыс. до н.э. он в это время еще не знает [Jacobsen, 1970: 46].

Тем не менее, при всем желании Якобсена оторваться от исторической почвы и проникнуть в содержание религиозного сознания его попытка уйти в чистую феноменологию не удалась. Для этого ассириологии нужен был принципиально иной ум и иная теоретическая опора. И то, и другое дала Голландия. В 1920-х гг. получили распространение труды Г. ван дер Леува, который предложил использовать метод субъективной психологии (идуший от В. Вундта) для исследования феноменологии религии. Исследователь пишет:

«Наш метод... заключается в постоянном сравнении, непрерывном сопоставлении того, что говорит нам история о религиозном опыте других эпох, народов и личностей, с тем, что мы узнаем о собственном опыте... Следовательно, принцип «познай самого себя» стоит на первом месте в нашем исследовании. Но если мы хотим проникнуть в сущность явлений, а не довольствоваться их внешней стороной, мы должны привести собственный внутренний мир в соответствие с этими явлениями, вчувствоваться, вжиться в них» [цит. по: Красников, 2004: 94–95]. Спустя тридцать лет метод ван дер Леува стал применять к ассириологии голландский богослов Я. ван Дейк, который вывел исследования месопотамской религии на совершенно новый уровень развития.

Начав заниматься ассириологией в конце 1940-х гг., когда социологизм себя исчерпал, и имея фундаментальное богословско-философское образование, ван Дейк попытался войти во внутреннее пространство месопотамской религии. Его как религиозного человека (он был католический священник) не интересовали проблемы соотнесения религии с общественной жизнью, поскольку его собственная жизнь была наполнена общением с нуминозным. Ван Дейка всегда интересовала периферия религиозного сознания: категории мироощущения, магия, заговоры, космогонические отрывки. Он старательно выискивал все то, что по каким-то причинам не входило в официальную идеологию или не имело в ней значительного преимущества (занимаясь христианством, ван Дейк наверняка был бы знатоком апокрифов и «отреченных книг»). Результатом его филологических и религиоведческих разысканий стали три фундаментальных статьи: «Космическая тема в шумерской мысли» (1964), «Шумерская религия» (1971), «Существовала ли у шумеров поэма о сотворении мира?» (1976). В этих работах он понимает богов как «персонифицированное Божественное», наряду с имперсональным божественным началом, которым, по мнению исследователя, являются МЕ. Ван Дейк отмечает очень раннюю антропоморфизацию месопотамских божеств и плохое развитие зоолатрии. Он подробнейшим образом исследует представления об *Urzeit* (правремени) и изучает различные варианты космогонии, а также занимается генеалогией первых богов в период «*die embryonale Welt*». Образом правремени ван Дейк считает храм, в котором постоянно повторяется история творения мира. Им же начаты первые исследования месопотамских представ-

лений о святости, которые он проводил на материале заговоров. Было выяснено, что святое соотносится у шумеров и вавилонян с тремя эпитетами — «светлый, чистый, сияющий», а те, в свою очередь, соотносимы с различными сферами мироздания [Van Dijk, Goetze, Hussey, 1985]. Исходным же объектом, из которого появились части мира, ван Дейк считал Мировое дерево (различные варианты которого известны по эпосу и по некоторым заговорам). Он даже предполагал, что древние жрецы могли совершать путешествие по такому Древу подобно сибирским шаманам.

Для работ Я. ван Дейка характерна глубокая эмпатия со своим предметом (основная черта феноменолога религии), поэтому в некоторых случаях он начинает самостоятельно сводить разрозненные части религии, тем самым превращаясь из исследователя в шумерского или вавилонского богослова (никогда, впрочем, не существовавшего). Он говорит о «теологии Эреду» и «теологии Ниппура», пытается на материале разных теонимических списков выстроить единое генеалогическое дерево шумерских божеств, пытается реконструировать состояние мира до его сотворения (*in illo tempore*, *u₄-ri-a*) [Van Dijk, 1964; 1976]. Подобный конструктивизм исследователя древней религии часто встречал критику со стороны его коллег (см., например, критику шаманистической гипотезы шумерского культа священных деревьев: [Комороци, 1981]).

Феноменологический подход был в ту пору распространен и во Франции, где появились две первоклассные монографии о категориях МЕ [Rosengarten, 1977] и *меламму* [Cassin, 1968]. В логике исследования Э. Кассен явно просматривается желание придать категории *меламму* универсальный характер, показав, что шум.-акк. *меламму*, перс. *хварна*, греч. *харизма* и евр. *кабод* — разные способы именования нуминозного, связанного с позитивным и созидательным началом мира [Cassin, 1968: 133]. И. Розенгартен в своем исследовании МЕ восприняла эту категорию как основу некой теологической доктрины, а в качестве основного значения существительного *ме* выбрала «prescriptions» — «предписания, законодательные нормы». То есть МЕ в интерпретации Розенгартен предстают нуминозным, проявленным в некоем законе, являющемся одновременно и Писанием [Rosengarten, 1977: 1–23].

Можно сказать, что феноменологический подход к изучению месопотамской религии наиболее выражен у исследователей

католического мира (голландцы-католики и французы), которые продемонстрировали в этом подходе интроспективный и эмпатичный взгляд верующего человека на веру прошлого, сделав представления древних людей частью собственного религиозного чувства. Реакцией на эту чрезмерную эмпатию и на это не вполне правомерное отождествление себя с познаваемым предметом был скепсис американских протестантов — упомянутого А.Л. Оппенгейма и стоявшего на исторических позициях Т. Якобсена.

История религии. Время с конца 1960-х по конец 1980-х гг. должно быть названо эпохой становления классической истории месопотамской религии. Религия народов древнего Двуречья осознана в эту эпоху как мироощущение, нетождественное верованиям и представлениям современного человека. В. Рёмер в предисловии к своему очерку истории религии пишет, что «эта религия ни в коем случае не может быть описана как абсолютное целое»; он требует принять во внимание, что источники доносят до нас представления совершенно разных этнических и социальных групп [Römer, 1969: 116]. Оппенгейм вообще предлагает рассматривать тексты религиозного характера по законам анализа литературных произведений. Он находит в мифах литературу, а в образах печатей — искусство, но для него проблематично обнаружить где-либо целостный религиозный акт. Изучая молитвы, необходимо рассматривать их в контексте ритуала, *vice versa*. Однако чаще всего ритуал или молитва остаются неизвестными, и мы вынуждены иметь дело только с одним из компонентов религиозного действия (и никогда — с реакцией его участников). Равным образом, и памятники материальной культуры «становились священными в результате каких-то процессов, недоступных нашему пониманию... <...> оружие и другие предметы могут зримо воплощать некие формулы, касающиеся божества и мира человека — всего того, что сегодня уже невозможно понять адекватно» [Оппенгейм, 1990: 138]. По мнению Оппенгейма, «подобного рода материал дает известное представление о настрое и эмоциональном климате месопотамской религии... но информации по существу вопроса он почти не содержит» [Оппенгейм, 1990: 139].

Итак, религия как предмет в очередной раз становится потерянной для историков. Скепсис Оппенгейма приводит к усилению объективистского подхода к изучению месопотамской религиозности. Это означает возвращение к старому, чисто филологиче-

скому анализу издаваемых текстов, сопровождаемому иногда экскурсами в сравнительное литературоведение (что хорошо видно по диссертациям той эпохи, см.: [Benito, 1969; Al-Fouadi, 1969; Ferrara, 1973; Farber-Flügge, 1973; Behrens, 1978]). Наряду с монографическим исследованием отдельных текстов, в это время появляется большое количество монографий по культам отдельных божеств: Ашшура [Van Driel, 1969], Непрала [Weiher, 1971], Набу [Pomponio, 1978], Энки [Green, 1975; Galter, 1983], Мардука [Sommerfeld, 1982], Инанны [Bruschweiler, 1987], Нанны [Hall, 1985], даже по культу личного бога [Vorlander, 1975]. Все эти монографии являются сводами текстологической информации и не претендуют ни на анализ истории культа, ни на рассмотрение избранного божества в пространстве и времени ритуала. Тем не менее, будучи добросовестно подготовленными справочниками, они готовят почву для религиоведческих исследований более фундаментального характера.

Но неожиданно в эту эпоху объективизма и скепсиса появляются два классических труда по истории религии. Т. Якобсен публикует в 1976 г. свое большое исследование «Сокровища тьмы. История месопотамской религии», И.С. Клочков выпускает небольшую монографию «Духовная культура Вавилонии».

Труд Якобсена стал итогом огромной эволюции, которую этот ученый и мыслитель пережил за сорок лет своей работы в ассириологии. Он начал как социолог, затем взял лучшие достижения феноменологии, и, наконец, полностью реализовал свою концепцию месопотамской религии как историк и философ культуры. Концепция же эта имеет следующие основные положения:

1. Основой всякой религии является совершенно особый опыт противостояния силе, находящейся за пределами нашего мира (нуминозное или «Всецело Иное»). Эта сила обладает амбивалентным влиянием на человека, внушая как всеобъемлющий ужас, так и безоговорочное поклонение. Позитивный отклик человека на данный опыт в сфере мышления (миф и теология) и в сфере практического действия (культ и ритуал) и есть то, что составляет религию.

2. Поскольку нуминозное не принадлежит нашему миру, оно никоим образом не может быть описано, ибо все доступные дескриптивные методы опираются на мирской, житейский опыт и потому являются недостаточными. В лучшем случае можно

вызвать у человека соответствующую психологическую реакцию посредством аналогий, полагаясь на свойственную повседневному опыту способность порождать ассоциации, сходные с ответной реакцией на нуминозное или же наталкивающие на подобную реакцию — иначе говоря, посредством аналогий, которые могут служить в качестве идеограмм (знаков) или метафор (символов), замещающих нуминозное.

3. При изучении различных религий особенно важно уделять внимание ключевым метафорам. Такими метафорами и были месопотамские боги, сущность которых воплощалась в определенных ситуациях или относилась к определенным явлениям, не простираясь за его пределы. Так, Ан символизирует Власть, Энлиль — Силу, Энки — Хитроумие, Уту — Праведность и т.д. Но существуют не только индивидуальные метафоры отдельных богов, но и метафоры общего характера, выражающие отношение человека к божеству в разные периоды месопотамской истории. И таких метафор можно насчитать три:

1) бог как жизненная сила — духовная сущность явлений, внутрисущая сила и воля, выделяющая их существование и процветание в характерных для этих явлений формах и способах. Такая метафора присуща религии конца IV тыс. до н.э. Типичная фигура — умирающий бог, нуминозная сила плодородия и изобилия;

2) боги как правители — хозяева городов и защитники населения от внешнего врага. Эта метафора характерна для религии III тыс. до н.э. Типичные фигуры — великие боги-правители нипурского совета;

3) бог как родитель — личный бог, дарующий индивидуальное благополучие. Взгляд, характерный для первой половины II тыс. до н.э.

В I тыс. до н.э. произошла варваризация и брутализация идеи божественного, что выдвинуло на первый план магию и колдовство и породило скептицизм вавилонской религиозно-этической мысли [Якобсен, 1995: 10–11, 34–35].

Концепция Якобсена стала результатом наложения двух представлений, присущих разным эпохам истории науки. Первые два положения — развитие взглядов Р. Отто и идущей от него феноменологии. Якобсен самостоятелен здесь только в предпочтении метафоры оттовской идеограмме. Метафору он понима-

ет как символ, т.е. как фигуру, связующую наш мир и «Всецело Иное». Метафора в его интерпретации является продуктом человеческого сознания и основным способом отреагирования на столкновение с нуминозным в процессе социального бытия. Третий постулат его концепции был абсолютной новацией, поскольку от богов как индивидуальных метафор (что было вполне в русле идей Р. Отто) он перешел к обобщающим метафорам самого Божественного, напрямую связав их с социально-экономическими и социально-политическими потребностями людей в разные эпохи истории Месопотамии. По существу оказалось, что Якобсен открыл эволюцию ценностных систем, основанных на различных ценностных приоритетах общества. Он первым рассмотрел историю месопотамской религии в ее динамическом аспекте, избежав при этом материалистических крайностей социологического периода и феноменологического впадения в эмпатию с предметом. Так Т. Якобсен стал родоначальником культурологического подхода к истории религии.

Второй пример культурологического подхода появился в Советском Союзе, но его автор был вдохновлен отнюдь не теологическими спекуляциями феноменологов. Монография И.С. Ключкова «Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время» была попыткой применить к ассириологии подход, ранее представленный в работе А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» и некоторых трудах М.И. Стеблин-Каменского (прежде всего в книге «Миф»). Как и названные авторы, И.С. Ключков выделял в письменных памятниках изучаемой культуры следы наиболее общих представлений об устройстве мира и человеческом предназначении, а затем пытался реконструировать из собранных им сведений некую «предфилософию» вавилонян. Но отличие монографии Ключкова от работ предшественников было весьма значительным. И заключалось оно в «двойном дне» его монографии. Если Гуревич и Стеблин-Каменский поставили своей задачей реконструкцию духовной культуры как совокупности религиозных и рационалистических представлений изучаемых народов, то Ключков имел своей целью прежде всего изучение религиозно-этической составляющей вавилонской культуры. Однако, слово «религия» по условиям времени не могло быть употреблено, все религиозное было гонимо, поэтому пришлось прибегнуть к маскировочному заглавию «духовная культура».

К сожалению, не приходится говорить о некоей систематической концепции, которая последовательно проводилась бы в этой книге. Ее композиция несколько эклектична: главы о времени, судьбе и имуществе написаны по материалам множества текстов и занимают всего 59 страниц; большую часть книги составляет филологический и литературоведческий анализ «Вавилонской теодицеи», представляющий собой переработанный вариант кандидатской диссертации автора. Кроме того, шумерские и аккадские культурные категории рассматриваются как единое целое и без всякого анализа их семантической динамики. Тем не менее труд И.С. Ключкова является одним из самых значительных достижений ассириологического религиоведения. Вот его основные результаты:

1. Определено, что основными характеристиками вавилонского восприятия времени являются конкретность, линейность, неоднородность, пространственность, прочность; ориентация во времени — на прошлое. Из всех перечисленных черт особенно важна линейность. До Ключкова писали, что линейность времени впервые появляется только в иудаизме и характерна только для монотеизма.

2. Важнейшей категорией вавилонской картины мира является судьба, определявшая функции божества или человека, его сферу деятельности, степень могущества и место в социальной иерархии. Судьба понималась как совокупность всего отпущенного в жизни и как предуготованная человеку смерть. Тем не менее вавилонянин не был крайним фаталистом, поскольку благоприятность его судьбы зависела от его свободной воли соблюдать или не соблюдать правила, установленные богами.

3. Имущество человека понималось как нечто подчиненное ему, относящееся к его телу, имени и являющегося существенной частью его судьбы. Обращение человека с имуществом должно было носить религиозный характер.

4. В основе ценностной системы вавилонян лежал принцип активного удовольствия; цель жизни человека в личном плане — получение наслаждений. Высшими ценностями полагались долголетие и здоровье, следующее место занимали дети, богатство, мудрость, справедливость, сдержанность, миролюбие. Поэтому формально вавилонскую этику можно охарактеризовать как этику положительного эвдемонизма, а мировоззрение в целом — как

миро- и жизнеутверждающее. Но этому внешнему оптимизму был присущ тайный изъян. При всей своей «посюсторонней» обращенности вавилонское сознание оставалось глубоко религиозным, однако проблема конечности индивидуального существования человека так и не получила в духовной культуре сколько-нибудь удовлетворительного решения [Клочков, 1983: 30, 35, 49, 148–152].

Монография И.С. Клочкова, будучи пионерским исследованием категорий культуры древней Месопотамии, открывает дорогу множеству дискуссий (которые, к сожалению, не проводились из-за отсутствия перевода этой книги на европейские языки). Прежде всего, следует отделить вавилонское мироощущение от шумерского. В противном случае, можно поспорить с утверждением автора о судьбе богов, поскольку из шумерских текстов хорошо известно, что только смертные люди обладают судьбой, боги же наделены животворящим Словом. Судьба человека также не напрямую определяется его деяниями. Бог может наградить человека благоприятной судьбой только потому, что он носит подходящее для этого имя (как в тексте «Энлиль и Намзитарра»). Но божество может и лишить человека хорошей судьбы, не сообразуя свое решение с его заслугами (начало «Проклятия Аккаду»). Остается под вопросом и «жизнеутверждающая» направленность вавилонской культуры. Подобную характеристику можно дать мироощущению шумеров. Что же касается вавилонской культуры, то, если несомненна ее «посюсторонняя» направленность, очевидна из текстов и неповторимая вавилонская меланхоличность. Можно предположить, что мнимый гедонизм вавилонянина проистекал скорее от волевого устремления заставить себя веселиться (поскольку такое поведение предписано смертным богами), нежели от веселости и непосредственности характера.

Итак, к началу 1980-х гг. происходит поворот от изучения религии как таковой к исследованию религии как составной части культуры. Тем самым решился давний спор «материалистов» и «идеалистов» в ассириологии. Если в эпоху социологии религия была средством для изучения общественных отношений, а в эпоху феноменологии она была вообще выведена из общественной жизни и даже противопоставлена ей как особый мир, то культурологический подход делает сакральное и профаническое, идеальное и материальное, божественное и мирское двумя равноправными частями одной культурной модели. Поэтому становится необходимо

рассмотреть предельные и максимально общие основания культуры — ее пространство и время.

Психология религии. Время с конца 1980-х гг. по начало XXI в. было в изучении месопотамской религии «периодом сбора камней». Исследования пошли по трем основным направлениям: а) изучение городских пантеонов; б) изучение религиозных представлений о пространстве и времени; в) изучение религиозного мироощущения и психологии жителей древней Месопотамии. Работа во всех этих направлениях оказалась возможна только благодаря новейшим информационным технологиям, позволившим перейти от рукописных картотек к обширным гипертекстовым базам данных. Кроме того, нужно иметь в виду и другой фактор: к концу XX столетия вышли в свет большинство томов контекстного словаря аккадского языка, несколько томов контекстного словаря шумерского языка и множество статей религиозоведческого характера в «*Reallexikon der Assyriologie*», снабженных большими списками литературы. Все эти факторы не просто облегчили работу исследователей и ускорили ее темп, но сделали возможным сочетание углубленного исследования с максимально широким ассириологическим кругозором.

Пантеоны отдельных городов изучались по всем видам письменных памятников, затем архивировались в базах данных и в виде каталога защищались как диссертации. Так возникли работы по пантеонам Лагаша [Selz, 1990; Selz, 1992; Selz, 1995], Киша [Sallaberger, 1988], Абу-Салабиха [Mander, 1986], Эблы [Pomponio, Xella, 1997], Ниппура [Such, 1999], маленьких городков старовавилонского периода [Richter, 1999], Сиппара [Myers, 2002]. Следует также отметить ранее вышедшие работы, имеющие аналитический характер и написанные без применения компьютерных технологий: монографию Х. Хирша по староассирийскому пантеону [Hirsch, 1961] и статью В. Дж. Лэмберта по пантеону Мари [Lambert, 1985]. В эту же пору появляется несколько публикаций по теонимическим спискам старошумерского периода, продолжающих исследования новоассирийских теонимических перечней Р. Литке [Litke, 1968; Alberti, 1985; Krebernik, 1986].

От коллекционирования имен богов и подробного рассмотрения божественных эпитетов и функций ассириология в 1990-е гг. переходит ко все более объемному взгляду на пространство и время религиозного акта. Появляются монографии по культовой то-

понимике и топографии [George, 1992; George, 1993], мифологической топографии (т.е. по устройству абзу, семи небес, подземного мира и т.п.) [Hogowitz, 1998], структуре ритуальной процессии [Pongratz-Leisten, 1994]. Одновременно выходят исследования по культовым календарям [Cohen, 1993; Sallaberger, 1993; Емельянов, 1999] и комментариям на календарные праздники [Livingstone, 1986; Livingstone, 1993], а также по обряду священного брака [Fraune, 1985; Cooper, 1993; Lapinkivi, 2004].

Изучение религиозного мироощущения и социальной психологии становится направлением, одинаково актуальным для всех научных школ. В западной науке наибольшие успехи в этом направлении связаны с именем Г. Зельца, в России — с именами В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова.

Г. Зельц начинал свою работу как издатель старошумерских хозяйственных текстов из Лагаша, но довольно быстро перешел к специальным религиозноведческим исследованиям. Он раскрыл этимологию имени Нисабы и установил основные этапы развития ее культа [Selz, 1989], раскрыл значение термина, означающего плату за перевоз покойного через реку мертвых в конусах Урукагины [Selz, 1995a], проанализировал документы, связанные с культом Энлиля в раннединастическом Ниппуре [Selz, 1992], исследовал проблемы религиозного синкретизма в пантеоне Лагаша [Selz, 1990], выпустил фундаментальный каталог лагашского пантеона с подробным комментарием к каждому приводимому тексту [Selz, 1995]. Но с конца 1990-х гг. интересы Зельца смешаются от проблем, находящихся на стыке филологии и религиоведения, к общетеоретическим проблемам философии и психологии, решаемым на материале клинописных текстов. Наиболее существенными являются его исследования сакрализованных предметов [Selz, 1997] и анализ феномена объективации субъективных восприятий [Selz, 2004]. Теоретические разработки Зельца имеют своим фундаментом эмпиризм Д. Юма и психологическую теорию Ж. Пиаже.

И.М. Дьяконов, будучи приверженцем историко-социологического направления в ассириологии, основывает свои религиозноведческие воззрения на работах Т. Якобсена и на достижениях объективной психологии (а по сути — психофизиологии). Если для Якобсена религия является реакцией на нуминозное, то Дьяконов считает источником религиозных представлений побуждения (мотивации) человеческой деятельности, которые в

условиях господства мифологического сознания воспринимаются как причинно-следственные связи, определяемые волей божества. С его точки зрения, божества предопределяют для архаического человека характер каузальных связей и тем самым возможность или невозможность удовлетворения социальных побуждений. Божество, как объяснение каузальной связи через троп, входит в семантический ряд. Локальные пантеоны Дьяконов определяет как «причинные начала побуждений, которые различаются развитием мифов — семантических рядов в повествованиях о них». Дальнейшее развитие религии по Дьяконову связано с развитием общественных отношений в результате миграций и совершенствования в сфере производства оружия [Дьяконов, 1994]. Как и Якобсен, он много думает о необходимости изучать ценностные системы древних обществ: «Социальная деятельность человека зависит от ее социально-психологической оценки. А это значит, что переход от одного типа хозяйствования к другому и далее от одной системы социальных отношений к другой, даже когда эта перемена не носит характера смены принципа социальных отношений, а сводится к этническим, религиозно-идеологическим или же внутрисословным сдвигам, должен сопровождаться сменой социальных ценностей. Как уже было сказано, то, что было антиценностью, должно стать ценностью, а то, что было ценностью, должно стать антиценностью» [Дьяконов, 1994: 12].

В целом идя от Якобсена, Дьяконов, во-первых, субъективизирует религиозное чувство, считая его только выражением побуждений человека к разного рода деятельности. Во-вторых, он отказывает религиозности древнего человека в иррациональности и эмотивности, настаивая на логичности его поведенческих реакций, на абсолютной каузальности обнаруженных им связей. В-третьих, «метафору» Якобсена он понимает не как символ связи между мирами, а как троп, т.е. как художественный образ, возникающий в голове потому, что отсутствуют логические средства для выражения каузальной связи между предметами в рациональной («научной» ?) форме (см. также о «шеррингтоновой воронке» [Дьяконов, 1990a]).

В отличие от И.М. Дьяконова, В.К. Афанасьева пришла к религиоведческим исследованиям через анализ композиции произведений искусства [Афанасьева, 1979] и через исследование поэтики литературных текстов [Afanasieva, 1980; Afanasieva, 1982].

Она реконструирует мироощущение из мифопоэтических формул (мифологем). По мнению исследователя, «шумерское мировоззрение сохранилось в памятниках письменности, не выделяя себя в особую отрасль знания. Эти мысли, даже скорее ощущения, не постулировались и не доказывались, они наполняют ткань шумерской литературы как ее незримая основа, и, может быть, лучше называть их не мировоззрением, но мироощущением или мироощущением. Основа этого мироощущения, а следовательно, и глубинного смысла мифа — в медитирующем сознании, т.е. в способностях «внимать неслышимому» и «узреть невидимое». В шумерских статуях с их широко раскрытыми огромными глазами и руками, сложенными особым образом, прекрасно уловлен и передан момент этого напряженного внимания, страстного ожидания Знака Бога. А этиологические «разъяснительные и объясняющие» мифы есть перевод «языка высших сил» на язык человеческий в понятиях и образах, на том уровне, на котором находится человеческий социум» [Афанасьева, 1999: 18].

Для религиозоведческих исследований В.К. Афанасьевой характерно признание существования высшей силы, с которой древний человек хочет вступить в контакт и которая не всегда дает о себе знать. Контакт дается только в результате медитации, во время которой человек внимает Знакам Бога. Памятники искусства и словесности являются только следами таких контактов и содержат в себе два слоя — сакральный и профанический. Сакральный слой непосредственно связан с ощущениями человека во время религиозного акта, профанический имеет идеологический характер, ему также присуща дидактичность (что позволяет использовать тексты в школе). Центром религии в работах Афанасьевой выступает не храм, не ритуал, не миф, а сам взывающий Бога человек. Должно быть, поэтому для них характерно сравнение образов и мифологем месопотамской литературы с сюжетами Ветхого Завета, имеющими этический характер [Афанасьева, 1992; Афанасьева, 1995].

Начало XXI столетия пока не дало фундаментальной историко-психологической теории месопотамской религии, поскольку работа в этом большом направлении еще не получила множества частных исследований. В самом деле, отсутствуют монографии по культам Энлиля, Уту-Шамаша, Бау, Нисабы, по шумерской религиозной категории НАМ («предопределение», «судьба»).

Известна только одна разработка по категории судьбы (судьба в ассирийских текстах [Lawson, 1994]), существует единственное и не вполне удовлетворительное исследование месопотамских представлений о святости [Wilson, 1994]. Между тем, набирает силу сравнительно-религиоведческое направление, представленное в настоящее время монументальной работой Д. Швемера по культам богов погоды в религиях древнего Ближнего Востока [Schwemer, 2001] и диссертациями учеников С. Парполы — по культу Нинурты [Annus, 2002] и по сравнительному изучению священного брака [Lapinkivi, 2004]. Все эти работы отличает типологический подход к изучению ближневосточных культов (например, Нинурта последовательно сравнивается с Баалом, Индрой, св. Георгием и даже с Гором) и желание вытянуть все похожие друг на друга мифы в единую непрерывную линию, которая начинается от некоего доисторического «прамифа». Между тем, связи между текстами одной культуры изучаются недостаточно подробно, а проблема эволюции религиозных представлений в истории не осознается вовсе.

В работах автора этого раздела предпринимается попытка систематически изучить важнейшие категории религиозного мироощущения в контексте культового календаря и календарного ритуала [Емельянов, 1999; 2000; 2003]. При этом хочется избежать как крайностей типологического подхода, так и крайностей социологизма. Представляется необходимым, начав с частных исследований (ниппурский календарь, проблема МЕ, мифологема потопа, мифологема судьбы), со временем выйти на реконструкцию ценностных систем месопотамской культуры в историко-динамическом аспекте (изменения в интерпретации важнейших категорий и мифологем), и далее — на определение историко-психологического типа месопотамской религиозности и основных типов сознания (как религиозного, так и рационального), характерных для месопотамского человека в целом, на всем протяжении истории данной цивилизации. Таким образом, от изучения наиболее изменчивого в месопотамской культуре (мифологическая семантика) можно перейти к наименее изменчивому (структура восприятия и мышления). Такая работа всецело находится в рамках культурологического подхода и не противоречит достижениям социологического направления, получившим воплощение в классических концепциях Т. Якобсена и И.С. Клочкова.

§ 2. Основные проблемы в изучении месопотамской религии

Краткий очерк истории месопотамской религии. Основным источником информации по истории месопотамской религии являются для ассириологии письменные памятники III—I тыс. до н.э.: гимны (богам, храмам и обожествленным царям), эпические песни, заговоры, царские надписи, письма (богам и царям). Ценную информацию содержат хозяйственные и правовые документы. Гораздо меньше дошло до нас памятников искусства. Из них особую ценность для реконструкции религиозной истории представляют статуи и изображения на цилиндрических печатях. Исследователи религии учитывают и археологический материал, особенно важны изучение массовых захоронений и анализ фрагментов культовых сооружений. Все эти источники позволяют представить следующую картину религиозной истории древней Месопотамии.

Основным институтом религии был храм. Храм в Месопотамии строился на высокой платформе, к которой с двух сторон вели лестницы или пандусы. В глубине святилища находилась статуя божества, которому посвящался храм. Из текстов известно, что сакральным центром храма был престол бога, который нужно было периодически ремонтировать и всячески оберегать от разрушения. До начала III тыс. до н.э. доступ во все части храма был свободным, но позднее в святилище и во внутренний дворик перестали впускать непосвященных. Вполне возможно, что храмы расписывались изнутри, но во влажном климате Двуречья росписи не могли долго сохраняться. К концу III тыс. до н.э. в Двуречье засвидетельствован еще один тип храма — зиккурат, храм на нескольких платформах. Причина его возникновения доподлинно не известна, но можно предположить, что здесь сыграла свою роль привязанность шумеров к священному месту, следствием которой было постоянное обновление недолговечных сырцовых храмов. Обновленный храм должен был возводиться на месте старого с сохранением прежнего престола, так что новая платформа возвышалась над старой, и в течение жизни храма такое обновление повторялось множество раз, в результате чего число храмовых платформ могло увеличиться до семи. Из шумерских текстов, посвященных строительству и освящению храмов, мы узнаем о существовании внутри храма покоев бога, богини, их детей и их слуг, о «бассейне

Абзу», в котором хранится освященная вода, о дворике для принесения жертв, о строго продуманном декоре ворот храма, которые сторожат изображения львиноголового орла, змей и страшных драконообразных чудовищ [Афанасьева, 1976; Suter, 2000].

Храмы древней Месопотамии обслуживало жречество. В языках этого региона нет специального термина для абстрактного обозначения жреца. Жречество шумерского периода было, в основном, неграмотным и выполняло строго определенные функции: встречаются должности умастителей, окропителей, облачителей статуй богов, а также экзорцистов и цирюльников. Жрецы II—I тыс. получали образование в школе и нередко были советниками правителей, составляя для них инструкции по планированию хозяйства и гороскопы будущих событий. Женщины, исполнявшие обязанности жриц, либо занимались культовой проституцией в пользу храма, либо давали обет безбрачия, посвящая себя богу. Стабильное экономическое положение жрецов было обусловлено не только рационами, ежемесячно отчислявшимися за исполнение должностей, но и доходами с наследственного земельного участка, который жрец обрабатывал сам или сдавал в аренду [Дьяконов, 1959; Renger, 1967—1968; Дандамаев, 1983; Charpin, 1986; Дьяконов, 1990].

В истории древней месопотамской цивилизации отчетливо различаются две культурно-исторические эпохи, каждая из которых имеет собственный религиозный облик. В конце IV — начале II тыс. (период шумерского преобладания) для месопотамской религии характерен классический политеизм без попыток его редукции к культу верховного божества. Бытие каждого существа считается невозможным вне предписанной ему функции, а причинами возникновения функции являются: для людей — данная при рождении судьба (*нам*), для богов — творящая сила (*ме*), которой нужно овладеть [Cassin, 1968; Rosengarten, 1977; Емельянов, 2000]. Божество не существует вне предписанного ему времени и места, и сила, присущая божеству, намного важнее личности божества. Основой религиозного культа является календарный ритуал; божество почитается не как таковое, а только в связи с теми периодами года, в которые оно проявляет себя наиболее активно. Столь же важное значение имеет и место почитания божества (сперва храм, а потом и небесная «стоянка»). Во II—I тыс. (период семитского преобладания) характер религии меняется. В эту эпоху

особую значимость приобретает культ личного бога, допускается возможность внутреннего, глубоко интимного и межличностного контакта между человеческим и божественным. Характерна тенденция к выделению верховного божества и к поглощению им функций остальных божеств. Следование календарному ритуалу постепенно сменяется постановкой религиозно-этических вопросов (что, однако, не приводит к возникновению религиозно-этического идеала) [Клочков, 1983].

Среди особенностей месопотамской религии, сохранившихся во все периоды ее существования и развития, выделяются следующие: идея стабильного мирового порядка, слабая разработанность представлений о загробной жизни, почитание небесных тел и растений, редкие свидетельства зоолатрии, ранняя антропоморфизация божеств, цивилизованность ритуалов (канныализм и человеческие жертвоприношения не встречаются, инцест очень редок).

Жители древней Месопотамии поклонялись большому числу божеств: в списках богов фигурируют боги мироздания, боги-хозяева городов, покровители семей и династий, личные боги, обожествленные цари и герои, обожествленные предметы, растения, небесные тела и (реже) животные, а также демонические существа различного происхождения. По представлениям шумеров, создателями мироздания и героями большинства гимнов были Ан (бог неба, хранитель высших законов мироздания), Энлиль (бог обитаемого мира, покровитель земной власти и естественного порядка), Энки (бог подземных вод, создатель и покровитель человечества, хранитель искусств, медицины и магии), Инанна (богиня любовной и воинской страсти, с которой отождествлялась планета Венера), Нанна (бог луны и счисления времени), Уту (бог солнца и справедливого суда), Нинурта (бог земледелия в мирное время и покровитель воинов во время сражений, отождествлялся с царем страны), Нисаба (богиня ячменя и учета зерна, впоследствии покровительница школы), Ишкур (бог ветра и дождя). Особое место занимают культы богов подземного мира Нергала и Эрешкигаль.

Во времена династии Аккада (XXIV–XXIII вв.) произошло объединение большинства шумерских божеств-демиургов со сходными по функциям семитскими богами (Энки-Эа, Нанна-Син, Инанна-Иштар, Уту-Шамаш, Ишкур-Адад). В самом конце шумерской цивилизации была предпринята попытка выделения триады главных божеств: Ан, Энлиль, Энки. Лидером этой триады в

некоторых гимнах выступает Энлиль; однако, нельзя назвать Энлиля верховным богом, поскольку он не присваивает себе функции остальных членов триады.

Во II—I тыс. все боги подразделяются на верхних (Игиги) и нижних (Ануннаки); в месопотамский пантеон входят некоторые касситские божества (Шумалия, Шукамуна, Харбе, Гидар), также отождествлявшиеся с прежними богами-демиургами. Однако основной тенденцией этого времени было подчинение старого пантеона воле верховного божества (Мардук в Вавилонии, Ашшур в Ассирии) [Hirsch, 1961; Афанасьева, 1981; Дьяконов, Соколова, 1981; Sommerfeld, 1982].

Культы месопотамской религии невозможны вне представлений о сакральном пространстве и времени. Согласно гимнам и заговорам, мироздание возникло после отделения Неба от Земли и их священного брака. Оно имеет вертикальную и горизонтальную ориентацию. Его вертикаль состоит из верхней сферы планет и звезд (*ан*), сферы обитаемого мира (*калам*) и сферы нижнего мира (*ки*), которая имеет два подотдела — область подземных вод (*абзу*) и область мира мертвых (*кур*). Верхний мир подразделяется на несколько небес (их число может доходить до семи), управляется мудрым старейшиной богов Аном, восседающим на троне седьмого неба, и является местом, откуда исходят законы мироздания. Он почитается как образец стабильности и порядка, которого не хватает срединному миру. Срединный мир состоит из «нашей страны» (*калам*), «степи» (*эден*) и чужих земель (также *кур*). Он находится во владении Энлиля — бога ветров и сил окружающего пространства. «Наша страна» — это территория города-государства с храмом городского божества в центре и с мощной стеной, окружающей город. За пределами городской стены расстилается «степь» (на самом деле, пустыня или просто открытое место) — место не злое и не доброе, где могут действовать как боги, так и демоны. Все чужие земли, лежащие за пределами «степи», называются так же, как и страна мертвых в нижнем мире, поскольку законы их жизни непонятны для человека «нашей страны». Область подземных вод нижнего мира подчиняется Энки. Область мира мертвых требует постоянной помощи от человека, поскольку нужно регулярно кормить и поить умерших предков; в противном случае, они могли превратиться в злых голодных духов и начать мстить своим живым потомкам жестокими болезнями. Во главе этого мира стоят

супруги Нергал и Эрешкигаль, а решения в нем принимают грозные судьи людей Ануннаки [Van Dijk, 1964; Hogowitz, 1998].

Основой религиозной жизни месопотамского общества был культовый календарь. Весной, во время разлива рек и накануне первого равноденствия, жители Месопотамии встречали Новый год. В первые дни года разыгрывалась ритуальная драма битвы между молодым богом (Нинурта, Мардук, Ашшур, Набу) и силами зла, которыми руководило некое демоническое существо (Асаг, Анзу, Тиамат). В конце битвы герой побеждал, убивал своего противника и создавал из частей его тела новый мир. После этого торжественно проходила интронизация царя. В следующем месяце года проводился обряд священного брака, который должен был магически воздействовать на плодородие земли, скота и людей в течение года. Священный брак проходил в каждом шумерском городе и воспринимался как брак пары городских божеств. Особенно часты упоминания о браке бога весны Думузи и богини любви Инанны, проходившем в городе Уруке. В роли бога в этом браке выступал правитель города, бывший верховным жрецом главного городского храма, а богиней представлялась одна из храмовых жриц. Ребенок, родившийся от священного брака, имел высокий общественный статус и мог называть своими родителями самих богов (таким ребенком был, например, правитель города Лагаша Гудеа, называвший своей матерью богиню Гатумдуг). Летом, в канун солнцестояния, проходил праздник проводов Думузи в подземный мир, сопровождавшийся плачами и символическими похоронами Думузи. В июле — августе отмечались подвиги шумерского царя-героя Гильгамеша. В городских кварталах при факельном свете проходили спортивные состязания, посвященные этому любимцу месопотамской словесности. Осенние праздники посвящены почитанию богов подземного мира. Они сопровождались жертвоприношениями и возлияниями судьям подземного мира Ануннакам. Зиму жители Месопотамии ассоциировали со временем господства злых сил и мертвецов, а также с великим потопом. Зимнее солнцестояние отмечалось как «праздник выхода отцов» из подземного мира, причем «отцами» называли умерших правителей шумерских городов. Для них в здании народного собрания ставили троны, их приглашали отведать различных жертвенных яств [Langdon, 1934; Livingstone, 1986; Cohen, 1993; Емельянов, 1999].

Под влиянием календарных представлений об устройстве мира в шумерской религии и идеологии закрепились идеи «возвращения на свое место». В начале года жители Месопотамии восстанавливали разрушенные ливнями и наводнениями старые храмы, заново утверждали в своей должности царя. Время от времени царь издавал так называемые «указы о справедливости», по которым отменялись все сделки и долговые обязательства за предыдущий период, а также амнистировались преступники и освобождались долговые рабы. Начало нового времени должно было «очищать» людей от прошлого, отменяя все накопившиеся в нем события.

Космогонические представления месопотамской религии не отличаются систематичностью. Согласно одним шумерским текстам, мироздание образовалось в результате отделения Неба от Земли и их последующего брака (по одной из версий, их отделяет при помощи мотыги Энлиль). Согласно другим, мироздание возникает из воды по воле праматери Намму. В вавилонских текстах создателем мира провозглашается Мардук, построивший Небо и Землю из частей поверженного чудовища Тиамат [Van Dijk, 1964; Horowitz, 1998; Schwemer, 2001].

Более устойчивыми были представления о происхождении и предназначении человека. Первые люди были созданы богом Энки из глины для того, чтобы освободить богов от тяжелого земледельческого труда. Люди должны работать на богов, кормить их жертвами, и только в последнюю очередь думать о прокормлении своей семьи. Разработанных представлений об индивидуальной судьбе человека, равно как и о свободе его воли, месопотамская религия не знает. Однако здесь особо выделяются представления о судьбе и миссии правителя страны. От него требуют благочестия (в первую очередь, своевременного принесения жертв и неукоснительного соблюдения ритуальных норм) и точного исполнения всех приказаний богов, посылаемых ими во время священного сна. Если правитель недостаточно благочестив и внимателен, боги вправе наказать его страну голодом, болезнями или даже потопом [Клочков, 1983; Вейнберг, 1986].

Посмертная участь человека воспринималась жителями Месопотамии пессимистически. Человек, независимо от происхождения и статуса, попадал в мрачное помещение «страны без возврата», где находился вместе с остальными умершими и постоянно

нуждался в питье и пище. Дети были обязаны кормить его жертвами, отправляя жидкие и сыпучие продукты по специальным трубочкам, находившимся в храме. Если у умершего не оставалось потомства или его забывали кормить, он мог превратиться в злого демона и, выйдя из мира мертвых, наслать болезни на всех, кто попадался ему на пути. Против зла таких мертвецов существовали специальные заговоры и охранительные обряды [Tsukimoto, 1985; Фоссе, 2001].

На фоне таких представлений весьма актуальными были попытки некоторых правителей древней Месопотамии получить шанс на вечное кормление, а впоследствии — и на индивидуальное бессмертие. Постоянное кормление со стороны государства могла обеспечить правителю стела с надписью о его деяниях или статуя, поставленная в построенном им храме [Westenholz, 1993]. В аккадском эпосе о деяниях царя-героя Гильгамеша перечисляются несколько способов достижения бессмертия: подвиг и надписанная стела, поедание «цветка жизни», обновляющего плоть, и закладная табличка с рассказом о жизни героя. Вечную память и бессмертие в потомстве приносит Гильгамешу только рассказ о его странствиях.

Этические представления месопотамской религии менялись от эпохи к эпохе. В шумерское время причиной возникновения грехов считалось само появление человека на свет из утробы матери. Авторы поучений и пословиц призывали детей поклоняться родителям так же, как их родители служат богам. Рядовой горожанин должен был подчиниться правителю и богатому человеку, чтобы обрести защиту от внешнего врага. Порицаемыми считались поступки, наносившие вред хозяйству или запрещенные из ритуальных соображений (они могли стать источниками порчи) [Kramer, 1963; Крамер, 1991]. В эпоху семитского преобладания появилось стремление к различению правонарушения и нанесения магической порчи. Первое каралось законом, второе отводилось специальными заговорами. Ухудшение условий жизни в конце II тыс. привело творцов религии к вопросам о причине происхождения зла. В качестве таковой указывалось то проклятие предков человека до седьмого колена, то его личные проступки, наносившие вред государству, то его небрежение жертвами и молитвами. Вавилонское общество разделилось на традиционалистов и песимистов. Первые считали, что для привлечения божества следует

увеличить количество жертв, обрядов и молитвенных обращений к нему. Вторые полагали, что это бесполезно, поскольку боги давно перестали заниматься делами людей. Невозможность достичь благоприятного результата при помощи позитивного действия подвела вавилонских пессимистов к мысли о смерти как единственном благе, доступном человеку [Bottéro, 1966; Емельянов, 2003].

Пессимизм вавилонской эпохи привел в эпоху политического преобладания Ассирии к повсеместному господству магии. Сохранилось большое количество астрологических и гадательных текстов (среди видов гадания встречается гадание по печени жертвенного ягненка, по маслу, расплывающемуся на воде, по дыму курильницы, по родившимся уродам, по временным небесным явлениям). Увеличивается число ритуалов, молитвенных обращений царей к богам и умиловительных жертв. Большое распространение получают серии заговоров, обращенных против злых колдунов и колдуний. Однако эта эпоха не дает развития религиозно-этических представлений, характерных для предыдущего периода [Reiner, 1995; Фоссе, 2001; Abusch, 2002].

Астролатрия. Если попытаться найти уникальную черту, отличающую религию древней Месопотамии от всех других религий, то этой чертой будет астролатрия — вера в могущество небесных тел и в их влияние на судьбу людей. В настоящее время уже можно сказать, что в остальных частях древнего мира (за исключением Мезоамерики) астрологические представления возникли только под влиянием Месопотамии. В Персию и затем в Индию астрология попадает из Вавилонии и Ассирии в VI—V вв. до н.э. Египетская астрология возникает в эпоху позднего эллинизма, а в самой Греции распространение астрологических знаний начинается только в IV в. до н.э. силами персов и вавилонян (халдеев). Разумеется, во всех странах древнего мира существовали наблюдения за наиболее яркими небесными телами (Луна, Солнце, Венера, Юпитер, Марс), но нигде из этих наблюдений не выросло последовательное религиозное мироощущение, основанное на вере в небесные тела как в знаки судьбы. Поэтому возникает вопрос о причинах возникновения астролатрии в Месопотамии и о датировке начального этапа астролатрических культов.

Воззрения панвавилонистов, считавших астролатрию врожденной месопотамской религии, ныне признаны устаревшими [Stucken, 1896]. Но в равной мере устарел и взгляд Ф. Куглера,

полагавшего, что отсутствие астрономической науки предопределяет отсутствие астральной мифологии, и потому у жителей Месопотамии не было веры в небесных богов до появления первых астрономических расчетов в VIII в. до н.э. [Kugler, 1910]. Неверными оказались оба куглеровских постулата, поскольку вскоре были обнаружены астрономические тексты, восходящие к эпохе Хаммурапи, равно как и упоминания астральных божеств шумерского периода. Из новых мнений по поводу происхождения астрологии стоит упомянуть точку зрения Й. Ренгера. Он считает, что астральные божества впервые появляются не в шумерских, а в аккадских пантеонах, поскольку аккадцы, как и все семиты, были кочевниками, а для кочевника характерна большая ориентация на окружающее пространство, нежели на определенное место. Если шумеры были оседлыми земледельцами и их культы закрепились в пространстве священного города, то кочевники-семиты поклонялись силам, не зависящим от перемещения, одинаково заметным в любой точке мироздания [Renger, 1995: 283].

С этой идеей можно поспорить на большом историческом материале. Хорошо известна религиозная история кочевых семитских племен (арамеев, арабов), и ни в одном случае не выявлены последовательные астрологические представления. С одной стороны, известен интерес кочевника к таинственным знакам, посылаемым далекими светилами. С другой стороны, он не может эти знаки «прочитать», поскольку для этого необходимо жесткое соотношение событий своей жизни с порядком расположения небесных тел. А такое соотношение возможно только для оседлого человека, именно — для неподвижного земледельца, относительно которого круговращается небесный свод и деятельность которого осознается им как цепь ассоциаций между восхождением небесного тела и моментом трудового процесса. Для кочевника же момент узрения небесного тела может быть поводом для эстетического наслаждения или для страха, но идея сотрудничества верхнего и нижнего миров в едином акте деятельности здесь должна отсутствовать.

Гораздо более серьезными и современными являются исследования историка астрономии Г.Е. Куртика, который в ряде работ систематически изучил иконографические и письменные памятники на предмет выявления в них ранних следов астрологии. Оказалось, что первые шумерские тексты с упоминанием звезд доходят только от третьего этапа Раннединастического

периода (эпоха Уруагины), причем звезды в них (как и в Цилиндре А Гудеа) безымянны. КATALOGи созвездий отсутствуют до начала II тыс. до н.э. Первое упоминание поименованного созвездия также датируется этим временем (два созвездия в гимне «Энки и устройство мира»). Изображения на печатях дают крайне скудную и запутанную информацию. С одной стороны, в глиптике уже с конца IV тыс. встречаются солярные, астральные и лунарные знаки. С другой стороны, это может говорить просто об орнаментальном использовании этих образов, а вовсе не о существовании в то время астролатрических представлений. Выводы, которые делает исследователь, сводятся к тому, что начало астрологии в Месопотамии следует датировать концом III — началом II тыс. до н.э. Ранее этого времени ни религиозных представлений о небесных «стоянках» богов, ни тем более астрологии ожидать не стоит [Куртик, 2002].

Чрезвычайно ценные данные, обработанные Куртиком, тем не менее, не спасают его выводы от критики. Исследователь отождествляет время записи факта со временем его получения. Между тем, из анализа некоторых других групп источников (в частности, эпических текстов) хорошо известно, что время записи текста может отстоять от эпохи его создания как минимум на пятьсот лет. Следовательно, и астролатрические представления могли возникнуть в древней Месопотамии гораздо ранее эпохи их последовательной фиксации на письме. Записаны же они были тогда, когда астрология пришлась ко двору политической идеологии царей Ура. Напомним, что первый обожествленный царь Ура Шульги получил после своей деификации созвездие, названное в его честь. Этот факт говорит о том, что произошло событие хотя и идеологически новое, но для религии вполне традиционное: бог получил свой небесный дом, небесную «стоянку» (новизна в том, что бог — новый). Значит, прежние боги ранее этого времени уже имели собственные небесные дома. В противном случае следовало бы считать, что представления о небесных домах богов возникают в месопотамской религии только после обожествления Шульги.

Решающими на сегодняшний день факторами в пользу ранних представлений о небесных богах можно назвать три красноречивых аргумента. Во-первых, само слово «бог» (*dingir*) с начала Раннединастического периода пишется клинописным знаком «небо». Это означает, что само божественное начало мира

отождествляется с небесным сводом (понимаемым здесь как удаленное от нижнего мира и светоносное начало). Во-вторых, существуют так называемые двухуровневые печати Протописьменного периода, на которых есть два регистра: верхний — звезды и луна, нижний — копытные животные. В-третьих, недавно Г. Зельц опубликовал списки орудий труда и культовых предметов, составленные в эпоху Фары и Абу-Салабиха (XXVI в.). Каждый предмет в этих перечнях поименован дважды: сперва с детерминативом AN («бог», «небо»), а затем без него [Selz, 1997]. Это свидетельствует о наличии у древних жителей Месопотамии представлений о небесном прообразе или небесной модели каждой вещи. И в таких представлениях, объективно-идеалистических по сути, может крыться предпосылка к возникновению астрологии и астрологии. Это значит, что следует на новом этапе вернуться к идее пан-вавилонистов об имманентности астрологии для месопотамской культуры. Вопрос же о том, почему астрология оказалась характерна именно для земледельцев Южного Двуречья, по-прежнему остается не только безответным, но и не поставленным в ассириологии.

Природа и сроки царской божественности. Со времен классической работы Р. Лабата о характере царской власти в Месопотамии известно, что правители древнего Двуречья были жрецами городских богов и их обязанностью было обслуживание главных культов страны (что подразумевало участие в ритуалах и своевременное поднесение жертв) [Labat, 1939; Larsen, 1971; Якобсон, 1989]. Известно и то, что попытки обожествления правителя совершались только в эпоху ранней древности (Нарам-Суэн, Шульги и его потомки, Ишби-Эрра и некоторые цари Исина и Ларсы), но в вавилонских и ассирийских текстах божественный статус царя не упоминается [Оппенгейм, 1990: 78–80]. Однако в современной науке до сих пор оставлены без ответа вопросы: а) о природе царской божественности; б) о прижизненной или посмертной деификации правителя.

В отличие от египетских фараонов, правители Месопотамии не были богами по своей природе. Божественность нужно было получить в дар как награду или как судьбу. Среди имен собственных аккадского периода встречаются «Саргон — мой бог», «Римуш — мой бог», хотя оба этих правителя не имели официального божественного статуса. Можно предположить, что их выбрали в

качестве духов-хранителей человека, которому давали имя. Первый царь-бог Нарам-Суэн получил свой статус от городского собрания Аккада за заслуги в военной области. Вот как сформулированы эти заслуги в его надписи: «Когда страны света, все четыре разом, восстали против него, то благодаря любви, (которой) Инанна возлюбила его, в девяти сражениях за один год он одержал победы, а царей, что выступили против него, пленил» [Якобсон, 1989: 26]. За это граждане Аккада испросили у великих богов разрешение утвердить Нарам-Суэна в качестве бога и построить в центре Аккада его храм. Но обратим внимание на источник победы аккадского правителя: он смог победить врага только благодаря своему браку с Инанной. Об этом же переходе от простого смертного к правителю говорят и легенды о рождении Саргона: Саргон достиг царского престола только вследствие своего брака с Иштар. Следовательно, перед нами божественность, полученная от Инанны-Иштар как награда за сладостное священное соитие. Если вспомнить еще более древний шумерский текст о нисхождении Инанны в подземный мир, то Думузи говорит здесь: «Я не человек, я супруг богини!» В старошумерский период именно факт супружества с богиней дает смертному право претендовать на верховную власть; впоследствии, в эпоху Аккада, этот же факт делает правителя богом.

Иначе обстоит дело в царских гимнах III династии Ура, где сообщается о рождении бога-царя Шульги по заказу его городского бога Нанны. Божественность дана урскому царю изначально, вместе с миссией великого правителя [Klein, 1991]. Такими же предопределенными для божественности были и наследовавшие трон Шульги цари Ура. Но здесь также следует учесть тот момент, что правители Ура и Ицина, бывшие богами вследствие своего рождения в божественной семье, становились богами *de facto* только после путешествия в Урук и брака с Инанной. Стало быть, и божественность-награда, и божественность-судьба имели один источник — получение власти и святости через женщину. Со временем священный брак отдаляется от жизни дворца и царь из участника превращается в его зрителя (о чем говорят ассирийские письма). Так не связаны ли между собой эти два факта — отдаление царя от участия в священном браке и утрата им божеского статуса в вавилонскую и ассирийскую эпохи? Вопросы эти пока повисают в воздухе.

Не менее сложен вопрос о характере деификации месопотамских правителей. Хорошо известны административные документы и гимны, в которых упоминаются приношения статуе или стеле царя, а также его трону. При этом практически неизвестны примеры поклонения самому правителю. Из этих двух фактов В.В. Халло делает следующий вывод: культа живого правителя не существовало, предметами поклонения были знаки памяти об уже умершем царе [Hallo, 1993: 25]. Из этого как будто следует, что правители Месопотамии в принципе обожествлялись только после своей смерти. Опровергнуть точку зрения Халло не так просто, как кажется. С одной стороны, мы имеем достаточно примеров обращения к царю как к богу в его личной переписке или именовании царя богом в надписях, составленных от его имени. Однако с другой стороны, кто сможет поручиться за синхронность этих документов? Кто докажет, что они не были составлены уже после смерти правителя обожествившими его потомками?

Новый год. В настоящее время существование Нового года и новогоднего праздника в Шумере является большой проблемой для исследователей. В ассириологии до недавнего времени было принято проецировать данные, известные из вавилоно-ассирийских текстов, на события более ранней истории. Так, если в Ниппуре II—I тыс. до н.э. год начинался в месяце *bara₂-za₃-gar* (аккад. *Nisannu*) и шумерское слово *za₃-mu* однозначно интерпретируется для этой эпохи как аккад. *rēš šatti* «начало года», то для текстов III тыс. эта интерпретация Нового года считалась а priori идентичной [Langdon, 1934: 68–73; Pongratz-Leisten, 1998: 294]. Между тем, шумерологам, изучающим хозяйственные тексты, известен тот факт, что жертвы разряда *za₃-mu* (т.е. «новогодние») могли приноситься в течение нескольких месяцев одного и того же года. Причем, это могли быть месяцы самых разных сезонов года. Этот примечательный факт позволил В. Саллабергеру сделать вывод о том, что термин *za₃-mu* «край года» в шумерских текстах должен пониматься не как «Новый год», а как «Höhepunkt des Jahres im Kult einer Gottheit» [Sallaberger, 1993: 142–143, 310]. То есть, Саллабергер понимает *za₃-mu* как кульминацию культовой активности, которая в разных городах приходилась на разные месяцы и времена года. Позднее В. Саллабергер предложил различать календарный, административный и культовый Новый год [Sallaberger, 1998: 291]. Если принять точку зрения Саллабергера, то Новый

год как таковой вообще исчезает из шумерской религии. Было ли у года в шумерский период фиксированное начало?

Известные нам религиозные тексты с обозначением **za₃-mu** позволяют интерпретировать этот термин как «Новый год». Прежде всего, это следует из надписей Гудеа, в которых ясно сказано о наступлении **za₃-mu** по прошествии года и окончании последнего лунного месяца. В гимне Хендурсагу говорится о постоянных жертвах, приносимых в месяц **za₃-mu** во время священного брака Нанше и Ниндара. Значит, и здесь также речь идет о священном браке, совершаемом в начале года. Из гимна Инанне (Inanna D) однозначно следует привязка **za₃-mu** к празднику в честь Думузи, известному в Умме как название последнего месяца года. Гимн Идин-Дагану указывает на время священного брака как на период между полным исчезновением и новым появлением луны. Этот факт провоцирует П. Лапинкиви на утверждение, что священный брак мог справляться каждый месяц перед новолунием [Lapinkivi, 2004: 245]. Однако мы не имеем ни прямых, ни косвенных данных клинописных источников, подтверждающих месячный характер священного брака. Таким образом, на материале религиозных текстов предположение В. Саллабергера может быть полностью отвергнуто, поскольку в большей их части мы видим недвусмысленное понимание **za₃-mu** как «новый год» (в календарном и культовом смысле), с отнесением Нового года к событию священного брака.

Вопрос, однако, в том, когда именно этот Новый год справлялся. Еще С. Лэнгдон указывал на седьмой месяц вавилонского календаря как на возможный второй Новый год [Langdon, 1934: 97]. Теперь его гипотезу можно подтвердить на шумерском материале. В Лагаше эпохи Гудеа новогодние празднества, скорее всего, приходились на осенний период. Об этом свидетельствует текст статуи E V 1—3, где месяцем Нового года назван **ezen-d^aBa-U₂** «праздник (в честь) Бау», дочери Ана и супруги Нингирсу. В календаре Лагаша этот месяц мог быть седьмым или восьмым, и приходился он приблизительно на время осеннего равноденствия [Cohen, 1993: 53—54; Selz, 1995: 70]. Т. Кобаяси полагает, что весь четырехдневный ритуал этого времени связан с загробным кормлением предков [Kobayashi, 1985: 11]. В эпоху III династии Ура данный месяц упоминается редко и вне ритуального контекста (в датировочных формулах, см.: [Cohen, 1993: 75]).

Предположение о начале лагашского года эпохи Гудеа в осенний период первым выдвинул С. Оэ. Он анализировал данные по празднику Туммаль, проходившему в Ниппуре осенью. Оэ заметил, что максимум животных жертв храму Туммаль в эпоху III династии Ура приходится на осенние месяцы (VII–VIII). В гимне храму Туммаль сказано, что под новый год здесь устраивается праздник, на котором Энлиль соревнуется с Нинлиль (соревнование это может быть метафорой священного брака). Месяц жертвоприношений в храме Туммаль совпадает с лагашским месяцем *ezen-dBa-U₂*. По аналогии исследователь решил, что и в Лагаше священный брак Нингирсу и Бау должен был приходиться на осенний период [Oh'e, 1986: 121–132].

Ему возразил М. Коэн, выдвинув три контраргумента: а) лагашские календари старошумерского периода начинаются весной; б) первым месяцем, согласно текстам III династии Ура, был весенний месяц *burux-maš*. Поэтому праздник Бау, проводившийся в седьмом или восьмом месяце, не тождественен празднику Бау, который был весенним в эпоху Гудеа; в) лагашский месяц праздника Бау и его мероприятия соответствуют седьмому месяцу ниппурского календаря [Cohen, 1993: 67]. Однако это были слабые возражения. Мы не имеем ни одного свидетельства какой-либо эпохи шумерской истории, в котором первый весенний месяц лагашского календаря был бы назван новогодним. Напротив, у нас есть свидетельство надписи Гудеа, уравнивающей Новый год, праздник Бау и священный брак. Далее, процессия Гудеа, предпринятая сразу после начала половодья, также нигде не названа новогодней. Наконец, месяц праздника в честь Бау всегда приходился в лагашском календаре на осень и никогда — на весну. Таким образом, у нас есть все основания последовать за доводами С. Оэ и постулировать, что в Лагаше эпохи Гудеа Новый год был осенним праздником.

Еще более сложная ситуация ожидает нас в Ниппуре. Там в шумерское время священный брак Нинурты и Нин-Нибру совершался весной, во втором месяце ниппурского календаря, а брак родителей Нинурты, великих богов Энлиля и Нинлиль, — осенью, в седьмом месяце, названном «месяц (храма) Туммаль» [Sallaberg, 1993: 142–144; Cohen, 1993: 78–79]. Таким образом, налицо два новогодья — весеннее и осеннее. Впрочем, такое положение вещей не должно нас сильно удивлять. В хозяйственных текстах

зафиксированы два празднества акиту — акиту жатвы (весна, первые месяцы календарей) и акиту сева (осень, седьмые-восьмые месяцы). В эти периоды времени божество на несколько дней удалялось из города в специально построенное жилище (акиту), после чего ему приносили жертвы и тем самым добивались его возвращения в город [Cohen, 1993: 400–403]. Таким образом, можно связать два предполагаемых новогодних праздника шумерской эпохи с двумя самыми значительными событиями сельскохозяйственного года. Оказывается, что жатва и сев маркировали начало двух полугодий, каждое из которых праздновалось как отдельный Новый год.

Современные исследования культовых календарей древней Месопотамии существенно поколебали старый этнологический миф об исключительно весеннем новогоднем празднике, приходившемся на день весеннего равноденствия и связанном только с обновлением силы царя. Однако остается несколько вопросов, на которые пока никто не ответил. Если Новый год справлялся также и осенью, какова была символика осеннего священного брака (в этнографии принято связывать его с вегетативным периодом)? Если в Уруке словом *za₃-tu* назывался десятый месяц календаря, соответствующий декабрю-январю, что мог означать зимний новогодний праздник и проводился ли в этом случае священный брак? Как различались культовые и календарные новогодья в ранней месопотамской религии и идеологии?

Магия. Изучение месопотамской магии началось сразу же после открытия ассирийских заговорных табличек из библиотеки Ашшурбанапала, но первое фундаментальное исследование этого предмета появляется только в 1902 г. во Франции. Книга Ш. Фоссе «Ассирийская магия» отличается стройностью композиции, хорошо продуманным методом и использует большой корпус известного в то время материала. Сперва автор описывает источники, затем он обращается к вопросу о происхождении объектов магии (колдуны, демоны и болезни), самая большая часть исследования отведена магическим приемам (ритуалам очищения, замещения, разрушения), а также предметам, с помощью которых осуществляется магическое воздействие (фармакопея, заместительные фигурки). Однако монография Фоссе вовсе не является простым нагромождением ценных сведений об интересном предмете. Уже на первых страницах своего труда автор точно

определяет отличие месопотамской магии от египетской. Он пишет, что для вавилонян «не имело большого значения обеспечение будущего существования своего двойника и защита души в ее странствиях к полям Иалу... Предметом их беспокойства была жизнь в этом мире; именно она нуждается в защите от множества пагубных влияний, которые беспрестанно ей угрожают, и потому они постоянно находились настороже. Предугадать при помощи всевозможных способов гадания... могущие обрушиться неблагоприятные события, предотвратить их с помощью магических приемов — вот что было их постоянной заботой» [Фоссе, 2001: 51].

Ш. Фоссе считает магию, религию и науку тремя этапами в развитии человеческой мысли и завершает свою работу следующим рассуждением: «...первобытный человек принимал за природные законы собственного разума, и эта ошибка могла лишь укрепить другое представление, равно примитивное и благоприятное для развития магии, а именно — уверенность в своем всемогуществе. Следующий этап в истории человеческой мысли... должен знаменовать представлением о силе, превосходящей его собственную, которая мыслилась не как слепая, а как обладающая свободной волей... Как и магия, наука строится на том принципе, что одни и те же причины всегда и с необходимостью порождают одни и те же результаты; однако, она замещает химерическую причину, симпатию, необходимым и постоянным антецедентом, истинной причиной... Химия вышла из алхимии только за счет естественного развития. Значит, можно полагать, что религиозное представление о свободной силе, стоящей выше принуждения и выше всякого закона... очень долго отвлекало человека от изучения истинных причин неудачности его действий, приписывая их злой воле божества и... тормозя естественную эволюцию, в результате которой должна была появиться современная наука» [Фоссе, 2001: 194].

Таким образом, в исследовании Фоссе определены две существенные черты месопотамской магии — распространение ее только на посюсторонний мир и донаучный характер ее методов. Впоследствии был найден так называемый «Ассирийский учебник магов», из которого стало ясно, что сферами действия ассирийского мага были: а) изгнание демонов; б) грамотное проведение ритуалов; в) лечение соматических заболеваний лекарственными средствами; г) астрологические предзнаменования; д) составление различных документов; е) элементы физиогномики и психологии;

ж) навыки в области права [Bottéro, 1985: 65–112]. Выводы Фоссе полностью оправдались на этом материале, поскольку ассириология получила дополнительное подтверждение эквивалентности месопотамской магии науке и интеллектуальному познанию. Эта магия не оперирует понятием чуда и не распространяет свою силу на загробный мир, средства обучения мага и предметы обучения исключительно рациональны, ничего не говорится о контактах с духами или о каких-то особых посвящениях.

Со времен Ш. Фоссе исследования о магии не ушли слишком далеко. В распоряжении науки как издания заговорных и ритуальных текстов [Reiner, 1958; Geller, 1985; Walker, Dick, 2001], так и монографии по различным аспектам магии [Wiggermann, 1992; Reiner, 1995; Abusch, 2002]. Но с теоретической точки зрения внимания достойны лишь несколько итоговых статей, опубликованных в сборнике «Mesopotamian Magic: Textual, Historical, and Interpretive Perspectives» (Groningen, 1998). В статье В. ван Бинсбергена и Ф. Виггермана «Магия в истории: теоретическая перспектива и ее приложение к древней Месопотамии» магия рассматривается как человеческий опыт в области контроля над природой, собственным телом, социальной средой и государственными институтами. Специфика этого опыта состоит в том, что магия относится к внебожественной (non-theistic) сфере и отражает представления общинно-родового периода. По мере развития государства усиливается царская власть, а вместе с ней развивается религия и почитание божества, контролирующего значительную часть культурного пространства. Однако с ростом религиозных институтов магия не отмирает, а органично существует внутри них. Доминирующее положение магии возобновляется к концу ассирийской цивилизации, и этот факт является индикатором упадка государственности в Ассирии. По мнению авторов статьи, магия не была в Месопотамии контридеологией (хотя и была противоположна устремлениям царей к объединению общин в единую нацию), но органично вписалась в существовавшую идеологию, местами сливаясь с ней. О переходе от магической идеологии к религиозной можно судить по двум категориям шумеро-аккадской культуры. По мнению авторов статьи, категория МЕ связана с внебожественной сферой естественных сил, и на ранних этапах развития идеологии в Двуречье именно она была доминирующей в государственных ритуалах. Однако по мере усиления государства в Вавилонии эта категория

вытесняется категорией НАМ (судьба), манифестирующей принцип организации пространства и времени в единую субстанцию и лучше всего выражающей принцип единовластия в Месопотамии [Mesopotamian Magic: 3–34].

Из работ других авторов сборника заслуживает внимания статья Н. Фельдхвиса о поэтике магии, в которой магические тексты исключены из сферы изящной словесности, поскольку цель магии — воздействовать на порядок вещей, а не улаживать слух виртуозностью слова. Интерес представляют также статьи М. Геллера и М. Стола о медицинских и психологических аспектах месопотамской магии. В частности, Геллер в работе «Фрейд и месопотамская магия» утверждает, что заклинания служили специфическими защитными механизмами против различных форм неврозов. С этих же позиций Стол в статье «Психосоматические заболевания в древней Месопотамии» пытается описать встречающиеся в заклинаниях указания на заболевания нервной системы и половых органов. Он вводит материал в социально-психологический контекст, показывая, что заболевание тяжело переживалось человеком не только по причине чисто физических страданий, но и по причине выпадения из правил общинной жизни, а значит — и из всего мирового порядка. Недомогание человека было поэтому угрозой всему мирозданию, созданному богами. Внимания заслуживает и работа А. Ливингстона «Магия времени», в которой автор исследует связь магических операций со временем календарного ритуала. Им выделены три типа источников, выражающих эту связь: а) магические тексты, в которых жрец отождествляет свои действия с конкретным днем праздника; б) списки праздников, посвященных главным божествам пантеона, имена которых связаны с культовым календарем; в) различного рода числовые и знаковые игры (протогематрии), связанные с названием и числами дней месяца.

Среди современных исследований магии отсутствуют монографии о роли магии в формировании религиозной этики, равно как и о соотношении магии и религии в месопотамской духовной культуре. Совершенно неразработанной является проблема соотношения магических операций с идеей предопределения (как возможно изменять назначенную богами судьбу). Да и сама история формирования канона магических текстов еще ждет своего исследователя.

Категории мироощущения и религиозная психология. В изучении категорий мироощущения в настоящее время наметились два подхода. Первый идет от европейской культурологии (Вико, Гердер) через школу «Анналов» к «Категориям средневековой культуры» А.Я. Гуревича. Он состоит в том, что каждая культура обладала одинаковым набором категорий, и все эти категории должны изучаться исходя из современной европейской терминологии. Так, можно изучать немецкое, греческое, египетское, шумерское представление об имуществе, о судьбе или о человеке. Представления будут разные, а сама категория — семантически тождественной для всех языков. Другой подход характерен для историков философии и феноменологов. Он предусматривает изучение культурной категории в границах языкового мира изучаемой культуры. В этом случае принципиальна декларация нетождества нашего и чужого сознания, поэтому будет изучаться не египетское представление о частной собственности, а категория *джет* (Ю.Я. Перепелкин), не греческое представление об идеях, а категория *эйдос* (А.Ф. Лосев). В настоящее время второй подход представляется более плодотворным для реконструкции категорий восточного религиозного сознания (см., например, сборник «Универсалии восточных культур». М., 2001).

В ассириологии интерес к категориям культуры пробудился еще в 1920-е гг., когда появилась работа Б. Ландсбергера об образовании понятий у вавилонян [Landsberger, 1926]. Ландсбергер анализировал категории МЕ и НАМ с позиции диалектики сущности и явления, невольно обращаясь в своих рассуждениях к кантовской теории восприятия и категории *das Ding-an-Sich* («вещь сама по себе»).

В 1960–1970-е гг. за Ландсбергером последовали только французские феноменологи. Первой появилась монография Э. Кассен «Божественное сияние. Введение в изучение месопотамского менталитета» (1968). В этой книге автор основательно изучает категорию *меламму* (преимущественно на аккадских источниках). Исследование выполняет двойную задачу: рассмотреть все оттенки употребления существительного *меламму* (а также его синонимов) и сформулировать основные атрибуты божественного сияния (или харизмы) как такового, в применении ко всем религиям древнего мира. Автор блестяще справляется со своей задачей. В результате ее работы оказывается, что категория харизмы неразрывно связана

с представлениями о белизне, свете, чистоте, силе, сексуальной привлекательности и сексуальной мощи, молодости, радости, красоте, воле, независимости, политической активности. Из всех этих оттенков наиболее фундаментальный характер имеет связь харизмы с фертильностью ее носителя [Cassin, 1968: 132–133]. Тем самым восстанавливается архаический смысл харизмы в Месопотамии — ее происхождение из обряда священного брака.

В 1977 г. выходит в свет книга И. Розенгартен «Шумер и сакральное», в которой делается попытка религиоведческого анализа категории МЕ на основе данных, собранных в монографии Г. Фарбер-Флюгге. МЕ переводится и интерпретируется здесь как «prescriptions» («предписания, правила, рецепты»). В целом можно охарактеризовать книгу Розенгартен как религиоведческо-философскую: автор представляет МЕ в качестве категории древнего богословия, анализируя шумерские источники по правилам, принятым для интерпретации священных канонических текстов. Основой понимания МЕ для Розенгартен (как и для Фарбер-Флюгге) является список МЕ из текста об Инанне и Энки, который эти исследователи признают для себя каноническим. Все остальные сведения рассматриваются только относительно этой основы. Сперва изучается количество МЕ, их положение во времени и пространстве мифологических текстов, их связь с судьбой. Затем автор переходит к анализу эстетических и ритуальных аспектов. Все возможные переводы существительного МЕ Розенгартен подразделяет на «волютаристские» (выделяющие аспект воли), «фаталистические» (МЕ как судьба), «идеалистические» (МЕ как идея и абстрактный концепт) и «динамические» (МЕ как сила и власть). Розенгартен понимает МЕ как основу мирового порядка, предписанного богами. С ее точки зрения, МЕ — это божественное слово, переводящее бытие-долженствование (*devoir-être*) в материально оформленное сущее бытие (*être*). Особое внимание в монографии уделено эстетическому аспекту категории МЕ, ее связи с прекрасным, ужасным, священным и совершенным. На примере множества текстов Розенгартен доказывает, что идеальные МЕ находят свое воплощение в ритуалах, демонстрирующих стабильность и нерушимость мирового порядка. Такими ритуалами, с ее точки зрения, являются встреча нового месяца, священный брак и обряды очищения [Rosengarten, 1977: 1–23, 193–211, 213–222].

В последнее время предпринимаются попытки реконструкции религиозной психологии жителей древней Месопотамии. В 1990-х гг. немецкие шумерологи, специалисты по Протописменному и Раннединастическому периодам истории Месопотамии П. Дамеров и Г. Зельц выдвинули оригинальный метод исследования и объяснения предфилософского сознания, соединив результаты своей науки с психологическим учением Ж. Пиаже о трех этапах в эволюции детского сознания. Согласно Пиаже, ребенок сперва неотрывно реагирует на каждый феномен внешнего мира, не различая его и себя; он подражает тому, что видит, и таким образом учится совершать некие поступки. Эта стадия характеризуется отождествлением себя и иного и называется дооперативной. На следующем этапе ребенок различает себя и иное, проводя сравнение и выстраивая цепочки отношений между вещами (прежде всего — пытаясь определить соотношение между собой и остальным миром в плане иерархии). У Пиаже этот этап называется конкретно-оперативным, поскольку с этого момента уже возможны действия ребенка по преобразованию иного. Наконец, третий этап — символично-языковой, или формально-оперативный — в теории Пиаже представлен феноменом языка и зачатками мыслительного абстрагирования. Дамеров и Зельц полагают, что можно применить к изучению категорий мироощущения принцип «онтогенез повторяет филогенез», и заявляют, что шумерская цивилизация находилась на стыке двух этапов — второго и третьего. Она была как бы ребенком, который уже знает, какими внешними свойствами обладают предметы окружающего мира и какого рода действия, применимые к ним, окажутся полезными для жизни. Но при этом ему неизвестно, как устроено изнутри то, с чем он собирается работать, и к каким последствиям могут привести его действия [Damerow, 1996; Selz, 2003].

Сама постановка вопроса об определении сознания древнего человека как детского достаточно наивна, поскольку предполагается, что в эпоху первобытности (а это миллионы лет развития) человеческое сознание не развивалось или почти не развивалось. Между тем, если развитие ребенка можно подсмотреть и изучить, никто пока не открыл метода для изучения сознания людей догосударственного периода (т.е. до конца IV тыс. до н.э.). К тому же, хорошо известно, что человек эпохи ранних государств был в состоянии производить весьма сложные математические расчеты

и изобрел письменность в двух видах — обычную и шифрованную (для записи религиозных текстов). То есть он был уже достаточно развитым существом, мало напоминающим ребенка дошкольного возраста.

Не менее уязвима попытка Г. Зельца применить к описанию религиозной психологии жителей Месопотамии постулат Д. Юма об индивидууме как «пучке чувств и восприятий». С точки зрения исследователя (восходящей к Оппенгейму), в месопотамской психологии отсутствовало представление о цельном индивидууме, и каждый человек был сложен из множества независимых субстанций [Selz, 2004]. Действительно, во многих текстах упоминаются духи-хранители человека, боги-покровители его семьи или его личные боги. Факт объективации субъективных восприятий здесь налицо. Однако, несмотря на близость религиозного мироощущения жителей Двуречья позициям философского эмпиризма, нужно учитывать существенную разницу между ними. Если Юм настаивает на заведомо субъективном характере всех восприятий и на объективном отсутствии индивидуума (которому только кажется, что он существует как «я»), то месопотамская религия нигде не спорит с существованием индивидуального «я» (божьего или человеческого) и признает объективное существование духов-хранителей и личных богов как сил, одновременно находящихся вне «я» и сосуществующих с ним. Так что аналогии из истории философии или психологии пока помогают мало.

Более привлекательны результаты, полученные Г. Зельцем в процессе работы над самими шумерскими памятниками. Исследуя феномен деификации предметов в шумерской религии, он приходит к следующим выводам.

1. Обоожествленные вещи воспринимались как формы, содержащие в себе божественную силу. Поэтому они почитались как особые сущности, общение с которыми могло служить средством трансляции божественной силы верующим.

2. В сознании людей того времени существовала определенная дуализация мира. Статуя божества воспринималась и как жилище божества, и как само божество. Аналогичным образом статуя царя воспринималась и как отдельный культовый предмет, и как некое существо, связанное с земным обликом царя.

3. Предмет мог иметь культовое значение как в силу своего употребления в храмовой службе, так и в силу своего особого,

божественного происхождения. В некоторых списках предметов сперва шло написание с детерминативом «небо», а затем без детерминатива. Следовательно, можно предположить, что у предмета существовала небесная модель, предшествующая его изготовлению.

4. На основании приведенных фактов следует говорить о «небесном» и «земном» планах мироздания в шумерской религии, с явным приоритетом «небесного». Исследователь крайне осторожен в этом выводе, но он не может игнорировать данные множества текстов [Selz, 1997; Selz, 2004].

Работы по изучению месопотамской религиозной психологии только начинаются, но уже на начальном этапе видно, что компаративно-философский подход помогает выявить типологию феномена, а текстологический анализ существенно уточняет его социально-историческую специфику. И наиболее результативными будут те работы, в которых встретятся оба указанных направления.

Библиография

[Афанасьева, 1976] — *Афанасьева В.К., Луконин В.Г., Померанцева Н.А.* Искусство Древнего Востока. М., 1976.

[Афанасьева, 1979] — *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.

[Афанасьева, 1981] — *Афанасьева В.К.* Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 2. С. 647–653.

[Афанасьева, 1992] — *Афанасьева В.К.* Мифологема познания добра и зла в клинописных источниках и в изобразительности Двуречья // Культура Востока. Проблемы и памятники. СПб., 1992. С. 15–16.

[Афанасьева, 1995] — *Афанасьева В.К.* Шумерское сказание о гибели Аккада // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1995. С. 5–7.

[Афанасьева, 1997] — *Афанасьева В.К.* От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.

[Афанасьева, 1999] — *Афанасьева В.К.* Общества Шумера и Аккада: проблемы духовной культуры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

[Бецольд, 1904] — *Бецольд К.* Ассирия и Вавилония. СПб., 1904.

[Ван дер Варден, 1991] — *Ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающая наука. История астрономии. М., 1991.

[Вейнберг, 1986] — *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.

[Винклер, 1913] — *Винклер Г.* Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. СПб., 1913.

[Гордон, 2002] — *Гордон С.Г.* Забытые письмена. СПб., 2002.

[Дандамаев, 1983] — *Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы. М., 1983.

[Делич, 1906] — *Делич Ф.* Вавилон и Библия. СПб., 1906.

[Дьяконов, 1959] — *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

[Дьяконов, 1990] — *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.

[Дьяконов, 1990а] — *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

[Дьяконов, 1994] — *Дьяконов И.М.* Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

[Дьяконов, Соколова, 1981] — *Дьяконов И.М., Соколова И.И.* Касситская мифология // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 1. С. 626–627.

[Емельянов, 1994] — *Емельянов В.В.* Мифологема потопа и шумерская историография // Петербургское востоковедение. 1994. Вып. 6. С. 232–289.

[Емельянов, 1999] — *Емельянов В.В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.

[Емельянов, 2000] — *Емельянов В.В.* О первоначальном значении шумерского МЕ (методология исследования категорий мироощущения) // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 150–174.

[Емельянов, 2003] — *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.

[Иванов, 2003] — *Иванов Вяч.Вс.* В.К. Шилейко. Очерк творчества // Памятники и люди. М., 2003. С. 62–81.

[Керам, 1986] — *Керам К.В.* Боги, гробницы, ученые. М., 1986.

[Клочков, 1983] — *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии. М., 1983.

[Комороци, 1981] — *Комороци Г.* К символике дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 47–52.

[Красников, 2004] — *Красников А.Н.* Методология классического религиоведения. Благовещенск, 2004.

[Куртик, 2002] — *Куртик Г.Е.* Ранняя история месопотамских созвездий // Петербургское востоковедение. 2002. Вып. 10. С. 186–229.

[Оппенхейм, 1990] — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.

[Струве, 1941] — *Струве В.В.* История древнего Востока. М., 1941.

[Тураев, 1935] — *Тураев Б.А.* История древнего Востока. М.; Л., 1935. Т. 1.

[Фоссе, 2001] — *Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001.

[Франкфорт и др., 1984] — *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. М., 1984.

[Шилейко, 1919] — *Шилейко В.К.* Введение // Гильгамеш. Вавилонский эпос / Пер. Н. Гумилёва. Пг., 1919. С. 9–17.

[Шилейко, 1922] — *Шилейко В.К.* Родная старина // Восток. Пг., 1922. Кн. 1. С. 80–81.

[Якобсен, 1995] — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995.

[Якобсон, 1989] — *Якобсон В.А.* Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 17–37.

[Abusch, 2002] — *Abusch T.* Mesopotamian Witchcraft: Toward a History and Understanding of Babylonian Witchcraft Beliefs and Literature. Leiden, 2002.

[Afanasyeva, 1980] — *Afanasyeva V.K.* Formel sag-aš sag-a-na in der Sumerischen mythologischen Dichtung. Gleichgewicht der Toten und der Lebenden // Zeitschrift für Assyriologie. 1980. Bd. 70. S. 161–169.

[Afanasyeva, 1982] — *Afanasyeva V.K.* Zu den Metaphern in dem Sumerischen Text UM 29-16-37 (PAPS 107) einem Lied der 'Heiligen Hochzeit' // Studies in Honour of I.M. Diakonoff. 1982. P. 15–21.

[Alberti, 1985] — *Alberti A.* A Reconstruction of the Abu Salabikh God-List // SEL. 1985. 2. P. 3–23.

[Annus, 2002] — *Annus A.* The God Ninurta in the Mythology and Royal Ideology of Ancient Mesopotamia. Helsinki, 2002. (SAAS 14.)

[Behrens, 1978] — *Behrens H.* Enlil und Ninlil: Ein sumerischer Mythos aus Nippur. Rom, 1978.

[Benito, 1969] — *Benito C.A.* Enki and Ninmah, Enki and the World Order: diss. Ann Arbor, 1969.

[Black, Green, 1992] — *Black J., Green A.* Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. Austin, 1992.

[Bottéro, 1952] — *Bottéro J.* La religion babylonienne. P., 1952.

[Bottéro, 1966] — *Bottéro J.* Le «dialogue pessimiste» et la transcendance. P., 1966.

[Bottéro, 1985] — *Bottéro J.* Mythes et rites de Babylone. P., 1985.

[Bruschweiler, 1987] — *Bruschweiler F.* Inanna: La déesse triomphante et vaincue dans la cosmologie sumérienne. Leuven, 1987.

[Cassin, 1968] — *Cassin E.* Le splendeur divine. P., 1968.

[Charpin, 1986] — *Charpin D.* Le clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi. P., 1986.

[Cohen, 1993] — *Cohen M.E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993.

[Cooper, 1993] — *Cooper J.S.* Sacred Marriage and Popular Cult in Early Mesopotamia // Official Cult and Popular Religion in the Ancient Near East / Ed. by E. Matsushima. Heidelberg, 1993. P. 81–96.

[Damerow, 1996] — *Damerow P.* Abstraction and Representation. Essays on the Cultural Evolution of Thinking. Dordrecht, 1996

[Deimel, 1914] — *Deimel A.* Pantheon Babylonicum. Rome, 1914.

[Dhorme, Dussaud, 1949] — *Dhorme E., Dussaud R.* Les religions de Babylonie et d'Assyrie; Les religions des hittites et des hourrites, des phéniciens et des syriens. P., 1949.

[Edzard, 1965] — *Edzard D.O.* Die Mythologie der Sumerer und Akkader // Wörterbuch der Mythologie. V. 1. Götter und Mythen im Vorderen Orient / Ed. by H.W. Haussig. Stuttgart, 1965. P. 17–139.

[Farber-Flügge, 1973] — *Farber-Flügge G.* Der Mythos 'Inanna und Enki' mit besonderer Berücksichtigung der Liste der me. Rom, 1973.

[Ferrara, 1973] — *Ferrara A.J.* Nanna-Suen's Journey to Nippur. Rome, 1973.

[Al-Fouadi, 1969] — *Al-Fouadi A.-H.A.* Enki's Journey to Nippur: The Journeys of the Gods: diss. Ann Arbor, 1969.

[Frayne, 1985] — *Frayne D.R.* Notes on The Sacred Marriage Rite // Bibliotheca Orientalis. 1985. P. 425–22.

[Galter, 1983] — *Galter H.D.* Der Gott Ea/Enki in der akkadischen Überlieferung. Graz, 1983.

[Geller, 1985] — *Geller M.E.* Forerunners to UDUG.HUL. Wiesbaden, 1985.

[George, 1992] — *George A.R.* Babylonian Topographical Texts. Leuven, 1992.

[George, 1993] — *George A.R.* House Most High: The Temples of Ancient Mesopotamia. Winona Lake, IN, 1993.

[Gordon, Rendsbourg, 1998] — *Gordon S.H., Rendsbourg H.* The Bible and the Ancient Near East. N. Y., 1998.

[Green, 1975] — *Green M.W.* Eridu in Sumerian Literature: diss. Chicago, 1975.

[Hall, 1985] — *Hall M.G.* A Study of the Sumerian Moon-God, Nanna/Suen. Univ. of Pennsylvania Diss., 1985.

[Hallo, 1993] — *Hallo W.W.* Sumerian Religion // *Kinattūtu ša dārāti: Raphael Kutscher Memorial Volume* / Ed. by A.F. Rainey. Tel Aviv, 1993. P. 15–36.

[Hirsch, 1961] — *Hirsch H.* Untersuchungen zur altassyrischen Religion. Graz, 1961.

[Horowitz, 1998] — *Horowitz W.* Mesopotamian Cosmic Geography. Winona Lake, IN, 1998.

[Jacobsen, 1970] — *Jacobsen Th.* Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture / Ed. by W.L. Moran. Cambridge (Mass.), 1970.

[Jastrow, 1902–1907] — *Jastrow M.* Die Religion Babyloniens und Assyriens. Giessen, 1902–1907. Bd. 1–2.

[Jeremias, 1904] — *Jeremias A.* Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. Handbuch zum biblisch-orientalischen Altertum. Leipzig, 1904.

[Jeremias, 1929] — *Jeremias A.* Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1929.

[Johanning, 1988] — *Johanning K.* Der Babel-Bibel-Streit. Eine forschungsgeschichtliche Studie. Frankfurt a/M., 1988.

[Klein, 1991] — *Klein J. Shulgi G* // *Festschrift Tadmor*. Jerusalem, 1991. P. 302–303.

[Kobayashi, 1985] — *Kobayashi T.* The ki-a-nag of Enentarzi // *Orient*. 1985. 21. P. 10–25.

[Kramer, 1963] — *Kramer S.N.* The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963.

[Krebernik, 1986] — *Krebernik M.* Die Götterlisten aus Fara // *ZA*. 1986. 76. S. 161–204.

[Kugler, 1910] — *Kugler F.X.* Im Bannkreis Babylons. Panbabylonistische Konstruktionen und religionsgeschichtliche Tatsachen. Münster, 1910.

[Labat, 1939] — *Labat R.* Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. P., 1939.

[Lambert, 1985] — *Lambert W.G.* The Pantheon of Mari // *MARI*. 1985. 4. P. 525–539.

[Landsberger, 1926] — *Landsberger B.* Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt // *Islamica*. 1926. 2. S. 355–372.

[Langdon, 1934] — *Langdon S.* Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. L., 1934.

[Lapinkivi, 2004] — *Lapinkivi P.* The Sumerian Sacred Marriage in the Light of Comparative Evidence. Helsinki, 2004 (SAAS 15).

[Larsen, 1971] — *Larsen M.T.* The City and its King. On Old Assyrian Notion of Kingship // *Le palais et la royauté*. P., 1971. P. 285–300 (CRRAI 19).

[Lawson, 1994] — *Lawson J.N.* The Concept of Fate in Ancient Mesopotamia of the First Millennium: Toward an Understanding of *šimtu*. Wiesbaden, 1994.

[Lehmann, 1994] — *Lehmann R.G.* Friedrich Delitzsch und der Babel-Bibel-Streit. Göttingen, 1994.

[Leick, 1991] — *Leick G.* A Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology. L., 1991.

[Litke, 1968] — *Litke R.L.* A Reconstruction of the Assyro-Babylonian God-Lists, An: dA-nu-um and An: Anu ša amēli: diss. 1968 (= New Haven, 1998).

[Livingstone, 1986] — *Livingstone A.* Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986.

[Livingstone, 1993] — *Livingstone A.* The Case of the Hemerologies: Official Cult, Learned Formulation and Popular Practice // *Official Cult and Popular Religion in the Ancient Near East*. Heidelberg, 1993.

[Mander, 1986] — *Mander P.* Il pantheon di Abu-Salabikh. Napoli, 1986.

[Myers, 2002] — *Myers J.* The Pantheon of Sippar: A Diachronic Study: diss. Harvard University, 2002.

[Oh'e, 1986] — *Oh'e S.* An Agricultural Festival in Tummal in the Ur III Period // *Acta Sumerologica (Japan)*. 1986. 8. P. 121–132.

[Otto, 1926] — *Otto R.* Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. Gotha, 1926.

[Pomponio, 1978] — *Pomponio F.* Nabû. Rome, 1978.

[Pomponio, Xella, 1997] — *Pomponio F., Xella P.* Les dieux d'Ebla: Étude analytique des divinités éblaïtes à l'époque des archives royales du III-e millénaire. Münster, 1997. (AOAT 245.)

[Pongratz-Leisten, 1994] — *Pongratz-Leisten B.* Ina šulmi irub: Die kulttopographische und ideologische Programmatik der akitu-Prozession in Babylonien und Assyrien im 1. Jahrtausend v. Chr. Mainz, 1994.

[Pongratz-Leisten, 1998] — *Pongratz-Leisten B.* Neujahr(sfest). B. Nach akkadischen Quellen // Reallexikon der Assyriologie. 1998. 9. 1/2. S. 294–298.

[Reiner, 1958] — *Reiner E.* Šurpu. Graz, 1958.

[Reiner, 1995] — *Reiner E.* Astral Magic in Babylonia. Philadelphia, 1995.

[Renger, 1967–1968] — *Renger J.* Untersuchungen zum Priestertum in der altbabylonischen Zeit // ZA. 1967. 58. S. 110–188; 1968. 59. S. 104–230.

[Renger, 1995] — *Renger J.* Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Fourth to the End of the First Millennium B. C. // Law Review. Berlin, 1995. 71/5. P. 269–319.

[Richter, 1999] — *Richter Th.* Untersuchungen zu den Lokalen Panthea Süd- und Mittelbabyloniens in altbabylonischer Zeit. Münster, 1999. (AOAT 257.)

[Römer, 1969] — *Römer W.H.Ph.* The Religion of Ancient Mesopotamia // Historia Religionum: Handbook for the History of Religions. V. 1. Religions of the Past. Leiden, 1969. P. 115–194.

[Rosengarten, 1977] — *Rosengarten Y.* Sumer et le Sacré. P., 1977.

[Sallaberger, 1988] — *Sallaberger W.* Das Pantheon von Kiš und Hursagkalama. Ein altesopotamisches Lokalpantheon. Innsbruck, 1988. (Diplomarbeit.)

[Sallaberger, 1993] — *Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III-Zeit. Berlin, 1993. V. 1–2.

[Sallaberger, 1998] — *Sallaberger W.* Neujahr(sfest). A. Nach sumerischen Quellen // Reallexikon der Assyriologie. 1998. 9, 1/2. S. 291–294.

[Schwemer, 2001] — *Schwemer D.* Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen. Wiesbaden, 2001.

[Selz, 1989] — *Selz G.J.* Nissaba(k): 'Die Herrin der Getreidezuteilungen // Sjöberg AV. Philadelphia, 1989. P. 491–497.

[Selz, 1990] — *Selz G.J.* Studies in Early Syncretism: The Development of the Pantheon of Lagaš — Examples for Inner-Sumerian Syncretism // *ASJ*. 1990. 12. P. 111–142.

[Selz, 1992] — *Selz G.J.* Enlil und Nippur nach prä-sargonischen Quellen // *Nippur at the Centennial*. Philadelphia, 1992. P. 189–225.

[Selz, 1995] — *Selz G.J.* Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Staates von Lagaš. Philadelphia, 1995.

[Selz, 1995a] — *Selz G.J.* Den Fährmann bezahlen! Eine lexikalisch-kulturhistorische Skizze zu den Bedeutungen von *addir* // *Altorientalische Forschungen*. 1995. 22. S. 197–209.

[Selz, 1997] — *Selz G.J.* 'The Holy Drum, the Spear, and the Harp': Towards an Understanding of the Problem of Deification in Third Millennium Mesopotamia // *Sumerian Gods and their Representations*. Groningen, 1997. P. 167–213.

[Selz, 2003] — *Selz G.J.* Die Spur der Objekte. — Überlegungen zur Bedeutung von Objektivierungsprozessen und Objektmanipulationen in der mesopotamischen Frühgeschichte // *Subjekte und Gesellschaft. Zur Konstitution von Sozialität*. Festschrift für G.Dux. Velbrück, 2003. S. 233–258.

[Selz, 2004] — *Selz G.J.* Composite Identities. Some Aspects of Individualization and Objectification in Third Millennium Mesopotamia // *Archiv orientální*. 2004. 72. P. 33–53.

[Sommerfeld, 1982] — *Sommerfeld W.* Der Aufstieg Marduks: Die Stellung Marduks in der babylonischen Religion des zweiten Jahrtausends v. Chr. Neukirchen-Vluyn, 1982. (AOAT 213.)

[Stucken, 1896] — *Stucken E.* Astralmythen. Leipzig, 1896.

[Such, 1999] — *Such M.* Beiträge zum Pantheon von Nippur im 3. Jahrtausend: Diss. Heidelberg, 1999.

[Suter, 2000] — *Suter C.E.* Gudea's Temple Building. The Representation of an Early Mesopotamian Ruler in Text and Image. Groningen, 2000.

[Šilejko, 1929] — *Šilejko V.K.* Ein Omentext Sargons von Akkad und sein Nachklang bei römischen Dichtern // *Archiv für Orientforschung*. 1929. 5. S. 214–218.

[Tsukimoto, 1985] — *Tsukimoto A.* Untersuchungen zur Totenpflege (kispum). Neukirchen-Vluyn, 1985.

[Van Dijk, 1964] — *Van Dijk J.J.A.* Le motif cosmique dans la pensée sumérienne // *Acta Orientalia*. 1964. 28. P. 1–59.

[Van Dijk, 1971] — *Van Dijk J.J.A.* Sumerische Religion // *Handbuch der Religionsgeschichte* / Ed. by J.P. Asmussen and J. Laessle. Göttingen, 1971. V. 1. P. 431–496.

[Van Dijk, 1976] — *Van Dijk J.J.A.* Existe-t-il un 'Poème de la Création' Sumérien? // Kramer AV. Neukirchen-Vluyn, 1976. P. 125–133.

[Van Dijk, Goetze, Hussey, 1985] — *Van Dijk J.J.A., Goetze A., Hussey M.* Early Incantations and Rituals. New Haven, 1985.

[Van Driel, 1969] — *Van Driel G.* The Cult of Aššur. Assen, 1969.

[Vorlander, 1975] — *Vorlander H.* Mein Gott: Die Vorstellungen vom persönlichen Gott im Alten Orient und im Alten Testament. Neukirchen-Vluyn, 1975. (AOAT 23.)

[Walker, Dick, 2001] — *Walker C.B.F., Dick M.* The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia: The Mis Pi Ritual. Helsinki, 2001.

[Weiher, 1971] — *Weiher E. von.* Der babylonische Gott Nergal. Neukirchen-Vluyn, 1971. (AOAT 11.)

[Westenholz, 1993] — *Westenholz J.G.* Writing for Posterity: Naram-Sin and Enmerkar // Raphael Kutcher Memorial Volume. Tel-Aviv, 1993. P. 205–218.

[Wiggermann, 1992] — *Wiggermann F.A.M.* Mesopotamian Protective Spirits: The Ritual Texts. Groningen, 1992.

[Wilson, 1994] — *Wilson E.J.* «Holiness» and «Purity» in Mesopotamia. Neukirchen-Vluyn, 1994. (AOAT 241).

РАЗДЕЛ III

Восточное Средиземноморье в древности

ГЛАВА 1

Историография Финикии, Угарита и Сирии

§ 1. Историография Финикии до 60-х гг. XX в.

Финикийцы сыграли значительную роль в развитии мировой цивилизации. Достаточно сказать о двух их достижениях. Именно финикийские моряки впервые, путешествуя от одного до другого конца Средиземного моря и создавая на его берегах свои колонии, положили начало объединению историй отдельных стран этого бассейна в единый исторический процесс. Разумеется, это было только началом, и это дело продолжили греки, а затем римляне, но и те, и другие в значительной степени шли уже по стопам финикийцев. Финикийцы не ограничились только Средиземноморьем. Они смело вышли и в Атлантический океан. А в начале VI в. до н.э. по поручению египетского фараона Нехо именно финикийские мореплаватели впервые в истории полностью обогнули Африку. Еще большее значение для мировой цивилизации имело создание той системы письма, к которой восходит подавляющее большинство письменностей мира (кроме китайской и тех, истоком которых были китайские иероглифы). По-видимому, не собственно финикийцы являлись изобретателями этой системы, но они явно ее усовершенствовали и, что особенно важно, распространили затем по самым разным местам. У них заимствовали систему письма греки и евреи, арамеи и фригийцы, а уже от тех римляне и многие другие народы. И современное русское письмо также восходит в конечном счете к финикийскому (хотя, конечно, и не непосредственно). Эту заслугу финикийцев ценили уже древние греки.

У финикийцев была своя литература, свои исторические памятники и документы. Но, к огромному сожалению, оригиналы

этих произведений до нас не дошли. Из них мы знаем только то, что в том или ином виде передали греческие и римские писатели. Финикийцы и отталкивали, и притягивали к себе многих античных авторов. Греки и римляне с интересом описывали этот народ, его жизнь, его религию, различные события его истории. Продукты финикийского ремесла и товары других народов, доставленные финикийцами, пользовались большим спросом во всем средиземноморском мире. И игнорировать это было нельзя. Поэтому до нас дошли многие рассказы античных авторов о Финикии, ее народе, ее цивилизации и истории. К сожалению, еще больше пропало во тьме веков. Конечно, многого греческие и римские писатели не понимали, но большинство из них оставило добросовестное описание, и это описание сейчас очень помогает науке.

С самого начала своей истории с финикийцами контактировали евреи. Их взаимоотношения тоже было далеко не безоблачны. И в Библии отразились и положительные, и отрицательные оценки финикийцев их южными соседями. С течением времени по мере укрепления в еврейской среде монотеизма ненависть к оставшимся язычниками финикийцам стала превалировать. Тем не менее и библейские сведения дают нам представления о Финикии и частично о ее цивилизации. Более того, после крушения античного мира финикийцев вообще рассматривали только сквозь призму именно библейских рассказов.

В эпоху Возрождения и Реформации возродился и интерес к финикийцам. Видный филолог XVI в. и основатель научной хронологии древности Ж.Ж. Скалигер впервые опубликовал с комментариями греческие и римские источники по истории Финикии и финикийцев. Следующий важный шаг сделал француз С. Бошар (S. Bochart) — известный в свое время теолог, филолог и географ. В 1646 г. он опубликовал свою «Священную географию» («Geographia Sacra»), вторая часть которой под названием «Ханаан» была в значительной степени посвящена финикийцам. В ней он впервые с точки зрения современной ему науки (а не баснословных рассказов) дал обобщенное описание финикийцев как народа, финикийского языка и финикийской колонизации. Значительный материал ему дал отрывок из комедии римского писателя Плавта, где автор латинскими буквами передал финикийские тексты. Бошар рассматривал финикийцев не столько как самостоятельный субъект истории, сколько как часть ветхозаветного мира. Но несмотря на

это, они в первый раз были представлены не как сказочный, а как реальный народ со своим языком и своей историей. Труд Бошара не был оценен ни современниками, ни ближайшими потомками. О нем говорили, что он даже не заслуживает чтения. И только позже наука оценила его значение.

Несмотря на свое непризнание, труд Бошара положил начало изучению Финикии. И если в XVII в. научно никто больше финикийцами не занимался, то в XVIII в. количество работ, посвященных финикийцам, увеличилось. В 1720 г. английский епископ Р. Камберленд (R. Cumberland) опубликовал фрагменты финикийского писателя Санхунйатона, сохраненные грекоязычным автором Филоном Библиским, и свое исследование этих фрагментов. Он ввел в науку эти фрагменты и положил начало более чем двухсотлетнему спору об их исторической ценности и историчности самого Санхунйатона. В этом же веке стали появляться первые публикации финикийских надписей. Еще раньше из древнего финикийского города Кития на Кипре (совр. Ларнака) в Оксфорд были привезены несколько таких надписей, но опубликованы они были только в 1750 г. хранителем университетского архива Дж. Свинтоном (J. Swinton). Еще большее значение имела работа французского ученого Ж.Ж. Бартелеми (J.-J. Barthélemy). В 1758 г. после своего трехлетнего путешествия по Италии с чисто научными, археологическими, целями он выступил в парижской Академии надписей и изящной литературы с меморандумом «Размышления о некоторых финикийских памятниках и их алфавите». Бартелеми основывался на монетных легендах и двух двуязычных греко-финикийских надписях, найденных на Мальте и изданных в 1735 г. магистром Мальтийского ордена Г. де ла Марном (G. de la Marne). Расшифровывать финикийский язык было не надо, так как он оказался близким к древнееврейскому, который тогда хорошо знали не только специалисты, но и вообще образованная публика. Но письменность была практически неизвестна, и меморандум Бартелеми в большой степени способствовал ее изучению. Он фактически положил начало научному изучению финикийского языка и его письма. Начало научному изучению истории финикийцев было положено немецким профессором А. Хереном (A. Heeren). В конце XVIII в. им было выпущено четыре тома объемного труда, посвященного политике и торговле в древности. И большое место в нем было уделено финикийцам.

Работы Бартеlemi и Херена определили два направления исследования финикийцев — филологическое и историческое, которые стали активно развиваться в XIX в. Для филологии капитальное значение имели исследования немецкого ученого Ф.Г.В. Гезениуса (F.G.W. Gesenius). Он был профессором богословия в Галле и пользовался большим авторитетом как в академической, так и в студенческой среде. Именно он первым применил к семитской филологии строго научный метод. Изучая Ветхий Завет, он исследовал его различные термины, в том числе и относившиеся к финикийцам. Так, он впервые сопоставил библейские сведения о таинственном Таршише и сообщения греческих и римских авторов об испанском Тартессе и установил тождество этих топонимов. Этот вопрос до сих пор еще является предметом споров, но большинство ученых принимает точку зрения Гезениуса. Но еще большую роль сыграло опубликованное в 1837 г. двухтомное исследование Гезениуса «Памятники финикийской письменности и языка» («*Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta*»). Основываясь на всех известных тогда (весьма немногочисленных) финикийских надписях, он создал научную грамматику финикийского языка, и эта его работа не потеряла своего значения до сих пор, являясь фундаментом всякого филологического и эпиграфического исследования финикийского мира.

Несколько позже, в 1841 г., профессор университета в Бреслау (ныне Вроцлав в Польше) Ф.К. Моверс (F.-C. Movers) выпустил в свет первый том своего труда «Финикийцы» («*Die Phönizier*»), за которым последовали еще три тома. В этом грандиозном исследовании рассматривались и политическая история финикийского мира, и различные аспекты финикийской цивилизации — религия, торговля, мореплавание. Порой Моверс увлекался и преувеличивал роль финикийцев в древнем мире, что вызвало нападки на него со стороны многих коллег. Но надо сказать, что современная археология подтвердила многие гипотезы Моверса, казавшиеся современникам несостоятельными.

У истоков археологического изучения собственно Финикии стоял Ж.Э. Ренан (J.E. Renan). Он был уже довольно известен в научных и литературных кругах, в том числе и работой, защищающей историчность Санхунйатона, когда в 1860 г. Наполеон III направил его с археологической миссией в Ливан. Франция всегда проявляла интерес к этой стране, бывшей тогда под властью

Турции, и археологические исследования должны были повысить авторитет Франции и ее императора в Ливане. Ренан не был специалистом-археологом, и поэтому собственно археологические результаты его миссии оказались довольно скромными, но некоторые его раскопки все же дали свои результаты. Он начал раскопки ряда финикийских городов — Библа, Сидона, Тира, Арвада и некоторых более мелких. Еще важнее была сама публикация его отчета о работе в древней Финикии, появившегося в 1864 г. Самого Ренана гораздо больше привлекали вопросы начальной истории христианства, но и финикийских проблем он не оставлял. Ренан стал инициатором издания в 1881 г. «Корпуса семитских надписей», в первом томе которого были опубликованы и откомментированы все известные тогда финикийские надписи, в том числе и открытые самим Ренаном. В этом корпусе археология, лингвистика и эпиграфика слились воедино. Ренан не был узким специалистом, и, может быть, это обстоятельство помогло ему соединить в своих трудах различные направления научного исследования. Но это же вызвало и острую критику многих ученых, считавших его скорее литератором, чем исследователем. Тем не менее написанные ярким языком работы Ренана в огромной степени способствовали расширению интереса образованного общества ко многим проблемам древности, в том числе и к финикийскому миру, его истории и цивилизации.

В известной степени синкретическая работа Ренана осталась одинокой. По-прежнему археологи, эпиграфисты, филологи и историки работали порознь, добиваясь во многих случаях значительных результатов. Таким был Ш. Клермон-Ганно (Ch.-S. Clermont-Ganneau), сделавший очень много для изучения надписей и искусства финикийцев. Он положил начало изучению финикийской иконографии. Одновременно Клермон-Ганно много занимался и надписями. Он и немецкий филолог Э. Лидзбарский (E. Lidzbarski) занялись, в частности, изданиями финикийских надписей, найденных уже после публикации ренановского корпуса.

Полученный материал уже давал возможности приступить к созданию истории Финикии. В 1889 г. одновременно в Берлине и Лондоне были опубликованы соответственно на немецком и английском языках две первые попытки создать исторический синтез финикийской истории. Это было сделано Р. Пичманом

(R. Pietschmann) и Дж. Роулинсоном (G. Rawlinson). Обе работы не лишены недостатков. В некоторых случаях они довольно поверхностны. Но их значение заключается в том, что это были именно специально исторические исследования Финикии. Они относительно быстро устарели, так как новые открытия позволили глубже изучить финикийскую историю.

Значительные открытия, сделанные в Месопотамии и Египте, тоже были важны для лучшего понимания истории Финикии. В открытых и прочитанных вавилонских и ассирийских документах не раз говорилось о финикийцах. А открытие в Египте, в Эль-Амарне, аккадоязычной переписки фараонов Аменхотепа III и (в основном) Эхнатона дало возможность узнать об очень важном периоде финикийской истории. Все эти открытия позволили по новому рассмотреть историю финикийских городов, включить ее в более широкий контекст древневосточной истории. В немецкой науке в конце XIX и в начале XX в. господствовал панвавилонизм, когда всю мировую цивилизацию выводили из одного центра — Вавилона. Именно под таким углом зрения, основываясь во многом на достижениях ассириологии, рассматривал во многих своих статьях историю Финикии Г. Винклер (G. Winkler).

В противовес немецкому панвавилонизму французские ученые стали преувеличивать значение финикийцев. Так, В. Берар (V. Berard) в своей работе «Финикийцы и Одиссея», изданной в 1902–1903 гг., даже считал гомеровскую «Одиссею» не чем иным, как финикийским периплом, а самого Гомера просто перелатателем известного ему финикийского материала. По существу он всякое восточное влияние, которое находил (далеко не всегда справедливо) в Средиземноморье, особенно в Греции, считал финикийским.

В значительной степени реакцией на преувеличение роли финикийцев стали работы тех ученых, которые вовсе отрицали эту роль. Это были Ю. Белох (J. Beloch) в Германии, С. Рейнак (S. Reinac) во Франции, Э. Пайс (E. Pais) в Италии. Все они стояли на почве гиперкритицизма, отвергая свидетельства античных авторов о финикийцах. Впрочем, на это их толкали и определенные политические взгляды. Рейнак защищал «права Европы против претензий Азии», а антисемит Белох не мог смириться с тем, что семиты финикийцы опередили индоевропейцев греков в плавании по Средиземному морю.

Все эти крайности вызвали протесты некоторых ученых, стремившихся объективно рассмотреть историю финикийцев и их вклад в мировую цивилизацию. Именно такую позицию занял русский востоковед Б.А. Тураев. Он был прежде всего египтологом и эфиопистом, но и финикийские штудии входили в круг его научных занятий. Большое место занимает финикийский материал в его лекциях по истории древнего Востока, которые в виде систематического труда были изданы его учениками, и в последний раз это произошло в 1936 г., через шестнадцать лет после его смерти. Итог европейской историографии Финикии Тураев подвел в своей работе «Очерк изучения финикийских древностей». Позже он сам издавал некоторые финикийские древности. Чрезвычайно интересна и до сих пор ценна его статья «Финикия», опубликованная в 1902 г. в 70-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Позже Тураев опубликовал специальную работу, посвященную финикийской литературе. Вершиной научных достижений того времени стал труд Тураева «Остатки финикийской литературы», вышедший в Петербурге в 1903 г. и переизданный там же в 1999 г. Здесь не только собраны переводы всех античных авторов, сохранивших остатки литературы финикийцев, но и дан ценный комментарий, своим объемом превышающий сами переводы, а всей книге предпослано большое и чрезвычайно интересное введение.

Тураев был не единственным российским ученым, занимавшимся теми или иными сторонами финикийской истории и цивилизации. Но их исследования в этой области всегда были побочными. Таким был М.В. Никольский. Основатель русской ассириологии и урартологии, он попутно рассмотрел сообщение о надписи на колоннах Иерусалимского храма и истолковал ее как посвящение финикийскому богу Ваалу (Баалу). Его труды были продолжены его сыном и учеником Н.М. Никольским, который в основном работал уже в советское время.

Раскопки в самой Финикии возобновились уже в 20-е гг. XX в., когда Сирия и Ливан управлялись Францией. В 1921 г. П. Монте (P. Montet) приступил к раскопкам Библа, где еще Ренан сделал две раскопочные траншеи. В течение четырех археологических сезонов Монте вел эти раскопки и по существу открыл Библ. Особенно значительны были его исследования царского некрополя Библа, где, в частности, был найден саркофаг царя

Ахирама с самой древней известной пока надписью финикийским письмом. Будучи египтологом, Монте главное внимание уделял связям Библа с Египтом. С 1926 г. 42 года работы в Библе возглавлял М. Дюнан (M. Dunand). И хотя еще очень много осталось там открыть, в настоящее время Библ является самым раскопанным городом Финикии.

Археологи и историки не ограничились исследованиями самой Финикии. Как уже говорилось, финикийцы создали большое количество колоний по берегам Средиземного моря и даже Атлантического океана. И естественно, что их изучение также привлекало многих исследователей. На первом месте, разумеется, стоял Карфаген, чью историю описывали еще древние авторы. Именно описание карфагенской истории Полибием в свое время стало для Херена импульсом, чтобы заняться финикийцами. В 1817 г. были опубликованы первые финикийские надписи, найденные в Карфагене, а в 1833 г. датский консул К.Т. Фальб (С.Т. Falbe) опубликовал первый план карфагенских развалин. Немногим позже французский аббат Бургад (Bourgade) опубликовал все известные карфагенские надписи под несколько странным названием «Золотой телец финикийского языка». Карфагеном и другими финикийскими городами Северной Африки занимались ученые разных стран. Так, очень много труда посвятил исследованию истории Карфагена О. Мельцер (O. Meltzer). Кроме многочисленных статей, он опубликовал в 1879 и 1896 гг. огромный двухтомный труд «История карфагенян» («Geschichte der Karthager»), не потерявший своей ценности до сих пор. Историю последнего века Карфагена исследовал У. Карштедт (U. Kahrstedt), который в знак уважения к Мельцеру издал его как третий том мельцеровского труда.

Однако более всего карфагенской историей и археологией занимались во Франции. Это было естественно, так как Марокко, Алжир и Тунис в то время находились под ее властью, и французы очень интересовались древностью этих стран. Своеобразным знаком такого интереса стал роман Г. Флобера «Саламбо», содержанием которого стало восстание в Африке против Карфагена в 241–138 гг. до н.э. Флобер в самом сюжете довольно верно следовал Полибию, хотя, конечно, вносил и свои романтические подробности. О карфагенской и вообще финикийской цивилизации тогда было мало что известно, и автор допустил очень много вольностей, которые до сих пор вызывают недовольство ученых.

Роман стал сразу же весьма популярным, и до сих пор многие судят о Карфагене именно по описаниям великого романиста. Постепенно археологические раскопки давали все больше материала. Очень много для этого сделал отец Делаттр (Père Delattre), археолог и монах братства Белых отцов (Pères Blancs), обосновавшихся на холме, где когда-то находилась карфагенская цитадель Бирса. В течение многих лет он был основным раскопщиком самого города Карфагена. В то же время карфагенские некрополи раскапывал П. Гоклер (P. Gauckler). Эти и другие работы намного увеличили знание о Карфагене. В значительной степени итогом всех предыдущих исследований Карфагена и Карфагенской державы стал многотомный труд С. Гзелля (S. Gsell) «Древняя история Северной Африки» («Histoire ancienne de l'Afrique de Nord»), первое издание которого появилось в 1913–1920 гг. Первые четыре тома были посвящены доримской, т.е. карфагенской, эпохе.

Не менее тщательно исследовались следы финикийского присутствия в Италии, особенно на Сицилии и Сардинии, где были сделаны важные открытия. Другим ареалом финикийской колонизации была Испания, где также проводились раскопки. Много внимания уделялось Кипру. Отдельные находки на этом острове делались давно. Но особо масштабные раскопки начал проводить американский консул на этом острове Л.П. де Чеснола (L.P. de Cesnola). Он был итальянцем и профессиональным военным, участвовал в войнах Сардинского королевства против Австрии и России, а затем эмигрировал в Америку, участвовал в гражданской войне, дослужившись до чина бригадного генерала, и позже был назначен консулом на Кипр. Он раскопал несколько тысяч захоронений и нашел огромное количество самых различных предметов, которые затем продал музею Метрополитэн в Нью-Йорке. Методы его раскопок были далеки от научных, но его коллекция стала основой для многочисленных научных построений. И сам Чеснола описал и свои раскопки, и найденные предметы в книге «Кипр, его древние города, могилы и храмы», изданной в Лондоне в 1877 г.

Найденных археологами финикийских вещей, в том числе произведений искусства и художественного ремесла, было уже достаточно, чтобы попытаться написать историю финикийского искусства. Это сделали Ж. Перро (G. Perrot) и Ш. Шипье (C. Chipiez) в третьем томе своей «Истории искусства в древности»

(«Histoire de l'art dans l'antiquité»), появившемся в Париже в 1885 г. В России относительно краткий, но очень насыщенный и ценный очерк финикийского искусства был опубликован А.И. Сомовым в 70-м томе словаря Брокгауза и Ефрона рядом со статьей Тураева.

Другая сфера финикийской цивилизации, активно привлекавшая внимание ученых, — религия. В этой области особенно важны были работы немецкого исследователя В.В. фон Баудиссина (W.W. von Baudissin). В 1876 и 1878 гг. он опубликовал два тома «Исследований по истории финикийской религии» («Studien zur semitischen Religionsgeschichte»), состоявшие из различных статей, а в 1911 г. — капитальный труд «Адонис и Эшмун» («Adonis und Esmun»), не потерявший своего значения до сих пор. Тураев в своих лекциях, посвященных Финикии, также основное внимание уделил именно религиозному развитию финикийцев.

Накопленный к концу 20-х гг. XX в. материал давал возможность создать обобщающий труд по финикийской цивилизации. Эту задачу выполнил Ж. Контено (G. Contenau). Финикийский материал нашел место в его четырехтомной книге «Очерк восточной археологии» («Manuel d'archéologie orientale»). Но он этим не ограничился. Контено написал отдельную книгу «Финикийская цивилизация» («La Civilisation phénicienne»). Ее первое издание появилось в Париже в 1929 г. В ней автор рассматривает самые разные стороны финикийской цивилизации: религию и искусство, архитектуру и погребальные обычаи, язык и письмо, и многое другое. Второе издание этой книги появилось в 1949 г., но к этому времени она уже безнадежно устарела.

Финикийские штудии в целом продолжали те линии развития, которые были характерны для предшествующего времени. По существу параллельно развивались, с одной стороны, археология, с другой, филология и эпиграфика. Правда, археологи и историки уже не ограничивались только раскопками и изучением их материала. Были уже сделаны попытки и создать более обобщающие труды. Таковы были работы супругов Ж. и К. Шарль-Пикаров (G. et C. Charles-Picard). Еще в 1956 г. на основе имеющегося археологического и частично письменного материала Ж. Шарль-Пикар опубликовал работу «Мир Карфагена», а через два года супруги выпустили в свет совместный труд «Повседневная жизнь Карфагена во времена Ганнибала» («La Vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal»). Несмотря на такое название, он не ограничился

ни повседневной жизнью, ни временем Ганнибала. Это был глубокое обобщающее исследование разнообразных сторон карфагенской цивилизации. В 1962 г. Д. Харден (D. Harden) опубликовал монографию «Финикийцы» («The Phoenicians»). Как и работа Шарль-Пикаров, она была основана как на письменных источниках, так и особенно на археологических. Поскольку археологическое исследование Карфагена было более обширно и глубоко, чем метрополии, то и книга Хардена, несмотря на свое название, в основном говорила о Карфагене. И второе издание, появившееся в 1971 г., немногим отличалось от первого. Недавно книга Хардена вышла на русском языке.

Большое значение имели статьи, опубликованные в немецкой «Реальной энциклопедии классической древности». Особенно выделяется статья О. Айссфельдта (O. Eissfeldt) «Финикийцы и Финикия» («Phoiniker und Phoinikia»), опубликованная в 1941 г. в 31-м томе этой энциклопедии, в которой дан содержательный очерк как финикийской истории до арабского завоевания этой страны, так и различных сторон финикийской цивилизации. И до написания этой статьи, и после нее Айссфельдт создал ряд глубоких работ по различным сторонам финикийской цивилизации, в частности решительно защищая историчность Санхунйатона и важность его данных для понимания не только религии, но и других сторон жизни финикийцев.

Находки новых финикийских надписей дали возможность глубже изучить финикийский язык. Старые, даже весьма заслуженные, исследования уже не удовлетворяли ученых. Ответом на их запросы стало появление в 1951 г. «Финикийско-пунической грамматики» («Phönisch-punische Grammatik») И. Фридриха (J. Friedrich) и в 1960 г. «Северо-западного семитского языка» («Il semitico di nord-ovest») Дж. Гарбини (G. Garbini). Одновременно исследовались, естественно, и отдельные эпиграфические памятники. Особенно много дала находка в 1946 г. большой двуязычной финикийско-лувийской надписи в Каратене на юго-востоке Малой Азии, где одно время было довольно сильным финикийское культурное влияние. Перестали удовлетворять науку и старые, ставшие теперь очень неполными, издания надписей. И появляются новые сборники. В 1967 г. М.Дж. Гуццо Амаласи (M.G. Guzzo Amadasi) опубликовала «Финикийские и пунические надписи колоний Запада» («Le Iscrizioni fenicie e puniche delle

colonie in Occidente») (кроме самого Карфагена), а П. Маньяни (P. Magnani) в 1973 г. — «Финикийские надписи Востока» («Le Iscrizioni fenicie dell'Oriente»). Эти сборники появились уже в новых условиях.

§ 2. Современный этап финикийской историографии

В 60-е гг. XX в. в исследовании финикийских проблем начался качественно новый этап. Прежде всего, резко расширилось поле археологических исследований, давших совершенно новые результаты. ЮНЕСКО совместно с правительством Тунисской республики обратилось ко всему миру с призывом спасти Карфаген, которому угрожало расширение современного города Туниса и толпы неорганизованных туристов, готовых по камешкам разобрать на сувениры бесценные памятники древности. Откликаясь на этот призыв, археологические экспедиции нескольких стран вели интенсивные раскопки, давшие большое количество нового материала. И после окончания кампании ЮНЕСКО работы на месте древнего Карфагена не прекратились. Одновременно интенсифицировались исследования и на всей территории бывшей Карфагенской республики — в современных Тунисе, Алжире и Марокко. Так, был вскрыт древний Керкуан недалеко от Карфагена, где были обнаружены прекрасно сохранившиеся городские структуры с улицами, домами и святилищем, которое на настоящий момент считается лучшим на всем финикийском Западе.

Раскопки на Сицилии, Сардинии, Мальте начались задолго до 60-х гг. XX в., но в то десятилетие и позже они резко расширились. Были найдены новые финикийские поселения и стали намного лучше известны знакомые ранее. С применением новейших методов стали исследоваться вещи, находимые при этих раскопках. В Испании была по существу заново открыта широкая панорама финикийской колонизации и последующей жизни финикийских колоний в этой стране и их взаимоотношений в местным населением. Если раньше ученые знали, и то в самом общем виде, только о нескольких городах, то теперь открылась обширная картина существования испанской ветви финикийской цивилизации. Много нового дали раскопки на Кипре. Правда, кипрские ученые в некоторых случаях стремятся преуменьшить роль финикийцев на этом острове, преувеличивая зато значение греков, но это не мешает

признанию существования и кипрской ветви финикийской цивилизации, естественно, в силу чисто географических и исторических причин более близких к варианту метрополии, чем в более западных областях Средиземноморья.

К сожалению, в археологическом отношении наименее исследованной оказалась именно метрополия. Самые южные и самые северные финикийские поселения, расположенные соответственно на территориях современных Израиля и Сирии раскопаны больше и лучше. Но основные города Финикии: Тир, Сидон, Библ — находятся в нынешнем Ливане, а многолетняя гражданская война в этой стране и общая нестабильная политическая обстановка долго не давала возможности вести какие-либо археологические исследования. Только после окончания этой войны в рамках восстановительных работ ведутся раскопки в Бейруте, древнем Берите, которые уже дали интересные результаты.

Второй отличительной чертой нового этапа финикийских исследований является установление междисциплинарных связей. Существовавшие до сих пор фактически не пересекавшиеся потоки исследований теперь связываются друг с другом. Конечно, полученное образование, научные интересы, личные склонности, материальные возможности заставляют ученых обратиться к тому или иному виду исследований. Но независимо от этого все они учитывают результаты, полученные в смежных дисциплинах, и каждый исследователь в своей работе использует все необходимые виды источников независимо от их вида и способа получения. В результате появились многие очень ценные труды, как об всей финикийской цивилизации, так и об отдельных ее отраслях. К таким трудам можно отнести «Историю Тира» («The History of Tyre») Х. Катценштейна (H.J. Katzenstein), вышедшую в 1973 г. в Иерусалиме, «Тартесс и начало финикийской колонизации на Западе» («Tartessos y los orígenes de colonización fenicia en Occidente») Х.М. Бласкеса (J.M. Blázquez), второе, полностью переработанное, издание которого появилось в Саламанке в 1975 г., «Финикийскую экспансию в Средиземноморье» («L'expansion phénicienne en Méditerranée») Г. Бюнненса (G. Bunnens), опубликованную Бельгийским историческим институтом в Риме в 1979 г. и ряд других. Большое значение имели работы С. Москати (S. Moscati). Кроме исследований отдельных проблем, он стремился дать и общую картину финикийской цивилизации. К таким его обобщающим

работам относятся «Мир финикийцев» («Il Mondo dei fenici»), первое издание которого появилось в Милане в 1966 г. и который затем переводился на ряд европейских языков, «Финикийцы и Карфаген» («I Fenici e Cartagine») (1972), «Между Тиром и Кадисом» («Tra Tiro e Cadice») (1989), «Кем были финикийцы» («Chi furono i fenici») (1992). Второе издание последней книги, появившееся в 1994 г., стало последней монографией этого ученого, вышедшей при его жизни. Все эти и многие другие работы отличаются использованием всех возможных источников, хорошим анализом, глубиной проработки материала, тщательностью исследования. Разумеется, продолжает выходить и большое количество статей, посвященных отдельным, порой частным, проблемам истории и цивилизации финикийцев. Большое внимание, в частности, уделяется публикации и исследованию надписей. В журнале «Сирия» Х. Тейшидор (J. Teixidor) регулярно публиковал сообщения о нахождении новых и пересмотре старых надписей, относящихся ко всему западносемитскому миру, в том числе и колониальному. Еще в первой половине 1960-х гг. немецкие ученые Х. Доннер (H. Donner) и В. Рёллиг (W. Röllig) опубликовали по существу новый корпус надписей «Ханаанские и арамейские надписи» («Kannanäische und aramäische Inschriften») в 3 томах, из которых первый содержит новую публикацию самих надписей, второй — их научный перевод, а третий — очень содержательный комментарий. В 1982 г. английский исследователь Дж.С.Л. Джибсон (J.C.L. Gibson) в третьем томе «Сборника семитских надписей» («Textbook of Syrian Semitic Inscriptions») опубликовал (с переводом на английский язык) финикийские надписи.

Третья характерная особенность этого этапа исследования — координация научной работы. И здесь особенно велика была роль Москати, являвшегося не только блестящим ученым, но и прекрасным организатором науки. Он был первым руководителем Института изучения финикийской и пунической цивилизации, который стал издавать журнал «Rivista di studi fenici» («Журнал финикийских исследований»), тотчас же ставший международным. Позже подобный центр финикийских исследований был создан в Мадриде. Серию сборников «Финикийские исследования» («Studia Phoenicia») издает Лувенский католический университет в Бельгии. Они входят в более общую серию «Orientalia Lovaniensia Analecta». Большое значение имел вышедший в 1979 г. в этой

серии под руководством Э. Липиньского (E. Lipiński) сборник «Государственная и храмовая экономика на Древнем Ближнем Востоке» («State and Temple Economy in the Ancient Near East»), в котором помещены статьи ученых самых разных стран, включая Советский Союз. Определенное место в нем заняли статьи об экономике Финикии и стран, с нею связанных. Стали собираться международные научные конгрессы. Первые два состоялись в Риме, третий в Тунисе, четвертый в Кадисе (Испания), пятый в 2000 г. в Палермо и Марсале (Сицилия, Италия), шестой в Лиссабоне в 2005 г. Труды первых пяти конгрессов уже опубликованы и находятся в распоряжении ученых разных стран. Собираются и различные симпозиумы и коллоквиумы по более частным проблемам. Появляются большие труды, созданные учеными различных стран. Так, в 1975 г. в Париже в серии «Вселенная форм» вышла коллективная монография «Финикийцы» («Les Phéniciens»), написанная французом А. Парро (A. Parrot), ливанцем М. Шехабом (M. Chehab) и итальянцем С. Москати (S. Moscati) и посвященная финикийскому искусству. В 1982 г. на основе материалов состоявшегося ранее международного симпозиума был опубликован сборник статей «Финикийцы на Западе» («Phönizier im Westen») (под редакцией Х.Г. Нимайера — H.G. Niemeyer), в котором, кроме немецких, активное участие приняли итальянский и испанские ученые, рассматривавшие самые разные аспекты финикийской колонизации и состояния метрополии в эту эпоху. В Испании в 1986 г. под руководством Г. дель Ольмо Лете (G. del Olmo Lete) и М.Э. Аубет (M.E. Aubet) появился большой двухтомный труд «Финикийцы на Иберийском полуострове» («Los fenicios en la Península Ibérica»), в котором опубликованы статьи ученых не только из самой Испании, но и из Германии, Италии, Бельгии, России. Можно говорить, что в последние четыре десятилетия сформировалась комплексная научная дисциплина, которую несколько неуклюже можно назвать финиковедением.

Важнейшим центром финиковедения является Италия. После смерти Москати его дело продолжили Э. Акваро (E. Acquaro) и П. Бартолини (P. Bartolini). Итальянские археологи ведут активные раскопки на Сардинии, Сицилии, Мальте и других островах, на которых имелись финикийские поселения. При этом они не ограничиваются лишь самими поселениями финикийцев, а раскапывают и их окружение, что позволяет лучше понять весь контекст

существования финикийских колоний и факторий. В результате найдены совершенно новые поселения финикийцев, о которых ранее никто и не подозревал. Эти раскопки дали и очень важный чисто исторический результат, ибо стало ясно, что финикийский мир Западного Средиземноморья далеко не представлял собой некий единый блок, противостоящий своим соперникам, особенно грекам. Он сам раздирался противоречиями, и Карфаген сумел установить свою власть лишь в упорной борьбе с собственными соотечественниками, причем порой те или иные финикийцы вступали в союз с эллинами против карфагенян. Очень важны эти исследования и для понимания различных сторон финикийской цивилизации.

Археология не является единственным полем деятельности итальянских финиковедов. Работы филолога Гарбини (G. Garbini) далеко вышли за рамки чисто филологических исследований. Опираясь на литературные и особенно эпиграфические тексты, он делает и важные исторические выводы. Например, ему принадлежит совершенно новое толкование знаменитого пророчества Иезекиила о Тире, позволяющее совершенно иначе посмотреть на историю Передней Азии в те времена. Двумя изданиями в 1978 и 1987 г. появилась монография Э. Акваро «Карфаген: империя в Средиземноморье» («Cartagine: un imperio sul Mediterraneo»), в которой автор внимательно и на основе всего новейшего материала и новейших исследований рассмотрел не столько даже историю Карфагена, сколько различные стороны карфагенской цивилизации и внеафриканские территории, входившие в состав Карфагенской державы. Уже неоднократно упоминавшийся Москати выдвинул ряд очень интересных и важных идей, относящихся к историческому развитию финикийского мира. В частности, он настаивал на существовании стадии предколонизации, предшествующей колониационной активности финикийцев, и на различии собственно финикийской и пунической стадий в истории западных финикийцев, по многим своим параметрам отличающихся друг от друга. Проблемы финикийской религии внимательно исследуются С. Рибичини (S. Ribichini) и П. Кселла (P. Xella). В последнее время Кселла занят созданием электронного корпуса всех финикийских надписей. В него должны войти и надписи, хранящиеся в Эрмитаже, которые до сих пор практически неизвестны европейской науке, хотя они еще в конце XIX в. были изданы на

немецком языке. Важным результатом работ в основном итальянских исследователей явилась публикации большого совместного труда «Финикийцы» («I Fenici»), который впервые появился в 1988 г. в Милане, а затем неоднократно переиздавался на разных языках, и последнее, в большой степени переработанное, издание вышло в 1997 г. в Париже. Этот труд был создан по поводу первой международной выставки, посвященной финикийцам и их культуре и состоявшейся в 1988 г. в Венеции и позже путешествовавшей по различным городам Европы. Но его значение далеко выходит за роль научного введения к этой выставке. Под руководством Москати здесь опубликованы статьи о самых разных аспектах финикийских проблем: цивилизации финикийцев, конкретных странах, где жили финикийцы, в том числе и о самой метрополии, мире финикийского искусства и, наконец, взаимоотношениях финикийцев с другими народами. Все эти статьи были написаны на основе новейших достижений науки.

Другим важным центром финиковедения является Испания. Как уже говорилось, там тоже недавно создан специальный центр по исследованию финикийских проблем, возглавляемый Э.К.Г. Вагнером (E.C.G. Wagner). Испанские ученые тоже преимущественное внимание уделяют археологическому исследованию. В результате работы испанских исследователей и работающих в Испании немецких археологов открыто большое количество совершенно ранее не известных финикийских поселений и по-новому встали вопросы отношений финикийских колонистов и местного населения, а также проблемы испанской ориентализирующей цивилизации, особенно Тартесса и тартессийской культуры. Виднейшей фигурой финикийских (да и антиковедческих тоже) исследований в Испании является Х.М. Бласкес (J.M. Blázquez), учениками которого (или учениками его учеников) являются почти все ныне работающие испанские исследователи древности. В частности, Бласкесу принадлежат все главы о финикийцах и карфагенянах в первом томе «Истории древней Испании» («Historia de España antigua»), вышедшей в 1983 г. Проблемы финикийской религии в Испании он рассмотрел в книге «Доримские религии» («Religiones Prerromanas»), а искусства — в первом томе «Истории испанского искусства» («Historia del arte Hispánico»). Среди его учеников надо назвать того же Вагнера и Х. Альвара (J. Alvar). Уже диссертация Вагнера «Финикийцы и карфагеняне на

Иберийском полуострове» («Fenicios y cartaginenses en la Península Ibérica»), опубликованная в 1983 г., содержит глубокое исследование финикийской колонизации, развития Карфагена, финикийской цивилизации в Испании. В последующих работах он еще более углубил свое исследование различных финикийских проблем. Большое место проблемы истории финикийцев и Тартесса заняли в книге Альвара «От Аргантония до римлян» («De Argantonio a los romanos») (1995). По случаю IV конгресса финикийских и пунических исследований в Кадисе Х.А. Мартин Руис (J. Martin Ruiz) опубликовал документальный каталог «Финикийцы в Андалусии» («Los Fenicios en Andalucía»), в котором собран и проанализирован весь имевшийся к 1995 г. археологический материал из Южной Испании. Финикийской цивилизации в Испании в конце карфагенского периода и в римскую эпоху посвящена книга Х.Л. Лопеса Кастро (J.L. López Castro) «Hispania Poena. Финикийцы в Римской Испании» («Hispania Poena. Los Fenicios en la Hispania Romana»), вышедшая в 1995 г. В основном испанские исследователи занимаются изучением финикийцев в своей стране, хотя порой и выходят за ее рамки. Так, в совместной статье Вагнер и Альвар, исходя из испанского и сардинского материала, доказали наличие в финикийской колонизации и аграрного аспекта. Испанские археологические и исторические журналы, как, например, «Херион» («Gerión»), «Архив испанской археологии» («Archivo Español de la arqueología») и др. регулярно печатают статьи по тем или иным проблемам финикийских исследований в Испании.

Важным центром финикийских исследований в Испании является также Барселона. Г. дель Ольмо Лете (G. Del Olmo Lete) свои исследования посвятил преимущественно Угариту, его литературе и религии. Но в ряде работ он выходит за эти рамки. Так, в своей книге «Ханаанский культурный continuum» («El continuum cultural canaaneo») (1996) он доказывает неразрывную связь финикийской культуры I тыс. до н.э. с культурой предшествующего тысячелетия в лингвистической и религиозной сферах. Большое значение имеют работы М.Э. Аубет (M.E. Aubet). Она сама занимается непосредственно археологическими раскопками, но ее работы базируются далеко не только на результатах своих раскопок и вообще археологии. Ее монография «Тир и финикийские колонии Запада» («Tiro y las colonias fenicias de Occidente»), опубликованная в 1994 г., дает широкую панораму истории Финикии, финикийской

колонизации и финикийских колоний в Средиземноморье. Руководимый дель Ольмо Лете журнал «Аула ориенталиа» («Aula orientalia») (в том числе его приложения) является весьма авторитетным органом не только каталонских ученых.

Большую роль в открытии и исследовании финикийской цивилизации в Испании сыграли немецкие археологи, особенно работавшие (и работающие) в Мадридском отделении Немецкого археологического института, которое долгое время возглавлял Х. Шубарт (H. Schubart). В самой Германии финикийскими проблемами занимаются как археологи, так и другие специалисты. Х.Г. Нимайер (H.-G. Niemeyer), сам активно участвовавший в раскопках в Испании и Карфагене, в ряде своих работ исследовал феномен финикийской колонизации. Под его руководством был проведен специальный симпозиум и затем издан уже упомянутый сборник статей немецких, испанских и других ученых «Финикийцы на Западе», а в 1990 г. еще один очень важный сборник — «Финикийцы в эпоху Гомера» («Die Phönizier im Zeitalter Homers»), связанный с одноименной выставкой. Много внимания немецкие ученые уделяют филологии. Уже упоминалось об издании сборника ханаанских и арамейских надписей, активное участие в создании которого сыграл В. Рёллиг (W. Röllig). Он же, существенно дополнив и частично исправив, заново издал «Финикийско-пуническую грамматику» Фридриха. Много внимания Рёллиг уделяет вопросам финикийского письма. Но он не ограничивается чисто филологическими или грамматологическими штудиями, а исследует и историю метрополии. В настоящее время Рёллиг оказывается одним из немногих финиковедов, которые занимаются непосредственно самой Финикией, причем именно страной как таковой, а не только в связи с колонизацией. Не оставлено в стороне и традиционное исследование Карфагена. В этом плане большое значение имеет книга В. Гусса (W. Huss) «Карфагеняне» («Die Karthager»), вышедшая вторым дополненным изданием в 1990 г. Результаты и немецких, и других исследований регулярно публикуются в журналах «Madrider Mitteilungen», «Hamburger Beiträge zur Archäologie» и др.

Еще один значительный центр финиковедения находится в Бельгии. Не только видным ученым, но и хорошим организатором науки в Бельгии является Э. Липиньский (E. Lipiński). Он с самого начала возглавляет серию «Финикийские исследования», в которой

вышло большое количество значительных работ, в том числе разнообразных тематических сборников, созданных при активном участии специалистов из самых разных стран. Благодаря Липиньскому в 2000 г. в этой серии вышел «Финикийско-пунический словарь» («Phoenician-Punic Dictionary») американского лингвиста Ч.Р. Крахмалкова (Ch.R. Krahmalkov). Сам Липиньский опубликовал большое количество самых разнообразных работ. Среди них — монография «Боги и богини финикийской и пунической вселенной» («Dieux et déesses de l'univers phénicien et punique»), вышедшая в 1995 г., являющаяся пока самой полным исследованием религии финикийского мира. Бельгийские ученые мало занимаются раскопками. В большей степени их усилия сосредоточены на чисто исторических и филологических проблемах. Уже была упомянута работа Г. Бюнненса «Финикийская экспансия в Средиземноморье», в которой собраны и тщательно проанализированы почти все известные восточные и античные сообщения о финикийской торговле и колонизации в средиземноморском бассейне. К. Борен (C. Baurain) и К. Бонне (C. Bonnet) написали общую книгу «Финикийцы. Моряки трех континентов» («Les Phéniciens. Marins des trois continents»), вышедшую в Париже в 1992 г., в которой на основе новейших исследований дана картина финикийской истории и цивилизации, причем значительное место в ней занял материал метрополии. Основной интерес Бонне лежит в кругу финикийской религии. Проблемы финикийского искусства являются сферой исследований Э. Губеля (E. Gubel).

Финикийскими проблемами много и плодотворно занимаются французские ученые. Во Франции нет такого координирующего центра, какие существуют в Риме и Мадриде, но французские коллеги тщательно и глубоко исследуют самые разные аспекты финикийской истории и цивилизации. Так, М. Йон (M. Yon) участвует в раскопках финикийского Кития на Кипре (а также Угарита) и на их основании сделала ряд важных выводов об истории финикийского мира на этом острове. Финикийская эпиграфика многим обязана работам М. Шницера (M. Sznycer) и А. Лемеера (A. Lemaire). В значительной степени по-новому надо смотреть на финикийскую нумизматику персидского и раннеэллинистического времени после исследований Ж. Элайи (J. Elayi). Элайи является издательницей журнала «Transeufratena», специально посвященного изучению Передней Азии в персидскую эпоху.

По инициативе ее и ее коллег в Париже проводятся специальные симпозиумы по изучению этого региона в данную эпоху. Естественно, что история Финикии занимает в этом большое место. Французские ученые традиционно продолжают много работать в Северной Африке, особенно в Тунисе. С ними активно сотрудничают местные коллеги. Среди работ последних надо выделить многочисленные исследования тунисского ученого М. Фантара (Mh. Fantar), центр интересов которого лежит в изучении карфагенской религии, хотя он занимается и другими аспектами пунической ветви финикийской цивилизации.

В других странах финикийские исследования играют меньшую роль. Разумеется, к различным вопросам финикийской истории и цивилизации большое внимание проявляют ливанские ученые. Но тяжелые политические условия сдерживают их исследования. После кровопролитной гражданской войны они основное внимание сконцентрировали на спасении того, что можно спасти, и на восстановлении, насколько это возможно, довоенного уровня исследований. Их несомненно героические усилия дают свои плоды, но в авангард мирового финиковедения они еще выйти не смогли. В Израиле археологи раскапывают те финикийские поселения, которые находятся на территории их страны. Так, город Дор активно исследуется экспедицией под руководством Э. Штерна (E. Stern). Много внимания уделяется подводным исследованиям. Интересны чисто исторические, хотя в значительной степени основанные на археологических и филологических данных, работы М. Гельцера (M. Heltzer), Х. Катценштейна (H.J. Katzenstein), О. Негби (O. Negbi) и др.

Англосаксонские страны пока не могут похвастаться значительными достижениями в финиковедении. Там были и есть такие прекрасные ученые, как Б. Шефтон (B. Schefton) и Х. Фрост (H. Frost) в Великобритании. Р. Штиглиц (R. Stieglitz) в США, У. Куликан (W. Culican) в Австралии. Последнему принадлежит обобщающая глава о финикийцах и их колонизации во второй части III тома нового издания «Кембриджской истории древности» («Cambridge Ancient History»). Работы этих исследователей внесли много нового в понимание различных аспектов финикийской цивилизации, как, например, календаря, морского дела, материальной культуры. Но у них пока еще мало последователей в своих странах.

В нашей стране после 1917 г. финикийские исследования развивались в гораздо меньшей степени, чем хотелось бы. Поскольку на Финикию и ее культуру в значительной степени смотрели через призму Ветхого Завета, то антирелигиозные и антисемитские предубеждения власти и ее идеологов мешали ученым остаться на той высоте исследования, какой российская наука достигла в лице Тураева. Конечно, финикийские исследования полностью из советской науки не исчезли. Многими проблемами истории Финикии и ее колоний занимались Н.М. Никольский, И.М. Дьяконов, И.Д. Амусин, М.Л. Гельцер (до своего отъезда из СССР), Н.А. Машкин, В.И. Авдиев. Но центр тяжести исследований этих ученых лежал в других областях исторической науки, и финикийскими штудиями они занимались побочно. Более последовательно все эти проблемы исследовал И.Ш. Шифман. Его кандидатская диссертация, вышедшая немногим позже, в 1962 г., в виде книги «Возникновение Карфагенской державы», явилась первым на русском языке цельным исследованием не только колонизации и ранней истории Карфагена, но и частично метрополии. В этой работе он опередил многие более поздние выводы зарубежных коллег. Так, он (и почти одновременно с ним Гельцер) доказал, что основание Карфагена надо отнести не к 814, а к 823 или 825 г. до н.э. Этот, казалось бы, частный вывод имеет значение для понимания всей политической обстановки, как в Средиземноморье, так и в Передней Азии. К сожалению, мировая наука практически совершенно не учитывает публикации на русском языке, и тот же вывод был сделан европейскими учеными только в конце 90-х гг. XX в. Это можно отнести и ко многим другим результатам исследования Шифмана. Для лучшего понимания финикийских проблем значение имели и такие труды Шифмана, как «Финикийские мореходы» и «Финикийский язык». Большое значение для мировой науки имеет его работа, посвященная интерпретации финикийской мифологии и истории античными авторами. Она вышла в Риме на немецком языке в 1985 г. В 1999 г., уже через много лет после смерти исследователя, эта его монография в русском переводе была опубликована вместе с новым изданием труда Тураева в книге «Финикийская мифология». Шифман является в значительной степени учителем автора данных строк, который тоже посвятил ряд работ истории Финикии и финикийской культуры, в том числе монографии «Финикийская культура в Испании» (1976),

«Карфаген и его культура» (1987), «Мифы Финикии и Угарита» (2000), «От Ханаана до Карфагена» (2001).

За последние сорок лет финиковедение достигло значительных успехов. В результате комплексных исследований ученых разных стран и история, и цивилизация Финикии и финикийского колониального мира, включая Карфаген и его державу, предстает иной и гораздо более богатой, чем это было еще в середине XX в. Разумеется, далеко не все исследовано с точки зрения современной стадии науки. Много еще осталось нерешенных и спорных вопросов. Спорность некоторых проблем связана с молодостью самой научной дисциплины, в том числе с гиперкритицизмом, который, скажем, более старшее антиковедение уже преодолело. Очень многие ученые отказываются признавать утверждения античных авторов, если они не подкреплены археологическими данными, не учитывая, что корпус археологических источников является «открытым», и за последние годы археология преподнесла много сюрпризов, заставив принять ряд положений античной литературы, которые до того времени не принимались наукой. Так, большинство исследователей, главным образом археологи, решительно отвергают существование финикийской колонизации в конце II тыс. до н.э., о которой говорят греческие и римские писатели. Однако эта гиперкритическая точка зрения принимается все же не всеми учеными. Историчность этой древнейшей колонизации, предшествующей той, которая имела место в VIII–VI вв. до н.э., признается Шифманом, Бласкесом, Штиглицом, Негби и некоторыми другими, включая и данного автора.

Спорным является вопрос о начале финикийской истории. Опять же большинство специалистов полагают, что ее надо поместить приблизительно около 1200 г. до н.э., ибо до этого времени история Финикии ничем не отличалась от истории других стран Передней Азии и лишь после этой даты финикийская цивилизация приобрела ярко выраженный индивидуальный характер (цивилизацию предшествующего времени называют «ханаанской» для отличия от «финикийской»). В этом есть свой резон. Но надо иметь в виду, что около 1200 г. до н.э. не произошло резкого перерыва в истории финикийского народа, что история финикийских городов после этого времени явилась естественным продолжением предыдущей, хотя и новым ее этапом. Надо заметить, что наиболее решительно на резкой цезуре настаивает Москати и его

школа, ныне преобладающая в финиковедении, но сам Москати написал третью часть упомянутой выше коллективной монографии «Финикийцы», вторая часть которой, написанная Шехабом, рассматривает как часть финикийского искусства произведения, созданные в III—II тыс. до н.э. Практически все специалисты согласны принять в качестве конечной даты финикийской истории завоевание Александра Македонского (332 г. до н.э.), после чего Финикия стала интегральной частью эллинистическо-римского мира. Но в то же время работы Айссфельдта, Шехаба, Липиньского, Шифмана доказывают продолжение существования финикийской цивилизации и под властью эллинистических царей и римских императоров.

§ 3. Исследования Угарита и Сирии III—II тыс. до н.э.

Так называемая Внутренняя Сирия привлекала гораздо меньшее внимание ученых, чем Финикия, поскольку ее роль в истории Средиземноморья и его культуры все же была меньшей, чем роль финикийцев. С другой стороны, этот регион оказался в тени великих держав того времени — Египта, Хатти, Вавилона, Ассирии. И территория Сирии исследовалась как периферия этих держав. Но позже Сирия становится ареной и самостоятельного изучения. В 1876 г. Д. Смит (G. Smith) определил место важного города Каркемиша на большой излучине Евфрата, и в 1908 г. там начала работать археологическая экспедиция под руководством Д. Хогарта (D.G. Hogarth) и Л. Вулли (L. Woolley).

Период между двумя мировыми войнами принес новые открытия. Уже в 1921 г. М. Пезар (M. Pézard) нашел город Кадеш, тот самый, около которого произошла знаменитая битва между египтянами и хеттами, красочно описанная и в хеттских, и особенно египетских памятниках. А через пять лет Р. дю Мениль де Бюиссон (R. du Mesnil du Buisson) начал систематические раскопки другого города в этом районе Сирии — Катны. Раскопки показали большую роль, какую играла Катна в III и особенно II тыс. до н.э.

В 1929 г. начались раскопки Угарита. За год до этого один сирийский крестьянин случайно наткнулся на древнюю гробницу, и на следующий год начались научные раскопки под руководством К. Шеффера (C. F.A. Schaeffer). Его экспедиция и открыла город

Угарит, о котором уже было известно из некоторых древних документов, в том числе из амарнской переписки. Раскопки шли непрерывно с 1929 по 1939 г. и возобновились в 1948 г., продолжаясь до сих пор, причем значительное участие в них теперь принимают сирийские археологи. После Шеффера большую работу по археологическому исследованию Угарита проводит М. Йон (M. Yon), возглавляющая французскую археологическую миссию в Угарите. Чрезвычайно важным явилось то, что был открыт не только город, но и большое количество письменных памятников. Неизвестное письмо было сравнительно быстро и почти одновременно расшифровано немцем Х. Бауэром (H. Bauer) и французом Э. Дормом (E. Dhorme). Завершение работ по расшифровке угаритского письма связано с именем Ш. Виролло (Ch. Vroilleaud). В результате были прочитаны и переведены не только хозяйственные и прочие документы, но и литературные произведения. Была открыта ранее неизвестная цивилизация, которая во многих своих аспектах оказалась очень близкой финикийской, но предшествовала ей.

В 1936 г. Л. Вулли начал раскопки Алалаха, расположенного на излучине реки Оронт. Было открыто древнее государство, сравнительно небольшое, но игравшее значительную роль в политической истории Сирии II тыс. до н.э. Очень важным явилось то, что при раскопках Алалаха были найдены многочисленные клинописные надписи, освещавшие не только политическую, но и социально-экономическую историю как самого Алалаха, так и окружающей территории. Раскопки 20–30-х гг. показали самостоятельную роль Сирии в истории III–II тыс. до н.э. Но раскопки были относительно спорадическими, и их результаты для истории довольно ограниченными.

Гораздо более масштабными и результативными стали археологические исследования после Второй мировой войны, чему способствовала целенаправленная политика современной Сирии, которая ищет основание своего общества и своей цивилизации не только в исламе, но и в древности. Многие экспедиции организованы Национальным музеем Дамаска и Археологическим музеем Алеппо (Халеба). Очень много работают в Сирии французские, итальянские, американские, английские, польские археологи. Совместная сирийско-французская экспедиция, во главе которой стояли А. Бунни (A. Bounni) и Э. Лагард (E. Lagarde), открыла недалеко от Угарита в Рас-Ибн-Хани два дворцовых комплекса, подобных

угаритским, давших очень важные свидетельства последних десятилетий истории этого региона до разрушения пришельцами. Большую роль в изучении Сирии сыграли раскопки Ж.-К. Маргерона (J.-C. Margueron) в Эмаре на Евфрате. Важнейшим (но не единственным) археологическим открытием сравнительно недавнего времени стало обнаружение и тщательное исследование итальянскими учеными во главе с П. Маттие (P. Matthiae) Эблы, позволившее удревнить историю и культуру Сирии на несколько веков. В Эбле были найдены таблички с клинописными надписями на своеобразном семитском языке, условно названном эблаитским. По существу, как и в Угарите, была открыта новая цивилизация, что заставило по-новому посмотреть на всю историю второй половины III тыс. до н.э.

Археологические открытия и чтение сирийских текстов, а также активное использование египетских, хеттских и месопотамских источников позволили создать историю Сирии III—II тыс. до н.э. За историю Эблы взялся сам ее раскопщик П. Маттие. Первое издание его книги «Эбла. Вновь найденная империя» появилось в 1977 г. С этого времени она дважды переиздавалась и в соответствии с новыми исследованиями перерабатывалась. Последнее ее издание вышло в 1995 г. Значительное место в книге, разумеется, занял чисто археологический материал, но выводы из него автор делал исторические. Политическую историю Угарита проследил М. Ливерани (M. Liverani) в книге «История Угарита в эпоху политических архивов» («Storia di Ugarit nell'età degli archivi politici»), опубликованной в 1962 г. Синтез всей политической истории Сирии (включая и Финикию) дал Х. Кленгель (H. Klengel), издавший в 1965—1970 гг. трехтомную «Историю Сирии во II тыс. до н.э.» («Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z.»). Ее первый том, относившийся к Северной Сирии, был написан еще до открытия Эблы, так что эблаитский материал в книгу не вошел. Этот недостаток был исправлен автором в популярной, но чрезвычайно информативной книге «История и культура древней Сирии» («Geschichte und Kultur Altsyriens»), вышедшей в 1979 г., и особенно в синтетической строго научной работе «Сирия с 3000 до 300 г.» («Syria 3000 to 300 B. C.»), появившейся в 1992 г. Хотя обе работы охватывают всю историю Сирии вплоть до македонского завоевания, основная масса содержащегося в них материала относится к III—II тыс. до н.э., времени, которое является предметом особых

исследований Кленгеля. И политические, и социально-экономические проблемы сирийской истории были исследованы В. Хельком (W. Helck) в монументальном труде «Связи Египта с Передней Азией в III и II тыс. до н.э.» («Die Beziehungen Aegyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.»), опубликованном в 1966 г. Хотя автор рассматривает историю Сирии, Финикии и Палестины под углом зрения их контактов с Египтом, книга содержит очень важные сведения и об истории самих сирийских городов и государств. Этнические взаимоотношения в Сирии являлись предметом изучения Д. Буччеллати (D. Buccellati) в его книгах «Амореи периода III Ура» («The Amorites of the Ur III Period») и «Города и нации древней Сирии» («Cities and Nations of Ancient Syria»), вышедших соответственно в 1966 и 1967 гг.

Социально-экономические проблемы сирийской истории занимают значительное место в исследованиях. Довольно большая доля текстов, позволяющих исследовать эти проблемы, найдена в Угарите. Поэтому и наибольшее количество таких исследований касается этого города, но сделанные в них выводы важны и для понимания экономики и общества всей Сирии. В этом плане важны работы Й. Климмы (J. Klíma), А.Ф. Рейни (A.F. Rainey), М. Эстура (M. Astour), М. Гельцера (M. Helzer). Хотя большинство этих работ опубликованы в виде не книг, а статей, их значение выходит далеко за рамки конкретных сюжетов, в них рассматривавшихся, и за пределы сравнительно небольшого объема самих исследований.

Огромное место в исследованиях Сирии III–II тыс. до н.э. занимает культура. Расшифровка угаритского, а затем и эблаитского языков дала в распоряжение науки не только политический и социально-экономический материал, но и тексты, позволяющие говорить о религии и мифологии Угарита и Эблы. Впечатление от этих открытий, особенно открытия Угарита, было столь велико, что многие ученые стали рассматривать угаритскую культуру как раннюю стадию финикийской. Особенно это проявилось в исследованиях религии и мифологии. Так как в руки ученых впервые попали тексты, созданные непосредственно на месте, а не пересказанные греческими или римскими писателями, то они и стали главным, если не единственным, материалом исследования. Так, например, поступил Р. Дюссо (R. Dussaud), который в своей работе о финикийской религии, появившейся в 1949 г.,

свел финикийскую религию к угаритской. По тому же пути пошел и О. Айссфельдт (O. Eissfeldt), поместивший соответствующий раздел в одном из томов «Справочника по ориенталистике» («Handbuch der Orientalistik»), вышедшем в 1964 г. Но позже все же выяснилось, что угаритяне не были финикийцами. Угаритская и финикийская цивилизации были очень близки, но не были идентичны и являлись двумя вариантами более широкого западно-семитского цивилизационного круга. И угаритскую религию стали рассматривать самостоятельно, выясняя не только общие ее черты, но и различные детали. Работы У.Ф. Олбрайта (W.F. Albright), О. Айссфельдта, Дж. Грея (J. Gray), М. Эстура, Ф.М. Кросса (F.M. Cross), А. Како (A. Caquot), Г. дель Ольмо Лете (G. del Olmo Lete) и других исследователей дают возможность понять особенности религиозного мышления угаритян и черты, общие у них с другими народами этого региона. Кроме изучения собственно религии и мифологии Угарита, две проблемы занимают очень важное место в исследованиях: континуитет и дисконтинуитет угаритской и финикийской цивилизаций и отношение угаритской религии и мифологии к библейской. В обеих этих областях сделаны большие успехи. Интересна в этом отношении уже упоминавшаяся книга дель Ольмо Лете «Ханаанский культурный континуум», опубликованная в Барселоне в 1996 г. На большом филологическом материале автор показывает связь между культурным миром Угарита и финикийских городов уже I тыс., в отличие от более ранних трудов не сводя эти миры друг к другу. Тот же автор много исследовал связь угаритского мифо-религиозного мира с библейским, вводя последний в общий западно-семитский контекст, который для II тыс. до н.э. лучше всего известен по текстам из Угарита.

Отечественная наука, естественно, тоже не обошла вниманием историю Сирии и особенно Угарита. Лингвистические вопросы изучены И.М. Дьяконовым в ряде его работ, в том числе в соответствующих главах большой монографии «Языки древней Передней Азии», вышедшей в 1967 г. Он же был автором ряда работ по истории этого региона в таких коллективных изданиях, как «История древнего мира» и вторая книга I тома «Истории древнего Востока» (1988). Под редакцией Дьяконова и Маттее вышел в 1985 г. сборник статей на русском языке, посвященный открытиям в Эбле. Социальные проблемы находились в центре исследований М.Л. Гельцера и Н.Б. Янковской. В 80-е гг. и до своей смерти

много занимался изучением Угарита И.Ш. Шифман. Ему принадлежат очень важные монографии «Угаритское общество» (Москва, 1982) и «Культура древнего Угарита» (Москва, 1987). В последние годы Шифман много занимался мифо-поэтическими произведениями Угарита. Результатом его работы стали книги «Угаритский эпос» и «О Балу», вышедшие в свет уже после смерти исследователя в 1993 и 1999 гг. В них даны подлинные тексты (в латинской транскрипции) и русский перевод всех поэтических произведений угаритской литературы, подробные комментарии к ним и соответствующие введения. Эти работы перевели российское угаритоведение на новый его этап.

§ 4. Историография неохеттских и арамейских государств Сирии

После этнических и политических пертурбаций в последние века II тыс. до н.э. в Сирии образовались два вида государств: неохеттские и арамейские. Видную роль среди неохеттских государств играл Каркемиш. Его месторасположение было установлено в 1876 г. Д. Смитом, а в 1908 г. его начали раскапывать Д. Хогарт и Л. Вулли. Позже начались раскопки других неохеттских городов Северной Сирии и Восточной Анатолии. Среди находок в этих городах имелись и надписи, сделанные хеттским иероглифическим письмом, как его несколько условно называют. Эти надписи стали объектом многочисленных попыток их дешифровки.

Начало дешифровки хеттских иероглифов положил А.Г. Сейс (A.G. Seys). В XX в. этим письмом много занимались П. Мериджи (P. Meriggi), И.Д. Гельб (I.D. Gelb), Э. Форрер (E. Forrer), Х.Т. Боссерт (H.T. Bossert). Их работы продвинули вперед дело дешифровки. Но решающий шаг был сделан, когда в 1947 г. Боссерт на холме Каратепе с помощью местного турецкого учителя Э. Кушчу (E. Coughçu) нашел финикийско-неохеттскую билингву. Исследования Боссерта привели фактически к дешифровке хеттского иероглифического письма, что дало возможность читать неохеттские надписи из Каркемиша и других мест. Хотя в историческом плане эти надписи относительно мало информативны, все же они дают возможность лучше представить историю небольших государств, являвшихся (или претендовавших на это) наследниками великой Хеттской империи.

Многие стороны истории неохеттских царств еще не известны. Но все же в общих чертах представить эту историю можно. Значительную роль в исследовании их истории сыграли хеттологи, которые в своих изложениях истории Хатти в качестве эпилога рассматривают неохеттские государства в Восточной Анатолии и Северной Сирии. Так, важная глава об этих государствах содержится в книге О.Р. Герни (O.R. Gurney), вышедшей в США в 1964 г. Она была переведена на русский язык и опубликована в 1987 г. Другой видный археолог М.Э.Л. Мэллоуэн (M.E.L. Mallowan) исследовал историю Кархкемиша. Огромную роль в изучении истории неохеттских государств сыграли работы Дж.-Д. Хокинса (J.-D. Hawkins), как статьи по отдельным историческим сюжетам, опубликованные в различных научных журналах, так и обобщающая глава в 1-й части нового издания III тома «Кембриджской древней истории», вышедшей в 1982 г. История неохеттских государств нашла свое, хотя и ограниченное, место в упомянутых выше обобщающих работах по истории и культуре Сирии Х. Кленгеля. В них же определенное внимание уделено и арамейским государствам. Искусство неохеттских государств явилось предметом исследования турецкого ученого Э. Акургала (E. Akurgal).

Исследование арамейских государств началось с раскопок Сам'аля Ф. фон Лушаном (F. von Luschan) в 1888 г. В раскопках Сам'аля принял, в частности, участие Р. Кольдевей (R. Koldewey), позже прославившийся своими работами в Вавилоне. Затем поле деятельности археологов в Сирии несколько расширилось, и в настоящее время раскопано уже несколько центров арамейской культуры. В период между двумя мировыми войнами в Хамате работала датская экспедиция под руководством Х. Ингхольта (Т.Н. Ingholt). После Второй мировой войны сирийские археологи проводили исследования в районе Дамаска. Отдельные находки делались и в других местах. В числе находок имеются и арамейские надписи. Они опубликованы в уже упоминавшемся сборнике Х. Доннера и В. Рёллига и во втором томе сборника Дж.С.Л. Джибсона. К сожалению, число этих надписей не слишком велико, и они дают не очень большой материал для исследования политической истории арамейских государств или для понимания их социально-политической структуры. Но они дополняются ассирийскими и вавилонскими документами, а также

сведениями Библии. Все это дало возможность современной науке все активнее заниматься арамейскими царствами.

Арамейские царства Южной и частично Центральной Сирии с самого своего возникновения контактировали с еврейскими государствами, и поэтому долгое время (частично и сейчас) история этих царств исследовалась преимущественно с точки зрения их отношений с Израилем и Иудеей и в рамках древнееврейской истории. Особенно интересны в этом отношении работы израильских ученых Б. Мазара (B. Mazar), А. Маламата (A. Malamat) и Х. Тадмора (H. Tadmor). С этой точки зрения рассматривали историю Южной Сирии также Э. Липиньский и Г.Г. Рейнгольд (G. Reinhold). С другой стороны, история арамеев была связана с историей Месопотамии, и ассириологи, в том числе только что упомянутый Тадмор, также занимались арамеями, но уже как объектом ассирийской и вавилонской экспансии. Только позже арамейская история стала предметом самостоятельного исследования.

Еще в 1918 г. в Нью-Йорке вышла книга Э. Крелинга (E. Kraeling), посвященная арамеям, но большого следа в историографии она не оставила. Гораздо большее значение имела монография А. Дюпон-Сомера (A. Dupont-Somer) «Арамеи» («Les Araméens»), опубликованная в Париже в 1948 г. И все же решающий перелом в изучении истории арамейских государств Сирии, и притом не только их внешнеполитической, но и внутренней истории, произошел с появлением книги Э. Садера (H. Sader) «Арамейские государства Сирии от их основания до превращения в ассирийские провинции» («Les Etats Araméens de Syrie depuis leur Fondation jusqu'à leur Transformation en Provinces Assyriens»), опубликованной в 1984 г. Здесь в подлиннике (в латинской транскрипции) и во французском переводе были собраны и размещены в определенном порядке все имеющиеся арамейские и ассирийские источники по истории арамейских государств, ссылки на библейские сведения и краткий обзор археологических данных, после чего дан краткий очерк политической истории сначала отдельных государств, а затем и всей арамейской Сирии в целом.

Последние полтора десятилетия XX в. дали ряд новых исследований, частично связанных с обнаружением новых надписей и более глубоким изучением ранее известных. Так, обнаруженная еще датскими археологами надпись хаматского царя Заккура была заново изучена А. Миллардом (A.R. Millard), и результаты его

работы позволили глубже оценить изменения, происходившие в Центральной Сирии в промежутке между кампаниями Салманасара III и Тиглатпаласара III. Найденная в 90-х гг. XX в. надпись дамасского царя Хазаэла была глубоко изучена А. Бираном (A. Biran) и Д. Навехом (J. Naveh), а немного позже В. Шнайдевиндом (W.M. Schneidewind), и она по новому освещает события, связанные не только с внутренним положением в Дамаске (переворот Хазаэла и убийство его предшественника Бар-Хадада), но и с войнами Дамаска с Израилем. Предметом научных дискуссий до сих пор является давно известная надпись дамасского царя Бар-Хадада, найденная в Северной Сирии. В частности, сравнительно недавно к этой надписи обращались В. Рёллинг и У.Т. Питтард (W.T. Pittard). Перу Питтарда принадлежит также обобщающее исследование по истории Дамаска — «Древний Дамаск» («Ancient Damascus»), опубликованное в 1987 г. Появились и работы по истории арамейской Сирии вообще, созданные уже на новом уровне. Такими являются книги П.Э. Диона (P.E. Dion) и Э. Липиньского.

История Сирии после ее включения в состав ближневосточных империй рассматривается в основном уже в рамках изучения этих империй. Так, Тадмор изучал арамеизацию Ассирии. М.А. Дандамаев посвятил значительную часть своего труда по политической истории державы Ахеменидов заевфратским владениям персидских царей. Специальное изучение сирийских территорий под властью Ассирии, Вавилонии, Персии было предпринято еще в 1937 г. К. Галлингом (K. Galling), а для нового издания «Кембриджской истории древности» — И. Эфалем (I. Eph'al).

Таким образом, можно говорить, что история Внутренней Сирии I тыс. до н.э. в настоящее время уже стала предметом исследований ученых. Однако степень ее изученности еще значительно отстает от изученности и Сирии предшествующей эпохи, и Финикии. Большая часть территории арамейских государств все еще не изучена археологически, в результате чего обнаружено недостаточное количество не только предметов материальной культуры, но и надписей, что чрезвычайно затрудняет исследование этих государств.

Подводя общий итог, надо сказать, что за последние десятилетия историография Финикии и Сирии сделала значительные успехи, но многие проблемы истории этого региона еще далеко не решены.

Рекомендуемая литература

- Вулли Л. Забытое царство. М., 1986.
- Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- История древнего Востока. М., 1988. Т. 1. Ч. 2.
- Тураев Б.А. История древнего Востока. Л., 1936.
- Финикийская мифология. СПб., 1999.
- Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1987.
- Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001.
- Циркин Ю.Б. История библейских стран. М., 2003.
- Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV–XIII вв. до н.э. М., 1982.
- Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв.). М., 1987.
- Шифман И.Ш. Карфаген. СПб., 2006.
- Acquaro E. Cartagine: un imperio sul Mediterraneo. Roma, 1987.
- Aubet M.E. Tiro y las colonias fenicias de Occidente. Barcelona, 1994.
- Baurain C., Bonnet C. Les Phéniciens. P., 1992.
- Blázquez J.M. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia. Salamanca, 1975.
- Blázquez J.M., Alvar J., Wagner C.G. Fenicios y cartaginenses en el Mediterráneo. Madrid, 1999.
- Buccellati G. The Amorites of the Ur III Period. Napoli, 1966.
- Buccellati G. Cities and Nations of Ancient Syria. Roma, 1967.
- Bunnens G. L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles; Rome, 1979.
- Donner H., Röllig W. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 1962–1964. Т. 1–3.
- Elayi J. Economie des cités phéniciennes sous l'empire perse. Napoli, 1960.
- Elayi J., Elayi A.G. Le monnayage de la cité phénicienne de Sidon à l'époque perse (Ve–IVe s. av. J.-C.). P., 2004.
- Garbini G. I Fenici. Napoli, 1980.
- Gibson C. Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Oxford, 1980.
- Gras M., Ruillard P., Teixidor J. L'univers phénicien. P., 1989.
- Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1980.
- Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Berlin, 1965–1970. Bd. 1–3.

- Klengel H.* Syria 3000 to 300 B. C. Berlin, 1992.
- Krahmalkov Ch.R.* Phoenic-punic Dictionary. Leuven, 2000.
- Lipiński E.* Dieux et déesses de l'univers phénicien et punique. Leuven, 1995.
- Lipiński E.* The Aramaeans. Leuven, 2003.
- Lipiński E.* Itineraria Phoenicia. Leuven, 2004.
- Magnani P.* Le iscrizioni fenicie dell'Oriente. Roma, 1973.
- Matthiae P.* Ebla. Un imperio ritrovato. Torino, 1995.
- Moscatti S.* Tra Tiro e Cadice. Roma, 1989.
- Moscatti S.* Chi furono i fenici. Torino, 1994.
- Parrot A., Chehab M., Moscati S.* Les Phéniciens. P., 1975.
- Les Phéniciens. P., 1997.

ГЛАВА 2

Историография истории древнего Израиля и Иудеи

Историография в узком (эллинском) смысле слова не получила развития в Иудее вплоть до периода эллинизма. В определенном смысле можно даже говорить о том, что Вторая Маккавейская книга (последняя четверть II в. до н.э.) и сочинения иудейского историка Иосифа Флавия (последняя четверть I в. н.э.), относящиеся к традиции греческой историографии, во многом контрастируют с библейским нарративом. В самом еврейском языке нет точного эквивалента греческому термину «история» (ἱστορία; «расспрашивание», «исследование», «сведения»); ближайшие по значению библейские термины — это *толедот* (תולדות; «родословие», «происхождение»), *дивре хаййамим* (דברי הימים; «хроники»; букв. «деяния (события) дней»), *мидраш* (מדרש; «исследование», «расследование», «описание», «толкование»; 2 Хр. 13:22, 24:27). Парадоксально, однако, то, что именно в мировоззрении древних евреев впервые в истории мысли формируется представление о *линейном, историческом* времени. Сотворенный Богом 'олам (עולם)-мир мыслится библейскими авторами как движущийся в потоке времени, в определенной мере совпадая с ним; с другой стороны, можно сказать, что 'олам вмещает в себя время и несет в себе все сущее: это — мир как история или «мировое время» по преимуществу. В нашем очерке мы трактуем древнееврейскую историографию в широком смысле: библейская историография — это изложение историко-религиозных событий израильско-иудейского прошлого и их интерпретация в этико-религиозном аксиологическом ракурсе. С этой точки зрения, библейская *девторономическая* («второзаконническая») *история* (Иисус Навин — 2 Царей [4 Царств]), оформившаяся в VI в. до н.э. (см. ниже), может по сути рассматриваться как *первое* известное нам *историческое* произведение в мире. В определенном смысле эта оценка справедлива и по отношению к повествованию так называемого Яхвиста, писавшего,

вероятно, в X или IX вв. до н.э. (см. ниже). (Знаменательно, что авторы древнееврейских исторических повествований впервые создали художественную прозу в собственном смысле этого слова, *неритмизованную* художественную прозу.)

Некоторые параллели к древнеизраильской историографии можно усмотреть в хеттских «историографических» сочинениях последней трети XIV — конца XII вв. до н.э.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных проблем библейской историографии, отметим, что, в конечном счете, именно для подтверждения содержащихся в Библии историографических данных конституировался в XIX в. ряд важнейших востоковедческих дисциплин (ассириология, египтология и др.).

§ 1. Библейская историография

Пятикнижие. Говоря о начале библейской историографии, следует, прежде всего, остановиться на так называемой *документальной гипотезе*. Данная концепция, принятая большинством современных библеистов, предполагает, что в основе Пятикнижия — первой части Еврейской Библии — лежат четыре *основных* письменных источника, содержащих отдельные историографические материалы, касающиеся древнейшей истории и религиозно-мировоззренческих основ Израиля: эпохи патриархов, Египетского плена, Исхода из Египта, Синайского Откровения и Завета с Богом, пребывания в оазисе Кадеш-Барнеа, продвижения к Земле Обетованной через страны, лежащие к югу и востоку от Мертвого моря. Этими документами являются: Яхвист (Y; сокр. от написания Тетраграмматона — Имени YHWH [традиционная интерпретация — Господь]; в немецкой традиции — J), Элохист (E; от термина Elohim — евр. *Бог*), Священнический источник (P — от нем. Priestercodex) и Второзаконие (D — Деутерономический материал; от греч. Δευτερονόμιον, resp. лат. Deuteronomium, «Второзаконие»). Согласно *классической* («велльхаузеанской»; по имени Ю. Велльхаузена, 1844—1918) документальной гипотезе, — подвергающейся впрочем в последние годы рядом исследователей кардинальной ревизии (см. ниже), — Яхвист являлся наиболее ранним из четырех источников и представлял собой памятник иудейской придворной историографии, созданный приблизительно в 870—800 гг. до н.э. Ряд же исследователей (Э. Зеллин, А. Лемер,

Х. Шулте, М. Грант и др., см.: [Sellin, 1959; Lemaire, 1981; Schulte, 1972; Grant, 1984]) датируют его временем царствования израильских царей Давида (ок. 1009/1001–969 гг. до н.э.) или Соломона (970/969–931 гг. до н.э.), т.е. относят его появление ко времени единого Израильского царства. (По смерти Соломона в 931 г. до н.э. Израильское царство, возникшее ок. 1030 г. до н.э. во главе с Саулом (погиб в 1009 г. до н.э.), распалось на Южное (Иудейское) и Северное (Израильское) царства.) Р. Сменд предложил различать в Яхвисте два параллельных предания — Яхвист I и Яхвист II [Smend, 1912]. Яхвист I был обозначен О. Айссфельдом как «Светский источник» (L; от нем. Laienquelle)* и датирован 950–850 гг. до н.э. Что касается Яхвиста II, или собственно Яхвиста**, то О. Айссфельд относил его появление к середине VIII в. до н.э., хотя допускал и более раннюю датировку [Eissfeldt, 1922; 1976].

Название Яхвист возникло в результате того, что Имя YHWH Господь употребляется в данном источнике с самого начала повествования; здесь выражается убеждение, что Имя Бога было открыто еще во времена Шета (Сифа; третьего сына Адама и Евы) и его сына Эноша (Еноса; Быт. 4:26). Данный источник, используя

* К материалам «Светского источника» (L) О. Айссфельд относит следующие тексты (звездочкой помечены те библейские пассажи, которые включают позднейшие добавления, так что соответствующая ссылка относится только к части указываемого фрагмента): Быт. 2:4b–3:24*; 4:1, 17a, 18–24; 6:1–4; 9:21–27; 11:1–9; 12:1–4a*, 6–8; 13:2, 5, 7–11, 12bβ18; 18–19; 25:1–6, 11b, 21–26a, 29–34; 26:1–2a, 3a, 6–23, 25b–33; 29:1–30:24*, 25–43*; 31:1, 3, 19–54*; 32:24b–33; 33:18–19*; 34; 35:5, 21–22α; 36:2b5*, 9–39*; 38; 49:1*, 2–7; Исх. 1–2*; 3:21–22; 4:1–9, 19–26, 30b–31a; 7:15b, 17b*, 20aβb; 12:21–27, 33–39; 13:3–16*, 20; 14*; 15:20–27; 16*; 17:1a, 8–16; 19:2–25*; 24:1–2, 9–11, 13a, 14–15a; 32:17–18, 25–29; 33:3b–4; 34:10–13*; Числ. 10:29–36*; 11:1–3, 4–35*; 12*; 13–14*; 20:1–13*, 14–21*; 21:1–3, 10–35*; 25:1–5*; 32*. Г. Форер обозначает Яхвист I (первоначальный источник) как «номадический источник», а Р.Х. Пфайфер — как «южный» [Fohrer, 1965; Pfeifer, 1957].

** К материалам Яхвиста О. Айссфельд относит тексты: Быт. 2:4b–3:24*; 4:2–16, 17b, 25–26; 5:28 (с «и родил») и 29; 6:5–9:19*, 20; 10*; 11:28–30; 12:1–4a, 10–20; 13:1; 15*; 16:1b–2, 4–14; 21:1–7*, 22–34*; 22*; 24*; 25:18, 27–28*; 26:2b, 3bα, 24–25a; 27*; 28:13–16, 19; 29:1–30:24*, 25–43*; 31:19–54*; 32:1–24a; 33*; 36:2b–5*, 9–39*; 37:3–36*; 39–50*. Исх. 1–2*; 3*; 4:18, 29, 31b; 5*; 6:1*; 7–11*; 12:29–30, 32; 13:21–22; 14*; 16*; 17:1b–7*; 18*; 19:2–25*; 20:18*, 20*; 23:20–33*; 33:1–3a; 34:1–28*; Числ. 10:29–36*; 11:4–35*; 13–14*; 16*; 20:14–21*; 21:10–35*; 22–24*; 25:1–5*; 32*; Втор. 31:14*, 16*, 23*; 34:1*, 2–6.

как изустные, так и записанные предания и эпос (например, Книгу войн Господних; Числ. 21:14–15), помещает древнейшую историю Израиля в широкий контекст общечеловеческой истории, начиная с антропогенеза (рассказ об Адаме и Еве). В этом документе выдвигается идея моногенеза языка (рассказ о Вавилонском столпотворении). Произведение Яхвиста обнаруживает глубокий интерес к южному региону страны (к Иудее); в частности, именно он содержит основные материалы о патриархе Аврааме, обычно ассоциирующемся с Южным Ханааном. Этот источник утверждает традицию о 12 сыновьях Иакова (Израиля) — эпонимах 12 колен (племен) Израиля, и представляет патриархов Авраама, Исаака и Иакова как членов одной семьи. В данном источнике эксплицитно выражен этический характер иудаистской монотеистической религии.

Сочинение Элохиста обычно датируется более поздним временем, чем произведение Яхвиста. Чаше всего предлагается датировка между 850 и 750 гг. до н.э. Элохист проявляет особый интерес к центральным и северным израильским коленам, к культовым центрам в Бет-Эле (Вефиле) и Шехеме (Сихеме); поэтому создание Элохиста локализуется на севере, в Израильском царстве*. Согласно Элохисту, Имя YHWH Господь было открыто израильтянам через Моисея (Исх. 3:14). Этот источник акцентирует внимание на трансцендентности Бога. Элохист подчеркивает замысел Бога, который поставил израильтян в особое, сравнительно с другими народами, положение. В частности, этот замысел раскрывается в счастливом спасении израильтян после их выхода из Египта, спасении, предварившем их вхождение в Землю Обетованную. Элохист придает особую важность этическим аспектам бытия.

В рамках классической документальной гипотезы считается, что источники Яхвист (Y) и Элохист (E) были слиты в единый

* К материалам Элохиста О. Айссфельдт относит тексты: Быт. 15*; 20; 21:1–7*, 8–21, 22–34*; 22*; 24*; 25:11a, 27–28*; 26:3bβ–5; 27*; 28:10–12, 17–18, 20–22; 29:1–30:24*; 31:2, 4–18aα, 19–54*; 32:1–24a; 33*; 35:1–4, 6b–8, 14, 16–20; 36:2b–5*, 9–39*; 37:3–36*; 39–50*; Исх. 1–2*; 3*; 4:10–17, 27–28, 30a; 5*; 6:1*; 7–11*; 12:31; 13:17–19; 14*; 17:1b–7*; 18*; 19:2–25*; 20:18*, 19, 20*; 21:1–17; 23:20–33*; 24:3–8, 12, 13b, 18b; 31:18b; 32:1–16, 19–24, 30–35; 33:5–11; Числ. 11:4–35*; 12*; 13–14*; 20:11b, 14–21*; 21:4–9, 10–35*; 22–24*; 32*; Втор. 31:14–18*, 23*; 34:1*.

документ УЕ вскоре после падения Израильского царства под ударами ассирийцев (722 г. до н.э.), именно, в конце VIII — начале VII в. до н.э. (т.е. еще до оформления Второзакония и Священнического кодекса; см. ниже). Это могло произойти в Иудее, куда беженцы с севера принесли материалы Элохиста. С другой стороны, ряд исследователей, в том числе П. Фольц, В. Рудольф, З. Мувинкель, отрицают существование двух параллельных самостоятельных источников — Яхвиста и Элохиста: по их мнению, существовало только одно изложение предания — Яхвист [Volz, Rudolph, 1933; Mowinkel, 1964]. Элохист же — это только интерполятор, вносивший свои дополнения с целью улучшить текст.

М. Нот, предложивший методику «истории традиций» (южных и северных израильских колен) при анализе библейских текстов, постулировал существование некоего общего прототипа, лежащего в основе как сочинения Яхвиста, так и сочинения Элохиста, который он обозначил буквой G (от нем. *gemeinsame Grundlage*, «общая основа») [Noth, 1966; 1967; 1972]. Е.А. Спейзер предложил обозначать священные устные предания израильтян предавидического периода, лежащие в основе Яхвиста, Элохиста и Священнического кодекса, символом Т (от англ. *Tradition*, «Традиция») [Speiser, 1980]. Вероятно, основными сюжетами устных традиций домонархического периода были предания о патриархах (прежде всего, Божественные обетования патриархам), Исход из Египта, Синайское Откровение и Завет, Завоевание Ханаана. Предполагается, что эти темы представляли своего рода национальное кредо, и репрезентирующие их эпические произведения могли периодически рецитироваться в древнеизраильских священных городах, и прежде всего, в северном религиозном центре Шехеме (Сихеме), где проводились различного рода религиозные церемонии (см. Втор. 27; И. Нав. 8:30–35; 24; ср. Втор. 26:5–9). Некоторые исследователи полагают, что Синайский нарративный цикл (Исх. 19–24, 32–34) являлся более поздней интерполяцией, и что первоначально схема священной истории была такой: патриархи, Исход и Завоевание Ханаана. Однако ссылки на Синай в древних поэтических произведениях (см., например, Суд. 5:5, Пс. 68[67]:9[ср. 18]; ср. также Втор. 33:2), как кажется, свидетельствуют о том, что тема Синая имела глубокие корни в древнеизраильской традиции.

Согласно классической документальной гипотезе, в период между концом VII — первой половиной V в. до н.э. к документу Яхвист-Элохист (YE) было присоединено Второзаконие (документ D), по содержанию представляющее собой три прощальных обращения Моисея к израильтянам, когда они находились на равнинах Моава, незадолго до перехода ими реки Иордан и завоевания Ханаана. Со времен В. де Ветте (1805) большинство исследователей полагают, что Книгу Второзакония (точнее, ее главы 12–26 (так называемый Девтерономический кодекс) или 5–26) следует отождествить с обнаруженной иудейским первосвященником Хелкией в Иерусалимском Храме в 621 г. до н.э. «Книгой Учения (Торы)», и что Второзаконие (или его первоначальная версия) возникло, по-видимому, около этого же времени, в период проведения царем Йошиаху (Иосией; 639–608 гг. до н.э.) религиозной реформы в Иудее (об этих событиях см.: 2 Царей [4 Царств] 22:1–23:28 и 2 Хр. [2 Пар.] гл. 34–35). Центральными идеями данного документа являются: чистота монотеистического культа Господа и установление *централизованного* Богослужения (в Иерусалимском Храме). Предполагают также, что документ Яхвист-Элохист (YE), возможно, подвергся частичному девтерономическому редактированию (включая гипотетические интерполяции в данный документ отдельных девтерономических пассажей). Таким образом, в распоряжении священнического редактора (P), работавшего уже в эпоху после вавилонского плена иудеев (после 538 г. до н.э.), был комплекс YE + D. (Иудея пала под ударами вавилонян в 586 г. до н.э.) Предлагается и другой вариант последовательности присоединения источников: YEP + D. При этом допускается, что последним редактором всего Пятикнижия был в VI в. до н.э. *Девтерономический историк* (см. также ниже).

Исторический обзор, представляемый автором Священнического кодекса (P)*, служит основой для собрания религиозных

* К Священническому кодексу обычно относят следующие тексты (список приводится почти целиком по [Campbell, O'Brien, 1992]): Быт. 1:1–2:4a; 5:1–28 (до «и родил»), 30–32; 6:5–9:17*, 28–29; 10:1, 2–7, 20, 22–23, 31–32; 11:10–27, 31–32, 12:4b–5; 13:6, 11b–12abα; 16:1a, 3, 15–16; 17:1–27; 19:29; 21:1b–5; 23:1–20; 25:7–11a, 12–17, 19–20, 26b; 26:34–35; 27:46; 28:1–9, 31:18aβb; 33:18a; 35:6, 9–13a, 15, 22b–29; 36:1–14; 37:1, 2aαb; 41:46a; 46:6–27; 47:27b–28; 48:3–6; 49:1a, 29–33; 50:12–13; Исх. 1:1–7, 13–14; 2:23aβb–25; 6:2–30; 7:1–13, 19–20aα, 21b–22; 8:5–7, 15aβb–19; 9:8–12; 11:9–10; 12:1–20, 28, 40–51, 13:1–2;

предписаний и законов; они столь же важны, как и история спасения. Выявляя истоки религиозных установлений Израиля, «Священник» начинает свое сочинение с грандиозной картины Божественного космогенеза и антропогенеза (Быт. 1:1–2:4a). Священнический кодекс уделяет особое внимание генеалогиям, цитируя, в частности, «Книгу родословия человечества» (Быт. 5:1). Подобно Элохисту, Священнический кодекс подразумевает, что Имя YHWH Господь было открыто израильтянам через Моисея (Исх. 6:2–3). Кульминацией истории, по «Священнику», является Синайское Откровение, обосновывающее, в частности, особое положение народа Господа. Согласно школе Ю. Велльхаузена, культ, описанный в Книге Левита, является созданием слепого иудаизма, а Священнический кодекс в целом представляет собой наиболее позднюю часть Пятикнижия, которая начала создаваться в эпоху вавилонского плена (или в конце VI – начале V в. до н.э.) и получила свое окончательное оформление ко времени религиозной реформы книжника Эзры (Ездры) ок. 444 г. до н.э. Данная концепция доминировала в библеистике вплоть до середины XX в. В 1946–1947 гг. Й. Кауфман опубликовал на иврите восьмитомное монографическое исследование «Происхождение израильской религии» (תולדות האמונה הישראלית; [Kaufmann, 1960]), в котором высказал серьезные возражения против данной гипотезы, суть которых сводилась к тому, что целый ряд религиозных предписаний и реалий в Священническом кодексе явно возник в эпоху до установления централизованного культа в Иерусалимском Храме, т.е. до реформы Йошиаху (621 г. до н.э.) и, следовательно, *старше* Второзакония; при этом отдельные аспекты религиозной практики сближают Священнический документ с Яхвистом-Элохистом (например, предписание приносить пасхальную жертву дома и предписание отдавать первородное, как принадлежащее Богу, в Святилище священникам; отдельные элементы культового комплекса и ряд законов ритуальной чистоты, зафиксированные

14:1–4, 8, 9a^{bb}, 10a^{bb}, 15–18, 21a^{cb}, 22–23, 26–27a^α, 28–29; 15:22a^α, 27; 16:1–3, 6–27, 32–35a; 17:1a^{bb}; 19:1–2a; 24:15b–18; 25–31; 35–40; Лев., *passim*; Числ. 1:1–10:28; 13:1–17a, 21, 25, 26*, 32–33; 14:1a, 2–3, 5–10, 26–38; 15; 17–19; 21:4a^{α*}; 22:1b; 27:12–23; 27–29; 31; 35–36; Втор. 32:48–52; 34:1a^α, 7–9. Полагают также, что ряд текстов (например, Исх. 19–20; Числ. 16, 20, 32 и др.), в основе своей несвященнические, бы-ли обработаны священническим редактором или содержат существенные священнические дополнения.

в Священническом кодексе, коррелируют с соответствующими установлениями именно эпохи Первого Храма и т.д.). Ряд исследователей, следуя в русле хронологии Й. Кауфмана, датируют Священнический кодекс началом VII в. до н.э. Некоторые говорят о возникновении в VII в. до н.э. «собраний священнических сочинений», оформленных в условиях вавилонского изгнания (597/586—538 гг. до н.э.).

И. Кноэл разделил священнический документ Р (Священнический кодекс) на две группы текстов: (1) *священническая Тора* (the Priestly Torah; *Tora*, евр. *Учение, Закон*) — материалы старой священнической школы и (2) материалы *школы Кодекса святости* (the Holiness School), или новой священнической школы*. (*Кодекс святости*, Лев. 17—26 — одна из основных частей, по сути, ядро, Книги Левита.)** Возникновение документа школы священнической Торы И. Кноэл относит к периоду между строительством Соломоном Иерусалимского Храма (ок. 966 — ок. 959 гг. до н.э.) и правлением иудейских царей Ахаза (735 (731)—715 гг. до н.э.) и Хизкийаху

* К текстам данной школы И. Кноэл относит следующие пассажи из Священнического кодекса: Быт. 17:7—8, 14; 23; Исх. 6:2—7:6; 12:1—20, 43—49; 20:11; 24:15b—17; 31; 35—40; Лев. 17—22; 24—26 и ряд редакционных дополнений в других главах книги Левита; Числ. 1:48—5:10; 6:22—10:28; 13:1—17a; 14:26—35; 15; 17—18; 25:6—18; 27; 31; 35—36; Втор. 32:48—52. Редактор школы Кодекса святости переработал также некоторые материалы школы священнической Торы (Исх. 25—30; Лев. 23; Числ. 19; 28—29) и отдельные несвященнические материалы источника Яхвист-Элохист (Быт. 16; Исх. 18; Числ. 16; 20; 32).

** И.Ш. Шифман, говоря о времени возникновения Кодекса святости, обращает внимание на сходство молитвы царя Соломона при освящении построенного им в Иерусалиме Храма (1 Цар. [3 Цар.] 8:31—32) и его речи, обращенной по этому поводу к народу (1 Цар. [3 Цар.] 8:56—61), с фрагментами Лев. 18:2—5, 19:2, 19:37, 20:7—8, 20:22. Это обстоятельство позволяет российскому исследователю предположить, что Кодекс святости был создан в период строительства Соломоном Первого Храма [Шифман, 1987; 1993]. Ряд исследователей полагают, что данный документ был создан священническим автором (или школой) в VII или VI вв. до н.э. По мнению А. Холевиньски, Кодекс святости складывался из нескольких документов в течение продолжительного отрезка времени. Свою окончательную форму он приобрел в эпоху вавилонского плена благодаря усилиям священнического редактора, принадлежавшего к реформаторскому крылу девтерономической школы [Holewiński, 1976]. Попытка установить возможное влияние отдельных предписаний Девтерономического кодекса (Втор. 12—26) на соответствующие установления Кодекса святости предпринимается Г. Беттензоли.

(Езекии; 729 (715)—686 гг. до н.э.). Начало деятельности школы Кодекса святости и создание самого Кодекса — древнейшего, по мнению И. Кноэла, документа данной школы — относится им ко времени правления Ахаза или Хизкийаху [Knohl, 1995]*.

П. Фольц, Ф.М. Кросс и некоторые другие исследователи отрицают существование Священнического кодекса как самостоятельного нарративного источника (см., например, [Cross, 1973]). По мнению же З. Муvinкеля, Священнический кодекс представляет собой компиляцию двух источников, исторического и ритуально-законодательного, составленную для реставрированной в период после вавилонского плена иудейской общины и соединенную неким редактором с Яхвистом.

Девтерономическая история. В рамках классической документальной гипотезы было принято говорить о *шестикнижии* (*hexateuch*), т.е. рассматривать Книгу Иисуса Навина, повествующую о завоевании израильтянами Ханаана под предводительством этого героя, как произведение, тесно примыкающее в литературном, историческом и религиозно-теологическом отношениях к Пятикнижию. По мнению же Г. Хёльшера и его школы, повествование Яхвиста (Y), Элохиста (E) и Священнического кодекса (P) продолжается во *всех* сочинениях Ранних Пророков: Иисуса Навина, Судей, 1–2 Самуила [1–2 Царств], 1–2 Царей [3–4 Царств]. Однако с середины XX в. ряд исследователей начинает склоняться к той точке зрения, что Второзаконие имеет больше общего с книгами Ранних Пророков — историческими книгами Библии, чем с первыми четырьмя книгами Торы. При этом предполагается, что первые три главы Второзакония следует рассматривать не как введение к девтерономическому закону, а как начало грандиозного сочинения по истории Израиля, т.н. *девтерономической истории*, включающей помимо Второзакония также книги Ранних Пророков

* С.В. Тищенко выдвигает идею об одном авторе Пятикнижия, которого он идентифицирует с представителем священнической школы Кодекса святости, работавшим, как он полагает, не ранее конца V — начала IV в. до н.э. При этом структурно-тематическую цикличность Торы российский исследователь коррелирует с трехлетним циклом ее литургических чтений, полагая, что «Тора и трехлетний литургический цикл сложились одновременно» в результате «единого процесса, сопровождавшего становление института синагоги», существенным признаком которого было регулярное публичное чтение Торы [Тищенко, 1998].

(М. Нот, М. Вейнфельд, А.М. Майес, О. Кайзер, Ф.М. Кросс, Р.Е. Фридман и др., см., например: [Mayes, 1983; Friedman, 1981; Weinfield, 1972]). Первоначальная версия девтерономической истории, создававшаяся в рамках так называемой девтерономической школы, завершалась описанием религиозной реформы царя Йоший-аху (2 Царей 22:1–23:25), направленной на очищение и утверждение единого централизованного монотеистического культа YHWH Господа в Иерусалимском Храме, и была создана в допленную эпоху, но позднее Второзакония; свой нынешний вид этот исторический цикл приобретает уже в эпоху вавилонского плена (VI в. до н.э.). На определенном этапе Книга Второзакония была после соответствующей переработки включена в качестве «предисловия» в девтерономический исторический цикл. Таким образом, многие стали говорить не о *шестикнижии*, а о *четверокнижии* (*tetrateuch*; Бытие—Числа) и *девтерономической истории* (Второзаконие — 2 Царей). В Книге Второзакония выдвигаются, в частности, следующие принципы, которыми руководствовался *Девтерономический историк*, представляя историю Израиля: верность Господу и послушание Его повелениям вознаграждаются благословениями и благодеяниями, свидетельством чего являются, в частности, чудеса, сотворенные Богом на заре истории Израиля; служение чужим богам и пренебрежение Господними установлениями навлекают проклятие; почитание Господа может происходить только в одном священном месте (Иерусалиме) всем Израилем; деятельность священников, пророков и царей регулируется законом Господа, дарованным через Моисея. Девтеронимист использует характерную лексику и увещательный стиль, требуя от Израиля подчинения законам Завета (Союза) с Господом и акцентируя внимание на избрании Господом Израиля в качестве Своего особого народа. Широкоупотребительное обозначение «избранный народ» по сути является интерпретацией девтерономических обозначений *לְאֻמָּה* (*'ам сегулла*), «народ-сокровище» (Втор. 7:6, 14:2, 26:18; ср. Исх. 19:5) и *לְאֻמָּה נַחֲלָה* (*'ам нахала*), «народ-наследие» (Втор. 4:20; ср. 9:26, 29). Здесь же отметим, что доктрина избранного народа достигает апогея в своей эволюции в пророчествах Второ-Исайи (кн. Исайи, главы 40–55; конец периода вавилонского плена). Этот пророк утверждал, что исторические события и судьбы всех народов суть не что иное, как этапы реализации Божественной Цели, а Цель эта заключается в конечном объединении всего человечества в еди-

ный народ, почитающий YHWH Господа как Бога. Израиль — это орудие Бога для осуществления данного великого Откровения; он выступит в качестве посланника Бога, будет свидетельствовать о Его Реальности и даст Закон всем другим народам земли. Народ Израиля явит пример исполнения Божественных установлений, обучит им остальных людей и, таким образом, будет способствовать спасению всего рода человеческого.

Некоторые исследователи полагают, что Девтеронимический историк осуществлял окончательное редактирование Пятикнижия [Rendtorff, 1977], а также то, что документ Яхвист-Элохист (YE) создавался представителем девтеронимической школы с учетом девтеронимической истории [Schmid, 1976; Vorländer, 1978; Rose, 1981; Blenkinsopp, 1992; Van Seters, 1994]. Таким образом, предполагается, что материалы Яхвиста-Элохиста следует датировать периодом вавилонского плена или даже после пленным периодом. По мнению Дж. Ван Сетерса, документ YE (т.е. повествовательные части Книг Бытия, Исхода, Левита и Числ), — он обозначает его единым термином *Яхвист*, — создавался как пролог к девтеронимической истории Израиля; благодаря этому национальная история Израиля оказывается важнейшей частью всемирно-исторического процесса. Таким образом, в распоряжении священнического компилятора, составлявшего Пятикнижие, был комплексный документ: Второзаконие + девтеронимическая история + материалы Яхвиста (= YE), а также собрание священнических текстов [Van Seters, 1975; 1992].

Исторические книги Библии. Составитель Ранних Пророков, гипотетически Девтеронимический историк, описывает события от конца эпохи Судей (ок. середины XI в. до н.э.) до разрушения вавилонянами Иерусалимского Храма в 586 г. до н.э. и начала вавилонского плена. Книги Иисуса Навина—2 Царей получили свое окончательное оформление, вероятно, в середине VI в. до н.э., т.е. в последние десятилетия вавилонского плена. Повествование Книг Царей, рассказывающих об истории Иудеи и Израиля, начиная с раскола единого Израильского царства ок. 931 г. до н.э. (1 Цар. 12), построено по принципу синхронизма, принятому в ассиро-вавилонской историографии: рассказ об иудейском царе сопровождается повествованием о современном ему израильском царе или царях. Не позднее 400—350 гг. до н.э. в Иудее так называемый *Хронист* составляет 1 и 2 Книги Хроник, содержащие

материалы от эпохи патриархов до декрета персидского царя Кира II (ок. 538 г. до н.э.), разрешающего иудеям возвратиться из вавилонского изгнания на родину и восстановить Иерусалим и Святилище Господа Бога. (Септуагинта эти книги обозначает как 1–2 Паралейпомена, т.е. «Пропущенные» (материалы).) В своей работе Хронист опирается, прежде всего, на корпус книг 1 Самуила — 2 Царей. В центре его повествования находятся Иудея, Иерусалим и Храм; Северное царство отходит на второй план. Особое внимание уделяет Хронист вопросам Богослужения. Стержневым принципом произведения является положение, согласно которому добродетель вознаграждается Господом, а нечестие им карается.

Составитель 1 Самуила — 2 Царей, а вслед за ним и Хронист, интерполировали в свои произведения данные различных по содержанию, идеологии и жанру источников, названия некоторых мы узнаем из самих этих библейских сочинений. Текст 1 Самуила, гл. 16 — 2 Самуила, гл. 5 обычно обозначают как «История восхождения Давида к власти». Среди возможных авторов этого историографического произведения называют соратника Давида священника Эвйатара или кого-то из его круга. Повествование 2 Самуила, гл. 9–20 и 1 Царей, гл. 1–2 называют «Рассказом о престолонаследии» (т.е. рассказом о том, как Соломон унаследовал трон Давида), или «Историей царского двора». Возможным автором этого сочинения, как допускают некоторые исследователи, мог быть сын первосвященника Цадока Ахимаац. Полагают также, что часть повествовательного материала 1 Самуила — 2 Царей могла быть почерпнута из записей *мазкиров* (ср. 2 Сам. 8:16; 1 Цар. 4:3), официальных придворных хронистов (историографов).

Первой упоминаемой в Библии записью исторических событий является «Книга деяний Соломона» (1 Цар. 11:41), лишь часть которой сохранилась в составе Книг Царей и Хроник. 1–2 Царей часто ссылаются на книги «Хроник царей Иудеи» и «Хроник царей Израиля». (Хронист упоминает «Книгу царей Израиля и Иудеи» (2 Хр. 27:7; ср. 2 Цар. 15:36) и «Толкование (Мидраш) на Книгу Царей» (2 Хр. 24:27; ср. 2 Цар. 12:20).) Помимо архивных документов двух царских домов, компилятор Книг Самуила — Царей и Хронист имели в своем распоряжении выдержки из записей Иерусалимского Храма, эпические произведения (например, упомянутую в И. Нав. 10:13, 2 Сам. 1:18 и, возможно, 3 Царств 8:53а (в Септуагинте) Книгу Доблестного), сказания о пророках, прежде

всего, циклы преданий о пророках Илие (Элийаху) и Елисее (Элише), а также записки очевидцев, прежде всего, записи речений пророков. Так, в 1 Хр. 29:29 упоминаются такие не дошедшие до нас документы, как «Записи (букв. „Речения“ или „Деяния“) Самуила провидца», «Записи Натана пророка» и «Записи Гада прозорливца» (содержащие материалы о времени и деятельности Давида); во 2 Хр. 9:29 — «Записи Натана пророка», «Пророчество Ахийи из Шило», «Видения прозорливца Йеддо/и (LXX: Йоэл) о Йароваме, сыне Невата» (содержащие материалы об отдельных аспектах деятельности Соломона и его врага Йаровама); 2 Хр. 12:15 — «Записи Шемаи пророка и записи Иддо прозорливца при родословиях» (о деятельности сына Соломона, иудейского царя Реховама (Ровоама); 931–913); 2 Хр. 13:22 — «Толкование (Мидраш) пророка Иддо» (о деятельности иудейского царя Авийи; 913–911); 20:34 — «Записи Йеху, сына Ханани» (о деятельности иудейского царя Йехошафата; 872–848); 32:32 — пророческий документ, названный «Видением Исайи, сына Амоца» (ср. 26:22; о деятельности иудейского царя Хизкийаху); 2 Хр. 33:19 — «Записи Хозайи» (где описаны греховные деяния иудейского царя Менаше (696(686)–641), а также его раскаяние).

К 1–2 Хроник хронологически и тематически примыкают Книги Эзры (Ездры) и Неемии, содержащие ценную информацию по истории Иудеи второй половины V в. до н.э., когда Иудея находилась под персидским владычеством. Некоторые историки даже рассматривают комплекс Эзра–Неемия (в иудаистской традиции они считаются одной книгой) как часть «Истории» Хроники (П.Р. Экرويد, Ф.М. Кросс, Д.Н. Фридман и др.); другие говорят о едином составителе Книг Хроник и Эзры–Неемии (П. Уэлтен, Т. Уилли и др.). Книги Эзры и Неемии вводят в еврейскую историографию важное новшество: поиск и использование официальных документов и корреспонденции (Эзр. 4; 6), а также сплошное повествование от первого лица.

Посланный персами из Вавилона в Иудею религиозный реформатор, «учитель Закона Бога небесного» Эзра прибыл в Иерусалим в седьмой год персидского царя Артаксеркса (Эзр. 7:7; без указания, какого именно Артаксеркса). Скорее всего, Эзра появился в Иудее до Неемии, — назначенного персами наместником в 445 г. до н.э. и занимавшего этот пост до 433 г. до н.э., а позднее, после перерыва, еще какое-то время до 424/423 г. до н.э. — и тогда

речь может идти об Артаксерксе I (465/464–424/423). Некоторые исследователи полагают, — вопреки относительной библейской хронологии, — что Эзра прибыл в Иерусалим в седьмой год Артаксеркса II (т.е. в 397 г. до н.э.), когда Неемия уже сошел с исторической арены. Есть также точка зрения, согласно которой деятельность Эзры протекала в период второго наместнического срока Неемии. Главной целью религиозно-политической реформы Эзры было установление Торы (Учения) в качестве основного Закона для еврейской гражданско-храмовой общины. Он инициировал также заключение евреями торжественного Договора с Богом, согласно которому они обязывались не вступать более в смешанные браки, воздерживаться от работы в субботу, возложить на себя ежегодный налог на поддержание Храма, регулярно доставлять десятины и приношения, а также во всех других отношениях соблюдать требования Торы.

В основе Книги Неемии лежит *автобиография* этого наместника, в которой он зафиксировал ключевые моменты своей деятельности в Иудее, прежде всего, упорядочивание ряда аспектов религиозной жизни, установление контроля над культурными и социально-экономическими процессами в Иерусалиме, строительство иерусалимской стены и борьбу с противниками иудеев, в том числе, с лидером общины самаритян (см. ниже) Санваллатом. Примерно в то же время литературный жанр автобиографии появился и у греков (например, Ион Хиосский).

Определенное значение для реконструкции религиозно-политической ситуации в Иудее и Самарии в конце V в. до н.э. имеют папирусы из египетской Элефантины (остров на Ниле, в районе 1-го порога), принадлежавшие проживавшим там еврейским военным поселенцам. Элефантинские документы датируются периодом между 495 и 399 гг. до н.э. Особый интерес представляют копии писем еврейского общинного лидера Йеданийи персидскому наместнику в Иудее Багохи, а также сыновьям наместника Самарии Санваллата Делайе и Шелемайе (408 г. до н.э.) с просьбой помочь восстановить разрушенное египтянами в 410 г. до н.э. местное еврейское святилище. В переписке с Иерусалимом запрашивается также информация относительно корректного соблюдения праздника Опресноков (Пасхи) и вопросов культовой чистоты.

Последующие два с половиной века еврейской истории почти совсем не отражены в письменных памятниках. Исключение

составляют рукописи из Вади-Далиеха и отдельные замечания Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (см. ниже). В Вади-Далиехе, в 13,6 км к северу от древнего Иерихона, было открыто около 40 сильно поврежденных правовых документов, спрятанных в пещере самаритянами, которые были умерщвлены здесь же солдатами Александра Македонского в 331 г. до н.э. Все эти документы написаны по-арамейски, печати выполнены палеоеврейским шрифтом. Будучи наиболее ранней (375–335 гг. до н.э.) находкой значительной группы папирусов в Палестине, документы из Вади-Далиеха представляют собой огромную ценность для историков. В частности, они проливают новый свет на социально-экономические отношения в Иудее в персидский период; позволяют восстановить последовательный список наместников Самарии и т.д. (Упомянем также крайне фрагментарные арамейские острака из Арада, датируемые V–IV вв. до н.э.)

Основные труды, в которых рассматриваются вопросы библейской историографии, приведены в списке литературы в конце данного очерка (помимо упоминавшихся выше работ см.: [Вейнберг, 2002; 2003; 2004; Лившиц, 1970; Тантлевский, 2000а; 2007а; Шварц, 1997; Campbell, O'Brien, 1992; 2000; Engnell, 1969; Feuillet, 1968; Halpern, 1996; Hölscher, 1952; Kaiser, 1984; Koch, 1969; LaSor et al., 1985; Mathias, 1977; Newsome, 1986; Rad, 1966; Ska, 2006; Soggin, 1993; Vink, 1969; Wellhausen, 1894а; Williamson, 1979]).

§ 2. Иудейская историография эпохи эллинизма и раннеримского периода

Книга Даниила. Апокрифы и псевдэпиграфы. К Книгам Эзры и Неемии примыкает апокрифическое произведение, именуемое Греческой книгой Ездры (сокр. 1 Ездра) и созданное во II в. до н.э., вероятно, египетским евреем. В этой книге суммируются сведения по отдельным аспектам истории Иудеи с приблизительно 621 по 444 гг. до н.э., зафиксированные в библейских книгах 2 Хр. 35:1–36:23, всей канонической Книге Эзры и Книге Неемии 7:73–8:12. По сути единственным экстрабиблейским материалом, представленным здесь, является «Рассказ о трех стражах» (в основе которого лежит персидское фольклорное сказание), утверждающий величие еврейского Бога, отождествляемого с Истиной. Особый акцент в 1 Езд্রে также делается на соблюдении Закона, Богослужении

в Иерусалимском Храме и установлениях, запрещающих евреям смешанные браки. Еврейский историк I в. н.э. Иосиф Флавий использует этот апокриф в большей мере, чем библейские Книги Эзры и Неемии.

В последней по времени создания библейской книге, Книге Даниила (ок. 165 г. до н.э.), вторая часть которой написана в форме апокалипсиса (гл. 7–12), в аллегорической форме отражены некоторые важные военно-политические события, имевшие место в переднеазиатском регионе в конце VII – первой трети II в. до н.э. Центральное место в данном произведении занимает история Иудеи в период религиозных гонений 167–164 гг. до н.э. на евреев со стороны селевкидского царя Антиоха IV Епифана (175–163 гг. до н.э.). В Книге Даниила развивается идея о последовательной смене империй, наступлении Эсхатона и установлении вечного («метаисторического») мирового Царства Божьего, в котором лидирующее место отводится «народу святых Всевышнего». Особую роль в его установлении сыграет предсуществующий, трансцендентный Мессия, «подобный сыну человеческому», которому будут служить все народы, племена и языки. Автор книги разрабатывает мессианско-эсхатологическую хронологию; выдвигает идею о загробном воздаянии и телесном воскресении мертвых.

Апокрифическая Первая Маккавейская книга, написанная с резко антиэллинистических позиций, повествует о событиях, непосредственно предшествующих религиозным гонениям Антиоха, о самих этих гонениях, Маккавейских войнах, очищении Иерусалимского Храма (декабрь 164 г. до н.э.) и возобновлении храмового Богослужения, возникновении Хасмонейского государства и его истории вплоть до вступления на престол Иоанна Гиркана I (134 г. до н.э.; в I Макк. 16:23–24 упоминается не дошедшая до нас «Книга дней первосвященства Иоанна»). Еврейский оригинал Первой Маккавейской книги, написанной, вероятно, в конце II – начале I вв. до н.э. с саддукейских позиций, не сохранился; до нас дошел греческий перевод. Автор выступает как горячий сторонник независимости Иудеи под властью династии Хасмонеев, но одновременно и как апологет римского империализма (ср. гл. 8).

Вторая Маккавейская книга, охватывающая период между 176 и 161 гг. до н.э., представляет собой краткое изложение (с некоторыми дополнениями и изменениями) написанного по-гречески в пяти книгах и не дошедшего до нас сочинения Ясона из Кирены о

Маккавейских войнах, составленное, вероятно, александрийским евреем после 124 г. до н.э. Сочинение Ясона, первого еврейского историка, имя которого дошло до наших дней, было написано в традициях эллинистической имперской историографии. Вторая Маккавейская книга содержит значительные риторические, дидактические и патетические элементы, также присущие эллинистической историографии. В то же время автор 2 Макк. выступает как глубоко верующий в Господа иудаист, ратуящий за сохранение традиций предков. В этой книге эксплицитно выражается идея Творения Богом мироздания «из ничего» (7:28). Автор верит в телесное воскресение мертвых (7:29). Во Второй Маккавейской книге упоминается об активности иудейского наместника Неемии и лидера антиселевкидского восстания Йехуды (Иуды) Маккавея (166—161 гг. до н.э.), главного героя книги, по собиранию (кодификации ?) еврейских исторических книг: «Повествуется также в записях и памятных книгах Неемии, как он, составляя библиотеку, собрал сказания о царях и пророках, и о Давиде, и письма царей о священных приношениях. Подобным образом и Иуда потерянное по случаю бывшей у нас войны (Маккавейская война. — *И. Т.*), все собрал, и оно есть у нас» (2:13—14).

В Александрии в первой половине I в. до н.э. создается по-гречески Третья Маккавейская книга, содержащая материалы (подчас полулегендарные) по истории египетских и палестинских евреев во времена юдофобски настроенного египетского царя Птолемея IV Филопатора (221—204 гг. до н.э.). В начале произведения содержится краткое описание победоносного для Птолемея сражения при Рафии с селевкидским царем Антиохом III (217 г. до н.э.). Вероятно, в Александрии же в I в. н.э. (до разрушения Иерусалимского Храма в 70 г.) создается Четвертая Маккавейская книга на греческом языке, в которой акцентируется внимание на случаях мученической смерти за веру во время религиозных гонений на иудеев Антиоха IV.

Важнейшие иудейские апокрифы и псевдэпиграфы эпохи эллинизма и раннеримского периода (в английском переводе) и их исследования собраны в изданиях: [Charles, 1971—1973; Charlesworth, 1983—1985].

Сочинения еврейских эллинистических историков и мыслителей. Греческие авторы о евреях. В эпоху эллинизма александрийскими евреями был создан по-гречески еще ряд произведений по истории

и хронографии древнего Израиля и Иудеи, от которых до нас дошли лишь крохотные фрагменты, зафиксированные греческим компилятором Александром Полигистором из Милета (середина I в. до н.э.) в сочинении «Об иудеях» (содержатся в работах: «Приготовление к Евангелию», IX, 17–39 Евсевия Кесарийского и «Стромата», I, 141; 153 Климента Александрийского). Основывавшееся на древнееврейских хронографических материалах сочинение «О царях иудейских» Деметрия Хронографа, работавшего в последней четверти III в. до н.э., вероятно, сопоставимо с «Хронографиями» Эратосфена (ок. 275–194 гг. до н.э.), а также «Историей Египта» (ок. 280 г. до н.э.) Манефона и «Историей Вавилона» (ок. 290 г. до н.э.) Беросса. Отметим также сочинение Артапана (конец III–II вв. до н.э.) «Об иудеях», от которого дошли расцвеченные легендами фрагменты об Аврааме, Иосифе и Моисее. Возможно, в Александрии написал свою работу «Об иудеях» и Аристей Экзегет (до середины I в. до н.э.). Отдельные сведения по истории, идеологии и культуре александрийского еврейства (а в некоторых аспектах — и Иудеи) содержатся в псевдэпиграфе «Письмо Аристее» (создано, вероятно, между 150 и 100 г. до н.э.), рассказывающем об обстоятельствах осуществления перевода Пятикнижия на греческий язык в Египте ок. середины III в. до н.э. В Северной Африке, возможно, в Карфагене, работал Клеодем Малх (до середины I в. до н.э.), написавший «Историю евреев» (см.: Иосиф Флавий, Древности, I, 239–241; Евсевий, Приготовление к Евангелию, IX, 20, 2–4).

В Палестине работу «О царях в Иудее» написал по-гречески Эвполем (возможно, ок. 158/7 г. до н.э.). В своем труде этот автор использует не только греческий перевод Библии — Септуагинту, но и еврейский оригинал. К выдержкам из Эвполема примыкают два греческих фрагмента об Аврааме так называемого Псевдо-Эвполема (до I в. до н.э.; см.: Евсевий, Приготовление к Евангелию, IX, 17, 2–9; 18, 2).

Еврейский эллинистический философ Филон Александрийский (ок. 30 г. до н.э. — ок. 40 г. н.э.) написал два исторических трактата (вероятно, являвшихся частями не дошедшего до нас большого исторического труда в пяти книгах), в которых стремился продемонстрировать, что еврейский народ находится под защитой Божественного Провидения. Трактат «Против Флакка» посвящен описанию гонений на александрийских иудеев, предпринятых

в период правления в Египте префекта Авла Авилия Флакка и проводившегося при его непосредственном участии, а также — последовавшему воздаянию Флакку (37–38/39 гг.). В сочинении «О посольстве к Гаю» Филон также рассказывает об александрийском погроме при Флакке, подробно останавливаясь на осквернении синагог, о попытке римского императора Гая Калигулы осквернить Иерусалимский Храм, о посольстве евреев к императору, в котором принимал участие сам философ; в трактате уделено место и характеристике Гая. В конечном счете, рассказывает Филон, события завершились благополучно для иудеев, в чем разум подсказывает видеть деятельность Божественного Провидения.

Современник Филона Николай Дамасский, секретарь иудейского царя Ирода (37–4 гг. до н.э.), не был евреем, но оказал значительное влияние на еврейскую историографию, прежде всего, потому, что в своей всемирной истории (до нас не дошла) дал подробное описание правления Ирода. Значительные фрагменты этого описания (вероятно, в почти неизменном виде) дошли до нас в исторических сочинениях иудейского историка Иосифа Флавия.

Политический противник последнего, Юст Тивериадский — секретарь царя Агриппы II (правителя части Галилеи с середины I в. н.э. по 70 г. н.э.), друга римского императора Калигулы, — написал по-гречески историю иудейского восстания против Рима 66–70 гг., или же, по крайней мере, описал его ранний этап, где, в частности, язвительно отзывался о двусмысленной военной деятельности Иосифа Флавия в Галилее. Этот труд утрачен, но он использовался Иосифом, защищавшимся от нападок Юста. Последний написал также не дошедшее до нас сочинение об иудейских царях.

Иудейский историк Иосиф Флавий (Йосеф бен-Маттатйа; 37/38 — после 100 г. н.э.) является одним из крупнейших историков древности (см., в частности, посвященную ему монографию Т. Раджак [Раджак, 1993]). Он происходил из священнического рода, был близок к религиозному течению фарисеев. Активный участник антиримского восстания, он, будучи пленен, перешел на сторону врагов Иудеи, за что был презираем многими соплеменниками. Иосиф использовал и цитировал многие ценные источники и документы, часто *in extenso*, хотя его парадоксальный еврейский патриотизм (не распространявшийся, впрочем, на тех евреев, кто стоял в оппозиции Риму) подчас заставлял его моди-

фицировать используемые тексты. Для трудов Иосифа характерно сочетание проримской позиции в изображении Иудейской войны с апологией еврейства. Его «Иудейская война» (ок. 75–79 гг.), первоначально написанная на арамейском (или еврейском) языке (до нас же дошло только греческое переложение), не только содержит изложение истории самой войны, но и дает подробное описание политических и иных событий, способствовавших ее возникновению. Книга содержит много ценных сведений по истории возникновения и развития иудейских религиозно-политических течений (фарисеи, саддукеи, ессеи и др.), их идеологии. Подобно греческим историкам, Иосиф вкладывает в уста исторических персонажей речи, которые они в действительности не произносили, но которые, тем не менее, служат их яркой характеристикой. Написанные по-гречески «Иудейские древности» (ок. 95 г.) Иосифа представляют собой историю еврейского народа от начала его существования до периода, непосредственно предшествующего восстанию против римлян. В первой части этого труда, основанного на библейском повествовании, дополненном легендами и аллегорическим морализированием, предпринимается попытка реинтерпретировать древние традиционные источники в соответствии со стандартами современной ему историографии. Исторический труд Иосифа вступает в новую фазу с переходом к описанию им возникновения и функционирования Хасмонейского государства, римского завоевания Иудеи, правления Ирода и его преемников, деятельности римских префектов и прокураторов вплоть до начала Иудейской войны в 66 г. Незадолго до смерти Иосиф Флавий написал также «Автобиографию», в которой пытался, главным образом, оправдать свое предательское поведение в ходе Иудейской войны, а также апологетическое сочинение «Против Апиона: о древности еврейского народа», направленное на защиту иудаизма и евреев от антисемитски настроенных александрийских авторов, в частности, Апиона (первая половина I в.), написавшего книги «Против иудеев» и «История Египта», в которых третировал евреев и искажал их прошлое. Иосиф был первым иудеем, обратившимся к нееврейскому читателю с повествованием об истории еврейства не только как религии, но и как национально-политического организма.

Отдельные факты по истории древнего Израиля и Иудеи, — как правило, крайне искаженные, — содержатся в сочинениях многих

греческих и римских авторов, начиная с Гекатея Абдерского (ок. 300 г. до н.э.). Особый интерес у античных авторов вызывали религиозные установления евреев и события, связанные с Исходом из Египта и фигурой Моисея. Если Гекатей в своей «Истории Египта» пишет об этом с явно юдофильских позиций, то, начиная с Манефона, коррелировавшего евреев с гиксосами, эти события трактуются уже с явно антиеврейских позиций; такой подход мы встречаем у Диодора, Апиона, Херемона, Плутарха и др. Самые ранние из известных нам нееврейских авторов, в трудах которых говорится о древнеизраильских царях — это греческие писатели II в. до н.э. Менандр Эфесский и Дий, упоминающие Соломона (их тексты приводятся в: Иосиф Флавий, Против Апиона, I, 112–120, 126; Иудейские древности, VIII, 144–149).

Соответствующие фрагменты из античных авторов, их переводы и комментарии к ним можно найти в издании [Stern, 1980–1984] (см. в библиографии выходные данные русского перевода).

Рукописи Мертвого моря. В 1947–1956 гг. в одиннадцати пещерах, расположенных в районе пустынной местности Вади-Кумран и развалин поселения Хирбет-Кумран (близ северо-западного побережья Мертвого моря), были обнаружены фрагменты около 800 рукописей на еврейском (около 90 %), арамейском и греческом языках. Рукописи были написаны на коже, папирусе, меди и, по всей вероятности, составляли библиотеку проживавшей здесь во II в. до н.э. — I в. н.э. иудаистской (ессейской) религиозной общины*. Манускрипты Кумрана проливают, в частности, новый свет на происхождение и историю иудейских религиозно-политических течений эпохи эллинизма и позволяют лучше понять генезис ряда основополагающих доктрин первоначального христианства. Кумранские сочинения («Устав Кумранской общины», «Благодарственные гимны», «Свиток войны сынов Света против сынов Тьмы», «Комментарий на Книгу пророка Аввакума» и др.) и иудаистские апокрифы и псевдэпиграфы, прежде всего, ессейско-кумранского толка (кн. Еноха, Юбилеев, Завешания 12 патриархов и др.), показывают, что в эпоху эллинизма в сектантском иудаизме получает распространение концепция предестинации. Так, по

* По кумрановедческой проблематике существует достаточное количество литературы на русском языке (см., например: [Амусин, 1971; 1983; Лившиц, 1959; Старкова, 1973; Тантлевский, 1994; 2000б; 2007б; Тексты Кумрана, 1996]).

представлениям кумранитов, первоначально идея, план будущего мироздания возникают в Разуме, Мысли Бога. Более того, можно сказать, что вся мировая история, еще не начавшись, *уже состоялась* в идеальной форме в Мысли Бога. Жизнь каждого человека, праведника и нечестивца, — включая не только его поступки, но и мысли, побуждения, чувства и даже отдельные слова, — оказывается *реализованной* идеально в Божественном Разуме еще до творения его души и тела; так что человек выступает как бы двуединой сущностью, самостью, существует как бы в двух ипостасях — супердуховной (как дотварная идея Бога) и духовно-материальной (как тварь мироздания).

Особую группу рукописей Мертвого моря составляют комментарии (пешарим) на библейские пророческие тексты и Псалмы. Члены Кумранской общины полагали, что пророческие тексты Священного Писания предвещают в иносказательной форме исторические события периода жизнедеятельности их сообщества и, прежде всего, факты, непосредственно связанные с судьбой конгрегации, и что, следовательно, «адекватное» истолкование соответствующих библейских текстов и их «актуализация» применительно к современности позволяют правильно истолковывать текущие события, а также предвидеть будущее: пророчества непременно осуществляются — ведь все предвещаемое *уже исполнилось* в Божественном Замысле. В отличие от автора Первой Маккавейской книги, выступающего с проримских позиций, составитель «Комментария на Аввакума» (вероятно, первая четверть I в. до н.э.) — убежденный антиимпериалист, резко осуждающий экспансию римлян и выстраиваемый ими мировой порядок.

В арамейском тексте из Кумрана, условно называемом «Молитвой Набонида» (*4Q OrNab*), говорится о семилетнем пребывании в Тейме (оазис в северо-западной части Центральной Аравии) последнего вавилонского царя Набонида (556–539), который «был поражен злой проказой по велению Бо[га небе]с». Грех вавилонского царя отпустил иудей, «ясновидец»; Набонид воздал «почести и вели[кое прославление] Имени Бо[га небес]». Зафиксированную в данном тексте традицию исследователи соотносят с четвертой главой Книги Даниила, где говорится о том, что этот иудейский пророк предрек вавилонскому царю Навуходоносор (605–562) отлучение от людей по болезни на «семь времен» по определению

Всевышнего, а также его последующее исцеление; поправившись, правитель прославил Царя небес.

Документы, обнаруженные в других пещерах близ западного побережья Мертвого моря — Вади-Мураббаат, пещера Писем (Нахал-Хевер), пещера Бассейна, пещера Клада, пещера Ужасов — проливают новый свет на хозяйственную жизнь и социально-экономические отношения в Иудее в период между Иудейской войной и антиримским восстанием иудеев под руководством Бар-Кохбы (132–135 гг. н.э.). Здесь же обнаружены многочисленные документы, относящиеся к самому восстанию Бар-Кохбы, включая письма последнего. Основным источником по истории этого восстания является пересказ римского историка Диона Кассия (ок. 160–235; писал по-гречески), сделанный византийским монахом Ксифилином (XI в.). Отдельные разрозненные и тенденциозные сведения сохранились также у церковных авторов, начиная с IV в. (Евсевий Кесарийский, Иероним, Епифаний Саламинский и др.). Талмудическая традиция содержит во многом фольклорный и легендарный материал.

Официальное научное издание рукописей Мертвого моря осуществлено в специальной серии «Открытия в Иудейской пустыне» («Discoveries in the Judaean Desert», Oxford University Press, 1955–2002, т. 1–39). Рукописи изданы на микрофишах (The Dead Sea Scrolls on Microfiche / Ed. by E. Tov, 1993/1995) и в электронном виде (The Dead Sea Scrolls Electronic Library. Rev. ed. by E. Tov. Leiden; Boston, 2006). Основные кумранские тексты с английским переводом можно найти также в издании [García Martínez, Tigchelaar, 1997–1998]. Опубликована двухтомная «Энциклопедия рукописей Мертвого моря» («Encyclopaedia of the Dead Sea Scrolls», Oxford University Press, 2000).

§ 3. Историография истории Израиля и Иудеи в период поздней античности, средние века и в XVI–XVII вв.

В течение нескольких столетий после подавления римлянами восстания иудеев под руководством Бар-Кохбы (135 г. н.э.) еврейская историография пребывала в состоянии застоя. В Талмуде и Мидраше отсутствует связное повествование об исторических событиях (даже название «Иудея» не упоминается). Там сохранились лишь намеки, связанные с правлением Хасмонеев (исследованы, в

частности, Г. Аллоном), разрушением римлянами Иерусалимского Храма в 70 г. н.э., римским владычеством в Иудее, отдельные сведения по истории иудейских религиозных течений эпохи эллинизма и раннеримского периода, социально-экономической ситуации в стране и т.д. Своего рода исторический календарь представляет собой «Мегиллат Таанит» («Свиток Поста»), сочинение, составленное на арамейском языке, вероятно, незадолго до разрушения Второго Храма, — во всяком случае, не позднее восстания Бар-Кохбы. В сочинении «Седер 'олам рабба» («Большой Седер 'олам („порядок мира“)»), приписываемом таннаю (законоучителю Мишны) Йосе бен-Халафте (ок. 150 г. н.э.), предпринимается попытка установить хронологические рамки библейской истории от сотворения мира до восстания Бар-Кохбы. Книга написана на иврите и содержит мидрашистские интерпретации библейских текстов, использующихся для хронологических подсчетов. Автор сочинения, вероятно, опирался на древние традиции, которые послужили также источником для хронологических выкладок еврейского хронографа Деметрия (см. выше). Возобновление деятельности еврейских хронистов в Италии (начиная с VIII в.) привело к попытке переложить на иврите исторические сочинения Иосифа Флавия в хронике, приписываемой Йосефу бен-Гориону хак-Кохену: ок. 953 г. в Южной Италии появляется Книга Иосиппон (евр.-греч. форма имени Йосеф). Основными источниками книги были: латинская рукопись, включавшая перевод с греческого 16 из 20 книг «Иудейских древностей» и латинский пересказ «Иудейской войны» (так называемый Гегесипп (вторая половина IV в.); из оригинальной версии «Иудейской войны» автору были известны лишь отдельные факты), латинская версия 1–2 Маккавейских книг, а также различные средневековые хроники, служившие составителю источником информации о языческих народах. Это произведение явилось основным источником для евреев в средние века (включая крупнейших ученых) по истории последнего периода Второго Храма.

В историко-апологетическом труде еврейско-испанского ученого Авраама ибн-Дауда «Сефер («Книга»; в некоторых рукописях «Седер», «Порядок») хак-каббала» (1160–1161), направленном против секты караимов, затрагиваются отдельные аспекты древней истории евреев, прежде всего, связанные с передачей (*каббала*; евр. «принятие», «получение») Торы из поколения в поколение,

начиная с Моисея. Первые два трактата, входящих в «Сефер хай-йухасин» («Книгу родословий») Авраама Закуто (труд завершён в Тунисе в 1504 г.), охватывают эпоху Второго Храма, Мишны и Талмуда. Обращение к истории Второго Храма, использование многочисленных нееврейских источников, критический подход к религиозным проблемам, затрагиваемым в раввинистических сочинениях, характеризуют книгу Азарии деи Росси «Меор эйнаим» («Светоч глаз»; Мантуя, 1573). В этом произведении затрагиваются вопросы древнееврейского летоисчисления; автор показал, что персидский период владычества в Палестине был намного длиннее, чем это отражено в Талмуде. Внимание деи Росси привлекала и еврейско-эллинистическая литература, забытая евреями приблизительно с начала н.э., в частности, творчество Филона Александрийского. В книге дан перевод на иврит «Послания Аристея» (см. выше).

Труд Давида Ганса «Цемах Давид» («Отпрыск Давида»; Прага, 1592), написанный под влиянием центральноевропейской историографии, представляет собой хронологическое описание событий всеобщей (1-я часть) и еврейской (2-я часть) истории с отдельными повествовательными вставками, более подробно освещающими те или иные события. Первая часть сочинения Ганса во многом суммирует данные исторических сочинений ибн-Дауда и Закуто.

Определенный вклад в исследование библейской историографии и истории внесли христианские теологи, философы и ученые XVI–XVII вв. Среди них один из вождей Реформации в Германии Андреас Карлштадт («*De canonicis scripturis libellus D. Andreae Bodenstein Carolstadii Sacrae Theologiae Doctoris et Archidiaconi Wittenbergensis*», 1520), нидерландский католический богослов и историк XVI в. Андреас Мазийс («*Josuae imperatoris historia illustrata atque explicata*», 1547), испанский иезуит Бенито Перейра («*Benedicti Pereira e Societate Jesu, tomus I–IV commentariorum et disputationum in Genesim*», 1594–1600), французский иезуит Жак Бонффер («*Pentateuchus Mosis commentario illustratus*», 1631), английский философ Томас Гоббс («*Leviathan or the Matter, Form and Authority of Government*», 1651), французский кальвинист Исаак де ля Пейпер («*Praeadamitae sive exercitatio super versibus duodecimo, decimotertio et decimoquarto capituli quinti epistolae D. Pauli ad Romanos. Quibus inducuntur Primi homines ante Adamum conditi*», 1655), французский кальвинистский богослов Жан Ле Клерк («*Sentiments de quel-*

ques théologiens de Hollande sur l'histoire critique du Vieux Testament, composée par Richard Simon de l'Oratoire», 1685] и др.

Особое значение для развития исторической критики Библии, библейской герменевтики и историографии имеет труд еврейско-голландского философа Бенедикта (Баруха) Спинозы, опубликованный анонимно в 1670 г. в Амстердаме (в целях конспирации местом издания был указан Гамбург) под мудрым названием «Богословско-политический трактат, содержащий несколько рассуждений, показывающих, что свобода философствования не только может быть допущена без вреда благочестию и спокойствию государства, но что она может быть отменена не иначе, как вместе со спокойствием государства и самим благочестием» («Tractatus Theologico-Politicus...» [Spinoza, 1670]). Значительная часть трактата посвящена рассмотрению вопросов, связанных с религиозно-политическим устройством государства вообще, и анализу особенностей государства древних евреев в частности. В качестве методологической основы Спиноза выдвигает принцип, согласно которому «мы должны утверждать только то, что очевидно из самого Писания или что выводится путем законных заключений только из его оснований, а не из того, что кажется согласным с разумом». «Общее правило толкования Писания таково: не приписывать Писанию в качестве его учения ничего, чего мы не усмотрели бы самым ясным образом из его истории». Следует учитывать «природу и свойства языка, на котором книги Писания были написаны и на котором их авторы обыкновенно говорили. Ведь таким образом мы будем в состоянии найти все значения, которые каждая речь может допускать на основании обычного способа выражения. А так как все писатели как Ветхого, так и Нового Завета были евреи, то несомненно, что история еврейского языка прежде всего необходима для понимания книг не только Ветхого Завета, но и Нового...» Следует учитывать обстоятельства возникновения библейских книг, а в тех случаях, где это возможно, иметь в виду также обстоятельства «жизни, характер и занятия автора... книги; кто именно он был, по какому случаю, в какое время, кому и, наконец, на каком языке он написал; потом судьбу каждой книги, именно: как она первоначально была принята и в чьи руки попала, потом сколько разночтений ее было и по чьему решению она была принята в число священных; и, наконец, каким образом все книги, которые теперь всеми признаются за священные

соединились в одно целое. Все это... должна содержать история Писания». В результате своих исследований Спиноза пришел, в частности, к заключению, что Пятикнижие, а также Книги Иисуса Навина, Судей, Руфи, Самуила и Царей были составлены книжником Эзрой в середине V в. до н.э.

Французский католический теолог и ученый, член ордена ораторианцев Ришар Симон опубликовал в Париже в 1678 г. сочинение «Историческая критика Ветхого Завета» («*Histoire critique du Vieux Testament*»). Следуя установкам социниан (возникшего в Швейцарии в XVI в. движения протестантов-антитринитариев, связанного с именами Лелио и Фауста Социнов) и Спинозы, Симон делает акцент на рациональной интерпретации библейских текстов и считает, что для адекватного понимания и истолкования библейских сочинений следует прежде всего установить время, место и обстоятельства их возникновения. В результате своих изысканий Симон пришел к заключению, что Моисею принадлежат лишь законодательные тексты Пятикнижия; исторические же повествования написаны *анналистами* (здесь сказывается влияние идей Мазеуса и Перейры). Несогласованности, повторы и т.п., встречающиеся в Пятикнижии, являются, по мнению Симона, следствием того, что анналисты составляли свои летописи в разное время и независимо друг от друга, а при объединении и кодификации всех анналов не ставилась задача их упорядочения и согласования. Особо следует отметить, что французский исследователь придавал большое значение *устной традиции* в процессе создания книг Еврейской Библии. Почти все 1,3 тыс. экземпляров книги Симона были уничтожены клерикалами-обскурантами. Лишь в 1776 г., когда сочинение Симона было переведено на немецкий язык, с его соображениями смог познакомиться широкий круг библеистов.

§ 4. Изучение истории евреев в XVIII–XIX вв.

Первым систематическим трудом по истории евреев, включая древнюю историю, явилось семитомное сочинение гугенота Ж. Банажа «История и религия евреев от эпохи Иисуса Христа до настоящего времени» [Basnage, 1707], написанное и опубликованное им во время пребывания в изгнании в Голландии в 1706–1711 гг. В работе Ж. Банажа, который принадлежал к историографической

школе, искавшей в истории точного осуществления библейских пророчеств, еврейская история рассматривается в контексте всеобщей. Этот историк с большим сочувствием описывает судьбу еврейского народа и его упорство в отстаивании своей веры. Сочинение Банажа призвано было дополнить и продолжить исторические произведения Иосифа Флавия. Неадекватное владение ивритом вынуждало историка пользоваться латинскими переводами еврейских источников и авторов. Еще одной работой этого автора были «Иудейские древности» [Basnage, 1713]. В 1796 г. еврейско-австрийский представитель радикального крыла Хаскалы (еврейского Просвещения) П. Беер опубликовал на иврите «Историю Израиля» («Толедот Йисраэл»), включавшую материалы по библейской истории. (Это произведение в оригинале и переводах (включая русский) получило широкое распространение в еврейских школах в XIX — начале XX вв.) Первым еврейским автором, опубликовавшим систематическую историю евреев с древнейших времен, был проживавший в Англии М. Майерс [Mayers, 1824].

Ярким выразителем просветительских тенденций в области еврейской историографии был И.М. Иост, лидер немецкого реформистского иудаизма на раннем этапе его развития. В ряде отношений именно он заложил основы интенсивного развития *научной иудаики* (Wissenschaft des Judentums) в Германии в XIX в. В то же время его девятитомный труд «История евреев от времен Маккавеев до наших дней» [Jost, 1820—1829] отличается холодным рационализмом, характерным для историографических представлений эпохи Просвещения, и критическим отношением к еврейской традиции. Уделяя особое внимание духовным процессам и религиозным течениям в еврействе, Иост написал также трехтомное сочинение «История иудаизма и его сект» [Jost, 1857—1859], отличающееся богатым фактическим материалом.

Большое значение для изучения истории древнего Израиля и Иудеи в XIX в. имел фундаментальный труд Г. Греца «История евреев с древнейших веков до настоящего времени» [Graetz, 1853—1875, 1888]. Для сочинения Греца характерны глубокое знание исторических источников и тонкий критико-филологический анализ. Он рассматривает еврейский народ как живой организм, продолжающий непрерывное национальное существование со времен патриархов. Мировоззрению Греца присущ рационализм, сближающий его со взглядами крупного еврейского просветителя

М. Мендельсона и в определенной мере продолжающий рационалистическую тенденцию средневековой еврейской философии.

Значительный след в историографии истории древнего Израиля и Иудеи сыграли труды французского историка и семитолога Э. Ренана «История происхождения христианства» («*Histoire des Origines du Christianisme*» [Renan, 1863–1881]; в русском переводе: «История первых веков христианства» [Ренан, 1864–1907]) и «История израильского народа» ([Renan, 1887–1893]; русская версия [Ренан, 1908–1912]). Концепция Ренана базируется на признании древнего Израиля наряду с древней Грецией главными формирующими началами европейской цивилизации. Основная заслуга еврейства, по Ренану, — это мессианская идея спасения, идеалы социальной справедливости и прогресса, создание этической религии и базирующихся на ней норм морали. Только еврейство было способно породить идею единого Бога, а тем самым понятие универсального чистого духа, вне которого никогда не возникла бы европейская культура.

Среди авторов, внесших заметный вклад в изучение библейской историографии и отдельных аспектов библейской истории во второй половине XVIII–XIX в., отметим также французского врача (лейб-медика Людовика XV) и библеиста Жана Астрюка, с именем которого обычно связывают возникновение «документальной гипотезы», о которой речь уже шла выше ([Astruc, 1753]; рус. пер. см. в: [Крывелев, 1964]), английского католического богослова А. Геддеса [Geddes, 1797], немецких библеистов и историков Й.Д. Михаэлиса [Michaelis, 1787], Й.С. Землера [Semler, 1771–1775], Й.Г. Эйхгорна [Eichhorn, 1790–1793], К.Д. Ильгена [Ilgen, 1798], Й.С. Фатера [Vater, 1802–1805], Г.Г. Эвальда [Ewald, 1852], Г. Гупфельда [Hupfeld, 1853], В. Фатке [Vatke, 1835a; 1835b; 1886], Э.В. Рейсса [Reuss, 1881] (к своим основным идеям Рейсс пришел еще в 1833/34 гг., однако тогда не решился их опубликовать), К.Г. Графа [Graf, 1866], Р. Киттеля [Kittel, 1888] (рус. пер. [Киттель, 1917]), Ю. Велльхаузена [Wellhausen, 1878] (рус. пер. [Велльгаузен, 1909]); [Wellhausen, 1894b]. В 1895–1940 гг. на иврите выходит четырнадцатитомная «История Израиля» З.В. Явица, выдержанная в духе национально-религиозной традиции, хотя и не лишенная некоторых элементов критического подхода. Особо отметим работы В.М.Л. де Ветте [Wette de, 1805; 1806–1807; 1817], усматривавшего непосредственную связь между содержанием

Книги Второзакония и религиозной реформой 621 г. до н.э. иудейского царя Йошияху. По мнению известного библеиста и семитолога О. Эйссфельдта, значение концепции В. де Ветте для библеистики может быть приравнено к той точке опоры, при помощи которой Архимед считал возможным повернуть землю. О развитии библейской историографии и, в частности, «документальной гипотезы» со времен Ю. Велльхаузена мы уже говорили в первом разделе нашего очерка.

§ 5. Историография истории древнего Израиля и Иудеи в XX в.

В первой четверти XX в. появляется ряд фундаментальных трудов, в которых значительное внимание уделяется историко-религиозному фону происхождения христианства. Среди работ христианских ученых назовем, прежде всего, трехтомные сочинения немецких историков Э. Шюрера «История еврейского народа в эпоху Иисуса Христа» [Schürer, 1898–1901] и Эд. Мейера «Происхождение и начальная история христианства» [Meyer, 1921–1923]. Труд Э. Шюрера в сильно переработанном виде (с учетом данных рукописей Мертвого моря, новых археологических открытий и т.д.) был в 1970–1980-х гг. переиздан на английском языке [Schürer, 1973–1987]. С другой стороны, еврейский ученый И.Г. Клаузнер опубликовывал на иврите книги «Иисус из Назарета, его время, жизнь и учение» (1922) и «От Иисуса до Павла» (1939). Перу Клаузнера принадлежат также написанные на иврите «История Израиля» («Хистория йисреэлит», 1909), в которой рассматриваются события от завоевания Ханаана до времени Хасмонеев, и «История Второго Храма» («ха-Хистория шел ха-Баит ха-Шени», 5 т., 1949). В приложении к третьему изданию последнего труда (1952) Клаузнер на основе анализа рукописей Мертвого моря первым выдвинул предположение об их зелотском* происхождении; эта гипотеза нашла сторонников в лице С. Рота и Г. Драйвера. По мнению Клаузнера, именно в эпоху Второго Храма сформировалась национальная идея, господствовавшая в жизни еврейского

* Зелоты, свр. канаим, «ревнители» — религиозная партия, инициировавшая восстание 66–70 гг. н.э. против Рима; близкой к ним по идеологии группой были сикарии («кинжальщики»; от лат. *sica* — короткий кривой кинжал).

народа на протяжении многих веков. Он полемизирует с некоторыми христианскими историками, с его точки зрения, искажившими облик эпохи Второго Храма во имя апологетики христианства. Израильский историк считал, что еврейская мессианская идея никогда не приобретала чисто духовного религиозно-этического характера, но всегда сохраняла политическую основу и связь со Страной Израиля. Аналогичный подход к истории Второго Храма во многом характерен для работы С. Цейтлина «Возникновение и падение Иудейского государства в эпоху Второго Храма» [Zeitlin, 1962–1978]. Вопреки широко распространенному мнению, Цейтлин пытается выявить элементы сектантского иудаизма уже в эпоху персидского владычества в Иудее. В своей работе Цейтлин тщательно анализирует не только источники эпохи Второго Храма, но и талмудическое законодательство. Большое внимание он уделяет вопросам хронологии. Высокую значимость для изучения истории Иудеи в эпоху эллинизма и раннеримский период, особенно событий, связанных с восстанием Маккавеев, имеют работы Э. Бикермана ([Bickerman, 1937; 1938], рус. пер. с дополнениями автора [Бикерман, 1985]; [Bickerman, 1962; 1976–1986; 1988]). Этот автор выдвинул, в частности, парадоксальный тезис, согласно которому инициатором антиеврейского указа Антиоха IV Епифана, послужившего началом страшных гонений на евреев в 167–164 гг. до н.э., был тогдашний иудейский первосвященник-эллинизатор Менелай (172–162) и его сторонники, стремившиеся «модернизировать» иудаизм и преодолеть его «сепаратизм». Вообще Бикерман считал, что эллинизм оказал глубокое воздействие на еврейское общество (ср., например: [Бикерман, 2000]). (Ту же идею развивал в своем большом сочинении «Еврейство и эллинизм» М. Хенгель [Hengel, 1969].) Отметим также важный хронологический труд Э. Бикермана «Хронология древнего мира» [Bickerman, 1968]; рус. пер. [Бикерман, 1975], включающий таблицы годов правлений царей Израиля и Иудеи и владык сопредельных стран. (Здесь же отметим, что хронологические расчеты, связанные с историей Иудеи, позволяют делать таблицы, содержащиеся в книге Р. Паркера и У. Дьюберстейна [Parker, Duberstein, 1956].)

Написанная на русском языке «Всемирная история еврейского народа» С. Дубнова (полное издание в подлиннике на русском языке [Дубнов, 1924–1938]; впервые опубликовано в немецком переводе в Берлине в 1925–1929 гг.; 10 т.) открыла новую страницу

в еврейской историографии, внося социологический подход в интерпретацию истории. Дубнов рассматривает еврейскую историю с точки зрения перехода гегемонии в ней от одного «центра» к другому и полемизирует с широко распространенным в его время хронологическим разделением истории еврейского народа на периоды, основанные на литературных критериях. К социологической школе относится и С.У. Барон, написавший «Социальную и религиозную историю евреев» [Baron, 1952–1970; 1-е изд. — 1937, 3 т., Baron, 1937], в котором уделяется особое внимание глубокой взаимосвязи жизни и культуры евреев и окружающего их мира. Барон акцентирует внимание на социальных процессах в функционировании еврейского сообщества, а не на достижениях отдельных личностей.

В. Чериковер заложил основы систематического исследования папирусов эллинистического периода, относящихся к евреям. Собрание этих папирусов («Corpus Papyrorum Judaicarum»), снабженное комментариями, издано им в трех томах при участии А. Фукса и М. Штерна [Tcherikover, Fuks, Stern, 1957–1964]; ок. 600 документов, относящихся к жизни египетского еврейства в эллинистический, римский и византийский периоды, воспроизведены по-гречески с английским переводом и комментариями. Предисловие к изданию представляет собой ценное историографическое исследование, посвященное еврейской египетской диаспоре. основополагающий характер носят труды Чериковера, посвященные отношениям между еврейской и эллинистической культурами [Tcherikover, 1937; 1959]. В отличие от Э. Бикермана и М. Хенгеля В. Чериковер рассматривал влияние эллинизма на иудеев как во многом поверхностное и не имевшее принципиальной значимости (так же Ф. Миллар, С. Сэндмел и др.).

В 1964 г. началось издание монументальной многотомной «Всемирной истории еврейского народа» («The World History of the Jewish People»; также на иврите), первые восемь томов (1964–1979) которой, посвященные древнейшей эпохе, эпохе патриархов и судей, единому Израильскому царству и отдельным царствам Иудеи и Израиля, персидской эпохе, эллинистическому и римскому периодам, а также раннему средневековью были написаны коллективами историков и публиковались под ред. Е.А. Спейзера, Б. Нетаньяху, Б. Мазара, А. Маламата, С. Рота, А. Шалита, Ц. Бараса и др. [Mazar et al., 1964–1984]. В 1969–

1970 гг. на иврите была издана трехтомная «История еврейского народа» под общей редакцией Х. Бен-Сассона. (Сокращенный русский вариант — «Очерк истории еврейского народа» — вышел под редакцией Ш. Эттингера; последнее издание: М.; Иерусалим, 2001, см. также англ. вариант [Ben-Sasson, 1976].) С 1996 г. начат выпуск многотомной «Библейской энциклопедии» («Biblische Enzyklopädie») под общей редакцией В. Дитриха и В. Штегемана; каждый том энциклопедии представляет собой монографическое исследование по истории древних евреев в определенный период (как правило, в течение одного-двух веков). Важнейшие сведения по проблемам истории, религии и культуры древнего Израиля и Иудеи, библейской историографии, а также соответствующую библиографию можно найти в концентрированном виде в фундаментальной «Encyclopaedia Judaica» (в 16 т., 1972; обновление: Year Books, Decennial volumes; электронная версия; сокр. изд. на рус. яз.: «Краткая еврейская энциклопедия») и энциклопедическом словаре «Anchor Bible Dictionary» (editor-in-chief D.N. Freedman, 1992; электронная версия издания была выпущена в 1997 г.).

§ 6. Некоторые основные направления современных исследований по истории древнего Израиля и Иудеи

Проблема этногенеза. Господствующей ныне концепцией происхождения протоевреев является *аморейско-сутийская гипотеза*, виднейшим отечественным адептом которой является И.М. Дьяконов. В Сирии и Ханаане переход от первой фазы средне-бронзового века (заканчивается ок. 1900 гг. до н.э.) ко второй его фазе, подпериоду А (ок. 1900 — ок. 1750 гг. до н.э.) характеризуется значительными изменениями в материальной культуре и активным развитием городской цивилизации (так называемый период реурбанизации). Большинство исследователей связывают эти процессы с интенсивной иммиграцией групп амореев-сутиев. «Амореи» — термин условный. Слово «amurru» (букв. «западные»; шумерское MAR.TU) используется только в специфических контекстах, а обычным наименованием (и *самообозначением*) для западносемитских пастушеских племен в Месопотамии служило слово suṭī'u, которое, очевидно, является передачей аморейского šaṭī'u, означающего «потомков (некоего) Шуту (Суту)». С аморейским Шуту (это имя должно было в аккадской передаче *писаться*

«Суту») тождествен библейский Шет (𐤑𐤕; синод. Сиф), третий сын Адама и Евы (Быт. 4:25, 5:3). В рамках аморейско-сутийской гипотезы, скорее всего, и следует рассматривать странствование Авраама, в частности, его переселение из северомесопотамского Харрана в Ханаан и, следовательно, идентифицировать патриархов как амореев-сутиев. Эпоху же патриархов, описанную в Книге Бытия 11:27–50:26, вероятно, можно соотнести с археологическим периодом среднебронзового века второй фазы, подпериод В (ок. 1750 — ок. 1630 гг. до н.э.). В Двуречье это был старовавилонский период, когда правила аморейская династия царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) и его преемников; в Сирии была эпоха *Мари* — период расцвета этого управляемого амореями верхне-месопотамского города-государства, при раскопках которого обнаружен большой клинописный архив (документы датируются XVIII в. до н.э.). Тексты из Мари рисуют *диморфическую* социальную структуру амореев — сосуществование обитателей городов и племенных групп (включая как скотоводов-кочевников и полукочевников, так и жителей деревень). Эта картина хорошо согласуется с общественной ситуацией, описанной в Книге Бытия: патриархи кочуют и живут в шатрах по соседству с городскими центрами. Подобного рода социальные структуры сохранялись, вероятно, и в более поздние времена; однако до нас не дошли *документальные* данные, подобные архиву из Мари, которые бы эксплицитно свидетельствовали об этом для более поздних периодов. (Среди наиболее видных критиков «аморейской гипотезы» можно назвать М. Ливерани, Т.Л. Томпсона, Дж. Ван Сетерса, С. Ричарда.)

Авраам первым из библейских героев обозначен термином *‘иври* (עִבְרִי; к нему восходит русское «еврей»). Некоторые исследователи — несколько десятилетий назад их было довольно много — соотносят *‘иврим* (мн. ч. от *‘иври*) с *хапиру* (ḥapirū/ḥabirū) аккадских текстов и *апиру* (‘apirū) древнеегипетских, а также *шасу*. В египетских текстах, содержание которых имеет отношение к Южной и Центральной Палестине, часто упоминаются пребывающие здесь *шасу* (šasū) и *апиру* в эпоху поздней бронзы (ок. 1550/1500 — ок. 1200 гг. до н.э.). Оба термина употребляются не как этнонимы, а как обозначения социальных групп. *Шасу* ведут кочевнический («бедуинский») образ жизни: живут в шатрах, владеют скотом и практикуют сезонные перемещения на новые пастбища (transhumance). В отличие от *шасу*, *апиру* не являются

номадами; в основном, они фигурируют в египетских текстах как наемники. Египетское *ʿarīḡū* восходит к аккадскому термину *ḫarīrū/ḫabirū*, произведенному от глагола *ḫabāru*, «насиловать, вынужденно покинуть дом», «быть изгнанным». Хапиру — это лица, стоящие за пределами социальной организации, «изгои, парии, странники, бродяги, беженцы». Самое раннее из дошедших до нас упоминаний о *хапиру* (*шумер. SA.GAZ*), встречается в тексте от эпохи III династии Ура (ок. 2050 г. до н.э.). В течение последующих 700—800 лет *хапиру* (*аниру*) упоминаются в ассирийских, вавилонских, египетских, угаритских, хеттских текстах. В письмах из Телль-эль-Амарны (обнаруженная в 1887 г. часть дипломатического архива Аменхотепов III и IV; XIV в. до н.э.) на аккадском языке они иногда обозначаются идеограммой *SA.GAZ.MEŠ*, — что является «шумеризованной» транскрипцией семитского *šaggāšū*, «убийцы, разбойники», — и изображаются как лица, атакующие ханаанские города. Первоначально многие исследователи прямо соотносили их с евреями под водительством Иисуса Навина. Связь между *‘иврим* и *хапиру* представляется крайне проблематичной. Хапиру не были кочевниками, кем несомненно являлись *‘иврим*, и их этнический состав был не только и не столько аморейско-сутийским, сколько ханаанейским, аккадским и, возможно, хурритским и т.п. Далее, *хапиру* изображаются в источниках как воины-наемники, мародеры, торговцы и т.д., функционирующие на территории *всего* древнего Ближнего Востока — что отнюдь не соответствует описанию евреев в Священном Писании. Кроме того, термин *‘иври/‘иврим* (עברי/עבריים), восходящий к глаголу עבר (*‘āḇar*), «переходить (часто, через реку)», имеет в Библии первоначальное значение «перешедшие (через реку Евфрат)» (ср. И. Нав. 24:2—3) и не связан с аккадским *ḫabāru/resp. ḫabirū*.

Исход из Египта. Большинство исследователей, допускающих историчность библейского рассказа об Исходе евреев из Египта, полагают, что он мог произойти в XIII в., скорее всего, при фараоне Рамсесе II (1279—1212 гг. до н.э.) и что, следовательно, Израиль появляется в Ханаане во второй половине — конце XIII в. до н.э. В пользу этого говорит как библейский текст (в частности, упоминающийся в Исх. 1:11, 12:37 и Числ. 33:3, 5 город Рамесес (Раамсес), который строили евреи — вероятно, новая столица Рамсеса II, построенная им в Дельте Нила), так и стела фараона Мернептаха, датированная 1208/1207 г. до н.э. и являющаяся наиболее

ранним из дошедших до нас внебиблейских упоминаний о пребывании Израиля в Земле Обетованной. На стеле «Израиль» выписан с детерминативом для понятия «народ», т.е. он еще *не успел* сформироваться как определенное *территориальное* конфедеративное образование; это предполагает, что израильтяне, вероятно, появились в Ханаане незадолго до написания стелы Мернептаха.

Лишь очень немногие исследователи, основываясь на хронологическом ориентире, содержащимся в тексте 1 Царей [3 Царств] 6:1*, допускают возможность Исхода в XV в. до н.э., при Тутмосе III (1490–1436) или Аменхотепе II (1438–1412), могущественных фараонах, совершавших широкомасштабные походы в Ханаан. Существует точка зрения, согласно которой Исход из Египта имел место в XIV в. до н.э., после религиозной реформы фараона Эхнатона (Аменхотепа IV; 1353–1335). При этом допускается влияние монотеистических тенденций Эхнатона на становление древнеизраильской религии. Упоминаемые же в телль-эль-амарнских документах хапиру, атакующие ханаанские города, коррелируют с израильтянами во главе с Иисусом Навином. Выдвигается и концепция о двух (по крайней мере) Исходах: (1) в XV в. (под водительством Моисея) и XIII в. (под водительством Иисуса Навина); (2) в XIV и XIII вв. Ряд ученых не исключают также возможности того, что не все племена (колена) Израиля переселились в свое время в Египет, но часть их осталась в центральном Ханаане; и что именно этим фактом объясняется связь вышедших из Египта племен с Палестиной.

Поселение в Ханаане. Ряд палестинских городов, — в том числе и те, которые, согласно Книге Иисуса Навина, захватили израильтяне в Земле Обетованной после своего освобождения из египетского рабства и сорокалетнего пребывания в пустыне, — судя по данным археологических раскопок, подверглись разрушению во второй половине XIII — начале XII в. до н.э. Среди этих городов Эглон, Девир, Бет-Эль, Хацор, Мегиддо, Бет-Шеан, Телль-Абу-Хавам, Телль-Зерор, Афек, Гезер, Бет-Шемеш, Тимна, Телль-Сера, Ашдод (Лахиш, вероятно, был разрушен не ранее времени правления Рамсеса II, 1182–1151 гг. до н.э.). Многие исследовате-

* «В четыреста восьмидесятом году по выходу сынов Израиля из страны Египта, в четвертый год царствования Соломона над Израилем (т.е. ок. 966 г. до н.э. — *И.Т.*), в месяц зив, который есть второй месяц, (начал) он строить Дом (т.е. Храм. — *И.Т.*) Господу».

ли (например, Й. Кауфман, У.Ф. Олбрайт, И. Йадин, А. Маламат, А. Мазар) допускают, что, по крайней мере, некоторые из данных ханаанских городов были взяты именно израильтянами (отдельные же города могли быть разрушены египтянами, а также — в ходе нашествия «народов моря»).

Ряд исследователей, вслед за А. Альтом и М. Нотом (см., например: [Alt, 1966: 135—139]), говоря о поселении израильтян в Земле Обетованной, рассматривают этот процесс не как завоевание в течение непродолжительного отрезка времени (как об этом говорит Книга Иисуса Навина), а как *мирную инфильтрацию* кочевых и полукочевых групп, приходящих вместе со своими стадами из Заиорданья, постепенно оседающих в центральных, гористых районах Ханаана и строящих здесь свои деревни. Эти пришельцы обозначаются как Израиль и объединяются по типу греческой *амфикистии* (своего рода священный союз греческих городов или племен, обычно числом двенадцать, объединявшихся вокруг культового центра). YHWH Господь, неханаанейское Божество, становится Богом этой «амфикистии» и почитается в особом культовом центре. С течением времени процесс поселения переходит в военную фазу, когда Израиль, расширяя жизненное пространство, вступает в конфронтацию с местным ханаанейским населением (как об этом рассказывается в Книге Судей).

Еще одна гипотеза относительно появления Израиля в Земле Обетованной — теория *крестьянского восстания* — была выдвинута Дж. Менденхоллом и Н.К. Готтвальдом. Согласно Менденхоллу, новыми поселенцами на центральных возвышенностях Ханаана были не кочевники, а местные ханаанейские крестьяне (а также присоединившиеся к ним скотоводы, люди вне закона, наемники и т.п.) — люди *различные по этническому происхождению*, которые восстали против своих владык в городах-государствах и ханаанейского общества в целом (по аналогии с восстанием *хапиру* в середине XIV в. до н.э. против ханаанейских городов-государств, управляемых вассальными царьками, назначаемыми из Египта). В целях создания новых общественных структур эти крестьяне (и присоединившиеся к ним элементы) уходят в нагорные местности. Ферментом восстания, начавшегося еще в Заиорданье, была, согласно данной гипотезе, группа бежавших из Египта почитателей YHWH Господа. Ханаанейские инсургенты отвергают старые политические идеологии в пользу создания общины Завета

с YHWH. Менденхолл связывает начало социальной революции с появлением новой религии, в то время как Н.К. Готтвальд, находясь под влиянием марксизма, полагает, что новые религиозные представления возникают как функция революции, для поддержки социальных доктрин раннего Израиля [Mendenhall, 1962; Gottwald, 1979].

Существует точка зрения, согласно которой израильтяне ведут свое происхождение от местных ханаанейских племенных общностей и групп неоседлого населения позднего бронзового века, таких, например, как хапиру или шасу, известных из египетских источников (см. выше). В этой связи обращается внимание на определенное сходство между поселенческим процессом в центральной нагорной Палестине в период первой фазы железного века (ок. 1200 — ок. 1000 гг. до н.э.) и во второй фазе среднего бронзового века (заканчивается ок. 1550/1500 г. до н.э.). И. Финкельштейн выдвинул гипотезу, согласно которой оседлое население среднего бронзового века II после того, как оно было вынуждено принять пастушеский или полукочевой образ жизни в эпоху поздней бронзы (ок. 1550/1500 — ок. 1200 гг. до н.э.), воспользовалось сложившимися в эпоху железного века I обстоятельствами и вернулось к оседлой жизни (см., например: [Finkelstein, 1995; 1996; Finkelstein, Silberman, 2001]).

Ряд исследователей, выдвигая гипотезы о возникновении Израиля, предлагают те или иные комбинации вышеперечисленных теорий применительно к отдельным группам внутри израильской общности.

Некоторые проблемы изучения истории ранней монархии и эпохи Первого Храма. 1. Исследователи, известные как *«библейские минималисты»** — отрицая в целом историческую значимость библийских материалов, касающихся времени до воцарения Соломона (период правления которого уже имеет надежные археологические корреляты) — рассматривают, например, царя Давида как мифического лидера, введенного в повествование позднейшими библийскими авторами для того, чтобы «создать» для Израиля героическое прошлое (так что это повествование оказывается чуть ли не сопоставимо с кельтскими мифами о короле Артуре). Говорят также об «эпониимичном и метафоричном характере» как

* К лагерю «минималистов» обычно причисляют таких исследователей, как Ф. Дэвис, Т. Томпсон, Н.П. Лемхе (см., например: [Davies, 1992; Thompson, 1994; 1999; Lemche, 1981; 1988; 1996; 1998]).

фигуры самого Давида, так и понятия *династия* («дом») Давида. В этой связи большое значение приобретают релевантные экстрабиблейские материалы, и, прежде всего, фрагменты А и В, 1–2 арамейской стелы, найденные в 1993–1994 гг. в Тель-Дане и палеографически датируемые серединой — второй половиной IX в. до н.э. Этот памятник представляет собой победную стелу дамасского царя, вероятно, Хазаэля, в которой упоминается «царь Израиля» (т.е. Сsverного царства), скорее всего, Йехорам, сын Ахава (раненный в сражении с сирийцами у Рамот-Гил'ада в 841 г. до н.э. и вскоре умерщвленный в ходе военного переворота израильского военачальника Йеху), а также «[ца]рь Дома Давида» ([ml]k.bytdwd; строки 8–9) — т.е. основанной Давидом династии иудейских царей — вероятно, Ахазйаху, сын Йехорама Иудейского (убитый во время того же переворота). Имя «Давид» и его «дом», возможно, упоминаются и в тексте стелы Меши (строки 12, 31), обнаруженной в Дибане (Дивоне) в 1868 г. и датируемой серединой IX в. до н.э. Моавитский царь Меша похвастается тем, что ему удалось освободиться от владычества Израиля. События, отраженные в тексте стелы, вероятно, относятся ко времени израильских царей Ахазйаху (853–852 гг. до н.э.) и Йехорама (852–841 гг. до н.э.).

Э. Мазар [Mazar E., 2006] полагает, что обнаруженные ею в 2005 г. в районе Града Давида в Иерусалиме (над так называемой «ступенчатой структурой») фрагменты крупного общественного строения, относящегося, по всей вероятности, к X в. до н.э. и построенного, видимо, в финикийском стиле, могут представлять остатки дворца Давида (ср. 2 Сам.[2 Цар.] 5:11, 17).

2. Важное значение для изучения истории религии отдельных Иудейского и Израильского царств имеют теофорные антропонимы, зафиксированные на острака из израильской столицы Самарии (вероятно, середины IX в. до н.э.) и в письмах-острака из иудейского Лахиша (ок. 587/586 г. до н.э.), а также надписи из Кунтиллет-Аджруда (ок. 50 км к югу от оазиса Кадеш-Барнеа; ок. середины IX — середины VIII вв. до н.э.) и Хирбет-эль-Кома (в 11 км к востоку/юго-востоку от Лахиша; ок. 700 г. до н.э.). В частности, среди надписей, обнаруженных в 1975/1976 г. в Кунтиллет-Аджруде (букв. «Одинокый холм при колодце») — израильском (?) аванпосту и караван-сарая (по другой интерпретации, религиозном центре) — зафиксированы фразы *YHWH*.

šmrn. wl'šrth и l[Y]HWN[.] t(y)mn. wl'šrth. В связи с последним термином, присутствующим в каждой из фраз, отметим, что в ханаанейской мифологии Ашера ('āšerah) — супруга Бааля. Но термин *ашера* также может употребляться в значении «священная роща», «священное дерево» (Втор. 16:21; Суд. 6:25–30) и шире, культовый символ. Это слово засвидетельствовано в аккадском, финикийском и арамейском языках в значении «святилище», «священное место». В то время как одни исследователи переводят фразу YHWN w'šrth как «YHWN Господь и Его священное место (или культовый символ)», другие интерпретируют ее как «YHWN Господь и Его Ашера» и усматривают здесь синкретизм религии YHWN Господа и баализма. Уместно упомянуть в данной связи и фрагмент надписи апотропического характера на колонообразной перегородке (столбе) между двумя комнатами гробницы II Хирбет-эль-Кома, датируемой приблизительно 700 г. до н.э. (строки 2–3): brkt 'ryhw. lYHWN wmšryh. l'šrth. hwš' lh. Эта фраза может быть переведена как: «Я благословил Урийаху перед YHWN Господом. И от врагов его посредством Своей ашеры спаси его». Под «врагами» Урийаху могут подразумеваться потенциальные грабители/осквернители гробницы (или темные силы потустороннего мира); термин же «ашера» может быть интерпретирован здесь как «священный столб». Возможна также следующая интерпретация фразы: «Я благословил Урийаху перед Господом; и от врагов его посредством Своей ашеры Он спас (спасает, спасет) его».

Что касается обозначения YHWN šmrn, то оно может быть переведено «YHWN Шомерона (Самарии)», либо как «YHWN, Хранитель наш». Обозначение же YHWN t(y)mn, вероятно, может быть интерпретировано как «YHWN Теймана (здесь, возможно, последний термин употребляется для обозначения «дальнего юга»)», т.е. истолковываться таким образом, что Господь контролирует и дальний юг. Определенную библейскую параллель к обозначению YHWN Теймана можно, как кажется, найти в Книге Аввакума 3:3: «Бог от Теймана грядет и Святой — от горы Паран» (ср. также, например, Втор. 33:2, Суд. 5:4–5, Пс. 68[67]:8–9, ср. 18). (Ср. «Молитву Набонида» из Кумрана; см. выше.)

Материалы, связанные с языческими культами и богами в Ханаане, собраны в издании [Toorn et al., 1999].

Некоторые факты, касающиеся отдельных аспектов религиозной жизни, истории, хозяйственно-административной и военной

практики и т.д. Иудеи в эпоху Первого Храма, можно извлечь из сильно фрагментированных острака из Арада, написанных на иврите в X—VI вв. до н.э.

В целом из литературы по религии Израиля помимо упомянутых выше работ следует отметить [Albertz, 1992; Cross et al., 1987; Moor de, 1997; Toorn, 1996; Zevit, 2000].

3. При изучении истории древнего Израиля и Иудеи большое значение имеет учет релевантных материалов, содержащихся в ассирийских, вавилонских, египетских, сирийских, персидских и других источниках, которые подчас дополняют библейские данные. (Эти материалы собраны, в частности, в изданиях, подготовленных Дж. Притчардом [Pritchard, 1969a; 1969b].) Так, например, в ассирийской исторической надписи на скале в Курхе, в верхнем течении Тигра (так называемая Монолитическая надпись), перечисляются военные силы, находившиеся в распоряжении коалиции двенадцати царей, в которую входил израильский царь Ахав (874—853), в битве с армией ассирийского царя Салманасара III (859—824) в 853 г. до н.э. в окрестностях Каркара на реке Оронт (Северная Сирия). У сирийцев было 1,2 тыс. колесниц, 1,2 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев; у царя Хамата было 700 колесниц, 700 всадников и 10 тыс. пехотинцев; у царя Ахава Израильского (*А-ха-аб-бу мат Сир-'и-ла-а-а*) было 2 тыс. колесниц и 10 тыс. пехотинцев. Таким образом, по количеству колесниц Израиль превзошел всех своих союзников вместе взятых (всего в битве участвовало со стороны союзников 3940 колесниц); это служит показателем не только военной, но и экономической мощи Израиля, занявшего в этот период одно из доминирующих мест во всем Восточном Средиземноморье. Некоторые исследователи, впрочем, подвергают сомнению цифру в 2 тыс. колесниц, предполагая ошибку писца и допуская цифру 200. (Однако число колесниц у Ахава в Монолитической надписи вполне сопоставимо с числом сирийских и хаматских колесниц. А ведь царь Ахав наносил поражения сирийцам; ср. также тексты 1 Цар. 10:26 и 1 Хр. 1:14, согласно которым у царя Соломона было 1,4 тыс. колесниц.) Загадкой остается тот факт, что в надписи на основании трона Салманасара, где в связи с битвой при Каркаре упоминаются сирийский царь Бен-Хадад, царь Хамата Ирхулина и двенадцать царей средиземноморского побережья, отсутствует упоминание израильского царя Ахава.

Другой израильский царь, Йеху (841–814), ввиду военной угрозы со стороны агрессивного дамасского царя Хазаэля, в первый же год своего царствования вынужден был в поисках сильного союзника послать обильную дань Салманасару III. На так называемом Черном обелиске Салманасара (обнаруженном О.Г. Лейардом в 1846 г. в Нимруде) Йеху изображен коленопреклоненным перед ассирийским царем, а его слуги — несущими ему дань. Данный рельеф представляет *первое* дошедшее до нас изображение *конкретного* еврея.

Еще один пример. Самария, столица Израильского царства, по всей вероятности, пала в последний год царствования Салманасара V (723/722 г. до н.э.), незадолго до смерти последнего. То, что именно Салманасар взял Самарию, говорит и Библия (2 Цар. 17:5–6; 18:9–10), и так называемая «Вавилонская (Халдейская) хроника» (обнаружена в 1956 г.). С другой стороны, ассирийский царь Саргон II (722–705), преемник Салманасара, в своих надписях, созданных несколькими годами позже упомянутых событий, утверждает, что именно он разрушил Самарию в первый год своего царствования. Вероятно, Саргон был командующим армией Салманасара в то время, когда пала Самария. По смерти же Салманасара именно Саргон осуществил в 722 г. до н.э. депортацию населения Самарии (Эфраима), по его собственным словам, 27 290 человек.

Так называемый Цилиндр персидского царя Кира II (559–529), в котором, в частности, упоминается о данном этим царем разрешении переселенным вавилонянами народам возвратиться на родину и отстроить разрушенные храмы своих богов, проливает дополнительный свет на зафиксированный в Библии (2 Хр. 36:23; Эзр. 1:2–4) знаменитый декрет Кира 538 г. до н.э., разрешающий выселенным евреям возвратиться из вавилонского плена в Иудею и восстановить Иерусалимский Храм.

Основные проблемы археологии Библейской земли с древнейших времен до разрушения Первого Храма вавилонянами в 586 г. до н.э. обобщены в труде А. Мазара [Mazar A., 1990]; см. также, например, работы [Albright, 1957; 1963; Ben-Tor, 1992; Levy, 1995, Stern, 2001]. Проблемы хронологии Израильского и Иудейского царств подробно рассматриваются в книге [Thiele, 1983].

Некоторые проблемы изучения истории Второго Храма. 1. Одним из наименее изученных этапов древнееврейской истории яв-

ляется период персидского владычества в Иудее. При этом следует иметь в виду, что около двух с половиной веков этого периода — с конца V в. (Эзра-Неемия, элефантинские папирусы) до середины II в. до н.э. (кумранские рукописи) — почти совсем не отражены в письменных памятниках (исключение составляют рукописи из Вади-Далиеха и отдельные замечания Иосифа Флавия). Мы уже упоминали о дискуссии, которая ведется вокруг вопроса о времени деятельности религиозно-политического реформатора Эзры в Иудее (при Артаксксе I или II). Еще один дискуссионный вопрос — взаимоотношения между иудеями и самаритянами. После падения Самарии в 722 г. до н.э. часть израильтян была насильственно расселена по территории Ассирийской империи, а на землях бывшего Северного, Израильского, царства были поселены «люди из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Хамата, и из Сефарваима» (2 Цар. 17:24; ср. также: Иосиф Флавий, Иудейские древности, X, 184). Переселенцы в целом переняли религиозные представления местного израильского населения, религию YHWH Господа, однако отчасти сохранили и свои языческие обряды и обычаи (ср. 2 Цар. 17:27—41). С течением времени переселенные народы частично смешиваются с остатком израильтян, и образуется новая, родственная еврейской, народность — самаритяне. Одни исследователи полагают, что разрыв иудеев с самаритянами и строительство последними вследствие этого собственного храма на горе Геризим произошли ок. 450 г. до н.э., другие — ок. 425 г. (ср. Неем. 13:28). Ряд исследователей, основываясь на указании Иосифа Флавия (Древности, XI, 304—347) о том, что самаритянский храм был построен накануне нашествия Александра Македонского, т.е. ок. 332 г. до н.э., относят время схизмы приблизительно к этой дате. Есть также мнение, согласно которому окончательный разрыв между иудеями и самаритянами произошел только после разрушения иудейским первосвященником и правителем Иоанном Гирканом I геризимского храма ок. 128 г. до н.э.

2. В связи с недостатком письменных источников по персидскому периоду в истории Иудеи особое значение приобретают данные археологии, анализ артефактов материальной культуры (персидский период, по классификации У. Олбрайта — железный век III). В этом отношении первостепенное значение имеет труд Э. Штерна [Stern, 1982]. Израильский ученый показал, что в персидский период Страна Израиля была разделена на два

региона, *резко* различающиеся в культурном отношении. Один регион включал территорию нагорной области Иудеи и Заиорданные (в меньшей степени — Самарию); другой регион — Галилею и средиземноморскую прибрежную равнину. Иудея сохраняла и продолжала более ранние местные культурные традиции, хотя ее культура отражает также ассирийское, вавилонское и египетское влияние. Галилея же и средиземноморская полоса испытывали влияние греческой и финикийской культур. Влияние персидской материальной культуры *очень ограничено* — некоторые заимствованные формы керамики и отдельные выполненные в персидском стиле финикийскими мастерами ювелирные изделия; прямое влияние можно усмотреть в монетах и печатах. Полагают, что основное воздействие персов на Иудею могло выражаться в политической и военной областях, экономической жизни, системе налогообложения.

3. Среди проблем изучения истории Иудеи в эллинистический период отметим, прежде всего, дискуссию о степени эллинизации иудейского общества и причинах так называемого «эллинистического кризиса» 167—164 гг. до н.э. (см. выше). Полемика ведется и по вопросу о времени и обстоятельствах возникновения религиозно-политических течений в иудаизме*, а также о том, какому сообществу принадлежат рукописи Мертвого моря (о них см. выше). На сегодняшний день их *ессейская* идентификация является доминирующей, хотя и продолжаются попытки отождествить членов Кумранской общины с самыми разнообразными религиозными и общественными течениями в Иудее II в. до н.э. — I в. н.э., как то: с саддукеями, боэтусеями, фарисеями, зелотами и сикариями, самаритянами, адептами Иоанна Крестителя, эбионитами, общиной Иакова, брата Иисуса Галилеянина. Говорят и о том, что кумранские рукописи происходят из библиотеки Иерусалимского Храма; принадлежат разным сектам. Есть также мнение, что пещеры Кумрана служили в качестве своего рода генизы (хранилища старых и вышедших из употребления рукописей).

Большинство исследователей, следуя хронологическим ориентирам, содержащимся в работах Иосифа Флавия, а также данным некоторых кумранских текстов (прежде всего, «Комментария на Аввакума» и «Некоторых из предписаний Торы») говорят о сере-

* Обзор истории иудаизма в эпоху Второго Храма см. в монографии Л. Шиффмана [Шиффман, 2000].

дине II в. до н.э. как о времени возникновения течений фарисеев, саддукеев и ессеев. В то же время хронологический ориентир, содержащийся в так называемом «Дамасском документе» (обнаружен еще в 1896 г. в Кембриджском хранилище рукописей из генизы Каирской синагоги Эзры, среди манускриптов секты карайимов, а затем и в Кумране) 1:5–11, свидетельствует в пользу *самого начала* II в. до н.э. В данном тексте говорится о возникновении общины (прото)кумранитов через 390 лет по предании Иудеи в руку Навуходоносора, т.е. ок. 197/196 г. до н.э. Тексты апокрифических произведений I Еноха, гл. 90 и Завещания Левия, гл. 17–18, а, возможно, и Книги Даниила 11:14 относят появление (прото)кумранской (?) общины ко времени завершения борьбы селевкидского царя Антиоха III Великого с Птолемеями за обладание Келесирией и Иудеей, т.е. к 198/197 г. до н.э. Лишь немногие исследователи (прежде всего, С. Цейтлин) ищут истоки возникновения иудейских сект в персидскую эпоху.

Акцентируя внимание на кумранском тексте «Некоторые из предписаний Торы», — представляющему собой письмо членов Кумранской общины к иерусалимскому первосвященнику и правителю, вероятно, Ионатану Маккавею (152–142 гг. до н.э.), — исследователи полагают, что главным водоразделом между иудейскими течениями, по крайней мере, на начальном этапе их развития, являлись законодательно-ритуальные вопросы и религиозный календарь (лунно(-солнечный) — у фарисеев и саддукеев и солнечный — у ессеев). Однако в официальном письме к первосвященнику кумраниты могли умышленно не обсуждать идеологические проблемы, прежде всего, мессианско-эсхатологические. Во всяком случае, содержание ряда рукописей Мертвого моря не оставляет сомнений в том, что, по крайней мере, кумранско(-ессейское) движение практически с самого начала возникает как мессианское. В кумранских рукописях обнаруживаются значительные элементы мистицизма и даже гностицизма.

Анализ мессианско-эсхатологических и апокалиптических текстов из Кумрана, прежде всего, опубликованных в 1990-х гг., проливает новый свет на генезис ряда основополагающих доктрин первоначального христианства. Можно прийти к выводу, что на определенном этапе кумранское сообщество становится общиной актуального мессианизма. Здесь выкристаллизовывается доктрина о божественном происхождении Мессии, его трансцендентности и

универсализме; акцентируется внимание на его сотерологических и судебных функциях; вероятно, ожидалось второе пришествие идентифицируемого с Мессией лидера Кумранской общины, Учителя праведности. Размышляя о соотношении в идеологии и религиозной практике первоначального христианства иудейского и эллинистического начал, все большее число современных исследователей говорит о преобладании первого.

4. Среди обобщающих трудов, освещающих основные проблемы истории евреев в раннеримский период, отметим уже упоминавшуюся выше четырехтомную работу «The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ» (1973—1987), а также труды: «Compendia Rerum Judaicarum ad Novum Testamentum...» [Safrai, Stern, 1974—1976]; «The World History of Jewish People» [Avi-Yonah, Baras, 1975]; [Smallwood, 1976; Bickerman, 1976—1986; Grabbe, 1992; Jagersma, 1999].

Производившиеся в 1963—1965 гг. под руководством И. Ядина раскопки в крепости Масада, расположенной на отвесной скале в южной части западного побережья Мертвого моря, осветили эпизод Иудейской войны 66—70 гг. Эта крепость явилась последним оплотом восставших против Рима иудеев и пала лишь в 73 (или 74) г. Здесь были обнаружены фрагменты рукописей, в том числе библейских, и многочисленные остраки. В частности, были найдены 11 черепков с написанными на них именами. Одно из них, *Бенйаир*, совпадает с отчеством вождя сикариев и руководителя повстанцев в крепости Элеазара бен-Йаира. Согласно правдоподобному предположению И. Ядина (которое, впрочем, оспаривается рядом ученых), эти черепки — свидетельство последнего акта описанной Иосифом Флавием в «Иудейской войне» (VII, 396 и сл.) драмы в Масаде, когда последние оставшиеся в живых десять (так у Иосифа) защитников крепости — дабы не сдать римлянам — метали жребий, на чью долю падет обязанность убить девятерых, поджечь крепость и затем покончить с собой. (До этого аналогичным образом погибли, согласно Иосифу, еще 950 человек, которые предпочли смерть рабству: мужчины убивали вначале своих жен и детей, а затем по жребию — друг друга.) Обнаружение в Масаде фрагментов кумранского произведения «Песни субботнего всесожжения» по-новому ставит вопрос о взаимоотношениях кумранитов (и, шире, ессеев) и zelотов и сикариев, поднявших восстание против Рима. Результаты раскопок в Масаде суммиро-

ваны в фундаментальном издании «Masada: The Yigael Yadin Excavations 1963–1965: Final Reports» (6 т., 1989–1999).

В заключение данного очерка отметим, что вопросы исторической географии Страны Израиля в библейский период подробно анализируются в работе З. Каллаи [Kallai, 1986]; исторические карты Святой Земли в библейский период содержатся в издании [Aharoni, Avi-Yonah, 1993].

Ряд основных современных изданий по истории и историографии истории древнего Израиля и Иудеи приведены ниже в библиографическом списке (помимо упоминавшихся выше см.: [Амусин, 1993; Вейнберг, 1993; Елизарова, 1972; Лившиц, 1957; Тантлевский, 2000б; 2007; Фишман, Высоцки, 2002; Ahlström, 1994; Albertz, 2001; Bautz, 1983; Beek, 1993; Bock, 1989; Bright, 1981; Bruce, 1963; Castel, 1983; Cazelles, 1982; Claus, 1986; Dietrich, 1997; Donner, 1984–1985; Efron, 1987; Ehrlich, 1962–1965; Eph'al, 1982; Fohrer, 1985; Fritz, 1996; Garbini, 1984; Garelli, Nikiprowetzky, 1974; Gunneweg, 1989; Hayes, Miller, 1977; 1986; Herrmann, 1980; Ishida, 1999; Jagersma, 1979; Kinet, 2001; Lemche, 1988; 1996; Malamat, Eph'al, 1979; Metzger, 1994; Michaud, 1982; Na'aman, 2005–2006; Orlinsky, 1960; Schoors, 1998; Shanks, 1988; Will, Orrieux, 1986]).

Библиография

[Амусин, 1971] — *Амусин И.Д.* Тексты Кумрана. М., 1971. Вып. 1.

[Амусин, 1983] — *Амусин И.Д.* Кумранская община. М., 1983.

[Амусин, 1993] — *Амусин И.Д.* Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тыс. до н.э.) по библейским источникам: Сб. статей. М., 1993.

[Бикерман, 1975] — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.

[Бикерман, 1985] — *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.

[Бикерман, 2000] — *Бикерман Э.* Евреи в эпоху эллинизма. М.; Иерусалим, 2000.

[Вейнберг, 1993] — *Вейнберг Й.П.* Происхождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993.

[Вейнберг, 2002] — *Вейнберг Й.П.* Введение в Танах. Ч. 1. Пространство и время в Танахе. Ч. 2. Пятикнижие. М.; Иерусалим, 2002.

[Вейнберг, 2003] — *Вейнберг Й.П.* Введение в Пророков. М.; Иерусалим, 2003.

[Вейнберг, 2004] — *Вейнберг Й.* Введение в Писания. М.; Иерусалим, 2004.

[Велльгаузен, 1909] — *Велльгаузен Ю.* Введение в историю Израиля / Пер. Н.М. Никольского. СПб., 1909.

[Дубнов, 1924–1938] — *Дубнов С.М.* Всемирная история еврейского народа от древнейших времен до настоящего: в 10 т. Рига, 1924–1938.

[Елизарова, 1972] — *Елизарова М.М.* Община терапевтов: (Из истории есеейского общественно-религиозного движения I в. н.э.). М., 1972.

[Киттель, 1917] — *Киттель Р.* История еврейского народа. М., 1917. Т. 1.

[Кривелев, 1964] — Происхождение Библии. (Из истории библейской критики.) Ветхий Завет / Сост., автор вступит. ст. и примеч. И.А. Кривелев. М., 1964.

[Лившиц, 1957] — *Лившиц Г.М.* Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Минск, 1957.

[Лившиц, 1959] — *Лившиц Г.М.* Кумранские рукописи и их историческое значение. Минск, 1959.

[Лившиц, 1970] — *Лившиц Г.М.* Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.

[Раджак, 1993] — *Раджак Т.* Иосиф Флавий: Историк и общество. М.; Иерусалим, 1993.

[Ренан, 1864–1907] — *Ренан Э.* История первых веков христианства. СПб., 1864–1907. Т. 1–7.

[Ренан, 1908–1912] — *Ренан Э.* История израильского народа. СПб., 1908–1912. Т. 1–2.

[Старкова, 1973] — *Старкова К.Б.* Литературные памятники кумранской общины // Палестинский сб. 1973. 24 (87).

[Тантлевский, 1994] — *Тантлевский И.Р.* История и идеология Кумранской общины. СПб., 1994.

[Тантлевский, 2000а] — *Тантлевский И.Р.* Введение в Пятикнижие. М., 2000.

[Тантлевский, 2000б] — *Тантлевский И.Р.* Книги Еноха. Сефер Йецира. М.; Иерусалим, 2000.

[Тантлевский, 2007а] — *Тантлевский И.Р.* История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.

[Тантлевский, 2007б] — *Тантлевский И.Р.* Мелхиседек и Метатрон в иудейской мистико-апокалиптической традиции. СПб., 2007.

[Тексты Кумрана, 1996] — Тексты Кумрана / Введение, пер. с древнееврейского и арамейского и коммент. А.М. Газова-Гинзберга, М.М. Елизаровой и К.Б. Старковой. СПб., 1996. Вып. 2.

[Тищенко, 1998] — *Тищенко С.В.* Кто написал Тору? К литературной истории Пятикнижия // Библия. Литературные и лингвистические исследования. М., 1998. С. 11–82.

[Фишман, Высоцки, 2002] — От Авраама до современности. Лекции по еврейской истории и литературе / Науч. ред. Д. Фишман, Б. Высоцки. М., 2002.

[Шварц, 1997] — Библейские исследования: Сб. статей / Сост. Б. Шварц. М., 1997.

[Шифман, 1987] — *Шифман И.Ш.* Ветхий Завет и его мир. М., 1987; СПб., 2007.

[Шифман, 1993] — Учение. Пятикнижие Моисеево / Введение, пер. и коммент. И.Ш. Шифмана. М., 1993.

[Шифман, 2000] — *Шифман Л.* От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда. М.; Иерусалим, 2000.

[Aharoni, Avi-Yonah, 1993] — *Aharoni Y., Avi-Yonah M.* The MacMillan Bible Atlas. N. Y., 1993.

[Ahlström, 1994] — *Ahlström G.W.* The History of Ancient Palestine. Sheffield; Minneapolis, 1994.

[Albertz, 1992] — *Albertz R.* Religionsgeschichte Israels in alttestamentlicher Zeit. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Ende der Königszeit. Bd. 2. Vom Exil bis zu den Makkabäern. Grundrisse zum Alten Testament. Göttingen, 1992.

[Albertz, 2001] — *Albertz R.* Die Exilszeit: 6. Jahrhundert v. Chr. // Biblische Enzyklopädie / Hrsg. von W. Dietrich und W. Stegemann. Stuttgart; Berlin; Köln, 2001. Bd. 7.

[Albright, 1957] — *Albright W.F.* From the Stone-Age to Christianity. Baltimore, 1957.

[Albright, 1963] — *Albright W.F.* The Biblical Period from Abraham to Ezra. N. Y., 1963.

[Alt, 1966] — *Alt A.* Essays on Old Testament History and Religion. Oxford, 1966.

[Astruc, 1753] — *Astruc J.* Conjectures sur les mémoires originaux dont il paraît que Moïse s'est servi pour composer le récit de la Genèse. Bruxelles, 1753.

[Avi-Yonah, Baras, 1975] — The World History of Jewish People. V. 7. The Herodian Period / Ed. by M. Avi-Yonah, Z. Baras. New Brunswick, 1975.

[Baron, 1937] — *Baron S.W.* Social and Religious History of the Jews. N. Y., 1937.

[Baron, 1952–1970] — *Baron S.W.* Social and Religious History of the Jews. N. Y., 1952–1970. V. 1–14.

[Basnage, 1707] — *Basnage J.* L'histoire et la religion des Juifs depuis Jésus Christ jusqu'à present. Rotterdam, 1707.

[Basnage, 1713] — *Basnage J.* Antiquités judaïques, ou remarques critiques sur la République des Hébreux. Amsterdam; Chatelain, 1713.

[Bautz, 1983] — Geschichte der Juden. Von der Biblischen Zeit bis zur Gegenwart / Hrsg. von F.J. Bautz. München, 1983.

[Beek, 1993] — *Beek M.A.* Geschichte Israels. Von Abraham bis Bar Kochba. Stuttgart, 1993.

[Ben-Sasson, 1976] — History of the Jewish People / Ed. by H.H. Ben-Sasson. L.; Cambridge (Mass.), 1976.

[Ben-Tor, 1992] — The Archaeology of Ancient Israel / Ed. by A. Ben-Tor. New Haven, 1992.

[Bickerman, 1937] — *Bickerman E.* Der Gott der Makkabäer. Berlin, 1937.

[Bickerman, 1938] — *Bickerman E.* Institutions des Séleucides. P., 1938.

[Bickerman, 1962] — *Bickerman E.* From Ezra to the Last of the Macca-bees. N. Y., 1962.

[Bickerman, 1968] — *Bickerman E.* Chronology of the Ancient World. L., 1968.

[Bickerman, 1976–1986] — *Bickerman E.* Studies in Jewish and Christian History. Leiden, 1976–1986. V. 1–3.

[Bickerman, 1988] — *Bickerman E.* The Jews in the Greek Age. Cambridge (Mass.), 1988.

[Blenkinsopp, 1992] — *Blenkinsopp J.* The Pentateuch: An Introduction to the First Five Books of the Bible. N. Y., 1992.

[Bock, 1989] — *Bock S.* Kleine Geschichte des Volkes Israel. Von den Anfängen bis in die Zeit des Neuen Testaments / Mit einer Einleitung von Norbert Lohfink. Freiburg, 1989.

[Bright, 1981] — *Bright J.* A History of Israel. Philadelphia, 1981 (4-е изд. с введением и приложением У. Брауна, 2000 г. Нем. изд.: Geschichte Israels. Von den Anfängen bis zur Schwelle des Neuen Bundes. Düsseldorf, 1966.)

[Bruce, 1963] — *Bruce F.F.* Israel and the Nations. Exeter, 1963.

[Campbell, O'Brien, 1992] — *Campbell A.F., O'Brien M.A.* Sources of the Pentateuch: Texts, Introductions, Annotations. Minneapolis, 1992.

[Campbell, O'Brien, 2000] — *Campbell A.F., O'Brien M.A.* Unfolding the Deuteronomistic History: Origins, Upgrades, Present Text. Minneapolis, 2000.

[Castel, 1983] — *Castel F.* L'Histoire d'Israël et de Juda. P., 1983. (Англ. изд.: *Castel F.* The History of Israel and Judah in the Old Testament Times. Mahwah, 1985.)

[Cazelles, 1982] — *Cazelles H.* Histoire politique d'Israël à Alexandre le Grand. P., 1982.

[Charles, 1971–1973] — The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. With Introductions and Critical and Explanatory Notes to the Several Books / Ed. by R.H. Charles. Oxford, 1971–1973. V. 1–2.

[Charlesworth, 1983–1985] — The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J.H. Charlesworth. N. Y., 1983–1985. V. 1–2.

[Clauss, 1986] — *Clauss M.* Geschichte Israels, von der Frühzeit bis zur Zerstörung Jerusalems (587 v. Chr.). München, 1986.

[Cross, 1973] — *Cross F.M.* Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambridge (Mass.), 1973.

[Cross et al., 1987] — *Ancient Israelite Religion* / Ed. by F.M. Cross et al. Philadelphia, 1987.

[Davies, 1992] — *Davies P.R.* In Search of «Ancient Israel». Sheffield, 1992.

[Dietrich, 1997] — *Dietrich W.* Die frühe Königszeit in Israel. 10. Jahrhundert v. Chr. // *Biblische Enzyklopädie* / Hrsg. von W. Dietrich und W. Stegmann. Stuttgart; Berlin; Köln, 1997. Bd. 3.

[Donner, 1984–1985] — *Donner H.* Geschichte des Volkes Israel und seiner Nachbarn. Grundrisse zum Alten Testament. Göttingen, 1984–1985. Bd. 1–2.

[Efron, 1987] — *Efron J.* Studies on the Hasmonean Period. Leiden, 1987.

[Ehrlich, 1962–1965] — *Ehrlich E.* A Concise History of Israel from the Earliest Times to the Destruction of the Temple in AD 70. L.; N. Y., 1962–1965.

[Eichhorn, 1790–1793] — *Eichhorn J.G.* Urgeschichte / Hrsg. mit Einleitung und Anmerkungen von Johann Philipp Gabler. Altdorf; Nürnberg, 1790–1793. Bd. 1–2.

[Eissfeldt, 1922] — *Eissfeldt O.* Hexateuch-Synopse. Leipzig, 1922.

[Eissfeldt, 1976] — *Eissfeldt O.* Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1976. (Англ. версия: *Eissfeldt O.* The Old Testament: An Introduction / Transl. by P.R. Ackroyd. N. Y., 1965.)

[Engnell, 1969] — *Engnell I.* A Rigid Scrutiny. Critical Essays on the Old Testament / Transl. from the Swedish and ed. by John T. Willis; with the collaboration of H. Ringgren. Nashville, 1969.

[Eph'al, 1982] — The History of Eretz Israel. I. Introduction. The Early Period / Ed. by I. Eph'al. Jerusalem, 1982.

[Ewald, 1852] — *Ewald G.H.* Geschichte des Volkes Israel bis Christus. 2. Ausg. Göttingen, 1852. Bd. 1–4.

[Feuillet, 1968] — *Feuillet A.* Introduction to the Old Testament. N. Y., 1968.

[Finkelstein, 1995] — *Finkelstein I.* The Great Transformation: The 'Conquest' of the Highland Frontiers and the Rise of the Territorial States // *The Archaeology of Society in the Holy Land* / Ed. by T.E. Levy. L., 1995. P. 349–365.

[Finkelstein, 1996] — *Finkelstein I.* Ethnicity and Origin of the Iron I Settlers in the Highlands of Canaan: Can the Real Israel Stand Up? // *BA.* 1996. V. 59. P. 198–212.

[Finkelstein, Silberman, 2001] — *Finkelstein I., Silberman N.A.* The Bible Unearthed. Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts. N. Y., 2001.

[Fohrer, 1965] — *Fohrer G.* Einleitung in das Alte Testament. Heidelberg, 1965.

[Fohrer, 1985] — *Fohrer G.* Geschichte Israels. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Heidelberg, 1985.

[Friedman, 1981] — *Friedman R.E.* The Exile and Biblical Narrative. The Formation of Deuteronomical and Priestly Works. Chicago, 1981.

[Fritz, 1996] — *Fritz V.* Die Entstehung Israels im 12. und 11. Jahrhundert v. Chr. // *Biblische Enzyklopädie* / Hrsg. von W. Dietrich und W. Stegemann. Stuttgart; Berlin; Köln, 1996. Bd. 2.

[Garbini, 1984] — *Garbini G.* Storia ed Ideologia nell'Israele Antico. Brescia, 1984. (Англ. изд.: *History and Ideology in Ancient Israel*. L., 1988.)

[García Martínez, Tigchelaar, 1997–1998] — The Dead Sea Scrolls Study Edition / Ed. and transl. by F. García Martínez and E.J.C. Tigchelaar. V. 1. 1Q1–4Q273. Leiden, 1997. V. 2. 4Q274–11Q31. Leiden, 1998.

[Garelli, Nikiprowetzky, 1974] — *Garelli P., Nikiprowetzky V.* Le Proche-Orient Asiatique: Les Empires Mésopotamiens; Israel. P., 1974.

[Geddes, 1792] — *Geddes A.* The Holy Bible or the Books accounted Sacred by Jews and Christians. L., 1792.

[Gottwald, 1979] — *Gottwald N.K.* The Tribes of Yahweh: A Sociology of Liberated Israel 1250–1050 B. C. E. Maryknoll, 1979.

[Grabbe, 1992] — *Grabbe L.L.* Judaism from Cyrus to Hadrian. V. 2. The Roman Period. Minneapolis, 1992.

[Graetz, 1853–1875, 1888] — *Graetz H.* Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Leipzig, 1853–1875, 1888.

[Graf, 1866] — *Graf K.G.* Die geschichtlichen Bücher des Alten Testaments: Zwei historisch-kritischen Untersuchungen. Leipzig, 1866.

[Grant, 1984] — *Grant M.* The History of Ancient Israel. L.; N. Y., 1984 (рус. пер.: М., 1998; нем. версия: *Grant M.* Das Heilige Land. Geschichte des Alten Israel. Bergisch Gladbach, 1985).

[Gunneweg, 1989] — *Gunneweg A.H.J.* Geschichte Israels bis Bar Kochba. Von den Anfängen bis Bar Kochba und von Theodor Herzl bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1989. Bd. 2.

[Halpern, 1996] — *Halpern B.* The First Historian: The Hebrew Bible and History. Philadelphia, 1996.

[Hayes, Miller, 1977] — Israelite and Judaeon History / Ed. by J.H. Hayes, J.M. Miller. Philadelphia; L., 1977.

[Hayes, Miller, 1986] — *Hayes J.H., Miller J.M.* A History of Ancient Israel and Judah. Philadelphia, 1986 (2-е изд.: 2006)

[Hengel, 1969] — *Hengel M.* Judentum und Hellenismus. Tübingen, 1969.

[Herrmann, 1980] — *Herrmann S.* Geschichte Israels in alttestamentlicher Zeit. München, 1980 (Англ. изд.: *A History of Israel in the Old Testament Times*. Rev. ed. L.; Philadelphia, 1981.)

[Holeviński, 1976] — *Holeviński A.* Heiligkeitgesetz und Deuteronomium: Eine vergleichende Studie. Roma, 1976.

[Hölscher, 1952] — *Hölscher G.* Geschichtsschreibung in Israel. Untersuchungen zum Jahvisten und Elohisten. Lund, 1952.

[Hupfeld, 1853] — *Hupfeld H.* Die Quellen der Genesis und die Art ihre Zusammensetzung von neuem untersucht. Berlin, 1853.

[Ilgen, 1798] — *Ilgen C.D.* Die Urkunden des jerusalemischen Tempelarchivs in ihrer Urgestalt, als Beitrag zur Geschichte der Religion und Politik. Halle, 1798.

[Ishida, 1999] — *Ishida T.* History and Historical Writing in Ancient Israel. Studies in Biblical Historiography. Leiden; Boston; Köln, 1999.

[Jagersma, 1979] — *Jagersma J.* Geschiedenis van Israël in het oudtestamentische tijdvak. Kämpen, 1979 (Англ. изд.: A History of Israel in the Old Testament Period. L.; Philadelphia, 1983.)

[Jagersma, 1999] — *Jagersma J.* History of Israel to Bar Kochba. L., 1999.

[Jost, 1820–1829] — *Jost I.M.* Geschichte der Israeliten seit der Zeit der Maccabäer bis auf unsere Tage. Berlin, 1820–1829.

[Jost, 1857–1859] — Geschichte des Judentums und seiner Sekten. Leipzig, 1857–1859.

[Kaiser, 1984] — *Kaiser O.* Einleitung in das Alte Testament. Berlin, 1984.

[Kallai, 1986] — *Kallai Z.* Historical Geography of the Bible. Jerusalem; Leiden, 1986.

[Kaufmann, 1960] — *Kaufmann Y.* The Religion of Israel. From Its Beginnings to the Babylonian Exile / Transl. and abr. by M. Greenberg. Chicago, 1960. V. 1–2.

[Kinet, 2001] — *Kinet D.* Geschichte Israels. Würzburg, 2001.

[Kittel, 1888] — *Kittel R.* Geschichte der Hebräer. Gotha, 1888.

[Knohl, 1995] — *Knohl I.* The Sanctuary of Silence: The Priestly Torah and the Holiness School. Minneapolis, 1995. (Вариант на иврите: Иерусалим, 1992).

[Koch, 1969] — *Koch K.* The Growth of the Biblical Tradition. The Form-Critical Method / Transl. S.M. Cupitt. L., 1969.

[LaSor et al., 1985] — *LaSor W.S., Hubbard D.A., Bush F.* Old Testament Survey. Grand Rapids 1985. (Rev. ed. — 1996; рус. пер.: Одесса, 1998.)

[Lemaire, 1981] — *Lemaire A.* Histoire du peuple hébreu. P., 1981.

[Lemche, 1988] — *Lemche N.P.* Ancient Israel. A New History of Israelite Society: Transl. from the Danish. Sheffield, 1988.

[Lemche, 1996] — *Lemche N.P.* Die Vorgeschichte Israels. Von den Anfängen bis zum Ausgang des 13. Jahrhunderts v. Chr. // Biblische Enzyklopädie / Hrsg. W. Dietrich und W. Stegemann. Stuttgart; Berlin; Köln, 1996. Bd. 1. (Англ. изд.: Prelude to Israel's Past: Background and Beginning of Israelite History and Identity. 1998.)

[Lemche, 1998] — *Lemche N.P.* The Israelites in History and Tradition. L.; Louisville, 1998.

[Levy, 1995] — The Archaeology of Society in the Holy Land / Ed. by T.E. Levy. L., 1995.

[Malamat, Eph'al, 1979] — The World History of the Jewish People. First Series: Ancient Times / Ed. by A. Malamat, I. Eph'al. Jerusalem, 1979. V. 4.

[Mathias, 1977] — *Mathias D.* Die Geschichte der Chronikforschung im 19. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung der exegetischen Behand-

lung der Prophetennachrichten des chronistischen Geschichtswerkes. Leipzig, 1977.

[Mayers, 1824] — *Mayers M.* The History of the Jews: From Their Origin to Their Ultimate Dispersion. L., 1824.

[Mayes, 1983] — *Mayes A.D.* The Story of Israel Between Settlement and Exile: A Redactional Study of the Deuteronomistic History. L., 1983.

[Mazar A., 1990] — *Mazar A.* Archaeology of the Land of the Bible; 10,000–586 B. C. E. N. Y., 1990. (Рус. сокр. пер.: Археология Библейской земли. Иерусалим, 1996. Т. 1–2.)

[Mazar A. et al., 1964–1984] — The World History of the Jewish People / Ed. by A. Mazar et al. L.; Cambridge (Mass.), 1964–1984.

[Mazar E., 2006] — *Mazar E.* Ha-hafiroth be-'Ir-David 2005 («Раскопки в Граде Давида в 2005 г.»). Jerusalem, 2006.

[Mendenhall, 1962] — *Mendenhall G.E.* The Hebrew Conquest of Palestine // BA. 1962. V. 25. P. 66–87.

[Metzger, 1994] — *Metzger M.* Grundriß der Geschichte Israels. Neukirchen, 1994.

[Meyer, 1921–1923] — *Meyer Ed.* Ursprung und Anfänge des Christentums. Stuttgart; Berlin, 1921–1923. 1–3.

[Michaelis, 1787] — *Michaelis J.D.* Einleitung in die Göttlichen Schriften des Alten Bundes. Hamburg, 1787.

[Michaud, 1982] — *Michaud R.* De l'Entrée en Canaan à l'Exil en Babylonie. P., 1982.

[Moor de, 1997] — *Moor J.C. de.* The Rise of Yahwism: The Roots of Israelite Monotheism. Leuven, 1997.

[Mowinckel, 1964] — *Mowinckel S.* Erwägungen zur Pentateuchquellenfrage. Oslo, 1964.

[Na'aman, 2005–2006] — *Na'aman N.* Collected Essays. V. 1. Ancient Israel and Its Neighbors, Interaction and Counteraction. V. 2. Canaan in the 2nd Millennium B. C. E. V. 3. Ancient Israel's History and Historiography. Winona Lake, 2005–2006.

[Newsome, 1986] — *Newsome J.D., Jr.* A Synoptic Harmony of Samuel, Kings, and Chronicles. Grand Rapids, 1986.

[Noth, 1966] — *Noth M.* Geschichte Israels. Göttingen, 1966. (Англ. изд.: The History of Israel. L.; N. Y., 1960.)

[Noth, 1967] — *Noth M.* Überlieferungsgeschichtliche Studien. Tübingen, 1967.

[Noth, 1972] — *Noth M.* A History of Pentateuchal Traditions / Transl. by B.W. Anderson. Englewood Cliffs, 1972.

[Orlinsky, 1960] — *Orlinsky H.M.* Ancient Israel. Ithaca (N. Y.), 1960.

[Parker, Duberstein, 1956] — *Parker R., Duberstein W.* Babylonian Chronology, 626 B. C. – A. D. 75. Providence, 1956.

[Pfeifer, 1957] — *Pfeifer R.H.* The Books of the Old Testament. L., 1957.

[Pohlmann, 1970] — *Pohlmann K.-F.* Studien zum dritten Esra. Göttingen, 1970.

[Pritchard, 1969a] — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament / Ed. by J.E. Pritchard. Princeton, 1969.

[Pritchard, 1969b] — Ancient Near Eastern Pictures Relating to the Old Testament / Ed. by J.E. Pritchard. Princeton, 1969.

[Rad, 1966] — *Rad G. von.* The Problem of the Hexateuch and Other Essays / Transl. by E.W.T. Dicken. Edinburgh, 1966.

[Renan, 1863–1881] — *Renan E.* Histoire des Origines du Christianisme. P., 1863–1881. V. 1–7.

[Renan, 1887–1893] — *Renan E.* Histoire du Peuple d'Israël. P., 1887–1893. V. 1–5.

[Rendtorff, 1977] — *Rendtorff R.* Das Überlieferungsgeschichtliche Problem des Pentateuch. Berlin, 1977.

[Reuss, 1881] — *Reuss E.W.* Die Geschichte der heiligen Schriften des alten Testaments. Braunschweig, 1881.

[Rose, 1981] — *Rose M.* Deuteronomist und Jahwist: Untersuchungen zu den Berührungspunkten beider Literaturwerke. Zürich, 1981.

[Safrai, Stern, 1974–1976] — *Safrai S., Stern M.* The Jewish People in the First Century: Historical Geography, Political History, Social, Cultural and Religious Life and Institutions. Philadelphia, 1974–1976. V. 1–2.

[Schmid, 1976] — *Schmid H.H.* Der sogenannte Jahwist. Beobachtungen und Fragen zur Pentateuchforschung. Zürich, 1976.

[Schoors, 1998] — *Schoors A.* Die Königreiche Israel und Juda im 8. und 7. Jahrhundert v. Chr. Die assyrische Krise // Biblische Enzyklopädie / Hrsg. W. Dietrich und W. Stegemann. Stuttgart; Berlin; Köln, 1998. Bd. 5.

[Schulte, 1972] — *Schulte H.* Die Entstehung der Geschichtsschreibung im Alten Israel. Berlin, 1972.

[Schürer, 1898–1901] — *Schürer E.* Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 3. Aufl. Leipzig, 1898–1901. Bd. 1–3.

[Schürer, 1973–1987] — *Schürer E.* The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B. C. – A. D. 135) / A New English Version Revised and Edited by G. Vermès, F. Millar, M. Black, and M. Goodman. Edinburgh, 1973–1987. V. 1–3.

[Sellin, 1959] — *Sellin E.* Einleitung in das Alte Testament / Bearb. von L. Rost. Berlin, 1959.

[Semler, 1771–1775] — *Semler J.S.* Abhandlung von freier Untersuchung des Canons. Halle, 1771–1775. Bd. 1–4.

[Shanks, 1988] — Ancient Israel A Short History from Abraham to the Destruction of the Temple / Ed. by H. Shanks. Washington, 1988.

[Ska, 2006] — *Ska J.-L.* Introduction to Reading the Pentateuch. Winona Lake, 2006.

[Smallwood, 1976] — *Smallwood E.M.* The Jews Under Roman Rule. Leiden, 1976.

[Smend, 1912] — *Smend P.* Die Erzählung des Hexateuch auf ihre Quellen untersucht. Berlin, 1912.

[Soggin, 1984] — *Soggin J.A.* Storia d'Israele. Dalle origini a Bar Kochba / Con due appendici di D. Conrad e H. Tadmor. Brescia, 1984 (Англ. изд.: A History of Israel: From the Beginning to the Bar Kochba Revolt, A. D. 135. L.; Philadelphia, 1984–1985; нем. изд.: Einführung in die Geschichte Israels und Judas. Von den Ursprüngen bis zum Aufstand Bar Kochbas. Darmstadt, 1991.)

[Soggin, 1993] — *Soggin J.A.* Introduction to the Old Testament. L., 1993.

[Speiser, 1980] — *Speiser E.* Genesis. The Anchor Bible. 3-rd ed. N. Y., 1980.

[Spinoza, 1670] — *Spinoza B.* Tractatus theologico-politicus. Amsterdam, 1670.

[Stern, 1980–1984] — Greek and Latin Authors on Jews and Judaism / Ed. with introductions, translations and commentary by M. Stern. Jerusalem, 1980–1984. V. 1–3. (Рус. пер.: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Под ред. Н.В. Брагинской. М.; Иерусалим, 1997–2002.)

[Stern, 1982] — *Stern E.* Material Culture of the Land of the Bible in the Persian Period 538–332 B. C. Warminster, 1982.

[Stern, 2001] — *Stern E.* Archaeology of the Land of the Bible. V. 2. The Assyrian, Babylonian, and Persian Periods, 732–332 B. C. E. N. Y., 2001.

[Tcherikover, 1937] — *Tcherikover V.* Palestine under the Ptolemies // *Mizraim*. 1937. 4/5.

[Tcherikover, 1959] — *Tcherikover V.* Hellenistic Civilization and the Jews. Philadelphia, 1959.

[Tcherikover, Fuks, Stern, 1957–1964] — *Tcherikover V., Fuks A., Stern M.* Corpus Papyrorum Judaicarum. Cambridge (Mass.), 1957–1964. V. 1–3.

[Thiele, 1983] — *Thiele E.R.* The Mysterious Numbers of the Hebrew Kings. Grand Rapids, 1983.

[Thompson, 1994] — *Thompson T.L.* Early History of the Israelite People. From the Written and Archaeological Sources. Studies in the History of the Ancient Near East. Leiden, 1994. V. 4.

[Thompson, 1999] — *Thompson T.L.* The Mythic Past. Biblical Archaeology and the Myth of Israel. L., 1999.

[Toorn, 1996] — *Toorn K. van der.* Family Religion in Babylonia, Syria and Israel. Continuity and Change in the Forms of Religious Life. Leiden; N. Y.; Köln, 1996.

[Toorn et al., 1999] — *Toorn K. van der, Becking B., Horst P.W. van der.* Dictionary of Deities and Demons in the Bible. Leiden, 1999.

[Van Seters, 1975] — *Van Seters J.* Abraham in History and Tradition. New Haven; L., 1975.

[Van Seters, 1992] — *Van Seters J.J.* Prologue to History. The Yahwist as Historian in Genesis. Louisville, 1992.

[Van Seters, 1994] — *Van Seters J.* The Life of Moses. The Yahwist as Historian in Exodus—Numbers. Louisville, 1994.

[Vater, 1802–1805] — *Vater J.S.* Commentar über den Pentateuch. Halle, 1802–1805. Bd. 1–3.

[Vatke, 1835a] — *Vatke W.* Die Religion des Alten Testaments. Berlin, 1835.

[Vatke, 1835b] — *Vatke W.* Die biblische Theologie, wissenschaftlich dargestellt. Berlin, 1835.

[Vatke, 1886] — *Vatke W.* Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament. Bonn, 1886.

[Vaux, 1973] — *Vaux R. de.* Histoire ancienne d'Israël. Des origines à l'installation en Canaan. P. 1971; La Période des Juges. P., 1973. (Англ. версия: The Early History of Israel. L.; Philadelphia, 1978.)

[Vink, 1969] — *Vink J.G.* The Priestly Code and Seven Other Studies. Leiden, 1969.

[Volz, Rudolph, 1933] — *Volz P., Rudolph W.* Der «Elohist» als Erzähler: ein Irrweg der Pentateuchkritik? // Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. Giessen, 1933. Bd. 63.

[Vorländer, 1978] — *Vorländer H.* Entstehungszeit des jehowistischen Geschichtswerkes. Frankfurt a/M., 1978.

[Weinfeld, 1972] — *Weinfeld M.* Deuteronomy and the Deuteronomistic School. Oxford, 1972.

[Wellhausen, 1878] — *Wellhausen J.* Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1878 (рус. пер.: Велльгаузен, 1909; англ. пер.: Prolegomena to the History of Ancient Israel. 1878; репринт: N. Y., 1957).

[Wellhausen, 1894a] — *Wellhausen J.* Die Komposition des Hexateuch und der historischen Bücher des Alten Testaments. Berlin, 1894.

[Wellhausen, 1894b] — *Wellhausen J.* Israelitische und Judische Geschichte. Berlin, 1894.

[Wette de, 1805] — *Wette W.M.L. de.* Dissertatio critica, qua Deuteronomium a prioribus libris diversum, alius cuiusdam recensoris opus esse monstratur. Leipzig, 1805.

[Wette de, 1806–1807] — *Wette W.M.L. de.* Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament. Halle, 1806–1807.

[Wette de, 1817] — *Wette W.M.L. de.* Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel. Berlin, 1817.

[Will, Orrieux, 1986] — *Will E., Orrieux C.* Ioudaïsmos-hellénismos. Nancy, 1986.

[Williamson 1979] — *Williamson H.G.M.* Studies in the Historical Books of the Old Testament. Leiden, 1979.

[Zeitlin 1962–1978] — *Zeitlin S.* The Rise and Fall of the Judaeon State in the Second Commonwealth. Philadelphia, 1962–1978. V. 1–3.

[Zevit, 2000] — *Zevit Z.* The Religion of Ancient Israel. Cassell, 2000.

Кузищин Василий Иванович
Дандамаев Магомед Абдул-Кадырович
Козырева Нэлли Владимировна и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Под редакцией В.И. Кузищина

Редактор *Т.А. Феоктистова*
Внешнее оформление *К.И. Мандель*
Технический редактор *Л.А. Маркова*
Корректор *Н.Е. Жданова*
Оригинал-макет *Н.Ю. Комаровой*

Изд. № РИФ-317. Подп. в печать 26.05.08.

Формат 60×88¹/₁₆. Бум. офсетная.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная.

Объем 44,10 усл. печ. л., 44,84 усл. кр.-отт.

Тираж 2000 экз. Зак. № 3252.

ОАО «Издательство «Высшая школа»
127994, Москва, Неглинная ул., д. 29/14, стр. 1.

Тел.: (495) 694-04-56.

<http://www.vshkola.ru>

E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 694-07-69, 694-31-47,

Факс: (495) 694-34-86,

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Ивановская областная типография

153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

E-mail: 091-018@rambler.ru